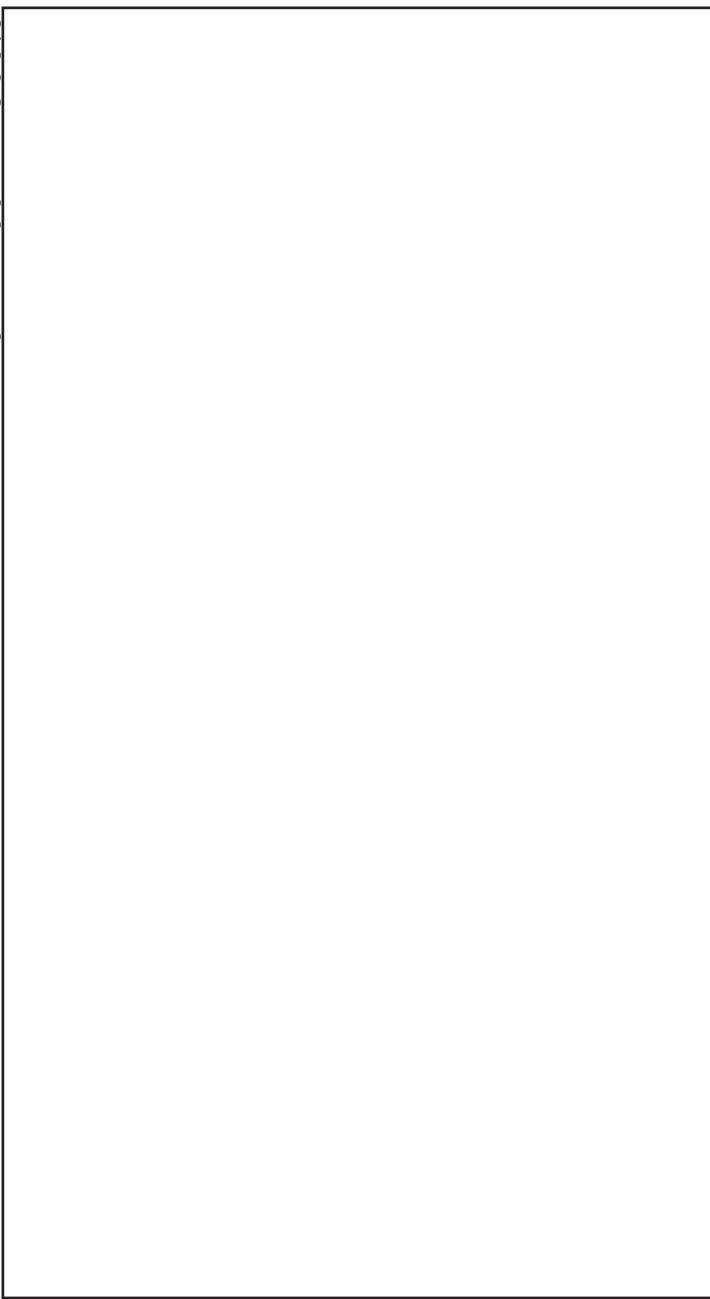

Humanitas

Серия основана в 1999 г.

В подготовке серии принимали участие ведущие специалисты
Центра гуманитарных научноинформационных исследований
Института научной информации по общественным наукам,
Института философии
Российской академии наук

Российская академия наук
Институт научной информации по общественным наукам

Андрей Медушевский

Политическая история русской революции:

нормы, институты, формы
социальной мобилизации
в XX веке

Центр гуманитарных инициатив
Москва-Санкт-Петербург
2017

УДК 11.01
ББК 66.0
М 42

Главный редактор и автор проекта «Humanitas» С.Я. Левит
Заместитель главного редактора И.А. Осиновская

Редакционная коллегия серии:

Л.В. Скворцов (председатель), Е.Н. Балашова, П.П. Гайденок, И.Л. Галинская,
В.Д. Губин, Б.Л. Губман, П.С. Гуревич, А.Л. Доброхотов, Г.И. Зверева, В.К. Кантор,
А.Н. Кожановский, И.В. Кондаков, М.П. Крыжановская, Л.А. Микешина,
Ю.С. Пивоваров, И.И. Ремезова, А.К. Сорокин, П.В. Соснов

Научный редактор: И.И. Ремезова
Серийное оформление: П.П. Ефремов

М 42 **Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке.** М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 656 с. (Серия «Humanitas»)

Книга А.Н. Медушевского – первое системное осмысление коммунистического эксперимента в России с позиций его конституционно-правовых оснований – их возникновения в ходе революции 1917 г. и роспуска Учредительного собрания, стадий развития и упадка с крушением СССР. В центре внимания – логика советской политической системы – взаимосвязь ее правовых оснований, политических институтов, террора, форм массовой мобилизации. Опираясь на архивы всех советских конституционных комиссий, программные документы и анализ идеологических дискуссий, автор раскрывает природу номинального конституционализма, институциональные основы однопартийного режима, механизмы господства и принятия решений советской элитой. Автору удается радикально переосмыслить образ революции к ее столетнему юбилею, раскрыть преемственность российской политической системы дореволюционного, советского и постсоветского периодов и реконструировать эволюцию легитимирующей формулы власти.

УДК 11.01
ББК 66.0

ISBN 978-5-98712-699-8

© С.Я. Левит, автор проекта
«Humanitas», составитель серии, 2017
© А.Н. Медушевский, 2017
© Центр гуманитарных инициатив, 2017

*Моей маме – Светлане Михайловне Медушевской,
показавшей мне различие добра и зла,
и моей тете – Ольге Михайловне Медушевской,
научившей меня понимать его.*

Введение

Феноменология революции: проблемы, методы, источники исследования

Столетие русской революции 1917 г. есть фундаментальный, но не вполне оцененный обществом факт российского национального самосознания, формирования культурной, гражданской и правовой идентичности. Дискуссии по крупнейшим революциям прошлого – английской, американской, Французской, германской, приуроченные к их юбилеям, выполняли роль поиска национального консенсуса в данных странах. Ничего подобного нет в России: во-первых, отсутствует национальный консенсус – социологические опросы показывают сохраняющийся раскол общества (практически пополам) в отношении революции, большевизма, сталинизма и итогов советского эксперимента; во-вторых, не преодолено наследие идеологических стереотипов прошлого, возрождающихся в различных новых модификациях; в-третьих, нет единства в академическом сообществе даже по вопросу о подходах к изучению данного феномена. До настоящего времени в литературе действует система мифов, доставшихся от эпохи революции или сформулированных в последующее время, общая природа которых состоит в подмене доказательных научных выводов метафизическими (идеологизированными) конструкциями.

Весь XX век наполнен полемикой сторонников и противников русской революции, а главная тема – идея социальной справедливости, определявшая (в ее коммунистическом понимании) содержание этики, институтов и политики государства. Революция породила социальный миф – т. е. не подлинную, а изобретенную историю происхождения государства, основанную не на знании, но на вере. Мифологическое сознание в отличие от конструкций, выработанных эмпирическим мышлением и критическим разумом, выражает не знание, но систему символов, принимаемых на веру. Миф как символическое явление, говорит Э. Кассирер, становится мистерией: «его подлинное значение и его подлинная глубина заключается не в том, что он выражает своими собственными фигурами, а в том, что он скрывает». Мифологическое сознание, подобно зашифрованному письму, «понятно только тому, кто обладает необхо-

димым для этого ключом, т. е. тому, для кого особые содержательные элементы этого сознания в сущности не более, чем конвенциональные знаки для “иног”, в них самих не содержащегося¹. Отсюда необходимость толкования мифов – выявления их скрытого смыслового содержания, будь то теоретического или морального. Подобная работа должна быть последовательно проведена в отношении революционного мифа, если мы хотим не просто регистрировать содержание, но понять его смысл. Распространение и длительное существование революционного мифа объясняется тем, что он стал основой советского государства, направленно формировавшего социальный заказ по его поддержанию на всем протяжении своего существования. Содержание мифа определялось постулатами утопической коммунистической (марксистско-ленинской) идеологии, структура была вполне логична (во многом соответствуя структуре религиозного мифа), а функция очевидна – поддержание легитимности однопартийной диктатуры. Динамика развития революционного мифа корректировалась внешними и внутренними системными вызовами.

Определяющее значение получили пять основных интерпретаций, возникших в XX в. и перешедших в современную историографию: идеи сторонников революции (начало новой эры коммунизма во всемирном масштабе); ее противников, прежде всего контрреволюционной эмиграции (революция как катастрофа – «Смута», закончившаяся крушением российской государственности); идеологии сталинизма (создание особой советской государственности нового типа); взгляды, характерные для эпохи «Оттепели» и затем Перестройки (возвращение к истокам революционной идеологии для преодоления исторических искажений и построения «подлинной» социалистической демократии); наконец, представления постсоветских демократических преобразований (радикальное отрицание всего советского наследия во имя демократии западного типа). Логика развития мифа, связанная с динамикой советского режима, прошла путь от преклонения перед революцией в почти сакральном смысле до превращения ее идей в собственную карикатуру и столь же решительного их отрицания. Значение этих идеологических конструкций чрезвычайно велико, поскольку фиксирует этапы развития легитимирующей формулы, однако ни одна из них (в силу метафизического характера) не может быть положена в основу научного знания о революции, подтверждая известную максиму Маркса: нельзя понять смысл исторической эпохи, исходя из того, что она сама думает и говорит о себе и используя терминологию самой эпохи. В целом эти конструкции не способны объяснить, каким образом масштабный революционный социальный

¹Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление. М., 2015. С. 52.

проект, осуществлявшийся с невиданным энтузиазмом и бесчисленными жертвами на протяжении столетия, пришел к своему катастрофическому завершению и почему коммунизм, воспринимавшийся как спасение человечества от социального угнетения, тихо ушел с исторической сцены – не под звуки канонады, а шаркающей походкой старика, переставшего ориентироваться в новых реалиях.

Метод настоящего исследования определяется теорией когнитивной истории, четко обозначившей смену парадигм в историческом познании – переход от нарративной (описательной) истории к истории как строгой науке, которая видит решение проблемы доказательности в изучении целенаправленной человеческой деятельности². Развиваясь в эмпирической реальности, данная деятельность неизбежно сопровождается фиксацией ее результатов созданием интеллектуальных продуктов или вещей (выступающих с позиций исторической науки в качестве источников, намеренная и ненамеренная информация которых может быть расшифрована исследователем для получения достоверного знания о прошлом)³.

«Причину смены парадигм, – писала О.М. Медушевская, – теоретики видят в неспособности старой теории ответить на вызов логики эксперимента или наблюдения. Соотнеся это положение с ситуацией в гуманитарном знании XX в., можно видеть причину смены парадигм в исторической науке в неспособности нарративистской истории ответить на вызовы глобального миропорядка; нарративы противостоят друг другу, но ничего не объясняют. Неэффективен нарратив и в объяснении феномена информационного пространства технологий: слова и вещи утрачивают привычную связь, возникает новый информационный

²Основы данного подхода представлены в книгах создателя теории когнитивной истории: *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М., 2008; *Она же.* Теория исторического познания: Избранные произведения. СПб., 2010; *Она же.* Пространство и время в науках о человеке: Избранные труды. М.; СПб., 2013.

³Когнитивная история: концепция, методы, исследовательские практики. Чтения памяти профессора О.М. Медушевской. М., 2011; *Круглый стол* по книге О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // *Российская история.* 2010. № 1. С. 131–166; *Человек: образ и сущность. Когнитология и гуманитарное знание.* М., 2010; «Знание о прошлом в современной культуре»: *Круглый стол* // *Вопросы философии.* 2011. № 8. С. 3–45. *Диалог культур: когнитивная теория и аналитическая история* // XI Международные Лихачевские научные чтения 12–13 мая 2011 г. СПб., 2011. Т. 1. С. 362–365. *Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания. Сборник памяти Ольги Михайловны Медушевской.* М., 2008; *Строгая и точная наука. Беседа с главным редактором журнала «Российская история»* // *История. Научно-методический журнал для учителей истории и обществоведения.* 2011. № 16 (Ноябрь). С. 32–35; *Дискуссия по вопросам теории когнитивной истории О.М. Медушевской и формированию научной картины мира отражена в серии статей. См.: Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.* Вып. 44. М., 2013; *Гуманитарное знание и вызовы времени.* М., 2014.

универсум, а глубинный порядок вещей, связь слов и вещей на фундаментальном общечеловеческом уровне не поддается традиционным объясняющим схемам»⁴. Ответом на этот глобальный вызов стала теория когнитивной истории в гуманитарном (историческом) познании. Можно признать, что речь идет действительно о новой парадигме, дающей объяснение исторического опыта и раскрывающей причины провала традиционной нарративистской историографии в его изучении (одной из ее разновидностей являлась концепция, опиравшаяся на примитивизированный экономический материализм). Пересмотр этих представлений на рубеже XX–XXI вв. составляет стержень динамики современного научного познания⁵.

Суть когнитивной теории – понимание психологической мотивации и установок поведения людей в истории на основе реконструкции информации источников – интеллектуальных продуктов целенаправленной человеческой деятельности. Новизна концепции обеспечивается синтезом достижений классической философии истории, когнитивных наук и информатики, в том числе всего, что связано с теорией искусственного интеллекта, представлениями структурной лингвистики и антропологии⁶. Для исторической науки концепция чрезвычайно важна обоснованием доказательного характера исторического познания, открытием новых методологических подходов к исследованию прошлого и, одновременно, предложенными методиками их анализа⁷. Тезис О.М. Медушевской

⁴Медушевская О.М. Теория исторического познания: Избранные произведения. СПб., 2010. С. 333.

⁵О формировании теории и методологии когнитивной истории см.: О.М. Медушевская // Историки России. Иконография. М., 2015. Кн. 3. М., 2015. С. 264–279. См. также: Ольга Михайловна Медушевская: интеллектуальный портрет // Медушевская О.М. Пространство и время в науках о человеке. М.; СПб., 2013. С. 7–48.

⁶Чернобаев А.А. Преимущество и новаторство русской историографической традиции XX – начала XXI в. (Размышления о книге О.М. Медушевской «Пространство и время в науках о человеке» // Клио. Журнал для ученых. 2014. № 5 (89). С. 145–147.

⁷Переломное значение теории О.М. Медушевской в современной историографии отражено в ходе обсуждения ее идей: Миронов Б.Н. Новая апология истории (размышления над книгой О.М. Медушевской) // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 139–148; Казаков Р.Б., Румянцева М.Ф. О.М. Медушевская и формирование российской школы теоретического источниковедения // Российская история. 2009. № 1. С. 141–150; Шелохаев В.В. Теория и методология когнитивной истории О.М. Медушевской // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 163–164; Плискевич Н. «В историческом процессе всего интереснее человек...» О.М. Медушевская. Пространство и время в науках о человеке // Знамя. 2014. № 9; Мануильский М.А. Пространство и время в науках о человеке (о книге О.М. Медушевской) // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84. № 12. С. 1140–1141; Ионов И.Н. Проект «когнитивной истории»: археология и экология идей (Размышления над очередной публикацией работ О. Медушевской) // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 84–95 и др.

об истории как строгой и точной науке понятен только в контексте интереса русской и мировой науки XX в. к психологии, антропологии и компаративистике – выявлению сопоставимых индикаторов структурных и функциональных изменений в истории⁸. Обсуждение этих вопросов в марксистской, структуралистской и бихевиористской историографии сделало возможной саму постановку проблемы взаимосвязи информационных процессов, конструирования реальности, формирования социальных установок в прошлом и настоящем.

Определяющее значение приобретает раскрытие структуры информационного обмена: реконструкция информационной картины мира и основанной на ней социальной реальности в истории – стереотипов восприятия действительности; параметров социальной и когнитивной адаптации индивида в условиях исторических изменений, мотивации человеческого поведения⁹. Выясняются факторы, определяющие вариативность поведенческих установок, механизмы реализованного выбора, устанавливается смысл конкурирующих стратегий направленных социальных изменений в истории и современности. С этих позиций становится возможным моделирование исторических процессов, их типология и определение вклада в социальную трансформацию.

Принципиальный недостаток современной интернациональной историографии революции заключается именно в том, что она (при огромном количестве конкретных исследований) по-прежнему вращается в кругу идей и представлений самой революции, выдвигая в качестве обоснования своих положений одну из идеологических конструкций революционного мифа или их комбинации. Последовательная смена основных трендов в мировой историографии в виде перехода от классического направления критики революции (воспроизводящего в основном представления русской либеральной эмиграции) к ее так называемой социальной истории (неточно определяемой как «ревизионизм»), постулировавшей неизбежность революции, и от нее к современным постмодернистским подходам – прекрасно иллюстрирует эту ситуацию. С крушением СССР и мирового коммунизма выяснилась неадекватность этих схем и был остро поставлен вопрос о необходимости пересмотра концепции русской

⁸Сабенникова И.В. Теория когнитивной истории О.М. Медушевской: точное гуманитарное знание и профессиональный выбор научного сообщества // Вестник РУДН. Серия История России. 2015. № 2. С. 17–27.

⁹Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 70–92; Он же. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. 2009. № 4. С. 3–22; Он же. Когнитивная теория права и юридическое конструирование реальности // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 5 (84). С. 30–42; Он же. Российская социологическая мысль: ключевые концепции в свете когнитивной теории // Мир России. 2015. № 3 (т. 34). С. 108–132.

революции¹⁰. Его частью стало появление воспоминаний крупных представителей исторической науки старшего поколения или трудов о них, раскрывающих формирование их взглядов и мотивированные оценки предложенных концепций¹¹. Однако этот пересмотр, осуществляемый в настоящее время преимущественно в рамках так называемой «новой культурной истории», до сих пор не дал убедительных и обнадеживающих результатов. Приверженность сторонников данного направления философии постмодернизма определила методологический релятивизм, «плюрализм» подходов, камуфлирующий отсутствие метода, подмену доказательных выводов различными мнениями исследователей (поиск «смыслов» вместо доказательного установления смысла в единственном числе), господство описательности – такая дешифровка текстов (в виде игры дискурсов) и их семантическая интерпретация, при которой один нарратив (источника) легко подменяется другим нарративом (самого исследователя). В результате «открытие архивов» революции в 1990-е годы, о котором страстно мечтали представители предшествующих этапов развития историографии, не привело к сколько-нибудь существенному продвижению в концептуальном отношении. В новейшей историографии революции констатируется общее недоверие к теории, стремление уклониться от решения общих вопросов, эмпиризм (иногда в виде фетишизации архивов), подмена аналитических выводов описанием, наконец, утрата достижений предшествующих научных школ. Вся эта историография, по меткому наблюдению ее новейшего систематизатора, «окутана облаком интеллектуальной инерции»¹².

В современной российской историографии не предложено ни одной концепции революции, которая бы выходила за рамки ее объяснения современниками событий¹³. Объяснение этой историографической ситуации заключается в господстве устаревших методологических подходов, которые схематически могут быть сведены к трем основным: детерминистской концепции исторического материализма (в сущности –

¹⁰*Beyond Soviet Studies*. Washington, 1995; *Soviet and Post-Soviet Russia in a World in Change*. Lanham, 1994; *Constructing Russian Culture in the Age of Revolution, 1881–1940*. N.Y.; Oxford, 1998; *Reinterpreting Russia*. L., 1999; *The Russian Revolution: The Essential Reading*. L.; Toronto, 2001; *Imperial and National Identities in Pre-revolutionary Russian, Soviet, and Post-Soviet Russia*. Helsinki, 2002; *Late Imperial Russia: Problems and Prospects*. N.Y., 2005; *Russia in the European Context 1789–1914: A Member of the Family*. N.Y., 2005; *Reinterpreting Revolutionary Russia*. Palgrave, 2006.

¹¹*Beloff M. An Historian in the Twentieth Century: Chapters in Intellectual Autobiography*. New Haven, 1992; *Ideas, Intellectuals, and Ideology in Russian History*: Los Angeles, 1993; *Dukes P. Fifty Years of Russian History // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления*. М., 2010.

¹²*Smith S. Writing the History of the Russian Revolution after the Fall of Communism // The Russian Revolution; The Essential Readings*. L.; Toronto, 2001. P. 265.

¹³*Аналитическая история // Отечественная история*. 2008. № 5. С. 3–18.

разновидности позитивизма); консервативным цивилизационным и геополитическим теориям, постулирующим неизменность и безальтернативность исторического развития цивилизаций (и отдельных стран) в прошлом и настоящем (вплоть до неизменного «генетического кода» разных цивилизаций); постмодернистским учениям, отрицающим или релятивизирующим значение рационального научного познания и представляющим исторические конструкции как продукт искусства – субъективного видения истории, которое может произвольно заменяться другим по мере необходимости. Различные теории «конца истории», «войн цивилизаций», «волн демократизации», связанные с ними предрассудки о существовании некоей цивилизационной «исторической матрицы», «колеи», «русской системы» и т. п. – только укрепляют эти представления, не выходя за рамки «социально-психологического детерминизма» и линейной версии исторического процесса¹⁴.

Методологический порог этих теорий состоит в психологическом детерминизме (сменившем экономический детерминизм). Фактически речь идет о том, что преемственность исторической традиции определяется не сохранением институтов, а воспроизводством определенных психологических стереотипов в виде так называемой «исторической памяти». Но с позиций современной когнитивной психологии память – вообще очень неопределенная и изменчивая категория. Если это справедливо в отношении индивидуальной памяти, то тем более – в отношении коллективной или «исторической» (некоторые ученые не без основания сомневаются в самой правомерности понятия «коллективной памяти»). Формы фиксации информации в памяти чрезвычайно различны (выделяют, например, семантическую память, эпизодическую, лексическую и т. д.). Основная функция исторической памяти – символическая. Она вытесняет функцию полноценного информационного ресурса и подменяет смысл исторических процессов искаженными (мифологизированными) представлениями о них. Столь же спорна отсылка к так называемому «историческому опыту» «народов» и его влиянию на принимаемые решения. Опыт вообще, а тем более «коллективный» и «исторический», по большому счету, противостоит знанию. Критика исторического опыта, если она не выходит за рамки его описания, в сущности, повторяет этот путь. Мы по нашему опыту можем заключить, что Солнце вращается вокруг Земли. Но наука утверждает обратное – Земля вращается вокруг Солнца. Если это наблюдение справедливо в физике и астрономии, то почему оно несправедливо в истории, в частности – изучении правовой и политической традиции? Настойчивое воспроизводство положений доктрины психологического

¹⁴ *Медушевский А.Н.* К критике консервативной политической романтики в постсоветской России // *Российская история*. 2012. № 1. С. 3–16.

детерминизма связано с известным законом экономии мышления: гораздо легче взять готовые схемы из прошлого (или более рафинированных культур) для объяснения российского общества современного периода, нежели попытаться найти новые понятия для того, чтобы определить специфику современных процессов. Это очень облегчает «объяснение», но мало продвигает нас в познании смысла явлений.

Очевидно, что эти подходы идут вразрез с задачами современной глобальной истории, отстаивающей отказ от методологического детерминизма в пользу вариативной картины прошлого, пересмотр линейной версии исторического процесса (характерной для традиционных эволюционистских концепций); отказ от объяснения одной культуры понятиями, механически взятыми из другой (что было свойственно для европоцентризма) и настаивающей на разработке универсальных и ценностно нейтральных понятий, открывающих перспективу доказательного сравнительного анализа исторического процесса разных стран. В результате в современной российской историографии мы имеем постоянный «конфликт интерпретаций»: доказательное знание подменяется идеологическими схемами интерпретаций, сторонники различных позиций не могут прийти к единым непротиворечивым выводам, научная традиция (если понимать ее как преемственность школ) — отсутствует, а ключевые концептуальные выводы просто заимствуются из прошлого или иностранной литературы (опирающейся в значительной степени на опыт национальных революций). Заявляя о необходимости вернуться к «объективной» истории революции для преодоления идеологических крайностей и раскрытия ее «подлинной» природы, причин и следствий, эта историография не предлагает новой методологии, во многих отношениях остается в плену старых советских стереотипов, воспроизводя их с помощью иного понятийного инструментария¹⁵. В этом нет ничего удивительного, поскольку «переосмысление» русской революции в постсоветский период было начато и осуществлялось преимущественно рыцарями холодной войны, стремившимися доказать правильность своих предшествующих взглядов и в новых условиях поддержать их легитимность в научном сообществе¹⁶. Реставрационный тренд в историографии отражен адептами этих идей в ходе последних дискуссий по истории революции¹⁷. Утратив привычное равновесие в силу вынужденного отказа от марксизма, представители традиционной советской историографии охотно говорят о «кризисе исторической науки», не да-

¹⁵Россия на рубеже XXI в.: Оглядываясь на век минувший. М., 2000.

¹⁶Россия 1917 год: выбор исторического пути (Круглый стол историков Октября 22–23 октября 1988 г.) / Отв. ред. член-корр. АН СССР П.В. Волобуев. М., 1989.

¹⁷Февральская революция 1917 года в российской истории: Круглый стол // Отечественная история. 2007. № 5; Октябрьская революция и разгон Учредительного собрания: Круглый стол // Отечественная история, 2008. № 6.

вая себе труда разрабатывать вопросы методологии гуманитарного познания на уровне понимания смысла и с нескрываемым раздражением встречая все попытки такого рода¹⁸. Следствием является принципиальный историографический факт: по прошествии столетия мы не имеем полноценных российских трудов по политической и конституционной истории русской революции¹⁹. Где современные российские Ф. Гизо, А. Токвиль, А. Олар, или ревизионистская школа Ф. Фюре, давшие доказательную конституционную историю Французской революции? Исправить эту ситуацию – задача данного исследования.

Когнитивный метод создает новую перспективу в изучении революции. Политическая история революции предстает как направленная деятельность по конструированию новой социальной реальности: определение ее форм; фиксация их смены в основных политико-правовых документах, принятие которых неизбежно отражает значимые изменения информационной картины общества. Анализ их разработки, принятия и функционирования позволяет, следовательно, реконструировать когнитивную логику революционного процесса. Данный подход позволяет связать воедино ряд основных компонентов социального конструирования реальности – идеологические установки партий, выражающие их правовые ценности, принципы и нормы, созданные на их основе политические институты, каналы коммуникации (информационный обмен, как непосредственный, так и опосредованный), установить соотношение имитационной информационной деятельности (выдвижение декларативных лозунгов) и реальной (недекларируемых, но подразумеваемых целей), раскодировать подлинный смысл установленных правил и норм, раскрыть процессы формальной и неформальной институционализации, инструменты установления и поддержания когнитивного доминирования элиты в обществе.

Предметом данного исследования является содержание, структура и динамика конституционных принципов, факторы их содержательной

¹⁸Отражение этой ситуации зафиксировано в обобщающих исследованиях: Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М., 2011; Исторические исследования в России. Пятнадцать лет спустя. М., 2011. См. также: *Медушевский А.Н.* Научное сообщество и его критики: старые обиды, новые разочарования и незавершенный поиск идентичности // *Российская история*. 2012. № 4. С. 203–208.

¹⁹Никакому здравомыслящему человеку не придет в голову изучать историю русской революции, например, по трудам академика Минца или его «школы», равно как представленному ныне ИРИ РАН «Историко-культурному стандарту». До настоящего времени наиболее востребованными и цитируемыми работами о революции у нас остаются труды иностранных авторов: *Кэпп Э.* История Советской России. Большевицкая революция. 1917–1923. М., 1990. Т. 1–2; *Верт Н.* История Советского государства. М., 1998; *Хоскинг Дж.* История Советского Союза 1917–1991. М., 1995 и др. См.: *Медушевский А.Н.* Революция и реформа в концепции русского исторического процесса нового и новейшего времени // Историческое знание как фактор развития. М., 2014.

трансформации и вклада в формирование общественных отношений. Каждый из них характеризуется информационным единством трех параметров – ценностей, норм и их толкования, выступает единицей направленного конституционно-правового регулирования и одновременно индикатором его осуществления. Проблема усматривается именно там, где предшествующая литература видела ее решение – в механизмах конструирования соответствующих принципов (под влиянием политических, юридических, социально-психологических факторов). Суть подхода – в выяснении смысла конституционных решений: каковы их когнитивные детерминанты; какие модели стали предметом анализа разработчиков; что было принято и отвергнуто; какая модель в итоге была положена в основу и почему; как соответствующие конституционные принципы трансформировались под воздействием практики применения²⁰. Это исследование призвано дать ответ на классические вопросы историографии революций: причины крушения российского старого порядка, соотношение мессианской утопии и реальности; факторы, определившие выбор модели общественного развития, эволюция легитимирующей формулы революционного режима, соотношение демократии и авторитаризма на разных стадиях, преемственность и разрыв дореволюционного, советского и постсоветского правового и институционального развития, вариативность стратегий переходного периода и перспектив его завершения.

Следует подчеркнуть, что этот классический ряд вопросов, находящийся в центре внимания исследователей при изучении европейских революций XVIII–XIX вв., оказался очень слабо разработан применительно к русской революции²¹. Этот вывод относится к сравнительным исследованиям революций Нового и Новейшего времени, акцентирующим внимание на выявление структуры социального конфликта, формы массовой мобилизации, его институциональное выражение и социальную природу революционного протеста и роль насилия с позиций теории модернизации²². В интернациональной литературе о русской революции кон-

²⁰Данный подход представлен в литературе о крупнейших конституциях ряда стран: *Constitution Makers on Constitution Making. The Experience of Eight Nations*. Washington, 1988. *L'écriture de la Constitution de 1958*. Paris, 1992; *Sartori G. Comparative Constitutional Engineering. An Inquiry Into Structures, Incentives and Outcomes*. L., 1994; *Designs for Democratic Stability. Studies in Viable Constitutionalism*. N.Y., 1997.

²¹*Blackey R.* (Ed.). *Revolutionists. A Comprehensive Guide to the Literature*. Oxford, 1982. О русских революциях: С. 158–178.

²²*Brinton C.* *The Anatomy of Revolution*. N.Y., 1952; *Moore B.* *Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Making of Modern World*. Boston, 1967; *Scocpol T.* *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge, 1980; *Tilly Ch.* *European Revolutions. 1492–1992*. Oxford; Cambridge, 1993.

ституционная проблематика занимает в целом сравнительно небольшое место²³. Как правило, обращение к ней носит вспомогательный характер, иллюстрируя внешние параметры эволюции идеологии и динамики политического процесса. Еще меньше число специальных исследований, посвященных разработке и принятию важнейших конституционных актов, внутриэлитным спорам, которые их сопровождали, и альтернативным стратегиям обсуждения и принятия документов²⁴. Остался не решен вопрос о том, мог ли абсолютизм трансформироваться в конституционную монархию и правовое государство без распада государства и революционных конвульсий начала XX в. или страна была обречена на этот срыв²⁵. Этот спор практически с тем же набором позиций «оптимистов» и «пессимистов» представлен и в отношении современной постсоветской трансформации России²⁶. Они относятся в основном к началу и концу существования СССР, когда конституционная дискуссия имела вполне определенный политический эффект. Эта ситуация объяснима психологически – связана с понятным отрицанием за советскими конституциями значения подлинных правовых документов, которые просто камуфлировали антиправовую ситуацию коммунистической диктатуры. Советская историография этой проблематики, как историческая, так и правовая (очень значительная в количественном отношении), также не может быть признана полноценным ориентиром в разработке этих вопросов, хотя и по принципиально иной причине. При общей табуизации реальной конституционной дискуссии она выполняла в основном идеологические (легитимирующие) функции, или чисто технические (создания правового инструментария для выражения политических установок власти). В целом значение этой литературы и вклада юристов в полноценное обсуждение конституционализма нивелировалось отрицанием самостоятельного значения права как «формально-юридического» явления, которое может иметь значение только при условии его классовой и партийной интерпретации. Именно с этих позиций советская школа в лице ее наиболее видных представителей 1920-х годов оказала влияние на мировую и европейскую (прежде всего германскую) правовую мысль, вписываясь в авторитарный тренд критики теории естественного права, гражданского общества, парламентаризма и либерализма²⁷. Исключением из правила

²³The Russian Provisional Government. 1917. Documents. Selected and edited by R.P. Browder and A.F. Kerensky. Stanford Univ Press. Stanford, California, 1961. Vol. I–III; The Russian Revolution and the Soviet State. 1917–1921. Documents. Selected and Edited by Mc Cauley. L., 1975; The Rise and Fall of Soviet Union. A Selected Bibliography of Sources in English. L., 1992.

²⁴Butler W. Russian Law. London; Oxford, 2009.

²⁵Late Imperial Russia: Problems and Prospects. N.Y., 2005.

²⁶Power and Legitimacy – Challengers from Russia. L.; N.Y., 2012.

²⁷Juristen. Ein Biographisches Lexikon. Von der Antike bis zum 20. Jahrhundert. München, 1995.

становились закрытые внутриэлитные дискуссии с участием юристов, где собственно правовые аргументы рассматривались с точки зрения их практических следствий для режима.

Компенсировать эти историографические диспропорции отчасти помогает обращение к трудам русских ученых-эмигрантов, давших прекрасные образцы юридического анализа советского режима во взаимодействии с анализом его реального функционирования²⁸. Эта группа исследователей, работавших в разных странах мира, опиралась на классические традиции русской дореволюционной юридической школы (создавшей правовые факультеты основных университетов империи), разделяла ценности западной демократии и прав человека, отличалась чрезвычайно высоким уровнем гуманитарной культуры и образования (что позволяло аккумулировать достижения мировой правовой мысли и создать ряд новых школ в иностранных университетах), активно участвовала в политической деятельности периода революций начала XX в. и Гражданской войны, разработав ряд выдающихся проектов конституции и политического устройства страны после предполагаемого свержения большевизма. Однако научная и общественно-политическая активность этой части русской эмиграции приходится в основном на 1920–1930-е годы, а последующий отрыв от советских реалий сделал ее менее восприимчивой к анализу последующих советских конституционно-правовых экспериментов²⁹. В эпоху холодной войны на первое место выдвигались проблемы идеологического противостояния систем, и вопросы юридического анализа теряли актуальность. Таким образом, по совершенно разным причинам был достигнут один общий результат: образовалась зияющая лакуна в изучении той конституционной проблематики русской революции, которая составляет стержень политической истории всех крупных революций и вообще социальных преобразований. Правы, поэтому, те современные исследователи, которые утверждают, что политическая история русской революции в сущности еще не написана³⁰. Предстоит большая работа по разработке методологии и понятийного аппарата данных исследований (учитывая специфику советского права); выявлению и систематизации документального материала, реконструкции основных форм и этапов советского политико-правового регулирования, выяснению его подлинного места в русской правовой традиции.

С позиций когнитивного метода возможна новая интерпретация ключевых понятий. Под *революцией* будем понимать радикальное изменение информационной картины мира – преодоление когнитивного дис-

²⁸Алексеев Н.Н. Право советской России. Сб. ст. Вып. 1–2. Прага, 1925; Timashev N.S. Grundzüge der Sowjetverfassung. Heidelberg, 1925; Тимашев Н.С. Политическое и административное устройство СССР. Париж, 1931.

²⁹Зарубежная Россия, 1917–1939. СПб., 2000.

³⁰Fitzpatrick Sh. The Russian Revolution. Oxford, Univ. Press, 2008.

сонанса общества путем насильственного изменения государственного строя, сопровождающееся фундаментальным пересмотром принципов его политической конституции и легитимирующей формулы режима. В основе революционного процесса лежит когнитивный диссонанс – разрыв между действующим позитивным правом Старого порядка и представлениями общества (или значительной его части) о социальной справедливости (составляющими содержание мессианской революционной идеи). Революция, следовательно, начинается с отказа от старых конституционных принципов во имя утопической теории справедливости, ведет к насильственному разрушению старой системы правовых норм и институтов, сопровождается активным поиском новых форм общественной организации, а ее завершением становится закрепление этих ценностей, принципов и норм в новой политической конституции, становящейся идеологическим воплощением мессианской идеи (революционного мифа). Корректировка этой идеи под воздействием меняющейся социальной действительности не означает отказа от самого основополагающего мифа. Революция продолжается до тех пор, пока этот миф не отбрасывается или заменяется другим, закладывающим основу нового политического и правового порядка. Под *контрреволюцией*, исходя из этого, следует понимать программу столь же решительного отказа от революционного мифа и основанной на нем политической системы путем восстановления правовой системы и институтов Старого порядка. Успех контрреволюции означает завершение революционного эксперимента фазой *реставрации* – символического восстановления Старого порядка с его легитимирующей формулой, но неизбежной частичной корректировкой правовой системы для преодоления когнитивного диссонанса, послужившего стимулом революционного переворота. Под *реформой* следует понимать принятие новых информационных ориентиров в результате ненасильственного изменения государственного строя – его корректировку без радикального пересмотра политической конституции и легитимирующей формулы. Социальный конфликт (психологическую травму растущего когнитивного диссонанса) удастся преодолеть путем модификации идеологических постулатов, действующей политической конституции или частичной модификации легитимирующей формулы. *Контрреформа* – корректировка программы реформ в силу утраты ею информационной адекватности в представлении правящей элиты.

При таком подходе снимается традиционное противопоставление таких явлений как революция и реформа, с одной стороны, и реформа и контрреформа – с другой: они различаются методами осуществления преобразований, их направленностью или результатами, но не фазами когнитивно-информационной деятельности. *Программа преобразований* –

совокупность общих когнитивных установок социальных реформаторов, связанных с ценностями, целями и представлениями о способах их достижения; *доминирующий проект* – окончательный документ, фиксирующий смысл, цели и порядок проведения преобразований, положенный в основу их практического осуществления; *стратегия преобразований* – совокупность когнитивных установок, которыми реформаторы руководствуются для достижения поставленных целей; *технологии преобразований* – совокупность формальных и неформальных правовых и институциональных практик, используемых для когнитивной адаптации общества к реформам на конкретном временном отрезке осуществления; *стиль преобразований* – особенности их общего когнитивного дизайна, выражающие повторяющееся сочетание их универсальных параметров и национальной специфики. *Понятие успеха (или эффективности) преобразований* в рамках когнитивного подхода имеет свои ограничения и состоит в ответе на вопрос – удалось ли реформаторам реализовать свой первоначальный замысел (доминирующий проект)³¹.

Все три ключевых понятия данного исследования – революция, контрреволюция и реформа – с когнитивной позиции представляют собой различные типы саморегуляции общественного сознания, границы между которыми условны, поскольку сходные социальные цели могут быть достигнуты различными методами – радикальное социальное переустройство возможно как в более, так и в менее затратных формах, с разной степенью деструкции правовой системы и масштабами применения насилия. В идеале радикальные изменения могут осуществляться путем реформ, способных реализовать содержание революционного проекта, не обращаясь к его деструктивным методам. Однако на практике осуществление данного вектора затруднено консерватизмом, примитивизмом и негибкостью массового сознания: оно должно пройти негативный революционный опыт для того, чтобы конвертировать этот опыт в знание – отказаться от его применения в будущем.

Предлагаемая нами *типология революций* основывается на критерии соответствия их доминирующего проекта задачам когнитивно-информационного регулирования в обществе. Определяющее значение имеет соответствие их стиля мировому мейнстриму и соответствие доминирующего проекта задачам поддержания когнитивного контроля элиты в обществе. *Мейнстрим* в данном контексте – это общая картина мира определенной эпохи (или претендующая стать таковой): совокупность идей и выражающих их институциональных моделей известного исторического периода, т. е. устойчивых представлений об организации об-

³¹Обоснование этого понятийного ряда см.: Медушевский А.Н. Российские реформы с позиций теории когнитивной истории: система понятий, типология, технологии осуществления // Вопросы экономики. 2016. № 3. С. 131–160.

щества будущего, лежащих в основе когнитивного доминирования элиты преобразований, независимо от того, насколько они осуществимы в текущей перспективе. Речь идет о некоторой теоретической конструкции картины мира (утопической или научной), позволяющей связать прошлое, настоящее и будущее человечества, выстроить соотношение универсальных и национальных форм, объяснить накопленный опыт и установки целенаправленных изменений относительно универсально значимой цели. То, что на деле данная теоретическая конструкция является субъективной, может оказаться иррациональной и нереализуемой на практике, не отменяет того факта, что она служит общим ориентиром для инициаторов социальных преобразований разных стран мира.

Революции подразделяются, во-первых, по масштабам информационного конструирования реальности – создают ли они новую картину мира (мессианская идея для всего человечества или отсутствие таковой), выстраивают новую национальную идентичность или ограничиваются пересмотром системы в рамках существующей (традиционное деление на «великие» и «обычные» революции, граничащие с «регулярными» преобразованиями); во-вторых, по степени соответствия мировому мейнстриму – могут противостоять ему, осуществляться в его рамках или отклоняться от него при общем сходстве тенденций; в-третьих, по характеру информационного обмена с внешней средой – предполагается учет разработчиками проектов иностранного происхождения («европеизация») или, напротив, отказ от него (идея «самобытности» и «особого пути» в различных исторических модификациях); в-четвертых, по степени когнитивно-информационного контроля революционной элиты над обществом – носит он тотальный или ограниченный характер (т. е. допускает существование альтернативных источников информации); в-пятых, по степени завершенности когнитивной адаптации общества к революционным изменениям – прошли они полный цикл смены фаз когнитивной адаптации общества и доминирования соответствующих групп элиты или были оборваны в результате внешнего вмешательства; в-шестых, по характеру смены психологических установок – спонтанному или направляемому извне, методам фиксации данной смены – в какой степени она отражена в идеологических программах, правовых документах и устойчивых практиках поведения; наконец, в-седьмых, по степени успешности социальных преобразований (удалось им реализовать цели доминирующего проекта или они потерпели поражение в этом)³².

В рамках данного подхода русская *революционная модель социальных преобразований*, безусловно, противостоит логике предшеству-

³²Эти позиции обобщены в сводных энциклопедических изданиях: Российская цивилизация. М., 2001; Общественная мысль России XVIII – начала XX века. М., 2005; Общественная мысль русского зарубежья. М., 2009.

ющих и последующих реформационных инициатив: доминирующий революционный проект создавал новую картину мира – выдвинул мессианскую идею и преследовал утопические цели (возвращение коммунизма во всемирном масштабе); противостоял мировому мейнстриму (отрицая современные формы демократии, рыночной экономики и правового государства), а потому (при всей радикальности осуществляемых социальных преобразований) неизбежно вел к ретрадиционализации (восстановлению архаичных социальных и политических порядков); его реализация привела к максимальному подавлению информационного обмена с внешней средой и установлению информационного контроля над обществом, изолировав его от альтернативных источников информации; прошла полный цикл смены фаз когнитивного доминирования революционной элиты – от его установления (с насильственным уничтожением всех оппозиционных партий – альтернативных центров информационного доминирования) до полной деградации и крушения; оказалась способной повернуть спонтанное развитие революционного процесса в русло его направленного государственного регулирования; дала исключительно четкую фиксацию всех его этапов в политических конституциях и программных модификациях легитимирующей формулы; но закончилась провалом: цели базового революционного проекта (создание бесклассового общества) не получили реализации³³.

Это позволяет решить *вопрос о границах и периодизации истории революции*. В мировой литературе отсутствует единый подход к проблеме: одни исследователи продолжают оперировать марксистской схемой периодизации революционного процесса в соответствии с подразумеваемым изменением баланса классовых сил, другие оперируют этапами политической истории, третьи усматривают решение проблемы периодизации в изменении сознания общества. В результате одни исследователи понимают русскую революцию XX в. как единый процесс социальной трансформации, проходящий в несколько стадий, другие предпочитают говорить о революциях во множественном числе – выделяют три революции начала XX в. (1905 г., Февральскую и Октябрьскую революции 1917 г.) или увеличивают их число до пяти (добавляя сталинскую революцию 1930-х годов и перестройку 1985–1990 гг.). Нет поэтому единства в определении конца революции: для одних это – время окончания Гражданской войны и консолидации большевистского режима или его трансформация (с созданием СССР и переходом к новой экономической политике в 1920-е годы), для других – консолидация сталинского режима. Третьи вообще считают, что революция заканчивается тогда, когда ее идеология трансформируется в миф или когда умирают последние носители этой идеологии – активные ее участники.

³³Революционная мысль в России XIX – начала XX века. М., 2013.

В рамках отстаиваемого нами когнитивного подхода вопрос о периодизации русской революции решается с позиций реконструкции революционной традиции на всем протяжении ее существования – от утверждения системообразующего революционного мифа в качестве легитимирующей основы режима до отказа от него. С этих позиций русская революция вполне вписывается в концепцию «долгого XX века», а ее этапы, фиксируемые в политических конституциях, отражают стадии формирования современного российского общества и его политической системы. Этот подход представлен в историографии крупнейших национальных революций – Английской и Американской, заложивших основы современной демократии западного типа. Последующее развитие этих стран, несмотря на кризисы и войны, опиралось на устойчивые элементы преемственности этой политико-правовой традиции, наполняя ее новым социальным содержанием³⁴. Обращаясь к истории Французской революции, исследователи раскрывают единство революционной традиции, выраженное в преемственности революционного мифа и его идеологического обоснования на разных стадиях эволюции государственности. Так, начавшись в 1789 г., Французская революция с ее ключевыми принципами свободы, народного суверенитета и разделения властей, по мнению ряда исследователей правовой традиции, в сущности, не прекращалась до создания современной Пятой республики (1958)³⁵. В целом Французская революция изначально вращалась вокруг идей конституционализма, различные интерпретации источников и содержания принципов которого составляли основу мобилизации сторонников основных политических партий³⁶. Мексиканская революция, как считают ее новейшие исследователи, начавшись с конституционного переворота 1910 г., закончилась лишь в конце XX в.³⁷. Китайская революция, начавшись с крушения монархии в 1911 г. и пройдя ряд этапов, сходных с русской (и под ее непосредственным влиянием), по-видимому, не закончилась до настоящего времени в силу сохранения коммунистической идеологии как легитимирующей основы однопартийного режима³⁸. Иранская революция 1979 г., продемонстрировав, несмотря на свой исламский характер, ряд поразительных черт

³⁴ *The Revolution, the Constitution, and the America's Third Century*. Philadelphia, 1976. Vol.1–2; *Wood G. The Creation of the American Republic 1776–1787*. North Carolina, 1998.

³⁵ *Chevallier J.J. Histoire des institutions et des régimes politiques de la France (de 1789 a nos jours)*. Paris, 1986.

³⁶ *Constitution // Dictionnaire Critique de la Révolution Française. Institutions et Créations*. P., 1992; P. 98–99; *Doyle W. Origins of the French Revolution*. N.Y., 1980.

³⁷ *Knight A. The Mexican Revolution*. Cambridge, 1987, Vol. 1–2; *Krauze E. Biografía del poder. Caudillos de la revolución Mexicana (1910–1940)*. Mexico, 2006.

³⁸ *Bianko L. Les origins de la révolution Chinoise, 1915–1949*. Paris, 1967; *Fairbank J.K., Goldman M. China. A New History*. Cambridge; L., 2006.

сходства одновременно с французской и русской, позволила сформулировать аналогичные вопросы о природе революционного режима, причинах его устойчивости и направлениях трансформации в будущем³⁹.

Сформулировав исходные постулаты идеологического символа веры и зафиксировав их в ходе Учредительных собраний и в Основных законах, революции затем длительное время корректировали их во имя согласования с меняющейся социальной реальностью. Это позволяет, в частности, объяснить сходство структуры революционных циклов в разных странах, на каждой фазе развития которых происходит взаимодействие идеологических постулатов и институтов соответствующих предшествующих революционных моделей. Социология революции как самостоятельное научное направление позволяет выяснить, до какой степени повторяемость воспроизводства институтов, символов, риторики и способов революционной мобилизации разных стран соответствует национальным задачам и выражает особенности их политической культуры⁴⁰. Революционная трансформация общества есть, следовательно, длительный процесс: революция (несмотря на изменения политического режима) продолжается столько, сколько действует революционная формула, ее развитие связано с модификацией этой формулы и ее последовательной десакрализацией, а конец определяется достижением полноценного национального единства с принятием конституции, обеспечивающей национальный консенсус и институциональную стабильность, когда новая система ценностей и ожиданий, провозглашенных революцией, конвертируется в стабильные демократические нормы, институты и правила игры. В основу периодизации русского революционного процесса следует положить, следовательно, развитие самого революционного мифа на всем протяжении существования (1917–1991), точнее, основанные на нем модификации легитимирующей формулы революционного режима, отраженные в его основополагающих конституционных актах.

С позиций когнитивного подхода проблема так называемой «исторической дистанции» (степени удаленности историка от времени изучаемых событий) не имеет значения (поскольку доказательность прямо не коррелируется с удаленностью наблюдателя во времени). Однако столетний рубеж крупного исторического события, каким является революция, дает исследователю ряд преимуществ. Во-первых, вызванные им следствия предстают в завершенном виде; во-вторых, не действуют (или действуют опосредованно) те эмоциональные представления, которые владели умами современников и ближайших потомков; в-третьих, в результате исследований становится ясна фактическая картина явля-

³⁹*Khosrokhavar F. L'Utopie Sacrifiée. Sociologie de la révolution iranienne. Paris, 1993.*

⁴⁰*Kimmet M.S. Revolution. A Sociological Interpretation. L., 1990.*

ний и процессов (особенно с введением в научный оборот документов всех политических партий и общественных движений); в-четвертых, событие приобретает взвешенный и заверченный характер восприятия в обществе, несмотря на то что в нем может не существовать единства оценочных суждений о нем; наконец, в-пятых, идеологическое и «мемуарное» воспроизводство событий, связанное с тотальным господством революционной «мессианской идеи», уступает место их беспристрастному аналитическому изучению. Это наблюдение справедливо в отношении всех так называемых «великих революций», академические исследования которых появляются примерно через полстолетия после их осуществления. Но оно особенно верно в отношении русской революции, академическое изучение которой внутри страны было невозможно на протяжении всего времени существования советского строя (поскольку революционный миф в его официальной идеологической трактовке составлял основу легитимности политического строя), а после его крушения в 1991 г. затруднялось эмоциональной обстановкой постсоветского переходного периода.

Общей предпосылкой академического исследования русской революции стал конец идеологического типа мышления, четко осознанный уже в 60-е годы XX в. Если мы понимаем идеологию как тоталитарную систему идей, всеохватывающую теорию ценностей – этический абсолют, тотально направляющий социальное поведение, который претендует на объяснение мироздания, ведет к манихейскому расколу общества и продуцирует мощный классовый конфликт, легитимирует массовую социальную мобилизацию и неограниченную власть, – то таких идеологий больше не существует. Идеология как «ложное сознание» – пассионарная связь революционных и контрреволюционных представлений с мобилизационной практикой – действительно переживает упадок⁴¹. Это выражается в крушении марксизма, расколе левого движения, преодолении разрыва массового движения и авангарда и проч. Не означает ли принятие данного тезиса вывод о конце политики (возможна ли политика вне идеологии)? Суть проблемы в том, что узкое понимание идеологии, которое господствовало в XX в., было отвергнуто с крушением коммунизма и едва ли может быть воспроизведено вновь. В этом традиционном понимании классические идеологии действительно закончили существование (исключение составляет национализм). Речь должна идти, таким образом, во-первых, о конце традиционных мобилизационных идеологий, который не исключает появления новых идеологий (как, например, глобализм и антиглобализм); во-вторых, об изменении инструментов распространения идеологических представлений (новые информационные технологии), в-третьих, появлении возможно-

⁴¹*Luncem С.М.* Политический человек. Социальные основания политики. М., 2015.

сти быстрой верификации тех или иных положений (не просто вера, но поиск достоверных знаний). Если традиционные идеологии XIX–XX вв. продуцировались из единого центра, опирались на интеллектуалов и транслировались в массовое сознание, то их современные модификации опираются на новый тип коммуникаций, обеспечивающий диалог интеллектуалов и аудитории в режиме «онлайн». «Расколдовывание мира» по мере его рационализации ведет к изменению смысла и техники идеологического конструирования, но не отменяет его значения. Конец традиционных идеологий не означает конец утопий – этических проектов социальной справедливости и права, политики. Напротив, в этой реальности (конца идеологий) значение интеллектуалов возрастает. Всякий status quo есть источник инерции и догматизма, социальная функция интеллектуалов – подвергать их критике, пусть даже во имя утопических идеалов: выполняя эту функцию, интеллектуал помогает поддерживать конфликт, который является неотъемлемым источником жизненной силы демократической системы. С этих позиций переосмысление русской революции и ее идеологии сохраняет значение для когнитивного конструирования современной социальной реальности.

В предшествующих исследованиях автора раскрыто содержание различных типов правового регулирования с позиций социологии права, сравнительного конституционного права и динамики конституционных циклов; показана роль и место советского номинального конституционализма в сравнительно-исторической перспективе авторитарных режимов; особенности переходной модели постсоветского конституционализма и трудности его современного развития⁴². Эта работа велась параллельно с реконструкцией социальных параметров правового развития и логики политических процессов⁴³. Синтез этих двух магистральных направлений исследования позволил сформулировать общее представление о российской правовой традиции и ее изменениях в ходе социальных трансформаций XX в.⁴⁴ Эти представ-

⁴²Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998; *Он же*. Сравнительное конституционное право и политические институты. М., 2002; *Он же*. Теория конституционных циклов. М., 2005; *Он же*. Размышления о современном российском конституционализме. М., 2007; Конституционные проекты в России XVIII – начала XX века. М., 2010; *Он же*. Диалог со временем: российские конституционалисты конца XIX – начала XX вв. М., 2010; *Он же*. Russian Constitutionalism. Historical and Contemporary Development. L., 2006.

⁴³Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994; *Он же*. История русской социологии. М., 1993; *Он же*. Проекты аграрных реформ в России. XVIII – начало XXI века. М., 2005; *Он же*. Социология права. М., 2006; *Он же*. Ключевые проблемы российской модернизации. М., 2014.

⁴⁴Медушевский А.Н. Российская правовая традиция: опора или преграда? М., 2014; *Он же*. Политические сочинения: право и власть в условиях социальных трансформаций. М.; СПб., 2015.

ления стали основой переосмысления автором в качестве главного редактора академического журнала «Российская история» предпосылок и развития русской революции, советского периода истории⁴⁵. Нескрываемая оппозиция выдвинутым нами идеям со стороны академических традиционалистов неуклонно возрастала по мере постановки вопросов методологии аналитической истории и обсуждения политической истории России XX в. Автор убедился как в консерватизме и практической неререформируемости российской академической бюрократии (что, впрочем, было вполне ожидаемо с самого начала), так и в необходимости новых подходов к объяснению российского исторического процесса с позиций когнитивной методологии, доказательной аналитической истории и сравнительных подходов⁴⁶. Этот ценный практический опыт «включенного наблюдения» прояснил ситуацию в постсоветских идейных спорах, заставив обратить внимание не только на их содержание, но на структуру и эволюцию формальных организаций, продуцирующих историческое знание, а в агрессивной реакции советских традиционалистов увидеть своеобразную форму борьбы за сохранение контроля и доминирования в публичном пространстве. В дальнейшем автор использовал данный опыт в ходе своих выступлений по общественно-политическим вопросам, в частности – проблемам публично-правовой этики, современного конституционного и политического строя России и перспектив его реформирования⁴⁷. В свете этих автобиографических замечаний понятен современный интерес автора к политической и конституционной истории русской революции: существует ли связь революции и создания сталинской модели политической системы; в какой мере она определила когнитивные стереотипы, логику развития и крушения советской системы, особенности ее современного развития?

⁴⁵Медушевский А.Н. Причины крушения демократической республики в России в 1917 году // Отечественная история. 2007. № 5. С. 3–30; *Он же*. Великая реформа и модернизация России // Российская история. 2011. № 1. С. 3–27; *Он же*. Как выйти из революции: стратегия преодоления социального кризиса в обществах переходного типа // Российская история. 2012. № 3. С. 3–18; *Он же*. Сталинизм как модель социального конструирования // Российская история. 2010. № 6. С. 3–29; *Он же*. Перестройка и причины крушения СССР с позиций аналитической истории // Российская история, 2011. № 6. С. 3–30; *Он же*. Была ли неизбежна русская революция 1917 года? // Обозреватель. 2012.

⁴⁶Медушевский А.Н. Мои бои за историю. Как я был главным редактором журнала «Российская история» // Вестник Европы. 2012. Т. 33. С. 147–159.

⁴⁷Медушевский А.Н. Конституция как символ и инструмент консолидации гражданского общества // Общественные науки и современность. 2013. № 3. С. 44–56; *Он же*. Конституционная модернизация России: стратегия, направления, методы // Закон. 2013. № 12. С. 41–52; *Medushevskii A.* Problems of Modernizing the Constitutional Order: Is it Necessary to Revise Russia's Basic Law // Russian Politics and Law. Vol. 52. N. 2. March-April 2014. P. 44–59.

Для определения специфики советской правовой системы (и ее аналогов) нами было введено понятие номинального конституционализма – системы, где конституционная норма вообще не действует реально, юридические гарантии прав и свобод не могут быть осуществлены, а власть полностью бесконтрольна. В исторической перспективе эта форма конституционализма присуща тоталитарным режимам и отличается как от полноценного реального конституционализма демократических стран, так и от различных форм ограниченного (или мнимого) конституционализма авторитарных режимов. Данный понятийный аппарат был принят многими современными исследователями проблемы – юристами, политологами и историками⁴⁸. Его основное преимущество (по сравнению с формально-юридическим подходом) заключается в четком определении принципиально новой проблемной области – перехода от номинального конституционализма к реальному, выяснении срывов на этом пути (конституционных деформаций мнимоконституционного характера) и выявлении тех форм, механизмов и стратегий правового конструирования, которые используются политической властью для создания и поддержания соответствующих институтов. Очевидно значение данного направления исследований для понимания тенденций мирового правового и политического развития, поскольку едва ли не большая часть современных государств оказывается на переходной стадии от авторитаризма к демократии, а их гибридные режимы пребывают в «серой зоне», пытаясь сочетать элементы реального и мнимого конституционализма.

Вполне оправдан вопрос о том, в какой мере революционный (советский) конституционализм отражал социальную действительность и может стать отправной точкой в ее изучении. Когнитивный метод акцентирует соотношение информационной картины мира, правовых норм, создаваемых ими коммуникаций (информационный обмен) и форм социальной мобилизации, административных институтов и практик (как формальных, так и неформальных). В той мере, в которой конституции фиксируют эту реальность, отражают ее изменения или, напротив, целенаправленно уклоняются от выполнения данной задачи – они выступают достоверным источником информации о социальной реальности. Номинальность права (в юридическом смысле) при этом не имеет принципиального значения. Напротив, провоцирует вызов исследователю – стремление понять, почему политическая система избегала правового оформления действительных социальных отношений и механизма власти, каким образом при внешне монолитной системе номинального права оказывались возможны различные институциональные схемы,

⁴⁸Шейнис В.Л. Власть и Закон: политика и конституции в России XX–XXI веках. М., 2014. С. 18.

каковы были когнитивные параметры адаптации общества к ним в рамках принятых системой формальных и неформальных практик социально-правового регулирования.

Интерпретация логики политического процесса возможна с позиций классического институционализма, раскрывшего имманентную связь социальной структуры и правовых норм и неинституционализма, настаивающего на учете когнитивно-информационных параметров юридического конструирования институтов⁴⁹. Основное различие двух подходов – решение вопроса о роли права в институциональном конструировании. Если первое направление видело в институтах корпоративные структуры, наделенные единством организующей воли, то второе видит свою задачу в выявлении самостоятельного значения правовой нормы в конструировании социальных отношений и самих институтов. В этом смысле всякое право (в том числе номинальное) как система норм есть социальная реальность, определяющая функционирование социальных институтов (поскольку нормы создают информационную основу формирования структуры институтов и их деятельности). Практический вывод из неинституционального подхода к праву состоит в рассмотрении права и правовых норм как важнейшего фактора организации и трансформации общества. Сами институты предстают как «правила игры» – ограничительные рамки во взаимодействии людей, а институционализация определяется как процесс, связанный с эндогенными и экзогенными факторами, может быть видимой (фиксируемой в письменно закрепленных правилах и процедурах) и невидимой (основанной на периодическом воспроизводстве определенных поведенческих установок), спонтанной и регулируемой (направленная селекция соответствующих практик для достижения определенной цели), а само регулирование может осуществляться в правовой и квазиправовой форме. Процессы институционализации могут иметь как формальный, так и неформальный характер, порождая конфликт соответствующих практик⁵⁰. Его результатом может стать конвергенция формальных и неформальных правил или их дивергенция – отторжение новых формальных институтов и норм или изменение их функционального назначения. В крайней форме конфликт двух типов институтов и практик может привести к параличу системы. Преодоления конфликта система ищет в принятии защитных образцов поведения, которые могут привести к деформации формальных установлений или радикальному изменению их функционирования. Институционализация неформальных практик означает, что они рутинизируются – обретают устойчивость и повторяемость в силу соответствия базовым ценностям

⁴⁹Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

⁵⁰Основы конституционного строя России: двадцать лет развития. М., 2013.

группы. Основными факторами, определяющими вектор и глубину институциональных изменений, выступают идеология, интересы правящей группы (элиты), практические задачи управления.

Источниковедческая база данного исследования включает три основных корпуса документов, отражающих идеологические установки, нормативно-правовое регулирование и социально-политический контекст конституционного конструирования. Это, во-первых, документы политических партий и общественных организаций России (прежде всего программные документы и материалы внутрипартийных дискуссий по их модификации); во-вторых, материалы конституционных и законодательных комиссий – от Учредительного собрания до Конституционного совещания 1993 г.); в-третьих, материалы прессы (русской и иностранной), посвященные обсуждению этих вопросов и отражающие состояние общественного сознания в данной области. Наибольшее значение для ответа на поставленные вопросы имеют материалы конституционных комиссий XX в. – высших законосовещательных институтов политической системы, в которых велось обсуждение конституционных проектов перед их формальным принятием органами высшей законодательной власти (Съездами советов или Верховным Советом)⁵¹. Это – ставшие впервые доступными в полном объеме архивные материалы по подготовке Учредительного собрания и пяти советских конституционных комиссий, обсуждавших и разрабатывавших проекты советских конституций 1918, 1924, 1936 и 1977 гг., а также несостоявшейся Конституции 1964 г. Их материалы отложились в ГА РФ в фондах ВЦИК, Верховного Совета СССР и его Президиума. К этой категории материалов примыкают документы Конституционной комиссии и Конституционного совещания 1993 г. В составе данного корпуса материалов выделяется документация нормативно-правового характера (программно-идеологические декларации, конституции, их проекты, тексты принятых и отклоненных поправок, комментарии к ним); документация, отражающая дебаты по конституционным вопросам (стенограммы заседаний комиссий и подкомиссий разного уровня, раскрывающие как формальную, так и неформальную сторону обсуждения, в частности – роль партийного вмешательства); аналитическая документация (различные информационные сводки, отражающие использование зарубежного и российского опыта); документация, отражающая отношение общества и политической элиты к проектируемым конституционным проектам (от материалов так называемых «всенародных обсуждений» до обзоров иностранной, эмигрантской и российской прессы, включая сводки оппозиционных мнений); документация, направленная на выявление эффективности новых институтов и процедур – избирательной системы, партийных

⁵¹ Медушевский А.Н. Конституционные комиссии в СССР: структура, состав, механизмы деятельности // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 1–2.

и общественных организаций, отдельных социальных инициатив (экспертные заключения по правовым и политическим вопросам); наконец, это значительная документация, отражающая правовой статус, структуру, состав и порядок деятельности конституционных и законодательных комиссий, включая различные мнения самих разработчиков.

Уникальность данной документации определяется статусом конституционных комиссий, которые для своих целей аккумулировали информацию всех высших учреждений и партийных инстанций, проводили не только правовой, но и политический анализ норм, занимались мониторингом их институциональной реализации, имея при этом определенную свободу обмена информацией и обсуждения вопросов, практически недоступную другим официальным советским учреждениям. По ключевым спорным вопросам нами привлекались мемуарные источники, а также публицистика соответствующей направленности. Этот корпус как опубликованных, так и неопубликованных (выявленных в архивах) документов позволяет полноценно реконструировать содержание и основные этапы истории номинального советского конституционализма, показать, каков был механизм принятия решений, какие факторы оказывались определяющими для выработки стратегии правового развития и его пересмотра на всем протяжении существования советского режима. Это позволяет понять: а) из чего исходили авторы конституций, б) какой смысл они вкладывали в те или иные нормы; с) как соотносились замысел и его реализация на уровне норм, институтов и политических установок. В целом прослеживается смена идеологических установок, норм и их соответствия с практикой политического режима. Обсуждение и принятие конституций – когнитивный момент (обретение смысла), раскрывающий связь номинальных правовых норм с задачами социальной мобилизации.

В данном исследовании в центре внимания оказывается именно номинальный советский конституционализм – система его норм, институтов и практик. Предстоит выяснить, как и почему в результате крушения абсолютизма и демократической республики возник данный феномен; каковы были те психологические установки, нормативные конструкции и их проекции в институтах и социальных практиках, которые обусловили его утверждение и столь длительное существование на протяжении большей части XX столетия; ответить на вопрос, был ли данный тип правового регулирования неизменным на всем протяжении своего существования или включает определенные этапы трансформации, и если да, то какие факторы ее определяли; как в структуре номинального конституционализма взаимодействовали идеологические принципы, правовые нормы и социальные практики, до какой степени номинальные правовые нормы определяли подлинную институциональную структуру политического режима и механизмы его функционирования, нако-

нец, определить причины крушения данной системы политико-правового регулирования. Это исследование имеет не только академический интерес, но и практическое значение, позволяя решить проблемы современного общества: в какой мере принятие действующей постсоветской модели конституционного устройства было разрывом с традициями номинального советского конституционализма, а в какой представляет их продолжение, до какой степени советские правовые конструкции ведут к эрозии демократических принципов и каковы, исходя из этого, должны быть дальнейшие шаги по модернизации современной формы правления, политического режима, политики права и правоприменительной деятельности⁵².

Когнитивный анализ источников советского периода, направленный на выявление смысла социальных процессов, их вариативности и доказательности исторической реконструкции, сталкивается с рядом специфических трудностей. Главная из них – необходимость различать подлинные и декларируемые цели конституционных преобразований. Мифологизированное сознание трудно поддается выражению в рациональных категориях. Масштаб оценок основополагающей легитимирующей формулы в идеологических понятиях современниками революции изначально определялся предположением, что она продлится вечно, однако по мере консолидации режима выяснилась необходимость формального языка для описания явлений. Но попытка выразить миф в правовых понятиях с использованием формального (правового) языка демонстрировала иррациональность происходящего (миф плохо поддается формализации). Поэтому все советское право – поиск эвфемизмов (понятий с неопределенным содержанием), иногда – виртуозный, иногда – нелепый.

Это ставит исследователя советской правовой системы в положение медиевиста, изучающего средневековые теологические конструкции с использованием специальных методов исследования. Первый из них – *семантический анализ* ключевых понятий (коммунизма, демократии, справедливости, суверенитета, федерализма, собственности, прав личности), смысл которых с течением времени оказывался различен, если не противоположен изначальному. Второй – *источниковедческий анализ*, позволяющий раскрыть соотношение намеренной и ненамеренной информации, особенности фиксации этой информации в документах различного происхождения (конституционных проектах), подлинные мотивы их создателей (в том числе те, которые они четко не осознавали или тщательно камуфлировали). Третий – *функциональный анализ* идеологических принципов, правовых норм и институтов в политической

⁵²Конституционные принципы и пути их реализации: российский контекст. Аналитический доклад. М., 2014.

системе. Его применение в культурной антропологии и сравнительном правоведении основано на постулате сравнения сравнимого: соответствующие институты могут иметь внешнее формальное сходство, но применяться с разной целью, или наоборот, не иметь этого сходства, но действовать идентично. Подлинным критерием доказательности сравнения институтов выступает, следовательно, типологическое сходство их функционирования (в разных политических системах или на различных стадиях развития одной системы).

Синтезом этих трех направлений анализа выступает *контекстуальный (сценарный) подход к реконструкции динамики революционного процесса*, представленный в современной историографии революций. Он выражается шекспировской метафорой театра, подчеркивающей инсценируемый характер соответствующих инициатив. Если весь мир – театр, то нормы революционного права – сценарий, написанный утопистами, деятельность разработчиков – игра (которая постепенно отклоняется от первоначального сценария), зрители представления – все общество, часть которого выступает в виде активных участников инсценировки, а часть – в виде пассивного хора. Режиссером всего спектакля выступают партия и ее вождь – истинный инициатор всех мероприятий по введению новых конституций. По ходу представления выясняется, что сценарий – это миф, рациональный выбор на самом деле иррационален, игра актеров не соответствует сценарию, вынуждая неоднократно переписывать его по ходу действия, а развязка драмы – обратна той, которую предполагал режиссер. Тот сценарий, который стал доминирующим (большевистский), определил направления правового и социального конструирования реальности. Но это не значит, что он оставался неизменным. За время своей реализации он прошел существенную эволюцию, основными вехами которой стали партийные программы и принятые конституции. Переписывание сценария велось по одним лекалам (идеология сохраняла фундаментальную преемственность), но к концу он очень существенно отошел от первоначального смысла. Расколдовывание мира, «рутинизация харизмы», движение системы в направлении реальности, осуществлявшееся идеологами, политиками и бюрократами режима, – доминирующий социологический вектор трансформации режима и его мифа. Есть в этой схеме и роль театрального критика – независимого ученого, дающего оценку представлению. В его задачу входит оценить содержание первоначального сценария, рациональность (или иррациональность) его последующих корректировок, качество игры актеров, правдоподобность декораций, реакцию аудитории, а в конечном счете – общий результат с позиций этики, разума и даже эстетики. Это позволяет завершить когнитивный анализ выяснением смысла событий, отраженного в логике политико-правовой трансфор-

мации революционного режима от его установления до деградации и крушения. Кровавый фарс революции можно понять с учетом намеренных инициаторов, использованных средств и результатов социального эксперимента.

Структура исследования подчинена решению центральной проблемы – *эволюции легитимирующей формулы* русской революции: поиску ее оптимальной формулы в начале революционного процесса – от свержения монархии в ходе Февральской революции 1917 г. до Учредительного собрания (гл. I–III); утверждению ее большевистской версии – от попытки непосредственного воплощения мифа Коммуны в Конституции РСФСР 1918 г. и создания советской институциональной системы до корректировки этого замысла в ходе образования СССР и принятия Конституции 1924 г. (гл. IV–VI); введению новой редакции данной формулы в период консолидации сталинского режима – принятия Конституции 1936 г. и кампании массовой мобилизации на ее основе (гл. VII–IX); модификации легитимирующей формулы в период «оттепели» – в конституционном проекте 1964 г. (гл. X); закреплению ее полностью выхожденной трактовки в эпоху «застоя» в Конституции 1977 г. (гл. XI); запоздалым попыткам ревитализации данной формулы в конституционных преобразованиях эпохи перестройки (1985–1991), закончившимся полным отказом от нее, но определившим ключевые параметры формирования постсоветской политической системы (Конституция 1993 г. и направления ее современной интерпретации) (гл. XII). В заключительном разделе представлены итоги исследования – предложена авторская интерпретация смысла русской революции.

Замысел книги – понять русскую революцию не только как трагический разрыв в истории России, но как длительный исторический процесс – часть глобальной социальной и правовой трансформации; осуществить последовательную реконструкцию правовой и политической традиции номинального конституционализма, выразившей институциональные основы, динамику и крушение советской системы; ответить на вопрос о преемственности легитимирующих форм власти периодов самодержавия, однопартийной диктатуры и современной России. Осмысление опыта политической истории революции позволяет конвертировать его в знание, а это последнее – в стратегии современных политических реформ.

ГЛАВА I

СТАРЫЙ ПОРЯДОК И РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

Русская правовая традиция есть пограничный вариант континентальной правовой системы – модель традиционного права, радикально преобразованная модернизацией Нового времени. Модель – нестабильная, циклическая, вынужденная постоянно преодолевать феномен правового дуализма, возвратных движений и до настоящего времени находящаяся в процессе догоняющего развития¹. Исторические срывы на этом пути, крупнейшим из которых стала русская революция XX в., объясняются вовсе не существованием особой исторической «матрицы» – неизменных констант русской истории, но устойчивыми стереотипами сознания, почти с регулярной периодичностью воспроизводимыми и отбрасываемыми русским обществом. Понимание этих стереотипов, причин их воспроизводства, а главное – механизмов действия, составляет задачу когнитивной истории, раскрывающей вариативность выбора каждой эпохи и форм его реализации в альтернативных программах политического устройства. Отказ от экономического детерминизма и классовой теории в изучении революций и реформ заставляет пересмотреть сам предмет исследования: если системный кризис самодержавия существовал, то он был кризисом сознания, а не экономики. Причина революции – неспособность традиционалистского авторитарного режима овладеть тем процессом модернизации, который был успешно начат либеральными реформами 60-х годов XIX в., но не доведен до логического конца. Ситуация незавершенной модернизации есть ситуация неустойчивого равновесия, в которой традиционный политический режим оказывается (при внешней силе) чрезвычайно непрочен и легко становится жертвой сравнительно незначительных воздействий внутреннего или внешнего характера². Это и есть именно та среда, в которой возможна (но не неизбежна) революция. Февральская революция – исторический рубеж в

¹Медушевский А.Н. Российская правовая традиция – опора или преграда? М., 2014.

²Медушевский А.Н. Ключевые проблемы российской модернизации. М., Директ-Медиа, 2014.

развитии российской демократии, связанный с началом практического перехода от сословного общества к гражданскому и от монархической системы правления к республиканской. Однако всего через полгода данная система (первой республики) потерпела крушение, пав жертвой антидемократического государственного переворота, получившего название Октябрьской революции 25 октября 1917 г.

Крушение демократической системы, начавшей формироваться в России после Февральской революции 1917 г., принципиально изменило направление развития российской и мировой истории XX в.³ В то же время этот кризис оказался первым в ряду антидемократических переворотов в межвоенной Европе и других регионах мира, приведших к крушению парламентаризма и установлению диктаторских режимов различной политической направленности, свергнувших человечество в цепочку гражданских войн и расколовших мир на две враждебные системы. Поход на Рим Муссолини, крушение Веймарской республики, установление диктатур в Испании и Португалии межвоенного периода, а также странах Центральной и Восточной Европы – выражение той же циклической динамики конституционализма. В чем причина того, что демократическая система не смогла удержаться в России? В нашу задачу входит найти объяснение данного феномена, определить его типологическую природу в контексте других переходных процессов, выявить механизмы эрозии демократии, технологии, которыми они управляются.

1. Социальный кризис с позиций теории и методологии когнитивной истории: закон Токвиля и русская революция

При объяснении причин и логики развития революционных кризисов в современной социологии революции используется концепция, известная как «закон Токвиля»⁴. Его суть состоит в следующем: революции происходят тогда, когда период подъема, сопровождающийся ростом обоснованных ожиданий, сменяется периодом спада, при котором, однако, ожидания продолжают расти. Продолжающийся рост завышенных ожиданий в условиях относительного спада (или стагнации) перестает, следовательно, соответствовать реальной ситуации в экономике и политике. Следствием становится рост недовольства (фрустрация), а основным способом ее преодоления – социальная агрессия. Данная логика приводит к свержению Старого порядка и последовательному делегированию власти от умеренных к радикалам⁵. Раз начавшись, революция не может

³Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004.

⁴*Tocqueville A. de. L'ancien régime et la Révolution. Paris, 1967.*

⁵*Gapp T.P. Почему люди бунтуют. М., 2005. С.405.*

остановиться на середине и завершается лишь с исчерпанием своего деструктивного потенциала. В результате на смену революции приходит Реставрация – частичное восстановление старого режима в новых формах. Концепция Токвиля оказалась определяющей для переосмысления Французской революции в современной историографии⁶. Данная парадигма обсуждается в современной литературе как в отношении классических, так и новейших революций в арабских и постсоветских странах. Общий итог этих размышлений заключается в том, что революции есть срыв устойчивого и поступательного развития в результате спонтанной реакции неподготовленного общества на трудности ускоренной модернизации⁷. Цели революции, следовательно, не отличаются от целей радикальных социальных реформ и могут быть достигнуты без спонтанного социального разрушения. Представляет актуальность вопрос, насколько эта концепция актуальна при интерпретации русской революции. В центре внимания при таком подходе оказываются параметры когнитивной истории: формирование картины мира революционной эпохи; психологические установки общественного сознания и механизмы управления им; поляризация общественного мнения и партийных установок при выяснении отношений сущего и должного.

Основным однородным источником информации по данному вопросу выступает документация политических партий России революционного периода – целостный комплекс, идеально соответствующий поставленной задаче⁸. Во-первых, эти документы охватывают все общество, анализируя конфликт на макроуровне; во-вторых, фиксируют

⁶*Furet F. Tocqueville et le problème de la Révolution française // Furet F. Penser la Révolution française. Paris, 1978. P. 173–211.*

⁷*Медушевский А.Н. Алексис де Токвиль: социология государства и права // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 119–128.*

⁸Весь корпус этих документов опубликован в Новейшее время: Правые партии. Документы и материалы. М., 1998. Т. 1–2; Объединенное дворянство: Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. М., 2001–2002. Т. 1–3; Либеральное движение в России 1902–1905 гг. М., 2001; Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК 1905–1915 гг. М., 1996–2000. Т. 1–2; Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы 1906–1916 гг. М., 2002; Партии российских промышленников и предпринимателей. Документы и материалы 1905–1906 гг. М., 2004; Российские либералы: кадеты и октябристы. Документы, воспоминания, публицистика. М., 1996; Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. М., 1997–2000. Т. 1–3; Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп Конституционно-демократической партии 1905 – середины 1930-х годов. М., 1996–1999. Т. 1–6; Всероссийский национальный центр. М., 2001; Большевики в большевистской России. 1917–1924 гг. М., 1997–2004. Т. 1–5; Большевистский процесс 1931 года. М., 1999. Кн. 1–2; Бунд. Документы и материалы. 1894–1921. М., 2010; Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и материалы. М., 2003; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы 1905–1925 гг. М., 1997–2000. Т. 1–3; Союз эсеров-максималистов. Документы, публицистика 1906–1924 гг. М., 2002; Анархисты. Документы и материалы. М., 1999. Т. 1–2.

установки и требования различных социально-политических сил к власти; в-третьих, показывают динамику изменения настроений и раскрывают психологическую их мотивацию (выражающуюся в преобладании определенных партийных программ на разных фазах революции); в-четвертых, содержат экспертный анализ по важнейшим параметрам избранной модели социального конструирования (в том числе в сравнительном контексте); в-пятых, показывают механизм принимаемых решений и позицию лидеров в условиях быстрых социальных изменений. Они позволяют выявить *общие* оценки динамики революционной ситуации, независимо от идеологических и партийных предпочтений. Наконец, это исследование раскрывает особенности трансформации исходных концепций революции в сравнении с их последующими модификациями. Ключевые проблемы, реконструируемые на основе представленной документальной базы, таковы: соотношение исходной стабильности и революционных установок; причины крушения российского Старого порядка; природа революционного мифа; фазы революционного цикла; социальные функции революционного экстремизма; ошибки политической власти, не позволившие остановить запуск механизма спонтанного саморазрушения общества; постреволюционная стабилизация и возможные пути ее осуществления.

2. Консервативная, реформистская и радикально-революционная стратегии разрешения социального конфликта

Исходная стабильность российской политической системы выступала как константа в программных документах всех политических партий революционного периода. Она понималась в целом как исторически сложившийся консенсус общества и власти, выраженный в особом типе политической системы – самодержавном строе. Его суть определялась в традициях юридической школы как особый механизм социального регулирования, предопределивший ключевую роль неограниченной государственной власти в социальных преобразованиях. Данная конструкция, эффективная в прошлом, начала давать сбои в условиях быстрых социальных изменений и нуждается в пересмотре. Однако масштаб и направления этого пересмотра раскалывали общественное сознание, выявляя три основные позиции – консервативную, реформистскую и революционную.

Суть *консервативной позиции*, последовательно выраженной правыми партиями, заключалась в том, что политическая система самодержавия, принципиально отличная от европейских моделей, не нуждается в радикальном пересмотре: опираясь на уникальный принцип «сбор-

ности», она сохраняет эффективность и в новых условиях, гарантируя социальную стабильность и создавая основы для поступательного развития в будущем. Политическая система, возникшая в результате революции 1905–1907 гг., не является конституционной. Ключевое понятие Основного закона – «самодержавие» – тождественно неограниченной власти монарха, «потому что ограниченного самодержавия не может быть так же, как не может быть, например, мокрого огня или четырехугольного круга», фактически «у нас и после 17 октября нет конституции»⁹. Природа революционного кризиса – в разрушении нравственных (прежде всего религиозных и национальных) устоев общества, влекущем за собой его дезориентацию в условиях войны, используемую в своих целях внешними и внутренними врагами государства, прежде всего маргинальными элементами – агитаторами, компенсирующими таким образом свой комплекс неполноценности. Они суммарно определялись как «все эти безусые и усатые студенты, подозрительные евреи, какие-то барышни и дамы, все эти ораторы, призывающие вас к братоубийственной войне, к отдельным подлым, предательским, чудовищно бессмысленным убийствам»¹⁰. Революционное решение проблемы неприемлемо: «ужасы французской революции» и «лживость ее девизов – свободы, равенства и братства» – выгодны только подрывным элементам – радикальным фанатикам и космополитической либеральной интеллигенции, которая определялась как «чудовищная гидра». В условиях кризиса основная задача состоит в том, чтобы обеспечить «водворение порядка и спокойствия в стране», используя для этого все возможные методы, включая репрессивные – «радикальные устрашающие меры»¹¹. Речь должна идти поэтому не об отказе от системы, а о снятии социальных деформаций, блокирующих ее полноценное функционирование (имевшее место в прошлом, но утраченное в Новейшее время). Целью преобразований выступает, следовательно, не парламентаризм и конституционализм, а справедливое разрешение аграрного вопроса и возвращение к аутентичной трактовке самодержавия – преодоление бюрократических извращений.

Реформистская позиция (представленная октябристами, конституционными демократами, другими умеренными партиями) в принципе опиралась на традиционную (академическую) трактовку исторического генезиса российской государственности, но включала три существенных особенности: во-первых, она отказывалась видеть в ней «самобытное» явление, рассматривая самодержавие как аналог европейского абсолютизма (более ранних периодов истории); во-вторых, считала

⁹Правые партии. Документы и материалы. М., 1998. Т. 1. С. 111–113, 542.

¹⁰Там же. С. 343–344.

¹¹Там же. С. 122, 212, 614–619.

эту модель утратившей эффективность в Новейшее время; в-третьих, настаивала на необходимости корректировки политической системы правовым путем. Политическая система, возникшая в 1905 г., получила поддержку партии «Союз 17 октября» именно потому, что позволяла совместить исторически легитимную монархическую власть с ее конституционными ограничениями. Было признано, что «монархия стала ограниченной», а сохранившееся в основном законодательстве понятие «самодержавие» не означает «неограниченности» этой власти. Фактически констатировалось принятие октроированной конституции – «государь по своей собственной воле ограничил свою власть». Октябристы (ядро которых составляли умеренно-либеральные представители общеземских съездов) позиционировали себя как «искренние монархисты по убеждению», видевшие в конституционной монархии «противодействие идее деспотизма олигархии или массы»¹². С этих позиций «Союз» интерпретировал революцию как социальную катастрофу – «Смуту» (по аналогии с событиями начала XVII в.), отвергал «всякий насильственный путь для достижения свободы» и особенно «отвратительные кровопролития», объявлял себя партией центра, которая заняла «среднюю позицию между всеми русскими политическими партиями», отстаивал необходимость широкой демократической коалиции, выступающей против двух крайних течений – угрозы революции и реакционного возврата к абсолютизму.

Сходная программа выдвигалась рядом других консервативно-либеральных политических объединений, установки которых представлены в их обозначении – «Партия демократических реформ», «Партия правового порядка», «Прогрессивно-экономическая партия», «Всероссийский торгово-промышленный союз», «Демократический союз конституционалистов» и «Союз мирного обновления». Сами названия этих партий, как и содержание их программ, четко показывают их умеренно-реформистский характер. Государственное устройство Российской империи определялось ими в соответствии с Основным законом как наследственная конституционная монархия, принятие законов в которой осуществляется на основе согласия народного представительства и утверждения императора. Эта система, однако, находилась на стадии формирования (многие положения закреплены только «на бумаге») и вынуждена была отражать как деструктивные революционные тенденции, так и консервативно-реставрационные тенденции к бюрократическому склерозу. Поскольку массовое сознание не было готово к принятию ценностей правового государства, была велика опасность его срыва. Главной задачей переходного периода в России было не допустить раскачивания того маятника

¹²Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК 1905–1915 гг. М., 1996. Т. 1. С. 48–50, 152.

конфронтации крайних сил, который действовал в ходе Английской и Французской революций, запуская весь цикл от свержения монархии до ее реставрации. «Партия демократических реформ» выступала «и против владычества невежественной черни, и против ее исчадия – народного цезаризма», отстаивала концепцию «свободы в праве и равенства в свободе», что «мыслимо только при широком просвещении народных масс вместе с образованием, и тесно связанным с ним сознанием своих прав и обязанностей». Основной формулой политического процесса согласно программе этой партии должно стать «видоизменение и развитие существующего»¹³. Поэтому преобразования должны иметь эволюционный характер: не Учредительное собрание, а расширение избирательных прав; не автономизация, а создание «верхней палаты, которая сделалась бы представительницей земских и городских миров»; не радикальное изменение формы правления, а введение «ответственного правительства» и широкое развитие местного самоуправления; не земельный передел, а строительство гражданского общества – защита личных прав, «равноправие полов, национальностей и вероисповеданий»; не революционная агитация, а распространение просвещения. Сходным образом «Партия мирного обновления» искала идентичность в отмежевании «как от крайне левых партий, считающих возможным изменить общественный строй путем насильственного насаждения отвлеченных теорий, так и от тех правых элементов, которые удовлетворяются лишь частичными улучшениями»¹⁴. Позиционируя себя как партию «конституционного центра», которая «призвана объединить все истинно-конституционные элементы для борьбы с усилившейся реакцией», она выдвигала программу осуществления «классового мира» – достижения консенсуса для «обновления государственного строя на конституционных началах», проведения земельных преобразований, судебных и административных реформ «во имя ценности человеческой личности», последовательное осуществление принципов конституционной монархии для преодоления режима «личной власти». Это означало осуждение спонтанных форм аграрного протеста («безумная пугачевщина»), революционного терроризма (политических убийств) и произвола власти (требования отмены смертной казни). Наконец, «Партия промышленников и предпринимателей» внесла в эту общую программу существенный прагматический компонент – обеспечение национальной, религиозной и государственной идентичности в традиционных формах, то есть защиту фундаментального принципа частной собственности от покушений коммунистов, отстаивание «всеобщего равенства граждан путем уничтожения всех сословных при-

¹³Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы 1906–1916 гг. М., 2002. С. 40.

¹⁴Там же. С. 63–64.

вилегий»; переход от общинного владения землей к личному; выстраивание стабильных институтов рыночной экономики. «Кровавое зарево революционного пожара», развернувшегося в результате популизма левых партий, разрушение экономики в результате социальной анархии (экспроприаций и забастовок), паралич административно-судебной системы – все это должно быть преодолено конструктивными силами общества на основе ценностей общественной солидарности, завещанных Петром Великим – «свобода, знание и труд»¹⁵. Эти установки, аккумулярованные в программе «Союза 17 октября», исключали коалицию с партиями, не разделявшими центристские позиции – не признававшими конституционно-монархического строя, единства и неделимости России (при равноправии всех национальностей), не стремящимися к осуществлению свобод, данных Манифестом 17 октября или требующими созыва Учредительного собрания¹⁶. Именно поэтому октябристы отказались от сотрудничества с другой либеральной партией – кадетами («монархистами из тактических соображений»), победа которых воспринималась как угроза единству страны (допущение автономии) и политической системе.

Конституционные демократы, образовавшие партию народной свободы, оценивали политическую систему скорее как протоконституционную. Понимая незавершенность конституционных гарантий в «Основных законах» 1906 г., они тем не менее программно подчеркивали ограниченный характер монархической власти после Манифеста 17 октября 1905 г.: «Слава Богу, у нас есть конституция» и «Дума есть вид парламента», «русская оппозиция становится оппозицией Его Величества»¹⁷. В оценках политической системы прослеживается существенная дифференциация между правыми и левыми кадетами – от признания ее состоявшейся конституционной монархией до тезиса об имитационном характере уступок монархии. Это различие позиций нарастало по мере разворачивания революционного кризиса. Критическая позиция выражалась в оценке Думской монархии как «лжеконституционализма» или «мнимого конституционализма». Кадеты пришли к выводу, что в стране «восстановлен старый абсолютный строй», а это предполагает дальнейшую «необходимость борьбы за упрочение Конституции»¹⁸. Политическую трансформацию (аграрные преобразова-

¹⁵Партии российских промышленников и предпринимателей. Документы и материалы 1905–1906 гг. М., 2004. С. 27, 44–48, 114, 175.

¹⁶Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК 1905–1915 гг. М., 1996. Т. 1. С. 147.

¹⁷Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. М., 2000. Т. 2 (1908–1914). С. 83, 175.

¹⁸Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. М., 1997. Т. 2 (1912–1914). С. 41–45.

ния, изменения избирательной системы, ответственное правительство, реформа Государственного совета) предполагалось осуществить путем конституционно-правовых реформ либо путем созыва Учредительного собрания. Данная позиция определяла смену приоритетов – переход от самодержавия к конституционной монархии, а затем парламентской республике. В целом «между борющимися силами реакции и революции демократический конституционализм выставил принцип легальной конституционной борьбы»¹⁹.

Революционный кризис определялся кадетами как социальное возбуждение – «психология масс, легко возбудимых, фатальных». Управлять им – значит следовать за массовым сознанием, что неприемлемо. «Идти с массами и овладеть ими – превосходный рецепт, когда он осуществим; но если идти к массам – значит отдаться их бурлящему потоку, то на это нельзя согласиться. Трудно ценить активность, которая выражается в плавании по равнодействующей разных течений»²⁰. Это значит, что революция должна быть остановлена в определенной точке, а социальное недовольство – использовано против правительства исключительно для обеспечения конституционных преобразований. В условиях революционного кризиса важно не допустить спонтанного развития процесса, т. е. запуска революционного цикла по образцу Французской революции. «Что дал бы стихийный ход революции? – спрашивал П.Н. Милюков. – Как полагается по классической теории всех революций, этот ход привел бы прежде всего к замене смешанного правительства чисто социалистическим, правительством большинства Советов, а в дальнейшем он мог бы привести к замене умеренного социалистического правительства крайними социалистическими представителями ленинского типа. Дальше анархия, террор, военный переворот и военная диктатура. Но, по счастью, можно сказать, классические образцы революции – не для России»²¹.

Общая стратегия состояла в ожидании (и провоцировании) не социальной, но политической (конституционной) революции – такого обострения революционного кризиса, которое вынудит монархический режим пойти на радикальные уступки либеральной оппозиции под угрозой свержения, – не больше и не меньше. Эта ситуация неустойчивого равновесия должна быть использована для утверждения полноценного правового конституционного строя. Данная позиция определила различное отношение центристов и левых либералов к правительству,

¹⁹Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. М., 2000. Т. 2. С. 242.

²⁰Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. М., 1997. Т. 2. С. 103.

²¹Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. М. Т. 3. Кн. 1 (1915–1917). С. 692.

революционному движению и террору. Россия при попустительстве кадетов, считали октябристы, «быстрыми шагами идет к повторению французской революции», поскольку левое большинство (кадеты) стремится «обратить Думу в Учредительное собрание, диктующее свою волю монарху»²². Распуск Думы 3 июня 1906 г. был квалифицирован обеими партиями как «переворот», однако октябристы оценили его как «акт государственной необходимости», в то время как кадеты – как сигнал к кампании гражданского неповиновения власти (Выборгское воззвание). Ключевым фактором в расхождении позиций стало различное отношение к революционному террору. Октябристы выступали за его жесткое подавление, отстаивали «необходимость скорого и строгого суда для твердой борьбы с анархией», и повторяли, вслед за П.А. Столыпиным, что на акты революционного насилия правительство должно отвечать «энергичным подавлением» – юридически обоснованным и соразмерным применением карательных мер. Кадеты, в принципе отрицательно относившиеся к террору, не пошли, однако, на его однозначное осуждение. Даже правые кадеты (как «любимец октябристов» В.А. Маклаков) связывали эту акцию с устранением репрессий и произвола, левые – вообще отказались от осуждения террора. Обеспечение легитимности политической системы в новых условиях социального развития предполагает, по мнению либеральных партий, удовлетворение социальных запросов основных групп общества, необходимость уступок консервативной власти при одновременном общественном давлении на нее. Смыслом всего процесса трансформации должен стать переход к гражданскому обществу и правовому государству, а формой – конституционная (дуалистическая) монархия или (позднее) парламентский режим правления (в монархической или республиканской форме). В самом крайнем проявлении это была программа конституционной (но не социальной) революции.

Радикально-революционная позиция (представленная всем спектром «социалистических» партий от эсеров до большевиков) отрицала легитимность существующей системы как таковой: возникновение российской политической системы определялось как изначальная историческая несправедливость – узурпация политической властью и правящими классами народных прав – свободы, собственности и равенства. Речь должна идти о возвращении народу отчужденных прав – возвращении фактического социального равенства, радикального революционного пересмотра исторически сложившихся «правил игры» путем свержения самодержавия и утверждения непосредственного народного правления в виде социальной республики («трудовой республики», «республики

²²Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК 1905–1915 гг. М., 1996. Т. 1. С. 244–245, 292.

советов» или «федерации коммун»). Краеугольным камнем социального переустройства эсеры считали решение аграрного вопроса – социализацию земли, а основным способом достижения цели – социальную революцию: восстание масс под руководством инициативного революционного меньшинства.

Для этих умонастроений характерно конструирование теории революционного «психологического момента» – такого состояния массового сознания, когда в обществе появляется особый «источник психической энергии» – «социалистический энтузиазм», способный поднять народ на «вооруженное восстание» с целью захвата земли или заводов. Основными способами «пробуждения» масс эсеры (как и другие левые партии в традиционных аграрных обществах по всему миру) считали выдвижение популистской программы земельного передела, провоцирование актов гражданского неповиновения (в виде стачек и саботажа), борьбу с земельным и рабочим законодательством правительства путем мобилизации «сознательных» крестьян на акции протеста, использование уголовных методов – от экспроприаций собственности до насильственных эксцессов и «революционного хулиганства». Главная угроза для реализации данной программы усматривалась не столько в репрессиях, сколько в способности режима найти психологически приемлемую для населения прагматическую альтернативу революции. Угроза усматривалась в ограниченных конституционных преобразованиях с принятием Манифеста 17 октября 1905 г., интерпретировавшихся в целом как чисто макиавеллистическая акция: «правительство выбросило сахарную бумагу на муравейник, муравьи напоззли на нее и – были пойманы». Сходным образом интерпретировалась программа реформ Столыпина, которого сравнивали с Наполеоном и Бисмарком, остановившими революцию в Европе²³. Для преодоления спада революционных настроений, которые характеризовались как «переутомление» и «подавленность» (со ссылкой на «объективную психологию» В.М. Бехтерева), рекомендовался решающий удар в «центр городов» или «центр центров» – использование аграрного и политического террора – убийств наиболее одиозных высокопоставленных представителей правящего режима²⁴.

Эсеры-максималисты шли еще дальше – мечтали о повторении в России Французской революции с ее основными этапами – от взятия Бастилии до созыва Конвента и разработки Конституции 1793 г., брали на вооружение основные лозунги революции – «свобода, равенство, братство», отдавая при этом должное «социалистическим грезам левеллеров, анабаптистов, бабувистов». Революционные организации

²³Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. М., 2001. Т. 2 (июнь 1907 – февраль 1917 г.). С. 190, 390–391.

²⁴Там же. С. 30–47, 182, 246–256, 322–325.

радикального народничества демонстрировали приверженность к заговорщической тактике Бабёфа²⁵ и якобинского клуба²⁶, суммированные в «Катехизисе революционера» Нечаева и доктрине М. Бакунина. Природа революционного кризиса в России интерпретировалась как взрыв общественных ожиданий, ведущий к спонтанному коллапсу системы Старого порядка. В России констатировалось присутствие «всех признаков великой Революции», отмеченных во Франции Токвилем: «Все эти признаки – глубина и широта захвата; неодолимый и неукротимый рост революционного движения; молниеносная быстрота распространения революционного сознания, благодаря которой в самое короткое время уже совершился громадный внутренний переворот, хотя и не добившийся еще своего внешнего выражения; роковой, фатальный характер процесса, развивающегося с неумолимой и неодолимой логикой в определенном направлении, проявления энтузиазма, который можно назвать религиозным; явно пробивающееся стремление к новой, совершенно новой, основанной на правде и справедливости, жизни, – все это признаки начала великой революции». Механизм революционного процесса имеет спонтанный характер – его импульс исходит из среды народа, а не от партий, развивается по нарастающей, постепенно охватывая все социальные слои, отличается постоянным ростом максимализма требований вплоть до их полного осуществления. Ибо «логика внутреннего, психологического процесса, лежащего в основе великих революций, сама по себе должна привести к этому». Коммунистическая организация всемирного общества будущего не ставится под сомнение, однако допускаются ситуации срыва революционного процесса. Отступление от идеала определяет деградацию революционного правительства к авторитарному режиму: «когда колесо революции совершит свой полный круг, он будет использован каким-нибудь диктатором – если, конечно, таковой окажется налицо, так как Кромвели и Наполеоны не являются по первому требованию, но только в случае неудачи революции, в случае разочарования»²⁷. В этой ситуации решающее слово принадлежит «творческой роли инициативного меньшинства», способного аккумулировать деструктивные настроения, организовать протест, захватить власть и удержать ее. Настоящий революционер, подобно хирургу, должен не просто диагностировать болезнь, но быть готовым к радикальной операции – если заражена рука, то бесполезно отрезать пальцы, «он должен отхватить всю руку»²⁸.

²⁵Буонарротти Ф. Заговор во имя равенства. М.: Л., 1948.

²⁶Kennedy M.L. The Jacobin Clubs in the French Revolution. Princeton, 1988.

²⁷Союз эсеров-максималистов. Документы, публицистика 1906–1924 гг. М., 2002. С. 22–24.

²⁸Союз эсеров-максималистов. Документы, публицистика 1906–1924 гг. М., 2002. С. 83.

Русская социал-демократия, следуя канонам марксизма, не могла не учитывать этих проявлений радикализма, но была поставлена ими в тупик. Меньшевики, опираясь на марксистскую теорию классового конфликта, не создали полноценной концепции русской революции, видя в ней аналог буржуазно-демократических революций в Европе, своеобразии которого заключалось в спонтанном проявлении «социалистического демократизма» народных масс. Неопределенность этого понятия выражала, в сущности, беспомощность сторонников европейской социал-демократии перед лицом необузданных революционных эксцессов традиционалистских масс, стоявших вне цивилизованных форм политики. Вклад ленинизма в марксизм (или его ревизию) состоял, как известно, прежде всего, в концепции так называемого «союза рабочего класса и крестьянства» в отсталых аграрных странах, учении о диктатуре, партии «нового типа» и элите «профессиональных революционеров», привносящей социалистическую идеологию в рабочее движение²⁹. Это была корректировка европейского марксизма с позиций народничества и прагматических целей захвата власти в обществе с преобладанием традиционалистских инстинктов и поведенческих стереотипов. Даже те, кто считает, что Ленин был правоверным марксистом, согласны, что эволюция его взглядов и их фанатичное осуществление определялись не столько доктриной, сколько реакцией на социальные изменения и тактикой³⁰.

Ретроспективно анализируя природу революционного кризиса, Ленин, вопреки догматическим постулатам исторического материализма, классовой теории и установкам социал-демократии, выдвинул оригинальную социологическую концепцию «революционной ситуации», которая не утратила своего значения до настоящего времени. Данная концепция в сущности воспроизводила положения «теоремы Токвиля», но использовала ее с обратной целью – провоцирования революционного кризиса для захвата власти. Она определяла причину революции как конфликт психологических ожиданий масс и невозможности их реализации существующей политической властью. «Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями и в частности всеми тремя русскими революциями в XX веке, – констатировал Ленин, – состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали

²⁹*Bottomore T. Marxism and Sociology // A History of Sociological Analysis. London, Heinemann, 1978. P. 118–148; Kolakowski L. Hauptströmungen des Marxismus. Entstehung. Entwicklung. Zerfall. München; Zürich, 1981. Bd 1–3.*

³⁰*Lith L. T. Lenin Rediscovered: «What is to be done?» In Context. Leiden, 2006. Haimson L. Lenin's Revolutionary Career Revised. Some Observations on Recent Discussions // Kritika: Explorations in Russian and European History. Bloomington, 2004. Vol. V. P. 55–80.*

изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому». Эскалация завышенных ожиданий, сталкиваясь с неспособностью власти удовлетворить их, становится детонатором переворота: «Лишь тогда, когда “низы” не хотят старого и когда “верхи” не могут по-старому, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса». Аккумулированное недовольство ведет к расширению протеста, охватывающего все общество – всплеску негативной психической энергии, выражением которой становится спонтанная социальная агрессия, которую остается только направить в нужное русло: «Значит, для революции надо, во-первых, добиться, чтобы большинство рабочих (или, во всяком случае большинство сознательных, мыслящих, политически активных рабочих) вполне поняло необходимость переворота и готово было идти на смерть ради него; во-вторых, чтобы правящие классы переживали правительственный кризис, который втягивает в политику даже самые отсталые массы (признак всякой настоящей революции: быстрое удесятерение или даже увеличение во сто раз количества способных на политическую борьбу представителей трудящейся и угнетенной массы, доселе апатичной)». Наступает коллапс старой власти – массовый протест «обессиливает правительство и делает возможным для революционеров быстрое свержение его» – возникает ситуация, которую должна использовать революционная партия, чтобы «увлечь за собой массы»³¹. Данная концепция, действительно описывающая развитие революционных кризисов, не связывает их, таким образом, с экономической ситуацией или логикой «классовой борьбы», не затрагивает содержательной стороны революционных лозунгов определенного периода. Понятие «пролетариат» здесь чисто условное – оно означает всех активных участников революционного протеста (включая вообще маргинализованные элементы «трудящихся»). В России XX в. революционная ситуация имела место в 1905 г. и в 1917 г., а определенные ее проявления присутствовали в 1991–1993 гг. Она демонстрирует, каким образом управление общественным сознанием и массовой психологией в условиях социального кризиса способно повернуть его развитие в любом направлении (причем не обязательно в революционном, но и «контрреволюционном»).

Представленные три социологических подхода (консервативный, реформистский и революционный) были сходны в трех базовых выводах – оценке существующей политической системы как утратившей в новейший период привычную историческую неподвижность – нестабильной, противоречивой и неустойчивой; определении природы революционно-

³¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 41. С. 70.

го кризиса как спонтанного психологического срыва в обществе; констатации необходимости радикальной трансформации политической системы. Они различались представлениями о масштабах и способах этой трансформации – возрождения аутентичной системы с устранением диспропорций, блокирующих реализацию ее потенциала; реформирования политической системы путем принятия западных правовых форм; ее радикального уничтожения во имя социальной справедливости. Очевидно, что с позиций теории рационального выбора наиболее устойчивым, эффективным и наименее социально затратным вариантом оказывалась реформистская программа – либеральная парадигма модернизации, впервые четко обозначенная Токвилем.

3. Природа революционного мифа: генезис, структура и формы проявления

Основным проявлением радикального социального конфликта становится появление особого революционного мифа – представления о возможности разрешения существующих противоречий путем прямого революционного действия. Генезис революционного мифа, как показали вслед за Токвилем русские аналитики, связан с противоречием позитивного права и правосознания – завышенных социальных ожиданий общества. «Если интенсивность переживания соответствующего интуитивного права очень высока, – отмечал Л.И. Петражицкий, – то возникающее на этой почве враждебное отношение к существующему строю часто порождает, по контрасту с этим строем, устремления, слишком далеко простирающиеся в смысле радикальности осуществляемых перемен, которые в результате оказываются несоответствующими уровню общественной психики. Подобный радикализм ведет к тому, что революция выплескивается за границы, очерченные потребностями общества»³². Выражением революционного мифа становится утопический социальный идеал, который может иметь различные формы – от светских и даже претендующих на «научное» обоснование до вполне традиционалистских и религиозно мотивированных. Но его суть – в соединении идеологии и утопии, которые оказываются не сводимы к каким-либо доказательным (и эмпирически верифицируемым) положениям³³, ориентации социальной мобилизации массового сознания на разрушение существующего строя. Важно проследить, каким образом данный миф возникает, получает широкое распространение и в конечном счете становится господству-

³² *Петражицкий Л.И.* Социальная революция // Право и общество в эпоху перемен. М., 2008. С. 259–263.

³³ *Mannheim K.* Ideology and Utopia. Introduction to the Sociology of Knowledge. L., 1949. P. 131.

ющим в массовом сознании. В русской революции этот миф опирался на идею равенства и определял экспансию радикальных требований.

Причины утверждения данного мифа в России объяснялись в партийных программах незавершенностью аграрных преобразований при одновременном усилении социального расслоения в результате пореформенного капиталистического развития страны. Результатом становилось обостренное чувство социальной несправедливости и стремление к пересмотру фундаментальных социальных ценностей, отношений и институтов. Рост социальной напряженности, нараставший после Великой реформы 1861 г. и особенно в ходе Столыпинских аграрных реформ, достиг пика в годы Первой мировой войны, был связан с разрушением традиционных социальных институтов в условиях быстрого экономического развития; сбоем поступательного движения в условиях войны и глобального экономического кризиса, трудностями военного времени («относительная депривация»), ошибками правительства во внешней и внутренней политике, а в конечном счете – утратой легитимности традиционной монархической властью³⁴.

Следствием когнитивного закрепления революционного мифа в массовом сознании стала эскалация социального протеста и максимизация требований: отказ от традиционного консенсуса общества и власти; неприятие умеренных программ, основанных на рациональном расчете возможного социального согласия и рост социальной агрессии как формы коллективного поведения. Контурсы революционного мифа и схема разрешения социального конфликта путем коллективного насильственного действия в своих общих основаниях сформировались уже в ходе первой русской революции 1905–1907 гг.³⁵ Выводы, которые были сделаны из нее политическими партиями, оказались противоположны: если умеренные усматривали в ней недопустимый срыв социальной стабильности, то левые считали ее незавершенным проектом, позднее определяя как генеральную репетицию революции 1917 г. Соответственно различны были те «уроки», которые эти силы извлекли из событий революции: для правых либералов (сгруппировавшихся вокруг сборника «Вехи»), они заключались в противодействии экстремизму радикальной интеллигенции³⁶, для левых – в подготовке и провоциро-

³⁴Медушевский А.Н. Великая реформа и модернизация России // Российская история. 2011. № 1. С. 3–27; *Он же*. Как выйти из революции: стратегия преодоления социального кризиса в обществах переходного типа // Российская история. 2012. № 3. С. 3–18; *Он же*. Причины крушения демократической республики в России в 1917 году // Отечественная история. 2007. № 5. С. 3–30.

³⁵The Russian Revolution of 1905: Centenary Perspectives. L., 2005; Haimson L. Russia's Revolutionary Experience, 1905–1917: Two Essays. N.Y., 2005.

³⁶100-летие «Вех»: Интеллигенция и власть в России. 1909–2009. Круглый стол // Российская история. 2009. № 6.

вании революционного кризиса для достижения власти³⁷. Причины, по которым неопределенные и аморфные революционные ожидания стали реальностью в ходе Февральской революции, а затем Октябрьского переворота, показаны в современной историографии. Они связаны в России (как и в других странах, переживших социальные революции) с условиями поиска социальной идентичности в расколотом обществе на стадии его быстрой трансформации, заставляющими значительную его часть искать самоопределения в революционном протесте³⁸; формированием особого революционного самосознания³⁹, радикализмом интеллигенции⁴⁰, в частности, студенческой молодежи⁴¹, ростом национализма по мере ослабления имперского центра власти⁴², расколом политической элиты старого режима в отношении перспектив сохранения власти и необходимых уступок революционному движению (ставшим определяющим фактором в падении царского режима и отречении Николая II в феврале-марте 1917 г.)⁴³. В условиях Первой мировой войны обострение этих противоречий выражалось в особом состоянии общественного сознания, возбужденного патриотической и националистической кампанией⁴⁴, но затем столкнувшегося с фактором военных неудач, стимулировавших кризис легитимности монархической власти. Это психологическое состояние общества, колебавшегося между апатией и радикализмом, характеризовалось двумя противоположными векторами – неуверенностью в будущем (и растущими опасениями) и ростом социального запроса к власти. Утрата режимом когнитивного доминирования в обществе делала его положение еще более непрочным, позволяя оппонентам использовать реальные и мнимые просчеты власти для ее дискредитации в глазах общества (как это продемонстрировано, например, в «деле Распутина», обвинениях в «измене» и росте «шпиономании»)⁴⁵. Эта быстрая смена настроений отражает последо-

³⁷*Медушевский А.Н.* Политические технологии защиты общества от экстремизма: уроки революции // Революция 1905–1907 годов: взгляд через столетие: Материалы всероссийской научной конференции 19–20 сентября 2005 г. М., 2005.

³⁸*Social Identities in Revolutionary Russia.* N.Y., 2001.

³⁹*Halpin G.* From Darkness to Light: Class, Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh, 2000.

⁴⁰*Kelly A.M.* Toward Another Shore: Russian Thinkers between Necessity and Chance. New Haven, 1998.

⁴¹*Morrissey S.* *Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism.* N.Y.; Oxford, 1998.

⁴²*Waldron P.* *The End of Imperial Russia, 1855–1997.* Basingstoke, 1997; Longworth Ph. *Russia's Empires: Their Rise and Fall: From Prehistory to Putin.* L., 2005.

⁴³*Moon D.* *The Problem of Social Stability in Russia, 1598–1998 // Reinterpreting Russia.* L., 1999. P. 54–74.

⁴⁴*Lohr E.* *Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I.* L.; Cambridge, 2003.

⁴⁵*Fuller W.C.* *The Foe Within: Fantasies of Treason and the End of Imperial Russia.* Ithaca, 2006.

вательное погружение общества в революционный хаос, где индивид ощущает себя не столько участником, сколько жертвой фатальных социальных сил⁴⁶. В этих условиях реализовавшийся социальный выбор оказался наименее рациональным: констатация кризиса традиционного общества вела не к признанию необходимости постепенных реформ, но к принятию утопических лозунгов социальной республики, социализма и коммунизма. Их манипулятивные преимущества очевидны: целостная, но иллюзорная картина мира; соответствие представлениям масс о социальной справедливости; связь идеологии с негативной социальной мобилизацией против системы российского Старого порядка.

Крушение монархии в ходе Февральской революции было воспринято «образованной» частью общества как завершение длительной борьбы в русском освободительном движении, породив характерный для всех революций феномен завышенной самооценки и революционных ожиданий. В оценках Февральской революции, дававшихся современниками, присутствуют все те представления, которые мы наблюдали в революциях Новейшего времени – антикоммунистических революциях в странах Восточной Европы 90-х годов XX в., «цветных революциях» на постсоветском пространстве или движениях так называемой «арабской весны» начала XXI в. (при всем содержательном отличии от «классических» социальных революций прошлого). В России периода Февральской революции воцарилась атмосфера эйфории («гигантская волна радости» – «было что-то необыкновенное»), ощущения великих событий («старое правительство свергнуто и настали радостные дни свободы»), сознание национального единства («войска и народ слились воедино»); удивление бескровным и мирным характером этой революции – «это единственная революция, прошедшая без крови и жертв» (в отличие от революций в Европе или революции 1905 г. в России). Характерно представление современников об отличии этой революции от других: «Французская революция в 1792–1793 году, – считали они, – создала гильотину, русская же – уничтожила ее». Наконец, представлен вывод, свидетельствующий о формировании системы завышенных ожиданий: «Россия избавилась от тиранов и стала свободной страной», «весь переворот произошел быстро и без кровопролития, как ни в одной культурной стране». В столичных толпах преобладали «радостные лица» – «страна сбросила тяжесть, которая душила ее столько лет»⁴⁷. Движение общественных ожиданий от их эскалации к упадку («разочарованию») – признак всех крупных социальных революций на завершающей стадии.

⁴⁶*Price M.Ph. Dispatches from Revolutionary Russia, 1915–1918. Durham, 1998.*

⁴⁷Первые дни свободы в Москве. Письменный экзамен за V класс учеников Московской консерватории о Февральской революции 1917 г. в Москве // Российский архив. М., 1991. Т. I. С. 191–204.

Однако то, что интеллигенция восприняла как окончание революции, для традиционалистских слоев оказалось ее прологом (поскольку их социальные чаяния по уравнительному переделу земли, достижению мира и уничтожению «эксплуатации» оказались нереализованными).

Все эти представления, наивность которых поражает наблюдателей первой фазы всякой крупной революции, не отменяет скрытого, но реально присутствующего в ней «якобинского аргумента». Ровно через год картина общественных настроений оказывается диаметрально противоположной. В 1918–1919 гг. дореволюционная Россия воспринимается уже как «волшебная сказка»: где теперь прежняя живая общественная жизнь с ее радостными лицами, бойкой торговлей, роскошью нарядов, экипажами, рысаками и выставками. Их сменили «невыносимый холод», эпидемия самоубийств, «зверские нравы», дикая озлобленность населения, колонны арестованных, ведомых в чрезвычайку, нищета и карточки, а «впереди беспросветная мгла». Характерно сравнение коммунистической Москвы с той, которую оставил Наполеон после отступления⁴⁸. Эта смена настроений – четкое выражение психологической закономерности революции, отправной точкой которой служат завышенные ожидания, а завершением – абсолютное «разочарование» в идеалах революции.

Современная социология революции актуализирует их интерпретацию как спонтанного психологического срыва в обществе, связанного с преодолением когнитивного тупика – традиционалистской реакцией консервативного сознания, определявшейся феноменом относительной депривации в условиях роста завышенных ожиданий. Обращает на себя внимание сходство оценок ситуации как психологического феномена основными политическими силами, независимо от их идеологической программы. Конституционные демократы связывали логику русской революции и смену ее основных фаз именно с изменениями психологических установок массового сознания. Радикальные теоретики революционного переворота из среды эсеров и анархистов усматривали его движущую силу в психологическом импульсе массового сознания. Большевики разработали технологию использования этого недовольства для осуществления переворота. Для правых и умеренных партий революция есть деструктивная реакция неподготовленного аграрного общества на трудности аграрной модернизации, усугубленные войной и экстремистской агитацией. В основе конфликта, как признавали все, – историческая неискушенность крестьянства, стоящего вне политики и связывающего свои социальные ожидания с идеей уравнительного перераспределения земли. Общая причина ре-

⁴⁸Москва в ноябре 1919 года. Сочинения учащихся научно-популярного отделения Университета им. А.П. Шанявского // Российский архив. М., 1992. Т. II–III. С. 362–384.

волюции, следовательно, – это отсутствие полноценной гражданской нации, агрессивное неприятие «новизны» и завышенные социальные ожидания от реализации революционного мифа – утопического социального проекта.

Ключевое значение в когнитивном повороте начала революции справедливо отводится радикальной интеллигенции как носителю революционной идеологии и одновременно инструменту начала ее реализации. Это выражается в оценках данного феномена правыми деятелями: русская интеллигенция – «чудовищная гидра»⁴⁹, которая «отравила себя революцией, опьянила сознание и затуманила мозг»⁵⁰. Разворачивание спонтанного революционного процесса, однако, оказывается губительным для самой интеллигенции. Это ощущали даже те представители «народной интеллигенции», которые оказались перед неразрешимой дилеммой – следовать за темным народным потоком в его грубых проявлениях или выступить против них во имя защиты культуры. Они недоумевали: «что же остается, если интеллигенция и впрямь обречена висеть на фонарных столбах?»⁵¹ Следствие спонтанной протестной динамики – утрата когнитивного доминирования умеренных, отстранение либеральных интеллектуалов от политического процесса. Социальная агрессия, ставшая результатом максимизации требований, выражалась в отказе масс от правовых форм преобразований; апелляции к террору как способу социального регулирования, утверждению программы левых («социалистических») партий, а затем – экстремистских политических сил (большевизма). Характерны ретроспективные оценки ситуации кадетами, которые признавали, что недооценили опасность – были «Гамлетами русской революции». «Русская интеллигенция, – резюмировал А.С. Изгоев, – понесла свою кару за нежелание и неумение организовать постепенный переход от абсолютизма к правовому строю. Камень скатился обратно к подножию горы. Интеллигенции, как Сизифу, надо снова вкатывать его наверх»⁵².

В этом контексте принципиальное значение имеет вопрос о готовности политических партий России к самому факту революции, возможности его предвидения и прогнозирования стадий осуществления. Во-первых, все партии в канун революции ощущали ситуацию паралича власти и неизбежность ее падения. Правые партии в январе 1917 г. вынуждены были констатировать, что «песенка власти спета», а сама

⁴⁹Правые партии. Документы и материалы. М., 1998. Т. 2. С. 212.

⁵⁰Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК 1905–1915 гг. М., 1996. Т. 1. С. 279.

⁵¹Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и материалы. М., 2003. С. 115.

⁵²Изгоев А.С. Рожденное в революционной смуте (1917–1932) // Труды по русскому ведению. М., 2009. С. 359.

власть «парализована»⁵³. Распутин выразил эту мысль ранее и более лаконично: «как веревочку ни крути, а концу быть – мы давно у кончика» (это – о царе и созыве Думы в 1915 г.)⁵⁴. Либеральные партии доктринально исходили из того, что «безответственное правительство, вдохновляемое и направляемое темными силами, ведет страну к гибели»⁵⁵. Осознание надвигающейся катастрофы было характерно для всех партий центра и левого фланга.

Во-вторых, возможность предвидения революции оказалась крайне ограниченной. Если правые партии вообще не ставили этот вопрос, то либералы так и не смогли дать определенный ответ на него. Конституционные демократы, как показывают их дебаты в канун революции, в большинстве считали революцию маловероятной или невозможной в краткосрочной перспективе. В ЦК кадетской партии в 1914 г. активно дебатировался вопрос – «будет ли революция?». Ответы на него были даны ведущими мыслителями и практиками того времени. Одни констатировали, что категоричного ответа дать нельзя, хотя не исключен и положительный ответ (Н.В. Некрасов); другие считали, что «никаких данных для приближения революции нет» – «не чувствуется ни достаточной активности, ни смелости» (В.И. Вернадский) и «не видели в стране элементов революции», полагая, что «вообще реставрация гораздо вероятнее, чем революция» (Ф.И. Родичев), третьи думали, что в стране царит «бессмысленно-революционное настроение» (А.И. Шингарев) и поэтому вместо революции «не исключена возможность всяких *pronunciamento*» (Д.И. Шаховский). Единственным представителем партии, сделавшим четкий прогноз о скорой революции, была женщина – А.В. Тыркова (ее, впрочем, называли единственным мужчиной в кадетском ЦК). Однако, суммируя дискуссию, лидер партии Милюков заявил, что «не ждет революции»⁵⁶. В 1916 г. кадеты констатировали: «для революции даже лозунгов у нас нет, нет и программы, – вообще это не наш метод борьбы» (А.А. Корнилов)⁵⁷. Радикальные партии оказались застигнуты революцией врасплох. Характерно признание эсеров: «Революция ударила как гром с неба и застала врасплох не только правительство, Думу и существовавшие общественные организации. Будем откровенны – она явилась великой и радостной неожиданностью

⁵³Правые партии. Документы и материалы. М., 1998. Т. 2. С. 619.

⁵⁴Жуковская В.А. Мои воспоминания о Григории Ефимовиче Распутине 1914–1916 гг. // Российский архив. 1992. Т. II–III. С. 291.

⁵⁵Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы 1906–1916 гг. М., 2002. С. 392–394.

⁵⁶Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. М., 1997. Т. 2. С. 260–261, 268, 270–275.

⁵⁷Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. М., 1998. Т. 3 (1915–1920). С. 297.

и для нас, революционеров, работающих на нее долгие годы и ждавших ее всегда». Вообще «никто не предчувствовал в этом движении веяния грядущей революции»⁵⁸. Бунд честно признавал: «мы не можем предсказать момент наступления революции», а потому «нельзя приспособить организационные формы к революционному моменту»⁵⁹. Известно признание Ленина, сделанное в Швейцарии, о невозможности революции в России в краткосрочной перспективе. Он даже не рассчитывал дожить до революции, но полагал, что это удастся молодому поколению⁶⁰. Принципиален вывод: ни одна из политических партий России не оказалась способна прогнозировать точные сроки наступления революции. Ретроспективные оценки Февральской революции не опровергают этого общего вывода, независимо от того, считают ли ее результатом спонтанного социального взрыва или следствием готовящегося переворота⁶¹.

Это подтверждает вывод о спонтанности революционного взрыва, мотивированного неустойчивым состоянием массовой психики, неготовность основных политических партий и их лидеров рационально управлять им показывает ограниченную объясняющую силу всех «теорий» революции, фигурировавших в русской политической мысли.

4. Фазы революционного цикла как выражение форм когнитивного доминирования

Понятие революционного цикла в принципе означает смену фаз революционного процесса, которая, начавшись с отрицания Старого порядка, заканчивается его формальной реставрацией. Каждая из фаз воплощает доминирование определенной социальной силы и выдвигаемой ею программы разрешения социального кризиса. Этот вывод вполне подтверждался классической историографией на материале Английской и Французской революций, отчасти европейской революции 1848 г., где четко представлены этапы правления традиционной аристократии, умеренных и радикалов, последующий переход к стабильности в виде военных диктатур (Монка и Бонапарта) с последующим восстановлением монархии. Этот подход доминировал в трудах тех западных ученых, которые были наиболее популярны в России – Гизо, Тьера, Токвиля, Сореля и особенно А. Олара⁶². В русской литературе о европейских рево-

⁵⁸Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. М., 2000. Т. 3. Ч. 1 (февраль–октябрь 1917 г.). С. 24.

⁵⁹Бунд. Документы и материалы. 1894–1921. М., 2010. С. 418.

⁶⁰Ленин В.И. ПСС. Т. 30. С. 328.

⁶¹Катков Г. М. Февральская революция. М., 2006.

⁶²Олар А. Политическая история Французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики (1789–1804). М., 1902.

люциях, в трудах А.Д. Градовского, М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, Э.Д. Гримма и др.⁶³ доминировало представление о демократическом социальном содержании революций Нового времени и неизбежности их завершения переходом к гражданскому обществу и правовому государству; революционный террор воспринимался как искривление магистральной линии, а реставрационная фаза – как временное отступление от этого идеала. Данная траектория четко представлена в названии труда Ковалевского – «От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму»⁶⁴. Главная проблема усматривалась в своевременном ограничении деструктивных тенденций – недопущении или минимизации радикальной (якобинской) фазы, способной отодвинуть эту цель во времени, но не отменить ее. Срыв революции к террору интерпретировался как крушение ее проекта в Европе и причина установления диктатуры – деформация, ведущая к Термидору и Реставрации, которых в принципе следовало избежать в русской революции⁶⁵. Для русских последователей Маркса, Каутского, Жореса⁶⁶ и других социалистических историков Французской революции⁶⁷ конструция циклов революционного процесса в целом была сходной, но включала приоритетное внимание к радикальной якобинской фазе, в которой усматривалась не столько девиация, сколько норма всякой радикальной демократической трансформации.

Вопрос о том, может ли русская революция завершиться иначе, чем европейские революции, практически не рассматривался. Но именно он стал центральным для XX в., когда выяснилась невозможность создания единой схемы революции. Революции, как стало ясно, не обязательно имеют целью создание правового демократического общества, но могут вести к его разрушению (что показала русская революция); поднять массы на разрушение существующего строя оказалось возможным не только под классовыми лозунгами социального протеста, но также под лозунгами национализма, этнической или конфессиональной идентичности, суверенитета и обретения независимости (так называемые колониальные революции); революции могут осуществляться не рациональными, а вполне иррациональными силами (как,

⁶³Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии. М., 1895. Т. 1–2; Гримм Э.Д. Революция 1848 года во Франции. СПб., 1908. Ч. 1–2; Кареев Н.И. Великая французская революция. М., 1918; Он же. Отчего кончилась неудачей европейская революция 1848 г. Пг., 1917.

⁶⁴Ковалевский М.М. От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. СПб., 1906. Т. 1–3.

⁶⁵Кареев Н.И. Историк Французской революции. Л., 1924.

⁶⁶Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. М., 1977–1983. Т. 1–6.

⁶⁷Кунов Г. Борьба классов и партий в Великой французской революции 1789–1794 гг. М.; Пг., 1923.

например, исламские революции); политическим содержанием революций могут стать не обязательно уравнилельно-распределительные принципы всеобщего равенства, но противоположные им принципы (как показывают антикоммунистические революции 90-х годов XX в. в Восточной Европе, направленные на восстановление «капитализма» и индивидуализма); движение революционного процесса не обязательно идет от столичного центра к периферии (как было во Франции и России), но может, напротив, развиваться на периферии (как это было в китайской и мексиканской революциях) с последующим движением к городам и столичным центрам; движущие силы этих революций вовсе не обязательно представлены «рабочим классом», но могут включать самые различные элементы – от маргинализованного крестьянства (в так называемых «аграрных» революциях) до солдат и студентов; революционный переворот может быть единовременным или растянутым во времени, а формы его проведения могут включать как кровавые насильственные методы подавления оппонентов, так и вполне бескровные и мирные акции социального давления на власть (в виде различных «цветных революций» Новейшего времени); руководство революционными изменениями могут брать на себя не партии, но лидеры национальных движений, профсоюзов, духовенства, армии; общим результатом революций может стать не гражданское равенство и утверждение принципа правового равенства, но напротив – создание новых, более жестких форм господства (фашистские движения); наконец, следствием революций может стать не правовое конституционное государство, а распад государства или различные варианты авторитаризма (от тоталитарных до традиционалистских патерналистских режимов в развивающихся странах). Еще большее количество вариантов возникает с учетом глобальной ситуации – влияния на революционные процессы доминирующих идеологий (или их комбинаций) ведущих держав и уровня средств коммуникаций и подавления. На исходе XX в. это привело к отказу от принятия единой теории революции и приоритетному вниманию к социологическому и сравнительному конструированию многофакторных моделей революционных процессов⁶⁸. Этот исторический опыт XX в. не мог быть учтен современниками русской революции, его предстояло осмыслить только в дальнейшем.

Следует признать как историческую данность, что концепция, типология и схема периодизации революций, господствовавшие в академических кругах и общественном сознании России начала XX в., стали

⁶⁸*Furet F. Penser la Révolution Française. Paris, 1978; Kimmel M.S. Revolution. A Sociological Interpretation. L., 1990; Krejci J. Great Revolutions Compared. The Outline of a Theory. L., 1994.*

главным когнитивным фактором, определившим установки и группировку основных политических сил в отношении социального конфликта. Из этого подхода вытекал анализ фаз возможной русской революции. Схема революции оставалась неизменной, обсуждалась лишь специфика фаз ее осуществления, их социального содержания и возможной продолжительности. В рамках когнитивного подхода целесообразно говорить, однако, не столько о смене социальных групп у власти, сколько – форм когнитивного доминирования определенных политических стереотипов в массовом сознании. Подчеркнем, что соответствующие группы революционных элит четко моделировали свое поведение по образцу их исторических предшественников. Миф Французской революции был многим обязан мифу Американской революции и его пропаганде⁶⁹. Сочинения Пейна, Джефферсона и Франклина знаменовали консолидацию мессианского идеализма, революционного символа веры, причем миф об Американской революции приобрел определенную форму во Франции еще задолго до того, как сами Соединенные Штаты приобрели устойчивую политическую форму, и оказал гораздо большее воздействие на общественную мысль Франции, чем сама эта форма⁷⁰. Английская революция середины XVII в. и сравнение Кромвеля, Вашингтона и Наполеона служили в Европе для обоснования различных стратегий социальных преобразований – как революционных, так и либеральных⁷¹. Миф Французской революции в свою очередь получил в Европе наиболее четкое идеологическое, интеллектуальное и символическое выражение⁷² и сыграл в мировой истории даже более деструктивную роль, чем сама революция⁷³, поскольку создал схему интерпретации социального конфликта, использованную затем революционерами всех стран. Резкая критика революционной утопии и невозможности ее реализации, начиная с Э. Бёрка⁷⁴, представленная трудами Шатобриана и Токвиля, находилась на периферии общественного внимания русского либерализма кануна революций, обращение к ним начинается в постреволюционную эпоху. После всех европейских революций начала XX в. эта борьба идей привела к определенному выводу К. Шмитта: «Не существует нормы, которая была бы применима к хаосу. Должен быть установлен порядок, чтобы имел смысл правопорядок. Должна быть создана нормальная ситуация, и сувереном явля-

⁶⁹Davidson Ph. Propaganda and the American Revolution 1763–1783. Chapel Hill, 1941.

⁷⁰Дойсон К.Г. Боги революции. СПб., 2002. С. 129.

⁷¹Гизо Ф. История английской революции. СПб., 1859.

⁷²Dictionnaire Critique de la Révolution Française. Sous la direction de F. Furet et M. Ozouf. P., 1992. Vol. 1–4.

⁷³Gerard A. La revolution Française. Muthes et interprétation (1789–1970). P., 1970. P. 53.

⁷⁴Burke E. Reflections on the Revolution in France // The Writings and Speeches of Edmund Burke. Vol. VIII (The French Revolution. 1790–1794). Oxford, 1989.

ется тот, кто недвусмысленно решает, господствует ли действительно это нормальное состояние»⁷⁵. Однако революционное сознание – это романтическое сознание, которое живет мифами. Если английские пуритане апеллировали к религиозным догмам и символам, а французские революционеры, по выражению Маркса, рядились в одежды римских героев, то русские – копировали поведение деятелей Французской революции, даже если не делали этого по рациональным причинам, то стремились имитировать соответствующие формы и фразеологию для легитимации своего доминирующего положения и массовой мобилизации⁷⁶. Проблема заключается в том, чтобы понять причину воспроизводства и смены этих фаз когнитивного доминирования, длительности их существования.

В рамках анализируемых документов российских политических партий революционного периода можно констатировать определенное единство интерпретационных подходов. Все русские политические партии, во-первых, исходили в той или иной степени из модели цикла Французской революции; во-вторых, пытались найти аналог соответствующих стадий русской революции с французскими (или европейскими) прототипами; в-третьих, прямо или косвенно отождествляли себя с соответствующими политическими партиями (монархистами, фельянами, жирондистами, якобинцами, эбертистами). Впоследствии эти обозначения использовались уже левыми историками Французской революции для выяснения сходства двух революций, например, сравнения большевиков с якобинцами, а Ленина с Робеспьером⁷⁷. Для марксистской историографии подобные сравнения оказывались возможны с позиций «классовой» теории революции⁷⁸. Исходя из этого, партиями выстраивался общий анализ революционного процесса и прогнозировался вектор возможных изменений, осуществлялся поиск собственной политической идентичности⁷⁹. Более того, политические партии учитывали логику смены фаз когнитивного доминирования в выстраивании своей практической политики, используя соответствующие методы и терминологию для сохранения господства.

В целом использование модели французского революционного цикла, позволяя типологизировать стадии революционного процесса,

⁷⁵Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 26.

⁷⁶Ср.: Kenz P. The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929. Cambridge, 1985.

⁷⁷Собуль А. Первая республика. 1792–1804. М., 1974; Матьез А. Французская революция. Ростов на Дону, 1995.

⁷⁸Литература вопроса: Реуниенков В.Г. Марксизм и проблема якобинской диктатуры. Л., 1966.

⁷⁹Черский Е. Таблица русских политических партий. М., 1918; Вардин И. Политические партии и русская революция. М., 1922.

на практике скорее вводило в заблуждение: прогнозы о последовательности смены фаз революции, делавшиеся в ходе событий, оказались несостоятельны, господство экстремизма (несмотря на различие его этапов) оказалось гораздо более продолжительным, а фаза Реставрации (в ее классическом понимании как возвращения монархии) так и не наступила. Большевики, следуя схеме Французской революции (на фазе якобинской диктатуры) сознательно пошли на ее ревизию – лжетермидор (известный как НЭП). Это была когнитивная ловушка, в которую попали те либеральные критики режима, которые, как Н. Устрялов, решили, что Термидор наконец состоялся⁸⁰. Не стал реальностью и бонапартистский метод выхода из революции в ходе ее развития и последующих модификаций режима. Бонапартистская альтернатива однопартийной диктатуре не состоялась не потому, что она была теоретически невозможна (целесообразность такого переворота стала общим местом постреволюционных дискуссий)⁸¹, но прежде всего в силу очевидности этой угрозы для режима в контексте уроков Французской революции и превентивного устранения режимом всех потенциальных кандидатов в Бонапарты – от Корнилова и Колчака до Троцкого, Тухачевского и Г.К. Жукова⁸². Русская революция развивалась и завершилась совсем не так, как прогнозировали современники – от ярых противников большевизма до его последовательных сторонников. Причина этого – в неадекватном понимании большевизма его политическими оппонентами.

В интерпретации социальных функций большевизма российскими политическими партиями прослеживается три устойчивых направления. Во-первых, большевизм первоначально (в условиях Октябрьского переворота 1917 г. и Гражданской войны) предстает как выражение русского традиционализма – анархического крестьянско-солдатского бунта в стиле пугачевщины или более рафинированных ее форм (анархизм или нечаевско-бабёфовская программа). Во-вторых, прослеживается постоянное проведение аналогии между большевизмом и якобинством с несостоятельным прогнозом о Термидоре и крушении революции (меньшевики, эсеры и другие левые партии в период Кронштадтского восстания). В-третьих, представлена интерпретация большевизма как бонапартизма или фашизма (в период НЭП). Эта линия интерпретации, выдвинутая либеральными критиками, доминировала затем в отношении сталинизма (и представлена в том числе

⁸⁰Устрялов Н. Под знаком революции. Л., 1925.

⁸¹Об этих настроениях см.: Терне А. В царстве Ленина. Очерки современной жизни в РСФСР. Берлин, 1922.

⁸²Медушевский А.Н. Русский бонапартизм как предмет сравнительного изучения // Труды Института российской истории. М., 2004. Вып. 4.

в троцкистской его интерпретации как «бюрократического перерождения» революционной власти). Все три теории оказались несостоятельны: тезису о традиционализме противостояла большевистская программа массовой мобилизации и модернизации; тезису о якобинстве – отсутствие термидорианского перерождения (как возвращения к буржуазному строю); тезису о бонапартизме – нереализованность коммунистическим режимом его гражданско-правовой программы (национализм и защита частной собственности) и политических форм (военная диктатура).

Трудность решения проблемы большевизма (завуалированная дебатами о «советской демократии») – сплав в нем традиционализма и модернизации; невиданные масштабы социальной мобилизации и массового террора; сочетание устойчивых идеологических приоритетов и предельно прагматического использования тактических средств, взятых из инструментария различных авторитарных режимов. Все эти особенности выражены в сформировавшейся позднее концепции тоталитаризма, которая также проделала существенную эволюцию⁸³. Когнитивное доминирование экстремизма – при всех изменениях коммунистического правления – выразило психологическую адаптацию большевистского режима в меняющейся социальной среде – от периода Гражданской войны⁸⁴ до консолидации однопартийного мобилизационного режима и милитаризованной экономики⁸⁵. Длительность существования коммунистического режима отодвигала проблему Реставрации как окончательной стадии политической трансформации, стимулируя размышления о завершающей фазе русской революции.

Суть концепции Реставрации, как она была сформулирована в европейской литературе (особенно Шатобрианом, Де Местром и Токвилем), – в том, чтобы преодолеть революцию, взяв ее достижения и отказавшись от ее деструктивных методов⁸⁶. Традиционная трактовка Реставрации предполагала возвращение к нормам и институтам Старого порядка с целью преодоления революционного кризиса. Русская революция, вопреки многочисленным прогнозам, не получила завершения в формальной реставрации дореволюционных порядков как восстановления правовой и политической преемственности, несмотря

⁸³Totalitarismus in 20. Jahrhundert: Eine Bilanz der internationale Forschung. Baden-Baden, 1996.

⁸⁴Swain G. The Origins of the Russian Civil War. L.; N.Y., 1996.

⁸⁵Gaddy C.G. The Price of Past: Russia's Struggle with the Legacy of Militarised Economy. Washington, 1996.

⁸⁶Предсказание Реставрации во Франции было дано Де Местром: *Maistre J.de. Considérations sur la France. Essai sur le Principe générateur des Constitutions politiques. Préface du Comte B. de Vesins. Paris, 1907. P. 95.*

на постоянное присутствие монархической альтернативы. Вопрос о соотношении республики и монархии, актуальный в период Учредительного собрания и Гражданской войны, оказался снят установлением и длительным господством однопартийной диктатуры. Но анализ стратегий реставрационного выхода из кризиса, предложенный в партийных программах, сохраняет не только научное, но и практическое значение для постсоветского развития.

В период революции представлено три концепции Реставрации.

1. Свержение большевизма силовым путем в результате победы правых в ходе Гражданской войны и установления временной диктатуры, создающей предпосылки для правового строя – созыва Конституанты.
2. Теория внутреннего перерождения большевизма и принятия частью его представителей реставрационной программы (концепция Термидора).
3. Отстранение большевиков от власти в результате революции или военного переворота. В реальности первый вариант не реализовался фактически; второй – реализовался частично (если иметь в виду последующую бюрократизацию советского режима, уничтожение ленинской гвардии в период сталинизма и отказ от идеи «мировой революции»); третий получил практическую реализацию только в условиях демократической революции (или переворота) 1991–1993 гг. В постсоветский период оказались доминирующими те подходы, которые были представлены русским либерализмом: создание гражданской нации; движение в направлении гражданского общества и правового государства; юридическое признание частной собственности (в том числе – на землю); конституционная, федеративная, судебная и административная реформы, возможное сохранение авторитарного режима на переходный период⁸⁷.

Острота современной дискуссии о постсоветской реконструкции общества с учетом исторической длительности коммунистической диктатуры объясняется необходимостью ответить на вопрос, что является объектом реставрации: восстановление досоветских, советских порядков или некоторого их гибрида. На деле присутствует психологическая амальгама двух подходов, восходящих к дискуссиям периода Учредительного собрания и выражающая сохранение когнитивного диссонанса в современном обществе. Корень разногласий – в различии интерпретаций большевистского режима – причин появления, форм консолидации власти и длительности коммунистического эксперимента. Программа постреволюционной стабилизации, разработанная в рамках конституционного либерализма, и выдвинутые им приоритеты реформ делают решение проблемы вполне актуальным.

⁸⁷Эти позиции представлены в кн.: Всероссийский национальный центр. М., 2001.

5. Причины крушения российского Старого порядка: социологические схемы русской революции

Ретроспективные попытки создать «научную» теорию крушения самодержавия и интерпретировать революцию как закономерное следствие действия универсальных социальных законов определялись доминировавшими социологическими подходами. Концепции революции, выдвигавшиеся современниками, укладываются в господствующие социологические теории того времени: 1) позитивистскую теорию факторов (совокупное воздействие экономических, социальных и политических факторов); 2) марксистскую «классовую» теорию (революция как следствие «объективных» классовых противоречий); 3) различные бихевиористские концепции (изменение массового поведения под воздействием меняющейся социальной действительности); 4) теорию «заговора»; 5) сведение причин революции к элементарному крушению государственности («Смута») или 6) сочетанию уникальных исторических обстоятельств и роли «великих людей». Наконец, 7) представлены подходы, опирающиеся на квазитеологические и религиозные объяснения либо объяснения, связанные с моральной деградацией общества (в стиле Н. Бердяева и А. Солженицина). Последующая историография добавила к ним теорию модернизации и ее срывов в традиционном обществе.

Основные социологические схемы русской революции – системная теория, структурная теория (классового конфликта) и бихевиористская теория – были предложены современниками и получили развитие в последующей историографии. Системная теория (А.А. Богданова) видит в революции частный случай проявления универсальной тектологической закономерности – процессов интеграции и дезинтеграции социальных систем, связанных с изменением внешнего окружения, сопровождающихся качественным изменением форм и внутренних границ структурных элементов. Революции в обществе представляют «разрыв социальной границы» наподобие физических процессов (кипение воды – разрыв физической границы между жидкостью и атмосферой) или биологических (смерть – разрыв жизненной связи организма)⁸⁸. Вклад данной теории определяется возможностями анализа распада старых социальных форм (их «дезинтеграции»), но не объясняет механизмов создания новых и их правового выражения.

Структурная (классовая) теория усматривает логику революционного процесса в смене борющихся социальных сил, доминирующих на разных этапах кризиса. Эта смена моделируется на основе классических

⁸⁸Богданов А. Всеобщая организационная наука (Тектология). М.; Л., 1925. Ч. 1–2. С. 113.

европейских революций Нового времени. «Буржуазно-демократическая революция, как процесс, – полагал Н. Рожков, – складывается из четырех основных моментов: первый из них – подготовка революции, второй – первый бурный ее момент, третий – реакция, четвертый – вторая революция или заменяющие ее войны. В некоторых революциях между вторым и третьим моментами имеет место еще военная или цезаристская диктатура»⁸⁹. Данная схема, однако, плохо объясняла русскую революцию, в частности, не давала ответа на вопрос, почему революция началась именно в данный момент, а переход из второй фазы в четвертую занял столь короткий исторический промежуток времени и не сопровождался проявлением цезаризма. Объяснение этого факта пытался дать М.Н. Покровский: почему, спрашивал он, революция 1905 г. потерпела поражение, а революция 1917 г. не смогла быть остановлена самодержавием? Отвечая на него, он видит причину этого в непреодолимом расколе «империалистических верхов» в последнем случае и их неспособности к достижению согласия в условиях мировой войны. Успех революции в России 1917 г. стал возможен благодаря острому конфликту двух типов национального капитала – промышленного и торгового, достигшему кульминации именно в период империалистической войны. Фактически имел место раскол правящей элиты, приведший к параличу власти в критический период революции⁹⁰. Данная модификация классовой схемы, не говоря о ее фактической спорности, не решала проблемы, сводя дело к особенностям расстановки сил внутри правящих групп. Л. Крицман видел объяснение специфики русского революционного процесса в сочетании в нем нескольких типов революции, которые обычно разворачиваются автономно – антикапиталистической, аграрной и отчасти колониальной революций. Именуя данный тип «сложной революцией», он одним из первых попытался дать политологический анализ «механизма революции», который раскрывается им в динамике пяти фаз реализации разрушительных и созидательных функций революционного переворота. После этого «революция, победив и сделав свое дело, умирает»⁹¹. Тезис о «смерти революции», являясь еретическим для марксизма, понятен в связи с противопоставлением циклической модели – концепции «перманентной революции» Л. Троцкого. Он основывался на оригинальном (но недоказанном) предположении о соотношении революционного класса и диктатуры в ходе революционного переворота.

⁸⁹Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). М.; Пб., 1923. Т. VIII (Демократическая революция в Западной Европе). С. 256.

⁹⁰Покровский М.Н. Очерки русского революционного движения XIX–XX вв. М., 1924.

⁹¹Крицман Л. Героический период великой русской революции (опыт анализа военного коммунизма). М.; Л., 1926. С. 26.

Бихевиористская теория революции (П.А. Сорокин) видит ее смысл в психологических факторах – столкновении подавленного рефлексивного поведения масс и его репрессивного подавления. Непосредственной причиной революции становится всегда ответ большей части общества на рост подавления основных инстинктов – «невозможность обеспечения необходимого минимума удовлетворения этих инстинктов»⁹². Эта теория (получившая затем широкое распространение в историографии) видит механизм возникновения революций в социальной психологии. Эта теория очень близка всем тем концепциям в криминологии, которые связывали преступность с социальной средой и невозможностью для потенциального преступника немедленно удовлетворить свои социальные ожидания. Но она не объясняет, почему при спонтанном развитии событий существует повторяемость форм и результатов. Кроме того, она не позволяет провести разграничение между революцией и простым бунтом, восстанием, смутой, чисто криминальными акциями⁹³, поскольку эта граница определяется не субъективной оценкой того или другого историка, но устанавливается объективной длительностью событий, количеством втянутых в революцию лиц и социальными корнями событий.

Комбинированный подход включает все рассмотренные ранее позиции и предполагает выявление связи системных, структурных (классовых) и поведенческих установок. «Революция, – суммировал А.М. Ону, – есть судорога общественной жизни, акт конвульсивный, насильственный, вызванный нетерпением, нежеланием ждать, что все само собою образуется, раздражением и верою в непрочность того порядка, который люди, прежде молча терпевшие, решили ниспровергнуть насильственным путем»⁹⁴.

В историографии XX в., начиная с классических трудов Э.Х. Карра⁹⁵, доминирует системный и структурно-функциональный подход, а оценки (как правило, противоположные) в принципе опираются на сходную методологию анализа. Модель, закрепившаяся в западной науке XX в. уже к 50-летию революции, выражает состояние исторического сознания послевоенной эпохи – государства всеобщего благоденствия, – воспроизводя теоретические клише линейной концепции истории, европоцентризма и нарративизма. Этот подход, безусловно, много дал

⁹²*Sorokin P.A. The Sociology of Revolution. London, 1924. P. 367; Он же. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992.*

⁹³Сводку этих теорий см.: Криминология XX век. СПб.: Юридический центр Пресс, 2000; Криминология / Под ред. Дж.Ф. Шели. СПб.: Питер, 2003; Криминология. М., 2005; Медушевский А.Н. Социология права. М., 2006. Гл. 3.

⁹⁴*Ону А.М. Социологическая природа революции // Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Милокову, 1859–1929. Прага, 1929. С. 32.*

⁹⁵*Karr Э.Х. Большевицкая революция. 1917–1923. М., 1990. Т. 1–2.*

для сравнительных исследований. Если всякая революция, справедливо говорил А. Тойнби, историческая «ненормальность», то это не значит, что она не имеет своей внутренней логики. Реконструкция этой логики предполагает выяснение повторяемости революций, их периодичности, среднего времени протекания и, наконец, соотношения фаз революции и реставрации. Русская революция, подобно Французской, также может интерпретироваться по этим параметрам⁹⁶.

Выражением этих представлений стала известная теория модернизации, исходящая из предположения о том, что все страны имеют в принципе сходную логику развития, но одни проходят соответствующие стадии раньше или быстрее других. Это открывает возможность оценить перспективы любой политической системы в критериях предшествующих, вычислив перспективные тенденции линейного развития и даже реализовав «преимущества отсталости» (т. е. возможность выбора из тех моделей развития, которые представлены опытом стран, ранее столкнувшихся со сходными дилеммами). Направления сравнительных исследований и шкала оценок поэтому целиком определялись заданным идеальным типом – конструкцией европейского общества Нового и Новейшего времени (конструкции, обаянной прежде всего Французской и другими европейскими революциями). Эта модель схематично усматривает в русской революции неудачную копию Французской и, как правило, отказывает ей в исторической оригинальности, точнее, допускает ее в отклонениях от эталона⁹⁷. Причины срыва русской революции в диктатуру, исходя из этого, коренятся скорее в национальной исторической традиции, чем принятии ошибочных институциональных решений⁹⁸.

В советской историографии на все поставленные вопросы давались вполне определенные и безапелляционные ответы – в пользу революционного выбора и его исторически реализовавшейся модели. Однако за все время существования этой историографии не было предложено *ни одного* действительно нового концептуального объяснения революции, выходящего за рамки теорий эпохи самой революции или западных концепций⁹⁹. Советская историография революции возникла, существовала и рухнула вместе с режимом, который она обслуживала. Характерно

⁹⁶*Toynbee A. Looking Back // The Impact of the Russian Revolution. 1917–1967. The Influence of Bolshevism on the World outside Russia. London, N.Y., 1967. P. 1–7.*

⁹⁷*The Soviet Union. The Fifty Years. Ed. By H. Salisbury. N.Y., 1967; Marxism, Communism and Western Society. A Comparative Encyclopedia. N.Y., 1973. Vol. 7; The Russian Revolution and the Soviet State. 1917–1921. Documents. Selected and Edited by Mc Cauley. L., 1975; Brown D. Doomsday 1917. The Destruction of the Russian Ruling Class. L., 1975.*

⁹⁸*Паўнс Р. Русская революция. М., 1994. Ч.1–2.*

⁹⁹*Городецкый Е.Н. Советская историография Великого Октября 1917 – середина 30-х годов. М., 1981.*

подведение итогов деятельности этой историографии к 70-летию революции. Историк П.В. Волобуев, констатируя в условиях перестройки распространение в обществе «неверных представлений о нашей революции», попросил коллег дать ответы на следующие принципиальные вопросы: «Была ли Октябрьская революция закономерной и не совершили ли большевики насилия над историей, повернув преждевременно развитие России с “нормального” буржуазно-демократического пути на путь неведомый – социалистический? Не оказалась ли наша революция неудачным социалистическим экспериментом, затеянным в 1917 г. группой фанатиков? Возможен ли был тогда, в 1917 г., не революционный, а реформистский выход из кризиса российского общества? Почему утвердилась в нашей стране однопартийная система? И, наконец, не послужила ли Октябрьская революция той самой “черной дырой”, через которую наша страна прямоком скатилась к сталинизму?»¹⁰⁰

На них он получил вполне ожидаемые ответы. Одни решительно отстаивали догму: «Искателям такой альтернативы не приходит в голову, что Октябрь был путем спасения России. Он был неизбежен и необходим. Ему не было альтернативы» (И.И. Минц). Другие, отмечая существование «многочисленных серьезных недостатков», отказывались принять «распространенное мнение, будто бы вся литература по истории Октябрьской революции «ненаучна», «фальсифицирует историю» (Е.Г. Гимпельсон), третьи честно признали банкротство своего цеха: «Мы, историки Октябрьской революции, утратили авторитет у читателей», которые «потеряли интерес к нашим трудам», «а, впрочем, и друг друга-то не очень читали: заранее знали, чего можно ждать» (Г.З. Иоффе). Все обсуждение завершилось призывами «перестать фальсифицировать историю», ибо «только правдой мы сумеем защитить и отстоять Октябрь»¹⁰¹. Эти призывы оказались малопродуктивными: как показывает состояние умов представителей современной академической науки, не вышедших за рамки традиционных схем, они продолжают рассматривать логику революции с позиций фатализма¹⁰², подчеркивая безальтернативность большевистского переворота и коммунистической диктатуры¹⁰³. Эти люди, столь долго носившие идеологическую «ослиную шкуру», не заметили, как она приросла к ним. Все попытки преодоления этих догматических представлений на

¹⁰⁰Россия 1917 год: выбор исторического пути (Круглый стол историков Октября 22–23 октября 1988 г.) / Отв. ред. член-корр. АН СССР П.В.Волобуева. М., 1989. С. 13.

¹⁰¹Там же. С. 31–39.

¹⁰²К 90-летию Февральской революции в России: Круглый стол // Отечественная история. 2007. № 6.

¹⁰³Октябрьская революция и разгон Учредительного собрания: Круглый стол // Отечественная история. 2007. № 6.

современном этапе продолжают встречать удивительно агрессивную реакцию¹⁰⁴.

Отказ от этих идей в эпоху крушения коммунизма и распада СССР привел к механическому воспроизводству теоретических представлений контрреволюционного движения и русской эмиграции, усматривавших в русской революции начала XX в. новую Смуту, процесс распада государственности, аналогичный тому, который имел место в истории страны начала XVII в. и связывался прежде всего с моральной деградацией общества – отказом от системообразующих религиозных и социальных устоев¹⁰⁵. Интерпретация революции как Смуты получила распространение в литературе периода крушения СССР, которое само представляло ее новой разновидностью и воплощением¹⁰⁶. Это направление, многим обязанное теориям евразийской школы в эмигрантской историографии, позволяло аккумулировать некоторые особенности системных кризисов в русской истории, отразить их отличия от западных моделей (Французской революции), связанные с деструктивными насильственными формами протеста архаичных масс против организационных основ современной цивилизации, но также страдало своеобразным европоцентризмом «наоборот». Принятие тезиса об уникальности русской революции и ее несходстве с западными сопровождалось игнорированием сходных процессов в традиционных обществах за пределами Европы, а главное – не предлагало четкого понятийного аппарата и инструментария для доказательных сравнительных исследований.

Суммируем результаты осмысления русской революции в историографии XX в. Это, во-первых, признание общего переломного значения революции для судеб мира в XX в. независимо от идеологических пристрастий исследователей; во-вторых, констатация фактического влияния революции и созданного ею государства на социальные процессы, раскол мира на два общества, основанных на взаимно антагонистических принципах; в-третьих, принятие факта влияния мифа русской революции на последующие революционные перемены в разных частях мира; в-четвертых, общее понимание особенностей той модели политической системы, которая была создана в результате большевистского переворота; в-пятых, осознание общего деструктивного характера данного социального эксперимента.

Все рассмотренные теории, во-первых, не являются взаимоисключающими; во-вторых, не объясняют логики революционного процесса на доказательном уровне; в-третьих, не дают ответа на вопрос о том, почему

¹⁰⁴ *Медушевский А.Н.* Мои бои за историю. Как я был главным редактором журнала «Российская история» // Вестник Европы. 2012. Т. 33. С. 147–159.

¹⁰⁵ *Солженицын А.* Размышления над Февральской революцией. М., 2007.

¹⁰⁶ *Булдаков В.* Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

революция произошла именно в 1917 г. и могла ли развиваться иначе; в-четвертых, не раскрывают механизмов взаимосвязи и меняющегося соотношения формальных правовых институтов и процессов социальной мобилизации на разных этапах революционного эксперимента; в-пятых, не предлагают убедительной системы универсальных социологических понятий, необходимых для доказательного сравнительного анализа революционных процессов. Если социологические схемы науки XX в. о «закономерности» русской революции хоть в чем-то справедливы, то оправдан целый ряд «неудобных» вопросов: почему большевистская революция не только состоялась, но смогла создать идеологию и политическую систему, принципиально отличающуюся от известных западных моделей как способами поддержания контроля, так и результатами эксперимента? Почему столь неэффективная и социально деструктивная система оказалась способна заложить идеологические принципы, господствовавшие едва ли не над половиной человечества в течение почти столетия? Почему она не была сметена ранее под воздействием более справедливых и эффективных моделей общественного устройства? Наконец, почему советский режим рухнул не в результате внешних кризисов и войн (как большинство слабых режимов в истории), но едва ли не на пике своего политического и военного могущества? Объяснялось ли его падение имманентно присущими системе противоречиями или случайными факторами?

6. Русская революция в контексте концепции переходных процессов

Теория переходов от авторитаризма к демократии стала одной из центральных в сравнительном конституционном праве и политической науке в конце XX и начале XXI в. Ее появление связано с необходимостью обобщить значительный эмпирический материал, вызванный к жизни процессами демократизации, последовательно охватившими в 1970–1980-е годы Южную Европу, затем в 1990-е годы Восточную Европу, Азию и Латинскую Америку, отчасти страны Африки, сопоставить эти процессы с предшествующими волнами демократизации. Было создано особое направление исследований (так называемая «транзитология»), стремившихся моделировать переходные ситуации от диктатуры к демократии и найти четкие формулы управления этими процессами¹⁰⁷. Февральская революция 1917 г. естественно выступает как их

¹⁰⁷Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1996; Democratic Transition and Consolidation in Southern Europe, Latin America and Southeast Asia. Ed. by D. Ethier. London: Macmillan Press, 1999; Transiciones y Diseños Institucionales. Maria del Refugio Gonzalez, Sergio Lopez Ayllon (Ed.) Mexico: Universidad Nacional Autonoma de Mexico, 2000.

основа и исходный пункт данных процессов в европейской и всемирной истории XX в.

Три волны демократических (конституционных) преобразований в странах Центральной и Восточной Европы были связаны с мировыми войнами и геополитическими сдвигами. Первая из них возникла с распадом крупных империй – Германской, Австро-Венгерской, Российской и Османской, с созданием национальных государств и принятием демократических конституций, введивших, как правило, парламентский режим в форме парламентской республики или конституционной монархии¹⁰⁸. Это достижение, однако, оказалось непрочным. В межвоенный период практически все страны Восточной и Южной Европы от Балкан до Балтики имели авторитарные режимы в виде президентских или монархических диктатур¹⁰⁹. Вторая волна была связана с попыткой вернуться к парламентской форме правления после Второй мировой войны. Однако уже вскоре на все эти страны была распространена советская модель номинального конституционализма (представленная сталинской конституцией 1936 г.)¹¹⁰. Третья волна приходится на 1970-е годы (крушение диктаторских режимов в Южной Европе), получает новый импульс в странах Восточной Европы в конце XX в., связанный с началом перестройки в СССР¹¹¹. Содержание переходного периода во всех этих странах также имело сходные параметры – представляло собой движение от номинального советского конституционализма к реальному. На практике, однако, оказалось, что трудности перехода были более значительными, чем предполагалось до его начала, что вызвало критику транзитологических моделей.

Недостатки представленных теоретических схем транзитарного подхода состоят в следующем: во-первых, они слишком абстрактны: выделение различных фаз революционного процесса подчинено однофакторным (экономическим, классовым, психологическим) интерпретациям и не коррелируется с изменениями правовых форм, имевших место в ходе революции; во-вторых, они имеют линейный характер и

¹⁰⁸Европейские монархии в прошлом и настоящем. XVIII–XX века. СПб., 2001; Судьба двух империй: Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения. М., 2006.

¹⁰⁹Autoritäre Regime in Ostmittel- und Südosteuropa 1919–1944 / Hrsg. von E. Oberländer in Zsarb. mit R. Ahmann et al.- Paderborn etc.: Schöningh, 2001; Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996.

¹¹⁰Из истории европейского парламентаризма: Испания и Португалия. М., 1996; Из истории европейского парламентаризма: Италия. М., 1997; 1917 год и российский парламентаризм. СПб., 1998; Британские политические традиции и реформа власти в России. М., 2005; Парламентаризм // Общественная мысль России XVIII – начала XX века. М., 2005. С. 383–385.

¹¹¹Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003.

плохо объясняют срывы в этом процессе; в-третьих, они телеологичны и не раскрывают вариативные механизмы перехода от одной фазы к другой. В связи с этим оказалось важным преодолеть ограниченные рамки «транзитологических» подходов по следующим направлениям: во-первых, отказаться от упрощенной линейной модели переходности, с заранее заданным кругом проблем и predetermined результатом (заменяя ее концепцией циклической смены конституционных форм); во-вторых, расширить информационную основу дискуссии, отказавшись от узких европоцентристских моделей, точнее, механического перенесения полученных формул на другие регионы мира; в-третьих, поставить вопрос о повторяемости моделей, институтов и существовании аналогичных процессов в прошлом¹¹², в частности, при переходе от абсолютизма к конституционной монархии и демократической республике в период Февральской революции и от них к однопартийной диктатуре большевистского типа.

Методологические трудности позволяет компенсировать когнитивный метод, выдвигающий на первый план информационные параметры социального и правового конструирования. С этих позиций возможно обсуждение специфики революционных процессов в пространственной перспективе – влияния в географическом масштабе (Восточная Европа, Запад, другие регионы), темпоральной перспективе (непосредственное и опосредованное влияние революции и ее мифа на конструирование современного общества), когнитивной перспективе – реконструкции смысла революционной утопии и ее трансформации в нормы, институты и социальные практики. Всякий революционный (и контрреволюционный) переворот предстает как исторически неустойчивое соотношение сил (проектов социального переустройства), которое может получить вариативное разрешение в зависимости от доминирующей картины мира: революция поэтому способна заложить основы программы позитивных устойчивых изменений, либо, напротив, определить вектор крайне неудачного социального («социалистического») эксперимента, цена реализации которого оказывается очень высока. Реформистский выход из когнитивного тупика возможен как проведение модернизации авторитарного режима без разрушения несущих основ общества (доказательства представлены в мировой истории). Это, далее, позволяет доказательно изучать логику революционного цикла, понимаемого как смена фаз когнитивного доминирования находящихся у власти групп по мере реализации доминирующего проекта социальных преобразований. Возникает возможность конструирования моделей и определения технологий такого доминирования.

¹¹²Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М., 2005.

Важен неинституциональный подход, позволяющий перевести доктринальные дискуссии на уровень правовых актов, институтов, процессов и технологий, показав, в частности, где была допущена ошибка. Возможности неинституционального подхода таковы: выяснение соотношения формальных и неформальных институтов и практик, их взаимодействия, причин замены одних другими или их конвергенции в новых институтах; раскрытие самостоятельной роли идеологических принципов, правовых актов, институтов и процессов (технологий) на ключевых фазах революции с целью понимания механизмов и, в частности, институциональных ловушек – ошибочных решений, приведших к крушению демократии в России. Становятся понятны возможности и границы конструирования правовой и политической реальности на конкретных этапах революционного процесса¹¹³. Отметим, что данное направление исследований широко представлено в историографии других революций, в частности – Французской. Его представителями в прошлом могут считаться такие классические авторы как А. де Токвиль¹¹⁴ или А. Олар¹¹⁵, а в современной историографии – школа Ф. Фюре¹¹⁶. Очевидна актуальность переосмысления в этом направлении русской революции.

7. Логика революционного процесса

Вопреки известной мудрости об истории, «не знающей сослагательного наклонения», современная наука стремится к пониманию прошлого, моделируя ситуации, выясняя причины их повторяемости и вариативность функционирования. Парадигма Токвиля в ее интерпретации с позиций теории и методологии когнитивной истории представляет убедительное объяснение логики русской революции как единого социального явления. Сформулированные в ней гипотезы, верифицированные на значительном сравнительном материале, находят разрешение при анализе документации российских политических партий как целостного комплекса источников, несмотря на различие представленных идеологических программ. С этих позиций становится возможна реконструкция причин русской революции как социально-психологического явления в условиях незавершенной модернизации – конфликта традиционных установок и завышенных ожиданий на фоне относительной депривации и общей социальной нестабильности. Логика деструк-

¹¹³Медушевский А.Н. Сравнительное конституционное право и политические институты. М., 2002.

¹¹⁴Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1905.

¹¹⁵Олар А. Политическая история Французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики (1789–1804). СПб., 1902.

¹¹⁶Furet F. La Révolution Française. Paris, 1988. Vol. 1–2.

тивного процесса – когнитивный срыв общества в результате отказа от рационального социального выбора и принятия иллюзорной картины мира (революционного мифа) с последующим запуском спонтанного революционного цикла. Эта логика является универсальной для радикальных революций, прошедших все основные фазы когнитивного доминирования, а следовательно – оправдана гипотеза о возможности отыскания сопоставимых форм фиксации стадий процесса и выражающих их документов (безотносительно к культурной, религиозной и национальной специфике соответствующих режимов).

Основные теоретические схемы революции нуждаются в корректировке. Системные теории интерпретировали революцию как смену организационных форм социума, структурные (классовые) теории видели в ней (по аналогии с моделью западных революций Нового времени) смену фаз меняющегося соотношения классовых сил; бихевиористская теория усматривала в революции спонтанную психологическую реакцию масс на подавление базовых инстинктов. Комбинированная теория предлагала сочетание предшествующих трех моделей с упором на последнюю. Развитие этих подходов в историографии XX в. в рамках теории модернизации позволило поставить русскую революцию в сравнительный контекст, но ограничивалось нарративистской, линейной и европоцентристской парадигмой исторического познания. Эти теории, являясь несомненным вкладом в объяснение революции, содержат, как было показано, один общий фундаментальный недостаток: они отрицают возможность управлять революционными процессами и регулировать их деструктивное содержание.

Отсутствие прямой детерминированности в превращении угрозы революции в реальность выражается в неспособности основных политических сил предвидеть время и последствия ее наступления. Механизм смены фаз когнитивного доминирования в рамках революционного цикла определяется такими факторами, как утопизм воззрений основной массы населения (крестьянства); исторически обусловленная негибкость Старого режима в разрешении конфликта права и справедливости в расколотом обществе; отсутствие демократических (парламентских) форм достижения консенсуса; низкая способность умеренных партий к достижению компромиссов; неспособность (в силу отсутствия исторического опыта) сконструировать защитные механизмы против радикального популизма и экстремизма. Неверный социальный диагноз происходящих процессов основными политическими партиями связан с абсолютизацией французской модели и ложными когнитивными установками в отношении смены фаз революционного цикла, неадекватной оценкой феномена большевизма и перспектив Реставрации в краткосрочной перспективе.

Ретроспективная интерпретация российского революционного процесса с позиций теории и методологии когнитивной истории приводит к выводу об отсутствии фатальности революции и смены трех этапов ее разворачивания – крушения самодержавия, Февральской революции и Октябрьского переворота с последующим установлением большевистской диктатуры. На каждом из этапов сохранялась определенная вариативность исторического выбора, подчинявшаяся когнитивным установкам правящих групп. Возможность революционного срыва в России превратилась в действительность в результате комбинации отсталости масс, авторитаризма политической власти и экстремизма радикальной интеллигенции. Кумулятивное воздействие этих факторов определялось отсутствием адекватного проекта переходного периода, когнитивными установками элит и ошибками политической власти.

Результатом анализа русской революции с этих позиций стало выяснение следующих вопросов: проблема преемственности власти в ходе и после Февральской революции; конституирующая и конституционная власть в условиях переходного периода; каким образом был упущен шанс достичь согласия политических партий и принять демократическую конституцию; как можно было решить проблему легитимации новой власти; что представляло собой двоевластие и альтернативные способы его преодоления; технологии государственных переворотов как решающий фактор определения вектора политической системы (в контексте общего кризиса европейского парламентаризма). Рассмотрение этих параметров позволяет дать ответ на вопрос, почему первая демократическая республика в России потерпела крушение и каковы его уроки для постсоветской социальной трансформации рубежа XX – начала XXI в.

ГЛАВА II

ПРИЧИНЫ КРУШЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1917 году

История XX в. знает немало примеров конституционных революций, оказавшихся перед сложной дилеммой быстрого осуществления либерально-демократических реформ в неподготовленной стране¹. Крушение парламентаризма в России есть частный случай и первое проявление кризиса классической модели европейского парламентаризма с наступлением массового общества после Первой мировой войны. В разных странах он имел неодинаковые проявления и исход, однако повсеместно выражался в отказе от привычных форм и столкновении с ними авторитарных движений.

Февральская революция в этом смысле есть первая прерванная демократическая революция Новейшего времени (поскольку она закончилась в результате государственного переворота). Основной причиной крушения первой республики являлось господство в сознании ее лидеров установок классического парламентаризма, сформировавшихся в условиях сословного общества, цензовых избирательных систем и отсутствия стабильных массовых партий. Теоретические представления русского либерализма нашли глубокое и последовательное выражение в его социологических учениях, политической философии и конституционных проектах, сохранивших принципиальное значение для реформ настоящего времени². Однако их практическая реализация была трудноосуществима в условиях традиционалистского общества, спонтанного крушения самодержавия, подъема радикального популизма и национализма в период Первой мировой войны. Принципиальное значение имела неразработанность продуманной концепции переходного периода, в идеале включающей чет-

¹Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998.

²Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1994; *Он же*. Диалог со временем: российские конституционалисты конца XIX – начала XX в. М., 2010.

кое представление об этапах, институтах и технологиях демократического транзита. Рассматривая парламентские дебаты как средоточие политики, либеральные конституционалисты не увидели новой опасности, сформировавшейся в условиях массового общества. Лидеры Февраля исходили в своей программе из необходимости длительного противостояния самодержавию (постепенного перехода к парламентской монархии британского типа), не учитывая в своей тактике того факта, что монархия в России была не только символом, но и реальным носителем власти (как и коммунистическая партия до 1991 г.). Свержение этой власти означало одновременно кризис легитимности режима и кризис системы государственного управления.

Совершенно оправданно моральное противопоставление двух революций. Политическая идеология и приемы управления февральского и октябрьского периода русской революции, подчеркивал М. Вишняк, качественно различны с точки зрения методов отставания власти: «В прямую противоположность Октябрю Февраль предпочитал быть гильотинированным, – лишь бы не гильотинировать. Это можно считать непростительной ошибкой, но это так. В этом Февраль как бы следовал завету Дантона»³. Этот взгляд опирался на сравнение русской и французской революций, общим результатом которых стало крушение демократии и установление царства террора⁴. В сравнительном контексте Февральская революция ретроспективно признавалась критиками не более как «историческим выкидышем» и «прелюдией к большевистской революции» (П.Б. Струве), а основная ошибка русской демократии усматривалась (А. Керенским) в том, что она психологически не учла, что контрреволюция может прийти в форме не правого, а левого экстремизма⁵. Но для современного аналитика недостаточно дать исключительно моральную и психологическую оценку прошлого, важно выяснить, почему произошел срыв демократии в России и как избегать подобных ошибок в дальнейшем.

1. Конфликт легитимности и законности: проблема преемственности власти в ходе и после Февральской революции

Когнитивный диссонанс как отправная точка революции наиболее четко выражен в противоречии действующего государственного права

³Вишняк М. Два пути (Февраль и Октябрь). Париж, 1931. С. 195.

⁴Алданов М.А. Deux révolutions. P., 1921.

⁵Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М., 2004. С. 242; Керенский А. Февраль и Октябрь // Современные записки. 1922. Т. IX. С. 269–293.

и его восприятию оппонентами режима. Конфликт легитимности и законности – характерная черта радикальных революций с позиций политической социологии. Отказ от старой правовой системы означает конституционную революцию или переворот. Политическое содержание Февральской революции состояло в переходе от дуалистической монархической системы (которая к моменту революции представляла собой монархическую диктатуру) к демократической политической системе, провозглашенными целями которой стали правовое государство, парламентаризм, многопартийность и идея принятия новой конституции на всенародно избранном Учредительном собрании. Важнейшими этапами этого процесса следует признать отречение монарха, создание Временного правительства, начало разработки конституции (Юридическим совещанием при Временном правительстве). В этом смысле политическая революция была вполне легитимна. Однако с формально-юридической точки зрения произошел радикальный разрыв правовой преемственности, ставший одной из причин нестабильности новой власти.

Во-первых, существовала общая юридическая неопределенность в отношениях Государственной думы и монарха, которая вытекала из Основных законов в редакции 1906 г.⁶ Это была система монархического конституционализма германского типа, которая сочетала элементы дуализма в организации власти с положениями, дающими реальное преобладание монархической власти. Установление данной системы Манифестом 17 октября 1905 г. представляло собой вынужденный компромисс между монархической диктатурой и конституционной системой – решение, фактически навязанное царю С.Ю. Витте и принятое под влиянием великого князя Николая Николаевича. Николай II считал, что попытки ограничить монархию в России есть «истинная чепуха», а принятие Манифеста определял как «день крушения»⁷. Царь придерживался идеи патриархальной монархии – необходимости соответствия управления «самобытным русским началам», воплощенным в единении между царем и земскими людьми. В либеральной политической культуре, напротив, доминирующее значение приобрела идея монистического парламентаризма в виде парламентской монархии британского типа или даже парламентской республики по образцу Франции того же периода. Эйфорическая вера кадетов в парламентаризм как святыню не была поколеблена первой русской революцией, но, напротив, вызывала неприятие думской монархии, разочарование в которой возникало из-за бюрократизации ре-

⁶Свод Основных государственных законов в новой редакции от 23 апреля 1906 г. // Свод законов Российской империи. 1906. Т. 1.

⁷Дневник Императора Николая II. 1890–1906. М., 1991. С. 88, 249.

жима и подмены самой идеи народного представительства⁸. Столыпинская модель политической системы предлагала прагматический синтез этих двух крайних позиций (патриархальной и конституционной монархии), отстаивая курс авторитарной модернизации⁹. Однако она встречала жесткую оппозицию как либеральной общественности, так и представителей правящей бюрократии. Столыпину не удалось создать правительство общественного доверия или его эрзац: попытки привлечь либеральную оппозицию не увенчались успехом. В условиях, когда либеральное общественное мнение отстаивало конституцию и парламентаризм, царь, как показывают записи его дневника, поддерживал все инициативы по их сворачиванию – роспуску Думы и введению мнимого конституционализма.

Данная система получила в литературе того времени выразительное определение «мнимого конституционализма», характер которого еще более обострился в условиях войны и связанного с ней широкого использования института чрезвычайного законодательства¹⁰. По мнению кадетов, от русской конституции осталась лишь ст. 87, которую власть использует для сохранения власти¹¹. Этот момент стал определяющим в условиях революционного коллапса российского Старого порядка. В результате распада системы политических институтов империи «государственная машина сошла с рельс»¹². Государственная дума 26 февраля указом Императора Николая II была распущена, а деятельность ее прервана на неопределенный срок одновременно с Государственным Советом. Следовательно, по действующему основному законодательству Государственная Дума собраться не могла, но когда Временному комитету Государственной думы пришлось возглавить начавшееся революционное движение и взять всю полноту власти в свои руки, встал вопрос о легитимации ее собственной власти.

⁸Революция 1905–1907 гг. глазами кадетов (Из дневников Е.Я. Кизеветтер) // Российский архив. М., 1994. Т. V. С. 374.

⁹Столыпин П.А. Программа реформ. Документы и материалы. М., 2003. Т. 1–2; Столыпин П.А. Переписка. М., 2004.

¹⁰Конституционное государство. СПб., 1905; Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России. СПб., 1906; Ковалевский М.М. Общее конституционное право. СПб., 1908; Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908; Кистяковский Б.А. Государственное право (Общее и русское). Лекции. М., 1909; Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912; Котляревский С.А. Конституционное государство: опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907; Он же. Юридические предпосылки русских Основных законов. М., 1912; Гессен В.М. Основы конституционного права. Пг., 1917. Подробнее: Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998.

¹¹Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. М., 1998. Т. 3. С. 328.

¹²Родзянко М.В. Крушение империи. М., 1990. С. 215.

Во-вторых, неоднократно констатировалась юридическая некорректность акта об отречении: царь мог отречься только за себя, но не за сына; престол по действовавшему законодательству не мог быть передан великому князю Михаилу Александровичу – брату царя, тем более что формальные основания для отстранения прямого наследника престола отсутствовали¹³.

В-третьих, передача власти великому князю Михаилу была незаконна в силу того, что нарушала установленные процедуры наследования. Основное противоречие акта 3 марта виделось экспертам в том, что великий князь отказывался от верховной власти, которой он юридически не располагал. К этому, по мнению В.Д. Набокова, и должно было свестись «юридически ценное содержание акта»¹⁴.

В-четвертых, отмечалась некорректность акта отказа самого Михаила Александровича. Набоков констатировал, что отказ великого князя (даже если исходить из презумпции его законности) мог быть сделан лишь в пользу верховной власти, т. е. Учредительного собрания, а не в пользу Государственной думы и тем более Временного правительства. Избранное решение проблемы, отмечал Набоков, имело целью торжественно подкрепить полноту власти Временного правительства и преемственную связь его с Государственной думой. В.А. Маклаков вообще считал, что в феврале 1917 г. революции могло не быть, если бы отречение не сопровождалось разрывом правовой преемственности. Великий князь не имел права подписывать манифест 3 марта даже в том случае, если бы он был монархом, поскольку манифест, вопреки существующей конституции, без согласия Думы объявлял трон вакантным до созыва Учредительного собрания, устанавливал систему выборов этого Учредительного собрания и передавал до его созыва Временному правительству абсолютную власть, которой не имел сам подписавший акт. Получалось, что акт, подписанный великим князем Михаилом в нарушение Основных законов, становился, в сущности, единственным юридическим основанием власти революционного Временного правительства и наделял его в полном объеме также законодательными полномочиями. «Конституция, – заключал Маклаков, – этим была полностью упразднена; всякая связь между новой властью и старым порядком была разорвана. Это и было уже подлинной революцией, сдачей власти

¹³Манифест отречения Николая II // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Документы. Л., 1927. С. 223; The Russian Provisional Government. 1917. Documents. Selected and edited by R.P. Browder and A. F. Kerensky. Stanford, California, 1961. Vol. I–III; Февральская революция 1917 года. Сб. документов и материалов. М., 1996; Подробнее: *Катков Г.* Февральская революция. М., 2006.

¹⁴*Набоков В.Д.* Временное правительство (воспоминания). М., 1991; *Набоков В.* Временное правительство // Архив русской революции, издаваемый Г.В. Гессеном. Берлин, 1920. Т. 1. С. 9–96.

«революционным Советам», что прямой дорогой привело к Октябрю»¹⁵. «Преступным актом 3-го марта, – соглашался С.П. Мельгунов, – все было скомпрометировано – манифест явился сигналом восстания во всей России»¹⁶. Сходна позиция П.Н. Милюкова, считавшего, что ошибки революции происходят из «дефектности в самом источнике, созданном актом 3 марта»¹⁷.

В-пятых, отметим юридическую противоречивость деклараций Временного правительства: одна давалась от Временного комитета Государственной думы (к которому перешла власть в ходе революции 27 февраля), другая – от Временного правительства (сформированного 2 марта), причем упоминался и Исполнительный комитет. В первой декларации Временного правительства, отмечал Набоков, «оно говорило о себе, как о кабинете», и образование этого кабинета рассматривалось как «более прочное устройство исполнительной власти», во втором – этот мотив «ответственного правительства» был затушеван¹⁸.

Если встать на точку зрения нормативистской теории Г. Кельзена, то следует интерпретировать установление Временного правительства как конституционный переворот (*coup d'etat*), поскольку новые юридические нормы, хотя и согласовывались сторонами, но создавались с очевидным разрывом правовой преемственности (не на основании положений, зафиксированных в действовавшем праве)¹⁹. При подготовке воззвания Временного правительства (в составлении которого участвовали крупнейшие юристы – Набоков, Лазаревский, Кокоскин, Винавер) была сознательно снята вся историческая часть (об отречении царя, передаче власти брату и отказе его воспринять власть). Вопрос о преемственности и легитимности новой власти оказался не решен: «революционная власть», отмечал либеральный аналитик, лишена формальной санкции в своем происхождении. Она создается фактом переворота и в момент его, но претендует на всю полноту атрибутов «легитимной власти»²⁰. Мощный импульс этому решению был оказан Конституционно-демократической партией, постановившей 1 марта 1917 г. «предоставить себя в распоряжение Временного комитета Государственной Думы», признать «необходи-

¹⁵Маклаков В. Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1980–1917. М., 2006. С. 324.

¹⁶Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. С. 357.

¹⁷Милюков П.Н. История Второй русской революции. М., 2001. С. 51. См. также: Вишняк М. Политика и история в «Истории русской революции» П.Н. Милюкова // Современные записки. 1927. Т. XXXII. С. 434–452.

¹⁸Сравните два документа: «Декларация Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов // Речь № 55 (3797) от 5 (18) марта 1917 г. С. 2 и «От Временного правительства» (Обращение к гражданам Российского государства от 6 марта 1917 г.) // Речь № 56 (3798) (Вторник, 7 (20) марта 1917 г.). С. 2.

¹⁹Kelsen H. Reine Rechtslehre. Zweite neubearb. und erweiterte Auflage. Wien, 1960.

²⁰Ган М. О революционной власти // Речь. 1917. № 163. 14 (27) июня. С. 2.

мым безусловное отречение или низложение Николая II», сформировать «общественный кабинет» с целью подготовки Учредительного собрания и решения вопроса о форме правления²¹.

Даже после официального объявления об изменении формы правления – создания Республики (1 марта 1917 г.), – вопрос о пересмотре Основного законодательства (закрытии Третьего и начале нового Четвертого Полного собрания законов) был отложен. Это решение Юридического совещания мотивировалось двумя причинами – ожиданием Учредительного собрания и незавершенностью предыдущего, третьего, ПСЗ за период 1914 – начала 1917 г.²² Не решенной оказалась и проблема последующей легитимации, поскольку новые органы власти не подтвердили свои полномочия выборами или решением Конституанты – созывом Учредительного собрания.

2. Конституирующая и конституционная власть: деструктивная роль идеи Учредительного собрания в российском переходном периоде

Наиболее полно вопрос о соотношении конституирующей и конституционной власти был рассмотрен в период подготовки Российского Учредительного собрания. Центральной проблемой обеспечения стабильности стал вопрос о легитимации новых принципов социального и государственного устройства, их форм и правового выражения, в частности – перехода власти от Временного правительства к Учредительному собранию, а от него – к новым постоянным конституционным институтам власти²³.

Причины, по которым этот вариант развития событий не состоялся, могут быть разделены на теоретические, институциональные и прагматически-политические. К первым относится доминирующая в либеральной мысли того времени (конца XIX – начала XX в.) теория демократии, имевшая в своей основе руссоистскую веру в способность народа самостоятельно решать сложные государственные вопросы. Народный суверенитет, согласно этой теории (в ее трактовке аббатом Сийесом и конституциями Французской революции), выражает себя в национальном представительном институте – Конституанте (Учредительном со-

²¹Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. М., 1998. Т.3. С. 353, 358–361.

²²ГАРФ. Ф. 1792 (Юридическое совещание). Оп.1. Д. 4. Л. 41 (Заседание от 22 августа 1917 г. – Обсуждение вопроса о новом Св. Законов).

²³Учредительное Собрание. Стенографический отчет. Пг., 1918; Теория вопроса: *Еллинек Г.* Конституции, их история и значение в современном праве. СПб., 1906; *Орландо В.* Принципы конституционного права. М., 1907; *Боржо Ш.* Учреждение и пересмотр конституций. М., 1918.

брании), а также в создаваемых ею институтах законодательной власти (парламентаризме), но не исполнительной власти (правительстве), которая играет исключительно вспомогательную роль, а ее прерогативы должны быть максимально ограничены во избежание узурпации народной воли – угрозы тирании.

Неэффективность этой концепции признана в самой Франции, а также за ее пределами. Как показано в современной литературе, идея всеильной Конституанты как выражения воли народа (в различных ее трактовках от Первой до Четвертой Республики) сыграла чрезвычайно деструктивную роль, как и вообще представление о связи демократического строя исключительно с парламентом. Эти воззрения стали причиной нестабильности французского конституционного процесса, приведшего к циклическому чередованию парламентских республик (так называемого Режима Ассамблей) и президентских режимов (бонапартистского типа), конец которого, как считают эксперты, был положен только голлистской моделью смешанной (президентско-парламентской) республики, реализованной в современной Франции (конституция Пятой республики 1958 г. в отличие от всех предшествующих разрабатывалась уже без созыва Конституанты, в закрытом режиме внутриэлитного диалога и лишь в готовом виде была утверждена на национальном референдуме)²⁴.

По существу, однако, именно та руссоистская концепция демократии, которая господствовала в Европе эпохи классического парламентаризма XIX – начала XX в., объединяла в России все политические силы, оппозиционные самодержавию, и выражалась в идеале всеильного Учредительного собрания как вершителя судеб нации и арбитра в разрешении исторического конфликта власти и народа. Эта вера подкреплялась опытом Французских революций, каждая из которых давала свою трактовку учредительной власти: начиная от ее интерпретации как абсолютизма народной воли (Конвент периода Великой революции конца XVIII в.) до либеральной концепции, положенной в основание Третьей республики (Учредительное собрание 1875 г.)²⁵.

Ко вторым, институциональным, причинам нестабильности Февральской политической системы в России относится прежде всего вы-

²⁴*Morabito M., Bourmaud D.* Histoire constitutionnelle et politique de la France. Paris, 1998; *Sartori G.* Comparative Constitutional Engineering. An Inquiry Into Structures, Incentives and Outcomes. L., 1994.

²⁵История XIX века / Под ред. проф. Лависса и Рамбо. М., 1938; «Объяснительная записка к проекту правил о неприкосновенности личности и свободе слова членов Учредительного собрания» рассматривает французско-бельгийскую систему депутатского иммунитета как более предпочтительную в сравнении с английской, ссылаясь на ст. 13 Конституционного закона 16 июля 1875 г. ГАРФ. Ф. 1792 (Юридическое совещание). Оп. I. Д. 21. Л. 141–148.

бор модели Учредительного собрания и, соответственно, конструкции отношений законодательной и исполнительной власти в переходный период. Конструируемая в России модель была призвана обобщить как мировой исторический опыт, так и специфику национальной политической ситуации. Учредительное собрание, по мнению авторов аналитической записки Юридического совещания по этому вопросу, может организовать управление страной тремя различными способами²⁶. В основе их классификации лежит принцип разделения властей, а также поиск реальных возможностей его обеспечения в условиях России. Первая модель состоит в совмещении Учредительным собранием функций законодательной и исполнительной власти. В этом случае оно организуется по образцу Французского революционного Конвента и передает функции высшей административной власти и руководство различными отраслями управления своим собственным комитетам. Эта система первоначально пропагандировалась большевиками (надеявшимися получить большинство этого) была отброшена ими в пользу манипулируемых советов²⁷. Действительно, тип Конституанты, устраивавший большевиков (после захвата власти), определялся способностью этой ассамблеи отказаться от своего собственного суверенитета в пользу советов, приняв и легитимировав тем самым их предшествующие, настоящие и последующие законодательные акты. В контексте тезиса о приоритете советов над всеми другими формами народного представительства становятся понятны действия большевиков по срыву Учредительного собрания²⁸. Модель революционного Конвента не представлялась авторам «Заключения» желательной, поскольку ведет к «полному смешению властей, к полной невозможности обеспечения законности в управлении, а следовательно, к самому безудержному деспотизму. Система эта настолько осуждена историей, что подробное обсуждение ее едва ли представляется необходимым». Вторая модель предполагает передачу исполнительной власти единому органу, который может быть коллеги-

²⁶ Учредительное собрание. Россия. 1918. М., 1991; См. также: Заключение Юридического совещания о предполагаемом открытии Учредительного собрания и передаче ему власти Временным правительством. 21 сентября 1917 г. // Конституционные проекты в России XVIII–XX в. М., 2000. С. 763–768.

²⁷ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполкома и фракций. 25 февраля – 25 октября 1917 г. В 5 т. Л., 1991; Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 г. Протоколы. М., 1979. См. также: *Рейснер М.* Русская революция и ее учреждения. Пг., 1917; *Рожков Н.* Демократическая республика. М., 1917; *Милютин В.П.* О демократической республике. Пб., 1917.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 274 Оп. 1. Д. 47–48; См. также: *Вишняк М.В.* Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932.

альным (как исполнительная комиссия во Франции 1848 г.) или единоличным (Тьер в 1871 г.). Недостаток этой системы усматривается в том, что она «плохо согласуется с неограниченной властью Учредительного собрания». Власть Собрания над правительством может быть обеспечена лишь периодическими сменами последнего в каждом случае несогласия с большинством Собрания, что ведет к крайней политической нестабильности, недопустимой в критической ситуации. Третья модель организации власти, рассматриваемая как наиболее приемлемая, состоит в «организации управления на началах парламентарной системы»²⁹. Речь идет, однако, не о классическом двухпалатном парламенте западного типа, а о делегировании власти от Учредительного собрания (которое в принципе остается источником власти и гарантом ее общей политической направленности) к ответственному министерству, «пользующемуся доверием большинства Собрания и сменяющегося при потере этого доверия», а от него, в свою очередь, – временному президенту («единоличному органу, избираемому Учредительным собранием»). Эта конструкция позволяла, по мнению авторов, обеспечить неограниченную власть Учредительного собрания и его общий контроль над исполнительной властью, с одной стороны, и функциональную независимость правительства – с другой. С этих позиций обсуждались вопросы организации будущего парламента (однопалатный или двухпалатный), ответственности правительства и положения президента³⁰.

Взяв за основу эту третью модель организации конституирующей власти, теоретики Временного правительства в полном объеме воспроизвели институциональные ошибки той системы, которая возникла во Франции периода Третьей республики в результате Учредительного собрания 1875 г. Как показали критики этой системы во Франции межвоенного периода, ее общий недостаток определялся компромиссным характером возникновения (в условиях неустойчивого соотношения республиканцев и монархистов). Компромисс был достигнут путем принятия чрезвычайно своеобразной формы правления, которая имела сходство с британской моделью парламентарной монархии, однако была лишена ее ключевого элемента – монархии (что было связано с неспособностью различных монархических групп во Франции дого-

²⁹Организация исполнительной власти при Учредительном собрании: справка, составленная делопроизводством Юридического совещания. ГАРФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 5. Л. 112–121. См. также: Заключение Юридического совещания о предполагаемом открытии Учредительного собрания и передаче ему власти Временным правительством. 21 сентября 1917 г. // Конституционные проекты в России XVIII–XX в. М., 2000. С. 763–768.

³⁰Кокошкин Ф.Ф. Об Учредительном собрании. Доклад на Седьмом съезде Конституционно-демократической партии 25–28 марта 1917 года // Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Том 3. Кн. 1 (1915–1917). М., 2000. С. 407.

вориться о единой кандидатуре на престол). «Нельзя понять основных черт Французской конституции, – отмечал Жозеф Бартелеми, – не учитывая следующие важнейшие обстоятельства: правящие партии, не будучи в силах установить правительство, о котором они мечтали, приняли решение о создании такого республиканского строя, который по возможности приближался бы к монархической организации страны. По их замыслу, президентское кресло могло бы без труда быть превращено в императорский трон. Республиканская конституция создана по образцу июльского монархического режима. Это – конституция периода ожидания монархической реставрации»³¹. В конечном счете эта система начала давать сбой именно по линии разделения властей: всесильный парламент получил возможность свергать правительство в любое время (при минимальном изменении расстановки партийных сил в парламенте), а правительство оказалось неспособно осуществлять стабильный политический курс (поскольку, в отличие от британской модели, не получило права распустить парламент от имени монарха). Так возник режим парламентской ассамблеи, который привел к высокому уровню политической нестабильности (всевластия партий, смене десятков кабинетов за короткое время), слабости президентской власти (имевшей сугубо представительный характер), а в конечном счете не позволил Третьей республике оказать эффективного сопротивления нацизму. Данная система во Франции просуществовала длительное время именно потому, что задумывалась участниками Учредительного собрания как «временная» (до принятия монархической формы правления), а в дальнейшем оказалась выгодна политическим партиям, доминировавшим в парламенте.

Критики этой системы, раскрывая аморфность и неэффективность существующего парламентаризма, показали несовершенство формы парламентской демократии Третьей республики в новых условиях, предложили пути реформирования. Основные направления реформы они усматривали во введении пропорционального представительства и обеспечении вхождения в парламент ведущих экономических и интеллектуальных сил, сокращении и упорядочении парламентских дебатов, часто парализующих быстрое и эффективное принятие законопроектов, расширении социальной базы исполнительной власти (выборы президента на основе значительно более расширенной коллегии выборщиков), усилении исполнительной власти (предоставлении президенту права роспуска парламента без согласия Сената). Цель этих реформ состояла в преодолении именно тех черт системы, которые были столь ощутимы в революционной России, – отчуждения политических институтов от общества, преодоления неэффективности и нестабильности

³¹Бартелеми Ж. Государственный строй Франции. М.; Л., 1936. 45–46.

власти (в результате частой смены кабинетов, выражающей элементарное изменение соотношения сил в парламенте), усилении социальных функций государства. Речь не шла еще о переходе от парламентской республики к президентской, но скорее о преодолении крайностей режима ассамблеи и постепенном переходе к тому, что в послевоенной Франции стало именоваться «рационализированным парламентаризмом»³².

Деструктивность парламентской системы во Франции (умерявшаяся здесь относительной стабильностью гражданского общества и политических партий) еще более проявилась за ее пределами – в большинстве стран Европы, где эта модель была принята как образец. Крушение классического парламентаризма и переход к авторитаризму в условиях массового общества оказалось возможным легко осуществить благодаря расколу правящих партий и неэффективности исполнительной власти при режиме парламентской ассамблеи. Парламентская демократия в этой интерпретации оказалась неспособной противостоять двум крайностям – социальной анархии, вызванной напором масс, с одной стороны, и угрозе диктатуры, – с другой. Ошибка Временного правительства объясняется, таким образом, общим признанием этих идей в либеральных демократических государствах Европы. Данная организация власти при всей ее деструктивности рассматривалась в Европе рубежа XIX–XX вв. как оптимальный механизм обеспечения согласия политики правительства с волей Собрания, при котором необходимые изменения в правительстве будут возможны «без резких переворотов катастрофического характера». Отметим, что такая конструкция власти рассматривается некоторыми современными политологами (Х. Линц) как оптимальная для демократического переходного периода в отличие от сильной президентской власти с персонифицированным лидерством. Преимущества данной конструкции (ее большая гибкость в разрешении межпартийных противоречий, возможность вовлечения оппозиции в политический процесс, а также гарантии против узурпации власти) могут, однако, оказаться недостатками в условиях резких социальных изменений и разрыва правовой преемственности. Эти негативные стороны проявились в Европе межвоенного периода – кризисе Веймарской республики, политической недееспособности французского режима ассамблеи, установлении диктаторских режимов в Италии, Испании, Польше и других странах³³. В России большевизм впервые столь определенно выступил против парламентаризма, объявляя его наряду с монархией наследием «антропофагии и пещерной дикости», «юридическим фетишизмом народной воли», институтом «формаль-

³²Barthélemy J. La Crise de la démocratie contemporaine. Paris, 1931. P. 11–12.

³³Линц Х. Крушение демократических режимов: кризис, разрушение и восстановление равновесия // Проблемы Восточной Европы. Вашингтон, 1993. № 39–40.

ной, репрезентативной демократии», «верой в мистику учреждений», а свою задачу усматривая в провоцировании «острого кризиса революционного парламентаризма, неразрешимого методами демократии»³⁴. Эти направления кризиса парламентаризма, усиленные неправильной институциональной концепцией демократии, в полной мере проявили себя в России.

3. Конструкция исполнительной власти: причины слабости правительства переходного периода

Известно, что конституанты крупных революций стремятся избежать прежде всего негативных черт предшествующей системы, свергнутой в ходе революции³⁵. Для русского либерального движения традиционна была установка на борьбу с самодержавием, а потому другие опасности или игнорировались, или им уделялось меньшее внимание при конструировании власти. Эти общие принципы получили выражение в особом «Законопроекте об организации временной исполнительной власти Российской республики», который предполагалось поставить на обсуждение Учредительного собрания³⁶. При разработке отношений законодательной и исполнительной власти в канун Учредительного собрания важнейшим стал мотив избежания диктатуры (в которой видели угрозу восстановления монархии)³⁷.

В идеале модель переходного периода укладывалась в несколько этапов: Временное правительство готовит созыв Учредительного собрания, которое организует исполнительную власть в форме ответственного перед ним правительства. Затем Учредительное собрание, дав стране новую Конституцию, должно самораспуститься, назначив выборы в новый парламент. Именно этот последний формирует постоянные политические институты, «действующие на основе существующего положительного правопорядка». Ключевой фактор конструирования этой переходной модели власти – всеобщие демократические выборы, которые должны стать источником легитимности будущей демократической власти и одновременно школой политической культуры для народа (в подавляющей массе неграмотного). Все эти уста-

³⁴Троцкий Л. История русской революции. М., 1997. Т. 1. С. 155–156.

³⁵Шайо А. Самоограничение власти. Краткий курс конституционализма. М., 1999. С. 11–16.

³⁶Открытие Учредительного собрания: справка, составленная делопроизводством Юридического совещания. ГАРФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 5. Л. 159–166; Проект закона об организации временной исполнительной власти при Учредительном собрании // Конституционные проекты в России XVIII–XX вв. М., 2000. С. 769–771.

³⁷The Russian Provisional Government. 1917. Documents. Selected and edited by R.P. Browder and A.F. Kerensky. Stanford, California, 1961. Vol. I–III.

новки воспринимались как категорический императив, не требующий рационального обоснования: «Никаких отступлений от требований демократического избирательного права мы не вправе делать, пока осуществление этих требований оказывается возможным. Принципы должны быть для нас дороже всего, и мы должны приложить все свои усилия к их осуществлению»³⁸.

Основная опасность усматривалась в тенденции к смешению и переплетению законодательной и исполнительной власти, наметившейся за время управления Временного правительства, а вовсе не в недостатке легитимности и слабости Временного правительства (которые на деле стали действительным источником большевистской диктатуры). Основное внимание обращалось поэтому на гарантии от узурпации власти со стороны правительства и президента, ответственный характер которых традиционно являлся лозунгом российских либералов³⁹. Этот принцип выражается в гарантиях ответственности Совета министров и президента перед Учредительным собранием, ответственности, носящей как коллективный, так и индивидуальный характер (все распоряжения правительства и президента скрепляются подписью соответствующего министра, несущего за них персональную ответственность). Преимущество предлагаемой системы «в отличие от обычных текстов конституций» усматривалось в «прямом выражении принципа парламентарного управления»⁴⁰. В то же время авторы осознают невозможность полной реализации принципов парламентаризма при сохранении всевластия Учредительного собрания и возможности в любой момент переизбрания президента, однако они надеются, что корректировка курса пойдет по линии ответственности министров, а не главы исполнительной власти.

Данная конструкция разделения властей (образцом которой, как отмечалось, выступает французская модель 1873–1875 гг.) предусматривает определенную политическую роль института временного президента, в руках которого формально сосредоточивается вся полнота исполнительной власти – наблюдение за исполнением законов, назначение должностных лиц, издание указов, ведение иностранной политики. Однако круг его полномочий существенно ограничен изъятием из его ведения принятия принципиальных международных актов (заключение договоров, объявление войны и заключение мира), которые должны исходить непосредственно от Учредительного собрания; введением обязательной контрассигнации его указов, а также чрезвы-

³⁸Кечекьян С.Ф. Учредительное Собрание. М., 1917. С. 27–28, 39.

³⁹Гессен В.М. Русское Учредительное собрание и выборы в него. Пг., 1917.

⁴⁰Проект закона об организации временной исполнительной власти при Учредительном собрании // Конституционные проекты в России XVIII–XX вв. М., 2000. С. 769–771.

чайню коротким мандатом (он избирается на год). Спорным вопросом являлся порядок избрания президента – всем народом (как в США) или собранием народных представителей (как во Франции). Первый способ признавался опасным, поскольку «президент, избираемый все-народно, представляет большую политическую угрозу и может составить значительную угрозу демократии и свободе»⁴¹. Идея всенародно-го избрания президента отвергалась под впечатлением французского прецедента – осуществленного президентом переворота, приведшего к восстановлению Империи (1852). Поэтому преимущество отдавалось модели III Французской республики и ее аналогов – избрания президента парламентом (или расширенной коллегией выборщиков). Очевидно, что эта система была бы труднореализуема в условиях России (где острота социальных противоречий требовала сильной исполнительной власти). Теоретически она могла сыграть позитивную роль в достижении социального консенсуса в переходный период конституционной революции, обеспечив демократическое и легитимное принятие нового Основного закона. Реальный выбор данной эпохи заключался, однако, скорее в предпочтении одной из возможных форм диктатуры – советского или бонапартистского типа.

Общим результатом рассмотренной конструкции власти в переходный период стала главная стратегическая ошибка – драматический разрыв конституирующей власти (Учредительного собрания) и конституционной (Временного правительства), последняя из которых неизбежно приобретала временный, неустойчивый и нелегитимный характер. Следствием стала известная идея «непредрешенчества»: поскольку истинным выразителем воли народа признавалось Учредительное собрание, функции Временного правительства оказывались скорее техническими. Согласно этой логике, Временное правительство как революционный орган власти должно «воздерживаться» от решения принципиальных вопросов принятия новой Конституции, определения формы правления и типа государственного строя, решения коренных социальных проблем. Его задача – «довести страну до Учредительного собрания» и подготовить его созыв, чем вполне определяется характер его деятельности, а его главная задача – наладить управление страной в переходный период.

В условиях июльского кризиса – после подавления мятежа большевиков 7 июля 1917 г. – глава Временного правительства кн. Г.Е. Львов подал в отставку. В своем заявлении о выходе из состава Временного правительства, сложении с себя обязанностей министра-председателя и министра внутренних дел он объясняет это решение радикальным несогласием с курсом социалистических партий, принятым Времен-

⁴¹Кечекьян С.Ф. Учредительное Собрание. М., 1917. С. 41.

ным правительством. К неприемлемым для него положениям относятся «немедленное провозглашение республиканского образа правления в Российском государстве, являющееся явной узурпацией прав Учредительного собрания», «проведение намеченной аграрной программы», роспуск Думы и Государственного Совета, проведение других мер, направленных на удовлетворение популистских требований, «мелкого самолюбия», «государственных моральных ценностей». Львов за то, чтобы вернуться к концепции «непредрешенчества», для чего следует «самым решительным образом подавить мятеж и в корне очистить Петроград от анархистов и большевиков, «арестовать всех вожаков восстания до Ленина включительно» (что было принято как компромисс с Советом)⁴². Но это было запоздалое прозрение, которое к тому же не сопровождалось отказом от исходных установок о верности Конституанте и подчиненной роли Временного правительства.

Представляются справедливыми оценки современниками принятой в России концепции Учредительного собрания как основной ошибки переходного периода⁴³. Французский посол в Петербурге отмечал в своих воспоминаниях, что «Россия избегла бы октябрьского переворота, если бы не было отложено Учредительное собрание»⁴⁴. Обращение к материалам донесений французских резидентов из России 1917 г. отражает их стремление обеспечить консолидацию демократических сил и активизировать подготовку Демократического совещания и Предпарламента как предварительной стадии к созыву Конституанты⁴⁵. Как показывает сравнительное исследование, результаты работы Конституант, помимо внешних причин, определялись их собственной организацией. В истории и современности успеха в создании действенных конституций добились те конституанты, которые действовали в лучшее время, были лучше организованы, объединены единым порывом и в то же время способны действовать профессионально. Напротив, потерпели поражение те, которые не обладали этими параметрами, упустили время для принятия конституции и не создали эффективной исполнительной власти.

⁴²Вокруг июльского кризиса 1917 г. (Материалы о деятельности министра-председателя и министра внутренних дел Временного правительства князя Г.Е. Львова) // Российский архив. М., 1992. Т. II–III. С. 324–325.

⁴³*Родзянко М.В.* Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции, издаваемый Г.В. Гессеном. Берлин, 1922. Т. VI. С. 19.

⁴⁴*Noulans J.* Mon Ambassade en Russie Soviétique. 1917–1919. Paris, 1933.

⁴⁵Эти документы (П. Буайе, Ж. Патуйе, А. Мазона) представлены в Национальных архивах Франции: *Медушевский А.Н.* Роспуск Учредительного собрания и оппозиционные политические партии России (по материалам французских донесений) // 1917 год и российский парламентаризм. СПб., 1998. С. 97–102. См. также: *Mounzie A. de.* Petit Manuel de la Russie Nouvelle. Ed. Revue et corrigée. Paris, 1931. P. 103–104.

Главная особенность ситуации в России – существование иллюзорного представления о возможности единства подходов всех политических партий к решению проблем переходного режима на основе идеи Учредительного собрания. В России периода Февральской революции идея Учредительного собрания наполнялась диаметрально противоположным содержанием: правые и левые партии, не говоря об общих программных разногласиях, ориентировались на различные французские модели конституирующей власти и их национальную интерпретацию (от восстановления монархии до социальной республики). Таким образом, создавая внешнюю видимость возможного объединения политических партий, идея Учредительного собрания как выражения суверенной воли народа на деле не содержала конструктивных механизмов преодоления конституционного конфликта (оно было возможно только на пути трудного диалога и взаимных компромиссов), отодвигала разрешение конфликта во времени и не позволяла опираться на существующие институты политической власти. Основной причиной отказа от созыва Государственной думы и наделения ее функциями Конституанты и была наивная вера в способность Учредительного собрания стать фактором, консолидирующим демократическую республику. Следствиями в России стали: упущенный шанс добиться консолидации умеренных политических сил, принять временную конституцию (преодолев двоевластие) и осуществить на ее основе своевременную легитимацию новой власти.

4. Каким образом был упущен шанс добиться согласия политических партий принять демократическую конституцию и решить проблему легитимности новой власти

Возможность преодоления кризиса легитимности в переходные периоды определяется тремя факторами: достижением договоренности политических сил; разработкой новой конституции и последующей легитимацией факта демократической революции. Ни одна из этих возможностей не была реализована в России после Февральской революции. Источники позволяют реконструировать упущенные возможности на этом пути.

Первой упущенной возможностью в этой ситуации должен быть признан отказ от созыва Государственной Думы (возможно, в расширенном составе) с последующим преобразованием ее в Конституанту – Национальное собрание (как это предлагал М.В. Родзянко). Новая конструкция Государственной думы могла быть создана, например, путем кооптации в нее представителей всего спектра политических партий, включая революционные. Другой вариант – созыв для этого всех чле-

нов четырех предшествовавших Государственных дум и объявление их Национальным Собранием, способным разработать переходную конституцию страны с последующим вынесением ее на всенародный референдум (как это имело место во многих странах). Данный институт (Национальное собрание на основе Государственной думы), обладая несравненно большей легитимностью, оказался бы способен вытеснить с политической сцены такой суррогатный институт как советы (и положить конец двоевластию в самом начале его формирования), обеспечить переговорный процесс между основными политическими партиями, объединив и связав их путем взаимного соглашения (наподобие, например, соглашений политических партий в условиях переходных процессов в Испании и странах Латинской Америки в конце XX в.). Условиями могли стать общие ценности демократии, республиканизма, продолжения войны до конца, а также взаимный отказ от деструктивных действий). Он позволил бы создать коалиционное правительство, опирающееся на крупные партии, обеспечить перераспределение власти между ними, интегрировать левые партии в политический процесс и приступить к выработке новой конституции. Данная легитимация могла быть обеспечена фиксированным характером преемственности власти – передачей ее от монарха непосредственно Думе. Формально процедура предполагала, что акт отречения императора Николая II с передачей верховной власти великому князю Михаилу Александровичу и отречением от нее последнего, должны состояться на публичном заседании Государственной думы. Государственная дума, таким образом, явилась бы носительницей верховной власти и органом, перед которым Временное правительство было бы ответственным. Таков был проект Председателя Государственной думы (М.В. Родзянко)⁴⁶.

Другой упущенной возможностью следует признать провал достижения консенсуса основных политических партий путем взаимных компромиссов и договора с единственной целью – отстранения экстремистов и создания работоспособного коалиционного правительства. Участники событий признавали факт проведения широких консультаций с различными политическими силами для достижения консенсуса по принципиальным вопросам, раскалывающим страну – о войне и мире, об аграрной реформе, о содержательных параметрах будущего конституционного устройства. То обстоятельство, что эти попытки не принесли реальных результатов, не умаляет их значения в сравнительной перспективе. Они показывают, что существовало, как минимум в идеале, представление о возможности договорного перехода к демократии. Эта возможность подтверждается опытом других демократических

⁴⁶*Родзянко М.В.* Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции, издаваемый Г.В. Гессеном. Берлин, 1922. Т. VI. С. 70.

переходов в мире – в Южной Европе (пакты Монклоа в Испании), Восточной Европе периода декоммунизации (круглые столы власти и оппозиции); Африке (принятие конституции ЮАР), Латинской Америке⁴⁷.

В постфевральской России эта тенденция прослеживается в цепочке таких институтов как Государственное совещание, Демократическое совещание, Предпарламент (Совет Республики), Директория, сам факт существования которых говорит о поисках в этом направлении. В литературе обычно констатируется негативный результат этих институтов, то, что они были неэффективны и имели запаздывающий характер. Демократическое совещание – последняя попытка достижения социального примирения в канун революции – и созданный им Предпарламент, оказавшийся нежизнеспособным институтом главным образом благодаря обструкции большевиков, оказались отвергнуты также умеренными партиями⁴⁸. Однако мало исследован возможный конструктивный вклад Всероссийского демократического совета или Временного Совета Российской республики. Существовало как минимум три проекта организации Предпарламента: М.С. Аджемова⁴⁹, Н.И. Лазаревского⁵⁰ и третий, компромиссный⁵¹, а острая дискуссия по ним в Юридическом совещании выявила различные подходы⁵². Если бы эта возможность не была упущена, она могла стабилизировать ситуацию в рамках, например, так называемой консоциативной демократии (договоренности элит за спиной масс для предотвращения перехода сторон к внепарламентским, «уличным» методам разрешения конфликта)⁵³. Весь современный опыт выхода из острых национальных конфликтов (Канада), системы апартеида (ЮАР), военных диктатур (Южная Европа и Латинская Америка) или однопартийных диктатур (Восточная Европа) показывает, что при наличии политической воли удается избежать срывов парламентаризма.

Третьей упущенной возможностью стал сознательный отказ Временного правительства от преодоления двоевластия конституционным путем уже в момент его формирования. Воспоминания Родзянко фиксируют такие возможности, содержат даже раздел «Ошибки Времен-

⁴⁷Constitutionalism and Democracy: Transitions in the Contemporary World. N.Y., 1993; The Revolutions of 1989. Ed. V. Tismaneanu. L.; N.Y., 1999.

⁴⁸Архив новейшей истории России. Т. 8: Журналы заседаний Временного правительства: март–октябрь 1917 г. Вып. 1–4. М., 2001–2005; См. также: Руднева С.Е. Предпарламент: октябрь 1917 г.: опыт исторической реконструкции. М., 2006.

⁴⁹ГАРФ. Ф. 1792 (Юридическое совещание). Оп. 1 Д. 4. Л. 186–194.

⁵⁰ГАРФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 4. Л. 196–199.

⁵¹Проект постановления Временного правительства об учреждении ВСРР и Положения о нем. ГАРФ. Д. 4. Л. 211–217.

⁵²Различные взглядов на этот институт отражено в прессе в связи с его открытием: Речь № 237 (3979) от Воскресенья 8 (21) октября 1917 г. С. 2. См. также: Керенский А.Ф. Прелюдия к большевизму. М., 2006.

⁵³Лейнхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М., 1997, Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001.

ного правительства»: «Коренная и роковая ошибка князя Львова, как Председателя Совета министров, и всех его товарищей заключалась, – полагал он, – в том, что они сразу же в корне не пресекли попытку поколебать вновь созданную власть, и в том, что они упорно не хотели созыва Государственной Думы, как антитезы Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, на которую, как носительницу идеи Верховной власти, Правительство могло бы всегда опираться и вести борьбу с провозглашенным принципом “углубления революции”, знаменующим на самом деле лишь развитие национально-политической революции в социально-интернациональную». Временное Правительство оказалось вынужденным во всех действиях опираться на альтернативный левый институт, «а потому оно, очевидно, и потеряло равновесие, было вовлечено в водоворот все возрастающего революционного настроения столицы и удержаться на своих принятых позициях – умиротворения страны и доведения ее до Учредительного Собрания – конечно, не было уже в силах. Вот та грубая ошибка, которую совершил князь Львов в силу своего безволия, а также и умеренные элементы, входившие тогда в состав руководителей внутренней жизни страны»⁵⁴.

Четвертой упущенной возможностью оказался отказ от использования «конституционного момента» – ситуации национального подъема, на волне которой можно было принять временную демократическую конституцию переходного периода. Приняв идею Учредительного собрания, кадеты стремились всячески пролонгировать его созыв на неопределенное время. Видные кадеты – Милуков, Набоков, Кокошкин и другие не считали нужным принимать точные даты созыва: они полагали нецелесообразным делать это в условиях войны, митинговой стихии и отсутствия административной инфраструктуры на местах⁵⁵. «Так или иначе, – суммировал Мельгунов, – совершена была величайшая, роковая и непоправимая тактическая ошибка революции – совершена была и *bona fide* по догматике государствоведов и *mala fide* по близоруким соображениям оттянуть решающий момент в надежде на изменение условий, при которых соберется решающее законодательное учреждение»⁵⁶. Пролонгирование ситуации неопределенности (оттяжка с созывом Учредительного собрания на длительный срок) вело к эрозии легитимности демократической власти и делало ее легкой добычей экстремистских сил. Затягивание неопределенности усугубляло конфликт. Не прибавляя легитимности Временному правительству, оно давало перевес его радикальным критикам, которые могли апеллировать к этому

⁵⁴Родзянко М.В. Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции, издаваемый Г.В. Гессеном. Берлин, 1922. Т. VI. С. 70.

⁵⁵Основания этого перечислены Ф.Ф. Кокошкиным // Речь. 1917. № 73 (3815). 28 марта. С. 3.

⁵⁶Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. С. 442.

институту как альтернативе Временному правительству, само название которого свидетельствовало против него.

Каковы причины этих тактических ошибок? Они вытекают в целом из той неправильной (и нереализуемой в условиях революции) конструкции соотношения учредительной и исполнительной власти, которая была рассмотрена выше. Отказ от немедленного созыва Государственной думы и превращения ее в Национальное Собрание сразу после акта отречения, возможности принять временную конституцию на пике революционных ожиданий и отказ от созыва Думы непосредственно после отречения царя и великого князя Михаила были связаны с представлением о том, что любая из этих акций послужила бы значительным тормозом к успешному и быстрому созыву Учредительного собрания. На последнем условии «сошлись, однако, все партии, обещая в этом случае объединиться вокруг созданного Временного правительства, поддерживать его и передать ему всю полноту власти. Пришлось поэтому избрать этот средний путь»⁵⁷.

Но причины тактических ошибок могут быть конкретизированы исходя из приводившихся аргументов, которые подразделяются на три группы – юридические, доктринальные и тактические. Первая группа – юридических аргументов – важна потому, что большинство деятелей Временного правительства были юристами или считали достижение правового государства главной целью Февральской революции. Как ни настаивал Председатель Государственной думы на необходимости созыва Думы, юристы кадетской партии (а с ними и все левое думское крыло) резко возражали ему на основании следующих аргументов: при созыве Государственной думы, считали они, возникает юридическая необходимость и созыва Государственного Совета, если считать, что действующая конституция остается в силе⁵⁸. С их точки зрения, однако, невозможно было бы подвести обоснованного юридического фундамента под такое толкование.

Другая группа – доктринальных аргументов – была связана с социологическими представлениями об этапах революции, опиравшимися на опыт западных революций. Согласно этим представлениям буржуазный характер революции исключал ее немедленное «перерастание» в социальную революцию, как того хотели крайне левые

⁵⁷Родзянко М.В. Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции, издаваемый Г.В. Гессеном. Берлин, 1922. Т. VI. С. 72; Лозунг созыва Учредительного собрания действительно разделяли практически все оппозиционные самодержавию партии. См.: Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX века. М., 1995.

⁵⁸Соотношение Думы и Государственного совета было предметом дебатов на всех стадиях конституционных изменений. См.: Таганцев Н.С. Пережитое. Пг., 1919. Т. 1–2.

партии⁵⁹. Деятели кадетской партии считали, что созыв Государственной думы явился бы сам по себе бесцельным, так как Дума в своем составе, несомненно, была «буржуазная» и сделалась бы объектом атаки в целях ее свержения со стороны крайних элементов «революционной демократии» – для учреждения национального или иного собрания, более соответствующего революционным ожиданиям масс. В условиях начавшегося противостояния двух типов власти, считали кадеты, созыв Думы даст сторонникам советов возможность критиковать ее и ослабит правительство. Но они не заметили другую возможность – превращение Думы в Национальное собрание могло способствовать нейтрализации советов.

Третья группа аргументов – тактического характера – была обусловлена понятным стремлением кадетской партии к концентрации законодательной и исполнительной власти в одних руках – переходного (или временного) правительства. Указывалось, что при существующем положении страны должно быть Правительство, обладающее абсолютной полнотой власти, до права законодательствовать включительно, так как события, сопровождающиеся революционными эксцессами, могли потребовать принятия экстраординарных мер. Необходимость в этом случае получать санкции Думы тормозила бы деятельность Правительства по ведению войны и устройству внутренней жизни. Деятели кадетской партии, памятуя предшествующий опыт, сдержанно относились к созыву полноправной действующей Думы, видя в ней возможность ограничения полноты своей власти⁶⁰.

В целом причиной пассивности Временного правительства можно признать позицию Кадетской партии, оказавшейся в плену старых представлений о парламентаризме, взятых из эпохи борьбы с самодержавием и плохо отражавших новую политическую реальность.

5. Так называемое двоевластие: преодоление предрассудков интерпретации

Представление о двоевластии как ключевом факторе русской революции получило широкое распространение в трудах как современников революции, так и пришедших им на смену исследователей. Но что такое «двоевластие» и каковы его возможные трактовки? Тезис о неизбежном исходе из двоевластия в пользу диктатуры, длительное время насаждавшийся ее апологетами, может быть переосмыслен в свете данных современной науки. Для прояснения вопроса необходимо пересмотреть ряд

⁵⁹Об этих представлениях: *Суханов Н.* Записки о революции. М., 1991. Т. 1.

⁶⁰*Милюков П.Н.* История Второй русской революции. М., 2001.

историографических представлений, устойчивость воспроизводства которых не делает их более доказательными.

Первое представление – «классовая» теория двоевластия – рассматривает его как столкновение двух классов, примерно равных по силе, которое возникает в условиях революционного кризиса. Двоевластие, согласно этому подходу, есть по существу режим социального кризиса: знаменуя высшую степень поляризации общества, оно включает в себя потенциальную или открытую гражданскую войну. Отказ от «классовой» теории двоевластия и замена ее институциональной позволяет интерпретировать двоевластие как более общее социальное явление – предельный баланс двух (или более) политических институтов в ситуации неопределившегося социального выбора. Двоевластие в широком смысле – неустойчивое соотношение сил правового порядка (выступающих за стабильность правовой системы) и беспорядка (анархии, включающей «бессмысленные эксцессы черни» и господство уголовных элементов). Двоевластие русской революции в этой перспективе предстает как частный случай конституционного конфликта, противостоящими сторонами в котором должны быть признаны вовсе не классы, а сторонники и противники демократической конституции. Следуя логике теории рационального выбора, важно выяснить не только чем объяснялся заключительный поворот в разрешении конфликта, но и те институциональные и психологические факторы (социальные ожидания), которые определяли вектор трансформации политической системы на разных этапах конфликта. Двоевластие, как показывает сравнительный конституционализм, не означает равного распределения власти или установления формального разделения властей. Это – расщепление единой власти в соответствии с меняющимся (в ходе конфликта) соотношением сил. Эти нюансы отражены в определениях современников – двоевластие как конфликт двух институтов власти (Миллюков); как конфликт классов (Ленин) или их неустойчивое соотношение – «двоебезвластие» (Троцкий); как состояние, близкое к анархии (Мельгунов)⁶¹.

В когнитивном отношении гибкость стратегии большевиков определялась не только популизмом программы, но и способностью к манипулированию массами. Покровский вообще видел значение Октябрьского переворота в торжестве эгоистических интересов пролетариата, оказавшегося способным поставить свои классовые интересы выше защиты географического «отечества» и утвердить свою волю поверх фетишей национального государства, свободы и равенства как выражения простого арифметического большинства нации⁶². Достижение этого результата обусловлено

⁶¹Эти определения двоевластия представлены в кн.: *Мельгунов С.П.* Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. С. 74.

⁶²*Покровский М.* Историческое значение Октябрьской революции // Коммунистическая революция. 1927. № 20. С. 12.

направленной агитацией – предложением массам именно тех лозунгов, которые были наиболее привлекательны для них в текущем контексте. Еще в Феврале большевики, по признанию одного из их лидеров (А. Шляпникова), делали основной упор на агитацию среди солдат: «наши товарищи, пользуясь партийными и личными связями с солдатами», проникали в казармы, а за неимением такой возможности – вели агитацию под открытым небом, организуя массовки, где говорили «о тягостях войны, ее целях и необходимости свержения царской власти и прекращения войны»⁶³. Эти усилия дали плоды, поскольку «народ совершил революцию с тайными и явными желаниями покончить войну»⁶⁴. Ретроспективно оценивая результаты переворота, большевики не без удивления отмечали стихийную поддержку своих действий самими примитивными социальными слоями (на которые они вовсе не рассчитывали), в результате которой они «были вынесены этой громадной волной» (Н. Бухарин)⁶⁵. Констатируя отсутствие значительного сопротивления Временного правительства, стремившегося спасти положение, «осужденное самой жизнью» (Антонов-Овсеенко)⁶⁶, большевики не забывали указать на целенаправленность своего стремления «овладеть массами» – поставить эти массы перед фактом переворота. Это позволяет усомниться в адекватности самого понятия «двоевластие» при описании политической истории переходного периода и предположить, что институциональная нестабильность, порожденная падением монархии, была связана прежде всего с сознательным отказом Временного правительства опираться на существующую систему исполнительной власти, не предложив ей ничего взамен. В результате потенциальное «двоевластие» стало реальным, а социальный выбор в конечном счете оказался столь иррационален – в пользу деструктивных антиконституционных сил, институционально представленных суррогатной системой так называемой «советской демократии»⁶⁷.

Другое представление – что советы есть исключительно российская специфика, дошедшее до наших дней⁶⁸ (для обоснования этого положения используется даже теория «инверсии»), легко преодолевается на сравни-

⁶³ Шляпников А. Февральские дни в Петербурге // Пролетарская революция. 1923. № 1 (13). С. 89.

⁶⁴ Шляпников А. Социал-демократия и война (1914–1917) // Пролетарская революция. 1923. № 3 (15). С. 194.

⁶⁵ Воспоминания об Октябрьском перевороте // Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 322.

⁶⁶ Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 129.

⁶⁷ Представление о советах как «суррогатной» системе власти дается в юридической литературе эмиграции: *Timashev N.* Grundzüge des Sovetrussischen Staatsrechts. Breslau, 1925; *Mirkin-Guetzevitch B.* La théorie générale de l'Etat soviétique. Paris, 1928.

⁶⁸ *Smith S.A.* Revolution and People in Russia and China: A Comparative History. N.Y.; Cambridge, 2008.

тельном материале. Двоевластие – отнюдь не российская особенность. В литературе о советах, комитетах, хунтах и прочих подобных самопровозглашенных учреждениях показаны варианты советской системы как архаичной структуры, неспособной к управлению, но являющейся средством мобилизации антиконституционных деструктивных сил, вплоть до уголовных элементов. Отметим, что советы в России, комитеты в Иране, хунты в Испании и Мексике – суть разновидности институтов непосредственной демократии. Их историческими прототипами, как показал О. Анвайлер, являются не только революционные институты Парижской коммуны или парижские секции периода Французской революции, но и значительно более ранние институты – советы солдат Кромвеля, агитаторы Английской революции⁶⁹. В ходе всех крупных революций данная форма непосредственной демократии выполняет функции массовой мобилизации и может быть успешно использована для захвата власти совершенно различными политическими силами, после чего необходимость в них отпадает (так как в силу своей природы они не могут быть реальными институтами власти) и они сохраняются в лучшем случае в виде декоративного украшения при номинальном конституционализме (как, например, в России после Кронштадтского восстания 1921 г.)⁷⁰ Как показывает обращение к иранской конституционной революции, эта форма оказалась вполне совместима даже с традиционалистскими религиозными представлениями исламского духовенства⁷¹. Как и всякое широкое объединение, советы отражают «элементарность масс» и имеют смысл во время переворота только при наличии политического авангарда. Именно в этом качестве Троцкий считал позднее правомерным использовать советы в Китае, Испании и Латинской Америке, где эта форма имела много общего с традицией сельских «хунт»⁷². Повсюду советы становилась политической формой, которую противники либерального парламентаризма Временного правительства использовали для дестабилизации конституционного строя. Во всех случаях советы – институт манипуляции массами. Это хорошо понимали лидеры большевиков (Ленин и Троцкий), видевшие в советах инструмент захвата власти, которым можно манипулировать исходя из тактических соображений (смена лозунгов в отношении советов в зависимости от того, есть у них большинство или нет)⁷³. Таким образом, советы – лишь маргинальная форма захвата власти. Они являются вспомогательным элементом системы властных решений и, как отмечал Ленин, в крайнем случае, могут быть отброшены или заменены другой массовой организацией.

⁶⁹Anweiler O. Die Rätebewegung in Russland, 1905–1921. Leiden. 1958. S. 234–235.

⁷⁰Вишняк М. Кронштадт // Современные записки. 1921. № IV. С. 359.

⁷¹Afary J. The Iranian Constitutional Revolution, 1906–1911. N.Y., 1996.

⁷²Коминтерн и гражданская война в Испании. М., 2001.

⁷³Об использовании большевиками анархистских лозунгов для мобилизации люмпенизированных слоев: Алексинский Г. Война и революция. Пг., 1917. С. 38–39.

Третье – принятие провозглашенной функции советов в революции в ущерб их главной, но скрытой (латентной) функции. Если декларируемая функция советов определялась как осуществление непосредственной демократии, то реальная (латентная) функция состояла в мобилизации социальной поддержки и легитимации установления коллективистской диктатуры. Особенностью тактики большевиков было то, что они совершенно не церемонились с формальными представительными институтами – как старыми (разгон Думы, Сената, а затем Учредительного собрания), так и новыми – Советами (которые интересовали их исключительно как легитимация переворота) или даже революционными органами власти (подтасовка состава ВРК)⁷⁴. При господстве мелкобуржуазных партий (эсеров и меньшевиков) Советы, по мнению большевиков, «неизбежно опускались все ниже и ниже, перестали быть органами восстания, как и органами государственной власти, а решения их неизбежно превращались в бессильные резолюции и невинные пожелания», способствуя мобилизации «сил контрреволюции»⁷⁵. Это позволяло ставить вопрос об их разгоне в порядке революционной целесообразности. Подобным образом большевики и их левые сторонники действовали в отношении Учредительного собрания, в котором «было, может быть, много революционной чистоты, но зато было слишком мало революционной мудрости»⁷⁶. Допустив созыв Конституанты в надежде получить в ней большинство сразу после переворота, большевики пошли на его роспуск, увидев обратную картину, хотя позднее объясняли созыв Учредительного собрания стремлением продемонстрировать массам его «буржуазный характер»⁷⁷. Концепции либеральной конституирующей власти в виде Учредительного собрания была противопоставлена концепция «советской демократии» (Съезда советов), а эта последняя, в силу ее явной неэффективности, уступила место принципу однопартийной диктатуры. Для самих большевистских авторов эта установка имела много общего с традициями якобинцев и народников, хотя позднее они решительно отвергали аналогии с «мелкобуржуазными революционерами»⁷⁸. Эти представления о возможности манипулирования институтами народного представительства в тактических целях определяли позицию большевизма в интернациональной перспективе. Большевизм выдвигал идею мировой революции,

⁷⁴Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 88.

⁷⁵Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 316.

⁷⁶Штейнберг И. От Февраля по Октябрь 1917 г. Берлин; Милан, 1918. С. 38.

⁷⁷Яковлев Я. К вопросу о большевистской тактике в Октябре // Пролетарская революция. 1927. № 21. С. 15.

⁷⁸Мицкевич С. Русские якобинцы // Пролетарская революция. 1923. № 6–7 (18–19). С. 3–26; Батурич Н. О наследстве «русских якобинцев» // Пролетарская революция, 1924, № 7 (30). С. 82–89.

а его лидеры пребывали в ожидании стихийного «девятого вала» революции, «мирового Октября» и создания Мировой советской республики как следствия мировой войны и русской революции⁷⁹. В условиях революционного кризиса советская легитимность была необходима если не для успеха военного переворота, то для последующего удержания власти.

В связи с этим проясняется существо известного внутривнутрипартийного конфликта накануне Октябрьского переворота, состоявшего фактически в расколе сторонников декларативной и латентной функций советов. Первые (как Зиновьев и Каменев), увлекшись «конституционной игрой» в советскую демократию, всерьез полагали осуществимой комбинацию Учредительного собрания и Советов, которую они рассматривали как реалистический политический компромисс, позволяющий большевикам бороться за власть в качестве оппозиционной партии в будущей Конституанте. Вторые, видевшие в советах исключительно технический инструмент захвата власти, решительно выступали против подобных компромиссов. Наиболее решительным противником постановки вопроса о предварительном поиске легитимных форм завоевания власти был сам Ленин, «гениальный оппортунизм которого» в сочетании с «политической беспощадностью» выражался в быстрой смене тактических лозунгов, которые, хотя «ошарашивали» однопартийцев и даже казались им «дикостью», но затем «давали богатейшие результаты»⁸⁰. В ситуации вакуума власти советская система четко проявила латентную функцию: она служила для маскировки заговора и постепенного установления контроля над конституционными институтами власти. По достижении этой цели (к ночи 24 октября), когда отпала необходимость «прикрываться остатками традиций двоевластия», уже не составляло труда окончательно «перерезать пуповину легальности»⁸¹. Советская система, следовательно, представляла интерес не как система управления, а скорее как инструмент социальной мобилизации, захвата и удержания власти революционной элитой.

6. Альтернативные пути преодоления двоевластия

Вопрос о соотношении Конституанты, Советов и революционной диктатуры – центральная проблема внутривнутрипартийной дискуссии в большевизме. В апреле 1917 г. правые большевики интерпретировали русскую революцию как «буржуазно-демократическую», а ее содержание видели в использовании самопровозглашенных советов исключительно

⁷⁹Зиновьев Г. Новая волна мировой революции // Коммунистическая революция. 1923. № 21–22. С. 5.

⁸⁰«Гениальный оппортунизм Ленина» признавался соратниками: Луначарский А.В. Великий переворот (Октябрьская революция). Пб., 1919. С. 70, 80–81.

⁸¹Троцкий Л. История русской революции. М., 1997. Т. 2.2. С. 117.

для давления на Временное правительство с целью скорейшего созыва Учредительного собрания (в котором они рассчитывали получить большинство либо создать мощную оппозиционную фракцию). Радикальное крыло партии во главе с Лениным, напротив, настаивало на немедленном превращении советов в основу политической системы – создании «государства типа Парижской коммуны» – революционной диктатуры, которая «опирается не на закон, не на формальную волю большинства, а прямо непосредственно на насилие», ибо «насилие – орудие власти». Каменев определил подход Ленина как авантюризм, с чем тот вполне согласился. «Наш авантюризм», заявил Ленин, состоит в «попытке прибегнуть к насильственным мерам» без очевидной гарантии успеха, потому что нельзя же заранее определить, в какую сторону «колебнется масса» в решающий момент⁸². Тем не менее лозунг Учредительного собрания было решено сохранить как тактически более приемлемый. «Резолюция об отношении к Временному правительству» усматривала главный признак его недемократичности в нежелании созыва Конституанты – оттягивании созыва Учредительного собрания под предлогом технических трудностей⁸³.

В условиях, когда большевики не контролировали советы, апелляция к скорейшему созыву Учредительного собрания позволяла достичь две цели – дезавуировать Временное правительство как «контрреволюционное» и вести мобилизационную кампанию вокруг популистских лозунгов – прекращения войны и разрухи, национализации земли и промышленности⁸⁴. Начатая большевиками предвыборная кампания в Учредительное собрание преследовала именно эти цели, делая акцент на агитацию в армии и на фронте⁸⁵. Известный отказ Ленина и Зиновьева явиться на суд «буржуазного правительства» сопровождался оговоркой о возможности сделать это на Учредительном собрании, ибо только оно «будет правомочно сказать свое слово по поводу приказа Временного правительства о нашем аресте»⁸⁶. Образ последовательных защитников Конституанты позволял большевикам разрушить демократичес-

⁸²Седьмая (Апельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 74–75, 111.

⁸³Резолюция об отношении к Временному правительству // Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 177–179.

⁸⁴О политическом положении: Резолюция // Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 255.

⁸⁵Резолюции: «Предвыборная кампания в Учредительное собрание» Принята на утреннем заседании 3 (16) августа) // Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 260–261.

⁸⁶См. Письмо тт. Ленина и Зиновьева // Пролетарское дело. № 223 (15) июля 1917 г.

кие институты поиска консенсуса, стал предлогом ухода большевиков из Демократического совещания и Предпарламента: «Вся суть в том, – говорилось в декларации большевиков, – что буржуазные классы, направляющие деятельность Временного правительства, поставили себе целью сорвать Учредительное собрание. Это сейчас основная задача цензовых элементов, которой подчинена вся их политика, внутренняя и внешняя»⁸⁷.

Проблема отношения к Учредительному собранию стала стержнем внутривластной дискуссии в период подготовки Октябрьского переворота и его осуществления. Сохранение линии на созыв Конституанты означало отказ от идеи переворота. Такова была известная позиция Каменева и Зиновьева, видевших в Учредительном собрании оптимальный способ достижения согласия всех революционных «социалистических партий» и возможность проведения программы большевиков, а в немедленном осуществлении переворота – срыв этого курса, ни больше ни меньше, как стремление «ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции». «Учредительное собрание плюс Советы – вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем»⁸⁸. Аргументация данной позиции заключалась в представлении о возможности большевиков победить на выборах и создать по их результатам «правлящий блок». Данной позиции противостоял циничный взгляд Ленина: «Ждать до Учредительного собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнять нашу задачу»⁸⁹. Возражая на обвинения в авантюризме, Ленин настаивал на немедленном захвате всей власти. В условиях политического кризиса «настроением масс руководиться невозможно, ибо оно изменчиво и не поддается учету; мы должны руководиться объективным анализом и оценкой революции». Поэтому реальный выбор – не между парламентаризмом и переворотом, но в определении формы будущей диктатуры⁹⁰. В этом контексте понятен смысл публичных заявлений противников ленинской тактики, считавших, что «взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент, при данном соотношении общественных сил, независимо и за

⁸⁷ Декларация фракции большевиков об уходе из Предпарламента 7 (20) октября 1917 г. // Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917 – Февраль 1918. М., 1958. С. 77.

⁸⁸ Заявление т.т. Каменева и Г. Зиновьева 11 (24) октября 1917 г. по поводу их позиции в отношении восстания // Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917 – Февраль 1918. М., 1958. С. 86–92.

⁸⁹ Выступление Ленина о текущем моменте на заседании ЦК 10 (23) октября 1917 г. // Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917 – Февраль 1918. М., 1958. С. 85.

⁹⁰ Заседание 16 (29) октября 1917 г. // Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917 – Февраль 1918. М., 1958. С. 94.

несколько дней до съезда Советов было бы недопустимым, гибельным для пролетариата и революции шагом»⁹¹. После Октябрьского переворота данная позиция выражалась в идее «создания коалиционного правительства социалистических партий» вместо концепции «чисто большевистского правительства», сохранение которого у власти возможно исключительно «средствами политического террора»⁹².

Обращение к идее использовать советы как суррогатные органы власти – ревизия марксизма в направлении анархизма. Эта ересь, однако, была впоследствии принята официальной историографией в рамках «творческого развития марксизма». «Что было бы с партией, с нашей революцией, с марксизмом, – справедливо заключали его идеологи, – если бы Ленин спасовал перед буквой марксизма и не решился заметить одно из старых положений марксизма, сформулированное Энгельсом, новым положением о республике Советов, соответствующим новой исторической обстановке? Партия блуждала бы в потемках, Советы были бы дезорганизованы, мы не имели бы советской власти, марксистская теория потерпела бы серьезный урон. Проиграл бы пролетариат, выиграли бы враги пролетариата»⁹³. Неприятие этого подхода традиционной социал-демократией рассматривалось большевиками как признак утраты революционной гибкости. Характерна оценка Троцким позиции Плеханова: «Это нарушение равновесия между теорией и практикой оказалось для него роковым»⁹⁴. Подчеркивая историческую неизбежность перехода от Февральской революции к Октябрьской, идеологи большевизма отрицали predeterminedность данного события, ибо «наша партия всегда была чужда исторического фатализма»⁹⁵.

Распространенный тезис о невозможности сравнивать и моделировать альтернативные ситуации выхода из двоевластия нуждается в переосмыслении. В сравнительной перспективе существуют два диаметрально противоположных решения проблемы двоевластия – в пользу захвата власти экстремистами и в пользу сохранения конституционного порядка и демократических свобод. Рассмотрим примеры этих двух ситуаций на сравнительном материале. Первая модель реализовалась в

⁹¹Заявление т. Каменева в газету «Новая жизнь» // Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917 – Февраль 1918. М., 1958. С. 115–116.

⁹²Заявление в ЦК РСД рабочей партии (большевиков) от 4 (17) ноября 1917 г. за подписью Ю. Каменева, А.И. Рыкова, В. Милютин, Г. Зиновьева, В. Ногина // Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917 – Февраль 1918. М., 1958. С. 135–136.

⁹³История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под редакцией комиссии ЦК ВКП (б). Одобрено ЦК ВКП (б). 1938 год. М., 1950. С. 341.

⁹⁴Троцкий Л. Беглые мысли о Плеханове // Под знаменем марксизма. 1922. № 5–6. С. 8.

⁹⁵К десятилетию Февральской победы // Большевик. 1927. № 5. С. 5.

России и затем в Иране (революция 1979 г.). Исламская республика началась с формирования двух параллельных центров власти. Один был представлен Временным правительством и формальными институтами государства, в частности бюрократией и вооруженными силами во главе с Базарганом и окружавшими его либералами. Другой был представлен Революционным советом и теневым религиозным правительством, особенно комитетами, во главе с Хомейни и его популистскими последователями. Развитие событий в Иране внешне очень напоминает ход русской революции 1917 г. и поэтому неоднократно сравнивалось с ней. В обоих случаях логика событий вела от спонтанного революционного взрыва, уничтожившего монархию, к формированию либерального Временного правительства, готовившего Учредительное собрание, но переставшего контролировать ситуацию. В ходе двух революций возникает известный феномен «двоевластия», когда Временному правительству противостоят спонтанные и псевдодемократические структуры власти – советы или комитеты (в случае иранской революции). Борьба между ними достигает наивысшей интенсивности в связи с обсуждением Конституции. Наконец, в обоих случаях власть в конечном счете достается не народу, а революционному авангарду – партии в России и духовенству в Иране. Эти процессы, в результате которых произошла подмена идеи демократического Учредительного собрания архаическим политическим институтом, принявшим конституцию, лишавшую народ суверенитета в пользу избранного политического меньшинства, – также выявляют сходство российской и иранской революций. Подобно Второму Съезду советов, противопоставленному большевиками Учредительному собранию, Хомейни удалось решить проблему созданием Ассамблеи экспертов. В обоих случаях «праведный путь» был определен не демократической конституирующей властью, а ее эрзацем, полученным в результате целенаправленной селекции социальных элементов, способных оказать поддержку уже установленному режиму⁹⁶. Соответственно, конституционный процесс проделывает своеобразный цикл, начинаясь с отмены монархии и провозглашения демократической республики и заканчиваясь утверждением единовластия, которое, напоминая монархический режим, значительно превосходит его по интенсивности устанавливаемого над обществом контроля.

Другой вариант решения проблемы двоевластия представлен Португалией (революция гвоздик 1974 г.). После свержения диктаторского правительства М. Каэтано военный переворот 25 апреля 1974 г. поставил у власти военную хунту. Дезорганизация правых сил привела к тому, что партийный баланс, как и в ходе русской Февральской револю-

⁹⁶*Amjad M.* Iran. From Royal Dictatorship to Theocracy. N.Y., 1989; *Arjomand S.A.* The Turban for the Crown. The Islamic Revolution in Iran. N.Y.; Oxford. 1988.

ции, склонился в сторону левых. В условиях вакуума власти только эти две силы – военные и коммунисты – демонстрировали эффективность. Переходный процесс в Португалии характеризовался трудными отношениями между военным руководством и политическими партиями, меняющийся баланс власти между которыми определялся как «двоевластие». Роль правительства социалистической партии в этих условиях определялась возможностью сохранить вектор «гражданского» развития, парализовав попытки установления правой или левой диктатуры⁹⁷. Эта цель была достигнута с принятием конституции 1976 г., закрепившей компромиссную конструкцию власти переходного периода. Баланс сил (или двоевластие) постепенно (и не без влияния внешних игроков) сместился в область умеренных партий (с параллельно идущим процессом трансформации конституции). Выход из конфликта был осуществлен в направлении демократической системы.

Главный историографический предрассудок, целенаправленно закреплявшийся официальной советской историографией, – о фатальности движения событий. Двоевластие (даже если не давать его классовую интерпретацию) действительно потенциально содержит угрозу гражданской войны, однако эта потенциальная возможность может не стать реальностью. Все теории, описывающие русскую революцию, невольно моделируют фазы исходя из неизбежности их смены. Во всех радикальных революциях действует известная формула перехода власти: от правых (консерваторов) к центру (умеренным) и левым (радикалам). В процессе этого перемещения власть становится все более концентрированной, ее социальный базис все более сужается, поскольку в ходе каждого важного кризиса побежденная группировка выбрасывается из политики. Эта формула (К. Бринтон), выведенная на материале всех крупных революций, относится как к русской и французской, так и к иранской⁹⁸. Однако эта логика событий может быть своевременно остановлена, если убрать только один элемент – спонтанность смены фаз революционного цикла.

Ошибка Временного правительства в том, что, допустив существование советов как легитимного источника альтернативной власти, оно не подавило их в ходе августовского и июльского кризисов⁹⁹. В условиях разворачивания революционного кризиса известные либералы П.Н. Милюков и П.И. Новгородцев выступили сторонниками диктатуры как альтернативы большевизму, предприняв ряд практических шагов по

⁹⁷*Oliveira Martins G.* Portugal. Instituições e Factos. Lisboa, 1991; *Mavrias K.G.* Transition démocratique et Changement Constitutionnel en Europe du Sud. Espagne – Grèce – Portugal. Athènes, 1997.

⁹⁸*Brinton C.* The Anatomy of Revolution. N.Y., 1952. P. 130.

⁹⁹Разрешение правительственного кризиса. Ликвидация мятежа. Дело Ленина // Речь № 156 – 170 (за июль – начало августа 1917 г.).

организации возможного переворота. Раз война с внешним противником началась, считал Новгородцев, нельзя сохранять противника внутреннего. Таковым он признавал на заседании ЦК 11–12 августа 1917 г. Совет рабочих депутатов, который считал необходимым уничтожить. Общий вывод его размышлений: «Надо покончить с большевистской революцией»¹⁰⁰.

Таким образом, не было фатальности выхода из двоевластия: длительное время существовали возможности повернуть ситуацию, используя переговоры, коалиции, наконец, вооруженные силы. Во-первых, потенциальное двоевластие не обязательно должно было стать реальным, во-вторых, латентное (скрытое) двоевластие не обязательно должно было стать явным; в-третьих, даже в ситуации открытого двоевластия возможны были политические маневры, связанные с различным юридическим отношением конкурирующих институтов власти (предпочтение декларативной функции советов их латентной функции). Причина провала демократической власти – отсутствие политической воли, рычагов и технологий.

7. Технологии государственных переворотов как решающий фактор определения вектора политической системы

В ситуации «предельного равновесия» между конституционными и антиконституционными силами решающим становился вопрос о тактике удержания и захвата власти. Решение проблемы предполагает пересмотр представлений о так называемых стихийных и организованных революциях, соотношении революций и переворотов, сопоставление различных технологий государственных переворотов, решения проблемы легитимации новой власти, соотношения технологий с идеологиями, перспектив защиты демократии от антиконституционных переворотов¹⁰¹.

Прежде всего, отметим спорность классификации революций на стихийные и организованные. Эта классификация (возникшая в марксистской историографии именно в результате осмысления русских революций 1917 г.) имеет условный характер. С юридической точки зрения нет разницы между революцией и переворотом, если имеет место факт разрыва правовой преемственности. С политологической – революция предполагает движение масс снизу, в отличие от переворота, который

¹⁰⁰Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. М. 1998. Т. 3 (1915–1920). С. 384.

¹⁰¹Медушевский А.Н. Технологии конституционных переворотов // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 3 (56). С. 3–23.

является скорее делом элитных групп¹⁰². Следуя этой логике, все революции по определению имеют стихийный характер, а перевороты – организованный. В России Февральская революция имела в этом смысле стихийный характер, а Октябрьская – организованный, т. е. представляла собой государственный переворот. Успех первой стал возможен «не столько от силы взрыва, сколько от слабости сопротивления», второй – в результате осуществления тайного плана в «заранее намеченный срок»¹⁰³. Своевременный верхушечный *coup d'état* выступал альтернативой «стихийному взрыву государства». Он был возможен в рамках концепции Милюкова, основанной на опыте младотурецкой революции, однако не реализовался из-за отсутствия политической воли. В современной историографии обсуждается возможность интерпретации Февральской революции как переворота. Определенные указания на его подготовку, зафиксированные еще в эмигрантской историографии, присутствуют в источниках¹⁰⁴. «Мысль о принудительном отречении царя, – свидетельствует председатель Думы М.В. Родзянко, – упорно проводилась в Петрограде в конце 1916 и начале 1917 года. Ко мне неоднократно и с разных сторон обращались представители высшего общества с заявлением, что Дума и ее председатель обязаны взять на себя эту ответственность перед страной и спасти армию и Россию»¹⁰⁵. Эта информация, однако, имела характер «слухов», что характерно для периода политической нестабильности: говорят, «будто председатель Думы (т. е. сам Родзянко. – *А.М.*) стал во главе революционного движения и вопреки желанию правительства создал особый комитет по образцу французской революции (так, очевидно, понимали учреждения Особого Сопровождающего). Генерал Крымов будто бы заявлял, что «переворот неизбежен» и т. д.¹⁰⁶ Но эти намерения едва ли приобрели характер четкой программы, а тем более не могли стать основой ее последовательного проведения в жизнь. «Совершенно очевидно, – отмечал Троцкий, – что у Гучкова с Крымовым дело не пошло дальше патриотических вздохов за вином и сигарой. Легкомысленные фронтеры аристократии, как и тяжеловесные оппозиционеры плутократии, так и не нашли в себе духа внести поправку действием в пути неблагоприятного промысла»¹⁰⁷.

Ключевое значение для проведения различия в переворотах старого и нового типа имеют вопросы технологии. Представления классической политической теории, сформированные в условиях сословного обще-

¹⁰²Luttwak E. *Coup d'Etat: A Practical Handbook*. N.Y., 1969; Carlton E. *The State Against the State. The Theory and Practice of the Coup d'Etat*. Oxford, 1997.

¹⁰³Троцкий Л. История русской революции. М., 1997. Т. 2.2. С. 322.

¹⁰⁴Катков Г. Февральская революция. М., 2006.

¹⁰⁵Родзянко М.В. За кулисами царской власти. М., 1991. С. 38.

¹⁰⁶Там же. С. 21, 34.

¹⁰⁷Троцкий Л. История русской революции. М., 1997. Т. 1. С. 96.

ства, цензовых избирательных систем и классического парламентаризма в новых условиях массового общества оказываются неэффективны. Традиционным концепциям олигархических переворотов большевики смогли противопоставить новые. Содержание разработанной Троцким новой технологии государственных переворотов включало следующие параметры: массовая мобилизация внепарламентских сил; осуществление «невидимых маневров», направленных на захват стратегических коммуникаций вместо штурма непосредственных институтов власти; представление о разделении стихийных революций (примером которых выступала Февральская) и организованных (осуществляемых по «научному» плану и к определенной дате).

Суть новой технологии, как ее представил К. Малапарте, состояла в подготовке переворота путем «невидимых маневров», цель которых заключалась в постепенном установлении контроля над техническими коммуникациями с помощью небольших вооруженных групп. Эта тактика позволяла без открытого политического выступления и формального разрыва с существующей правовой системой добиться желаемого результата – сосредоточения власти в руках штаба сторонников переворота. Правительство Керенского, как и любое другое демократическое правительство того времени, могло противопоставить этой тактике лишь традиционные, а потому малоэффективные полицейские операции, ориентированные исключительно на открытые деструктивные проявления политического протеста. Рассматривая проблему защиты государства как чисто полицейскую (противостояние открытым вооруженным восстаниям), сторонники демократии оказались неспособны остановить ползучий переворот¹⁰⁸. В результате этих невидимых маневров, подчеркивал А. Шляпников, к моменту Октябрьского переворота «силы городских рабочих и войсковых частей, как в центре, так и на местах, были уже против Временного правительства и его политики»¹⁰⁹. Успех Октябрьского переворота объяснялся Троцким (в «Уроках Октября») его предварительной подготовкой: тем, что удалось воспрепятствовать выводу Петроградского гарнизона, создать ВРК (16 октября), направить во все воинские части комиссаров, т. е. полностью изолировать не только штаб Петроградского военного округа, но и правительство. В этом контексте восстание 25 октября имело только дополнительный характер и потому прошло столь «безболезненно». В последующее время официальная доктрина отвергла это объяснение. В нем усматривалось стремление преувеличить значение Петроградского Совета, председателем которого Троцкий был с сентября 1917 г.,

¹⁰⁸ *Malaparte C. Technique du Coup d'Etat*. Paris, Bernard Grasset, 1966 (1992); *Malaparte C. Le Bonhomme Lénine*. Paris, 1931.

¹⁰⁹ *Шляпников А. К октябрю // Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 11.*

принизив, тем самым, роль Ленина и ЦК в подготовке восстания¹¹⁰. Сам Троцкий, впрочем, отвергал понятие «троцкизм», усматривая в нем лишь последовательное выражение ленинизма¹¹¹. Это, однако, не меняет сути дела. Вопреки ортодоксальной позиции большевистского ЦК, исходившего из абстрактной идеи пролетарской революции, убедительно показал Малапарте, переворот 25 октября 1917 г. был осуществлен столь эффективно именно благодаря новой технике, которая стала затем предметом внимательного изучения и использования в ходе других революционных и контрреволюционных переворотов¹¹².

Противопоставление двух концепций – «революции» и «переворота» наметилось уже в первых попытках анализа событий их активными противниками¹¹³ и сторонниками¹¹⁴. Тактический макиавеллизм большевиков отражен в подборке воспоминаний, опубликованных к пятилетнему юбилею «Октябрьского переворота», где многие вещи названы своими именами¹¹⁵. Практически все активные деятели переворота вполне осознанно используют понятие «заговора». Троцкий говорил о существовании у большевиков плана совершения переворота «чисто разговорческим путем», его осуществления «в определенный срок», «путем военного заговора, использовав события, а также вывод военного гарнизона»¹¹⁶. Другой большевик (Михаил) ссылался на указание Ленина о том, что «заговор не противоречит принципам марксизма», если позволяет установить господство, поскольку «физический барьер на пути к власти надо преодолеть ударом, силой»¹¹⁷. Легитимация подобной тактики осуществлялась (В. Бонч-Бруевичем) признанием фактической необходимости ответить на сопротивление буржуазии «заговором против дворян и буржуазии, против всех тех, кто был с ними, сознательно или бессознательно поддерживал их»¹¹⁸. Подлинные мотивы захвата власти в установленный срок были связа-

¹¹⁰Вокруг статьи Л.Д.Троцкого «Уроки Октября (октябрь 1924 г. – апрель 1925 г.)» // Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 158–177.

¹¹¹Л.Д.Троцкий – Пленуму ЦК РКП (б) 15 января 1925 г. // Вокруг статьи Л.Д.Троцкого «Уроки Октября» (октябрь 1924 г. – апрель 1925 г.) // Известия ЦК КПСС. 1991. № 8. С. 183.

¹¹²Archives de Préfecture de Police (Cabinet du Préfet). М 6 (Curzio Malaparte). Досье на Малапарте 1931 г. Подробнее: *Медушевский А.Н.* Как научить демократию защищаться: Курцио Малапарте как теоретик государственных переворотов // Вестник Европы. 2002. № 4.

¹¹³Октябрьский переворот. Пг., 1918.

¹¹⁴*Арский Р.* Пути русской революции. Пг., 1918; *Пионтковский С.* Хрестоматия по истории Октябрьской революции. М., 1922; Вехи Октября. М., 1923.

¹¹⁵Воспоминания об Октябрьском перевороте // Пролетарская революция. 1922. № 10.

¹¹⁶Воспоминания об Октябрьском перевороте // Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 54 и 57.

¹¹⁷Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 88.

¹¹⁸Там же. С. 108.

ны не с идеологическими, но тактическими причинами. Размышляя о том, почему большевики «не решились стать на путь переворота» в июле, но сделали это в октябре, Ф. Раскольников приводил следующие аргументы: во-первых, в июле, полагал он, «у нас не было достаточно сил, чтобы не только захватить власть на несколько дней, а надолго сохранить ее, продержаться до мировой революции»; во-вторых, не имея в тот период поддержки Советов, большевикам трудно было объяснить неискушенным массам, почему «во имя борьбы за власть Советов приходилось бы арестовывать эти Советы». Поэтому, полагал он, «партия большевиков поступила разумно, не прельстившись на лавры дешевой авантюры, способной в то время, если не погубить революцию, то надолго отсрочить ее октябрьское торжество»¹¹⁹. Эта интерпретация переворота как «героического периода русской революции»¹²⁰ акцентировала внимание на разрушительной и волюнтаристской стороне большевизма, на смену которому пришла эпоха стабилизации диктатуры, когда сформировались основы последующей официальной версии событий¹²¹. Нет необходимости разъяснять, насколько первоначальная трактовка большевистского переворота отличается от последующей, возникшей в апологетической советской историографии, превратившей заговор в «Великую октябрьскую социалистическую революцию».

8. Большевистская революция – переворот нового типа

Центральной характеристикой технологии переворотов нового типа является необходимость решения вопросов легитимации власти. Для сторонников немедленного переворота, принципиально отвергавших идею Учредительного собрания (где они в любом случае оказывались в меньшинстве), главная проблема заключалась, однако, в отношении к советской легитимности. Стремлением обеспечить ее было продиктовано навязанное старому руководству ЦИК решение о немедленном созыве внеочередного съезда. Это решение имело для большевиков то преимущество, что «заранее устраняло споры о правомочности съезда и позволяло опрокинуть соглашателей при их собственном содействии». Переворот получал ореол «советской легальности»¹²².

¹¹⁹Раскольников Ф. В июльские дни // Пролетарская революция. 1923. № 5 (17). С. 100.

¹²⁰Крицман Л. Героический период Великой русской революции (опыт анализа так называемого «военного коммунизма»). М., 1924; Полтавский И. Героическое в русской революции. М.; Л., 1925. Т. 1–2.

¹²¹Вардин И. Большевизм после Октября. 1925; В дни великого Октября. Сб. М., 1926; Владимирский М.Ф. Октябрьские дни в Москве. М., 1927.

¹²²Троцкий Л. История русской революции. М., 1997. Т. 2.2. С. 75.

Но сохранялся спор о том, как должна соотноситься эта легитимация с переворотом – должен он произойти накануне Съезда (поставив его перед фактом), во время съезда или после него. В результате констатируется три группировки в ЦК: противники захвата власти, сторонники связи восстания со съездом и Ленин, выступавший за немедленную организацию восстания, независимо от советов. Если Ленин отдавал предпочтение осуществлению фактического захвата власти перед созывом съезда, то Троцкий подчеркивал преимущества их одновременного проведения. В обоих случаях большевики ставили Съезд перед свершившимся фактом. Важное принципиальное различие двух подходов состояло, однако, в характере легитимации новой власти. В первом случае имела место так называемая «последующая легитимация», во втором – «прямая легитимация», гораздо более выгодная для нового режима. В воспоминаниях о Ленине (глава «Переворот») Троцкий комментирует свои споры с Лениным по вопросу о дате выступления. По свидетельству Троцкого, Ленин до вечера 25 октября считал возможным тайным захват власти. Показательна его реакция на сообщении об удачном ходе военного переворота: «Ленин был в восторге, выражавшемся в восклицаниях, смехе, потирании рук. Потом он стал молчаливее, подумал и сказал: “Что ж, можно и так. Лишь бы взять власть”. Я понял, что он только в этот момент окончательно примирился с тем, что мы отказались от захвата власти путем конспиративного заговора»¹²³. Ленин, по воспоминаниям Подвойского, не хотел выходить на открытие Съезда Советов до взятия Зимнего дворца, поскольку, вероятно, не был уверен в поддержке переворота другими социалистическими партиями: «Вл. Ильич ругался... Кричал... Он готов был нас расстрелять»¹²⁴.

Все политические партии были едины в оценке большевистской революции как переворота, но интерпретировали его содержание различным образом. Конституционные демократы вполне адекватно классифицировали его как государственный переворот, осуществленный с целью навязать стране «волю ничтожного меньшинства»¹²⁵, установив диктатуру одной партии и ее вождя – Ленина, который предстал как «религиозный фанатик, глубоко верящий в свою идею»¹²⁶. Концепция меньшевиков была противоречива и включала взаимоисключающие оценки: если согласиться с их определением большевистского выступления как стихийного бунта, то не приходится говорить о «военном перевороте»

¹²³Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 70

¹²⁴Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 79.

¹²⁵Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. М., 1998. Т. 3. С. 409–410.

¹²⁶Протоколы заграничных групп Конституционно-демократической партии. М., 1996. Т. 4 (Май 1920 г. – июнь 1921 г.). С. 41–46, 159, 161.

или «военном заговоре»¹²⁷; если принять последний, то не убедителен тезис о «дворцовом перевороте» или «преторианском заговоре», сводившемся исключительно к установлению «личной диктатуры Ленина и Троцкого»¹²⁸. Определение большевизма как несовершенного аналога якобинской диктатуры, а Ленина как азиатского Робеспьера¹²⁹ исключало оценку большевистского режима как бонапартистского¹³⁰ или термидорианского¹³¹. Менее определенными были оценки переворота эсерами, первоначально усмотревшими в нем не столько осознанный «заговор», сколько «неуравновешенный волевой импульс людей, очертя голову пустившихся по течению»¹³². Наконец, совершенно неубедительна была трактовка переворота максималистами, усмотревшими в нем спонтанное выражение революционного потенциала масс¹³³, или анархо-коммунистами, первоначально воспринявшими ленинизм как бессистемное выражение собственных идей¹³⁴. Недооценка угрозы большевизма связана с непониманием его методов и технологий захвата власти.

Суть теории и практики большевизма стала понятна внимательным современникам только по прошествии времени¹³⁵. Все они констатировали, во-первых, крушение российской государственности. П. Струве афористично определил Октябрьскую революцию как «государственное самоубийство государственного народа»¹³⁶. По Милюкову, большевистский переворот выразил «слабость русской государственности и преобладание в стране безгосударственных и анархических элементов»¹³⁷. Во-вторых, общим местом стал тезис о бесперспективности коммунистического эксперимента, осуществляемого путем революционного захвата власти большевиками¹³⁸. В-третьих, указывалось на иррациональный характер переворота, который расценивался как «безумие» – психологический срыв неподготовленных масс в условиях трудностей

¹²⁷Меньшевики в 1917 году. М., 1997. Т. 3. Ч. 2. С. 236.

¹²⁸Там же. 1997. Т. 3. Ч. 2. С. 321–323; 340–348, 389–391, 492–493, 505 и др.

¹²⁹Меньшевики в 1918 г. М., 1999. С. 648.

¹³⁰Там же. М., 1999. С. 334.

¹³¹Меньшевики в 1921–1922 гг. М., 2002. С. 384.

¹³²Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. М., 2000. Т. 3. Ч. 1 (Февраль – Октябрь 1917 г.). С. 655–658.

¹³³Задачи максимализма. М.: Союз социалистов-революционеров максималистов, 1918.

¹³⁴Великий опыт. Пг., 1918; Черное знамя. Пг., Сб. ст. по анархизму. 1918; *Кроноткин П.* Письма о текущих событиях. Пг., 1918.

¹³⁵*Дан Ф.* К истории последних дней Временного правительства // *Летопись революции.* Берлин, 1923. Кн.1. С. 163–175; *Савинков Б.В.* Борьба с большевиками. Варшава, 1920; *Станкевич В.Б.* Воспоминания 1914–1919 гг. Берлин, 1920.

¹³⁶*Струве П.* Размышления о русской революции. София, 1921. С. 19.

¹³⁷*Милюков П.Н.* История второй русской революции. София, 1921. Т. 1. Вып. 1–3. С. 12.

¹³⁸Год русской революции. Сб. Ст. М., 1918; За год. Сб. ст. М., 1918; О рабочем контроле. Сб. ст. М., 1918; Большевики у власти. Сб. ст. Пг.; М., 1918.

войны¹³⁹, – в ходе которого «пролетариат» выступил как деструктивная анархическая сила, а захват власти – авантюра, осуществленная группой радикальных фанатиков¹⁴⁰. Законодательные преобразования большевиков (декреты о земле, национализации, рабочем контроле) и практика их реализации представляли выражением утопического «максимализма», сыгравшего «на редкость разрушительную роль» и противостоящего созидательному «положительному творчеству»¹⁴¹. В целом, резюмировал Н.Н. Суханов, ленинская стратегия революции противоречит марксизму, есть проявление «мелкобуржуазного анархизма»¹⁴².

В момент переворота никто не верил, что большевикам удастся захватить, а тем более длительно удержать власть. «Преобладающее мнение интеллигентной части склонялось к тому, что узурпаторская власть большевиков не может быть продолжительной, что признать ее нельзя и следует по возможности совсем игнорировать»¹⁴³. Противники большевизма, отрицавшие массовую поддержку переворота, позднее отмечали постепенное обретение большевизмом социальной базы в результате искусного использования популистской программы, констатируя ее опасность для других стран в связи с деятельностью Коминтерна¹⁴⁴. Левые оппоненты большевиков, признавая социальный характер революции, выражали сомнение в безальтернативности ее развития, воспроизводя известные аргументы о «преданной революции»¹⁴⁵. Даже сторонниками большевиков давались противоречивые оценки перспектив удержания власти, связанных с обретением новым режимом массовой опоры. Дж. Рид, прошедший до этого немало времени среди кровавых эксцессов «самых отчаянных головорезов» Мексики, одним из первых обнаружил в русских большевиках «не разрушительную силу», но напротив, «единственную в России партию, обладающую созидательной программой и достаточной властью, чтобы провести ее в жизнь», чем вызвал благожелательную оценку Ленина¹⁴⁶. Роль «масс» в революции отметил Р. Вильямс, видя в ней основу укрепления стабильности режи-

¹³⁹Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). М.; Л., 1926. Т. 12. С. 288, 304.

¹⁴⁰См.: Октябрьский переворот. Факты и документы. Пг., 1918. С. 17, 184.

¹⁴¹Далин Д. После войн и революций. Берлин, 1922. С. 36, С. 188.

¹⁴²Суханов Н. Записки о революции. Берлин; Петербург; Москва, 1922–1923. Кн. 4. С. 171–172.

¹⁴³Воспоминания графа Д.И. Толстого // Российский архив. М., 1992. Т. Т. II–III. С. 351.

¹⁴⁴Miliukov P. Bolshevism: An International Danger. Its Doctrine and Its Practice Through War and Revolution. L., 1920; Он же. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Париж, 1927. Т.1.

¹⁴⁵Союз эсеров-максималистов. М., 2002; Анархисты. Документы и материалы. М., 1999. Т. 2.

¹⁴⁶Ср. Репортажи Рида «Восставшая Мексика» и «Десять дней, которые потрясли мир»: Рид Дж. Избранное. М., 1987. Кн. 1. С. 16, 373.

ма¹⁴⁷. Но с учетом рудиментарности сознания этих масс трудно было предвидеть их окончательные предпочтения. Большевики, констатировал французский авантюрист и будущий коммунист Ж. Садуль, – «сила, которой, на мой взгляд, никакая другая сила в России не может противостоять», но и он считал, что, несмотря на свою изобретательность, большевики «не продержатся долго, если им придется противостоять одновременно против умеренных реакционных партий и небольшевистских социалистических фракций»¹⁴⁸. В условиях гражданского конфликта, вполне описываемого теорией Гоббса, поляризация общества достигла предела. В ситуации войны на уничтожение выяснилась невозможность компромисса сторон, каждая из которых доказывала, что именно она последовательно воплощает волю народа и борется с ее узурпаторами¹⁴⁹.

В ранних откликах иностранной печати на большевистский переворот суммированы основные факторы, приведшие его к власти – особенности русской политической культуры, мировая война и порожденный ею экономический кризис, слабость гражданского общества и демократического движения, использование populistских лозунгов, вводивших массы в заблуждение, террор как основной способ поддержания власти¹⁵⁰. Этим представлениям противопоставлялась советская концепция классовой рабоче-крестьянской революции, осуществлявшейся в рамках исторически обусловленного соотношения социальных сил, причем в соответствии с определенным планом¹⁵¹.

В более поздней литературе анализ социальных процессов, приведших к революции, в целом связывался с переходом от традиционного общества к индустриальному и от его сословной организации к схемам массовой мобилизации – процессу, который смогли возглавить большевики¹⁵². Во многих странах мира этот переход приобрел конвульсивный характер: наряду с фашизмом большевизм стал одной из исторических

¹⁴⁷Вильямс А.Р. Народные массы в русской революции. М., 1924.

¹⁴⁸Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 – январь 1919). М., 1990. С. 41, 55.

¹⁴⁹Дневник белогвардейца. Сборник (Гуль Р., Деникин А.И., Будберг А., Савинков Б.В. (Ропшин В.)). Новосибирск, 1991.

¹⁵⁰Freytagh-Loringhoven A. Geschichte der russischen Revolution. München, 1919; Abramovitch R.R. The Soviet Revolution 1917–1919. N.Y., 1920; Stadler E. Die Weltkriegsrevolution. 1920; Jenny E. Wie Russland bolschewistisch wurde. Ein Aufriss der russischen Revolution. Berlin, 1921; Handenström A. Geschichte Russlands von 1878 bis 1918. Stuttgart, 1922; Nötzel K. Die Grundlagen des geistigen Russlands. Versuch einer Psychologie des russischen Geisteslebens. 1923; Rosenberg A. Bolschewismus. München, 1922; Nötzel K. Die Soziale Bewegung in Russland. Stuttgart, 1923.

¹⁵¹Быстрянский В. Рабоче-крестьянская революция в оценке буржуазной публики. Пр., 1919.

¹⁵²Feiler A. Experiment des Bolschewismus. Frankfurt am Main, 1929; Hanisch E. Geschichte Sowjetrusslands, 1917–1941. Freiburg: Herder, 1951; Walsh W.B. Russia and the Soviet Union. A Modern History. Ann Arbor, 1958.

форм такой мобилизации¹⁵³. Даже те, кто не склонен разделять социальную и политическую революцию и считает, что она стала следствием протестной активности различных социальных слоев – слившихся воедино движений рабочих, солдат, крестьян, среднего класса, наций и большинства народа за окончание войны, а не результатом спланированного большевиками захвата власти, – приходят к выводу, что общим результатом этого движения стал социальный хаос¹⁵⁴. Социальные параметры конфликта – крестьянский и рабочий – оказали воздействие на формирование революционной ситуации и характер ее разрешения. Крестьянство находилось вне политики и не воспринимало идеи Временного правительства, вообще не понимало самого языка его обращений¹⁵⁵. «Пролетариат» как «титальный класс» революции не был вполне промышленным и не порвал связей с деревней, оставаясь социально дезориентированным в отношении революционной пропаганды¹⁵⁶. Большевики использовали радикализм настроений улицы, которая сама шла к ним¹⁵⁷. В эпоху политики массовой мобилизации действительно образовалась пропасть между стихийностью масс и революционным сознанием большевистской партии¹⁵⁸. В этой ситуации психологические факторы социальной мобилизации самых отсталых социальных слоев сыграли решающую роль в успехе большевистского переворота, подтверждая истину: «Когда люди восстают, они делают это с угрозами совести, трепетом и чувством вины»¹⁵⁹. Аморфность масс делала их идеальным объектом манипулирования со стороны радикальной интеллигенции в целях захвата власти.

Как сторонники, так и оппоненты большевизма, исходя из традиционных представлений о правовой легитимности, сомневались, что власть, обретенная в результате переворота, может оказаться прочной и долговременной, особенно учитывая утопический характер ее идеологии. Но с позиций исторического опыта XX в. это свидетельствует скорее об их исторической близорукости – формирование массовой социальной опоры успешно осуществлялось режимами различной (даже противоположной) идеологической направленности и не зависело напрямую от идеологического содержания их программ.

¹⁵³Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of Modern World. Boston, 1966.

¹⁵⁴Wade R.A. The Russian Revolution, 1917. Cambridge, 2000.

¹⁵⁵Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution 1894–1924. L., 1996.

¹⁵⁶Walkin J. The Rise of Democracy in the Pre-Revolutionary Russia. N.Y., 1972; Shukman H. Lenin and the Russian Revolution. N.Y., 1967.

¹⁵⁷Kochan L. The Russia in Revolution, 1890–1918. L., 1966. P. 251. Goldston R. Russian Revolution. L., 1967. P. 123–132.

¹⁵⁸Laue Th.H. von. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution 1900–1930. Philadelphia. N.Y., 1964. P. 110.

¹⁵⁹Davies J.C. When Men Revolt and Why. N.Y.; L., 1971. P. 9.

Важная черта новой технологии переворотов (как и всякой другой технологии) в том, что она может применяться независимо от социального (классового) содержания движений: технологии, разработанные большевиками в 1917 г., были затем успешно применены антипарламентскими движениями различной направленности. Вскоре выяснилось, что тактика большевизма может быть использована иными политическими силами, в том числе контрреволюционными – фашизмом и вообще авторитаризмом¹⁶⁰. Принципы этой технологии обобщены Троцким и четко представлены К. Малапарте, изложившим ее в своей «Технике государственных переворотов» в сравнении с другими антидемократическими переворотами своего времени. Троцкий указывал на существенные общие признаки модели установления большевистской диктатуры и последующих фашистских переворотов, причем последние, по его мнению, дали мало нового с точки зрения техники захвата и удержания власти. «У Гитлера, как и у Муссолини, – писал он, – все заимствовано и подражательно. Муссолини совершал плагиат у большевиков. Гитлер подражал большевикам и Муссолини»¹⁶¹. На это сходство технологий прихода к власти указывал и Н. Устрялов¹⁶². Крушение парламентской демократии в России поэтому – частный случай и первое проявление кризиса европейского парламентаризма и установления диктаторских режимов в Европе. Внешние формы диктаторских режимов (с точки зрения организации государственной власти) демонстрировали широкое разнообразие: безличная однопартийная диктатура советского типа; диктатура премьер-министра при более или менее символическом главе государства (Муссолини и Примо де Ривера при монархе, Вольдемар при президенте); прямая диктатура главы государства (Кемаль и Александр Сербский); диктатура личности, формально не выступающей на первый план (Пилсудский)¹⁶³. Общим для всех этих режимов, однако, стал сознательный отказ от принципов правового государства и свободы личности, отрицание парламентской демократии и политического плюрализма, опора на вооруженные силы и политика террора по отношению к оппонентам. Они возникли в результате государственного переворота, но стремились легитимировать свое существование различными квазипредставительными органами, в качестве которых могли выступать народная ассамблея, советы, профсоюзы или другие гибридные формы социальной поддержки.

Постановка вопроса о нейтральности технологий по отношению к идеологическим программам представляет новую перспективу для ре-

¹⁶⁰Звезда и свастика. Большевизм и русский фашизм. М., 1994.

¹⁶¹Троцкий Л. Сталин. М., 1990. Т. 1. С. 9;

¹⁶²Устрялов Н. Итальянский фашизм. Харбин, 1928.

¹⁶³Carlton E. The State Against the State. The Theory and Practice of the Coup d'Etat. Oxford, 1997.

шения проблемы защиты демократии от антиконституционных переворотов любой направленности. Данное обстоятельство учтено, в частности, в теории и практике современных «цветных» революций, которые (в отличие от традиционных революций) используют технологии массовой мобилизации, и непарламентских действий не против действующих конституций, а во имя защиты (не важно – реальной или мнимой) их положений от антиконституционных действий существующих режимов. Тем самым достигается цель свержения режима и захвата власти «революционерами» при сохранении конституционной легитимности переворота¹⁶⁴. Как всякое научное открытие, техника переворотов является сама по себе этически нейтральным понятием. Подобно всякой технике она аккумулирует определенный опыт и знания, представляя их в виде известного алгоритма действий. Этот «технологический» подход к политике заставляет отказаться от наивного представления о фатальном действии объективных законов истории, подчеркивая такие факторы как воля, цель и искусство ее достижения.

9. Уроки крушения демократии в России с точки зрения современного исторического опыта

Мы предложили систематизацию и анализ ошибок Временного правительства в рамках когнитивной методологии и неинституциональной теории, позволяющих выявить причины их возникновения.

Прежде всего, конфликт легитимности и законности, неизбежно возникающий в ходе каждой радикальной революции, не был успешно преодолен Временным правительством. Новая власть оказалась неспособна решить вопрос о своей юридической преемственности по отношению к старой, хотя имела для этого возможности. Она предпочла революционную легитимность формальной законности, отвергнув (в результате цепной реакции отказов от власти) все возможные способы обеспечения преемственности. В результате установление Временного правительства с формально-юридической точки зрения представляло собой конституционный переворот, поскольку новые юридические нормы создавались без учета положений, зафиксированных в действующем праве. Не была осуществлена и последующая легитимация новой революционной власти – путем скорейшего создания конституирующей власти (Учредительного собрания) или ее аналогов (в виде созыва Национального собрания).

Далее, не получив быстрого преодоления драматический разрыв конституирующей власти (Учредительного собрания) и конституционной

¹⁶⁴Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. М., 2005.

(Временного правительства), которая неизбежно приобретала поэтому временный, неустойчивый и нелегитимный характер. При определении соотношения конституирующей и конституционной власти была выбрана неправильная модель конституционного устройства (отдающая всю полноту власти законодателям в будущем, в ущерб исполнительной власти в настоящем). Был упущен «конституционный момент» (новую конституцию нужно было принять в ходе или сразу после Февральской революции); не было готового конституционного проекта, который можно было предложить стране немедленно (такой проект, в случае его утверждения, дал бы немедленный перевес правительству); вместо этой технология разработки проекта была принята в виде его коллективного обсуждения в открытом порядке, что вело к неоправданному популизму; ошибкой было вынесение на публичное обсуждение вопросов будущего конституционного устройства без возможности практической реализации права на это – при неразработанности избирательного законодательства и трудности его реализации в условиях войны (конфиденциальность обсуждения играла существенную роль при разработке наиболее успешных конституций).

Принятая концепция Учредительного собрания оказалась главным деструктивным фактором всего демократического переходного процесса: она заблокировала созыв Государственной Думы как единственного легитимного носителя власти, не дала возможности своевременно принять демократическую конституцию (пусть переходную и инструментальную, но дающую власти легитимность), добиться консолидации умеренных политических сил, преодолеть двоевластие, обеспечить легитимацию новой власти на основе временной конституции, а также сформировать эффективную и постоянную (а не временную) исполнительную власть, которая была необходима в условиях войны и революционного кризиса. Более того, не было ничего сделано для преодоления вакуума исполнительной власти переходного периода, напротив, была сознательно парализована деятельность старого аппарата исполнительной власти до того, как создан новый.

Следствием избранной ошибочной стратегии демократического переходного периода стали следующие упущенные возможности: 1) утрата политической инициативы в силу господства иллюзорного представления о возможности единства подходов всех политических партий к решению проблемы переходного периода на основе идеи Учредительного собрания; 2) отказ от немедленного созыва Государственной думы и превращения ее в Национальное Собрание сразу после акта отречения царя и возможности принять временную конституцию на пике революционных ожиданий; 3) не были эффективно использованы институты и процедуры договорных механизмов, способные обеспечить коалицию

основных политических партий путем взаимных тактических компромиссов с целью отстранения экстремистов и создания работоспособного переходного правительства. Эта возможность, как было показано, теоретически намечена в таких институтах как Государственное совещание, Демократическое совещание, Предпарламент (Совет Республики) или даже Директория и подтверждается более успешным опытом других демократических переходов в мире; 4) невозможность преодоления двоевластия конституционным путем уже в момент его формирования; 5) пролонгирование ситуации неопределенности на длительный срок, что вело к эрозии легитимности демократической власти и делало ее легкой добычей экстремистских сил.

В этом контексте решение проблемы двоевластия отнюдь не представляется столь фатальным. Мы рассмотрели ряд историографических предрассудков: один из них связан с господствовавшей до настоящего времени «классовой» теорией двоевластия (как баланса сил); другой – с представлением об исторической уникальности феномена двоевластия, якобы присущего исключительно российскому социуму; третий – с одномерной интерпретацией функции советов в революции; четвертый – сознательным или бессознательным отрицанием альтернативных моделей развития событий и возможностей моделирования (на сравнительном материале) другого вектора развития; пятый – с представлением о фатальности движения событий русской революции. Отказ от механистической классовой интерпретации данного феномена позволяет рассматривать его в ряду многих других ситуаций неустойчивого равновесия конституционных и антиконституционных движений Новейшего времени, выход из которых определялся способностью политических элит нейтрализовать деструктивные популистские элементы, а в случае необходимости – реализовать принцип государственной монополии на легитимное насилие, т. е. подавить «революцию» силой.

Эта политика вполне могла быть реализована в отношении советов – суррогатных органов, не способных к управлению, но являвшихся (именно в силу своей архаичности и аморфности) идеальной формой для манипулирования темными массами со стороны экстремистских сил. Функция советов в русской революции оказалась чрезвычайно негативной и выражалась, во-первых, в дестабилизации Временного правительства с самого начала его существования; во-вторых, в противопоставлении Съезда советов Учредительному собранию (предполагаемый созыв которого ускорил большевистский переворот), в-третьих, – свелась к легитимации однопартийной диктатуры (установления партийной диктатуры над советами). Потенциальное двоевластие правовых и антиправовых сил, однако, отнюдь не обязательно переходит в реальное (и юридически оформленное) двоевластие, а это последнее не

влечет автоматической победы экстремизма. История, как было показано, знает примеры того, как подобные конфликты разрешались в пользу конституционной демократии или, в условиях невозможности добиться этого, установления временных авторитарных режимов, способных стабилизировать ситуацию в переходный период. Временное правительство (опиравшееся на правовую и революционную легитимность, военный патриотизм, поддержку цивилизованной части общества, контроль над армией, административный аппарат и известный престиж лидеров) имело шансы устранить двоевластие и остановить большевистский переворот по крайней мере три раза (в самом начале Февральской революции, в июле и августе 1917 г.). Этот вывод признал фактически и сам Керенский: он считал, что выступление Корнилова – заговор, направленный против него, но впоследствии осознал, что военный переворот мог спасти страну от более серьезной угрозы большевизма¹⁶⁵. Не случайно в последних интервью он пришел к выводу: истинной причиной Октябрьского переворота был он, Керенский. Этой позиции придерживались и лидеры антибольшевистского движения – Деникин и Врангель¹⁶⁶. Как отмечал Брюс Локкарт, из всех ошибок Временного правительства самой ценной для Ленина было выступление Корнилова и его провал: «поражение Корнилова 12 сентября открыло широкую дорогу для успеха революции 7 ноября»¹⁶⁷.

В условиях конституционной неопределенности решающим фактором определения вектора политической системы становились технологии государственных переворотов. Содержание новой технологии государственных переворотов, разработанной большевиками, сводилось к превращению так называемых «стихийных» революций в «научно» организованные, т. е. осуществлению массовой мобилизации деструктивных антидемократических сил, захвату стратегических коммуникаций вместо штурма непосредственных институтов власти; легитимация переворота путем использования квазипредставительных институтов «народной демократии» (советов). Важной чертой данной технологии стала возможность применения независимо от идеологического содержания движений, что сделало ее востребованной организаторами различных антипарламентских переворотов XX в.

В рамках данного подхода конституционная революция 1993 г. выступает как завершающая фаза русской революции, а современный российский политический режим ограниченного плюрализма – как исторически реализованная концепция реконструкции (российский аналог

¹⁶⁵*Керенский А.Ф.* Дело Корнилова. М., 1918; *Kerensky A.F. Russia and the History's Turning Point.* N.Y., 1965.

¹⁶⁶Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. Франкфурт на Майне, 1969.

¹⁶⁷*Bruce Lockhart R.H.* The Two Revolutions. An Eye-Witness Study of Russia, 1917. L., 1957.

Реставрации). Этим объясняется научная значимость представленных в либеральной мысли рекомендаций в отношении направлений и методов постреволюционной стабилизации, которые оказались актуальны с крушением коммунистической диктатуры. Незавершенность Февральской революции не уменьшает ее исторического значения: провозглашенная ею программа либеральных реформ начала реализовываться в постсоветский период. Опыт крушения Февральской демократической системы, несомненно, оказал влияние на разрешение конституционного кризиса конца XX в. Принятие либеральной конституции 1993 г. в результате конституционного переворота показало, в частности, как можно преодолеть двоевластие в пользу демократических сил.

Выявляя те социальные параметры, по которым возможны сбои демократических реформ, очень важно противопоставлять им разработанную технологию разрешения конфликтов. Это позволяет своевременно исправлять социальные патологии, не запуская их, парализовать антидемократические политические проекты правой и левой направленности, противопоставляя им разработанную стратегию и тактику творческого демократического преобразования общества.

ГЛАВА III

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Учредительное собрание – поворотный пункт русского исторического развития. Идея первой конституанты, по крайней мере со времен Французской революции, во всех странах означает национальную консолидацию, в известном смысле – конструирование самой нации. Везде подобные конституанты появляются на гребне социального напряжения, составляя вехи конституционного развития¹. В России – идея Учредительного собрания – того же уровня. Российская конституанта в сравнительной перспективе выступает как упущенная возможность достижения социального примирения и вообще конструирования национальной идентичности. Внешняя (фактическая) сторона созыва Собрания и его роспуска хорошо известна. Существенное значение имеет, однако, вопрос, каков был заложенный в нем потенциал поиска консенсуса и по каким направлениям его следовало искать. С целью ответа на этот вопрос целесообразен сравнительный анализ таких институтов. Иначе говоря, целесообразно реконструировать Учредительное собрание как нереализованный политический проект, выявив в нем альтернативные стратегии политического устройства России.

1. Конституанты великих революций: критерии сравнительного исследования

Конституанты могут иметь различный порядок формирования, более или менее широкий круг полномочий, а также различные властные амбиции. Как правило, они возникают в ходе острых политических кризисов и сосредоточивают всю легитимную власть в обществе. Среди наиболее известных можно указать Долгий парламент в Англии, Филадельфийский конвент в Америке, Конвент во Франции. В них разворачиваются

¹ *Медушевский А.Н.* Теория конституционных циклов. М., 2005.

дискуссии между политическими течениями по основным вопросам будущего конституционного устройства, а результат этих споров может быть различен. Он определяется в существенной степени принятой моделью конституирующей власти. Механизм функционирования конституант в концентрированном виде выражает противоречия легитимности и законности, старого и нового права, цикличности форм политического устройства. В истории представлена целая галерея конституант – учредительных собраний, которые в разные эпохи и в разных странах, с разным составом участников, решали одну задачу – создания новой конституции, которая практически каждый раз представлялась стабильным документом, а иногда становилась даже объектом сакрализации. Старый режим всегда составляет отправную точку движения, представляя систему, которую ассамблея собирается радикально изменить. Если этот режим стабилен, то в конституанте нет необходимости. Но если он нестабилен и не легитимен, то не существует оснований, по которым ассамблея должна уважать его юридические предписания. Именно поэтому многие радикальные конституционные революции начинались как раз с созыва конституирующей власти (даже если первоначально ее правовой статус был ограничен чисто совещательными функциями)².

Этот вывод очень важен с точки зрения технологии проведения конституционных преобразований. Созыв конституирующей власти сам по себе создает форум для обсуждения конституционных вопросов, аккумулирует и выражает существующие настроения, способствует (в случае открытых дебатов) перенесению их на общество в целом. Всегда ли данная артикуляция позиций способствует оптимальному разрешению конституционных кризисов? Очевидно, что лишь в том случае, когда есть некоторый высший надпартийный арбитр, способный координировать и дирижировать процессом конституционных дебатов во имя достижения известной высшей цели. Негативный опыт представлен чередой конституант, созываемых существующим режимом в условиях острого кризиса, когда власть оказалась уже неспособной направлять процессы конституционных реформ (от созыва Генеральных штатов Людовиком XVI в 1789 г. до созыва Съезда народных депутатов М. Горбачевым в 1989 г.).

Результаты деятельности конституант могут быть различны и определяются их местом в политическом процессе. При внешнем сходстве

²Данная закономерность раскрыта в трудах по социологии революции: *Sorokin P.A. The Sociology of Revolution. L., 1924; Brinton C. The Anatomy of Revolution. N.-Y., 1964; Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston, 1967; Scoopol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge, 1980; Constitution // Dictionnaire Critique de la Révolution Française. Institutions et Créations. P., 1992; Furet F. Le passé d'une illusion. Essai sur l'idée communiste au XX siècle. Paris, 1995. P. 98–99.*

этих конституант в период Нового и Новейшего времени их деятельность имела разный результат, иногда противоположный ожидавшемуся. Так, некоторые из конституант, созданные для частичного реформирования правовой системы, полностью опрокинули ее (например, Генеральные штаты периода Французской революции, Филадельфийский конвент в США), другие были распущены до того, как смогли осуществить принятие конституции (Учредительное собрание в России), третьи не смогли решить проблему в силу внутренних разногласий (Израиль и Пакистан), а четвертые в своей деятельности были вынуждены в переходный период считаться с сохранением реальной власти у ее предшествующих носителей – номенклатуры (страны Восточной Европы 1990-х годов), армии (Бразилия, 1988 г.) или духовенства (Иран, 1979 г.). Существует, наконец, большое число примеров институтов номинальной конституирующей власти (например, Съездов советов или Верховных советов), которые принимали конституции или поправки к ним, предложенные реальными носителями власти (партией или вождем). Это была практика конституционных актов и поправок к ним, которые принимались исключительно для легитимации диктаторских режимов (например, включения в конституцию принципа руководящей роли партии, духовенства, армии или принципа каудилизма). Таким образом, все конституанты могут быть разделены на две большие группы – те, которым удалось принять стабильные, демократические и эффективные конституции, и те, которым не удалось этого сделать. В чем причина столь существенных различий в результатах деятельности конституант?

В литературе по праву и истории аналогичных политических институтов (конституант) Нового и Новейшего времени сформулированы основные вопросы, делающие возможным аналитическое исследование их вклада. Как показано в современной литературе по сравнительному изучению конституционных ассамблей, возможна типология конституант по следующим критериям:

– кем и каким образом она создана: сделано это на основании существующей конституции или вопреки ее нормам; каков способ ее образования – неправовой (переворот) или правовой (реформа) и что представляет изначально планируемый порядок деятельности (определяющий правовые рамки и социальные ожидания общества);

– каков реальный объем зафиксированных полномочий, которыми располагает учредительная власть: вся полнота власти или ограничение ее объема (конституцией или законодательным актом, на основании которого она создана);

– каков порядок и степень демократизма формирования конституант: являются они выборными, самопровозглашенными, назначаемыми или предполагают какой-либо иной комбинированный порядок форми-

рования; как различаются по мандату представителей (императивный или свободный мандат);

– каков характер их институциональной и корпоративной организации: допускают ли они формирование политических партий внутри себя; являются они однопалатными или двухпалатными; каковы преследуемые цели и общая обстановка их деятельности; как утверждаются результаты их деятельности (принадлежит им последнее слово в утверждении конституции или она передается на референдум);

– каково место конституанты в системе институтов переходного периода: как будут строиться отношения с правительством в период разработки новой конституции; была ли предварительно ограничена их деятельность во времени или нет;

– каков порядок разрешения возможных конфликтов между конституирующей и конституционной властью: возможно ли достижение консенсуса или разрыв между ними оказывается неизбежен;

– какова роль конституанты в политическом процессе переходного периода: какие факторы оказываются определяющими для успеха легитимации конституционных достижений и их реализации. Наконец, каковы результаты деятельности конституанты в сравнительной перспективе.

Анализ краткого опыта подготовки и деятельности российской конституанты по этим параметрам позволяет вписать ее в сравнительный контекст. Целенаправленное изучение русских архивов и материалов французских Национальных архивов и Национальной библиотеки по этой проблематике позволяет констатировать, что Французская революция являлась одновременно моделью конструирования российской конституанты и в то же время сравнительным эталоном при ее интерпретации как для французских, так и для русских современников³. Ста-

³Архивные документы о подготовке Учредительного собрания включают материалы следующих учреждений: Юридическое совещание при Временном правительстве; Особое совещание для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание; Всероссийская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия; Канцелярия Всероссийского Учредительного собрания (ГАРФ); документы политических партий (РГАСПИ): Ф. 17 (ЦК РСДРП); Ф. 274 (Эсеры); Ф. 275 (Меньшевики), а также личные фонды (в частности, фонд Ф.Ф. Кокошкина) (ГАРФ. Ф. 1190).

Основной массив документации французского представительства в России сконцентрирован в Национальных архивах (секция 7). Мы использовали также документы архива А. Тома, где содержатся отчеты дипломатических и военных представителей Франции в России и документы фонда Франко-русской ассоциации и Института живых восточных языков. Общий обзор см. в кн.: *Lesure M. L'Histoire de Russie aux Archives Nationales*. P., 1970. Отметим, что внутри дел отсутствует полистная нумерация, что не позволяет давать ссылки на конкретные документы и листы внутри дел. См. также опубликованные дневники А. Тома, Ж. Ноуланса, Ж. Садуля и др. иностранных наблюдателей в России.

новится возможным определить роль Учредительного собрания в системе институтов переходного периода русской революции, а также понять его значение в русской политической и гражданско-правовой традиции.

2. Кем и каким образом создана Конституанта: от законов Старого порядка к революционному порядку

Учредительное собрание готовилось Временным правительством, само название которого подчеркивало эту его техническую функцию. В то же время прерогативы самого Временного правительства оспаривались другими центрами власти и вызывали сомнения с юридической точки зрения⁴. Именно поэтому данная проблема была вынесена на первое заседание Временного правительства (2 марта 1917 г.), в ходе которого министр-председатель «возбудил вопрос о необходимости точно определить объем власти, которой должно пользоваться Временное правительство до установления Учредительным собранием формы правления и основных законов Российского государства, равным образом, как о взаимоотношениях Временного правительства к Временному комитету Государственной думы»⁵.

Определение объема власти могло быть осуществлено путем установления того, какие политические институты должны унаследовать власть, принадлежавшую до революции монарху. Ими могли стать Государственная дума IV созыва, Комитет Государственной думы и Временное правительство. Решение вопроса в пользу Временного правительства сделало его центральной инстанцией при подготовке Учредительного собрания, отодвигая от этого другие политические

Документальные публикации проектов эпохи Учредительного собрания: Учредительное Собрание. Стенографический отчет. Печатается по распоряжению председателя Учредительного Собрания. Пг., Типография Аренд. Акц. О-ва «Дом печати», 1918; Временное правительство и Учредительное собрание // Красный архив. 1928. Т. 3 (28); Учредительное Собрание. Россия 1918. Стенограмма и другие документы. М., 1991; Конституционные проекты в России XVIII–XX вв. М., 2000.

⁴Гессен В.М. Русское Учредительное собрание и выборы в него. Пг., 1917; Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932; Рубинштейн Н.Л. К истории Учредительного собрания. М.; Л., 1931; Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное Собрание. История созыва и политического крушения. Л., 1976; Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997.

⁵Запись первого заседания Временного Правительства от 2 марта 1917 г. (запись проф. В.И. Сторожева) // Архив новейшей истории России. М., 2001. Т. 1 (Март–апрель 1917 г.) // Приложение № 1. С. 385–386 (Журналы заседаний Временного правительства) // Архив новейшей истории России / Отв. ред. Б.Ф. Додонов. Сост. Е.Д. Гринько и О.В. Лавинская. М., 2001. Т. 1 (Март–апрель 1917 г.) (Общее название публикации: Архив новейшей истории России / Под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко. Т. VII–VIII. Журналы заседаний Временного правительства. Март – октябрь 1917 г. В 4 томах).

институты. Это исключало, например, возможность формирования конституанты на основе Государственной думы – вариант, позволявший быстро и эффективно решить проблему обеспечения конституционной преемственности новой власти. Возобладавшее решение о том, что «вся полнота власти, принадлежащая монарху, должна считаться переданной не Государственной думе, а Временному правительству», минуя Думу и Комитет, означало разрыв конституционной преемственности, фактически – государственный переворот. Осознание данного факта разрыва конституционной преемственности уже в момент начала работы правительства документировано в заседании: «Нет оснований полагать, что Временное правительство во время перерывов занятий Государственной думой может издавать меры законодательного характера, применяя порядок, установленный ст. 87 “Основных законов”, так как после происшедшего государственного переворота основные законы Российского государства должны считаться недействительными и Временному правительству надлежит установить как в области законодательства, так и управления те нормы, которые оно признает соответствующими в данный момент»⁶.

Поставив под вопрос передачу власти конституционным путем, Временное правительство было обречено двигаться по пути революционной трансформации права. Однако на этом пути оно имело серьезного конкурента в виде спонтанно сформировавшейся советской модели представительства. Появившееся именно в этот момент понятие двоевластия отражало неопределенность ситуации и требовало от Временного правительства подавления альтернативного центра власти и влияния. Констатируя, что «по обстоятельствам текущего времени Временному правительству приходится считаться и с мнением Совета рабочих депутатов», министры подчеркивали, что позволить «такое вмешательство в действия правительства являлось бы недопустимым двоевластием». Компромиссный вариант взаимоотношений двух политических институтов нашел выражение в рекомендации о том, что «членам Временного правительства надлежало бы знакомиться с предложениями Совета рабочих депутатов в своих частных совещаниях до рассмотрения этих вопросов в официальных заседаниях Совета министров». Институциональное решение данных вопросов оказывалось не только юридической, но и самостоятельной политической проблемой, определявшей легитимность новой власти.

Обеспечение конституционной преемственности передачи власти при ее фактическом разрыве стало одним из приоритетов деятельности Временного правительства с первых дней существования. Осознавая

⁶Запись первого заседания Временного Правительства от 2 марта 1917 г. // Там же. С. 385–386.

эти юридические противоречия, Временное правительство стремилось интерпретировать соответствующие законодательные акты таким образом, чтобы нивелировать факт разрыва правовой преемственности и устранить сомнения в отношении прав Временного правительства на власть⁷. Добиться этого можно было лишь поставив во главу угла концепцию Учредительного собрания, способного выразить социальные ожидания в правовой форме, и одновременно обеспечив ретроспективную легитимацию правового разрыва. Окончательное разъяснение вопроса о правовых основаниях передачи власти было дано Сенатом⁸.

Существенной составляющей успеха новой власти является ее способность легитимировать свое существование в глазах населения. Этой цели служили две декларации Временного правительства, сравнение которых отражает определенную эволюцию легитимирующей формулы и места Учредительного собрания в ней. В первой «Декларации Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов», объявлявшей о составе и руководящих принципах деятельности Временного правительства, задача подготовки и созыва Учредительного собрания ставилась в контекст других демократических инициатив – амнистии по всем политическим и религиозным делам (в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям); обеспечения свободы слова, печати, союзов, собраний и стачек, с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями; отменой всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений⁹. Во второй декларации «От Временного Правительства» (обращение к гражданам Российского государства от 6 марта 1917 г.) в противоположность первой уже не был упомянут Совет рабочих депутатов, а идея созыва Конституанты становилась центральной помимо иных демократических требований¹⁰.

Позиция русского либерализма в отношении Учредительного собрания не была постоянной и проделала определенную эволюцию¹¹.

⁷Этот вопрос подробнее рассмотрен нами: *Медушевский А.Н.* Причины крушения демократической республики в России 1917 г. // Отечественная история. 2006. № 6.

⁸В Сенате // Речь. 1917 № 56 (3798) от 7 марта. С. 5.

⁹«Декларация Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов». Декларацию подписали: Председатель Государственной Думы Родзянко, председатель Совета министров кн. Львов, министры Миллюков, Некрасов, Коновалов, Мануйлов, Терещенко, В. Львов, Шингарёв, Керенский // Речь. № 55 (3797) от 5 марта (18 марта) 1917 г. С. 2.

¹⁰От Временного Правительства (Обращение к гражданам Российского государства от 6 марта 1917 г.) // Речь № 56 (3798). Вторник, 7-го (20) марта 1917 г. С. 2.

¹¹Первые проекты и их обсуждение: Положение об Учредительном собрании народных представителей Российской империи для выработки Основного государственного закона. Проект. М., 1905; Положение о выборах в Учредительное собрание народных представителей. Проект подкомиссии бюро. М., 1905; См. также: Либеральное движение в России. М., 2001. С. 460–467.

В исследованиях и выступлениях Кокошкина по этому вопросу в 1917 г. исчерпывающим образом отражены все основные направления организации русской Конституанты¹²: известные исторические модели таких институтов конституирующей власти; их полномочия; отношения с исполнительной властью и, в частности, с временной исполнительной властью; состав и количество членов Собрания; система выборов (преимущества и недостатки мажоритарной и пропорциональной систем); время выборов и сроки созыва; вопросы, выносимые на обсуждение; отражение специфики военного времени (вопрос об участии действующей армии в выборах); создание местных органов для руководства выборной операцией.

3. Каков реальный объем полномочий, которыми конституционно располагает учредительная власть: от абсолютизма народной воли к ее самоограничению

В истории существовали конституанты, воплощавшие народный суверенитет и наделявшие себя всей полнотой власти. Однако в большинстве случаев конституирующая власть получает ограниченный характер. Конституционные ассамблеи (Учредительные собрания) редко создаются по собственной инициативе, но, как правило, иницируются внешними силами, характер и влияние которых могут быть различны и во многом определяют будущий тип конституционализма. Иначе говоря, имеется, как правило, институт или лицо, которое принимает решение о созыве конституирующей ассамблеи. Возможно создание конституции особым конституирующим органом (более или менее демократическим); парламентом, наделенным конституирующей властью и правом принятия изменений и конституций референдумом. В соответствии с радикальностью задуманных преобразований встает проблема ограничений, накладываемых обществом на конституанты сверху и снизу. Ограничения процесса создания конституции могут исходить сверху (если депутаты конституирующей ассамблеи налагают определенные ограничения на порядок ее работы или на содержание конституции) или снизу (когда они вытекают из процесса ратификации конституции)¹³.

Если разработчики конституции знают, что подготавливаемый ими документ будет утверждаться другим институтом, то знание предпочтений этого института само по себе будет служить инструментом ограничения того, что они могут предложить. Так было, например, в ходе

¹²Кокошкин Ф.Ф. Об основаниях желательной организации народного представительства в России. М., 1906; *Он же*. Лекции по общему государственному праву. М., 1912; *Он же*. Учредительное собрание. Пг., 1917.

¹³Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1903.

разработки конституций XX в. в странах, находящихся под иностранной оккупацией (Германия и Япония), где конституанты были ограничены международными соглашениями держав-победительниц, а также контролем со стороны оккупационных властей, который мог быть опосредованным (как в Германии) или иметь характер непосредственного вмешательства (как в Японии). Во всяком случае, оба варианта послевоенных конституций составлялись с учетом мнения союзников, а свобода разработчиков в решении основных вопросов была минимальна. В ЮАР создатели конституции были ограничены заранее зафиксированными общими принципами, неукоснительного выполнения которых требовал Конституционный суд. В Испании такие ограничения были наложены заключением пактов Монклоа и последующим контролем политических партий за ходом работ конституционной комиссии. В ряде стран подобные ограничения на конституирующую власть налагались секретным соглашением политических партий (Аргентина) или психологическим давлением на конституанту со стороны реальных структур власти – бюрократии и армии (многие развивающиеся страны, например, Бразилия). Интересным примером ограничений конституанты является ограничение ее полномочий со стороны исламских экспертов (Иран). В государствах номинального конституционализма такой контролирующей инстанцией является политбюро, а в государствах мнимого конституционализма – монарх или диктатор. Отношения между конституирующими ассамблеями и воздействиями на них сверху и снизу носят сложный характер и эти ассамблеи часто отталкиваются от инструкций, даваемых вышестоящими властями. Выбор масштабов ограничений конституирующей власти должен соотноситься со степенью радикальности задуманных реформ и риском дисбаланса системы. Кроме того, он зависит от текущей расстановки политических сил, способных повлиять на закрепление той или иной модели. Так, Конституция США 1787 г., принятая на Филадельфийском конвенте, оказалась крайне неопределенна в решении вопроса о созыве Конвента для изменения конституции в будущем¹⁴. Проблема всех формирующихся политических систем, следовательно, – в выборе типа конституанты.

В российской ситуации 1917 г. выделяется как минимум пять концепций конституирующей власти, которые можно расположить по мере нарастания роли конституирующей власти: во-первых, концепция полного отрицания ее необходимости во имя неограниченного народного суверенитета; во-вторых, признание ограниченного суверенитета конституанты, сдерживаемой в своих прерогативах конкурирующей ре-

¹⁴Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М., 2000; *Burnett E. The Constitutional Congress*. NY, 1942; *Rossiter C. The Grand Convention*. N.Y., 1966; Становление Американского государства. СПб. 1992.

волюционной силой; в-третьих, признание ограниченных полномочий конституанты, определяемых предшествующим законодательством, положенным в основу ее деятельности; в-четвертых, концепция все-сильной конституанты, которая, однако, сама встает на путь самоограничения; в-пятых, признание абсолютного (не ограниченного ничем) суверенитета конституанты.

Первая концепция – полного отрицания необходимости конституанты во имя неограниченного народного (или монархического) суверенитета. Это была позиция крайних партий – анархистов и монархистов. Первые (анархисты) из доктринальных соображений отрицали саму идею представительства и организацию работы на основе партийного разделения, выдвигали призыв к спонтанной самоорганизации в профсоюзы и советы во главе с Всеобщим Союзом Труда, который должен провести революционные реформы для водворения «анархического коммунизма»¹⁵. «Опыт прежних революций, – полагали они, – учит нас, что трудовой народ получает и сохраняет за собой лишь то, что он сам, благодаря своим настойчивым действиям, успевает завоевать во время революции. Те требования, которые трудовой народ подвергает Учредительному собранию или иному выборному представительству, остаются обыкновенно невыполненными. Мы не имеем никакого основания и в настоящее время передавать все свое дело какому бы то ни было выборному правительству». Главная причина недоверия к Учредительному собранию заключалась в том, что в нем будут преобладать привилегированные – «люди с большим образованием, с историческим опытом – профессора, юристы, государственные деятели, превосходно знакомые с настоящим положением дел в России и знающие, что им следует делать в интересах привилегированных классов». Поэтому Учредительному собранию анархисты противопоставляли лозунг социальной революции, без социальных завоеваний которой «все наши политические преобразования будут лишь перестройкой тюрьмы, в которой мы все-таки осуждены быть узниками»¹⁶. Вторые (монархисты) отвергали Учредительное собрание в сущности по сходным основаниям – как институт, узурпирующий прерогативы истинного суверена, только в этом качестве выступал не народ, а самодержавный монарх¹⁷. Противниками Учредительного собрания были и те умеренные партии, которые, как «Союз 17 октября» считали политическую систему дуалистической монархии вполне адекватной ситуации в стране¹⁸. «Не видели

¹⁵ Анархисты. Документы и материалы. М., 1999. Т. 2. 1917–1935.

¹⁶ П.А. Учредительное собрание или социальная революция? М., 1917. С. 15, 18, 22.

¹⁷ Правые партии. Документы и материалы. М., 1998. Т. 2 (1911–1917).

¹⁸ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. Т. 1 (1905–1907). С. 147.

причин» требовать замены Думы Учредительным собранием и партии, отстаивавшие путь эволюционных преобразований¹⁹.

Вторая концепция – признание ограниченного суверенитета конституанты, сдерживаемой в своих прерогативах конкурирующей революционной силой; создание конституанты, законодательные прерогативы которой были бы ограничены извне – революционными институтами. Доминирующей тенденции рассматривать Учредительное собрание в качестве высшего выражения народного суверенитета и основного источника легитимации новой власти противостояла концепция непосредственной демократии, видевшая свою задачу в обосновании решающей роли советов в выражении народной воли. Этот взгляд не получил (и не мог получить) четкого правового обоснования, однако стал источником ряда аргументов, фактически направленных против самой идеи Учредительного собрания. Апологет этой модели, сторонник большевиков М. Рейснер, настаивал на том, что народ не должен ограничиваться созывом Учредительного собрания и передачей ему (то есть корпусу своих представителей) власти, но должен осуществлять эту учредительную власть непосредственно (по образцу Швейцарии). «У нас в России учредительный почин исходит от революционного народа, который в лице совета рабочих и солдатских депутатов дал полномочного выразителя своих мнений. И этот совет не только возобновил вопрос о созыве Учредительного собрания, но и сумел привести это требование в программу так называемого Временного правительства»²⁰. Вопрос о форме правления уже решен революционным путем в пользу демократической республики. В открытом письме проф. Рейснера, адресованном Совету рабочих и солдатских депутатов в мае 1917 г., он не считает нужным вынесение на Учредительное собрание принципиальных вопросов, поскольку «в России революцией установлена уже фактическая демократия с целым рядом революционно сложившихся народных установлений»²¹. Под последними имеются в виду Советы, поскольку именно к ним Рейснер апеллирует как противовесу Учредительному собранию²². Это была та концепция конституционного двоевластия, последующего захвата власти и установления диктатуры, которую реализовали большевики.

¹⁹Партии Демократических реформ, Мирного обновления, Прогрессистов. Документы и материалы. 1906–1916 гг. М., 2002. С. 29.

²⁰Рейснер М. Российское Учредительное собрание и его задачи. Пг., 1917. С. 16.

²¹Письмо М. Рейснера // РГАСПИ, Ф. 622. Оп. 1. Д. 37. Л. 14.

²²Рейснер М. Русская революция 1917 г. и ее учреждения. Пг., 1917; *Он же*. Все-народное голосование и Учредительное собрание (Конституции Франции, Северной Америки, Швейцарии и Австралии). Пг., 1917; Последующее развитие этих взглядов см.: Рейснер М.А. Основы Советской Конституции. Лекции, читанные на ускоренном курсе Академии Генерального Штаба РККА в 1918/19 учебном году. М., 1920 г.

Третья концепция – признание ограниченных полномочий конституанты, определяемых предшествующим законодательством, положенным в основу ее деятельности. Ее придерживались те деятели Временного правительства, которые подчеркивали полноту власти Временного правительства в переходный период и настаивали на максимальном правовом ограничении учредительной власти. В тех странах, считали они, где допускается независимая конституирующая власть, она становится предметом подробной регламентации. Неопределенность в вопросе о конституирующей власти или процедуре конституционных поправок может стать поводом для политического раскола. Полновластное, ничем не стесненное Учредительное собрание, которое «многие считают до настоящего времени наиболее полным проявлением народовластия, выражением того, что именуется волей народа, – считали они, – есть все-таки всегда “скачок в неизвестное”, перерыв в преемственности государственной власти, пренебрежение тем, что создалось и существует. Иногда это пренебрежение может быть не опасно, иногда даже нужно, как выход, но принятие такого способа создания нового строя есть осуждение того пути, которым страна шла до тех пор и который сама она считала законом для всех обязательным»²³.

Четвертая концепция – теория самоограничения конституанты. Она исходила из идеи всеильной конституанты, прерогативы которой, однако, должны быть ограничены ею самой во времени и связаны с достижением определенных целей, что необходимо во избежание деспотизма. В юридической литературе того времени внимательно обсуждались как теории неограниченной власти, так и самоограничения Учредительного собрания. Ф.Ф. Кокошкин, который может быть признан одной из ключевых фигур в подготовке основных конституционных документов кадетской партии и, позднее, Учредительного собрания, уделял разработке этого вопроса существенное внимание. В докладе Ф.Ф. Кокошкина об Учредительном собрании на VII съезде Кадетской партии была дана оригинальная концепция политической реформы, которая может быть определена как динамическая модель передачи власти от Временного революционного правительства к постоянному путем легитимации последнего Учредительным собранием²⁴. Недостаток данной модели состоял в такой трактовке разделения властей на переходный период, которая, предоставляя всю полноту власти законодательной ассамблее, фактически приводила к самоустранению правительства от решения

²³Маклаков В.А. Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880–1917. М., 2006. С. 80–81.

²⁴Кокошкин Ф.Ф. Об Учредительном собрании. Доклад на Седьмом съезде Конституционно-демократической партии 25–28 марта 1917 года // Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1 (1915–1917). М., 2000. С. 407.

конституционных вопросов (что имело место также во французском прототипе данной модели).

Пятая концепция – признание неограниченного суверенитета конституанты. Сравнение Учредительного собрания с революционным Конвентом во Франции именно в этом контексте стало популярным клише левых партий – от эсеров до большевиков. Эта концепция напоминала модель французского революционного Конвента, но получала различные интерпретации – от умеренных (сходных с жирондистами) до вполне авторитарных (в якобинском стиле). Первая интерпретация разделялась партией социалистов-революционеров, теоретики которой определяли Учредительное собрание как воплощение народного суверенитета – «народоправства», высший институт демократии, способный разрешить все социальные проблемы страны (прежде всего аграрный вопрос) и определить ее государственное устройство – «провозглашение прав человека и гражданина, федеративной демократической республики и прав наций на самоопределение»²⁵. В интерпретации более умеренной части народнических партий акцент делался на демократический характер данного учреждения, формируемого на всеобщих выборах и призванного поэтому адекватно выразить волю суверена – народа. Так, например, Трудовая народно-социалистическая партия усматривала в Учредительном собрании альтернативу как реставрации традиционной монархии, так и большевистской диктатуре²⁶. Значение Учредительного собрания его сторонники видели в том, что, несмотря на свою слабость и противоречивость, данный институт означал «стойкое и непримиримое отрицание большевистской тирании»²⁷. Сходное отношение к Учредительному собранию было представлено в партии меньшевиков, дававшей ему теоретическое «классовое» обоснование. В Учредительном собрании меньшевики, по аналогии с Конституантами 1792 г. и 1848 г., видели институт «демократической революции», но отрицали за ним функции органа «социалистического переворота»²⁸. Они выдвигали поэтому концепцию сильного и «суверенного» Учредительного собрания, способного защитить завоевания революции, в противовес «контрреволюционному» боль-

²⁵Резолюция об Учредительном собрании IV Съезда партии социалистов-революционеров 26 ноября –5 декабря 1917 г.) // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. (Октябрь 1917–1925). С. 197–198.

²⁶Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и материалы. М., 2005. С. 341–356.

²⁷Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание // Современные записки, 1928. Т. XXXIV. С. 398.

²⁸Мартов Ю.О. Революция и Учредительное собрание (15 декабря 1917 г.) // Меньшевики в 1917 году. От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря. М., 1997. Т. 3. Ч. 2. С. 554–556.

шевистскому режиму, определявшемуся также как «преторианский» и «бонапартистский», приход которого к власти сравнивался с дворцовыми переворотами XVIII в.²⁹

Более авторитарная трактовка Учредительного собрания отстаивалась крайне левыми партиями – большевиками и левыми эсерами, воспроизводившими якобинские аргументы. С крайним подозрением относясь к идее Учредительного собрания, эсеры-максималисты, например, допускали его поддержку лишь после осуществления социальной революции³⁰. Ленин принимал аналогию с французской конституантой и допускал поддержку большевиками Учредительного собрания в том случае, если это поможет им захватить власть. Данная популистская логика подкреплялась аналогиями с Французской революцией, где власть последовательно концентрировалась в руках революционного авангарда. Русская революция 1917 г., согласно данным представлениям, «больше всего напоминает Великую французскую революцию 1789 г.», но должна отличаться от нее меньшим уважением правовых форм, оставшихся в наследие от «буржуазной» эпохи и большим социальным радикализмом, способным обеспечить народу «целый ряд крупных социальных реформ»³¹.

Эта революционная модель, как хорошо показали либеральные критики левого радикализма, таит в себе, однако, источник опасности, так как режим революционного деспотизма – самый опасный из всех деспотических режимов: «при известных условиях деспотизм демократически избранных собраний является в такой же мере нестерпимо тираническим, как деспотизм одного лица или нескольких»³². Представляя неограниченную власть народного суверенитета, Учредительное собрание тем не менее в интересах верховенства права должно противостоять «наивно-нетерпеливой политической мысли» и «революционно-олигархической тенденции», и прежде всего, стремлению реализовать «отвратительный лозунг диктатуры пролетариата», а потому должно ограничить само себя – как по линии разделения властей, так и по линии точной фиксации пределов собственного учредительного законодательства.

²⁹Меньшевики в 1917 году. От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря. М., 1997. Т. 3. Ч. 2. С. 388–389.

³⁰Союз эсеров-максималистов. Документы, публицистика, 1906–1924 гг. М., 2002.

³¹Бюллетень Всероссийского учредительного железнодорожного съезда. № 1 (четв. 27 июля 1917). С. 2. Также: № 2 (суббота 29 июля 1917), То же № 5 (среда 9 авг. 1917), № 6 (11 авг. 1917); № 7 (суббота 12 авг. 1917); № 8 (Пятн. 18 авг. 1917); № 9 (21 авг. 1917). № 4 (суббота 5 авг. 1917. Резолюции фракций, обсуждение устава Всеросс. Ж.-Д. союза.

³²Гессен В.М. Русское Учредительное собрание и выборы в него. Пг., 1917. С. 22.

4. Каковы степень демократичности и порядок формирования конституанты: нормы, процедуры, интересы

Степень демократичности конституант определяется порядком их формирования: являются они самопровозглашенными, выборными, назначаемыми или предполагают какой-либо иной комбинированный порядок формирования. В России 1917 г. проблема заключалась в определении того, в какой мере власть Учредительного собрания опирается на предшествующее законодательство, а в какой является самопровозглашенной. Как считали сторонники Временного правительства, генезис власти Учредительного собрания должен максимально опираться на юридическую преемственность (при всей условности ее для революционной России). Революция, полагали они, отменила Основные законы, на которые опиралась царская власть. Но не все законы: «Не уничтожив государства, – говорит Устинов, – революция не уничтожила и законы, без которых народ в государстве жить не может. Все прежние законы остаются в силе и их следует соблюдать до тех пор, пока они не будут отменены или изменены признаваемой народом новой властью, то есть в настоящее время Временным правительством, а потом – Учредительным собранием». «Прочным новый государственный порядок может быть только в том случае, если весь народ признает его правильным и справедливым, а это может быть только в том случае, если самое установление этого порядка будет делом всего народа»³³. Данная позиция была характерна прежде всего для Конституционно-демократической партии³⁴, а также поддерживавшей ее земской интеллигенции³⁵.

Другой подход к проблеме был представлен радикалами, доказывавшими необходимость разрыва со старой правовой системой и создания самопровозглашенной конституанты, выражающей исключительно волю народа. Народу, согласно этой позиции, жилось плохо потому, что он «не сам управлял страной, не сам издавал законы для себя», а это делали для него «другие, те, в руках которых была власть. А власть имущие издавали такие законы, которые были выгодны им, а не народу, они заботились о себе, а не о народе». «Следовательно, если народ желает улучшить свою жизнь, он должен взять власть в свои руки, должен сам выработать законы, которыми страна должна руководиться, управляться»³⁶. Эта позиция

³³ Устинов В.М. Учредительное собрание. М., 1917. С. 4–5.

³⁴ Лосский Н. Чего хочет партия народной свободы (конституционно-демократическая)? М., 1917. С. 6–10; Овсянников Н. Что такое Учредительное собрание и Основные законы. Пг., 1917.

³⁵ См. напр: Бюллетени Главного Комитета Всероссийского Земского Союза. Изд. Редакционно-издательского отдела Главного комитета 1917 март – июль № 3–15.

³⁶ Либин В.В. Что такое Учредительное собрание? Н.Новгород, 1917. С. 1.

разделялась представителями как умеренных, так и радикальных левых партий, стоявших вполне на почве популизма³⁷. Учредительное собрание получало в этой трактовке характер самопровозглашенного института. В конечном счете идея подобной конституанты была формально использована для установления большевиками альтернативной конституирующей власти – Съездов советов.

Идея создания конституции из ничего (*ex nihil*) принадлежит Кокошкину: он сравнивал российскую постреволюционную ситуацию с библейской картиной творения, когда Божий дух носится над землей, еще не устроенной и не преобразованной. «И над морем нашей революции носится тоже животворящий и творческий дух. Этот живой и творческий дух есть признанное всей страной начало верховенства всего народа. У нас нет еще новой конституции, но основной фундамент этой конституции уже есть, и этот основной фундамент именно признание верховенства народа». Задача лишь в том, чтобы эти начала получили юридическое оформление путем всеобщих выборов³⁸. Принципиальное значение для выборных ассамблей приобретает анализ избирательного законодательства, использование различных ограничений которого или избирательных систем (например, мажоритарной, пропорциональной или смешанной) может в конкретных ситуациях дать качественно различный результат. Рассмотрим, как решала эти проблемы российская конституанта.

Первая сторона проблемы – выборы должны быть всеобщими или ограниченными по словесному признаку. Другая сторона проблемы формирования конституанты выборным путем – вопрос о целесообразности цензов и связанный с ним вопрос о соотношении пассивного и активного избирательного права для различных категорий населения. Если ограничения всеобщего избирательного права все же правомерны, то по каким параметрам – сословным, имущественным и т. д.? Концепция выборов стала предметом обсуждения уже на стадии формирования Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание и получала различные интерпретации по следующим параметрам.

1. *Должно ли всеобщее избирательное право реализоваться одинаково применительно ко всем гражданам или из него возможны исключения по классовому и политическому признаку?* Существовала возможность подмены всеобщих выборов – их проведением по классовому признаку, включавшая дискриминацию по этому направлению. Обсуждение вопроса о классовом факторе было в завуалированной фор-

³⁷Рожков Н.А. О формах народного представительства. СПб., 1905. С.31; Авксентьев Н. Выборы народных представителей. СПб., 1906. С. 24; Милютин В.П. О демократической республике. Пб., 1917.

³⁸Особое совещание по созыву Учредительного собрания. Речь Ф.Ф. Кокошкина // Речь № 121 (3863). 26 мая (8 июня). С. 5.

ме продолжением спора о сословном принципе: «Русская революция, происходящая в стране хозяйственно отсталой, сама по себе не ставит и не может ставить себе задачи социалистической организации производства и уничтожения деления на классы. Минут бурные дни революции, и так или иначе установится буржуазный “порядок”». Этот подход допускает возможность в мягких формах – сопротивления привилегированных классов в ходе выборов в Учредительное собрание и другие органы самоуправления, а потому не исключает избирательных репрессий по данному направлению³⁹. Иная сторона той же проблемы – изъятия из принципа равенства для врагов революции и деятелей старого режима (известный спор о том, допускать ли гражданина Романова и членов царской семьи к выборам в Учредительное собрание).

Эти «технические» проблемы избирательного законодательства приобретали принципиальное значение ввиду роста политического экстремизма, делавшего упор на отрицании правовых механизмов народного волеизъявления и реализацию его через импровизированные квазидемократические органы власти – советы. Именно поэтому кадеты настаивали на соблюдении всех формальностей процедуры выборов, прежде всего при составлении списков избирателей, которые должны были создаваться не какими-либо «самочинными органами народной власти», а законно избранными «новыми демократическими органами самоуправления»⁴⁰. В этом требовании оппоненты кадетов видели главную причину затягивания созыва Учредительного собрания, провозглашая возможность созыва Собрания с отступлениями от жесткой процедуры в экстремальных условиях революции.

2. *Должно ли всеобщее избирательное право быть распространено на мужчин и женщин в равной степени?* Вопрос, не столь очевидный для рассматриваемого времени, каким он является сейчас: напомним, что равенство избирательных прав женщин с мужчинами в странах европейской демократии было достигнуто значительно позднее и обуславливалось как более высоким уровнем женской эмансипации, так и большим вовлечением женщин в политику в рамках суфражистского движения⁴¹. В России этот сложный вопрос решался чрезвычайно просто. «По поводу возбужденного представительницами женских организаций вопроса об избирательных правах женщин при выборах в Учредительное собрание» Временное правительство на основании всего

³⁹Дан Ф. (Ф.И. Гурвич). Всенародное Учредительное собрание. Переработанное и дополненное автором издание. М., 1917. С. 6.

⁴⁰Водовозов В.В. Учредительное собрание. Пг., 1917; Мельгунов С.П. Учредительное собрание в Москве. М., 1917.

⁴¹Ограничения в допущении женщин к выборам действовали практически во всех странах Европы первой трети XX в.: *Menu Y. Politique comparée. Les démocraties: Allemagne, Etats-Unis, France, Grande-Bretagne, Italie.* P., 1996. P. 146.

лишь «устного предложения министра-председателя» постановило сообщить «депутации от женских организаций, что под всеобщим голосованием Временное правительство разумело и разумеет голосование без различия пола»⁴². Так же, на основании устных предложений министра юстиции, решен был вопрос о приглашении в состав Особого совещания для изготовления проекта «Положения о выборах в Учредительное собрание» представителей от женских общественных организаций⁴³. Этим решением устанавливался принцип равенства «представителей от национальных, общественных и партийных организаций» с представителями «от женских организаций»⁴⁴.

3. *Должно ли всеобщее избирательное право корректироваться в направлении защиты национальных меньшинств или представляющих их политических объединений?* Такая корректировка имела место путем привлечения в состав Особого совещания для изготовления проекта «Положения о выборах в Учредительное собрание» «кроме ранее приглашенных», следующих, «намеченных политическими организациями и отдельными национальностями, лиц» – представителей от украинцев и бурят⁴⁵; от Национального белорусского комитета; от литовцев; от армянской группы⁴⁶; от «грузинских политических партий»⁴⁷; от Совета Союза казачьих войск⁴⁸; от эстонских общественных организаций⁴⁹; и даже от сартов (оседлые жители Сыр-Дарьинской и части Ферганской и Самаркандской областей)⁵⁰. Фактически во всех этих случаях речь

⁴²Журналы заседаний Временного правительства (Далее – ЖЗ) № 24 (19 марта 1917) // Архив новейшей истории России. М., 2001. Т. 1 (Март-апрель 1917 г.). С. 131.

⁴³О приглашении в состав Особого совещания для изготовления проекта «Положения о выборах в Учредительное собрание» некоторых лиц // Собрание узаконений. 1917 № 141. Ст. 760. С. 1224.

⁴⁴ЖЗ № 94 (30 мая 1917) // Архив новейшей истории России. М., 2002. Т. 2 (Май-июнь 1917 г.). С. 188.

⁴⁵Постановление Временного правительства от 25 марта 1917 г. «Об образовании Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в УС. Собр. Узак. 1917 г., ст. 406. С. 604; «О дополнении постановления Временного правительства об учреждении Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание» // СУ. 1917. № 125. 3 июня. Ст. 678. С. 1089; Журналы заседаний Временного правительства № 88 (24 мая 1917) // Архив новейшей истории России. М., 2002. Т. 2 (Май-июнь 1917 г.). С. 127–128.

⁴⁶ЖЗ № 89 (25 мая 1917) // Архив новейшей истории России. М., 2002. Т. 2 (Май-июнь 1917 г.). С. 134–135.

⁴⁷ЖЗ № 99 (5 июня 1917) // Архив новейшей истории России. М., 2002. Т. 2 (Май-июнь 1917 г.). С. 208.

⁴⁸ЖЗ № 99 (5 июня 1917) // Архив новейшей истории России. М., 2002. Т. 2 (Май-июнь 1917 г.). С. 208.

⁴⁹О приглашении в состав Особого совещания для изготовления проекта «Положения о выборах в Учредительное собрание» некоторых лиц // СУ. 1917 № 141. Ст. 760. С. 1224.

⁵⁰ЖЗ № 104 (10 июня 1917) // Архив новейшей истории России. М., 2002. Т. 2 (Май-июнь 1917 г.). С. 235.

шла о кооптации новых членов Особого совещания, которая оказывалась возможной не на основе закона, но устного предложения министра юстиции, председателя Юридического совещания или представления Председателя Особого совещания.

4. *Должны ли конституанты допускать внутреннее деление по партийному признаку?* Решающее значение при определении политического профиля конституанты имеет дифференциация депутатов по партийному принципу. По наблюдению иностранных экспертов, российская ситуация напоминала Французскую революцию тем, что политические партии, точнее, их фракции в будущей учредительной ассамблее, получали возможность непосредственно участвовать в разработке будущей конституции. Ж. Патуйе, директор Французского института в Петрограде, одним из первых сделал такое сравнение. «Во Французской революции, – писал он, – правые были представлены Жирондой, центр – умеренными якобинцами, левые – крайними якобинцами; во время русской революции этими тремя группами являются – кадеты, блок меньшевиков и социалистов-революционеров и, наконец, большевики; во Франции правые разделились по отношению к Законодательному собранию 1792 г. В России с точки зрения крайне левых кадеты следовали примеру жирондистов сначала 6 мая до отставки Гучкова и Милюкова, а затем 3 июля до отставки всех министров-кадетов. Русская революция эволюционировала, следовательно, в направлении революционно-демократической диктатуры»⁵¹. Он отмечает далее, что опасность, которую не преодолела русская революция, состояла именно в том, что чрезмерное представительство демократических партий может сыграть на руку контрреволюции в вопросах конституционного устройства.

Вопрос о привлечении политических партий к разработке избирательного законодательства при формировании состава Особого совещания для изготовления проекта «Положения о выборах в Учредительное собрание», судя по документам, решался чисто прагматически, т. е. путем кооптации и вне какого-либо четкого юридического обоснования. Такая корректировка имела место путем привлечения «кроме ранее приглашенных», дополнительных деятелей, «намеченных политическими организациями»⁵², намеченных различными организациями и

⁵¹Письмо Патуйе: Archives Nationales. AJ /62/ 62.

⁵² Постановление Временного правительства от 25 марта 1917 г. «Об образовании Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в УС». Собр. Узак. 1917 г., ст. 406. С. 604; «О дополнении постановления Временного правительства об учреждении Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание» // СУ. 1917. № 125. 3 июня. Ст. 678. С. 1089; Журналы заседаний Временного правительства № 88 (24 мая 1917) // Архив новейшей истории России. М., 2002. Т. 2 (Май-июнь 1917 г.). С. 127–128.

политическими партиями, например, от Совета крестьянских депутатов (среди них фигурировал П.А. Сорокин); от «группы Единство» (представлявшей РСДРП); от Организационного комитета Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевики)⁵³. По «устному предложению министра юстиции» был решен вопрос о приглашении «представителей грузинских политических партий»⁵⁴, эстонских и женских общественных организаций и вообще «от национальных, общественных и партийных организаций»⁵⁵. На основании «устного предложения министра-председателя» решено было пригласить в состав Особого совещания лиц, намеченных фронтовой группой Всероссийского съезда Совета солдатских и рабочих депутатов, и от Совета всероссийских кооперативных съездов⁵⁶.

5. *Должно ли всеобщее избирательное право распространяться на солдат, учитывая тем более ситуацию войны?* Наделение солдат пассивным и активным избирательным правом в Учредительное собрание – отнюдь не очевидный приоритет. Опыт многих стран был против этого, поскольку считалось, что солдаты (среди которых преобладали неграмотные люди) будут голосовать по указанию командного состава. Сказывались и опасения вовлечения армии в политику (угроза военного переворота, демонстрировавшаяся бонапартизмом). Тем не менее лоббирование интересов армии было настолько сильным, что Временное правительство оказалось неспособно противостоять ему уже на стадии подготовки избирательного законодательства. На основании «устного предложения министра-председателя» было принято решение пригласить в состав Особого совещания лиц, намеченных фронтовой группой Всероссийского съезда Совета солдатских и рабочих депутатов – от Северного, Западного, Юго-Западного, Румынского, Кавказского фронтов⁵⁷. Патриотическая установка защитников Временного правительства затрудняла доводы против участия армии в выборах: «Как армия, скованная железным кольцом сознания важности своего дела, – считал один из них, – мы должны соединиться и сплотить свои ряды». Страна, выступающая единым политическим организмом, должна обеспечить организацию уездных, губернских и всероссийских комитетов – помочь

⁵³ ЖЗ № 89 (25 мая 1917) // Архив новейшей истории России. М, 2002. Т. 2 (Май-июнь 1917 г.). С. 134–135.

⁵⁴ ЖЗ № 99 (5 июня 1917) // Архив новейшей истории России. М, 2002. Т. 2 (Май-июнь 1917 г.). С. 208.

⁵⁵ ЖЗ № 94 (30 мая 1917) // Архив новейшей истории России. М., 2002. Т. 2 (Май-июнь 1917 г.). С. 188.

⁵⁶ ЖЗ № 107 (14 июня 1917 г.) // Архив новейшей истории России. М., 2002. Т. 2 (Май-июнь 1917 г.). С. 259.

⁵⁷ ЖЗ № 107 (14 июня 1917 г.) // Архив новейшей истории России. М., 2002. Т. 2 (Май-июнь 1917 г.). С. 259.

Временному правительству в организации Учредительного собрания⁵⁸. Ключевая проблема в условиях войны – отношение к участию армии и особым ее групп (в частности, дезертиров) в выборах. Социальная риторика левых партий, близкая визионерству, делала этот момент чрезвычайно опасным⁵⁹.

В России 1917 г. существовало объективное противоречие между предельно демократическим порядком формирования Учредительного собрания и уровнем профессионализма, который мог быть обеспечен таким порядком формирования. Это противоречие профессионализма и популизма в концентрированном виде прослеживается на институциональном уровне в противостоянии двух институтов – Юридического совещания и Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание, точнее, его Комиссии по выборам. Юридическое совещание было учреждено Временным правительством для рассмотрения «вопросов публичного права, возникающих в связи с установлением нового государственного порядка». В его компетенцию входили «предварительные юридические заключения по мероприятиям Временного правительства, имеющим характер законодательных актов, а также и иным, по которым такое заключение будет признано Временным правительством необходимым»⁶⁰. На рассмотрение Юридического совещания, согласно положению о нем, передаются вопросы публичного права, возникающие в связи с установлением нового государственного порядка. Равным образом Совещание дает предварительные юридические заключения по мероприятиям Временного правительства, имеющим характер законодательных актов, а также и иным, по которым такое заключение будет признано Временным правительством необходимым⁶¹. По предложению управляющего делами Временного правительства было решено «председательствование в Юридическом совещании возложить на Федора Федоровича Кокوشкина»⁶².

⁵⁸Сережников В. Что такое Учредительное Собрание. Казань, Социал-демократическое издательство «Дело», 1917. С. 29.

⁵⁹См., напр.: Бюллетень Всероссийской конференции фронтовых и тыловых Военных организаций Росс. С.-Д. раб. партии. № 3 (Пг., 24 июня 1917); Бюллетень Комитета Юго-западного фронта № 69 (Киев 5 июня 1917) – № 100 (21 авг. 1917 Киев); Бюллетень Армейского исполнительного Комитета 1-й Армии № 7. Суббота, 28 октября 1917; Бюллетень Бюро Исполнительного Комитета Особой армии № 3 Воскресенье 26 ноября 1917 г.

⁶⁰Речь № 72 (3814) Воскресенье 26 марта 1917 г. С. 5.

⁶¹Собрание узаконений. 1917. № 71. 30 марта. Ст. 404 «Об учреждении при Временном правительстве Юридического совещания»); См. также: ЖЗ № 28 (22 марта 1917) // Архив новейшей истории России. М., 2001. Т. 1 (Март-апрель 1917 г.). С. 160.

⁶²ЖЗ № 25 (20 марта 1917) // Архив новейшей истории России. М., 2001. Т. 1 (Март-апрель 1917 г.). С. 138–139.

Другим институтом, непосредственно готовившим выборы, стало Особое совещание для изготовления Проекта положения о выборах в Учредительное собрание под председательством Ф.Ф. Кокошкина (созданное постановлением Временного правительства 25 марта 1917 г.). В центре внимания работы Особого совещания, а также в практической работе Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание (Всевыборы), созданной летом 1917 г., находилась разработка нового избирательного законодательства и административной инфраструктуры для его реализации. Общая направленность в решении этого вопроса (несмотря на представительство разных партий) определялась стремлением профессиональной части авторов «Положения» максимально объективно отразить волю общества, с одной стороны, и, с другой – нейтрализовать по возможности негативное влияние на исход выборов наименее подготовленной части общества (этим объясняется, в частности, дискуссия о возрастном цензе, стремление обеспечить права меньшинств, обсуждение системы контроля и перебаллотировок). Особое совещание образовывалось «для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание», а в его состав было решено назначить специалистов по вопросам государственного права, представителя статистической науки и других сведущих лиц и пригласить политических и общественных деятелей, представляющих главные политические и национально-политические течения России⁶³. В состав Особого совещания были назначены квалифицированные юристы. члены Государственной Думы первого созыва: профессора С.А. Котляревский и Ф.Ф. Кокошкин, член Государственной Думы второго созыва профессор В.М. Гессен, члены Государственной Думы В.А. Маклаков и М.С. Аджемов, академик А.С. Лаппо-Данилевский, магистр государственного права Н.И. Лазаревский, магистр международного права барон Б.Э. Нольде, начальник Главного управления по делам местного хозяйства Н.Н. Авинов, член консультации, при Министерстве юстиции учрежденной, А.Я. Гальперин и кандидат прав В.В. Водовозов⁶⁴. Далее, однако, этот

⁶³Собрание узаконений. 1917. № 71. 30 марта. Ст. 406 «Об образовании особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание»; См. также: ЖЗ № 29 (25 марта 1917) // Архив новейшей истории России. М., 2001. Т. 1 (Март-апрель 1917 г.). С. 166–167; Ф.Ф. Кокошкин являлся одновременно крупнейшим теоретиком кадетской партии по проблемам конституционализма, федерализма и автономизации и официальным организатором работ по подготовке Учредительного собрания. Это отражено в материалах его архивного фонда. См.: Указ Временного правительства Сенату о назначении Ф.Ф. Кокошкина председателем Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание и удостоверение Московской столичной по выборам в Учредительное собрание комиссии на имя Кокошкина в связи с избранием его членом Учредительного собрания (ГАРФ. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 8.).

⁶⁴ЖЗ № 58 (21 апреля 1917 г.) // Архив новейшей истории России. М., 2001. Т. 1 (Март-апрель 1917 г.). С. 333–334.

институт размывается: в него, как было показано, включаются представители от партий и национальностей, что не могло не вести к дезорганизации всей работы и переходу от профессионализма к популизму⁶⁵.

Объективное противоречие двух типов институтов, одни из которых были вполне профессиональными, а другие – популистскими и недостаточно квалифицированными по составу, признавалось современниками. Если Юридическое совещание было «маленькой, быстро спевшейся коллегией юристов, и работа в ней была легка и приятна», то «комиссия по составлению закона о выборах в Учредительное Собрание была многоголовым сборищем, почти парламентом», а тем юристам старой формации, которые принимали в ней участие, «приходилось преодолевать величайшие трудности»⁶⁶.

Россия отказалась от самопровозглашенной конституанты, но не смогла в конечном счете реализовать и выборную. Наиболее демократичный избирательный закон, разработанный на волне завышенных ожиданий, не мог дать прогнозировавшийся его разработчиками социальный эффект – достижение консенсуса⁶⁷. Самый демократичный закон о выборах в Учредительное собрание, разработанный со скрупулезным учетом всех рекомендаций правовой науки своего времени, сталкивался, по признанию современников, с радикальной неподготовленностью общества (прежде всего крестьянства) к сознательному осуществлению избирательных процедур и саботажем популистских и экстремистских партий правой и левой направленности⁶⁸. Объективно востребованной являлась в этих условиях назначаемая конституанта или, в крайнем случае, формируемая по смешанному признаку при цензовой избирательной системе. Она позволяла в дальнейшем осуществить полноценное законодательное обеспечение выборов (закон о выборах); адекватный выбор избирательной системы (пропорциональная, мажоритарная или смешанная); определить статус членов законодательного собрания и ограничить возможности их группировки по партийным фракциям, в частности, решить, кто и как будет проверять их мандаты; должны они

⁶⁵Постановление Временного правительства от 25 марта 1917 г. «Об образовании Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в УС». Собр. узак. 1917 г., ст. 406. С. 604; «О дополнении постановления Временного правительства об учреждении Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание» // СУ. 1917. № 125. 3 июня. Ст. 678. С. 1089; Журналы заседаний Временного правительства № 88 (24 мая 1917) // Архив новейшей истории России. М., 2002. Т. 2 (Май-июнь 1917 г.). С. 127–128.

⁶⁶Барон Нольдэ. В.Д. Набоков в 1917 г. // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 11–12.

⁶⁷Вишняк М.В. Закон о выборах в Учредительное собрание. Пг., 1917. С. 27–28. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в документах и воспоминаниях современников. М., 2009.

⁶⁸Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в документах и воспоминаниях современников. М., 2009.

пользоваться императивным или свободным мандатом; иметь депутатскую неприкосновенность (иммунитет) или нет; получать оплату за свой труд или им должно быть отказано в ней. Серьезное обсуждение этих проблем оказалось затруднено порядком формирования институтов, готовивших Учредительное собрание: профессиональное направление в их деятельности не смогло остановить популистских настроений. Следствиями стали: параллелизм институтов, готовивших русскую конституанту, упущенная возможность своевременного созыва Учредительного собрания; неспособность Временного правительства взять под контроль процесс разработки и принятия конституции.

5. Каково место конституанты в системе институтов переходного периода: три модели организации власти

Для определения этого места нужно ответить на следующие вопросы: определить, как будут строиться отношения конституанты с правительством в период разработки новой конституции; была ли предварительно ограничена их деятельность во времени или нет. Опыт предшествующих революций показывал, что опасность узурпации власти может исходить как от представительного учреждения (Долгий парламент в Англии и якобинский Конвент во Франции), так и от исполнительной власти (военные диктатуры Кромвеля и Наполеона). Как показывал этот опыт (осмысленный в трудах Дж. Локка, Ж. Кондорсе, аббата Сийеса, Мадам де Сталь, Дж.Ст. Милля, А. Токвиля, В. Гумбольдта и М. Вебера), наиболее ответственным является именно момент легитимной передачи власти от законодательного собрания (формально – всевластного, но на деле разрываемого противоречиями и практически беспомощного в силу своей громоздкой структуры и неуправляемости) новым институтам государственной власти. Этим объясняется внимание к данной проблеме, стремление избежать на переходное время вакуума власти и детальная разработка правового механизма легитимной передачи власти. В документации проектов российского переходного периода представлено три модели решения вопроса: во-первых, совмещение всех трех видов власти в руках Учредительного собрания; во-вторых, организация управления на основе принципов парламентарной системы; в-третьих, передача Учредительным собранием всей полноты исполнительной власти единому органу, который может быть коллегиальным или единоличным.

Первая модель состоит в совмещении Учредительным собранием функций законодательной и исполнительной власти. В этом случае оно организуется по образцу французского революционного Конвента

и передает функции высшей административной власти и руководство различными отраслями управления своим собственным комитетам. Имея серьезные шансы на победу в выборах в Учредительное собрание, партия социалистов-революционеров разработала ряд конституционных проектов, близких этому образцу, которые остались практически совершенно неизвестными до настоящего времени. Все эти проекты, как коллективного творчества, так и индивидуальные, имеют ряд общих черт: они безапелляционно отказываются от идеи конституционной монархии и провозглашают Россию демократической республикой, высшая законодательная власть в которой передается Учредительному собранию, отстаивают идею однопалатной конструкции законодательной власти и федеративный принцип государственного устройства. Дальше всех в провозглашении власти Учредительного собрания и ограничении власти правительства пошел следующий документ – «Проект П.Б. Шаскольского», отрицающий в принципе необходимость разделения властей в переходный период. Для него Учредительное собрание есть «верховный суверен, обладающий всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти»⁶⁹.

Наряду с общими проектами организации временной государственной власти был подготовлен ряд документов более частного характера. Среди них выделяется проект «временного порядка осуществления исполнительной власти в Российской Республике», посвященный регламентации высшего органа исполнительной власти – Совета министров⁷⁰. Данное учреждение в лице его главы – Председателя, а также членов (министров – начальников отдельных отраслей управления или руководителей определенных местностей в составе Российской республики) полностью подчинено Учредительному собранию и действует под его контролем. Этот способ формирования Совета министров напоминает английскую кабинетскую систему, при которой премьер-министр и назначенные им члены кабинета несут коллективную и индивидуальную ответственность перед парламентом и могут, в случае неодобрения их политического курса, быть отстранены от власти вотумом недоверия правительству со стороны парламентского большинства. Сходство увеличивается введением ряда статей, типичных для западного парламентаризма (о финансовой отчетности министерства перед законодательной властью, порядке участия министров в голосовании, обращении запросов к ним и др.). Однако это сходство оказывается чисто внешним, поскольку Учредительное собрание не может рассматриваться как аналог парламента, но представляет собой чрезвычайный орган высшей власти, полномочия и срок деятельности которого не оговариваются в

⁶⁹РГАСПИ. Ф.274. Оп. 1. Л. 311–311 об. («Проект Шаскольского»).

⁷⁰Там же. Л. 310–310 об.

Основном законодательстве (и не подвержены в силу этого постоянной проверке путем регулярных всеобщих выборов). В этих условиях кабинетская модель исполнительной власти на практике могла обернуться лишь установлением контроля над исполнительной властью со стороны более сильной партийной фракции Учредительного собрания, что в свою очередь опять таило в себе опасность однопартийной диктатуры.

Критика конструкций данного типа представлена в особом документе, озаглавленном «Объяснительная записка к проекту организации временной исполнительной власти». Обладая юридически всей полнотой государственной власти, Учредительное собрание, считают авторы записки, подготовленной экспертами Юридического совещания, может организовать управление страной тремя различными способами. Система Конвента, отрицающего разделение властей, признается в нем совершенно бесперспективной: она «приводит к полному смешению властей, к полной невозможности обеспечения законности в управлении, а следовательно, к самому безудержному деспотизму. Система эта настолько осуждена историей, что подробное обсуждение ее едва ли представляется необходимым (см. справку, составленную Юридическим совещанием при Временном правительстве)»⁷¹.

Вторая модель организации власти, рассматривавшаяся либеральными конституционалистами как наиболее приемлемая, состоит в «организации управления на началах парламентарной системы». Речь идет, однако, не о классическом двухпалатном парламенте западного типа, а о сложной многоступенчатой конструкции делегирования власти от Учредительного собрания (которое в принципе остается источником власти и гарантом ее общей политической направленности) к ответственному министерству, «пользующемуся доверием большинства Собрания и сменяющемуся при потере этого доверия», а от него, в свою очередь, – к временному президенту («единоличному органу, избираемому Учредительным собранием»). Эта сложная конструкция власти позволяет, по мнению авторов, обеспечить неограниченную власть Учредительного собрания и его общий контроль над исполнительной властью, с одной стороны, и функциональную независимость правительства – с другой. Эта организация власти рассматривается как оптимальный механизм обеспечения согласия политики правительства с волей Собрания, при котором необходимые изменения в правительстве будут возможны «без резких переворотов катастрофического характера». Важнейшим мо-

⁷¹Организация исполнительной власти при Учредительном собрании: справка, составленная делопроизводством Юридического совещания. ГАРФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 5. Л. 112–121. См. также: Заключение Юридического совещания о предполагаемом открытии Учредительного собрания и передаче ему власти Временным правительством. 21 сентября 1917 г. // Конституционные проекты в России XVIII–XX вв. М., 2000. С. 763–768.

тивом при разработке отношений законодательной и исполнительной властей становится мотив избежания диктатуры. Основную опасность этого они видят в тенденции к смешению и переплетению законодательной и исполнительной власти, наметившейся за время управления Временного правительства.

Данная система (образцом которой выступает французская модель 1873–1875 гг.) предусматривает активную политическую роль института временного президента (избираемого на год), в руках которого концентрируется вся полнота исполнительной власти – наблюдение за исполнением законов, назначение должностных лиц, издание указов, ведение иностранной политики. Исключение составляет принятие принципиальных международных актов (заключение договоров, объявление войны и заключение мира), которые должны исходить непосредственно от Учредительного собрания. Таким механизмом Кокошкин считал немедленное образование самим Учредительным собранием (еще до принятия конституции) «временной исполнительной власти на началах парламентаризма, на началах ответственного министерства». Важным элементом этой программы являлся поиск консенсуса со всеми политическими силами (в том числе умеренными социалистами) по вопросу о форме власти и характере будущего правительства с целью избежать усиления левого экстремизма.

Стремясь избежать превращения Учредительного собрания в Конвент, либеральные конституционалисты усматривали главную задачу Собрания в реализации парламентаризма путем создания ответственного министерства (кабинета министров) и временного главы исполнительной власти (президента), наделенных широкими полномочиями, в том числе в толковании законов (право издания указов) и их оперативного осуществления⁷². С устранением кадетской партии из Временного правительства и усилением влияния социалистических партий данная логика, однако, постепенно уступает место декларативным и более идеологизированным концепциям реализации народной воли.

Третья модель предполагает передачу всей полноты исполнительной власти от Конституанты единому органу, который может быть коллегиальным (как исполнительная комиссия во Франции 1848 г.) или единоличным (Тьер в 1871 г.). Недостаток этой системы усматривался либеральными критиками в том, что она «плохо согласуется с неограниченной властью Учредительного собрания». Власть Собрания над правительством, полагали они, может быть обеспечена лишь периодическими сменами последнего в каждом случае несогласия с большинством Собрания, что ведет к крайней политической нестабильности, недопустимой в критической ситуации. Эта задача была решена в

⁷²Гессен В.М. Русское Учредительное собрание и выборы в него. Пг., 1917. С. 18.

особом заключении Юридического совещания под председательством Н. Лазаревского от 21 сентября 1917 г. – «О порядке открытия Учредительного собрания и юридическом положении после его открытия Временного правительства». Этот документ, имевший рекомендательный, но достаточно авторитетный характер, решал проблему определенно: «Учредительное собрание ни в каком отношении не заимствует своих полномочий от Временного правительства. Полномочия эти проистекают непосредственно от верховной воли народа. С того момента как эта воля проявилась организованным образом, роль Временного правительства является по существу оконченной»⁷³. Данная доктрина народной воли, устранявшая либеральное правительство от организации законодательной власти, стала основой политического преобразования как во Франции, так и в России, причем в обоих случаях ставила под вопрос сохранение контролируемости перехода к демократии.

Об устройстве власти в переходный период говорит подготовленный заранее конституционный документ – «Проект закона об организации временной исполнительной власти при Учредительном собрании, а также проект формы издания законов при Учредительном собрании»⁷⁴. Эти общие принципы получили выражение в особом «Законопроекте об организации временной исполнительной власти Российской республики», которой предполагалось поставить на обсуждение Учредительного собрания после его обсуждения избранной комиссией в составе 15 членов Собрания «в 5-часовой срок»⁷⁵. Согласно этому документу вся полнота исполнительной власти вверяется «временному президенту Российской республики». Несмотря на различные предложения, вопрос о желательной форме правления так и не был окончательно решен до начала Учредительного собрания, послужив поводом для политической дискуссии на тему – конституционная монархия или республика?⁷⁶

При определении места Конституанты в системе институтов переходного периода важно было рассмотреть эту проблему не только в статике (правовые основы отношений Учредительного собрания и Временного правительства), но и в динамике: а) как будет осуществляться передача власти (теории преемственности власти и ее разрыва); б) будет ли предварительно ограничена деятельность учредительной власти во

⁷³Заключение Юридического совещания о порядке открытия Учредительного собрания и юридическом положении после его открытия Временного правительства // Учредительное собрание. Россия 1918. М., 1991. С. 23–27.

⁷⁴Проект закона об организации временной исполнительной власти // Там же. С. 30–31.

⁷⁵РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Л. 313–313 об.; Там же. Л. 313–314.

⁷⁶Проблема выбора формы правления являлась актуальной как во время Учредительного собрания, так и позднее: *Сорокин П.А.* Что такое монархия и что такое республика? Пг., 1917; *Милюков П.Н.* Республика или монархия? Париж, 1929.

времени (теории ограничения и самоограничения) и в) каков должен быть механизм функционирования всей конструкции в переходный период (вопрос о сроках созыва учредительной власти и причинах задержки с этим).

Первый вопрос: как будет осуществляться передача власти (теории преемственности власти и ее разрыва). Рассматривая исторические прецеденты передачи власти от временного правительства к законодательному собранию, русские эксперты указывали на две основных модели во Франции – 1848 и 1871 гг. В первом случае временное правительство попыталось определить порядок самого конституирования Учредительного собрания, во втором – правительство национальной обороны принципиально не вмешивалось в работу Учредительного собрания, не считая возможным даже формально открыть его заседания.

Второй вопрос: будет ли предварительно ограничена деятельность учредительной власти во времени (теории ограничения и самоограничения) или нет? Кокошкин, как мы видели, являлся сторонником теории самоограничения Учредительного собрания. «Учредительное собрание, которое у нас соберется, – разьяснял он, – юридически ничем не будет ограничено в своей компетенции. Но оно должно само очертить круг своих задач и установить срок своей деятельности. Если Учредительное собрание не будет ограничено никаким сроком, то оно будет безответственно перед населением. Как только Учредительное собрание выполнит задачи, непосредственно на него возложенные самим ходом событий, оно должно уступить место тому законодательному порядку, который оно само создаст. Основные задачи Учредительного собрания – определение образа правления и решение неотложных государственных вопросов»⁷⁷. Учредительное собрание, считали либералы, есть «верховный орган государства», его деятельности не могут быть поставлены какие-либо правовые границы и только оно само определяет свою компетенцию. Однако Собрание не должно стать постоянным институтом: оно «поступит неправильно, если затянет свою деятельность на несколько лет и возьмет на себя решение всех вопросов текущего очередного законодательства»⁷⁸. Поэтому оно должно своевременно уступить власть демократически избранному парламенту и правительству.

Третий вопрос: каков должен быть механизм функционирования всей конструкции в переходный период (вопрос о сроках созыва учредительной власти и причинах задержки с этим). Важной дилеммой Временного правительства в 1917 г. стал выбор между скоростью созыва Учредительного собрания и тщательностью его юридической и технической подготовки. Идеализм конституционалистов в этом вопросе, который,

⁷⁷Речь 1917. № 73 (3815). Вторник, 28 марта. С. 3.

⁷⁸Кечекьян С.Ф. Учредительное Собрание. М., 1917. С. 26.

возможно, имел роковые последствия для страны, выразил Кокошкин. «В высшей степени важен созыв Учредительного собрания как можно скорее, – соглашался он с прагматиками, – но не менее важно осуществление выборов самым правильным образом, чтобы не могло быть потом предъявлено никаких упреков в том, что воле народа не дано было проявиться надлежащим образом»⁷⁹. В ходе обсуждения вопроса в Особом совещании под председательством Кокошкина неоднократно констатировалась актуальность «вопроса о возможном кратчайшем сроке созыва Учредительного собрания». Препятствием для этого выступали, однако, трудности составления избирательных списков, возложенного на органы волостного и городского местного самоуправления, которые предстояло в свою очередь избрать на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования⁸⁰.

Таким образом, представленные проекты сходны в одном – наделении Учредительного собрания высшей властью, но они принципиально расходятся в отношении того, как эта власть должна быть распределена в переходный период, а также в том, на каких основаниях она должна быть передана другим (конституционным) властным институтам. Высшая власть конституанты (согласно представленным проектам) может осуществляться непосредственно этим институтом (система Конвента), может разделяться с учреждениями парламентского типа или, наконец, делегироваться специально созданным органам исполнительной власти. Этими органами в различных проектах выступают парламент (Дума), Директория (Делегация), Совет министров во главе с его председателем, президент. Первый вариант (всевластной конституанты), отстаивавшийся левыми партиями, содержит угрозу узурпации власти самой конституантой; второй, поддерживавшийся либеральными конституционалистами, при всех преимуществах (большой демократизм) содержал опасность создания недееспособного учреждения (учитывая раскол политических сил в самой конституанте и конструируемом парламенте); третий – очевидно, содержал угрозу узурпации со стороны самой исполнительной власти.

Ключевое значение в этой ситуации имело детальное рассмотрение процедур и правовой стороны передачи власти от Учредительного собрания к парламентской системе и анализа самой этой системы, а так-

⁷⁹Кокошкин Ф. Ф. Об Учредительном собрании. Доклад на Седьмом съезде Конституционно-демократической партии 25–28 марта 1917 года // Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Том 3. Книга 1 (1915–1917). М., 2000. С. 407.

⁸⁰Доклад председателя Особого совещания для изготовления проекта «Положения о выборах в Учредительное собрание» о результатах обсуждения в особом совещании // ЖЗ № 107 (14 июня 1917) // Архив новейшей истории России. М., 2002. Т. 2 (Май–июнь 1917 г.). С. 252.

же решение вопросов преемственности власти и ее разрыва; предварительного ограничения деятельности учредительной власти во времени; а также определения механизма функционирования всей политической конструкции в переходный период, прежде всего – определения временных рамок начала и окончания работы Учредительного собрания, сроков его созыва. Обращение к конституционным проектам 1917 г. показывает, что содержащиеся в них ответы на эти вопросы определялись не только политической (партийной) принадлежностью авторов, но и уровнем их юридической подготовки, способностью (нередко ограниченной) на профессиональном уровне предвидеть долговременные последствия выбора той или иной стратегии.

Тот факт, что ни одна стратегия не решала проблемы исчерпывающим образом, приводил к конструированию различных гибридных (смешанных) моделей. Все они могут быть разделены на менее и более жизнеспособные. К числу нежизнеспособных конструкций следует отнести идеи передачи конституанте всей полноты власти на неограниченный срок, а также идею комбинировать ее деятельность с парламентскими институтами западного типа. Более реалистической выглядит конструкция создания Конституанты на базе предварительного ограничения ее прерогатив во времени с последующей передачей ее власти временным парламенту и президенту, наделенному исключительной властью на переходный период с последующей легитимацией этой власти на всеобщих выборах.

6. Каков порядок разрешения возможных конфликтов: достижение консенсуса, разрыв конституирующей и конституционной власти, ее узурпация

Для анализа конституционных кризисов первостепенное значение имеет разграничение двух таких понятий, как конституирующая и конституционная власть. Под первой понимается власть создавать основные нормы – то есть разрабатывать и принимать текст Основного закона. Под второй – зафиксированные в нем политические институты, их компетенция и порядок функционирования. Классическими примерами конституирующей власти являются национальные ассамблеи великих революций, призванные выразить принцип народного суверенитета путем принятия основополагающих конституционных норм. Проблема соотношения конституирующей и конституционной власти оказывается в центре внимания в периоды конституционных кризисов.

Отношения конституирующей и конституционной власти в переходный период могут быть двух типов – конфронтации или сотрудничества. В ходе крупных европейских революций прошлого (английской,

американской, Французской, революции 1848 г.) это практически всегда – конфронтация. В условиях современных переходных периодов это часто сотрудничество. В отличие от Учредительных собраний европейских революций Нового времени (классической формой которых является французский революционный Конвент), Конституционные ассамблеи современных развивающихся стран, созываемые в момент кризисов, часто не противостоят власти, но организуются в соответствии с ее интересами и в ее поддержку. Позиция национальных ассамблей в условиях кризисов зависит от того, являются они едиными или расколотыми; выступают выразителями оппозиционных настроений или инструментом конституционной интеграции. Возможно реконструировать три конфликтных ситуации: во-первых, раскол самой конституирующей власти – конфликт между двумя ее центрами; во-вторых, конфликт между конституантой и временным правительством; в-третьих, конфликт, связанный со стремлением исполнительной власти к узурпации полномочий вопреки воле конституанты (безотносительно к легитимности возникновения обоих).

Первая ситуация – раскол самой конституирующей власти. В России дилемма выражалась вопросом: Учредительное собрание или Съезд советов? Самая острая форма подобного конфликта выражается в создании двух конкурирующих центров конституирующей власти, того, что можно определить как конституционное двоевластие. Так было в России в 1993 г., где действовали одновременно два центра по разработке Конституции – Конституционные комиссии Верховного Совета и президента. Они составили два различных проекта будущей конституции, которые так и не удалось примирить путем консенсуса. Данная ситуация воспроизводит опыт предшествующей версии конституционного дуализма 1917 г., когда Учредительному собранию противостояла качественно иная концепция учредительной власти. Раскол конституант и появление альтернативных центров конституирующей власти имел место и в других странах, где борющиеся стороны придерживались совершенно различных интерпретаций действующей конституции (например, в ходе Гражданской войны в США) или стратегий ее изменения (например, в ходе принятия Конституции Ирана), а иногда и создавали две конституанты (Коста-Рика). В ряде случаев отказ от участия в работе конституанты или выход из нее означал раскол государства (например, отказ Мусульманской лиги участвовать в работе Конституционной ассамблеи Индии и создание вслед за тем нового государства Пакистан).

С этих позиций возможно переосмысление российского двоевластия 1917 г. В России 1917 г. реализация концепции Учредительного собрания должна быть поставлена в контекст соотношения этого института с другими центрами власти – законодательной (представленной Государ-

ственной думой и Государственным Советом, позднее такими институтами как Демократическое совещание, ВСРП, Предпарламент), а также институтами исполнительной власти (Временное правительство). Совет республики – так называемый Предпарламент⁸¹, который после ухода из него большевиков не смог выполнить свою функцию достижения межпартийного консенсуса. «Предпарламент, – считает Вишняк, – был обреченным учреждением, фатально приближавшимся к своему концу, несмотря на всю развитую им деятельность по лучшим образцам западноевропейского парламентаризма. Разгон Предпарламента входил в разработанную большевиками программу захвата власти и был приведен в исполнение в роковой для истории России день 25 октября»⁸².

Соотношение Учредительного собрания с Советами – проблема, решение которой включало несколько концепций – их взаимоисключающий характер, комбинирование в виде двух палат, постепенная (поэтапная) передача власти от одного органа другому. Анализ советов как формы организации государственной власти всегда затруднялся тем обстоятельством, что они, собственно, властью не являлись. Представляя собой первоначально спонтанно возникшие в условиях распада государства органы коллективного обсуждения социально-политических проблем, советы оказались крайне неконструктивны в качестве административного института управления, проявляя себя главным образом в сфере уравнительного перераспределения экспроприруемых материальных благ. Советы, будучи крайне традиционалистскими и громоздкими органами, лишены упорядоченной процедуры принятия решений, всегда нуждались поэтому в некоей дополнительной внешней организующей силе, причем генетически тяготели прежде всего к силе авторитарной. В результате этого они стали исключительно важной опорой большевистской диктатуры, являясь одновременно ее формальным демократическим прикрытием и эффективным приводным рычагом влияния на массы. В западной литературе эти особенности советов и их место в политической системе были рассмотрены в перспективе генезиса однопартийной системы⁸³.

Нас здесь более интересует вопрос о советах как декларативной (или номинальной) альтернативе Учредительному собранию и возможности создания реально функционирующей парламентской демократии. Интересную возможность для этого дает сопоставление мнений француз-

⁸¹Предпарламент предназначался для достижения межпартийного консенсуса (председатель – Н.Д. Авксентьев, секретарь М.В. Вишняк). Товарищи председателя – А.В. Пешехонов (от народных социалистов), В.Д. Набоков (от кадетов), В.Н. Крохмаль (от меньшевиков). Большевики во главе с Троцким покинули его.

⁸²Вишняк М.В. «Современные записки». Воспоминания редактора. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 51.

⁸³Archives Nationales. 94 /AP/ 189.

ских и русских аналитиков, разглядевших существо «советской демократии» уже в момент ее конституирования. Созыв Конституционной ассамблеи (по мнению автора аналитического донесения из Петрограда от 11/24 января 1918 г.) был не только последней надеждой на спасение страны, но и в известном смысле самой революции⁸⁴. Однако после осуществления переворота 25 октября / 7 ноября 1917 г. большевики, ранее выступавшие за созыв Учредительного собрания (надеясь получить большинство в нем), выдвинули доктрину «пролетарского суверенитета», политическим выражением которого становится тезис о передаче власти советам. Проблема двоевластия выступает как вполне реальная в аналитической записке для министра – «*Note pour le ministre*» (от 25 марта 1917 г.). «Последние новости из России, – говорится здесь, – являются тревожными. С этого момента можно и следует ожидать худших событий. Становится все более и более ясно, что Временное правительство не справляется с ситуацией и что “Комитет рабочих и солдат”, который заседает в Таврическом дворце, завоевывает каждый день новое пространство⁸⁵. Среди людей, составляющих Кабинет, многие являются интеллигентными, преисполненными добрых намерений и также энергичными; но никто не имеет опыта управления. В случае, если они сохраняют власть, нет ни малейшей надежды, что они смогут осуществлять ее эффективно». В свою очередь «Комитет рабочих и солдат» – «это анархия, но анархия, в лоне которой могут свободно распространяться все влияния – без всякого сомнения, влияния германских агентов и, возможно, также прежнего правительства».

Рассматриваемый конфликт был не просто отражением существования двух центров власти, но и различия в представлениях о перспективах конституционного самоопределения: «Весь семнадцатый год, – отмечал внимательный русский аналитик, – по существу являл собою борьбу скрытую и явную между Советами и Временным Правительством, которое представляло собою своего рода носителя идеи “парламента”. Если массы больше тяготели к советской системе, которая “была им понятнее в своей примитивности”, правительство и либеральная интеллигенция отстаивали Учредительное собрание. Большевицкая партия чрезвычайно умело воспользовалась этой двойственностью революционной демократии и, выдвигая лозунги, то один, то другой, углубляла этот конфликт, который назревал между сторонниками парламентаризма и советов»⁸⁶.

⁸⁴*Ferro M.* Des Soviets au communisme bureaucratique. Les mécanismes d’une subversion. Paris, 1980.

⁸⁵Note pour le ministre (25.03.1917): Archives Nationales, 94/AP/ 184.

⁸⁶Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного Собрания // Архив русской революции. Берлин, 1924–1925. Т. 13–14. С. 21.

Вторая ситуация. Она возникает в случае конфликта конституанты с временной исполнительной властью. В его основе может быть, с одной стороны, стремление к узурпации конституантой всей полноты власти в стране (Долгий парламент в Англии, Конвент во Франции, Конституционная Ассамблея в Израиле), с другой стороны, аналогичное стремление исполнительной власти. Известны случаи узурпации власти конституантами, реализующими собственные властные амбиции. Примером может служить конституирующая ассамблея Израиля, которая, будучи избрана (1947) исключительно для разработки конституции, провозгласила себя конституционной властью (первым парламентом) так и не приняв Основного закона. Данная проблема достигла большой остроты и в ряде стран Восточной Европы, поскольку вопрос о принципах создания конституирующей власти стал конфликтной областью между старой партийной номенклатурой и сторонниками либеральных конституционных реформ.

Почему российская революция, в отличие от Французской, не знала такой формы правления, как система всеильного революционного Конвента, хотя именно большевики считали ее оптимальной для установления своего господства на манер якобинцев? Формирование конфликта учредительной власти и правительства большевиков, возникшего в результате государственного переворота (под лозунгом ускорения созыва конституанты), определялось неспособностью большевиков установить контроль над конституантой легальными методами. Мы располагаем чрезвычайно профессиональным анализом конфликта, проведенным французскими аналитиками непосредственно в ходе его разворачивания. Противостояние нового правительства и Учредительного собрания зафиксировано в телеграмме Ноуланса от 24 декабря 1917 г.: «Конституанта плагиатировала французскую революцию, большевики объявляют, что если Конституционная ассамблея соберется без их разрешения, они противопоставят ей другую национальную ассамблею, составленную из большевистских депутатов, представителей Центрального исполнительного комитета советов рабочих и солдат и делегатов крестьянского съезда»⁸⁷.

Характеризуя политическую ситуацию в канун большевистского переворота, французский аналитик (донесение Петита от 19 октября / 1 ноября 1917 г.) обращает внимание на призывы большевиков созвать Съезд советов до Учредительного собрания, борьбу по этому вопросу в ЦИК советов, где умеренные элементы еще преобладают, но могут быть вытеснены большевиками. «Не нужно строить иллюзий, – подчеркивает он: если этот Съезд соберется, то большевистская тенденция будет там

⁸⁷Телеграмма Ноуланса от 24 декабря 1917 г. 94 /AP/190.

преобладающей. Это общее мнение»⁸⁸. Автор данного документа сообщает о своем разговоре с личным секретарем министра-президента – Питиримом Сорокиным, который заявил об этом «без обиняков».

Интересны данные о противодействии руководства советов идее большевиков о созыве съезда. «Сильная оппозиция созыву съезда» проявилась с самого начала, прежде всего со стороны части Солдатской секции самого ЦИК и, затем, со стороны «Центрального комитета крестьянских депутатов», причем и те и другие считали, что еще не пришел момент отвлекать людей с фронта и мешать избирательной кампании в Учредительное собрание. Все «фронтовые комитеты» и «армейские комитеты» высказались в этом смысле, особенно все армейские комитеты Северного фронта. Благодаря расширению этой оппозиции стало очевидно, что планировавшийся на 20 октября / 2 ноября Съезд советов не сможет, во всяком случае, быть собран к этой дате. В результате он был перенесен на 25 октября / 7 ноября. «Соберется ли съезд к этой новой дате? – размышляет наблюдатель. Это возможно. Если судить по числу очень многочисленных лиц, воздержавшихся от оппозиции съезду, он возможен, как и то, что только большевики будут принимать в нем участие!» Однако трагизм ситуации видится ему в том, что вообще никакая партия (ни эсеры, ни большевики) не выражает волю населения страны. «Весь опыт революции, каждый день и в каждом конкретном случае, учит нас, что в России абсолютно нет политических партий». Вместо западных партий в России существуют политические объединения, планирующие в облаках теории, демагогически связанные с совершенно аморфными в политическом отношении массами.

Захват власти большевиками был осуществлен таким образом, что суть происшедшего переворота не сразу была адекватно понята современниками: многие полагали, что в основе – конфликт Советов с Временным правительством, в то время как на деле речь шла об узурпации власти большевиками, направленной в конечном счете против Учредительного собрания. Например, французский морской атташе послал своему начальству в Париж следующую телеграмму 7 ноября 1917 г.: «Большевистское движение, руководимое неким Троцким, президентом Совета, кажется, достигло успеха. Правительство Керенского не является более хозяином положения. Говорят, что Керенский арестован. Министерство еще не образовано. Перестрелки на улицах Петрограда. Ситуация тяжелая»⁸⁹.

Соотношение трех политических сил – Учредительного собрания, потенциально являющегося высшим органом власти, Советов и нового «правительства дуумвирата Ленина–Троцкого» – стало главной

⁸⁸Донесение Петита от 19 октября / 1 ноября 1917 г., 94 /AP/ 189.

⁸⁹Attaché Naval a Marin (7 novembre 1917), 94 /AP/ 187.

проблемой, интересовавшей французскую военную миссию в связи с большевистским переворотом. Тактика большевистского правительства, суммировал французский аналитик, состоит в том, чтобы упреждать противника и ставить его перед свершившимся фактом. Вопрос об организации правительства должно было решить Учредительное собрание; большевики созвали Второй съезд советов, избранный «в свойственной им манере», который до Учредительного собрания передал власть Советам. Перед тем как это решение Съезда советов состоялось, они арестовали правительство Керенского и присвоили власть себе. Они подтвердили свою волю провести выборы в Конституанту, однако, не ожидая результатов и действуя с помощью простых декретов, юридически закрепили решение наиболее фундаментальных вопросов (аграрного вопроса, рабочего «контроля» на предприятиях и т. д.), с тем чтобы поставить конституанту перед свершившимся фактом⁹⁰. «Государственный переворот 7 ноября, – подчеркивал Керенский, – решил судьбу Учредительного собрания. Впрочем, этого сразу не понял никто – ни народ, ни лидеры антибольшевистских демократических партий. Они даже не представляли себе возможности покушения большевиков на суверенное волеизъявление народа, которое предстояло выразить Учредительному собранию»⁹¹.

Третья ситуация может быть определена как ограничение конституирующей власти внешней силой. В некоторых случаях, как было показано, имеет место внешне независимая конституирующая власть, которая свободно разрабатывает текст новой конституции. Однако на последнем этапе эта конституция претерпевает существенные изменения. Так было в послевоенных Германии и Японии, где разработанные проекты конституций не встретили первоначально поддержки американских оккупационных властей и под их влиянием претерпели существенные изменения. Так было в Иране, где разработанный Конституантой проект был отвергнут духовенством, в Бразилии, где первоначально разработанный проект парламентской республики не встретил поддержки президента (и армии) и не был допущен к обсуждению. Так было в Нигерии, где Учредительное собрание, весьма умеренное по своему составу, разработало проект конституции, который не устроил военных и был подвергнут цензурированию по важным для них вопросам.

Разгон большевиками Учредительного собрания явился примером радикального воздействия на конституанту со стороны внешней силы, причем это воздействие носило вполне деструктивный характер и, в отличие от рассмотренных выше случаев, было осуществлено практически до появления четко сформулированного конституционного проекта.

⁹⁰Донесение от 9/22 ноября 1917 г. // *Lettres de Monsieur Petit*, 94/AP/ 190.

⁹¹*Керенский А.Ф.* Русская революция 1917 г. М., 2005. С. 368–369.

Механизм конфликта наиболее определенно выявился в ходе столкновения различных подходов к выработке основных законов. Большевики предложили Конституанте утвердить без дискуссий разработанный ими основной документ – «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», согласно которой вся власть номинально передавалась трудящимся и их представителям в советах, то есть самим большевикам. В альтернативной программе эсеров содержалась иная, оппозиционная большевикам концепция решения вопроса о власти – подчеркивалась автономность советов. Главной причиной, по которой массы не поддержали Учредительное собрание, являлась их политическая неискушенность: обещания мира и хлеба заставили их забыть о принсенных в войне жертвах, признать авторитарно-демагогический режим диктатуры пролетариата, ведущий к гражданской войне.

В этой перспективе судьба Учредительного собрания оказалась предрешена. «Конечно, – говорил Ленин Троцкому, – было очень рискованно с нашей стороны, что мы не отложили созыва, очень, очень неосторожно. Но, в конце концов, вышло лучше. Разгон Учредительного собрания Советской властью есть полная и открытая ликвидация формальной демократии во имя революционной диктатуры. Теперь урок будет твердый»⁹². Роспуск Учредительного собрания определялся в конечном счете одной причиной – стремлением большевиков (прежде всего Ленина) сохранить власть, которая в условиях преодоления кризиса двоевластия становилась самостоятельной интегрирующей ценностью⁹³. Роспуск Учредительного собрания как шаг вполне беспринципный вызвал поэтому резкую критику не только со стороны либеральных оппонентов большевизма, но и немногочисленных союзников большевиков в интернациональной социал-демократии, в частности – Р. Люксембург⁹⁴. Речь шла о проявлении двух различных концепций социальной демократии, одна из которых включала в это понятие идею формальных («буржуазных») прав человека, а другая – полностью отрицала их во имя установления фактического равенства, интерпретируя диктатуру пролетариата как принципиальный отказ от права и установление режима неограниченного произвола. Эта концепция нашла выражение в идее о «Республике советов» как высшей форме демократии по сравнению с Учредительным собранием⁹⁵. Разгон Учредительного со-

⁹²Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 208.

⁹³Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 342. См. также: Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет. М., 1997. С. 313.

⁹⁴Luxemburg R. Zur russischen Revolution (1918) // Gesammelte Werke. Berlin, 1974. Bd 4. S. 354–355; Люксембург Р. Русская трагедия // О социализме и русской революции: Избр. Статьи, речи, письма. М., 1991. С. 317.

⁹⁵Ленин В.И. Тезисы об Учредительном собрании // Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 162–166.

брана обычно считают, наряду с Октябрьским переворотом, «главным преступлением большевиков против демократии»⁹⁶.

О сохранении важности института Учредительного собрания для самосознания общества говорит воспроизводство требований его созыва в ходе Гражданской войны⁹⁷ и антибольшевистского движения⁹⁸, конституционное закрепление обязанности новой власти по скорейшему созыву Учредительного собрания⁹⁹, оценка выступлений против его членов как бонапартистского переворота¹⁰⁰, повторное выдвижение лозунгов его созыва во время Кронштадтского и Тамбовского восстаний¹⁰¹, попытка возродить его в эмиграции¹⁰² и, наконец, актуализация этой идеи в период перестройки в СССР¹⁰³.

7. Каковы результаты деятельности русской конституанты в сравнительной перспективе

Российская конституанта 1918 г. – это упущенный шанс достижения национального примирения в канун Гражданской войны. Идея Учредительного собрания объективно составляла основу легитимности любого политического режима, способного возникнуть в переходный период. Она закладывала основу договорной модели перехода к новому государственному устройству и создавала тем самым инструмент достижения компромисса между политическими партиями в переходный период.

Конституанта, возникнув с крушением Старого порядка, обеспечивала пусть не юридическую, но идеологическую преемственность между различными периодами российской истории и стадиями революционного движения. В сущности это была, начиная с эпохи Александра II,

⁹⁶Малия М. Советская трагедия: история социализма в России 1917–1991. М., 2002. С. 141.

⁹⁷Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. М., 1998. Т. 3 (1915–1920).

⁹⁸Святыцкий Н. К истории Всероссийского Учредительного Собрания. М., 1921. Ч. III. Съезд членов Учредительного Собрания (Очерк событий на востоке России в сентябре – декабре 1918 г.).

⁹⁹Конституция Уфимской директории: Акт об образовании Всероссийской верховной власти 26/8 – 10/23 сентября 1918 г. // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. XII. С. 189–193.

¹⁰⁰Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года. Собрал и издал В. Зензинов. Париж, 1919. С. 35–38; 41–42.

¹⁰¹Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917–1991. М., 1995. С. 79–92.

¹⁰²Данная тема стала определяющей в связи с организацией Союза членов Учредительного собрания и решением вопроса о целесообразности вступления в него: Протоколы зарубежных групп конституционно-демократической партии. М., 1996–1999. Т. 4–6.

¹⁰³См., напр., Резолюцию с призывом к подготовке Учредительного собрания // Учредительное собрание вчера и завтра. Сб. док., подготовленных по решению конференции блока партий «Свобода и достоинство». СПб., 1991. С. 63.

идея всей оппозиции самодержавию (как либеральной, так и революционной), а затем – цель, к которой в равной степени были устремлены все партии, в том числе большевики, упрекавшие Временное правительство в промедлении с решением данной проблемы. Учредительное собрание (благодаря порядку своего формирования путем всеобщих демократических выборов) было способно выполнить функцию легитимации новых институтов государственной власти, как внутри страны, так и с точки зрения международного права. В результате его созыва создавалась возможность выхода из острого политического кризиса, связанного с войной и революцией, мирным путем, т. е. без гражданской войны и террора.

В ходе подготовки Учредительного собрания русское общество впервые самостоятельно ставило и решало вопросы национальной идентичности и политического самоопределения. На это время приходятся наиболее интенсивные споры о правах человека, форме правления и типе будущего политического строя; административно-территориального устройства; структуре парламента и судебной власти; правовом статусе политических партий; порядке формирования и функционирования институтов переходного периода (в условиях войны и анархии)¹⁰⁴. Центральной проблемой при решении этих вопросов, как и в ходе других великих революций, становился конфликт между конституирующей и конституционной властью. Проектируя российскую конституанту, ее либеральные разработчики руководствовались негативным опытом предшествующих (главным образом – французских) революций: они стремились избежать двух крайностей – с одной стороны, установления ее полной и неограниченной во времени монополии на власть, способной привести к тирании большинства; с другой – недопущения слабости по отношению к временной исполнительной власти, способной установить диктатуру бонапартистского типа и в конечном счете привести к реставрации монархии.

Тот факт, что ни одна стратегия в расколотом обществе не решала проблемы исчерпывающим образом, приводил к конструированию различных, в том числе, гибридных (смешанных), моделей Учредительного собрания. Мы реконструировали по меньшей мере пять из них, выстроив их по принципу нарастания роли конституирующей власти: во-первых, концепция полного отрицания ее необходимости во имя неограниченного народного суверенитета; во-вторых, признание ограниченного суверенитета конституанты, сдерживаемой в своих прерогативах конкурирующей революционной силой; в-третьих, признание

¹⁰⁴ *Медушевский А.Н.* Учредительное собрание и конституционные альтернативы России в 1917 году // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1. С. 4–23.

ограниченных полномочий конституанты, определяемых предшествующим законодательством, положенным в основу ее деятельности; в-четвертых, концепция всесильной конституанты, которая, однако, сама встает на путь самоограничения; в-пятых, признание неограниченного суверенитета конституанты.

Все предлагавшиеся концепции могут быть разделены на менее и более жизнеспособные. К числу нежизнеспособных конструкций следует отнести идеи передачи конституанте всей полноты власти на неограниченный срок (превращение ее в Конвент), а также идею комбинировать ее деятельность с аморфными институтами так называемой «советской демократии» или даже парламентскими институтами западного типа. Более реалистической выглядит конструкция конституанты на базе предварительного ограничения ее прерогатив во времени с последующей передачей ее власти временным парламенту и президенту, наделенному исключительной властью на переходный период (с дальнейшей легитимацией этой власти на всеобщих выборах).

Порядок формирования конституанты также включал вариативность подходов. Россия отказалась от самопровозглашенной конституанты (по образцу многих других радикальных революций), но не смогла до конца реализовать выборную (осуществление которой требовало более стабильных условий). Отсюда – актуальность анализа возможных нереализовавшихся альтернатив проектировавшейся избирательной системы: должна ли она была быть пропорциональной, мажоритарной или смешанной; основанной на всеобщем голосовании или включающей цензы, направленные на исключение или ограничение избирательных прав для определенных социальных групп по классово-сословному, имущественному, образовательному, национальному, половому, возрастному или профессиональному критериям; каково должно было быть соотношение пассивного и активного избирательного права для различных социальных групп; каков должен был быть правовой статус членов Учредительного собрания.

В свете того негативного исторического опыта, которым мы располагаем сейчас, очевидно, что в условиях коллапса государственной системы безбрежный демократизм закона о выборах в Учредительное собрание стал деструктивным фактором для конституционного самоопределения нации: объективно востребованной в ходе русской революции являлась конституанта, избираемая на основе цензовой системы или даже формируемая при активном непосредственном участии временной исполнительной власти (как это имело место, например, при разработке Конституции 1993 г.). Серьезное обсуждение этих проблем в 1917 г. оказалось, однако, затруднено господствовавшими доктринальными представлениями и порядком формирования институтов, готовивших

Учредительное собрание: профессиональное направление в их деятельности (представленное юристами старой школы) не смогло остановить популистских настроений. Следствиями стали: параллелизм институтов, готовивших русскую Конституанту; упущенная возможность своевременного созыва Учредительного собрания; неспособность (и принципиальное нежелание) Временного правительства взять под контроль процесс разработки и принятия конституции.

В ходе русской революции (как и других радикальных революций) конфликт между конституирующей и конституционной властью оказался чрезвычайно острым. Конституанта оказалась в центре конфликтов трех уровней, связанных с двоевластием, противостоянием с самопровозглашенной временной властью, наконец, с диктатурой, осуществившей насильственную узурпацию ее полномочий. Эта ситуация, возникавшая в ряде революций, не исключает возможностей исторической альтернативы. Данная альтернатива включает различные способы осуществления договорного перехода к демократии, которые обычно реализуются в условиях согласия основных политических сил (партий) при наличии некоторого внешнего арбитра (внутри или вне страны).

Возможности осуществления данной модели перехода были чрезвычайно ограничены в России, что делает саму концепцию Учредительного собрания как института с неограниченной властью в переходный период весьма уязвимой. Фундаментальными ошибками либеральных конституционалистов в сравнительной перспективе следует признать следующие: недооценка фактора спонтанности революционного политического процесса и потеря политической инициативы; неспособность преодолеть двоевластие; недостаточное внимание к фактору времени в условиях переходного процесса (необходимость своевременного созыва конституанты и принятия конституции, хотя бы временной); крайне негативную роль сыграла идея «непредрешенчества» воли Учредительного собрания (также взятая из арсенала французского конституционализма), практическим следствием которой стал отказ от подготовки важнейших законов и решений, а также фактическое самоустранение деятелей Временного правительства от активной позиции по их продвижению; наконец, авторы конституанты не противопоставили силам, стремящимся к диктатуре, адекватных технологий защиты демократических институтов.

Насильственный роспуск Учредительного собрания («разгон», по терминологии эпохи) символизировал кризис формирующейся российской демократии как в содержательном, так и в процедурном отношении. Он означал поворот общественного и политического развития вспять: разрушение институтов гражданского общества и политической демократии, отказ от европейского пути развития, вообще отрицание

модернизации в правовых формах. Важнейшим результатом неправового роспуска Учредительного собрания стал кризис российской национальной идентичности – катастрофа Гражданской войны, многомиллионная эмиграция; крушение ценностных ориентиров общества, почти на столетие утратившего право голоса. Роспуск первой российской конституанты всегда был неизлечимой травмой легитимности советского режима на всем протяжении его существования. Трудно отрешиться от мысли, что крушение однопартийной диктатуры и распад СССР в конце XX в. прямо связаны с судьбой Всероссийского Учредительного собрания.

ГЛАВА IV

МИФ КОММУНЫ И СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА: КОНСТИТУЦИЯ РСФСР 1918 г.

Одной из трудных проблем обществоведения остается вопрос о генезисе и особенностях так называемой «социалистической» правовой системы. Данная система, охватывавшая в XX в. своим влиянием едва ли не половину населения земного шара, конвульсивно окончила свое существование с отказом от коммунистического мифа и основанного на нем государства, уступив место традиционным представлениям о демократии, гражданском обществе и правовом государстве. Вместе с тем обнажились все трудности правового развития переходного периода, главной из которых стал правовой дуализм – конфликт нового права и традиционного правосознания, воспроизводившего стереотипы советского (и даже досоветского) архаического сознания¹. Вопросы, поставленные в эпоху становления большевистского режима, оказались актуальны в период его деградации и крушения СССР, заставив исследователей вновь обратиться к основным постулатам и противоречиям марксистской теории государства², эволюции идеологии и практики «рабочей демократии» и советской системы³, степени соответствия теоретических постулатов практике революционного режима⁴, пересмотру их влияния в интернациональном контексте⁵, вообще обратиться к истокам советской модели политической и правовой системы.

Предприняты попытки выяснить, каким образом утопическая марксистская (ленинская) конструкция политической системы, заложенная

¹Медушевский А.Н. Социология права. М., 2006.

²Townshend J. The Politics of Marxism: The Critical Debates. L., N.Y., 1996; Thomas P. Alien Politics: Marxist State Theory Retrieved. N.Y., 1994.

³McAuley M. Soviet Politics, 1917–1991. Oxford, 1992; Farber S. Before Stalinism: The Rise and Fall of Soviet Democracy. L.; N.Y., 1990.

⁴McNeill T. Russia in 1917: Revolution or Counter-revolution? // Revolutionary Theory and Political Reality. Brighton, 1983.

⁵Butler A. Transformative Politics: The Future of Socialism in Western Europe. N.Y., 1997.

в ее основание, сохраняла значение в последующее время, вплоть до крушения советского режима⁶, как она трансформировалась в условиях Гражданской войны и большевистской диктатуры⁷, насколько соответствовала выдвинутым идеалам социальной справедливости⁸. В литературе, появившейся непосредственно по итогам распада СССР, понятная постановка этих вопросов была окрашена эмоциональным впечатлением от крушения коммунизма, что объясняет известную общую априорность подхода и предложенных выводов. Важно найти ответы на следующие вопросы: откуда взялась идея этой системы; как соотносились в ней первоначальные идеологические установки и их юридическое оформление; фиксировала Конституция 1918 г. спонтанно возникшие отношения или формировала их; в какой мере она отражала реальность или изначально была номинальной; в чем уникальность этой системы в мировой истории и почему она существовала столь продолжительное время; наконец, каковы были альтернативные стратегии интерпретации провозглашенных принципов и норм и с чем связано направление последующей эволюции их смысла.

С позиций когнитивного подхода обращение к большевистскому проекту юридического конструирования реальности (отраженному в материалах архива Конституционной комиссии 1918 г.) позволяет: во-первых, реконструировать понимание разработчиками смысла ключевых правовых понятий, во-вторых, выявить альтернативные позиции, представленные в конституционных дебатах 1918 г.; в-третьих, определить вектор развития системы – перейти от статики к динамике институциональных изменений (селекция ценностей, норм и институтов в процессе разработки конституции). Изучение соотношения конституционных принципов, норм и институтов в процессе консолидации большевистской диктатуры позволяет раскрыть изначально заложенные конструктивные дефекты системы, определившие ее эрозию и последующее крушение.

1. Миф о государстве-коммуне как когнитивная основа построения нового общества

Осуществив Октябрьский государственный переворот и распустив Учредительное собрание во имя коммунизма и особой «пролетарской» демократии, большевики столкнулись с отсутствием сколько-нибудь

⁶Walicki A. *Marxism and the Leap to the Kingdom of Freedom: The Rise and Fall of the Communist Utopia*. Stanford, 1995; Grimm Th. *Was von den Träumen blieb: Eine Bilanz der Socialistischen Utopie*. Berlin, 1993.

⁷The Bolsheviks in Russian Society: The Revolution and the Civil Wars. New Haven, 1997; Swain G. *The Origins of the Russian Civil War*. L., 1996.

⁸Faundez J. *Affirmative Action: International Perspectives*. Geneva, 1994.

разработанной программы построения нового общества и государства, правовой легитимации собственных претензий на власть. Общими принципами, которые могли быть положены в основу конструирования нового общества, стали чрезвычайно неопределенные положения К. Маркса о Коммуне как «предвестнике нового общества» и «новой политической форме»⁹, политико-правовым выражением которых признавались Манифест Коммунистической партии 1848 г., программа Первого интернационала, не вступившая в действие якобинская конституция 1793 г. и особенно потерпевшая крушение модель Парижской коммуны 1871 г.¹⁰ Коммуна рассматривалась в либеральной историографии как анархический срыв общества в экстремальных условиях войны, не имеющий никакого отношения к Интернационалу или «диктатуре пролетариата», ее опыт в этом контексте – явная неудача, а действия ее вождей – хаотические, противоречивые и просто нелепые¹¹. Однако рассеять марксистские легенды в отношении Коммуны оказалось очень трудно. Идея государства-коммуны как особой формы общественно-политического строя переходного периода получила распространение в европейской левой социал-демократии накануне Первой мировой войны. Например, один из столпов германской социал-демократии А. Бебель был «глубоко убежден, что не пройдет и нескольких десятилетий, и все то, что случилось в Париже, повторится во всей Европе», хотя и предлагал обществу «проявить рассудительность и постараться сгладить существующие классовые противоречия законодательным путем»¹². Миф Коммуны в его интерпретации Марксом и Прудоном оказался наиболее популярен в различных течениях европейского¹³ и русского анархизма¹⁴, а также сочинениях его российских теоретиков – Бакунина, Герцена, Кропоткина¹⁵, оказав существенное влияние прежде всего на традицию русского радикального народничества¹⁶. В советской литературе интерес к проблеме был связан с установлением большевистской диктатуры, которая изначально опиралась на программные документы Коммуны,

⁹Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 1960. Т. 17. С. 317–370.

¹⁰Парижская коммуна: акты и документы; эпизоды кровавой недели. Пг., 1920; Протоколы заседаний Парижской коммуны 1871 года. М., 1959–1960. Т. 1–2; Первый интернационал и Парижская коммуна: документы и материалы. М., 1972.

¹¹Кареев Н.И. Чем была Парижская Коммуна 1871 г.? Пг., 1917. С. 16.

¹²Бебель А. Из моей жизни. М., 1963. С.531.

¹³Nettlau M. Histoire de l'Anarchie. Paris, 1971.

¹⁴Ермакова Е.Д., Талеров П.И. Анархизм в истории России: От истоков к современности. Библиографический словарь-справочник. СПб., 2007.

¹⁵Бакунин М.А. Парижская Коммуна и понятие о государственности. Женева, 1892; Кропоткин П.А. Парижская Коммуна. Лондон, 1907; Лавров П.Л. Парижская Коммуна 18 марта 1871 г. Пг., 1919; Карелин А.А. Уроки Парижской Коммуны. М., 1919.

¹⁶Итенберг Б.С. Россия и Парижская коммуна. М., 1971.

объявила себя последователем французских коммунаров¹⁷. В контексте тотального разрушения правовой традиции в XX в. некоторые авторы даже усматривали в этом эксперименте поиск новых форм правового государства¹⁸.

Чрезвычайно характерно, что в программных документах политических партий России 1917–1918 гг. существует единство оценки революционного радикализма и большевистского режима как анархического. Правые партии, традиционно стоявшие на позициях монархизма, видели в нем следствие революционного крушения общества и фанатичное стремление разрушить «решительно все, сущее в Российском государстве, начиная с государственной власти и кончая семьей, кончая личной собственностью, – одним словом, всем тем, что дорого каждому порядочному человеку»¹⁹. Кадеты, стоявшие на позициях классического парламентаризма, определяли большевистский (и советский) проект как выражение русского традиционализма – крестьянско-солдатского бунта в стиле пугачёвщины, а сам большевизм считали «преемником марксизма и бакунизма»²⁰. Из этого вытекала программа свержения большевизма и установления бонапартистского режима в период Гражданской войны²¹. Меньшевики, напротив, противопоставляли большевизм «подлинному» марксизму и определяли их режим как «катастрофический реванш бакунизма над марксизмом»²², бланкистский переворот, реализацию нечаевской программы революции в форме заговора. Данная трактовка была воспринята западной социал-демократией, причем не только ее традиционными лидерами (К. Каутский), но и радикальной частью (Р. Люксембург). Она представлена в документах еврейской социал-демократической партии Бунд²³. Эсеры в принципе приняли ту же интерпретацию, указывая на сходство нового режима с якобинско-бланкистской диктатурой: «Большевизм, – считали они, – есть русская разновидность бланкизма с резко выраженным стремлением к явочно-захватным, но преимуще-

¹⁷Молок А.И. Парижская коммуна 1871 г. в документах и материалах. Л.; М., 1925; Лукин Н. (Н. Антонов). Парижская коммуна 1871 г. М., 1924.

¹⁸Леон П. Проблема правового государства в освещении анархизма Михаила Бакунина // Труды русских ученых за границей: Сб. акад. группы в Берлине / Под ред. проф. А.И. Каминка. Берлин, 1922. Т. 1. С. 92–108.

¹⁹Правые партии. Документы и материалы. М., 1998. Т. 2 (1911–1917). С. 347.

²⁰Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. М., 1997–2000. Т. 1–3; Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии 1905 – середина 1930-х годов. М., 1996–1999. Т. 4. С. 159.

²¹Всероссийский национальный центр. М., 2001.

²²Меньшевики в большевистской России. 1917–1924 гг. М., 1997–2004. Т. 1–5; Меньшевики в 1918 г. М., 1999. С. 301, 303, 304.

²³Бунд. Документы и материалы. 1894–1921. М., 2010.

ственно политическим методам действий: к захвату власти, к установлению диктатуры»²⁴.

Партии крайне левой части политического спектра увидели в революции попытку осуществления коммунистической программы. Эсеры-максималисты выступали за «революцию коммуналистическую, децентрализованную», противопоставляя ее политической революции, которая неизбежно носит «централистический характер». Разделяя представления о государстве-коммуне, они выдвинули свой «Проект основ Конституции Трудовой Республики», принятый на конференции (1918). «Трудовая Республика, в их интерпретации, – есть децентрализованное общежитие с широкой автономией отдельных областей и национальностей, ее составляющих»²⁵. Анархисты-коммунисты видели задачу социальной революции в непосредственном осуществлении коммунизма, а способом достижения цели считали «немедленное освобождение от власти какого бы то ни было центра, – ее полная децентрализация». Они призывали к «разрушению государства» – «уничтожению всякой власти», «всяких законов и судов», тюрем, «так как тюрьмы еще не исправили ни одного преступника», «собственности в широком смысле этого слова», семьи и «поповского брака», как препятствия к «свободному союзу между мужчиной и женщиной». «При анархическом Коммунизме, – считали они, – исчезнет всякая эксплуатация человека над человеком – исчезнет зло, насилие и грабежи», «зло само по себе должно исчезнуть на земле»²⁶. Партия немедленных социалистов (левой большевиков, правой анархистов) выдвигала (в 1918 г.) идеал Коммуно-государства, которое, в отличие от традиционных его форм, не предполагает правового регулирования, насилия и эксплуатации, но представляет собой Производственную Коммуну – «кладет в основу общества солидарность, конструируя общежитие на основании свободного договора с помощью совещательных политических институтов». Программа анархо-коммунистов проектировала на этой основе уничтожение классов, собственности, семьи, религии и «разрушение государственной власти, служащей орудием угнетения рабочего класса»²⁷. Интересно, что анархисты первоначально усмотрели в большевизме непоследовательное проведение своей программы общественно-го устройства и лишь позднее с удивлением обнаружили, что это не так.

Какое место занимал большевизм в этой системе взглядов с точки зрения концепции политико-правового устройства? Об этом можно су-

²⁴Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы 1905–1925 гг. М., 1997–2000. Т. 3. Ч. 1. С. 655, 657–658.

²⁵Союз эсеров-максималистов. Документы, публицистика 1906–1924 гг. М., 2002. С. 53, 127–131.

²⁶Анархисты. Документы и материалы. М., 1999. Т. 2. С. 21, 25.

²⁷Анархисты. М., 1999. Т. 2. С. 151–159.

дить по эволюции взглядов Ленина на конституционно-политическое устройство в 1917–1920 гг. До захвата власти Ленин считал прообразом переходного типа государственности Парижскую коммуну. В книге «Государство и революция» (написанной в августе-сентябре 1917 г.) содержание переходного процесса определяется как разрушение парламентаризма и установление «демократической Республики типа Коммуны», сопровождающееся призывом учиться у коммунаров революционной смелости и практике разрушения государственности. В проектируемом государстве нового типа (для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества) все граждане превращаются «в служащих по найму у государства» – «становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного синдиката». По мере того как «необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития станет привычкой», «будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства». Эта интерпретация государства-коммуны, чрезвычайно близкая анархизму, уравнивается, однако, формулой о необходимости сохранения на переходный период государственной власти, которая определяется как «централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров и для руководства громадной массой населения»²⁸. Перелом во взглядах Ленина представлен в работе «Очередные задачи Советской власти», написанной в апреле 1918 г. Идеи анархо-синдикализма по-прежнему владеют умом Ленина, который определяет достижения большевистского режима в масштабе европейских революций 1793 г. и 1871 г. и продолжает утверждать, что «социалистическое государство может возникнуть лишь как сеть производительно-потребительских коммун», в которой «каждая фабрика, каждая деревня является производительно-потребительской коммуной, имеющей право и обязанной по-своему применять общие советские узаконения, по-своему решать проблему учета производства и распределения продуктов». Вместе с тем он констатирует необходимость временного «отступления от принципов Парижской Коммуны и всякой пролетарской власти» в условиях переходного периода, когда необходима диктатура – «железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов»²⁹. На завершающей стадии эволюции его взглядов (в «Детской болезни», 1920 г.) анархический компонент совершенно исчезает: идея противо-

²⁸ Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. ПСС. М., 1974. Т. 33. С. 101–102, 26.

²⁹ Ленин В.И. Очередные задачи советской власти // Ленин В.И. ПСС. М., 1974. Т. 36. С. 165–208.

поставления масс и вождей предстает как «смехотворная нелепость и глупость», а успех диктатуры определяется «безусловной централизацией и строжайшей дисциплиной»³⁰.

Противоречие теории и практики в конструировании правовой и политической системы стало общим выводом в литературе о большевистской революции, написанной по следам событий³¹. С этих позиций современники революции пытались определить большевизм как особую разновидность социальной инженерии – выражение социальной энергетики, знавшей свои периоды концентрации, высшего проявления и упадка. Одни связывали условия его появления с мировым кризисом, вызванным войной и революцией, другие считали его основной причиной этого кризиса, третьи усматривали в нем выражение исторической специфики русского общества, а не интернациональный феномен³². Исходя из этого представлены были прогнозы его развития и упадка по мере исчерпания социальных функций в революции или эрозии идеологических постулатов.

Большевистские авторы связывали идеал Коммуны с концепцией классовой борьбы, видя в ленинизме развитие марксизма, а в диктатуре – воплощение народной воли³³. Их социалистические оппоненты, напротив, считали, что создаваемый в России режим не имеет ничего общего с Коммуной, ленинизм – ревизия марксизма в направлении «таргского социализма», а в диктатуре усматривали узурпацию власти одной революционной партией и ее вождями³⁴. Соответственно, принципиально различными оказывались оценки первых итогов Октябрьского переворота – как катастрофы или торжества революционной

³⁰ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В.И. ПСС. М., 1974. Т. 41. С. 6, 24–26.

³¹ Wirth A. Geschichte des russischen Reiches bis 1920. Hamburg, 1920; Ross E.A. The Russian Soviet Republic. N.Y.; L., 1923; Reine G.E., Luboff E. Bolshevick Russia. L., 1920; Langhans M. Vom Absolutismus zum Rätefreistaat. Die wichtigsten Züge des russischen Staatsrechts. B., 1925; Der Staat, das Recht und die Wirtschaft des Bolschewismus. B., 1925.

³² Löwe H. Das neue Russland und seine sittliche Kräfte. Halle, 1918; Vorst H. Das Bolschewistische Russland. Leipzig, 1919; Spargo Y. Bolshevism. L., 1919; Freytagh-Loringhoven A. Geschichte und Wesen des Bolschewismus. Breslau, 1919; Triebel H. Weltenwende. Das Ende des Bolschewismus. Dresden, 1919; Mauntner W. Bolschewismus. Voraussetzungen, Geschichte, Theorie. Leipzig, 1922; Kramaz K. Die russische Krise. Geschichte und Kritik des Bolschewismus. München; Leipzig, 1925; Bunyan J., Fisher H. Bolshevik Revolution, 1917–1918. Stanford, 1934.

³³ Бухарин Н. Классовая борьба и революция в России. Пг., 1918. Ч. 1–2; Ломов А. (Г.И. Отпоков). Творчество буржуазного гения и посрамление коммунизма. Пг., 1918; Никитский А. Условия успешности диктатуры пролетариата. Пг., 1918; Нестеров Г. Марксизм и большевизм. 1919. Ч. 1.

³⁴ Каутский К. Диктатура пролетариата. Пг., 1919; Каутский К. От демократии к государственному рабству. М., 1921; Waerland A. Die Diktatur des Proletariats. Gotha, 1921.

мечты³⁵. Миф Коммуны оказывал непосредственное влияние на теоретические построения левых коммунистов, которые, как Н. Осинский или А. Ломов, отстаивали идеи рабочей и профсоюзной демократии (близкие анархо-синдикализму), а в огосударствлении экономики видели непосредственное строительство коммунизма или социализма³⁶. Корректировка этих представлений сторонниками укрепления однопартийной диктатуры (В. Милютин) не затрагивала сути коммунистического идеала, но была связана с иным представлением о методах его достижения, главными из которых становились административный контроль и принуждение³⁷, делая в дальнейшем необходимым отмежеваться от идеологии анархо-синдикализма³⁸. Представленные оценки так называемого «военного коммунизма» демонстрируют весь спектр представлений от признания его полноценным коммунизмом, вынужденной мерой в условиях переходного периода³⁹ до последующего признания его социально-экономической катастрофой, вызванной немедленной отменой рыночных отношений⁴⁰. Тем не менее революционная риторика этой эпохи в целом выражает ожидания немедленного наступления коммунизма в России и в мировом масштабе⁴¹.

Миф государства-коммуны был положен в основу разработки первой советской Конституции РСФСР 1918 г., принятой в качестве альтернативы распущенному Учредительному собранию⁴². Все проекты Конституции отталкивались от этого мифа или, во всяком случае, подразумевали его⁴³. Предстояло выяснить, как утопическая идея коммунизма и всеобщего равенства может быть переведена на язык позитивного права; каков должен быть переходный тип институтов – могут ли советы

³⁵Большевики у власти. Социально-политические итоги Октябрьского переворота. Сб. ст. 1918; Октябрьский переворот и диктатура пролетариата. Сб. ст. М., 1919; Два года диктатуры пролетариата. Сб. ст. М., 1919.

³⁶*Осинский Н. (В.В. Оболенский)*. Строительство социализма. Общие задачи. Организация производства. М., 1918; *Ломов А.* Разложение капитализма и организация коммунизма. М., 1918.

³⁷*Милютин В.* По пути к светлым далям коммунизма. М., 1918; *Милютин В.П.* Современное экономическое развитие и диктатура пролетариата. М., 1918.

³⁸*Лозовский А.* Анархо-синдикализм и коммунизм. М., 1926.

³⁹*Трутовский В.* Переходный период. Пг., 1918; *Вильямс Р.* Советская система за работой. 1921; *Ломов Г.В.* Дни бури и натиска. М., 1931.

⁴⁰*Prokopovich S.N.* The Economic Conditions of Soviet Russia. L., 1924; *Bourvil A.* L'organisation économique du régime soviétique. P., 1924.

⁴¹Наше рождение. М., 1917; Наш голос. М., 1918; Год русской революции. М., 1918; 2 красных года. Хронология пролетарской революции. М., 1919.

⁴²Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании 10 июля 1918 г.) // Известия ВЦИК Советов, 1918. № 151 (19 июля). СУ РСФСР, 1918. № 51. Ст. 582. См. также: Первая Советская Конституция (Конституция РСФСР 1918 г.) / Под ред. А.Я. Вышинского. М., 1936.

⁴³Основные проекты опубликованы в кн.: *Гурвич Г.С.* История советской конституции. М., 1923.

(как специфические спонтанно возникшие органы народовластия) стать органами государственной власти; как должны с этих позиций решаться вопросы государственного устройства и управления и каковы вообще должны быть правовые основы нового политического образования. Выяснить связь мифа и конституционного конструирования – значит понять логику формирования, основы легитимности и структурные параметры советского режима, определявшие его развитие до крушения в 1991 г.

2. Коммунистическое общество: государство и личность в переходный период

Доминирующими настроениями в массовом сознании большевистского периода русской революции стали коммунистические идеи упразднения государства, обобществления собственности, уравнительного распределения имущества и введения непосредственной рабочей (профсоюзной) демократии. Именно таково было содержание ряда наивных коммунистически-утопических проектов, представленных в материалах Конституционной комиссии. В них, вполне в духе Коммуны, провозглашались идеи всеобщего равенства, трудовой республики в форме Советов, отмены тюрем и смертной казни, реализации земельного передела, отмены банков, денег и торговли. В перспективе мировой революции проектировалось создание «Мировой Федеративно-демократической республики», «Международного Интернационального Храма Всечеловечества» и «Советов представителей Мировой демократии», принципы деятельности которых должны быть представлены в особом кодексе – «Библии народного социалистического Права»⁴⁴. Эти коллективистско-уравнивательные идеи вполне отвечали настроениям маргинализированных слоев города и деревни, а также «красы и гордости революции» – солдат и матросов, выдвигавших к власти «конституционные» запросы о разделе земель, должностей и зарплат прежних чиновников⁴⁵. Разгоняя Учредительное собрание – «долгожданный все-русский парламент», они убеждали себя, что открывают путь «советской власти» как преддверию коммунизма⁴⁶. Предстояло определить,

⁴⁴См.: Демократическая радикально-социалистическая платформа (Подробный план очередной исторической работы демократии). Доклад Ив. Ив. Филюнина в Комиссию ЦИК по выработке Конституции Сов. Республики (Саратов 30.10.1917–4.01.1918) ГА РФ. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 16. Лл. 1–33 об. Здесь и далее все сноски на архивные документы даются по фондам Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ).

⁴⁵Лист вопросов солдат 6-й батареи 15-го полка тяжелой артиллерийской бригады. Ф. 1235. Оп. 94. Л. 486.

⁴⁶*Дыбенко П.Е.* Из недр царского флота к Великому Октябрю. М., 1958. С. 172–175.

насколько миф Коммуны о фактическом равенстве и непосредственной демократии мог получить конституционное воплощение.

В концентрированном виде различие подходов в Комиссии представлено в дебатах о Декларации, которая должна предшествовать Конституции. Анархо-коммунистическая позиция, представленная в проекте эсеров-максималистов, отрицала по существу необходимость единой Конституции, а в основу декларации предполагала положить принцип прав личности. Трактовка «Трудовой республики» эсерами-максималистами предполагала «организацию общежития на основе равного для всех права на жизнь и обязанности труда для всех трудоспособных членов согласно норм, установленных органами общественной власти и в целях: а) полного уничтожения эксплуатации человека и классового строения общества; б) построения общества на началах коммунизма». Исходя из этого в Декларации должен был получить выражение прежде всего принцип равенства, отступление от которого допускалось только для «лиц, не несущих трудовые повинности», «врагов трудового народа» или лиц, выполняющих сверхобязательную работу. Осуществление данного принципа включало «немедленное и безвозмездное обобществление всего достояния эксплуататоров и паразитов трудового народа» – отмену частной собственности и денег, введение уравнилельно-распределительных методов регулирования экономики, принудительного труда и профессиональное самоопределение трудящихся. Для защиты этих принципов предполагалась норма о противостоянии тирании – «право вооруженного сопротивления и восстания в тех случаях, когда закрыты или бездействуют законные пути или средства для защиты конституции трудовой республики и установленных ею прав». На этих началах предполагалось осуществление коммунизма во всемирном масштабе: «в отношении других государств трудовая Российская республика рассматривает себя как член братской семьи трудовых республик других стран, с которыми она вступает в общение на почве обмена ценностями и в целях трудовой организации свободного человечества»⁴⁷.

В противовес этим идеям в Комиссии был выдвинут «Проект декларации прав и обязанностей трудящихся», разработанный редактором «Известий» Ю. Стекловым, принятый Конституционной комиссией⁴⁸ и официально опубликованный 19 июня 1918 г.⁴⁹ Его принципиальная особенность заключалась, во-первых, в ограничении абстрактных прав

⁴⁷Проект основ Конституции трудовой республики, выработанный Исполнительным бюро союза социалистов-революционеров-максималистов. ГА РФ. Ф.130 (СНК). Оп. 2. Д. 85. Л. 2–9.

⁴⁸Ф. 130. Оп. 8. Д. 159. Л. 4–5.

⁴⁹К выработке Советской конституции. Проект декларации прав и обязанностей трудящихся (принятый комиссией) // Известия ВЦИК Советов рабочих, солдатских и казачьих депутатов. 1918 19 июня. С. 2.

личности сведением их к правам трудящихся; во-вторых, жесткой увязке этих прав с обязанностями, в-третьих, возможностью реализации этих прав исключительно в рамках советских институтов. Идея коммунистического переустройства уступает место идее «всемирной социалистической революции», а освобождение трудящихся, которое «может быть делом только самих трудящихся», оказывается возможным только в рамках диктатуры и их принудительного объединения в Советы рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. В основу данного документа, как показывают материалы его обсуждения, Стекловым были положены три источника: Декларация прав и обязанностей, принятая на III съезде Советов (а ранее в ЦИК); мотивировочная часть Устава II Интернационала; основные положения «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса, «обобщенные воедино с точки зрения логической последовательности». Признавая, что пункт о предполагаемом введении всеобщей трудовой повинности «исключительно режет слух и портит все построение», Стеклов заявил, что у молчать о ней «я считал невозможным»⁵⁰. Критики указали, что проект декларации «длинноват», историческая часть «устарела», «язык тяжел и недостаточно лапидарен», а некоторые понятия, например «трудящиеся», юридически неопределенны (входят ли в него казаки?). Предложение М. Рейснера об использовании в качестве образца Декларации США не получило развития. Основным предметом споров стал вопрос о юридическом определении отношений собственности, поскольку, как отметил А. Шрейдер, «для нас национализированная собственность и общенародное достояние – разные вещи». Большевики, по тактическим соображениям заимствовавшие в ходе переворота эсеровскую программу решения земельного вопроса, использовали неопределенность понятия «социализация» для осуществления собственных целей установления контроля над крестьянством⁵¹. Однако в условиях Гражданской войны (и сохранявшегося союза с левыми эсерами) они не считали целесообразным формально отказаться от данного термина. В результате по предложению Я. Свердлова было принято понятие «социализация земли» как реализованный компромисс большевиков с левыми эсерами, отраженный в принятом законе о социализации земли⁵². В завершающей редакции данного документа упор делается на программные установки

⁵⁰Стенограмма заседания комиссии по выработке конституции РСФСР от 17 мая 1918 г. с приложением проекта Декларации прав и обязанностей трудящихся (Проект Стеклова). Ф. 6980 (Конституционная комиссия). Оп.1. Д. 7. Л. 1-18.

⁵¹Подробнее: *Медушевский А.Н.* Проекты аграрных реформ в России XVIII – начала XXI века. М., 2005. Гл. V: Уравнительный передел земли как форма социальной утопии эпохи аграрной революции.

⁵²Стенограмма заседания Комиссии по выработке конституции РСФСР от 21 мая 1918. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 8. Л. 6, 27.

большевиков о классовых приоритетах «трудящегося и эксплуатируемого народа», власти советов, национальных принципах федеративного устройства, социализации земли и экспроприации собственности и установлении рабочего контроля, введении всеобщей трудовой повинности и вооружении трудящихся, организации братания с рабочими и крестьянами воюющих стран, достижении мира без аннексий и контрибуций, призывах к созданию на этих началах всемирной федерации⁵³. Специально обсуждался вопрос об адресате декларации, в результате чего приняли формулу «мы, трудящиеся»⁵⁴. Под «трудящимися» подразумевался рабочий класс России, который, следуя примеру Коммуны и «заветам Интернационала», «в Октябре 1917 г. низверг свою буржуазию и вместе с беднейшим крестьянством взял в свои руки власть»⁵⁵. «Проект Декларации прав и обязанностей трудящихся», принятый Комиссией и опубликованный для обсуждения⁵⁶, содержал, однако, определенные уступки эсеровской программе и в конечном счете был отвергнут⁵⁷. В окончательный текст Конституции вместо него был включен, как известно, более жесткий текст Декларации, написанный Лениным.

Реакция последовала незамедлительно: «Стоящая на уровне бабьих манифестов Декларация прав, предложенная Лениным и Троцким, как новое слово, имеющее затмить декларацию прав человека и гражданина 1789 года, – считали меньшевики, – пропитана от первого слова до последнего тем упрощенным “уравнительным” социализмом мелких собственников и люмпенов (босяков), в котором предусмотрено все... кроме социалистической организации производства»⁵⁸. Сами разработчики Конституции (Рейснер) признавали, что «власть, которая имеется сейчас, страшная власть, деспотическая»⁵⁹. Другие аналитики определяли новую систему как «красную деспотию» (Н. Тимашев)⁶⁰ или «необыкновенно увеличенный иезуитский колледж» (Б. Рассел)⁶¹, а позднее как своеобразный аналог «Восточной деспотии» (К. Витт-

⁵³Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (в редакции Стеклова). Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 64–66.

⁵⁴Стенограмма заседания комиссии по выработке Конституции за 17 мая – 26 июня 1918 г. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.

⁵⁵Заседание комиссии от 17 июня 1918 г. с приложением проекта Декларации прав и обязанностей трудящихся (17 июня 1918 г.) Прот. № 7. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 9. Л. 5.

⁵⁶Известия ВЦИК. 1918. № 87 (351).

⁵⁷Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, утвержденная 3-м Всероссийским съездом Советов и Конституция РСФСР, принятая на заседании 5-го Всероссийского съезда советов 10 июля 1918 г. за подписью Свердлова. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 2. Ф. 1235. Оп. 94. Л. 19, 238–240.

⁵⁸Меньшевики в 1918 г. М., 1999. С. 135.

⁵⁹Ф. 6980. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

⁶⁰Тимашев Н.С. Политическое и административное устройство СССР. Париж, 1931. С. 18–31.

⁶¹Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991.

фогель)⁶². Рациональное зерно всех этих определений заключалось в одном: индивид полностью интегрировался в систему коллективных социальных коммуникаций, единственным выразителем которых становилось идеократическое государство, а когнитивная и правовая автономия личности полностью растворялась в метафизическом постулате об интересах и обязанностях «трудящихся».

3. Коммунистическое государство: федерация, суверенитет, структура и функции институтов власти

Распад унитарной Российской империи ставил проблему государственного устройства на принципах децентрализации. Общей формулой этого процесса стал федерализм, который последовательно отвергался как правыми и умеренными либеральными партиями, так и значительной частью левых теоретиков государственного устройства (хотя и по противоположным причинам). Еще менее уместной представлялась им непосредственная увязка проблемы федерализма с решением вопросов национально-государственного устройства, тем более с учетом крайней неопределенности самого понятия нации и особенностей их формирования в Российской империи. Логика конструирования советской концепции федерализма отражена в ходе разработки Конституции РСФСР 1918 г., выявившей ключевые противоречия принятой модели и факторы, способствовавшие ее принятию. Однако при его обосновании были представлены три принципиально различные концепции: территориально-производственная, корпоративистская и национально-территориальная.

Первая, территориально-производственная, концепция федерализма представлена идеей государства-коммуны как выражения воли профсоюзных объединений. «Трудовая республика, – в понимании эсеров-максималистов, – есть политически федеративное государство с широкой автономией отдельных областей и народов, ее составляющих»⁶³. Согласно проекту приват-доцента Н. Ренгартена, федеративное государство – это союз пяти профессиональных федераций – земледельцев, промышленных рабочих, служащих торговых предприятий; служащих у государства (чиновники); служащих у частных лиц (прислуга)⁶⁴. «Во

⁶²Wittfogel K. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven; L., 1957.

⁶³Проект основ Конституции трудовой республики, выработанный Исполнительным бюро союза социалистов-революционеров-максималистов. Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 2.

⁶⁴Проект, составленный приват-доцентом Н. Ренгартеном. Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 10–16. См. также: Статьи проекта конституции (Составлены приват-доцентом Ренгартеном). Ф. 1235. Оп. 94. Д. 19. Л. 241–247.

внутреннем своем устройстве федерации вполне самостоятельны и наделены возможно широкими полномочиями», вырабатывают свои собственные конституции «в пределах, установленных общей союзной властью». Вместо традиционного типа государства, построенного на принципе народного суверенитета, конструируется «сложное государство» – союз профессиональных организаций. Общая союзная власть, носящая надпрофессиональный характер, состоит из центральных и местных органов. Центральными организациями являются Верховный союзный конгресс, Союзный Совет, Союзный Трибунал и Союзный Суд (последние два органа, в зависимости от организации суда, могут быть объединены)⁶⁵. Данный подход не исключал использования опыта других государств (США, Австралийский союз, Австрия и Венгрия) при конструировании органов центральной власти⁶⁶, но предполагал синдикалистский порядок их формирования. Территориально-производственный принцип, однако, был отвергнут разработчиками на том основании, что в стране «еще не закрепилось твердое преобладание крупных областных центров», нет четких критериев их выделения, а каждый из них может сам рассматриваться как своеобразная федерация меньших коммунальных образований⁶⁷.

Корпоративистская (или «коммунальная») трактовка государства, представленная М. Рейснером, видела основу суверенитета в объединении союзов различного типа – коммун⁶⁸. Рейснер выдвинул свою собственную концепцию федерализма, которая определена как коммунитарная. Отвергнув традиционные формы федерализма, основанные на национальном и территориальном принципах, он выдвинул идею организации республики на основании союзов, «составленных на местах федеративных общин» с региональными и центральными съездами советов – от съезда коммунальных Советов в провинции к областям и съезду Советов РСФСР. Завершением становилось создание «великой федерации будущего: от федерации коммун к федерации вселенной». Опираясь на теоретиков корпоративизма Л. Дюги и Г. Еллинека, Рейснер считал, что основным принципом конструирования институтов должно быть «не представительство лиц, а представительство интересов» – социально-классовых (рабочие, крестьяне, батраки), профессиональных (фабзавкомы, профсоюзы, союзы служащих), экономических (кооперативы, земельные комитеты) и политических (партии коммунистиче-

⁶⁵Проект, составленный приват-доцентом Н. Ренгартемом. Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 13–15.

⁶⁶Функции центрального правительства в Федеративных государствах: Записка. Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 68–74 об.

⁶⁷ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 66. Л. 25.

⁶⁸Доклад члена Комиссии М.А. Рейснера об основных началах Конституции РСФСР. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 12. Л. 97а–113.

ской и левоэсеровской направленности). В рамках данной конструкции институтов власти, считал он, возможна нейтрализация и примирение отдельных эгоистических интересов, открывающая «путь к необходимой гармонии, на почве подчинения интересам целого, воплощенном в Совете»⁶⁹.

В тезисах Рейснера о сущности власти эта конструкция выглядит следующим образом: РСФСР есть «свободное, социалистическое общество всех трудящихся», объединенных «в классовые, трудовые, профессиональные, хозяйственные и политические союзы», которые «составляют на местах федеративные общины для ведения социалистического хозяйства, для организации государственной жизни и культурной деятельности» и «именуются коммунами». Во главе каждой из них стоит Совет рабочих, крестьянских, казачьих, батрацких, и вообще трудовых депутатов, формируемый из выборных представителей соответствующих «хозяйственно-общинных союзов и соединений». В случае победы мировой революции и образования Федеративного Союза соединенных социалистических федеративных республик, Российская республика входит в него на тех же основаниях «в целях всеобщего торжества социализма, преуспевания, мира и братства народов». В целом построение политической системы должно вестись не сверху, а снизу – путем концентрации полномочий в региональных структурах власти и институтах с последующим их делегированием в центр⁷⁰. В качестве основания для таких построений приводилось устройство наиболее развитой Кронштадтской коммуны⁷¹, Советов Западной области⁷², Тверского Совета, Можайского, Гжатского и Курского советов, уставы уездных советов (например, Касимовского)⁷³. Но ими вполне могли стать и более крупные политические образования, возникшие в процессе децентрализации власти, о чем свидетельствует, например, «Проект организации федеративной советской власти в Сибири»⁷⁴. Данные проекты, стремившиеся перевести на правовой язык идею государства-коммуны, страдали идеализмом, тенденцией к децентрализации и плохо соотносились со стремлением большевиков легитимировать собственную власть.

Национально-территориальный принцип построения федерации формально был выдвинут И. Сталиным в противоположность коммунитар-

⁶⁹Об основных началах Конституции Р.Ф.С.С. Республики: Доклад члена Комиссии М.А. Рейснера. Ф. 130. Оп. 2. Д. 86. Л. 20–35; Ф. 130. Оп. 2. Д. 66.

⁷⁰Ф. 6980. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

⁷¹Постановления и резолюции Кронштадтского совета рабочих и солдатских депутатов. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 13. Л. 27–32.

⁷²Ф. 6980. Оп. 1. Д. 13. Л. 37.

⁷³Устав для членов Исполнительного комитета Касимовского уездного Совета Советов. Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 54–58.

⁷⁴Проект организации федеративной Советской власти в Сибири. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 13. Л. 20–21.

ной концепции Рейснера, которую он определял как анархо-синдикалистскую. Сталин, по его признанию, вовсе «не принадлежал к тем людям, которые при упоминании слова “анархизм” презрительно отворачиваются», но видел его коренной недостаток в противопоставлении личности – массе и отрицании классовой диктатуры⁷⁵. В представленных Сталиным тезисах «О типе Федерации Российской советской республики» она определялась как переходный политический режим в форме «диктатуры пролетариата и деревенской бедноты», а государственное устройство – как федерация автономий. «Исходными пунктами Конституции, – считал Сталин, – должны быть: с одной стороны решение III съезда Советов о Российской Советской Республике, “как федерации Советских республик”, “народов России”, и с другой стороны – наличие “областей, отличающихся особым бытом и национальным составом”, т. е. областей, населенных отдельными народами, требующими широкой автономии на основе федерации». Интересы этих национальных субъектов федерации должны быть представлены автономными органами ВСНХ⁷⁶ или «соответствующими органами СНК»⁷⁷. В рамках этой концепции Федеративная Социалистическая республика есть «свободный союз», вся власть в котором осуществляется «трудовым населением через Центральные и Местные Советы и Съезды Советов рабочих, солдатских, крестьянских, батрацких и иных трудовых депутатов». Включение конфедеративного принципа (права на выход из союза) было связано с мессианскими тенденциями большевизма, декларировавшего всем народам право вступления в федерацию «на началах полного равенства и свободы по решению соответственных Рабочих и Крестьянских Советов или им подобных классовых установлений трудящегося населения», а «при образовании Федеративной Социалистической Республики народов Европы или всего мира, Российская Республика входит в состав мирового или европейского союза» на тех же классовых основаниях⁷⁸.

Концепциям децентрализованной профсоюзной или коммунальной демократии большевиками была противопоставлена централистская модель власти. Она получила четкое выражение в проекте Сталина – «Общие положения Конституции Рос. Соц. Сов. Федерат. Республики», сохранившемся в разных редакциях⁷⁹. В основу трактовки суверенитета

⁷⁵Сталин И.В. Анархизм или социализм? М., 1949. С. 4.

⁷⁶О типе федерации Российской советской республики (приписка карандашом – «Сталин»). Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 79.

⁷⁷О типе федерации Российской Советской власти. Тезисы Сталина. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 2. Л. 81.

⁷⁸О федеральных учреждениях Российской Республики. Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 77.

⁷⁹См. две редакции проекта Сталина: «Общие положения Конституции Р. Сов. Фед. Республики» и «Общие положения Конституции Рос. Соц. Фед. Сов. респ.» Ф. 6980. Оп. 1. Д. 12. Л. 80–82.

положен уже не национальный, а классовый принцип: формирование институтов советской власти подчинено задачам переходного периода диктатуры⁸⁰. В расширенном виде эта концепция представлена в другой редакции документа – «Общие положения Конституции Российской Советской Федеративной Республики (Проект Сталина)». Российская Республика определяется как «свободное социалистическое общество всех трудящихся России, объединенных в городские и сельские совдепы рабочих и крестьян». Для управления национальными областями они объединяются в автономные областные республики, во главе которых стоят областные съезды совдепов и их исполнительные органы. Все областные советские республики объединяются на началах федерации в Российскую Социалистическую Республику, во главе которой стоят Всероссийский Съезд Совдепов, ВЦИК и их исполнительный орган, СНК. Подобная организация «мощной всероссийской политической власти» вполне соответствовала задачам формирующейся диктатуры и предполагала направленное конструирование переходного «аппарата власти» сверху вниз⁸¹.

Централистская модель построения политической системы была представлена в «Схеме Конституции», разработанной Стекловым и положенной в основу работы Комиссии. Представленный им «План Советской Конституции» четко соответствовал концепции Коммуны как «Республики Советов» и подразумевал ее централистско-иерархическую интерпретацию. Вводная часть включала декларацию прав трудящихся – «социализм как цель; самодеятельность трудовых масс как средство; интернационализм; права и обязанности трудящихся перед социалистическим отечеством и перед Интернационалом». Структурную основу Республики составляет принцип «федерации наций» и подразделение власти на федеративную и центральную. В рамках этой системы была выстроена иерархия советов (волостные, городские, уездные, губернские, областные, федеративные), компетенции их органов во главе с Всероссийским Съездом Советов, ВЦИК и СНК, причем предполагалось конституционно разрешить вопросы соотношения федеративных и региональных советских структур, их формирования, бюджетного права и распределения ответственности⁸².

Неопределенность конструкции федерализма выражалась в отсутствии единого названия будущего государства: оно определялось с по-

⁸⁰Общие положения Конституции Рос. Соц. Сов. Федерат. Республики (Проект Сталина). Ф. 6980. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁸¹Общие положения Конституции Российской Советской Федеративной Республики (Проект Сталина). Ф. 6980. Оп. 1. Д. 12.

⁸²«План Советской Конституции» Стеклова. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 1. Л. 7. об.; Д. 12. Л. 147; См. также: План Советской Конституции (Стеклова). Ф. 1235. Оп. 94. Л. 19, 226–227.

зий коммунистического конфедерализма как «Трудовая республика» и «Федеративная социалистическая республика», с позиций классового унитаризма как «Российская социалистическая республика» или «Российская социалистическая советская республика», или с позиций национально-территориального автономизма как «Российская социалистическая федеративная советская республика» и т. д., что отражало нестабильность представлений о месте федеративного принципа в государственном устройстве создаваемой РСФСР.

4. Неразрешимая дилемма: конфликт коммунистического и национального принципов государственного устройства

В ходе дискуссии в Комиссии центральной темой оказался вопрос о соотношении базовых принципов федерализма, национализма и советизации. Основной докладчик по этой проблеме Рейснер, имея в виду программный «идеал социализма» и ссылаясь на опыт Швейцарии, настаивал на отказе от традиционного национально-территориального принципа построения федерации, заявляя, что в основу следует положить коммунитарный принцип, создав федерацию коммун – «живых единиц» политической власти, способных через советские институты выразить различные (национальные, социальные и экономические) региональные интересы трудящихся масс. Подобная структура федерализма, по его мнению, позволяла совместить коммунизм и национализм: самоуправление наций не отменяется, а реформируется через советы, построено на принципах не национального, но территориального представительства, что не мешает советам отстаивать национальные интересы⁸³. Этот тезис был поддержан левым коммунистом М. Покровским, заявившим, что положение о национальном принципе самоопределения «нужно совершенно оставить, мы строим свою федерацию отнюдь не на национальном принципе», тем более что его могут использовать классовые враги, например немцы, поддержав идею самоопределения Эстляндии и Лифляндии⁸⁴. «Если мы примем в основу проект т. Сталина, – говорил он, – то мы не уйдем от того хаотического положения, которое существует сейчас, потому что эта резолюция не отвечает ни на один вопрос»⁸⁵. Были отвергнуты и формальные аргументы сторонников национального принципа: когда III Съезд Советов принял декларацию о федерализме, разъяснял Стеклов, речь шла о Финляндии, Украине, Белоруссии. Раз их нет (после Брестского мира), то «никакой федеративной республики нет и это слово потеряло всякий смысл».

⁸³Ф. 6980. Оп. 1. Д. 5. Л. 14–17.

⁸⁴Стенограмма заседания Комиссии от 10 апреля 1918 г. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 4. Л. 5–6.

⁸⁵Там же. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

Сталин в альтернативном содокладе, напротив, настаивал, что следует говорить о «Российской республике как о федерации советских республик народов России, причем подчеркивается как объективная единица область, отличающаяся особым духом, национальным составом населения, единым населением». «План тов. Рейснера, – резюмировал он, – я считаю неподходящим»⁸⁶. Данный подход не устраивал его анархической «вакханалией федерализма» – возможностью произвольной группировки территорий, в результате чего «возникнут у нас сотни единиц, отношения с которыми будет устроить крайне трудно»⁸⁷. Швейцарской модели федерализма была противопоставлена модель Американских Штатов, где, по мнению Сталина, существует «государство федеративное, но штаты передали 2/3 власти федеральному правительству». «К этому типу федерализма мы идем»: «разница чисто классовая».

Трактовка федерализма на национально-территориальной основе вступала в очевидное противоречие с проектом государства-коммуны, что не замедлили подчеркнуть оппоненты большевиков – максималисты, левые эсеры и коммунисты. Первые (А. Бердников) вообще не видели смысла в федеративной структуре: «от принципа федерации надо отказаться, все законные интересы можно удовлетворить понятием автономии», вторые отрицали предложенную трактовку национального детерминированного федерализма. «Построение тов. Сталина, – заявил А. Шрейдер, – это типичное империалистическое построение, типичный кулак, который к тому же, не стесняясь, заявляет, что он кулак. Тов. Сталин настолько привык к такому положению, что в совершенстве усвоил себе даже империалистический жаргон, – “От нас требуют – мы даем”». «Это все та же самая, совершенно непонятная для меня, психология, которая остается пережитком старого и от которой надо отказываться»⁸⁸. Каким образом, спрашивал он, национальный принцип соотносится с классовым? «Будьте логичны – говорил Шрейдер, – ведь в национальность входят все классы (голос: советская национальность). Что значит советская национальность? Советская национальность еще пока не существует (голос: советы – национальное учреждение). Советы не национальное учреждение, а учреждение классовое. Невозможно называть его национальным. Я не понимаю происходящего здесь смешения понятий»⁸⁹.

⁸⁶Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции от 12 апреля 1918 г. и тезисы о типе федерации Российской республики. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

⁸⁷Стенограмма заседаний комиссии от 19 апреля 1918 с приложением проектов Общих положений Конституции РСФСР И.В. Сталина и других членов комиссии. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

⁸⁸Ф. 6980. Оп. 1. Д. 5. Л. 22.

⁸⁹Стенограмма заседания Комиссии от 12 апреля 1918 г. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.

Ключевым вопросом в этом споре стала концепция нации: понимать ли ее как незыблемую территориально-культурную идентичность (позиция Сталина) или, скорее, классово-психологическую идентичность, основанную на индивидуальном выборе. Отрицая первый подход как основу построения государства, Шрейдер считал, что «нация – это персональный союз, нельзя связывать его с каким-либо местом». Национальный принцип построения государства поэтому неприемлем: «Это, – говорил он, – логически совершенная нелепость! (Сталин: почему?). Я вам приведу в пример такую нацию, как евреи (Сталин: евреи – не нация). Ну, конечно, это легко сказать! Но вы никогда не сможете доказать, что евреи не нация! (Сталин: спросите у Каутского). Я не знаю, спросить ли Каутского, но я смотрю своими глазами. Я вам скажу, что когда нация лишается территории, она не перестает быть нацией» (приводит в пример Польшу)⁹⁰. В результате Шрейдер предлагал вернуться к традиционному административно-территориальному делению (на губернии и волости) как основе построения советских институтов. Позднее эти идеи получили развитие в его новом проекте, представлявшем альтернативу принятой советской конституции⁹¹.

Апелляция к идеалу Коммуны в качестве новой государственной идентичности была отвергнута большевиками, а проект Рейснера определен как «совершенно непригодный» (коммуна не есть представительство групп и интересов, но отдельных лиц). Вопреки логике «борьбы классов» национальный принцип построения федерации был принят за основу как тактическое решение. Как разъяснил Я. Свердлов, при всей его спорности, он должен быть сохранен для переходного периода: «вырабатываемая нами конституция Советской республики – это есть конституция для переходного периода», «мы своей конституцией преследуем не только теоретические цели, но и практические, в частности упрочение Советской республики, мы должны чрезвычайно опасаться ударять прямо в лицо несомненно существующим у нас национальным тенденциям»⁹². По тем же причинам он поддержал сохранение положения о национальном самоопределении, которое в данный исторический момент является «боевым пунктом»: «именно за боевизм мы сохранили этот пункт, именно потому, что этот пункт давал нам возможность разгромить всякое шовинистическое движение, именно потому этот пункт остается несомненным»⁹³. Другие участники дискуссии (А. Смирнов) заявляли, что принятие коммунального подхода (в принципе приемлемого

⁹⁰Ф. 6980. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.

⁹¹Шрейдер А. Федеративная советская республика // Республика Советов. Берлин; Милан, 1920.

⁹²Стенограмма заседания Комиссии от 10 апреля 1918 г. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.

⁹³Стенограмма заседания Комиссии от 10 апреля 1918 г. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 4. Л. 17–18.

на будущее) в существующей ситуации приведет к «хаосу» – раздроблению ресурсов, конфликту между коммунами, сепаратизму, в результате которого «завтра же от советской республики останутся только рожки да ножки...». В текущей перспективе поэтому необходимо «определить задачи, функции, обязанности советских организаций, советской власти, начиная снизу доверху в смысле его федеративного устройства»⁹⁴. «Каждый день, – заявлял М. Лацис, – нам приходится убеждаться в том, что нельзя федерацию понимать как федерацию отдельных коммун, а если можно говорить о федерации, то только о федерации областей». Решающим аргументом в споре стала позиция Ленина о проекте Рейснера, объявленная Сталиным: «Тут ссылаются на т. Ленина. Я позволил себе заметить, что Ленин, насколько мне известно, а мне известно хорошо, сказал, что этот проект ни к чему»⁹⁵. В результате при голосовании в Комиссии с небольшим перевесом (5 к 3) возобладала позиция Сталина, а его тезисы – «Общие положения Конституции Российской Советской Федеративной республики» – были положены в основу решения вопроса. В документах Комиссии отмечено: «Принято на заседании 19.04.18 г.». Заключительный протест Покровского о том, что «эта федерация приведет к увековечению национализма» и его предложение «вынести из названия страны слово “федеративная”» были отвергнуты. «Федерация остается» – резюмировал Свердлов⁹⁶. Так был решен фундаментальный вопрос о структуре будущего государства, спровоцировавший грядущие противоречия, а в конечном счете – его распад в 1991 г.

5. Советский принцип как попытка разрешения противоречия

Третьим принципом конституционного конструирования (наряду с коммунитарным и национальным) следует признать советский. Советский принцип получил в Комиссии три различных схематических трактовки административного устройства: 1) советы как выражение структуры и взаимодействия общественно-профессиональных организаций и политических партий⁹⁷ или профсоюзов (в «Статьях проекта Конституции» Ренгартена)⁹⁸; 2) система государственных институтов представительной демократии трудящихся, имеющая определенное сходство с дореволюционными земскими учреждениями (проект члена коллегии

⁹⁴Стенограмма заседания Комиссии от 10 апреля 1918 г. Ф. 6980. Оп.1. Д. 4. Л. 13–14.

⁹⁵Стенограмма заседаний комиссии от 19 апреля 1918 г. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.

⁹⁶Там же. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 6. Л. 28.

⁹⁷Проект основ Конституции трудовой республики, выработанный Исполнительным бюро союза социалистов-революционеров-максималистов. Ф. 130 (СНК). Оп. 2. Д. 85. Л. 2–9.

⁹⁸Ренгартен Н. Статьи проекта Конституции. Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 10–16.

Наркомюста А. Шрейдера и его подкомиссии – «Учреждении Советов»⁹⁹⁾ и 3) предельно иерархизированная пирамида органов, делегирующих свои полномочия снизу вверх, главной функцией которых становится проведение решений центральных политических институтов власти на местах («Схема Конституции» Щепанского¹⁰⁰⁾ и проект Лациса – Бердникова «О российских советах»¹⁰¹⁾. Компромиссная позиция отражена в альтернативном проекте Конституции РСФСР, разработанном в коллегии Наркомюста под редакцией М.А. Рейснера и А.Г. Гойхбарга, авторы которого стремились совместить единую централизованную систему советских институтов с установлением жестких конституционных рамок их деятельности и расширением прерогатив местных советов¹⁰²⁾. Отказ Комиссии от коммунитарного принципа построения советов не привел к принятию их трактовки как представительных учреждений (отвергнутой как «мелкобуржуазная») и фактически означал установку на выстраивание советской власти, облегчающей манипулирование ею из центра. Федеративный компонент системы, при его формальном признании, оказался последовательно элиминирован в структурной или финансовой автономии советов. В направленном Ленину проекте формирования общегосударственного бюджета – «росписи государственных доходов и расходов» и структуре налогообложения о федерализме не сказано ни слова, а решение соответствующих вопросов отнесено всецело к компетенции Всероссийского съезда совдепов и ЦИК¹⁰³⁾.

Советы – спонтанно возникшие революционные институты, выражавшие традиционалистские (восходящие к родовому быту), аграрно-коллективистские и уравнилельно-распределительные представления крестьянства, не были полноценными органами власти (и не рассматривались в качестве таковых большинством партий), что не помешало большевикам эффективно использовать их в целях массовой мобилизации и захвата власти. Декларативно провозгласив их органами власти (в качестве антитезы Учредительному собранию) и закрепив

⁹⁹⁾Оглавление учреждения советов. Проект, предложенный тов. Шрейдером. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 3. Л. 37–43.

¹⁰⁰⁾Схема Конституции, составленной членом компартии тов. Щепанским (Прислано в Комиссию по выработке советской Конституции из отдела местного управления НКВД 25 мая 1918 г. Документ датирован 14.05.18). Ф. 130. Оп. 2. Д. 86. Л. 5–17.

¹⁰¹⁾Стенограмма заседания Комиссии от 19 июня 1918 г. с приложением проекта «О российских советах» (проект подкомиссии Лациса и Бердникова). Ф. 6980. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–13.

¹⁰²⁾Проект Конституции под ред. Рейснера и Гойхбарга опубликован: Известия, 1918 (1 июля). См.: Конституция РСФСР (Проект, разработанный коллегией Нар. Ком. Юстиции с участием редакторов М.А. Рейснера и А.Г. Гойхбарга // *Гурвич Г.С.* История советской конституции. Приложение XXVII. С. 200–216.

¹⁰³⁾«К проекту Советской Конституции по финансовой части» (пометка карандашом: «Владимиру Ильичу»). Ф. 130. Оп. 2. Д. 30. Л. 28.

этот постулат в решениях II и III съездов Советов, большевики в ходе разработки конституции столкнулись с трудностью их юридического оформления. Неопределенность советского принципа констатировал Стеклов: «каковы в деталях взаимные отношения этих органов и организаций друг к другу, каковы, в частности отношения местных властей к центральным, как должно понимать практическое осуществление федеративного устройства республики и какой принцип надлежит класть в его основание, как должна или не должна проводиться группировка отдельных советов в более широкие единицы (например, в области) и т. д., и т. п. – все эти вопросы до сих пор разрешались в отдельных местах по отдельным поводам в зависимости от условий времени и места, причем зачастую решение их не определялось ясно сознанными или планомерно проводимыми принципами». Выяснилось, что советский строй «представляет настолько оригинальное явление во всемирной истории», что «подходить к нему с определенными мерками, заимствованными из теории и практики традиционного государственного права, совершенно не приходится». Предоставив осмысление этой «творческой работы» теории государственного права будущего, разработчики конституции согласились, что «она будет принята во внимание комиссией при выработке ее проекта, преследующего главным образом непосредственно практические цели»¹⁰⁴.

Неэффективность Республики Советов как самостоятельной формы правления была очевидна уже в момент публикации Комиссией ее первого документа – «Проекта положения о Российских Совдепах», изданного 17 мая 1918 г.¹⁰⁵ Кадетская печать показала полную противоположность данного проекта демократическим принципам. «Свобода, равенство, братство и, как путь к этому, всеобщее, равное, прямое, тайное, пропорциональное право, – писал А. Винавер. – Прекрасная мечта опьяняла нас. Голова кружилась от избытка и близости возможных достижений». «Проект конституции, той русской конституции, о которой год тому назад нам трудно было думать без ликующего восторга», оказался полной противоположностью этим чаяниям. Он представляет собой «создание, лишненное крови, плоти и жизни», отменяет принцип равенства и прямого голосования, вводит многоступенчатую (двух-, трех-, и в некоторых случаях даже четырехступенную) систему выборов в верховный представительный орган страны – «в всероссийский совдеп», подменяет представительство народа представительством «разнообразного рода “совдепов” – больших, среднего размера, малого

¹⁰⁴Стеклов Ю. Конституция Советской России // Известия ВЦИК. 1918. № 65 (4 апреля).

¹⁰⁵Отклики печати на «Проект положения о Российских Совдепах». Ф. 130. Оп. 8. Д. 159.

калибра и совсем маленьких». Такова «реальная действительность весны 1918 года»¹⁰⁶.

Критики показали, что «российские Сийесы» во главе с Рейснером не предложили никакой убедительной новой структуры власти – «не пытаются заново перестроить органы власти», но стремятся «зафиксировать в правовых формах ныне действующие учреждения, внести единообразие в их организацию и деятельность». В большевистском проекте конституции «есть всё кроме конституционных гарантий разумного правопорядка: и лишение значительной части граждан политических прав, и куриальная система в худшем из возможных ее видов, и простор для произвола исполнительной власти в пользовании конституционным законом в политических целях. Советская конституция поистине достойно венчает здание»¹⁰⁷. Официальная реакция на эту критику исключала содержательную дискуссию, объявляя все аргументы оппонентов коммунистической конституции тенденцией «всероссийской буржуазной реставрации»¹⁰⁸. В конституционных проектах Белого движения 1918–1919 гг. находим гораздо более реалистичную трактовку государственности переходного периода: здесь присутствует, правда, широкий разброс мнений о перспективной модели политического устройства – от Конституанты и Директории до единоличной военной диктатуры¹⁰⁹. Однако подобная диктатура рассматривалась не как постоянная, но чрезвычайная форма правления, необходимая для объединения страны (с сохранением областной автономии и земских учреждений) с целью восстановления правовой преемственности, утраченной с большевистским переворотом¹¹⁰. Практические попытки создания демократической политической системы путем созыва Учредительного собрания и формирования Временного правительства предпринимались в различных регионах страны, в частности – в Сибири (Уфимская директория)¹¹¹. По сравнению с ними многоступенчатая советская структура власти выступала чистой архаикой, в том числе с позиций идеала государства-коммуны.

На несоответствие советской модели образцу Коммуны указывали левые (в том числе коммунистические) критики. Во-первых, отмечал

¹⁰⁶ *Винавер Ал.* Мечты и действительность // Раннее утро. 1918. № 89. 19 мая.

¹⁰⁷ Советская Конституция // Советская Россия. 1918. № 27 (17 (4) мая).

¹⁰⁸ Конституция не нравится! // Правда. 1918. № 97. 19 мая.

¹⁰⁹ Всероссийский национальный центр. М., 2001.

¹¹⁰ См.: *Кудинов О.А.* Конституционные проекты Белого движения и конституционно-правовые теории российской белоэмиграции (1918–1940-е гг.). М., 2006; *Цветков В.Ж.* Белое дело в России 1917–1919 гг. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. М., 2008–2009. Т. 1–2 и др.

¹¹¹ *Fic V.M.* The Rise of the Constitutional Alternative to the Soviet Rule in 1918: Provisional Government of Siberia and All Russia: Their Quest for Allied Intervention. N.Y., 1998.

А.А. Богданов, в отличие от Парижской коммуны, она опирается не на всеобщие выборы, но на куриальную и многоступенчатую их систему, отсекающую целые слои населения; во-вторых, «как постоянный государственный порядок эта система, очевидно, гораздо менее совершенна, чем парламентарная демократическая республика, и, в сущности, прямо непригодна», в-третьих, «какое же это “государственное устройство”, при котором решающее голосование по самой конституции проводится с оружием в руках?» В ленинской модели государства-коммуны и ее конституционном воплощении он усматривал проявление «донаучного ребяческого коммунизма» и «господство голой демагогии». При реализации этого плана, полагал Богданов, «судьба русской коммуны оказалась бы такая же, как и Парижской»¹¹². Эсеры-максималисты видели в конституции опасность «комиссародержавия» – «уродливую болезнь советского строя», «язву», подтачивающую «молодой, неокрепший организм трудовой России». В период принятия Конституции (совпавший с восстанием левых эсеров) они требовали «уничтожения диктатуры партийных комитетов и фракций» и «очистки Советской власти от единоличных диктаторов» и черносотенцев, выдвигали коллегиальное начало в управлении как «гарантию от единоличного произвола»¹¹³. Они отстаивали необходимость модификации проекта по трем направлениям – преодоление неравного представительства от разных групп трудящихся; изменение типа этого представительства – его «выпрямление»; расширение состава ЦИК и повышение коллегиальности в управлении комиссариатами и ведомствами. На практике констатировалась недееспособность советского «парламента»: «Законодательствовал в конечном счете Совет Народных комиссаров, а ЦИК только расписывался и то не всегда»¹¹⁴. Общая оценка документа была очень критична: «Эта отныне имеющаяся у нас писанная конституция лишена каких-либо видов на будущее и вместо углубления и развития советских и революционных начал она стремится закрепить ту неопределенную, запутанную, противоречивую практику нашей Республики, со всеми ее чертами, свойственными немощной, ущербленной после нашей революции, попавшей в тиски после Бреста»¹¹⁵. Рейснер вынужден был признать, что никакой коммунистической «науки государства Советов» нет, их создание идет в режиме импровизации, а оценки советов варьируются от признания их средневековым институтом до выражения анархического хаоса,

¹¹²Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М., 1990. С. 405.

¹¹³Союз эсеров-максималистов. Документы и публицистика 1906–1924 гг. М., 2002. С. 135–139.

¹¹⁴Там же. М., 2002. С. 154–155, 160.

¹¹⁵Конструкция Советской власти // Союз эсеров-максималистов. Документы и публицистика 1906–1924 гг. М., 2002. С. 162.

предполагающего возврат к традиционным конституционно-правовым институтам¹¹⁶.

В целом, конфликт трех конституирующих принципов не получил содержательного правового разрешения. Логика работы Комиссии определялась когнитивным редукционизмом: последовательным переходом, во-первых, от идеи коммунистической федерации к национально детерминированной (с сохранением конфедеративного принципа сессии); во-вторых, от декларируемого федеративного принципа к автономизации; в-третьих, сведение последней к ограниченному классовому представительству, выражением которого становилась иерархизированная вертикаль советских институтов. При очевидном противоречии коммунистического принципа национальному (допущенному исключительно из тактических соображений), советский принцип (особенно при очевидной неопределенности его трактовки) оказывался наиболее приемлемым институциональным решением для формирующейся однопартийной диктатуры.

6. Классовая сегрегация: принципы советской избирательной системы

Конструирование избирательной системы изначально было подчинено трем целям: закрепить захват власти, нащупать социальную опору и отразить сопротивление оппозиционных сил. Разработка Конституции 1918 г. связана с направленным поиском и формированием социальной базы большевистского режима в крестьянской стране. Узость этой социальной базы определялась низким уровнем капиталистического развития страны, абсолютным преобладанием крестьянского населения, значительным весом маргинализированных слоев города и деревни (около трети всего населения) и слабостью позиций опоры большевиков – формирующегося рабочего класса в экономике и социальной структуре общества при общей тенденции к быстрому увеличению (если в конце XIX века численность наемных рабочих составляла 10 млн человек, то к моменту революции увеличилась почти в 2 раза при общем росте населения страны в 1,4 раза)¹¹⁷. Формирующийся средний класс был очень слаб, несмотря на активную роль интеллигенции в политической жизни¹¹⁸. Таким образом, так называемый «пролетариат» составлял незначительную часть населения на фоне преобладания маргинализированных и деклассированных элементов города и

¹¹⁶Рейснер М.А. Советская конституция: обзор литературы // Печать и революция, 1921. Кн. 3. С. 124–133.

¹¹⁷Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. М., Наука, 1958. С. 171; Писарев И.Ю. Население и труд в СССР. М., Наука, 1961. С. 33.

¹¹⁸Средние слои современного капиталистического общества. М., 1969. С. 480

деревни, ставших в условиях напряжения мировой войны питательной средой для социального взрыва, но не для последующей консолидации режима. Маргинализированные слои города и деревни, особенно их военизированная часть, в сравнении с основной массой обладали меньшей инертностью и большей подвижностью, разрушительной социальной энергетикой, высоким уровнем социальных ожиданий и запросов, склонностью к деструктивной «революционной» активности и применению насилия для достижения своих целей. Для них поэтому как показал еще П. Сорокин¹¹⁹, был характерен более высокий уровень фрустрации и социальной мобильности (как способа ее компенсации) в сочетании с психологическим драйвом к авторитаризму. Его выражением в нацистской Германии становился феномен «бегства от свободы» (Э. Фромм), в большевистской России – «классовая» теория демократии («пролетарской диктатуры»). На этом фоне понятны когнитивные рамки и установки, доминировавшие в ходе обсуждения избирательной системы и первых экспериментов по ее внедрению. Их общий смысл заключался в том, чтобы отделить основную массу населения от принятия политических решений, доверив эту функцию «избранным» слоям общества, выстроив их иерархию по степени лояльности к власти, ее поддержки и возможности участия в контролируемых ею институтах.

Общие принципы советской избирательной системы хорошо известны¹²⁰. Интерес представляет сам процесс выработки ограничительных принципов. Доминирующим трендом стало определение критериев регулирования института выборов по классовому принципу. Таким критерием (в проекте Рейснера) являлось неопределенное общее отношение избирателей к «союзу всех трудящихся», а активным и пассивным избирательным правом наделялись «все, добывающие средства к жизни производственным или общественно полезным трудом и состоящие членами профессиональных союзов»¹²¹. В проекте Шрейдера понятие «трудящихся» было конкретизировано путем исключения ряда категорий, на которые налагаются ограничения – предпринимателей, торговцев, землевладельцев и домовладельцев, а также безумных, сумасшедших и глухонемых, лиц, приговоренных к лишению прав по суду за совершение корыстных преступлений и преступления против избирательного права¹²². Наконец, была представлена идея селекции самих «трудящихся» по линии лояльности к новой власти: избирательные права получали «все добывающие средства к жизни производительным

¹¹⁹*Sorokin P.A. The Sociology of Revolution. L., 1924.*

¹²⁰Институт выборов в Советском государстве 1918–1937 гг. в документах, материалах и восприятии современников. М., 2010.

¹²¹Ф. 130. Оп. 2. Д. 89. Л. 1–3.

¹²²Правила о производстве выборов в волостные, городские, уездные и губернские советы депутатов трудового народа (Шрейдер). Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 30–43.

или общественно полезным трудом и состоящие членами профсоюзов», которые, однако, подразделялись на курии (с различной нормой представительства для рабочего и крестьянского населения), причем местный орган советской власти наделялся правом в случае необходимости переводить избирателей из одной курии в другую. Разработчики открыто признавали – «вводится куриальная система»¹²³.

В рамках этих идей шла последовательная селекция различных групп избирателей с расширением и дифференциацией допущенных и отстраненных от выборов категорий. Из числа допущенных категорий последовательно выпали ремесленники, торговцы, члены профсоюзов, а также интеллигенция – лица, входящие «в трудовые, профессиональные, классовые объединения и союзы», в частности «профессионалы науки, искусства, литературы и техники без различия отраслей и специализаций», а также «все, хотя и не трудящиеся, но получающие средства к жизни от органов Сов. Власти»¹²⁴. Все эти группы были объединены неопределенным понятием «служащие всех видов и категорий». Единственным исключением из этого правила стало наделение избирательными правами членов семей рабочих и крестьян – их жен и дочерей (т. е. фактически половины населения страны), которые ранее были исключены как лица, трудовая деятельность которых (занятие домашним хозяйством) не рассматривалась как «общественно полезная»¹²⁵. Принципиальное значение имело исключение первоначально предполагавшегося принципа представительства во ВЦИК от общественно-политических организаций: «избирают следующие объединения, если они принимают Советскую конституцию: 1) политические, 2) профсоюзные, 3) кооперативные, причем число представителей должно соотноситься между собою как 3:3:1»¹²⁶. Вообще глава об избирательном праве, которую первоначально планировалось сделать первой, переместилась в принятой Конституции РСФСР в четвертый ее раздел (Гл. 13. Ст. 64), а зафиксированные в ней принципы (о допущении к выборам лиц, «добывающих средства к жизни производительным и общественно полезным трудом») отличались не только крайней неопределенностью, но и возможностями тотального манипулирования выборами в интересах однопартийной диктатуры. Конституция РСФСР 1918 г. предусматри-

¹²³Положения об организации Центральной власти и о местных Советах (предварительные проекты с поправками и дополнениями) (июнь 1918 г.). Ф. 6980. Оп. 1. Д. 15. Л. 10.

¹²⁴Проекты главы 1 Конституции РСФСР «Об избирательном праве». Ф. 130. Оп. 2. Д. 89.

¹²⁵Варианты главы Конституции «Об избирательном праве». Ф. 130. Оп. 8. Д. 159. Л. 8–9.

¹²⁶См.: «Поправки к проекту положения о российских совдепах». Ф. 130. Оп. 8. Д. 159. Л. 10.

вала поэтому преимущества рабочих по сравнению с крестьянами на выборах в Советы. Городские рабочие и служащие избирали на съезды одного представителя от 25 тыс. избирателей, а крестьяне – от 125 тыс. В этом усматривалась «руководящая роль рабочего класса в его союзе с крестьянством». Разработчикам Конституции необходимо было выбрать форму государства, согласовав три ее параметра – советское, профсоюзное и партийное. Решение было найдено в конституционном закреплении номинального советского принципа при решающей роли партийного контроля.

Институциональным выражением тенденций по укреплению социальной базы нового режима стала эволюция советской системы: к марту 1918 г. все основные Советы страны стали на платформу большевизма, превращаясь в номинальные органы государственной власти «диктатуры пролетариата»; к июлю 1918 г. сеть советских организаций покрыла всю страну; к середине 1918 г. по всей России насчитывалось 12 тыс. Советов¹²⁷. Вводилась громоздкая непрямая и многоступенчатая структура выборов в советы разных уровней (областных, губернских, городских, уездных и волостных), позволявшая многократно и целенаправленно просеивать их состав с точки зрения лояльности программным установкам партии¹²⁸. При общей пассивности масс и недееспособности Советов как органов принятия решений они становились идеальным инструментом направленного конструирования общества и проведения социальной мобилизации¹²⁹. Основными тенденциями советской системы становятся ее унификация (за счет вытеснения оппозиционных партий), централизация и растущая иерархизация (сопровожавшаяся последовательным изгнанием оппозиционных фракций)¹³⁰ – бюрократизация, институционально выражающаяся в укреплении по-

¹²⁷Гимпельсон Е.Г. Советы в годы интервенции и гражданской войны. М.: Наука, 1968. С. 37.

¹²⁸См.: Съезды Советов в документах, 1917–1936. М., 1959. Т. 1. С. 74, 79, 82.

¹²⁹Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь 1917–1920. М.: Наука, 1976. С. 88.

¹³⁰Материалы Всероссийских съездов Советов: Первый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских депутатов: Сб. док. М.; Л., 1930; Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: Сб. док. М.; Л., 1928; Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов: Стенографический отчет. Пб., 1918; Стенографический отчет Четвертого Чрезвычайного съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. М., 1920; Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: Стеногр. отчет. М., 1918; Шестой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов: Стеногр. отчет. М., 1919; Седьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и трудовых казачьих депутатов: Стеногр. отчет. М., 1920; Восьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: Стеногр. отчет. М., 1921. Съезды Советов в документах, 1917–1936. М., 1959. Т. 1; Декреты Советской власти. М., 1957–1974. Т. I–VII.

зий исполнительных комитетов, проводивших на съездах волю большевистской элиты¹³¹. В результате к началу 1920-х годов советы полностью перестали соответствовать своему декларируемому назначению институтов государственной власти, став декоративным атрибутом и одним из «приводных ремней» диктатуры.

По мнению критиков, отказ от классического демократического принципа всеобщего избирательного права («буржуазной четыреххвостки») ведет к сегрегации граждан – разделению их на «козлиц и овец»: «в то время как одним предоставляется ими вся полнота государственной власти, другие остаются немymi подданными республики, единственным правом и привилегией которых является безропотное исполнение велений своих власть имущих сограждан». Фактически вводится куриальная система в стиле столыпинского избирательного закона (Акта от 3 июня 1907 г.), хотя и с противоположной целью: если царское правительство стремилось ограничить права малоимущих слоев в интересах представителей крупного землевладения, то «г. Рейснер переворачивает систему вверх ногами и спешит расширить избирательные привилегии рабочих и беднейших крестьян за счет прав остальных избирателей». Проект «самой свободной в мире республики» на деле оказался «квинт-эссенцией реакционных помыслов»¹³².

7. Террор как метод социализации и кровавая круговая порука

Разработка Конституции проходила в условиях Гражданской войны и массового террора. Революционный террор может быть определен как способ разрушить противоречие между утопией и реальностью с помощью устрашения, осуществляемого путем массированного применения насилия. В основе террора лежит социальная фобия – тревожное расстройство, характеризующееся устойчивым страхом перед определенными социальными ситуациями. Если тревога – это общая реакция на ожидаемую или предполагаемую опасность (вытекающую из прогнозов классовой теории), то страх – это реакция на непосредственную опасность, присутствующую в данный момент и связанную с конкретными актами сопротивления. Страх (как эмоциональное состояние, возникающее в присутствии или предвосхищении опасного или вредного стимула) имеет двойственную природу и характеризуется одновременно желанием избежать негативных последствий или нападать на противника. Этот подход позволяет объяснить такие особенности Красного

¹³¹Владимирский М.Ф. Советы, исполкомы и съезды Советов (Материалы к изучению строения и деятельности органов местного управления). М., 1920. Вып. 1; 1921.

¹³²Советская Конституция // Советская Россия. № 27, 17 (4) мая.

террора, как чрезвычайно абстрактный (идеологический) характер его обоснования; чрезвычайно широкие масштабы осуществления, охватывающие по существу все когнитивно значимые группы общества; социологически детерминированный выбор его жертв; отсутствие прямой корреляции интенсивности применения насилия и степени оказываемого сопротивления; тотальность и безжалостная последовательность его применения; специфические функции террора в консолидации новой социальной общности.

Масштабы, функции, этика и даже своеобразная эстетика террора изучены С. Мельгуновым¹³³. Но его когнитивные механизмы четко представлены самими большевиками. Разъясняя подчиненным суть Красного террора, один из разработчиков Конституции 1918 г. М. Лацис требовал от них отказаться от жалости к врагам, оставить роль «плакальчиков и ходатаев» и поставить дело на поток – «мы уже не боремся против отдельных личностей, мы уничтожаем буржуазию как класс». Этому должны соответствовать методы террора: «Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом. Первым делом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Вот эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл и суть Красного Террора»¹³⁴. Во имя грядущего «Царства коммунизма», которое предполагалось утвердить в мировом масштабе уже через год, от большевиков требовался «еще один бурный натиск», исключавший проявление слабостей, к которым относились «мещанская добродетель, жалость, боязнь общественного мнения, упущения (соседство) и т. п. рядовые явления»¹³⁵. В приказах чрезвычайным комиссиям рекомендовались такие методы как система заложников, отъем имущества церкви и помещиков, захват квартир бежавших контрреволюционеров, поощрение доносов, выдача раненых белогвардейцев из госпиталей¹³⁶. В публиковавшихся списках расстрелянных фигурируют основные адресные группы террора – офицеры, чиновники, духовенство, казаки, представители всех оппозиционных партий, но также крестьяне, солдаты, интеллигенты, даже студенты и вообще лица, «имевшие антисоветскую литературу»¹³⁷. Для деятелей террора его смысл состоял в навязывании обществу большевистских представлений в условиях Гражданской войны, когда нет

¹³³Мельгунов С.П. Красный террор в России 1918–1923. М., 1990.

¹³⁴Лацис М. Красный террор // Красный террор. Ежедневник Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией на Чехословацком фронте. Казань, 1918. № 1. С. 2.

¹³⁵Лацис М. Красный террор // Там же. № 1. С. 5–7.

¹³⁶Приказы Чрезвычайным комиссиям // Красный террор. 1918. № 1. С. 10–11.

¹³⁷Списки лиц, расстрелянных согласно постановлению центральной фронтовой следственной комиссии // Красный террор. 1918. № 1. С. 12–13 и др.

возможности разбирать степень виновности, мотивы и анализировать формальные доказательства задержанных, но требуется осуществление подавления в чистом виде¹³⁸. Все эти направления террора отнюдь не исчезли с окончанием Гражданской войны, но превратились в систематическую и планомерно организованную практику большевистских карательных учреждений, в конечном счете приведшую к истреблению самих большевиков-чекистов¹³⁹.

Вполне осознанно в основы уголовного законодательства вводилась категория политических преступлений. Давалась чрезвычайно широкая трактовка контрреволюционных преступлений, которые включали не только активные действия, направленные на «свержение, подрыв или ослабление» советской власти, но и намерения такого рода, интерпретировавшиеся как экономический саботаж и контрреволюционная агитация, под которые легко можно было подвести любые формы критики произвола и беззакония¹⁴⁰. В этом контексте отрицались традиционные представления состязательного правосудия, в частности – предложение А. Сольца убрать из судебного процесса обвинителя и защитника, сосредоточившись «на качестве следственного аппарата»¹⁴¹. Общим ориентиром становился закон о подозрительных Французской революции: «ты подозрителен, и этого достаточно, чтобы принять против тебя репрессивные меры». «Что же, – спрашивал обвинитель на политических процессах Н. Крыленко, – этот принцип вызовет противоречие или возмущение в пролетарских кругах? Нет. Вызовет противоречие в нашем сознании? Нет. И этот правильный принцип уже в достаточной степени внедрен в сознание масс». Исходя из этого он предлагал своеобразное соединение ломброзианства и марксизма в уголовном праве – в широкой трактовке понятий «социально опасных действий» (включавших всякое инакомыслие) и соответствующие «меры социальной защиты» (от смертной казни до «воспитательно-политических мер» к врагам общества). «Полное отрицание принципа дозирования репрессий, – заявлял он, – вот на чем мы прежде всего настаиваем»¹⁴². Вся логика этого «правового» развития ретроспективно укладывалась в три этапа – разрушения права в период «военного коммунизма», отступления и нового наступления с позиций «советского права»¹⁴³.

¹³⁸Лацис (Судрабс). Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М., 1921.

¹³⁹Симбирцев И. ВЧК в ленинской России 1917–1922 в зареве революции. М., 2008.

¹⁴⁰Основы уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик (доклады тт. Крыленко и Винокурова) // Власть Советов. 1926. № 20. С. 11.

¹⁴¹Реформа советского уголовного процесса // Революция права. 1928. № 2. С. 75.

¹⁴²Крыленко Н. Принципы переработки Уголовного Кодекса РСФСР. Доклад на заседании Коллегии НКЮ от 24. 05. 1928 г. // Революция права. 1928. № 3. С. 13–19.

¹⁴³Стучка П. Три этапа Советского права // Революция права. 1927. № 4. С. 4.

Безжалостность большевиков (как и других террористических движений) выступала способом преодоления социального невроза (комплекса исторической и психической неполноценности) – реакцией на предшествующие фрустрации, была выражением чувства мести, вообще стремления к уничтожению раздражающего культурного многообразия. Все большевики, вспоминая Е. Бош, знали о стремлении Ленина к «беспощадному подавлению» всех врагов революции¹⁴⁴. Когда, в присутствии В. Адоратского, еще в 1905 г. перед Лениным был поставлен вопрос, «как быть со слугами старого режима» и «каков будет В.И. в роли Робеспьера», тот «полушутя наметил такой план действий»: «Будем спрашивать, – ты за кого? За революцию или против? Если против – к стенке, если за – иди к нам и работай». Этот ответ вызвал скептическое, но оказавшееся пророческим замечание Крупской: «Ну вот и перестреляешь как раз тех, которые лучше, которые будут иметь мужество открыто заявить о своих взглядах»¹⁴⁵. Эти сравнения Ленина с Робеспьером вовсе не выглядели натяжкой, подчеркивая скорее сходство их позиций. М. Робеспьер различал революционное и конституционное правительство почти таким же способом, как коммунисты отличали период диктатуры пролетариата от периода бесклассового общества, перед наступлением которого она окончательно пройдет¹⁴⁶. Марат проповедовал евангелие террора, его политическим идеалом была скорее народная диктатура, чем любого рода либеральный конституционализм. «Деятельность этих миссионеров террора не ограничивалась лишь подавлением восстаний. Они являлись также миссионерами социальной революции и антихристианской пропаганды»¹⁴⁷. Эти черты представлены в фанатичной агрессивности Ленина, «умевшего ненавидеть врагов революции», глаза которого, по воспоминаниям Антонова-Саратовского, «светились и великой скорбью и великой жестокостью», так что у него «пошли мурашки по спине от его взгляда»¹⁴⁸. Сам Ленин был не только теоретиком и исследователем террора, но и его организатором. Отвергая эсеровскую концепцию индивидуального террора как неэффективную, он отдавал предпочтение массовому террору: «Один умный писатель по государственным вопросам, – говорил он, имея в виду Макиавелли, – справедливо писал, что если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый кратчайший срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не

¹⁴⁴Воспоминания о Ленине // Пролетарская революция. 1924. № 3 (26). С. 173.

¹⁴⁵Там же. С. 97.

¹⁴⁶*Робеспьер М.* Революционная законность и правосудие. М., 1959.

¹⁴⁷*Дюсон К.Г.* Боги революции. СПб., 2002. С. 205.

¹⁴⁸Воспоминания о Ленине // Пролетарская революция. 1924. № 3 (26). С. 189.

вынесут»¹⁴⁹. О продуманности этих высказываний свидетельствует не только их неоднократное повторение, но и воспоминания современников (например, Н. Валентинова), показавших, что идея террора вынашивалась Лениным задолго до Октябрьского переворота и Гражданской войны, когда он выразил готовность вешать интеллигентов на фонарях. Предчувствие террора не обмануло современников созыва и роспуска Учредительного собрания¹⁵⁰, говоривших о наступлении эпохи «под знаком топора»¹⁵¹, русской Голгофе¹⁵² и «гильотине за работой»¹⁵³.

Функции террора как инструмента социального конструирования состояли, во-первых, в подавлении воли общества к сопротивлению; во-вторых, в создании особых табуизированных зон идеологического контроля, связанных со стремлением очертить символическое пространство вокруг новой власти почти в буквальном смысле полинезийского слова «табу», означающего священный, неприкосновенный характер сакральных объектов и обычаев, предназначенных для религиозных церемоний и запрещенных для профанированного повседневного использования; в-третьих, в фиксации определенных идеологических стереотипов путем доведения их до жестких автоматически применяемых категорий; в-четвертых, в стимулировании мобилизационного импульса «образа врага» (в виде контрреволюционных элементов); в-пятых, в консолидации самой большевистской элиты, спаянной кровавой коллективной порукой. В целом террор являлся воплощением «грубой силы» (как противоположности современной научной эвристики) – такой методике решения задач, которая применяется, когда теоретически все возможные варианты уже испробованы или все возможные пути решения проверены.

Легитимация террора включала псевдонаучные аргументы, связанные с классовой теорией, в рамках которой «являющееся отвратительным в руках соответствующего реакционного правительства, насилие оказывается священным, необходимым в руках революционера»¹⁵⁴. Эта логика вела к апологии политической целесообразности, исключавшей беспристрастность судебного разбирательства, готовность к фабрикации политических дел, как это было продемонстрировано уже в случае так называемого «заговора Таганцева». «Если советские власти разыгрывали “комедию суда”, – вспоминал кн. С.Е. Трубецкой о рас-

¹⁴⁹Письмо В.И. Ленина В.М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП (б) 19 марта 1922 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 190–192.

¹⁵⁰Вокруг Учредительного собрания. Пг., 1918.

¹⁵¹Под знаком топора. Пг., 1917.

¹⁵²*Верховский А.* Россия на Голгофе. Пг., 1918.

¹⁵³*Maximoff G.P.* The Guillotine at Work: Twenty Years of Terror in Russia. Chicago, 1940.

¹⁵⁴*Луначарский А.* Свобода критики и революция // Печать и революция. 1921. Кн. 1. С. 4.

смотрении его дела в Верховном трибунале РСФСР, – мы, в свою очередь, разыгрывали роль “подсудимых”, причем обе стороны отчетливо понимали, что это была только инсценировка, и дело наше решалось не на суде, а политическими властями и вне зависимости от судебного разбирательства»¹⁵⁵. Другой аргумент включал апелляцию к историческому опыту, прежде всего – Французской революции, где террор, однако, был вовремя остановлен и не стал, в отличие от России, основой консолидации новой политической системы. В России же эта система парализовала нормальные правовые институты власти на все время существования советской власти. В связи с этим большевистская печать говорила об исторической ограниченности французских революционеров, проявившейся в непоследовательной организации и результатах террора. Якобинский клуб, имевший достаточно выраженную для своего времени организацию¹⁵⁶, как подчеркивали идеологи большевизма, не был партией – «не имел ни программы, ни устава, ни правильных отношений центра с местными отделениями», «объединил вокруг себя людей весьма разнородных в политическом отношении», что стало роковым для «руководителей якобинцев, отправивших в конечном счете друг друга на гильотину...»¹⁵⁷ Полагая, что их участь будет иной, большевики отвергали не только позиции либеральных критиков террора (как А. Олар), но даже тех левых авторов, которые (как А. Матъез), признавая его закономерность в качестве временной меры, делали вывод, что якобинский террор задержал развитие демократии в Европе по крайней мере на столетие¹⁵⁸. Политическим аргументом в пользу сохранения террористических методов управления после Гражданской войны служили рассуждения не только об опасности реставрации Старого порядка, но и о необходимости предотвращения бонапартизма, о котором действительно мечтали как либеральные, так и социалистические критики большевизма¹⁵⁹.

Внутреннее противоречие террористической логики большевизма состояло в том, что, разрушая традиционные моральные и правовые нормы социальной организации, тотальный террор не содержал никаких внутренних ограничений, последовательно охватывая все общество и уничтожая гарантии безопасности самих «рыцарей террора» и даже его «чернорабочих». Методы его осуществления, заставляющие вспомнить террор якобинцев и апокрифические записки палача Сансо-

¹⁵⁵Трубецкой С.Е. Минувшее. М., 1991. С. 274.

¹⁵⁶Kennedy M.L. The Jacobin Clubs in the French Revolution. Princeton, 1988.

¹⁵⁷РКП и революция (к двадцатилетнему юбилею партии) // Коммунистическая революция. 1923. № 6 (45). С. 3–4.

¹⁵⁸Фридлянд Ц. «Казус Матъеза» // Борьба классов. 1931. № 1. С. 100–105.

¹⁵⁹«Социалистические» идеологи бонапартизма // Коммунистическая революция. 1923. № 2 (41). С. 52–61.

на¹⁶⁰, имели гораздо более широкий адресат, охватывая не отдельные партии, но целые социальные группы. Его суть в качестве культурно обусловленного синдрома лучше всего выражается используемым в современной психологии понятием одного из малайских языков – «амок», означающим острое маниакальное возбуждение, сопровождающееся стремлением убивать.

8. Уничтожение права: от «революционного правосознания» к политической целесообразности

Предвидение «Вех» о том, что победа революции будет означать крушение права и наступление эпохи правового нигилизма, подтвердилось после большевистского переворота. В марксизме отношение к праву всегда было инструментальным: он отрицал существование неизменных этических и юридических принципов (поскольку юридические отношения различны в разные эпохи и у разных народов), настаивал на жесткой социальной детерминированности юридического конструирования (поскольку в основе всякой правовой программы лежат классовые интересы), выдвигал концепцию юридического волюнтаризма, поскольку правовые требования представляют собой «переменный элемент и время от времени пересматриваются» в интересах различных партий¹⁶¹.

Большевистская теория права в концепции ее главного идеолога П. Стучки объявляла упразднение права основой культуры и определяла «культурное право» как «упрощенное право»¹⁶². Классическая наука о праве представала «последним убежищем для всяких идеалистических и вообще идеологических пережитков»¹⁶³. С позиций классовой концепции была отвергнута общая нравственная основа права, всякое право представало классовым, «буржуазным» феноменом (Е. Пашуканис), который вынужденно сохраняет действие в переходный период диктатуры пролетариата, служит конструированию новых социальных отношений (П. Стучка) и поэтому отмирает в условиях перехода от диктатуры к социализму (Я. Берман)¹⁶⁴. Преодоления

¹⁶⁰Сансон Г. Записки палача, или Политические и исторические тайны Франции. Луганск, 1993.

¹⁶¹Энгельс Ф., Каутский К. Юридический социализм // Под знаменем марксизма. 1923. № 1. С. 70.

¹⁶²Стучка П. Культура и право // Революция права. 1928. № 2. С. 20.

¹⁶³Стучка П. Материалистическое или идеалистическое понимание права? // Под знаменем марксизма. 1923. № 1. С. 131.

¹⁶⁴Маркс и Энгельс о праве. М., 1925; Пашуканис Е. Общая теория права и марксизм (опыт критики основных юридических понятий). М., 1924; Гурвич Г.С. Нравственность и право. М., 1924; Стучка П. Революционная роль права и государства. М., 1924; Разумовский И. Социология и право. М., 1924; Адоратский В. О государстве. М., 1923 и т. д.

«этических фетишей» предполагалось достичь с «преодолением товарного и правового фетишизма»¹⁶⁵. Большевизм выступал против «фетишизма буржуазного права»¹⁶⁶ и не признавал «никакой абсолютной правоспособности, никаких неприкосновенных частных прав»¹⁶⁷. Поскольку социальное «бытие» определяет юридическое «сознание», любому «сознательному пролетарию» легче «вырваться из когтей буржуазии» и понять смысл новых социальных отношений, чем «даже коммунисту с юридическим прошлым»¹⁶⁸.

Отправной точкой большевистской юриспруденции первоначально стали идеи психологической теории права Л.И. Петражицкого и учение о социальной функции права Л. Дюги, которые подчеркивали психологический релятивизм правовых конструкций, их мотивационно-дрессирующей и педагогической роли. С этих позиций М. Рейснером обосновывалась концепция противопоставления пролетарского права буржуазному, разрушения последнего, а центральная проблема переходного периода усматривалась в формировании институтов революционного правосознания в судебной и административной практике¹⁶⁹. Приоритет идеологии коллективизма и классовой «солидарности» над гражданско-правовым регулированием прослеживается уже в первых попытках систематизации правоотношений¹⁷⁰. Крайним выражением этих настроений становилась анархо-коммунистическая идея тотальной социализации, включавшая, например, «социализацию женщин» в условиях отмены семьи при коммунизме¹⁷¹. А. Шлихтер, назначенный комиссаром земледелия, вспоминал, что при отсутствии у Ленина продуманной программы решения земельного вопроса дело свелось к революционной целесообразности, и ему не оставалось ничего другого как осуществлять практические меры по распределению земли и определению форм землепользования, руководствуясь «моей революционной самодеятельностью»¹⁷².

¹⁶⁵Колоколкин В. Рец. на кн.: Пашуканис Е. Общая теория права и марксизм (М., 1926) // Под знаменем марксизма, 1926. № 9–10. С. 240.

¹⁶⁶Стучка П. Государство и право в период социалистического строительства // Революция права. 1927. № 2. С. 3–26.

¹⁶⁷Пашуканис Е. Марксистская теория права и строительство социализма // Революция права. 1927. № 3. С. 5.

¹⁶⁸Стучка П. Марксистское понимание права (Заметка не только для юристов) // Коммунистическая революция. 1922. № 13–14 (37–38). С. 151.

¹⁶⁹Рейснер М. «Право» и революция. Пг., 1917; Рейснер М.А. Основы Советской Конституции. Лекции, читанные на ускоренном курсе Академии Генерального Штаба РККА в 1918/19 учебном году. М., 1920.

¹⁷⁰Гойхбарг А.Г. Социальное законодательство советской республики. Пг., 1919; Аскенази С. Очерк создания законодательства советской республики. 1920.

¹⁷¹Социализация женщин. Пг., 1918.

¹⁷²Шлихтер А. Из воспоминаний об октябрьской революции // Пролетарская революция. 1922. № 8. С. 172.

Концепция «революционной законности» стала способом институционализации этого «правосознания» в условиях консолидации диктатуры. Гибкость понятия «революционной законности» заключалась в том, что по мере необходимости можно было апеллировать к одному или другому компоненту этой формулы. Этим понятием оправдывалось отступление от советских законов «в том случае, если они вызваны экстремальными условиями гражданской войны и борьбой с контрреволюцией»¹⁷³ или, напротив, «борьбой с нарушителями революционной законности», а также если они связаны «вообще со всякого рода злоупотреблениями власти»¹⁷⁴. Идея «внести в сознание масс начала революционной законности» означала вовсе не укрепление гарантий прав личности, но создание особого аппарата власти и контроля, необходимого партии «для облегчения дальнейшего продвижения вперед по пути к коммунизму»¹⁷⁵. С одной стороны, декларировалось, что «правовое просвещение масс» есть условие «успешности борьбы с нарушением законов и должно служить делу укрепления революционной законности»¹⁷⁶. С другой — оставалось неясно главное: «Нужно ли исполнять Советские законы, или можно их не исполнять? Обязательны ли они для всех граждан Союза, или некая категория граждан свободна от этой обязанности? И, наконец, как выполнять их — по точному ли и прямому смыслу законов или как-нибудь иначе?»¹⁷⁷ Постоянно разъяснялось, что «революционную законность» отнюдь не следует понимать как простое соблюдение текста закона, поскольку такая трактовка «очень легко может перейти в формальное понимание закона, свойственного буржуазной законности», но одновременно — ее нельзя понимать и как следование справедливости, поскольку данное понятие «имеет, согласно своей исторической анкете, весьма подозрительное буржуазное происхождение»¹⁷⁸.

В этом контексте под законностью «должен пониматься тот порядок в государстве, который признан целесообразным верховными органами пролетарской диктатуры и который в силу этого обязателен

¹⁷³О революционной законности. Постановление Чрезвычайного VI Всероссийского Съезда Советов (6–9 ноября 1918 г.) // Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских Социалистических республик. Сб. документов в трех томах. М., 1959. Т. 1. С. 93.

¹⁷⁴Постановление III Съезда Советов СССР по вопросам советского строительства (20 мая 1925 г.) // Съезды Советов... Т. III. С. 81.

¹⁷⁵Бранденбургский Я. Советская юстиция после III сессии ВЦИК // Коммунистическая революция, 1922. № 8 (32). С. 95.

¹⁷⁶Ростовский И. Революционная законность и пропаганда права // Коммунистическая революция. 1926. № 15–16. С. 12.

¹⁷⁷Лебедев П. Революционная законность // Революционная законность. 1926. № 1–2. С. 5–6.

¹⁷⁸Разумовский И. Философская ревизия и вопросы права // Под знаком марксизма. 1926. № 7–8. С. 20–22.

как для граждан, так и для органов и агентов власти. Нарушение этого правопорядка и будет нарушением революционной законности»¹⁷⁹. Выяснилось, что классовое правосудие означает не «распределение санкций по классовым признакам» (как считалось ранее), а «защиту класса в целом»¹⁸⁰. Предполагалось, что новое право станет спонтанным выражением социальной практики: после революционного слома устанавливается «более полная система повиновения, где безусловная стимуляция (непосредственная расправа) заменяется уже условной, знаменующей появление новой системы права», «создается общая привычка повиновения, безотносительно к тому или иному содержанию приказа»¹⁸¹.

Существо понятия «революционной законности» Ленин в 1918 г. объяснял товарищам следующим образом: «Если по декрету выходит плохо, а по вашим действиям хорошо, никто вас за это ругать не будет. Если же вы приказа или декрета не исполните, а из ваших действий выйдет скверно, то вас нужно будет тогда всех расстрелять»¹⁸². Этот тезис наиболее доходчиво разъясняет низведение права к элементарной политической целесообразности.

9. Конституционная комиссия как инструмент социального конструирования: структура, приоритеты, порядок деятельности

Радикальная трансформация коммунистического мифа в ходе его юридической имплементации связана с составом и механизмами деятельности Конституционной комиссии. Конституционная комиссия, созданная решением ВЦИК 1 апреля 1918 г. – единственный в советской истории эксперимент разработки Конституции на многопартийной основе. Состав этой Комиссии, подобранный большевиками, был утвержден Пленумом ВЦИК 4-го созыва в заседании 8.04.1918 г.¹⁸³ В окончательном официально опубликованном 16 апреля 1918 г. списке членов Комиссии представлены: Председатель Комиссии – Я.М. Свердлов, заместитель председателя – М.Н. Покровский, секретарь – В.А. Аванесов, члены: А.И. Бердников (от максималистов), Д.П. Боголепов, Н.И. Бухарин, Г.С. Гурвич, М.И. Лацис, Д.А. Магеровский (от фракции левых

¹⁷⁹ *Антонов-Саратовский В.* О революционной законности // Революционная законность. 1926. № 1–2. С. 3.

¹⁸⁰ *Трайнин А.* К вопросу о классовом правосудии // Революционная законность. 1926. № 7–8. С. 1–2.

¹⁸¹ *Тоцкий Н.М.* Механизм действия нормы // Право и жизнь. 1927. Кн. 2. С. 3–8.

¹⁸² *Антонов-Саратовский В.* О революционной законности // Революционная законность. 1926. № 1–2. С. 3.

¹⁸³ «Список членов Комиссии, утвержденной Пленумом ВЦИК 4-го созыва в заседании 8.04.1918 г. (Прот. № 4, пункт 3)». Ф. 6980. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

эсеров), М.А. Рейснер, Э.М. Склянский, А.П. Смирнов, И.В. Сталин, Ю.М. Стеклов и А.А. Шрейдер (от левых эсеров). Документы отражают постепенный (и компромиссный) характер комплектования Комиссии, что отражено в различных списках ее состава¹⁸⁴. В составе Комиссии первоначально не было юристов, которые были приглашены в нее в качестве «сведущих лиц» лишь после того, когда выяснилась практическая необходимость этого. Так, кандидатура Рейснера была включена в состав Комиссии (с совещательным голосом) по предложению Гурвича и с санкции Свердлова на первом заседании Комиссии 5 апреля 1918¹⁸⁵, после чего он получил формальное приглашение от коллегии Наркомата юстиции, а соответствующее предложение было направлено в Президиум ЦИК в тот же день¹⁸⁶.

Принцип формирования Комиссии был смешанным, включая представительство от учреждений и партий. В нее входили формально пять членов от ЦИК, по одному представителю от наркоматов – внутренних дел, финансов и ВСНХ, четыре члена – от фракции большевиков, два – от левых эсеров и один – от максималистов. Основные оппозиционеры – эсеры – были в меньшинстве и расколоты. В то же время, ограниченный партийный плюрализм допускал идеологические коалиции (между максималистами и левыми коммунистами против ленинско-сталинской линии) и предполагал дискуссию с оппонентами, получившую отражение в стенограмме. Причины разногласий – различие оценок социального переворота и тенденций развития, различные представления об общих принципах и приоритетах конституции (нашедшие отражение в различных представленных ее «схемах»); структуре институтов и порядке ее разработки. Деятельность Комиссии, однако, всецело определялась ее большевистским ядром. Ее председателем стал председатель ВЦИК – Свердлов, а в состав вошли видные большевистские эмиссары – Сталин (как представитель Совнаркома и специалист по национальному вопросу), партийные идеологи – Бухарин и Покровский, примкнувший к большевикам после революции редактор «Известий» Стеклов, а также представители высших административных учреждений – наркоматов внутренних дел, юстиции, национальностей, военных и морских дел, а также ВСНХ, что в сущности означало их принадлежность к большевистской элите.

В работе Комиссии четко прослеживается ряд подходов к содержанию и задачам конституционного конструирования: создание прин-

¹⁸⁴Предварительный список членов комиссии по выработке Конституции РСФСР. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

¹⁸⁵Стенограмма заседания комиссии по выработке Конституции РСФСР от 5 апреля 1918 г. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

¹⁸⁶Письмо из НКЮ от 5 апреля 1918 тов. Рейснеру из Коллегии НКЮ. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

ципально новых правовых рамок коммунистического государства; фиксация стихийно сложившейся социальной реальности (сведение коммунистического идеала к республике советов); обобщение опыта местных советов и перенесение его на всю систему; целенаправленное выстраивание советской вертикали¹⁸⁷. *Первая позиция*, продвигавшаяся эсерами-максималистами (Бердников), исходила из того, что в условиях анархии необходимо разработать «коренные нормы» Конституции, начав с декларации прав и, в частности, гражданских прав. Данное предложение получило поддержку левых эсеров (Шрейдер), подчеркивавших значение системы выборов в советы, определения круга тех, кто имеет право избирать, структуры советов (Стеклов). Предлагалось поэтому «начать с декларативной части и центральных учреждений, а затем идти вниз» (Рейснер). *Вторая позиция*, представленная Свердловым, требовала разрешения в первую очередь вопроса об «уничтожении парламентаризма», предлагая «составить Конституцию таким образом, чтобы такие ведомства были ликвидированы». Приоритетной задачей выступает конструирование органов центральной власти и выяснение ее соотношения с местной властью, поскольку «большая часть комиссариатов существует только на бумаге», а «работники не знают, что делать». Эта позиция получила поддержку в свете решения финансовых вопросов (Боголепов). Предлагалось сначала определить «суверена», а затем решать вопросы избирательных прав (Лацис). *Третья позиция*, представленная левыми коммунистами (Покровский), отдавала приоритет местным учреждениям перед центральными. Центральные советы, по его мнению, «не имеют самодовлеющего значения», в то время как местные уже «прекрасно осознали свою власть (и уже могут все, только не превратить мужчину в женщину)», а потому «нужно выяснить, что такие первичные советы могут сделать и что они не могут делать». Этот тезис получил поддержку левых эсеров (Магеровский): поскольку «полная неразграниченность между советами создает неразбериху на местах», и «первым вопросом следует поставить, какие области являются федеративными». «Если мы это установим, то это будет краеугольным камнем, из которого создастся отдел федеральной республики. Все органы, которые стоят ниже, не будут обладать законодательной властью, будут являться исполнительными органами». *Четвертая позиция* заключалась в отрицании всех предложенных стратегий написания конституции с чистого листа и реформ сверху или снизу. В основу конституционного регулирования, считал Сталин, следует положить имеющиеся документы – декларацию III Съезда о диктатуре и федера-

¹⁸⁷Стенограмма заседания комиссии по выработке Конституции РСФСР от 5 апреля 1918 г. Ф. 6980. Оп. 1. Д.3. Л. 2–15. Отредактированный вариант стенограммы см. Там же. Л. 33–48.

тивной республике, – а прочие вопросы (права граждан, компетенции субъектов федерации и конструкции центральной власти) – сосредоточить в комиссиях.

Полное отсутствие единства в вопросе о приоритетах разработки Конституции побудило Свердлова принять чисто административное решение – передать разработку вопросов в соответствующие комиссии, поручив подготовку материалов их инициаторам¹⁸⁸. Весь процесс разработки первой советской Конституции отражает усиление партийного контроля. Поручение о ее разработке дал III Всероссийский съезд Советов при утверждении резолюции «О федеративных учреждениях Российской республики». ВЦИК образовал Конституционную комиссию под руководством Свердлова. Но окончательный текст вовсе не стал результатом ее деятельности. Обсуждение проекта Конституции РСФСР было продолжено специальной комиссией ЦК РКП (б) под председательством Ленина. Дополнения и изменения к проекту Конституции, выработанные подкомиссией ЦК РКП (б), были внесены в Конституционную комиссию ВЦИК. С их учетом проект передан V Всероссийскому съезду Советов, который создал Редакционную комиссию для предварительного рассмотрения проекта и после внесения дополнительных поправок утвердил Конституцию РСФСР 10 июля 1918 г.¹⁸⁹ В окончательной редакции (после подавления мятежа левых эсеров 6 июля 1918 г.), отмечал Г.С. Гурвич, из официального проекта Конституции «исчезли тайное голосование, партийные списки и пропорциональность выборов, особенно странная при диктатуре пролетариата»¹⁹⁰. Когнитивный диссонанс не был преодолен.

10. Причины отказа от коммунистического мифа в процессе разработки и принятия Конституции

Процесс разработки и принятия Конституции четко раскрывает отступление от первоначального идеала государства-коммуны и эволюцию режима в направлении однопартийной диктатуры и последовательное устранение из политического спектра главных оппонентов большевиков – эсеров. Когда основные принципы будущей Конституции были провозглашены III Всероссийским Съездом советов после роспуска Учредительного собрания в январе 1918 г., правительство представляло собой коалицию большевиков и левых эсеров. Когда Комиссия по составлению Конституции собралась в апреле, левые эсеры, хотя они

¹⁸⁸Стенограмма заседания комиссии по выработке Конституции РСФСР от 5 апреля 1918 г. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.

¹⁸⁹См. аналитическую записку «О подготовке текста первой Конституции СССР». Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 38–39.

¹⁹⁰Гурвич Г.С. История советской Конституции. М., 1923. С. 134.

и вышли из правительства, оставались еще в советах и входили в Комиссию. Когда V Всероссийский Съезд советов окончательно утвердил Конституцию в июле 1918 г., левые эсеры были изгнаны и объявлены вне закона, и уже началась Гражданская война. Восстание эсеров 6 июля 1918 г. может интерпретироваться как принципиальный фактор, ускоривший принятие Конституции с целью легитимировать качественно новое явление – неограниченное однопартийное господство.

Новый Основной закон, следовательно, не стал результатом достижения консенсуса ни в общественном мнении¹⁹¹, ни в самой Комиссии¹⁹². Окончательный проект был разработан в течение трех месяцев и опубликован 3 июля 1918 г. Характерно, что проект был в тот же день (до обсуждения V Всероссийским съездом советов) направлен на утверждение ЦК партии. Основной проект Конституции, представленный Съезду Комиссией ВЦИК¹⁹³, претерпел редакционные изменения сразу после 6 июля¹⁹⁴ и был дополнен на самом Съезде¹⁹⁵. Таким образом, разработка, обсуждение и утверждение проекта происходили в авторитарном стиле, без соблюдения элементарных юридических формальностей, от начала до конца регулировались партий большевиков. «Опасность зайти в тупик, которую, казалось, вызывали сами формулировки Конституции, – резюмировал Карр, – устранялась тем, что за Конституцией стояла единая власть – власть правящей партии»¹⁹⁶. Только это обстоятельство позволило осуществить молниеносное принятие столь несовершенного Основного закона.

Конституция, по мысли разработчиков (следовавших в этом отношении за яacobинцами и коммунарами), должна была выполнять не столько юридические, сколько политические и демонстрационно-мобилизационные функции. Принятая Съездом 10 июля 1918 г., Конституция советской республики (вместе с утвержденной III Всероссийским Съездом советов в январе 1918 г. «Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа») определялась как «единый основной закон РСФСР»¹⁹⁷, который вступал в действие немедленно после его публикации в «Известиях ЦИК». В то же время, согласно резолюции Съезда, Основной закон «должен быть распубликован всеми местными органами Сов. власти и выставлен во всех Советских учреждениях на видном месте», его

¹⁹¹Вырезки из газеты «Известия» по выработке проекта Конституции РСФСР (4 апр.–11 июня 1918 г.). Ф. 6980. Оп. 1. Д. 14.

¹⁹²Собрание стенограмм заседаний Комиссии. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–63.

¹⁹³Основной проект Конституции // Известия. 1918. № 138 (5 июля).

¹⁹⁴Изменения, внесенные в проект: «Проект Советской Конституции, представлен 5-му Съезду Советов в измененной редакции» // Известия. 1918. № 143 (10 июля).

¹⁹⁵К выработке Советской Конституции // Известия. 1918. № 144 (11 июля).

¹⁹⁶Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Большевицкая революция 1917–1923. М., 1990. С. 133.

¹⁹⁷К выработке Советской конституции // Известия. 1918. № 144 (11 июля).

изучение вменялось в обязанность ввести «во всех без изъятия школах и учебных заведениях Российской республики»¹⁹⁸.

Методом пропаганды Конституции становилась рассылка ее текстов из Канцелярии ВЦИК по уездным и волостным советам, которые ритуально «приносят ВЦИК глубокую благодарность»¹⁹⁹. Символическое значение Конституции подчеркивалось параллельной деятельностью по разработке «социалистических» атрибутов новой государственности – герба и печати РСФСР²⁰⁰. Идеологические принципы нового режима и его программы становятся основополагающими в системе образования²⁰¹. В то же время разработка и принятие Конституции практически никак не соотносились с расширением осуществляемого ВЧК террора, направленного как против оппонентов режима, так и их родственников, практически лишенных всех гражданских прав (расстрелы, конфискация собственности, отказ в приеме на службу)²⁰². В этих условиях когнитивного раскола идеологический подход сторонников диктатуры декларативно противостоял традиционным представлениям о патриотизме их противников²⁰³.

Попытка преодоления раскола представлена синтезом революции и патриотизма – идеей «революционного оборончества». Идея «революционного оборончества» выступала как защита идеалов Парижской коммуны, не справившейся с задачей организации революционной войны. «Коммуна, – заявлял Л. Троцкий, – была слаба. Чтоб довершить ее дело, мы стали сильны. Коммуну разбили. Мы наносим удар за ударом по палачам Коммуны. Мы мстим за Коммуну, и мы отомстим за нее»²⁰⁴. Этот фанатизм и культ воли, отрицающий всякое понятие о парламентаризме, в сочетании с нарциссизмом, беспринципностью и мстительной злобой некоторые исследователи, начиная с Ч. Ломброзо и его русских последователей, считали определяющими психологическими и антропологическими чертами настоящего коммуниста-анархиста – от французской до русской революции²⁰⁵. Консолидация социальной базы классовой диктатуры не могла опираться на правовые конституционные конструкции (даже в их ограниченном большевистском понимании),

¹⁹⁸Ф. 6980. Оп. 1. Д. 14. Л. 28.

¹⁹⁹«Список уездных и волостных Советов, которым были посланы экземпляры конституции РСФСР» (ноябрь 1918). Ф. 6980. Оп. 1. Д. 18.

²⁰⁰Переписка СНК с ВЦИК, НКВД и другими о гербе и печати РСФСР (27 апреля 1918–10 декабря 1918). Ф. 130. Оп. 2. Д. 88. Л. 2.

²⁰¹*Крупская Н.* Народное образование и демократия. М., 1918.

²⁰²Письмо в комитет юстиции № 16 626 203 от 31.07. Ф. 130. Оп. 2. Д. 30. Л. 6.

²⁰³За родину. М., 1918.

²⁰⁴*Троцкий Л.* Парижский рабочий 1871 г. – Петроградский пролетариат 1917 г. // *Борьба за Петроград 15 октября – 6 ноября 1919 года.* М.; Пг., 1923. С. 279.

²⁰⁵*Ломброзо Ч.* Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты. М., 2004.

ибо сами они выступали эманацией революционной воли, воплощенной и персонифицированной в ее выразителях. К этому периоду относится начало формирования культа революционных вождей²⁰⁶, в лицах которых П. Сорокин разглядел сходство с прототипами из ломброзианских медицинских альбомов²⁰⁷. По мере ослабления социального контроля над большевиками в период Гражданской войны и массового террора положения Конституции становились все более неопределенными, а необходимость их правового обоснования все менее значимой. Главным противоречием всего советского конституционализма, проявившимся уже в первой Конституции 1918 г., является стремление в правовых терминах обосновать вполне антиправовой феномен – «диктатуру пролетариата».

11. Смысл большевистского конституционного проектирования

Таким образом, идея Коммуны как прообраза государственности будущего стала теоретической основой и лейтмотивом конституционного проектирования после большевистского переворота, определив масштаб, общие рамки и терминологию проектов Основного закона 1918 г. Миф государства-коммуны 1871 г. позволял заполнить идеологический вакуум, возникший в результате спонтанного крушения государственности и неожиданного прихода большевиков к власти. Данный миф оказался важен для новых властителей в трех отношениях: во-первых, он позволял легитимировать государственный переворот как переход власти от «буржуазного» Временного правительства и Учредительного собрания к непосредственной «рабочей демократии» (которая рассматривалась как выражение принципов Коммуны); во-вторых, обосновать мессианские претензии большевизма на господство в рамках мировой революции, целью которой выступало создание всемирной коммунистической федерации; в-третьих, представить традиционалистские квазигосударственные институты социальной организации (советы) как прототип политических форм будущего коммунистического строя.

Став отправной точкой в ходе разработки первой советской конституции РСФСР 1918 г., данный миф быстро обнаружил свою полную неадекватность социальной реальности «военного коммунизма»: завышенные ожидания, связанные с верой разработчиков в мировую социальную революцию и создание мировой пролетарской республики должны были корректироваться исходя из практики внешнеполитической изоляции, экономической анархии и устанавливающейся однопартийной диктатуры. Когнитивный диссонанс в деятельности

²⁰⁶Альбом народных комиссаров. М., 1918.

²⁰⁷Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992.

разработчиков Конституции проявился в доктринальных, политических и институциональных противоречиях, нашедших выражение в альтернативных моделях политического устройства. Конституция РСФСР 1918 г. – идеологический гибрид принципов трех идеологий – коммунистического анархизма, корпоративизма и государственного централизма с окончательным преобладанием последнего. Данный гибрид возник в результате сочетания процессов ретрадиционализации и модернизации – стихийных импульсов к самоорганизации традиционного аграрного общества (советы) и мобилизационной модели социально-политического регулирования (партийная диктатура).

В когнитивном и управленческом отношении это была попытка обретения «порядка из хаоса» с той оговоркой, что революционный хаос вообще не мог быть преодолен без отказа от вызвавших его утопических и хилиастических представлений. В условиях сохранения утопической идеологической легитимации большевистского режима выход из ситуации мог быть найден в соответствующей идеологической (и семантической) модификации исходных постулатов, селекции социальных норм, определяющих содержание нового «порядка». Поэтому принимаемые правовые формы легитимации режима корректировались уже в ходе их обсуждения, а на практике вообще переставали соответствовать социальной действительности. Условность соответствия этих норм и институтов, собственно, осознавалась разработчиками и закладывалась а priori, исходя из веры в способность к саморегуляции (в виде «революционного творчества масс»). Оригинальность советской версии номинального конституционализма определялась уникальным сочетанием декларативных принципов и подлинных социальных функций данной модели политико-правового регулирования, а ее выражением стал механизм подмены правовых норм изменяющимися идеологическими конструкциями их смысла. Внедрение этого механизма в теории права осуществлялось принятием постулата «революционной законности», на практике – с помощью террора и пропаганды. Особенность самого раннего этапа формирования системы (в отличие от последующих этапов) заключается лишь в том, что эти декларативные принципы еще не отлились в готовые квазиправовые нормы с жестко определенным характером их официальной интерпретации (само понятие официальной интерпретации возможно только с фиксацией норм и обеспечением институционального контроля табуизации их неконвенционального понимания).

Выход из содержательного противоречия был найден разработчиками в таких когнитивно-психологических решениях, которые могут быть определены как редукционизм, смещение и подмена смысла понятий. Когнитивный редукционизм означал сведение общих идеологи-

ческих принципов к институциональным решениям: концепция государства-коммуны была сведена к постулату «диктатуры пролетариата»; коммунистическая конфедерация – к федерации национальных автономий; непосредственная «рабочая демократия» к «республике советов». Когнитивное смещение выражалось в трансформации понятия суверенитета, который первоначально охватывал всех «трудящихся», затем только избранную их часть (пролетариат и беднейшее крестьянство), наконец, их цензово-ограниченное представительство в советах, а сами эти учреждения оказались инкорпорированы в партийно-бюрократическую машину. Подмена понятий выражается в ограничении их универсального смысла постулатом «переходного периода», позволявшим интерпретировать советскую систему как диктатуру, а «непосредственную демократию» как иерархию институтов – чрезвычайных органов власти и партийных ячеек. В работе Комиссии представлены три этапа, выражающих эту логику когнитивного смещения – от коммунизма к «республике советов» и от нее – к не декларированной, но реальной партийной монополии.

Эта логика создания советской системы номинального конституционализма в 1918 г. хорошо объясняет параметры ее крушения в период перестройки, когда происходит последовательная актуализация всех когнитивных компонентов системы, только в обратном порядке. Начавшись с осторожной критики подмены понятий – бюрократических «извращений» социализма («гласность»), процесс распада поставил под вопрос эффективность советов как институтов власти при однопартийной диктатуре («передача власти от партии к советам»), перешел затем в область федеративных отношений («парад суверенитетов») и завершился отказом от идеологически редуцированного коммунизма («ленинских норм») как общей легитимирующей основы режима. Крушение системы наступило, следовательно, именно тогда, когда коммунистический ингредиент советской диктатуры вступил в радикальное противоречие со стремлением обосновать ее в полноценных правовых понятиях.

ГЛАВА V

УТВЕРЖДЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО РЕЖИМА: ОТ «СОВЕТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ» К ОДНОПАРТИЙНОЙ ДИКТАТУРЕ

Происхождение коммунистического режима и выражавшей его советской легенды коренится в природе большевизма как экстремистской идеологии. Следствием ложных когнитивных установок этой идеологии (коммунистическое учение), представляемых как неоспоримый научный вывод («законы» исторического материализма), стала замена доказательных (рациональных) методов социального конструирования квазирелигиозными (идеологическими) постулатами. В результате появилась особая форма фантастического сознания – своеобразный «магический реализм» революционной элиты, суть которого состояла в отождествлении понятий и реальности, приравнивании мышления к действию, определявших социальное поведение. Этот исторический «комплекс превосходства» (обратная сторона «комплекса неполноценности») выражался в сверхкомпенсации – системе завышенных ожиданий и поведении, рассчитанном на немедленное достижение утопических целей, невзирая на социальные издержки. Неспособность большевизма как светского социального движения (в отличие от религиозных форм экстремизма) к гибкому разрешению противоречия между догмой и социальной практикой вела к когнитивному смещению – подмене утопических целей средствами их достижения¹.

В рамках этой концепции получает разрешение проблема институционального конструирования большевистского режима, его форм и причин их эрозии². Одна позиция в этом споре выражается апологетической концепцией «советского феномена»: советы, формально составлявшие основу политической системы СССР, признаются вполне

¹Медушевский А.Н. Феномен большевизма: логика революционного экстремизма с позиций когнитивной истории // Общественные науки и современность. 2013. № 5–6.

²The Russian Revolution: the Essential Readings / Ed. by M.A. Miller. L., 2011.

демократическими институтами государственного управления, а результаты их деятельности будто бы «неизменно оказываются блестящими – и иногда просто удивительными»³. Аутентичная советская форма государственного устройства выступает как «цивилизационный выбор» страны – осознанный отказ от «западного парламентаризма» и возвращение к «самобытным» российским традициям «непосредственной демократии»⁴, что вполне соответствует представлениям официальной марксистской историографии о советах как невиданном в истории «примере массового революционного созидания» новой государственности⁵. Другая позиция диаметрально противоположна: советы изначально не были демократическими институтами и тем более не могут быть признаны эффективными учреждениями управления. Неэффективность советов (как в центре, так особенно на местах) связана с их структурным положением в политической системе, отрывом от населения, порядком деятельности, качеством представительства (в котором доминировали малообразованные или просто неграмотные пролетарско-маргинальные слои), вообще «невысоким кадровым потенциалом аппарата новой власти», далеким от стереотипов большевистской идеологии⁶. В этой трактовке советы интерпретируются прежде всего как мобилизационные институты, ставшие продолжением чрезвычайных учреждений, функционировавших в России периода Первой мировой войны в условиях милитаризованной экономики⁷. Третья позиция в этом споре представляет компромисс: в эволюции советских институтов следует различать два этапа – демократический (когда советы выступали реальными институтами непосредственной «работающей» демократии на основе многопартийности) и авторитарный, когда, начиная примерно с середины 1920-х годов, советы (и профсоюзы) окончательно утрачивают это качество и становятся всецело декоративными институтами⁸. Это позволяет противопоставить сталинскую диктатуру «аутентичной» революционной демократии, ставить вопрос о причинах ее последующих «искажений». В основе «перерождения» лежал процесс эрозии непосредственной демократии – «бюрократизации» советов, завершившийся их полным подчинением коммунистической партии и созданием

³Левин М. Советский век. М.: Европа, 2008. С. 243.

⁴См. напр.: Кара-Мурза С. Советская цивилизация. М., 2001. Т. 1.

⁵Городецкий Е.Н. Рождение советского государства. М., 1987. С. 14.

⁶Фельдман М.А. Большая тайна советской историографии (Историография Советов в годы Гражданской войны) // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 127–137.

⁷Holquist P. Making War, Forging Revolution, Russia's Continuum of Crisis. 1914–1921. Cambridge; L., 2002.

⁸Farber S. Before Stalinism: The Rise and Fall of Soviet Democracy. L.; N.Y., 1990; Pirani S. The Russian Revolution in Retreat, 1920–1924. Soviet Workers and the New Communist Elite. L., 2008.

номенклатуры однопартийного режима⁹. С точки зрения когнитивного метода все три позиции не являются взаимоисключающими и могут получить иную интерпретацию: советский миф выражает спонтанную тенденцию к коллективистской демократии; советы как институциональная основа большевистского режима никогда не являлись органами управления, а так называемое «перерождение» системы, связанное с ее институциональной деградацией, есть выражение когнитивного тупика революционной элиты. Преодоление расширяющейся пропасти между утопией и реальностью было найдено в мифологизации общественного сознания, окостенении институтов, фанатизме и терроре, вообще тенденции к манипулятивному влечению – максимизации контроля и подавления, ведущей к стагнации режима.

Разрешение этого спора с позиций когнитивной истории и неинституциональной теории представляется возможным по следующим параметрам: реконструкция основных концепций советской системы, представленных в конституционных и политических проектах революционного периода с выяснением приоритета, отданного одним концепциям перед другими (что, собственно, понимали под словом «советы?»); раскрытие самого процесса нормативного конструирования – политических коммуникаций, механизмов власти и избирательной системы; анализ соотношения формальных и неформальных принципов и практик старых и новых институтов с учетом целей их создания; выявление дисфункций системы на начальном этапе ее функционирования и предложенных институциональных решений в национальной и сравнительной перспективе; наконец, определение причин трансформации данной системы во времени – связаны они преимущественно с внутренними или внешними факторами воздействия. При таком подходе обсуждение советской системы перемещается из сферы идеологических споров и описательных подходов к аналитическому изучению эффективности ее норм и институтов для достижения целей доминирующего коммунистического проекта.

1. Советы как институт коммунистического самоуправления

Общая идея, владевшая умами идеологов коммунистической революции, состояла в том, чтобы преодолеть принципы парламентаризма и разделения властей в рамках непосредственной, или так называемой «работающей» демократии. Отталкиваясь от анархистского мифа государства-коммуны, теоретическая конструкция Республики Советов, как

⁹*Ferro M. Des Soviets au communisme bureaucratique Les mecanismes d'une subversion. Paris. 1980; Ferro M. La Naissance du Systeme Bureaucratique en U.R.S.S. // Tsarisme. Bolchevisme. Stalinisme. Paris. 1990.*

было показано ранее, выражала идею прямой передачи власти «трудящимся массам». Формой ее осуществления должны были стать новые институты – советы, спонтанно возникшие учреждения, выражавшие традиционалистские стереотипы населения аграрного общества – уравнительно-распределительные установки крестьянской общины, восходящие едва ли не к отношениям родового быта. Социальный запрос на подобный тип организации власти вполне понятен – еще В.О. Ключевский говорил о маловероятности прямого перехода от самодержавия к парламентаризму в России, минуя переходные формы. Однако степень представительности данных форм, очевидно, могла получить различное выражение в политической системе переходного общества – без превращения их в гипертрофированные институты государственности¹⁰. Ни одна политическая партия (включая умеренных левых) всерьез не рассматривала советы как полноценную альтернативу парламентаризму: их считали в лучшем случае инструментом воздействия на «буржуазное» Временное правительство. «Советы, – считали меньшевики, – были прекрасной организацией для борьбы со старым режимом, но они совершенно не в состоянии взять на себя создание нового режима». Поэтому вместо «республики советов» они отстаивали «парламентарную республику без президента, установление законодательной инициативы и референдума по важнейшим вопросам» – т. е. «применение швейцарской системы»¹¹. Такова же была позиция западной социал-демократии и ее адептов в России.

Большевики, доктринально поддерживавшие передачу власти Учредительному собранию, в ходе революции относились к советам также чисто инструментально, выдвигая и снимая лозунг о передаче им власти в соответствии со степенью собственной поддержки. В самом большевизме, как показывают споры кануна Октябрьского переворота, не было единства в отношении советов – считать их единственным или вспомогательным институтом власти¹². Используя советы для легитимации Октябрьского переворота и роспуска Учредительного собрания, они увидели в них прекрасный инструмент массовой мобилизации и сохранения своего господства. Однако Ленин и его окружение, захватившие власть, но не имевшие (в отличие от кадетов) готового проекта конституционных реформ и государственного строительства, столкнулись с аморфностью «советской демократии» и необходимостью ее переустройства. В ходе разработки Конституции РСФСР 1918 г., принятой

¹⁰*Anweiler O. Die Rätebewegung in Russland. 1905–1921. Leiden, 1958.*

¹¹Меньшевики в 1917 году. Т. 3 (От корниловского мятежа до конца декабря). М., 1997. Ч. 2 (От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря). С. 202–203, 216, 219.

¹²О спорах внутри партии большевиков по этому вопросу в канун Октябрьского переворота см. гл. 2 настоящего труда.

после роспуска Учредительного собрания, идея Республики Советов получила поэтому три принципиально различные интерпретации – как выражения коммунистического самоуправления; эрзац представительных учреждений и централистическая вертикаль власти. Стремление совместить концепции рабочей и советской демократии составляет содержание начального этапа деятельности Конституционной комиссии ВЦИК по выработке советской конституции и выражается в ряде гибридных проектов (в которых советы отождествляются с производственными коммунарами).

Первая модель коммунистического самоуправления (представленная в Конституционной комиссии эсерами-максималистами) была близка к анархическому идеалу Коммуны и поэтому в наибольшей степени окрашена коммунистическим утопизмом. «Организация общественной власти или самоуправления трудовой республики, – утверждали они, – строится на началах объединения и представительства всех политически правоспособных членов общества (с соблюдением прав меньшинства посредством применения принципа пропорциональности)»¹³. Высшим органом власти является Всероссийский съезд советов – «съезд представителей местных советов и центральных и областных советских организаций», включая органы профсоюзных, кооперативных, культурных организаций и «политических организаций, стоящих на точке зрения советской власти». В его компетенцию входит «решение важнейших вопросов жизни трудовой республики; выработка заданий и директив ЦИК и утверждение состава центральных ведомственных коллегий (комиссаров); исключительное решение вопросов войны и мира». Съезд, по образцу секций Парижской коммуны, разбивается на коллегии-комиссии «с правом полного контроля всех органов центральной власти». ЦИК является в промежутках между съездами заместителем съезда и высшим после него органом республики, в компетенцию которого входит решение вопросов законодательной, исполнительной и судебной власти. ЦИК формирует правительство – Совет центральных коллегий (утверждаемый Съездом) и наделяется «прерогативой запросов к нему или отдельным центральным ведомствам, коллегии которых самостоятельно выбирают и смещают своего председателя. Собрание председателей коллегий образует президиум Совета центральных коллегий»¹⁴.

Сходная концепция структуры институтов власти представлена в синдикалистских «Статьях проекта Конституции» приват-доцента

¹³Проект основ Конституции трудовой республики, выработанный Исполнительным бюро Союза социалистов-революционеров-максималистов. ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 7. Здесь и далее сноски на архивные документы даются по фондам Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ).

¹⁴Проект основ Конституции трудовой республики. Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 8–9.

Н.Н. Ренгартена¹⁵. Всероссийская Трудовая и Союзная Республика есть «свободный союз организованных в федерации трудящихся», высшим органом власти в котором является Верховный Союзный Конгресс, состоящий из представителей от каждой из основных профессиональных федераций. Каждый гражданин Республики может внести в Верховный Конгресс проект законодательного мероприятия, подлежащего его ведению. Высшая исполнительная власть Союза осуществляется правительством – Союзным Советом, который «осуществляет свою власть до тех пор, пока пользуется доверием Конгресса». Высшим контрольным органом выступает Верховный Трибунал, состоящий из председателей каждой из основных профессиональных федераций и наделенный правом отмены всех законов, несогласных с интересами отдельных профессиональных федераций (для отмены закона достаточно заявления протеста всех членов, представляющих отдельную федерацию). Местное управление осуществляется Губернскими собраниями, состоящими из представителей профсоюзов пропорционально численности их членов, а контроль над исполнением постановлений этих собраний осуществляет Губернский Трибунал (из представителей профсоюзов), имеющий «право отмены всех постановлений, несогласных с интересами отдельных профессиональных союзов».

Коммунистические идеалы трудовой республики, призванной обеспечить всеобщее равенство и положить начало «Мировой федеративно-демократической республике», находили выражение в анархических идеях «общинно-группового социализма». Их институциональным выражением становились различные проекты корпоративистских и муниципальных институтов, – региональных «Советов демократии» (коллегиальных органов народного самоуправления), объединенных центральной властью – Трудовыми палатами, одна из которых избирается от населения, а другая – от корпораций (профсоюзов, кооперативов и иных союзов)¹⁶. Идею федерации как совокупности региональных коммун – социально-экономических союзов – отстаивал в своем проекте М.А. Рейснер¹⁷, доказывавший, что она нисколько не противоречит идее сильной диктатуры пролетариата¹⁸. С этих позиций Рейснером отвергался как чисто

¹⁵Ренгартен Н.Н. Статьи проекта Конституции. Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 10–12.

¹⁶Демократическая радикально-социалистическая платформа (Подробный план очередной исторической работы демократии). Доклад И.И. Филюнина в Комиссию ЦИК по выработке Конституции Советской Республики (Саратов, 30.10.1917–4.01.1918). Ф. 6980. Оп. 1. Д. 16. Л. 3–33 об.

¹⁷См.: Проект Конституции Российской Федеративной социалистической Советской Республики // Известия ВЦИК, № 72 (Пятница 12 апреля 1918 г.); Также: Советская власть и федерация (К вопросу о Конституции) // Известия ВЦИК. 1918. № 76 17 апреля.

¹⁸Работы второй подкомиссии по вопросам Конституции. Ф. 130. Оп. 2. Д. 86. Л. 1–3.

синдикалистский подход Н.Н. Ренгартена, так и национальный принцип построения федерализма во имя производственно-классового¹⁹. Опираясь на теорию корпоративизма Л. Дюги, он интерпретировал «союз трудящихся» как производственно-территориальную федерацию, верховная власть в которой принадлежит советам и их съездам различного уровня (волостным, уездным, городским, губернским, областным, центральным) во главе с Всероссийским съездом советов²⁰.

Компромиссная позиция (с учетом мнений централистов) отражена в альтернативном проекте Конституции РСФСР, разработанном позднее в коллегии Наркомюста под редакцией М.А. Рейснера и А.Г. Гойхбарга, авторы которого стремились совместить единую централизованную систему советских институтов с установлением жестких конституционных рамок их деятельности и расширением прерогатив местных советов²¹. Его главными особенностями стали многозначительное отсутствие упоминания о «диктатуре пролетариата», определение федеративного принципа государственного устройства как «единого и неразрывного союза советов», который мог расширяться «по мере установления в других странах социалистической советской власти», проведение принципов децентрализации власти на местах. Отказываясь от проведения принципа разделения властей (он исходит из единства законодательной и исполнительной власти, отсутствует независимая судебная власть), проект в то же время стремился создать ему некоторую замену, максимально ограничивая прерогативы центральных органов власти. Высший орган власти – Съезд советов, образуемый из депутатов местных советов, устанавливает продолжительность и порядок своей деятельности, принимает бюджет и структуру налогов, осуществляет общий законодательный контроль. Однако он не может восстановить частную собственность на землю или провести денационализацию банков, приостановить вооружение рабочего населения, отменять ограничения избирательных прав, отделение церкви от государства и школы, пересматривать нормы о национальном угнетении или право убежища для иностранцев, подвергающихся политическим преследованиям и, что особенно знаменательно, «издавать законы, в которых устанавливалось бы назначение обязательной смертной казни за какое бы то ни было преступление»²².

¹⁹Об основных началах Конституции Р.Ф.С.С. Республики. Доклад члена Комиссии М.А. Рейснера. Ф. 130. Оп. 2. Д. 86. Л. 20–35.

²⁰Проект резолюции по общим прениям члена Комиссии М.А. Рейснера. Ф. 130. Оп. 2. Д. 89. Л. 1–2.

²¹Проект М.А. Рейснера и А.Г. Гойхбарга опубликован в Известиях ВЦИК № 134 (1 июля 1918 г.).

²²Конституционный проект Отделения права Народного комиссариата юстиции. Ф. 130. Оп. 2. Д. 30. Л. 8–27.

Вводился достаточно жесткий порядок пересмотра Конституции. «Никакой закон, декрет, положение, устав, инструкция или иной законодательный либо правительственный акт не может быть издан в отмену настоящей конституции». Все эти положения могут быть изменены или дополнены «лишь в порядке изменения настоящей конституции», инициатива пересмотра которой предполагает участие всех институтов советской власти и может исходить от избирателей, имеющих право выбора в советы; местных советов и их съездов; ВЦИК, СНК и депутатов Всероссийского Съезда за подписью по крайней мере 50 лиц (что в текущей ситуации первой половины 1918 г. означало необходимость добиться согласия основных партий, представленных в советах). С другой стороны, существенные ограничения накладывались на правительственную власть. ВЦИК избирает из своей среды рабоче-крестьянское правительство – СНК и его председателя, может отзывать его частично или в полном составе. ВЦИК и его Президиум контролируют законодательную деятельность правительства: «все законы и акты» правительства «могут быть отменены, изменены или дополнены постановлениями ВЦИК». основополагающим принципом выступает «коллегияльное устройство» правительства, оно «обязательно и для всех иных учреждений, которые приравнены к народным комиссариатам». Местные советы (и их съезды) наделяются большими полномочиями – могут инициировать созыв чрезвычайного Съезда советов (по инициативе одной трети своего состава) и «самостоятельно определяют избирательное право рабочего населения», однако в случае нарушения конституционных норм «лишаются права представительства на съездах» и могут быть распущены ВЦИК.

Эти ограничения, не способные в принципе предотвратить узурпацию власти, могли в то же время оттянуть ее во времени, оказать влияние на официальный проект, поддержанный большевистским руководством Конституционной комиссии во главе с Я.М. Свердловым. Однако его положения, представлявшие уступку оппозиции в критических условиях борьбы за власть, были немедленно отменены сразу после устранения левых эсеров из правительства.

В силу неопределенности коммунистической (анархо-синдикалистской) конструкции (отсутствие в ней четкого понимания единицы административного управления) она была отвергнута и заменена концепцией единой вертикали советских институтов. Трансформировав идею государства-коммуны в концепцию республики советов, авторы Конституции заложили институциональную основу для социальной мобилизации, которая опиралась на систему традиционалистских институтов (советы), стереотипов сознания (коллективизм и патернализм), вывода реальный механизм власти и принятия решений из сферы конституционного контроля.

2. Советы как институт представительной демократии

Концепция советов как своеобразного аналога представительных учреждений получила наиболее четкое выражение в проекте специальной подкомиссии члена коллегии Наркомюста левого эсера А.А. Шрейдера и представлена в итоговом документе ее деятельности – «Учреждении Советов»²³. «Оглавление учреждения Советов», отражая влияние предшествующего земского законодательства, характеризовалось вниманием к тем вопросам, которые были наиболее чувствительны в отношениях большевиков и эсеров после разгона Учредительного собрания²⁴. Этим объясняется подчеркнутое обращение к юридической стороне дела – определению статуса, структуры, компетенции центральных и местных институтов советской власти, порядка выборов в волостные, городские, уездные и губернские Советы депутатов трудового народа, соотношению активного и пассивного избирательного права, определению сроков, полномочий и круга ведения советов, а также инструментам обжалования принятых решений²⁵.

Советы выступают как реальные органы власти в центре и на местах, к ведению которых отнесены вопросы революционного социального переустройства – землеустройства, контроль за частной промышленностью и торговлей, заведование взысканием и поступлением налогов и исполнением повинностей, формированием и обеспечением Красной армии. Наряду с этим в компетенцию советов передаются фактически все основные функции старых земских учреждений: попечение о просвещении (устройство школ, лекции, распространение сельскохозяйственных познаний); принятие мер к охране личной и общественной безопасности и порядка, заведование милицией; попечение о благоустройстве в населенных местностях (дороги, пути сообщения, почта, телефон); принятие мер к охране народного здоровья (содержание лечебных заведений, санитарные меры, охрана труда, жилищные нужды); заведование взаимным государственным страхованием граждан от старости, увечья и болезни; оказание юридической помощи. В подведомственных им делах советские учреждения действуют самостоятельно, однако всякое их решение может быть приостановлено решением вышестоящего совета. Советы получают «право именем Российской Республики на основании общих гражданских законов отчуждать и приобретать в пользование имущество» и «отвечать на суде

²³Проект, предложенный тов. Шрейдером: «Оглавление учреждения советов». Ф. 6980. Оп. 1. Д. 3. Л. 37–43.

²⁴Медушевский А.Н. Учредительное собрание и конституционные альтернативы России в 1917 году // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1. С. 4–23.

²⁵Документы подкомиссии (Шрейдера) о Советах. Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 17–43.

по имущественным делам». «Дела в собрании Совета и их отделов решаются простым большинством голосов присутствующих членов. В случае равенства голосов при открытом голосовании голос председателя дает перевес, при закрытом – предложение считается отклоненным. Все постановления Совета и его отделов вносятся в журнал и скрепляются подписями членов Собрания. Все постановления Совета, годовые отчеты об их деятельности, смета и раскладка сообщаются в копиях советским Учреждениям высшего порядка: Волостными советами в Уездный и Губернский, Уездными в Губернский и Областной»²⁶.

Структура центральных органов власти в проекте А. Шрейдера напоминает о парламентаризме и включает определенные механизмы разделения их функций и взаимного контроля. Высшим органом власти выступает Всероссийский Съезд рабочих, солдатских, казацких, крестьянских, батрацких и иных трудовых депутатов, который вызывает ассоциации с Учредительным собранием, поскольку действует фактически постоянно (созывается не реже одного раза в три месяца), устанавливает сам продолжительность своей сессии; может назначить время и место следующего очередного съезда, собирается на внеочередной съезд по требованию половины общего числа губернских и городских советов. ВЦИК, осуществляющий верховную власть между съездами, действует на многопартийной основе, поскольку «избирается на общем собрании Съезда всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием из среды депутатов, пропорционально числу членов каждой фракции». Съезд избирает правительство РСФСР – СНК и назначает его председателя. Таким образом, «СНК в целом и каждый член его в отдельности ответственен перед Съездом или Исполнительным Комитетом»²⁷.

Данный проект, естественно, не мог быть принят ленинским большинством в Комиссии и был отвергнут как слишком «парламентский» и «мелкобуржуазный». После восстания левых эсеров 6 июля 1918 г. Шрейдер (уже после утверждения Конституции) выступил с новым проектом, демонстрируя тем самым неприятие большевистской Конституции²⁸. Этот проект, написанный Шрейдером в тюрьме и изданный затем за границей, вызвал характерную отповедь Г.С. Гурвича: опыт «показывает, – заявил он, – что в борьбе против непрошенных прожектеров существует лишь одно действенное средство – Бутырки» (имеется в виду центральная тюрьма)²⁹.

В рамках концепции единой вертикали советских институтов предметом обсуждения стали вопросы горизонтальной (территориальной) и

²⁶Документы подкомиссии (Шрейдера) о Советах. Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 19–23.

²⁷Высшие органы власти. Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 25–27.

²⁸*Шрейдер А.* Федеративная советская республика // Республика Советов. Берлин; Милан, 1920.

²⁹*Гурвич Г.С.* История советской Конституции. М. 1923. С. 16.

вертикальной (иерархической) структуры советов, порядка их ранжирования (уровни компетенции), формирования (избирательная система) и функционирования – взаимоотношений с другими (регулярными и чрезвычайными) органами власти. Однако уже в процессе институционализации советов становились очевидны их слабые стороны: во-первых, стало ясно, что они не могут быть аналогом представительных учреждений (сам принцип был отвергнут); во-вторых, выяснилась их институциональная громоздкость (отсутствие механизма принятия решений), в-третьих, функциональная недееспособность в условиях необходимости быстрого принятия решений (невыполнение решений и делегирование ответственности).

3. Советы как институт революционной диктатуры

Советская система столкнулась с целым рядом практических вызовов – экономических, политических и административных. К числу первых относилось возникновение натуральной и распределительной экономики, ставшей результатом как доктринальных коммунистических принципов, так и следствием войны и огосударствления экономики. К числу вторых – стремление большевиков к максимизации контроля над управлением как через формальные квазигосударственные структуры, так и все негосударственные (общественные, профсоюзные, кооперативные, творческие и подобные организации и союзы). К числу третьих – необходимость принятия быстрых и бесперебойных решений в условиях военного коммунизма, Гражданской войны и борьбы с внешним окружением.

Симптомом преобладания централистских настроений стал проект Щепанского – «Краткая схема Конституции»³⁰. «Купаясь в огне революции» и «отдавая душой работе в совдепах», этот фанатичный коммунист считал, что «вполне понял их характер и назначение в дальнейшей борьбе за окончательное освобождение пролетариата от экономического ига». Его не устраивала аморфность новых институтов власти – отсутствие «между советами определенной симметричности или связи», которое делает их нежизнеспособными. В этих условиях «безжизненно звучит официальное постановление о создании коммунистического общества (Петроградская Коммуна), ибо прежде чем постановить создать коммуны, нужно выйти на улицу и посмотреть, как спекулянт, тунеядец, буржуй едет на лихаче в гастрономическую лавку и покупает там массы лакомств, а рядом с этим печально тянутся по улице полуголодные

³⁰Схема Конституции, составленной членом компартии тов. Щепанским (Прислано в Комиссию по выработке советской Конституции из отдела местного управления НКВД 25 мая 1918 г. Документ датирован 14.05.18). Ф. 130. Оп. 2. Д. 86. Л. 5–17.

пролетарии». Выход усматривался в создании «могучего рабоче-крестьянского государства, которое приведет пролетариат к коммуне». Для этого необходимо создать единую централизованную систему советов – «разделить их градациями подчиненности, определить их характер, построить где их нет, дабы вся Советская республика представляла ассоциации советов в виде конуса, конечной точкой и мозгами которого был Центросовдеп. Кроме того нужно создать исполнительный аппарат, который бы быстро и энергично проводил от центра все повеления».

Выстраивается предельно иерархизированная вертикаль советских институтов снизу доверху: сельские (избираемые сельским сходом); местечковые, городские (организуются путем выборных депутатов по установленной норме представительства), волостные (организуются путем съезда представителей от сельских совдепов волости), уездные (съезд представителей волостей, местечек, городских совдепов), губернские (путем съезда представителей уездных и городских совдепов); областные и краевые (съезд представителей губернских, городских, уездных совдепов). Во главе этой вертикали стоит Центросовдеп, или «рабоче-крестьянский парламент Республики», который «является наивысшим органом власти, объемлющим все пространство Республики. Декреты Центросовдепа обязательны для всех граждан и Совдепов Республики. Центросовдеп назначает исполнительный орган, высший народный суд Республики, ведет переговоры с иностранными державами и заключает разного рода обязательства с этими державами, объявляет войну, заключает мир». Центросовдеп «пользуется неограниченной властью в Республике», обладает «правом роспуска любого Совдепа Республики». Данный институт, имеющий сходство с Конвентом, организуется путем Съезда представителей от краевых, губернских, уездных и крупно-городских Совдепов, «комитетов центральных политических партий, стоящих на платформе Советской власти» и от центральных профессиональных союзов. Данному институту всецело принадлежит законодательная власть, назначение исполнительной власти – Совнаркома и контроль за деятельностью комиссаров, которые «проводят в жизнь декреты Центросовдепа» и в любой момент «могут быть лишены полномочий и преданы суду декретом Центросовдепа». Вся иерархия комиссаров – от областного до уездного уровня соответствует структуре совдепов. Судебная власть также находится в его полном подчинении. Высший народный суд «организуется путем выбора из среды депутатов Центросовдепа и Областного Совдепа Комиссара Юстиции и назначенных Центросовдепом лиц из среды юристов по представлению Комиссара Юстиции. Этому органу подведомственны все судебные учреждения Республики, орган этот организует судопроизводство Республики». Соответственно иерархии Совдепов создается иерархия

народных судов и их компетенция. «При определении наказания суды руководствуются совестью», причем «приговоры с предельными наказаниями, во избежание лишней волокиты... обжалованию не подлежат и приводятся в исполнение»³¹.

Точка зрения большевиков и прежде всего их концепция места советов в политической системе представлена в инициативных документах наркомата внутренних дел. В конспекте организатора красного террора М.И. Лациса «О Советской власти» еще чувствуется влияние земского законодательства (сравнение волостного исполкома с земской управой, а городского совета – с городской думой), однако оно носит (в отличие от проекта Шрейдера) скорее внешний характер. Решающий поворот в направлении большевистской концепции произошел на первом пленарном заседании Комиссии, где были одобрены тезисы И.В. Сталина «О типе Федерации Российской Советской Республики»³², которые, как показал Карр, не вошли затем в собрание его сочинений. Они легли в основу представленных им «Общих положений Конституции», утвержденных в качестве общего руководства работ Комиссии³³. В основе данного подхода, представленного в плане Советской Конституции (Ю. Стеклова)³⁴ – рассмотрение РСФСР как федерации национальных образований, интересы которых представляют соответствующие советы, а последние объединяются воедино концепцией диктатуры. Позиция Сталина выражала точку зрения Ленина, не принимавшего непосредственного участия в работе Конституционной комиссии, но внимательно наблюдавшего за ней. Эта позиция состояла в отрицании «вакханалии федерализма», вытекающей из проекта Рейснера, принятии идеи национальной структуры федерализма вместо территориальной с выстраиванием унифицированной системы советских институтов³⁵. Суть тезисов Сталина, противопоставленных большевиками эсеровским проектам, заключалась в обосновании диктатуры и жесткой централизации власти как временной меры, рассчитанной на переходный период к бесклассовому обществу. Длительные усилия найти оптимальную структуру советов и функциональный принцип (отраженный в многочисленных инструкциях) демонстрировали безуспешность этих попыток.

³¹Схема Конституции, составленной членом компартии тов. Щепанским. Ф. 130. Оп. 2. Д. 86. Л. 16.

³²О типе федерации Российской Советской Республики (Тезисы Сталина). Ф. 6980. Оп. 1. Д. 12. Л. 81.

³³Общие положения Конституции Российской Советской Федеративной Республики (Проект Сталина). Ф. 6980. Оп. 1. Д. 12. Л. 81; См. также: Общие положения Конституции (проект И.В. Сталина). Ф. 6980. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

³⁴План Советской Конституции (за подписью Стеклова). Ф. 6980. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

³⁵Спор Рейснера и Сталина см.: Стенограмма заседаний Комиссии от 19 апреля 1918 г. с приложением проектов общих положений Конституции РСФСР Сталина и других членов Комиссии. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 6. Л. 3–10.

4. Советы как институт управления: разделение функций и механизм принятия решений

В ходе дебатов в Комиссии о системе институтов центральными стали вопросы ее унификации (их единого обозначения), порядка формирования (выборов и многопартийности), соотношения законодательной и исполнительной власти (ЦИК и СНК), баланса принципов коллегиальности и единоначалия в их деятельности. Разработчики Конституции 1918 г., констатировал Ю. Стеклов, вообще плохо представляли, что такое «советский строй как первый в государственном масштабе опыт социалистического строительства», как должна выглядеть конструкция центральных и местных советов, а главное – их соотношение с принципом федерализма³⁶. Во-первых, унификация новых институтов требовала терминологического единства в их обозначении – определения соотношения понятий «совдепы» и «советы». При обсуждении проекта «О российских советах»³⁷ его автор Лацис констатировал, что различие имеет чисто исторический характер, поскольку сначала использовали первое понятие, затем – второе (из-за его целесообразности для сельских сходов, где нет совдепов, но есть советы). Другая позиция (Ю.М. Стеклов, А.И. Бердников) состояла в том, что советы – это и есть совдепы (и этим понятием нельзя определять мирские и сельские сходы в деревне), причем на практике эти понятия практически неразличимы. Принципиальную позицию занял Шрейдер, противопоставлявший советы как представительные учреждения другим институтам непосредственной демократии: «Всякое собрание граждан, – подчеркивал он, – не может быть названо советом, потому что только избранные могут составить совет, иначе вы делаете два разряда: один низший, другой высший, один имеющий мандаты и состоящий из полномочных представителей, другой – сам пришедший». Итог спору подвел Я.М. Свердлов: понятие «советы» должно быть принято в силу его закреплённости в массовом сознании, не различающем юридических тонкостей, а создание единой структуры учреждений (когда в сельских местах создаются исполком и президиум) есть «роскошь неслыханная»³⁸. Эти идеи получили развитие в проекте «Декларации прав и обязанностей трудящихся», где их освобождение и самоопределение однозначно связывалось с объединением в Советы соответ-

³⁶Стеклов Ю. Конституция Советской России // Известия ВЦИК. 1918. № 65. 4 апреля.

³⁷Стенограмма заседания Комиссии от 19 июня 1918 г. с приложением проекта «О российских советах» (проект подкомиссии Лациса и Бердникова). Ф. 6980. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–13.

³⁸Там же. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 10. Л. 3–4.

ствующего сословного профиля – рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов³⁹.

Во-вторых, другой стороной той же проблемы единства институтов стал неопределенный порядок их формирования, обсуждавшийся в связи с принятием подготовленного подкомиссией Лациса, Гурвича и Бердникова раздела Конституции об избирательной системе⁴⁰. Этот вопрос был выдвинут эсерами, настаивавшими на расширении избирательной системы и инициировавшими ряд документов, обеспечивавших юридическое закрепление многопартийности представительства⁴¹. Характерен протест Шрейдера (от имени левых эсеров) против исключения из выборщиков лиц, занятых ведением домашнего хозяйства и ряда других категорий, представлявших общественные организации и партии. Однако большинство Комиссии было озабочено главным образом проблемой предотвращения проникновения в советы классово чуждых элементов. Согласно этой логике, отстаивавшейся Свердловым, Лацисом и В.А. Аванесовым, «не всякая профессиональная организация должна посылать своих представителей в совет», а только те, которые «стоят на точке зрения советской власти»: следует «политические партии и кооперативы исключить совершенно», поскольку их представители «сейчас могут влиться в советы и перевернуть советы». Дискуссия была фактически свернута, поскольку, резюмировал Свердлов, «у нас нет представителей фракций»⁴².

В-третьих, в условиях последовательного отрицания разделения властей актуален стал вопрос о соотношении и разделении функций высших органов власти – как должны соотноситься Съезд, ЦИК (и его Отделы), СНК, отдельные наркоматы, система местных учреждений и кто должен осуществлять контроль над ними? В Комиссию были внесены предложения о сосредоточении законодательных функций в одном институте – ВЦИК, подразделенном на две палаты – Большой и Малый Советы⁴³, в исключительную компетенцию которых входит принятие декретов, с параллельной отменой СНК и передачей его функций особым комиссиям или отделам ЦИК⁴⁴, либо ЦК. Этот подход, вполне соответствовавший утопии государства-коммуны, отстаивался левыми

³⁹Проект декларации прав и обязанностей трудящихся (принятый Комиссией). Ф. 130. Оп. 8. Д. 159. Л. 2.

⁴⁰Проект Положения о Российских Совдепах и другие материалы Третьей подкомиссии по выработке Советской Конституции (Бердников, Гурвич, Лацис). Ф. 130. Оп. 8. Д. 159.

⁴¹О регулировании представительства фракций в ЦИК. Выписка из протокола заседания СНК от 6 ноября 1917 г. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 13. Л. 15.

⁴²Стенограмма заседания Комиссии от 19 июня 1918 г. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 10. Л. 13–16.

⁴³Ф. 130. Оп. 8. Д. 159. Л. 11–14.

⁴⁴Проекты, не рассмотренные Комиссией ЦИК. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 14. Л. 73.

коммунистами и эсерами, но не мог быть принят большевиками, так как означал «страшную ломку» существующих институтов и неизбежный конфликт с левыми эсерами (Стеклов). Стремясь избежать обсуждения вопроса по существу, Свердлов заявил, что он уже был рассмотрен на заседании ЦК и, по мнению Ленина, его «следует снять с порядка дня ввиду того, что Конституция в целом не готова». Он предложил на этом этапе принимать Конституцию по частям, а вопрос о Советах обсудить на ближайшем съезде⁴⁵.

В-четвертых, остался не решен вопрос о принципе принятия решений в советских институтах: должны они действовать на основе коллегиальности или единоначалия (министерский принцип). Констатируя «хаотическое положение» в государственном управлении, разработчики в духе революционной риторики первоначально стремились последовательно провести коллегиальный принцип, однако, столкнувшись с «путаницей» и параллелизмом в деятельности советских учреждений, вынуждены были умерить коллегиальность и принять некоторые аспекты единоначалия⁴⁶. Для того чтобы установить взаимодействие «между всеми советскими учреждениями, начиная с самого верха до самого низа» и обеспечить «тесную связь широких кругов с советской работой», предполагалось выстроить систему отношений между ЦИК, его комитетами и советами, обеспечив иерархическое «соотношение центральных, губернских, уездных и областных аппаратов»⁴⁷. В этой системе правительство выступало как «средний аппарат» – посредник в отношениях советов разного уровня, а сами эти отношения все более соответствовали принципу единоначалия.

Дебаты по этим ключевым вопросам в Конституционной комиссии стали возможны в силу ее многопартийного состава, а решения по ним предполагали достижение компромисса с оппонентами большевиков – левыми эсерами. Основной проект Конституции, подготовленный Комиссией ВЦИК к V съезду Советов, еще носил следы этого компромисса⁴⁸. Однако после подавления мятежа левых эсеров 6 июля 1918 г. проект подвергся ревизии и был принят Съездом уже в измененном виде⁴⁹. Советы получили иерархическую и централистскую интерпретацию, исключавшую даже намек на разделение властных функций. Окончательный вариант Конституции закрепил за СНК как исполнительные,

⁴⁵Стенограмма заседания Комиссии от 26 июня 1918 г. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 12. Л. 51–53.

⁴⁶Стенограмма заседания Комиссии от 26 июня 1918 г. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 12. Л. 54.

⁴⁷Прения по вопросу об СНК: Стенограмма заседания Комиссии ВЦИК от 26 июня 1918 г. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 12. Л. 57–59.

⁴⁸Основной проект Конституции // Известия ВЦИК. 1918. № 138 5 июля.

⁴⁹Проект Советской Конституции, представленный 5-му Съезду Советов в измененной редакции // Известия ВЦИК. 1918 № 143 10 июля.

так и законодательные функции⁵⁰. Позднее этот принцип лег в основу проекта Малого Совнаркома – технического института из представителей советских ведомств при СНК для предварительного рассмотрения бюджета и всех «дел законодательного и административного характера, вносимых в него ВЦИК, Совнаркомом, отдельными Наркоматами и другими учреждениями и лицами, в соответствии с ст. 37–41 Советской Конституции»⁵¹. Документ был подписан председателем СНК Лениным 1 июня 1920 г. Круг замкнулся: ВЦИК как законодательный институт оказался полностью зависим от большевистского правительства.

Логика формирования советской системы подчиняется общим управленческим тенденциям соотношения центра и периферии в распавшейся Империи. На первом этапе (в 1918 г.) распад единого государства привел к выраженной децентрализации – формированию почти самостоятельных региональных советских республик (губернских, уездных и даже волостных). На следующем этапе верх берет централизаторский вектор, осуществление которого шло административным путем – выстраивания единой вертикали власти. Следствием централизации управления стали процессы реструктуризации советов по ряду направлений – их укрупнение (для удобства контроля); иерархизация (по разным направлениям); унификация их состава (за счет вытеснения представителей других партий или оппозиционных фракций); бюрократизация (выстраивание системы отделов, исполкомов и президиумов, приобретавших самостоятельное значение); милитаризация (введение военной дисциплины) и выстраивание жесткой иерархической вертикали (подчинение отделов соответствующим наркоматам в рамках «главкизма»); замена советов на практике чрезвычайными хозяйственными, исполнительными и карательными органами (ревкомами, комбедами, военными комитетами, чрезвычайными комиссиями и ревтрибуналами)⁵². Процесс так называемой «большевизации» советов (т. е. направленного изгнания из них представителей всех иных партий) завершился уже в 1918 г., продолжился в дальнейшем в прямых и косвенных формах («переизбрания» неугодных советов или подменой их другими органа-

⁵⁰Резолюция 5-го Съезда советов и дополнения к проекту см.: К выработке Советской Конституции // Известия ВЦИК 1918. № 144 11 июля.

⁵¹Проект Конституции Малого Совета (26 мая 1920 г.) за подписью его Председателя М. Козловского // Ф. 1235. Оп. 95. Д. 41 Л. 244–244 об.

⁵²Эти тенденции раскрыты в советской историографии периода «оттепели»: Морозов Б.М. Создание и укрепление советского государственного аппарата (ноябрь 1917 г. – март 1919 г.). М., 1957; Гиппельсон Е.Г. Из истории строительства советов (ноябрь 1917 – июль 1918 г.). М., 1958; Калинин Г.С. Великая Октябрьская социалистическая революция и создание Советского государства. М., 1959; Чугаев Д. История создания и упрочения Советского государства. М., 1964; Чистяков О.И. Становление Российской Федерации (1917–1922). М., 1966; Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти. Л., 1973.

ми власти – революционными комитетами на местах). Их состав был подвергнут целенаправленной селекции исходя из целей диктатуры, а ее главным критерием стала лояльность партийным установкам и способность к их неукоснительному проведению. Структура и состав этих институтов отвечали их главной – мобилизационной функции, а следствием стал отрыв от населения: так называемые представители «трудового народа», независимо от социального происхождения, уже на начальной стадии становились функционерами, статус, привилегии и будущая карьера которых зависели не от избирателей, а от центральных партийных инстанций. Все управление характеризуется предельной централизацией и концентрируется в Совете рабоче-крестьянской обороны.

5. Советы и ликвидация институтов местного самоуправления

Реальная практика деятельности советов с самого начала была далека от принятых ограниченных конституционных предписаний. Она предполагала выстраивание единой централизованной и унифицированной системы советских институтов, призванных полностью заменить существующие формы представительной демократии и самоуправления. В предреволюционной России земское движение стало одним из важных факторов становления гражданского общества и политического либерализма⁵³. Земства способствовали вовлечению широких масс населения в новую демократическую политическую культуру, помогая осваивать принципы местного самоуправления и правосудия⁵⁴. В годы Первой мировой войны земские организации выполняли важные хозяйственные функции, хотя, по мнению некоторых исследователей, их тенденции к замкнутости и местничеству стали причиной кризиса транспорта и продовольственного снабжения, поставившего империю на грань катастрофы⁵⁵. Между этими двумя тенденциями – к демократизации и хозяйственной самоизоляции в условиях войны – нет (вопреки утверждениям ряда исследователей) никакого противоречия, поскольку обе тенденции вполне отвечают управленческой закономерности системного распада и восстановления. Закономерность ситуации подтверждается ее повторным воспроизводством в период крушения СССР в 1991 г., когда местные советы разного уровня, получив большую автономность от центра, вновь продемонстрировали рост «демократизма» в сочетании с хозяйственной самоизоляцией, часто становившейся

⁵³Emerging Democracy in Late Imperial Russia. Case Studies on Local Self-government (the Zemstvos), State Duma Elections, the Tsarist Government, and the State Council before and during World War I. Niwot, 1998.

⁵⁴Burbank J. Russian Peasant go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. Bloomington, 2004.

⁵⁵Земский феномен: политологический подход. Саппоро, 2001.

условием выживания регионов и отдельных предприятий с распадом единого рынка и вынужденным переходом к натуральному обмену (так называемому «бартеру»). В истории страны подобная ситуация имела место в эпоху Смутного времени начала XVII в., также характеризовавшегося образованием региональных центров власти – земских советов и правительств⁵⁶. Выход из этого кризиса был найден в централизации, направленном конструировании социальной опоры режима, отмене институтов сословного представительства в центре и регионах, унификации, бюрократизации и милитаризации государственного управления – процессах, достигших наивысшего выражения в эпоху утверждения абсолютизма в России⁵⁷. Вызов распада государства во всех трех случаях (Смутного времени начала XVII в., Гражданской войны 1918–1920 гг. и распада СССР в 1991 г.) порождал сходную системную реакцию в виде укрепления единой вертикали власти.

Уничтожая земства в 1918 г., большевики решали, следовательно, три задачи: ликвидации институтов гражданского самоуправления, встраивания региональных институтов в единую систему принятия решений и, одновременно, предельной централизации управленческих коммуникаций. Следствием становилось реформатирование отношений власти и населения на региональном уровне⁵⁸. «Все прежние органы местного управления, областные, губернские и уездные комиссары, комитеты общественных организаций, все правления и проч., – разьяснял НКВД, – должны быть заменены соответственно областными, губернскими и уездными, районными и волостными Советами». Вся страна «должна покрыться сетью советских организаций, которые должны находиться в тесной организационной зависимости между собою», «сообразуя свою деятельность с общими декретами и постановлениями центральной власти и с постановлениями тех более крупных советских организаций, в состав которых она входит». Местные советы «должны овладевать аппаратом местного управления, захватывая все правительственные учреждения, подчиняя себе все стороны жизни». Таким образом «создается связный, во всех своих частях однородный организм – Республика Советов»⁵⁹. Но как могла действовать эта политическая система, не имевшая прямых исторических аналогов, на практике?

⁵⁶Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М., 1994.

⁵⁷Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994.

⁵⁸Badcock C. Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History. Cambridge, 2008.

⁵⁹Обращение Народного комиссара по внутренним делам «Ко всем Советам Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Батрацких депутатов». Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 59–60.

В период разработки Конституции РСФСР советы в результате фактического распада государства еще пользовались определенной региональной и политической автономией от центра. Своими постановлениями они (как, например, Съезд Западной области 11 апреля 1918 г.) могли принимать решения об объединении «старых губерний в областные единицы по принципам экономическим, географическим и этнографическим», а также с учетом «дезорганизации хозяйственной жизни, вызванной близостью придвинувшегося фронта»⁶⁰. Постановления Кронштадтского совета, рассматривавшиеся Рейснером как прообраз местных коммун и ставшие одним из источников конституционных норм, отражали известный уровень самоорганизации: вводили нормы социальной дисциплины, несения службы, регистрации прибывших и убывших граждан, сбора справок о «трудоустройстве», организации общественного порядка, включая создание вооруженной милиции, действия которой не были бы «самочинны по отношению к гражданам, не нарушающим порядка на улице». Однако деятельность Совета не выходила за рамки революционно-полицейской бдительности: «наблюдать за охраной жилищ, особенно в ночное время, следить за лицами, имеющими различные узлы и подозрительно ведущими себя, и принимать меры к выяснению личности». В целом она была направлена на максимизацию контроля – вплоть до проверки номерных знаков велосипедов, ломовых и легковых извозчиков⁶¹. Сходными были принципы деятельности Тверского совета⁶². Некоторые советские институты, например Исполком Касимовского уезда, предполагали даже ввести процедуру рассмотрения на своем президиуме «всяких реформ, обязательных постановлений и воззваний, проводимых комиссарами» до их опубликования и утверждения на съезде⁶³. Это создавало трудности при разграничении компетенции и функций советов различного уровня⁶⁴. Создание областных советских республик (Сибирской, Поволжской, Прикамской) выражало тенденции регионального сепаратизма, а их нежелание подчиняться законодательству Центра было бы наивно объяснять (как это делали советские историки) исключительно реакцией на царский авторитаризм и противодействие оппозиционных партий.

⁶⁰ Съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов Западной области 11 апреля 1918 г. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 13. Л. 37.

⁶¹ Постановления и резолюции Кронштадтского совета рабочих и солдатских депутатов. Ф. 6980. Д. 13. Л. 27–32.

⁶² Инструкция Тверского совета об организации советской власти в волостях. Ф. 6980. Д. 13. Л. 24–26.

⁶³ Устав для членов Исполнительного комитета касимовского уездного Совета Советов. Ф. 6980. Д. 13. Л. 33–36.

⁶⁴ Справочный материал о распределении полномочий Всероссийских съездов совдепов, сельских советов и Совдепов, Волостных совдепов, уездных, городских, Областного совдепа. Ф. 130. Оп. 2. Д. 86. Л. 31–44.

Все их документы, проникнутые риторикой революционной анархии, не свидетельствуют о способности советов к полноценной управленческой деятельности.

Уже в период разработки Конституции отчетливо представлен вектор подчинения советов центральной политической власти. В «Инструкции о правах и обязанностях советов», разработанной НКВД, на советы возлагались в основном информационные, распределительные и карательные функции. «В порядке управления Советы проводят в жизнь все декреты и постановления Центральной власти, принимают меры к самому широкому оповещению населения об этих постановлениях, издают обязательные постановления, производят реквизиции и конфискации, налагают штрафы, закрывают контрреволюционные органы печати, производят аресты и распускают общественные организации, призывающие к активному противодействию или свержению Советской власти»⁶⁵. Советы сами «должны изыскать источники средств существования на месте». Они добываются «путем беспощадного обложения «новых добавочного, конфискации имущества земств и установления «нового добавочного прогрессивно-подоходного налога». Для достижения этих целей к ним переходят чрезвычайные функции упраздняемых Военно-революционных комитетов, «возникшие во время переворота», а в качестве «временной меры» они получают прерогативу «назначения комиссаров в губернии и уезды, где власть совета недостаточно укрепились или где не признают полноты власти советов»⁶⁶.

Осуществление данного плана означало полное уничтожение традиционных институтов местного самоуправления и захват их аппарата⁶⁷. «Существование советов земских и городских самоуправлений, – подчеркивала инструкция, – не должно иметь места. Там, где органы самоуправления не наши, где они выступают против Советской власти, они должны быть распущены, а где они работают с Советами, должны слиться с ними, дабы не было двух однородных органов. Ликвидация самоуправления должна производиться постепенно, по мере того, как Совет овладеет той работой, которая до сих пор лежала на органах самоуправления, причем весь технический аппарат и касса переходит в руки Советов. Таким образом решается и вопрос о средствах существования Советов»⁶⁸. Реализация ключевых захватно-распределительных функций советов, насаждаемых «взамен старых отживших правительственных учреждений», определяла структуру создаваемых

⁶⁵Инструкция о правах и обязанностях советов. Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 60 об.

⁶⁶Инструкция о правах и обязанностях советов (За подписью – комиссара Отдела Местного Управления Лациса-Судрабса). Ф. 6980. Оп. 1. Д. 13. Л. 16–19.

⁶⁷Лепешкин А.И. Местные органы власти советского государства. М., 1957.

⁶⁸Вопросы и ответы: как быть с земским и городским самоуправлением. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

внутри них отделов (управления, финансов, земледелия, труда, управления общественным недвижимым имуществом и др.), приоритетной задачей которых (в отличие от земских учреждений) становились учет, контроль, надзор и перераспределение конфискованных ресурсов, а для их обеспечения рекомендовалось «использовать организационный аппарат земских и городских самоуправлений с соответствующими изменениями»⁶⁹.

Другой важнейшей функцией советов следует признать мобилизационную – в отношении обеспечения трудовой повинности и набора в армию, для чего создавались особые военные (или армейские) отделы, в задачу которых входили вербовка красноармейцев, организация записи добровольцев на фабриках и заводах, волостях, агитация, вооружение, подготовка состава, реквизиции предметов снабжения у населения, вообще текущий «учет людского контингента, конского состава, технических сил и средств рабоче-крестьянской армии»⁷⁰. В волостях создавались правления из уполномоченных деревень, на базе которых должны были формироваться Советы крестьянских депутатов во главе с Исполкомом, а члены местной Управы, Земельного комитета и судьи могли быть привлечены к его работе только с правом совещательного голоса, причем «суд в своих решениях руководствуется совестью и обычным правом, новыми узаконениями, а отнюдь не теми или иными законоположениями царского правительства»⁷¹.

Для обеспечения полной лояльности крестьянских (волостных и сельских) советов большевиками осуществлялось последовательное направленное манипулирование их составом. Поскольку деревенские советы, разъяснялось в соответствующей инструкции (1918), были «избраны до социалистической революции», они оказались «в руках контрреволюционеров», и им были противопоставлены так называемые комитеты бедноты. Но сохранение этого «двоевластия» мешало централизованному руководству. Выход был найден в таких «перевыборах» советов, которые обеспечивали лояльность их состава большевистской диктатуре. «Перевыборы, – подчеркивала инструкция ВЦИК (1918), – должны состояться даже там, где дореволюционные Советы удовлетворительны по своему составу, или, наоборот, комитеты бедноты окончательно вытеснили Советы. Нужно путем общих перевыборов сделать Советскую организацию совершенно единообразной и в корне уничто-

⁶⁹Выписка из протокола заседания коллегии при нар. Комитете по внутренним делам от 9 января 1918 г. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 13. Л. 24–26.

⁷⁰Проект инструкции для руководства советом и комитетом на местах для создания управления Красной Армии. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 13. Л. 40–44.

⁷¹Инструкция об организации советской власти в волостях. Ф. 130. Оп. 2. Д. 85. Л. 52–53.

жить всякое разделение»⁷². Вместо правовых (судебных и административных) методов разрешения конфликтов выдвигались политические, воплощенные в институте Рабоче-крестьянской инспекции, в декларируемые задачи которой входили привлечение масс к управлению, борьба с саботажем и бюрократами, подготовка трудящихся к управлению. Статус РКИ предполагалось закрепить в Конституции «как новый творческий шаг пролетариата по пути к укреплению коммунизма»⁷³.

Тенденции к централизации власти и управления в органах чрезвычайного типа отнюдь не были вынужденной уступкой революционной целесообразности в условиях «военного коммунизма», как думала советская историография, но представляли собой логическое следствие избранной модели советского устройства.

6. Однопартийная диктатура как инструмент контроля и социальной дрессировки

Следствием разрушения механизма обратных связей между обществом и революционной элитой стала неспособность большевистского режима сформировать полноценные демократические институты власти. Для данного режима стало характерно, во-первых, отсутствие четкой правовой основы и контроля за юридическими параметрами функционирования (в отличие от большинства других авторитарных режимов межвоенной эпохи, включая «дуальное» государство нацистов)⁷⁴ – несоблюдение собственной конституции и законов как общий принцип, неясность юридических границ государственной, региональной и частной собственности, допустимых и недопустимых действий в административных вопросах; во-вторых, размывание четких рамок институциональных структур в результате постоянных изменений как формальных, так и неформальных правил игры; в-третьих, общий репрессивно-карательный ответ на все инициативы общества, не санкционированные политической властью (даже те, которые осуществлялись в принятых идеологических рамках); в-четвертых, преобладание внесудебных методов решения споров в обществе (инсценировки судебных процессов, основанных на «революционном правосознании»); в-пятых, террор как признак слабости институтов – постоянная необходимость поддержания единства командно-управленческой вер-

⁷²Инструкция о порядке перевыборов волостных и сельских советов депутатов (выработана на Президиуме ВЦИК во исполнение постановления 6-го Всероссийского Съезда Советов). Проект (1918). Ф. 1235. Оп. 93. Д. 11. Л. 132–137.

⁷³К вопросу о рабоче-крестьянской инспекции: Тезисы доклада. Ф. 130. Оп. 2. Д. 89. Л. 4–4 об.

⁷⁴Тоталитаризм в Европе XX века: Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996.

тикали с помощью устрашения («образ врага»), внешнего принуждения и мобилизации; в-шестых, общая непредсказуемость реакции власти на новые социальные вызовы⁷⁵.

Изменение структуры власти четко выражается в спорах об управлении экономикой. Идеологическим стержнем споров стала концепция переходного периода «от капитализма к социализму». Марксистские критики большевизма отрицали саму правомерность постановки вопроса, руководствуясь афористичной формулой Г.В. Плеханова – «русская история еще не смолола той муки, из которой со временем будет испечен пшеничный пирог социализма»⁷⁶. Экономическая программа большевизма интерпретировалась как спонтанное выражение идеологии анархо-синдикализма: «социализация» представляла как реакция на промышленную разруху; национализация – «как мера наказания, а не как принцип экономической политики»⁷⁷. Результатом национализации стало разрушение промышленности⁷⁸. Большевистская система хозяйствования определялась как «паразитарно-хищническая»⁷⁹, а ее введение не привело к качественной смене модели: «капиталистическая анархия была заменена анархией пролетарской»⁸⁰. Этот вывод был принят западной социал-демократией, в частности К. Каутским, определявшим экономические преобразования большевиков как хаотичный и спонтанный процесс, выразивший постулаты анархо-синдикализма⁸¹.

Если в первые годы диктатуры, когда доминировала коммунистическая, а во многом анархо-синдикалистская риторика, существенная роль отводилась институтам так называемого «рабочего самоуправления» и контроля над структурами исполнительной власти⁸², то позднее консолидация режима в рамках «демократического централизма» и планового хозяйства совершенно вытеснила эту парадигму, заменив ее концепцией государственного контроля, отводившего профсоюзам роль вспомогательного придатка системы с дисциплинарно-корректи-

⁷⁵Timashev N.S. Grundzüge der Sovietverfassung, Heidelberg, 1925.

⁷⁶Плеханов Г.В. Год на Родине. Париж, 1921. Т. 1. С. 218.

⁷⁷Далин Д. После войн и революций. Берлин, 1922. С. 79, 211–213.

⁷⁸См.: Прилежаев И. Задачи рабочих в контроле и организации производства. Пг., 1917; Рожков Н. Капитализм и социализм. М., 1917; Трутовский В. Переходный период. Пг., 1918; Билимович А. Революция, большевики и хозяйство в России. Ростов-на-Дону, 1919.

⁷⁹Итоги и существо коммунистического хозяйства. Париж, 1921. С. 12.

⁸⁰Прокопович С.Н. Очерки хозяйства Советской России. Берлин, 1923. С. 15.

⁸¹Kautsky K. Die Dictatur des Proletariats. Wien, 1918; Bauer O. Der Weg zum Sozialismus. Berlin, 1919.

⁸²Осинский Н. (В.В. Оболенский). Строительство социализма. Общие задачи. Организация производства. М., 1918; Ломов А. (Г.И. Оппоков). Разложение капитализма и организация коммунизма. М., 1918; Он же. Творчество буржуазного гения и посрамление коммунистов. М., 1918.

рующими функциями на производстве⁸³. Поскольку эта система сверхцентрализованного управления не содержала полноценных стимулов производительности труда, она оказывалась хозяйственно неэффективной, вынужденной балансировать между распадом и максимизацией партийно-бюрократического контроля⁸⁴. Привести ее в действие становилось возможным путем использования инструментов идеологической мобилизации («энтузиазма»); рационализации труда (система Тейлора и пересмотр тарифов оплаты) и принудительно-карательных мер, становившихся доминирующими по мере выветривания революционных ожиданий. Вопреки заявлениям идеологов режима о поступательном движении экономики и государства вперед⁸⁵, общая оценка сводилась к провалу большевистского проекта с точки зрения заявленных им идеологических приоритетов⁸⁶.

Социологические параметры самопрезентации революционного режима раскрыты в историографии. Так называемый «промышленный пролетариат» – при всей своей малочисленности – признан в ней единственной целостной и дисциплинированной силой социального переворота в России 1917 г.⁸⁷ Но русские рабочие, продемонстрировавшие «невиданную энергию в ходе революции и гражданской войны»⁸⁸, были не готовы к самоорганизации в политических формах. Ленин поэтому был невысокого мнения о способности российского пролетариата осуществить революцию и наладить управление отсталой страной⁸⁹. Разрыв стихийного движения и революционного авангарда определил логику трансформации «диктатуры пролетариата» в диктатуру партии. Эволюция этих представлений прошла путь от идей «рабочей» или «профсоюзной» демократии, введения рабочего контроля над производством к полному разочарованию в них. Следствием стали атрофия советов после революции и последовательное сворачивание участия «рабочих» в управлении производством и государством. Большевики, декларативно поддерживавшие фабзавкомы весной и летом

⁸³Ларин Ю., Крицман Л. Очерк хозяйственной жизни и организация народного хозяйства Советской России. М., 1920; Ларин Ю. Очерки хозяйственного развития советской России. М., 1920; Косиор С.В.; Наши разногласия. М., 1920; Милютин В.П. История экономического развития СССР (1917–1927). М.; Л., 1928.

⁸⁴Буревова К. Распад 1918–1922. М., 1923.

⁸⁵Народное хозяйство Советской России. М., 1920; За 5 лет. 1917–1922. Сб. ЦК РКП. М., 1922; Крыленко Н. За 5 лет. М., 1923.

⁸⁶Goldschmitt F. Sowjet-Russland. Die Geschichte der Revolution von 1917 bis 1922. Köln, 1931; Chamberlin W. Russian Revolution, 1917–1921. L., 1938. Vol. 1.

⁸⁷Lindeman A.S. The «Red Years». European Socialism Versus Bolshevism. 1919–1921. Los Angeles – L., 1974. P. 31.

⁸⁸Deutscher I. The Unfinished Revolution. Russia 1917–1967. L.; N.Y.; Toronto, 1967. P. 24.

⁸⁹Pethybridge R. The Social Prelude to Stalinism. L., 1974. P. 58–59.

1917 г., после прихода к власти выхолостили их, сведя функции к хозяйственной рутине⁹⁰.

Механизм трансформации политической системы состоял в организации массовых мобилизационных кампаний против основных оппонентов режима – Церкви (кампания по изъятию церковных ценностей); оппозиционных социалистических партий (процесс эсеров 1922 г.)⁹¹ и независимых профсоюзов (так называемая «дискуссия» о профсоюзах, завершившаяся превращением их в административный придаток режима)⁹², т. е. тех институтов предшествующей системы, в которых теоретически могли быть институционализированы альтернативные стратегии развития политической системы. Принятие данной модели означало пересмотр всей системы демократического участия и переход к мобилизационной демократии (*mobilization democracy*), при которой институты активной коллективной демократии, с которыми экспериментировали в 1917 г. (советы, заводские комитеты, рабочая милиция, учреждения рабочей инспекции и контроля), превращались из органов принятия решений в учреждения по их реализации и были подчинены иерархической, часто милитаризованной власти. В результате «рабочий класс был политически экспроприрован; власть последовательно концентрировалась в партии и особенно в партийной элите»⁹³.

Эволюция когнитивных установок большевизма четко представлена в известной дискуссии о так называемом «термидорианском пере рождении партии». Аналогии с Французской революцией были вполне оправданы исходной легитимирующей формулой большевистского режима. Политическая система, установленная большевиками, сопоставлялась с Парижской коммуной⁹⁴ или структурой парижских секций 1790–1795 гг., в которых усматривался некий прообраз советов⁹⁵; экономические меры эпохи «военного коммунизма» сравнивались с мерами якобинского правительства (законы о «хлебном максимуме»). Бабувизм интерпретировался как прообраз коммунизма – «объективное выражение вынужденных попыток рабочих масс осуществлять

⁹⁰*Brinton M.* The Bolsheviks and Worker's Control. 1917–1921. The State and Counter-Revolution. L., 1970. P. IX–XIII; *Albert M.* What is to be Undone. A Modern Political Discussion of Classic Left Ideologies. Boston, 1974. P. 127–128.

⁹¹Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги: Сб. док. М., 2002.

⁹²*Гапану П.А.* Профсоюзы в России (1917–1921). Нью-Йорк, 1958.

⁹³*Pirani S.* The Russian Revolution in Retreat, 1920–1924. Soviet Workers and the New Communist Elite. L., 2008. P. 4, 142–143.

⁹⁴*Дукан Н.* (Н. Антонов). Парижская коммуна 1871 г. М., 1924.

⁹⁵*Захер Я.М.* Парижские секции, 1790–1795 гг., их политическая роль и организация. М., 1924.

военный коммунизм»⁹⁶. Политические партии Французской революции находили прямой аналог в партиях русской революции: фельяны сравнивались с монархистами, жирондисты – с меньшевиками и эсерами, якобинцы – с большевиками, эбертисты – с ультралевыми большевиками. Наибольшее внимание привлекали «бешеные», социальный идеал которых представлялся как «идеология эгалитаризма», в которой усматривались «и отдельные элементы социализма», а их поражение связывалось с ограниченными классовыми рамками буржуазной революции⁹⁷.

Однако устойчивая аналогия революционного процесса в двух странах и самоидентификация большевиков с якобинцами вызывали к жизни «формулу о неминуемом российском термидоре»⁹⁸. Суть теории перерождения была четко сформулирована Н. Устряловым: в условиях спада революции внутри страны и ее отсутствия в мировом масштабе большевистская власть не может быть стабильной: «она будет постепенно наполняться новым содержанием или ей придется вообще уйти»⁹⁹. Данный вывод, подхваченный Троцким и оппозицией, внешне убедительно объяснял отказ большевистского режима от фундаментальных революционных установок, бюрократизацию партии и отстранение от власти оппозиции¹⁰⁰. Однако он был в корне неверным: сравнение двух революций (Французской и русской) выявляло не столько сходство, сколько различие: в первом случае всё завершилось победой среднего класса, а во втором – однопартийной диктатурой; идеология большевистского режима была скорректирована, но не отброшена, отношения собственности не изменились, российский Термидор с последующим установлением бонапартистского режима и реставрацией монархии не состоялся (отчасти благодаря маневру Ленина с введением НЭПа), никакого «перерождения» элиты не последовало, поскольку ее социальные функции остались неизменны.

Официальная партийная историография последующего времени указывала именно на эту сторону проблемы – неправомерность сравнения двух революций (они противопоставлялись как «буржуазная» и «социалистическая»), неадекватность прямых аналогий между якобинцами и большевиками и неверность концепции «русского Термидора» (как уни-

⁹⁶Шеболдаев Б. Бабувизм и рабочие в Великой французской революции // Под знаменем марксизма. 1923. № 4–5. С. 189.

⁹⁷Захер Я. Социальные взгляды «бешеных» // Под знаменем марксизма. 1928. № 9–10. С. 163; Он же. Конец Жака Ру // Под знаменем марксизма. 1929. № 2–3. С. 113–135.

⁹⁸Зайдель Г. Вокруг Французской революции // Под знаменем марксизма. 1926. № 9–10. С. 137.

⁹⁹Устрялов Н. Под знаком революции. Л., 1925. С. 48.

¹⁰⁰Кондратьева Т. Большевики – якобинцы и призрак термидора. М., 1993.

кального классового феномена Французской революции)¹⁰¹. Постановка троцкистской оппозицией проблемы «перерождения» рассматривалась как отрицание ею «социалистического характера нашей революции»¹⁰². Существо внутривнутрипартийного конфликта с этих позиций интерпретировалось как борьба «двух начал в русской революции – революционного, ортодоксально-марксистского, и оппортунистического, мелкобуржуазного; двух миров – нового, пролетарского, и осужденного на гибель, буржуазного»¹⁰³. Сворачивание НЭПа и возвращение к духу и системе военного коммунизма сделало эволюцию режима безальтернативной: «ревизионизм Бухарина и его единомышленников был пресечен, а потом и полностью задушен»¹⁰⁴. Данная дискуссия представляет интерес не с содержательной, но с когнитивной точки зрения. Так называемое «термидорианское перерождение режима» было в сущности процессом аккомодация (термин Ж. Пиаже) – изменением внутренних когнитивных схем, с тем чтобы привести их в соответствие с изменяющимися знаниями об окружающей действительности – явлением социально-психологической коррекции, направленным на сохранение гармонии внутри правящей группы с целью ее выживания в новой ситуации.

Образование гибридной формы партии-государства определило «пластичность» госаппарата управления, которая, при постоянной подвижности социальной опоры большевизма, выражалась в принципиальном отрицании доктрины и практики разделения властей по вертикали (федерализм) и горизонтали (партийные, советские и прочие государственные институты), быстрой смене учреждений; в постоянном споре о компетенциях и их разделении, арбитром в котором выступают не правовые институты и нормы, а групповые интересы; в отсутствии полноценных коммуникаций между центром и регионами – эти коммуникации формируются на уровне идеологии, но не на уровне рутинных бюрократических процедур; в существовании параллельных и конкурирующих учреждений (советы – фабзавкомы – комбеды – ревкомы – ЧК); в наделении одних и тех же учреждений разными функциями; в неразделенности функций, а также в имитационном характере социального контроля над администрацией, монополия которого принадлежала целиком партийным структурам и формирующемуся слою номенклатуры¹⁰⁵.

¹⁰¹Захер Я. Рец. на кн.: *Mathiez A. La reaction thermidorienne.* (Paris, 1929) // Под знаменем марксизма. 1929. № 5. С. 191–195.

¹⁰²Бронин Я. Пролетарская революция и вопрос о перерождении // Коммунистическая революция. 1928. № 2. С. 44.

¹⁰³Невский В. К двадцатипятилетию партии // Пролетарская революция. 1923. № 2 (14). С. 3.

¹⁰⁴Валентинов Н.В. Наследники Ленина. М., 1991. С. 158.

¹⁰⁵Keep J.H. *The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilisation.* L., 1977; Service R. *The Bolshevik Revolution in Russia, 1917–1922.* N.Y., 1979.

Признание формирующейся бюрократии особым слоем советского общества, ставшее основным аргументом оппозиции, было абсолютно неприемлемо для идеологии однопартийного государства. Категорически неприемлемыми были выводы М. Острогорского – «нападки на “партийный ошейник”, на то, что “партия” всегда права»¹⁰⁶. Действительно «научное исследование форм и путей развития демократии» оказывалось невозможно при однопартийной диктатуре¹⁰⁷. Сходным образом «железный закон олигархии» Р. Михельса объявлялся неприемлемым для партии большевиков, руководство которой якобы не подавляет инициативу масс, но «помогает развитию активности рядовых партийцев»¹⁰⁸. Пророчество О. Шпенглера о грядущей «социалистической монархии» объявлялось проявлением кризиса империализма¹⁰⁹. Выход был найден в использовании различных эвфемизмов, смысл которых наполнялся на практике противоположным содержанием. Главный из них – «борьба с бюрократизмом» как процесс постепенной «демократизации», включавший практику «приближения государственного аппарата к массам» и так называемого «оживления советов»¹¹⁰, «втягивания действительно широких масс в государственное строительство»¹¹¹.

В процессе выстраивания механизма отношений партии и государства решалось три группы задач. Прежде всего необходимо было преодолеть трудности во взаимодействии партийных, советских и мобилизационных органов. Одной из форм централизации власти стали партийные объединения: к весне 1918 г. в стране действовало 15 областных и краевых партийных объединений – Московское, Северное, Западное, Уральское, Сибирское и др., которые в случае несогласия могли противостоять ЦК. Другое направление противоречий – отношения между комбедами и советами. Существовало представление, что комбеды – власть в деревне, а советы – в городах, утверждалось, что комбеды в деревне важнее советов, в условиях «военного коммунизма» имели место попытки комбедов ликвидировать советы как конкурирующие органы – вопреки Конституции, но исходя из духа большевизма. Третья проблема коренилась во взаимоотношении партийных организаций, комитетов, фракций, с одной стороны, и советов – с другой. Эти конфликты на местах решались ЦК путем посылки эмиссаров, которые разбирали конфликты партийных организаций и соворганизаций. При

¹⁰⁶Капелюш Ф. Демократия наизнанку // Большевик. 1927. № 21. С. 96–98.

¹⁰⁷См.: рец. на книгу Острогорского // Революция права. 1928. № 1. С. 156–157.

¹⁰⁸Сперанский Н. Оппозиция, социал-демократия, партийный режим // Большевик. 1927. № 23–24. С. 72–73.

¹⁰⁹Деборин А. Гибель Европы или торжество империализма? // Под знаменем марксизма. 1922. № 1. С. 8–28.

¹¹⁰Борьба с бюрократизмом и оппозиция // Большевик. 1926. № 17. С. 5–6.

¹¹¹Брудный М. О бюрократизме // Большевик. 1927. № 18. С. 28.

этом действовала жесткая презумпция того, что распоряжения компартии должны безоговорочно проводиться в жизнь совфракциями¹¹².

Таким образом, логика реализации большевистского проекта вела к созданию сверхцентрализованной модели бюрократического государства, стремившегося разрешить противоречия переходного периода с помощью максимизации контроля. Эта модель включала соединение власти и собственности, отобранной у имущих классов; установление контроля над распределением и перераспределением земли у крестьян; изъятие предприятий у буржуазии и декларированного права управления ими – у рабочих комитетов; центров производства научной мысли и передачи знаний – у интеллигенции; внутрипартийной демократии – у рядовых партийцев. Создавалась новая (нерыночная) мотивация к труду, основанная на монополизме, учете и контроле, мерах принуждения, подавления и массовой пропаганды. Вопреки номинальному советскому праву неэффективность государственных институтов компенсировалась фактическим их слиянием с институтами партийной диктатуры через пронизывающую все общество систему партийных ячеек; пересмотр соотношения декларативных и реальных функций учреждений и общественных организаций, оказавшихся под контролем номенклатуры; последовательное воспроизводство чрезвычайных методов управления, позволявших осуществлять постоянную корректировку декларированных правовых норм с позиций «революционной целесообразности»¹¹³.

Когнитивным следствием этого вектора стала дезориентация и неуверенность советских чиновников, отказ от рациональных стереотипов поведения, выразившийся в преобладании неформальных практик – повышенной эмоциональности дебатов; идеологизации административных вопросов (вместо рутинизации); закреплении патрон-клиентских отношений (вместо рациональных бюрократических отношений); общая неэффективность регулярных административных институтов и процедур; мобилизационно-военный характер стимулирования к деятельности как следствие этого. Закрытость, таинственность и непредсказуемость советского госаппарата – важная когнитивная особенность (тайна, конспирация, секретность, разделенная по уровням иерархии и доступа к информации). В этом смысле не институты порождают психологию формирующейся бюрократии, но именно эта психология определяет характер функционирования институтов. Режим утрачивал даже те формы контроля, которые вводил для собственного воспроизводства. Политическая конкуренция последовательно перемещалась из

¹¹²Рабинович А. Большевики у власти. М., 2007.

¹¹³Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б): повестки дня заседаний. Т. 1: 1919–1929. Каталог. М., 2000.

советских институтов в партийные, а из них – в узкую партийную элиту, где она приобрела в конечном счете характер личного соперничества. В этой связи особенно характерен темный эпизод с так называемым ленинским «завещанием», секретные положения которого были сравнительно легко дезавуированы Сталиным, заранее узнавшим о содержании последних писем Ленина и своевременно выстроившим защиту¹¹⁴.

Когнитивный стиль большевизма изначально включал «манипулятивное влечение» – побуждение манипулировать объектами (в качестве которых выступали институты, социальные группы и индивиды), постоянно совершать с ними какие-то действия и исследовать их с беспристрастностью биолога для извлечения «пользы» в рамках поставленного эксперимента. Чрезвычайное положение, идеально соответствовавшее этому стилю «штурма», оставалось нормой и реальной институциональной основой большевистского режима на всем протяжении его существования, как и нерешенность вопроса о политической преемственности и легитимных процедурах передачи власти и лидерства.

7. Противоречия конституционных принципов: дисфункция советской системы и поиск институционального решения

Критика Конституции РСФСР 1918 г. за несоответствие ее положений реальности началась сразу после ее принятия. Констатировалась недееспособность системы органов власти на всех ее уровнях: Всероссийский съезд советов – ВЦИК – СНК – наркоматы (комиссии) – местные органы власти (Советы рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов в пределах их территории и компетенции). Ключевыми вопросами стали: общая структура советской системы; конструкция центральных институтов власти; соотношение центральных и местных институтов; принципы управления и природа новой бюрократии; вопросы изменения Конституции. Идеологическая оболочка этих споров, представляющих как борьба различных группировок за выбор стратегического курса и «внутрипартийную демократию», камуфлирует реальный выбор – сохранение ограниченного плюрализма и контроля над властью партийной элиты или окончательное утверждение партийного абсолютизма. Эта дилемма сформулирована уже на ленинском этапе революции¹¹⁵, но получила более четкое концептуальное оформление в последующий период¹¹⁶.

¹¹⁴Вокруг Ленинского «письма к съезду» // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 157–159.

¹¹⁵РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. М., 2004.

¹¹⁶Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Из архива Л. Троцкого. Бенсон, 1988. Т. 1–4.

Симптомом неблагополучия стала критика функционирования конституционных установлений спустя год после их принятия на VIII съезде РКП (б) (18–23 марта 1919 г.). Под вопрос было поставлено прежде всего соответствие советской системы идеалу государства-коммуны в его утопическом марксистском понимании. Левые коммунисты (В.В. Осинский) заявляли о том, что «нам нужен не парламент, где люди непрерывно болтают и заседают, длительно разжевывая в разных стадиях разные законопроекты, нам нужна коллегия, которая могла бы путем товарищеского обсуждения и столкновения мнений вырабатывать в общем и целом партийную линию». Для того чтобы превратить ВЦИК из аналога парламента в «работающую коллегия», о которой говорил К. Маркс, считали они, необходимо полностью сосредоточить в нем все функции власти – законодательной, исполнительной и судебной. Ключевой управленческой структурой вместо правительства (СНК) становились по данному проекту секции объединенного ВЦИК и соответствующих местных советов, которые непосредственно разрабатывают декреты, осуществляют их на местах и пресекают злоупотребления комиссаров, предавая их революционному суду¹¹⁷. Данный план, напоминающий о Конвенте периода якобинской диктатуры и секциях Парижской коммуны, соответствовал идеям максималистских конституционных проектов 1918 г. и был поддержан Московской партийной организацией (на уровне местных советов).

Поддержка радикальных преобразований была связана с растущим осознанием дисфункции конституционных норм и институтов, делающей проблематичными перспективы коммунистического режима. Констатировалось общее несоответствие деятельности советов конституционным нормам – «запутанность» их структуры, общая недееспособность, а как следствие – ослабление коллегиальности, возрождение «чиновной иерархии» и бюрократизма. Другой стороной проблемы признавалась стагнация партийных структур и сращивание их с криминальными элементами в результате слабости социального контроля: «наша партия опустилась» – «мы получили такое бесконечное количество ужасающих фактов о пьянстве, разгуле, взяточничестве, разбое и безрассудных действиях со стороны многих работников, что просто волосы становились дыбом»; «в партийной организации нет жизни, в партию набивается дрянь, люди с билетами, но без багажа в голове», для партийцев характерны «покровительство близким людям, протекционизм, а параллельно – злоупотребления, взяточничество», ими «чинятся явные безобразия»¹¹⁸. «Действительно, – резюмировал Г.Е. Зиновьев, –

¹¹⁷Восьмой съезд РКП(б) 18–23 марта 1919 г. Протоколы. М., 1933. С. 30–31, 196–197, 305–306.

¹¹⁸Восьмой съезд РКП(б) 18–23 марта 1919 г. Протоколы. М., 1933. С. 165, 167–168, 170, 189–190, 201, 313.

нельзя скрывать на съезде того факта, что местами слово “комиссар” стало бранным, ненавистным словом»; «человек в кожаной куртке, как говорили в Перми, в народе стал ненавистным» – «скрывать это было бы смешно, надо смотреть правде в лицо»¹¹⁹.

Особой проблемой стало несоответствие «регулярных» конституционных институтов и чрезвычайных органов власти. Произвол «людей с мандатами», представлявших различные исполкомы, наркоматы, ведомства и главки, определялся как «комитетократия» и «комиссародержавие». Наибольшую тревогу вызывала полная независимость органов ВЧК от советских структур. Игнорирование региональными чрезвычайными комиссиями местных исполкомов, как отмечалось на Съезде, получало характерную мотивировку чекистов: «могут ведь быть и контрреволюционные исполкомы, которые возможно придется арестовывать». В споре по вопросу о взаимоотношении между чрезвычайными комиссиями и исполкомами (возникшем осенью 1918 г.) выявились две основные позиции: первая (разделявшаяся ВЧК) принципиально отстаивала независимость местных чрезвычайных комиссий от исполкомов; вторая (представленная НКВД) отстаивала принцип полного подчинения местных чрезвычайных комиссий исполкомам. Комиссия Свердлова, занимавшаяся этим вопросом в октябре 1918 г., приняла компромиссное решение. В конце января по постановлению ВЦИК¹²⁰ с целью «более рациональной борьбы с контрреволюцией» уездные чрезвычайные комиссии были упразднены, что, конечно, не мешало ВЧК бесконтрольно действовать на местах¹²¹.

Дискуссия, развернувшаяся по вопросам советского строительства на Восьмой конференции РКП (б) (декабрь 1919 г.), выявила ситуацию паралича государственного управления. Во-первых, выяснилась полная неопределенность в соотношении центральных органов власти – ВЦИК и его Президиума, СНК и наркоматов, ведущая на практике к подмене законодательной власти исполнительной (вопреки усилиям последующей советской историографии доказать обратное¹²²). Президиум ВЦИК (согласно ст. 45 Конституции 1918 г.) наравне с Совнаркомом мог разрешать конфликты, возникавшие между народным комиссариатом и его коллегией. Одни критики системы (Т.В. Сапронов) констатировали, что поскольку «Конституцией не определено, что СНК подчиняется Президиуму ВЦИК», а «в процессе работы этих двух органов работоспособнее оказался Совет Народных Комиссаров, фактически занимавшийся разрешением всех вопросов и имевший не только исполнительные, но

¹¹⁹Восьмой съезд РКП(б) 18–23 марта 1919 г. Протоколы. М., 1933. С. 222.

¹²⁰Опубликовано 24 января 1919 г. в «Правде» (№ 16).

¹²¹Подробнее см.: Восьмой съезд РКП(б) 18–23 марта 1919 г. Протоколы. М., 1933. С. 515.

¹²²Федоров К.Г. ВЦИК в первые годы Советской власти: 1917–1920 гг. М., 1957.

и законодательные функции», «ВЦИК большею частью не собирался и почти не функционировал»¹²³. Предлагалось «оживить деятельность ВЦИК», упразднив Президиум и передав его функции СНК. Другие (Н.Н. Крестинский), соглашаясь с диагнозом («худосочным функционированием пленума ВЦИК»), видели преодоление «дуализма» законодательной власти в более четком разграничении функций ВЦИК, его Президиума и СНК (за которым, однако, сохранялось право издания декретов)¹²⁴. Третьи (И.М. Варейкис) видели выход в изменении порядка деятельности ВЦИК, которая должна проходить не на постоянной основе, а в форме сессий. Участники дебатов констатировали: «ВЦИК – орган бездействующий, несуществующий, имеющий только вывеску, и его Президиум также бездействует»¹²⁵.

Во-вторых, нерешенным оказался вопрос о соотношении центральных и местных институтов, что вело к бюрократизации советов, выражающейся в подмене их исполкомами. Заложенный в Конституции принцип двойного подчинения отделов совета исполкому и соответствующему народному комиссариату привел к делегированию полномочий снизу вверх, выстраиванию вертикали административной власти, практически независимой от контроля местных советов. Доминирование центральных учреждений (наркоматов и главков), по мнению критиков, возможно было отменить только путем восстановления «коллегальности» – конституционного закрепления положения о том, что «на коллегальность покушаться никто не может»¹²⁶. Представители регионов отмечали, что центральные учреждения «убивают всякую местную инициативу» и определяли их как «отвратительные, гнусные, бюрократические и еще какие хотите учреждения». Однако решение проблемы (по докладу М.Ф. Владимирского) было найдено именно в централизации и бюрократизации региональных советов – укрупнении административных структур (создании объединенных «уездно-городских» исполкомов), образовании специальных президиумов исполкомов для проведения «постановлений и директив центральной власти», члены которых «по возможности освобождаются от непосредственного заведования отделами»¹²⁷.

В-третьих, остро встал вопрос о соотношении «конституционных» советских институтов и партийных структур, который однозначно был решен в пользу последних. В Устав РКП (б) (по докладу Зиновьева)

¹²³Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919 года. Протоколы. М., 1961. С. 64.

¹²⁴Там же. С. 76–77.

¹²⁵Там же. С. 124.

¹²⁶Там же. С. 62, 70.

¹²⁷Проект резолюции о советском строительстве, предложенный фракцией 7-му Съезду Советов // Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919 года. Протоколы. М., 1961. С. 119, 203–206.

впервые (1919) были внесены изменения, регулирующие образование и деятельность партийных фракций во всех внепартийных учреждениях и общественных организациях, обеспечение жесткой дисциплины в них. «Строжайшая партийная дисциплина, – в принятой формулировке, – является первой обязанностью всех членов партии и всех партийных организаций. Постановления партийных съездов должны исполняться быстро и точно. Вместе с тем внутри партии обсуждение всех спорных вопросов партийной жизни вполне свободно до тех пор, пока решение не принято»¹²⁸. Партийная «ячейка» определялась как универсальный институт, «связывающий рабочие и крестьянские массы с руководящим органом партии в данной местности», а ее главная задача – как «проведение в массах партийных лозунгов и решений».

С этих позиций был решен общий вопрос о необходимости конституционной реформы. Одни представители большевистской элиты не усматривали «святоотатства и преступления» в полном пересмотре Конституции; другие считали «животрепещущим» вопрос о «видоизменении некоторой части нашей Конституции», третьи, признавая несовершенство Основного закона, считали его изменения «нежелательными» по политическим причинам. Большинство, однако, пришло к выводу: «Конституция есть основной закон, и он всех нас, по-видимому, удовлетворяет», поскольку адекватно фиксирует «существующее соотношение сил», а необходимые практические поправки не могут быть приняты «без достаточной подготовки и достаточных собранных материалов»¹²⁹. В конечном счете вопрос был решен голосованием: «Кто за то, чтобы в самый текст Конституции были внесены какие-либо изменения на съезде Советов? Меньшинство». Конференция приняла итоговую резолюцию о том, что «считает излишним вносить какие-либо изменения в текст Конституции»¹³⁰. Принципиальные дисфункции советской модели политического устройства не были преодолены на конституционном уровне.

Этот тезис особенно подробно аргументировали левые партии русской революции. Эсеры-максималисты отказывались видеть в новой конституционной конструкции последовательное выражение принципов революции. Их не устраивала крайне ограниченная роль ВЦИК: «Заседания ЦИК крайне редки; повестки не всегда опубликовываются; содержание декретов и докладов заранее не печатается; никакого обсуждения почти никогда не бывает, заседания превращаются в пустую формальность – для проштемпелевания тех или иных декретов и резолюций в целях придания им большего авторитета». Для превращения Конституции в реальный документ левые оппоненты большевизма счи-

¹²⁸Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919 года. Протоколы. М., 1961. С. 137.

¹²⁹Там же. С. 137. С. 70–71, 77, 122.

¹³⁰Там же. С. 135.

тали необходимым: «а) соблюдение советской Конституции и твердое проведение ее принципов; б) устранение партийной диктатуры и бюрократической узурпации прав Советов; в) правильный созыв съездов и устранение партийного давления на выбор делегатов». Они требовали «устранить уродливую централизацию, искусственно создающую единство методов и форм управления вместо здоровых проявлений самостоятельности местных трудовых Советов»¹³¹. Далее левые эсеры оценивали политическую систему большевизма как аналог итальянского фашизма, подчеркивая, что большевистская диктатура «вернула Россию политически к мрачным временам царизма»¹³². По мнению анархистов, коммунизм нельзя ввести насильем: установленная диктатура пролетариата обернулась деспотией, а советы – придатком партии и средоточием новой бюрократии. Попытки большевиков «создать что-то подобное общезнанию, устроенному в Парагвае иезуитами, не дали ничего похожего на коммунистический строй общества и даже не дали переходной ступени к нему»¹³³.

8. Кризис советской системы и консолидация однопартийной диктатуры

Когнитивный диссонанс в партии стал следствием осознания коммунистами противоречия заявленных принципов советской демократии и формирования новой политической элиты. Хотя VIII съезд партии (1919) указал на недопустимость смешения функций партийных и государственных органов, задачу точного разграничения этих функций политически решить не удалось. Это и невозможно было сделать. «Советская власть, – считали его участники, – уничтожает отрицательные стороны парламентаризма, особенно разделение законодательной и исполнительной властей, оторванность представителей учреждений от масс и пр.». В Проектах вводной части Программы РКП(б), предложенных Н.В. Крыленко и В.Н. Подбельским, говорится о принципах «революционного коммунизма» как основе государства, но не о его правовых основаниях (ибо их упоминание было неуместно при диктатуре)¹³⁴. Данное противоречие идеологии и институтов продемонстрировано на

¹³¹«Советская конституция и политическое строительство» // Союз эсеров-максималистов. М., 2002. С. 183–187.

¹³²Открытое письмо Центрального бюро Объединения партии левых эсеров и Союза эсеров-максималистов V Конгрессу Коминтерна // Союз эсеров-максималистов. М., 2002. С. 407.

¹³³Манифест анархистов-коммунистов (1924) // Анархисты. Документы и материалы. М., 1999. Т. 2. С. 457.

¹³⁴Протоколы заседаний программной комиссии VIII съезда РКП(б) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 139.

IX съезде РКП(б) (март-апрель 1920 г.). В.И. Ленин продолжал говорить о наступлении всемирной революции и значении принятой Конституции, которая «завоевала себе право на историческое существование» как основа мобилизации масс¹³⁵, но оппоненты обвиняли его в отступлении от коммунистического идеала и сознательном искажении принципа демократического централизма. Этот принцип в ленинской трактовке, по мнению оппонентов, вел к превращению советов в «послушный граммофон», играющий нужную мелодию: «Если вы идете по этой системе, – заявлял Сапронов практически цитируя М. Острогорского, – думаете ли вы, что в этом будет спасение революции? Думаете ли вы, что в машинном послушании все спасение революции?»¹³⁶ «Т. Ленин, говоря о демократическом централизме, – развивал эту мысль Осинский, – объявил идиотами всех, кто говорит о демократическом централизме», вводя «единоличное управление во всех звеньях советского аппарата». Следуя по этому пути, «мы рухнем под тяжестью бюрократии» и милитаризации управления, которая «связана с ограничением гражданских и политических прав человека, с его полным закреплением в производстве и т. д.»¹³⁷

Ключевым направлением критики конституционного строя стало отношение политического руководства к массовым организациям – советам и профсоюзам, которые Ленин рассматривал чисто инструментально – если и приветствовал, то «обязательно начинал с единоличия и кончал единоличием»¹³⁸. Выход из тупика усматривался оппозицией в реанимации институтов непосредственной «рабочей» демократии, восстановлении принципа коллегиальности (против единоначалия), способного, по ее мнению, совместить административное управление с «творческой инициативой сознательных рабочих»¹³⁹. Официальный ответ на эту критику, поддержанный сторонниками централизма, опирался скорее на доктринальные и идеологические аргументы, нежели отрицание фактических тенденций к олигархизации партии. До отмены государства при коммунизме оно должно полностью контролировать все рычаги власти и управления: победа над бюрократизмом возможна только как победа над государством вообще и поэтому оно должно сохраняться в течение всего переходного периода. Милитаризация государственного и партийного аппарата автоматически подразумевает переход от коллегиальности к единоначалию. Массовые организации (профсоюзы) должны стать «органом классовой диктатуры», «аппаратом го-

¹³⁵Девятый съезд РКП(б). Март-апрель 1920 г. Протоколы. М., 1960. С. 23.

¹³⁶Там же. С. 52–53.

¹³⁷Там же. С. 124.

¹³⁸Там же. С. 54.

¹³⁹Там же. С. 120.

сподствующего класса», причем подчиняться партии, а не советам, поскольку «последние как органы государственной власти отомрут вместе с государством»¹⁴⁰. Поскольку, считали централисты, ведущей силой революционного переворота стала партия, то вполне естественно образование партийной олигархии, захватившей власть в стране. Вопрос только о качестве этой олигархии и механизмах селекции ее членов: «если вы ставите этот вопрос, то мы предпочитаем гениальную олигархию – посредственной олигархии»¹⁴¹.

Когнитивный перелом в интерпретации политической системы произошел на X съезде РКП(б) (март 1921 г.) и был связан с фактическим отказом от коммунистической утопии. С одной стороны, произошла консолидация его сторонников – «рабочей оппозиции» и «группы демократического централизма», с другой – окончательно восторжествовала ленинская логика однопартийной диктатуры. Оппоненты ленинизма совершенно справедливо констатировали системный кризис политического режима. Его выражение они усматривали в «повороте широких трудящихся масс города и деревни» против большевизма и связывали его с эрозией легитимности советского режима, оказавшегося неспособным осуществить декларированное в ходе революции «программное требование о вовлечении в советское строительство широких групп пролетариата». «Большой кризис» нашел выражение по трем направлениям – в росте апатии и неудовлетворенности трудящихся; отчуждении власти от масс и деградации самой партии. «У нас, – резюмировал А.Г. Шляпников, – нет товарищества, и один другого встречает чуть ли не как врага». Ответственность за возникновение пропасти между «Кремлем и массой» возлагалась на ЦК, который «проглядел самое главное», т. е. «глубокий партийный кризис»¹⁴². Констатировалось несоответствие между коммунистическим идеалом бесклассового общества и ростом привилегий «верхушечного слоя» партийной элиты, превращение ее в особую «касту», а бюрократизма – в зло, «проникшее в самую глубь нашей партии и проедающее насквозь советские органы»¹⁴³. Позитивная часть программы выхода из кризиса носила вполне утопический характер и выдвигала идеал рабочей демократии – передачи функций экономического управления советам или производственным профсоюзам, высший орган которых (съезд производителей) должен формировать центральный орган управления народным хозяйством, представ-

¹⁴⁰Девятый съезд. С. 213, 235, 249, 322.

¹⁴¹Там же. С. 57.

¹⁴²Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчет. М., 1963. С. 71, 77, 81–82, 101.

¹⁴³Коллонтай А. Рабочая оппозиция. Только для членов X съезда Р.К.П. М., 1921 (на правах рукописи). С. 20–21, 39.

ляя альтернативу партийно-бюрократической административной системе¹⁴⁴.

Эти идеи реконструкции советских институтов были отвергнуты в ходе так называемой «дискуссии о профсоюзах», общим результатом которой стало принятие их трактовки как «приводного ремня» партийной диктатуры – «школы коммунизма», осуществляющей идеологический и политический контроль над массами. Воспользовавшись Кронштадтским восстанием и ссылаясь на происки врагов революции, сторонники централизма квалифицировали аргументы оппонентов как проявление «пугачёвщины», синдикализма и вообще «мелкобуржуазной психологии». «Так работать нельзя, – заявил Ленин, ибо это – демагогия, на которой базируются анархистско-махновские и кронштадтские элементы»¹⁴⁵. В программе Кронштадтского восстания действительно доминировала идея о демократизации советской системы, возвращении советам функций представительных учреждений, действующих на основе многопартийности, выдвигался тезис об изгнании из них большевиков («советы без коммунистов»)¹⁴⁶.

Результатом стало принятие известной резолюции «О единстве партии»¹⁴⁷, суть которой – запрет фракций и разъяснение их «вреда и опасности с точки зрения единства партии и осуществления единства воли авангарда пролетариата, как основного условия успеха диктатуры пролетариата». Пункт 7 резолюции, который оставался секретным и был опубликован лишь в 1924 г. по решению XIII конференции РКП(б), вводил репрессивные меры против инакомыслящих – вплоть до исключения из партии. Ленин сравнил эту меру с постановкой пулемета против представителей оппозиционных фракций, но услышав от ряда коллег отказ выступить «пулеметчиками», вынужден был отказаться от «неудачной метафоры»: «даю торжественное обещание впредь и образно таких слов не употреблять». Он поспешил заверить делегатов, что «никто ни из какого пулемета ни в кого стрелять не собирается, и мы абсолютно уверены, что... стрелять не придется»¹⁴⁸. Это был явно неудачный прогноз. Тем не менее партийный ареопаг воспринял резолюцию как отказ от революционных идеалов и переломный момент политической жизни. «Ничего более демагогического и клеветнического, чем эта резолюция, – отметил Шляпников, – я не

¹⁴⁴Задачи профессиональных союзов (к X съезду партии) (Тезисы «рабочей оппозиции» // Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчет. М., 1963. С. 685–691.

¹⁴⁵Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчет. М., 1963. С. 124.

¹⁴⁶Кронштадтская трагедия 1921 года: Док. М., 1999. Кн. 1–2.

¹⁴⁷Резолюция «О единстве партии» // Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчет. М., 1963. С. 571–573.

¹⁴⁸Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчет. М., 1963. С. 543–544.

видел и не слышал в своей жизни, за 20 лет пребывания в партии». Подменяя формальным единством фактическое, резюмировал Е.Н. Игнатов, резолюция знаменует «прекращение всякого обсуждения, прекращение всякой живой мысли внутри партии»¹⁴⁹.

Следствием бюрократизации режима становилась коррупция в ее специфически советском понимании. В отличие от традиционных ее проявлений в правовом государстве (где она означает нарушение антикоррупционных законов) или в обществах с переходной экономикой, где она выражается в появлении так называемой бюрократической буржуазии (использовании административного статуса для оказания влияния на бизнес), советский тип коррупции основывался на тотальном слиянии собственности и власти, позволяя администраторам непосредственно перераспределять государственное имущество в свою пользу. В процессе национализации и огосударствления производства была подорвана легитимность не только частной собственности, но института собственности как такового. Следуя классовой теории экономического устройства, государство оказывалось единственным собственником всех материальных ресурсов и одновременно инструментом их контроля и перераспределения в обществе. Но если этот принцип справедлив в отношении государства, то почему он не должен действовать в отношении его представителей – самих организаторов и контролеров? Этот круг представлений, подкреплявшийся «научными» аргументами политической экономии коммунизма, вел к моральному и экономическому разложению большевизма, на которое указывали сами его представители. Советское государство, по словам А. Шляпникова (1921), вопреки программным требованиям, выступает не «формой рабочей организации», но представляет собой «грузную бюрократическую машину»¹⁵⁰. Коммунисты констатировали: «начинает шататься наше классовое самосознание», идет «моральное падение» товарищей¹⁵¹. Направления разложения партийцев выражаются в систематизации источников их теневых доходов: «1) спекуляция; 2) кража народного добра, всевозможные хищения продуктов со складов, фабрик и заводов, взяточничество; 3) злоупотребления с пайками; 4) совместительство». Если до революции, заявлял один из них, коммунисты не воровали, то после нее делают это: «Не подыхать же нам с голоду», – оправдываются они. Известное коммунистическое кредо получило следующие иронические интерпретации партийцев: «Кто не спекулирует, да не ест», или: «Кто не ворует,

¹⁴⁹Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчет. М., 1963. С. 530, 534–535.

¹⁵⁰Шляпников А. О наших внутрипартийных разногласиях // Дискуссионный листок № 1 (Январь 1921 г.) (Опубликовано: Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 213–214).

¹⁵¹Дискуссионный листок № 1 (Январь 1921 г.) (Опубликовано: Известия ЦК КПСС, 1991. № 7. С. 214).

да не ест»¹⁵². Оппозиционеры признавали: «Под внешней формой официального единства мы на деле имеем односторонний, приспособленный к взглядам и симпатиям узкого кружка подбор людей и направлений действий». Настоящие коммунисты «боятся беседовать друг с другом»; «свободная дискуссия внутри партии фактически исчезла, партийное общественное мнение заглохло». Не партийные массы выбирают съезды, а напротив – это делает «секретарская иерархия». Внутрпартийная борьба идет тем острее, чем «более глухо и тайно она идет». Отмечается «опасность диктатуры внутри партии» после поворота 1921 г. (отмена фракций на X съезде)¹⁵³.

Совершенно закономерно в дальнейшем на XI съезде РКП(б) (март-апрель 1922 г.) в центре внимания оказался уже тезис кадетских оппонентов большевизма Н.В. Устрялова и П.Н. Милокова о термидорианском «перерождении» партии. «Такие вещи, о которых говорит Устрялов, – отметил Ленин в начале съезда, – возможны, надо сказать прямо». В заключительном слове, вновь вернувшись к этой теме, он вынужден был признать «правоту наших врагов» в констатации диагноза: «партия наша падает в старчество, теряет гибкость ума и гибкость всего своего организма»¹⁵⁴. В ходе дебатов съезда этот вывод в сущности не вызвал сомнений: говорилось о тенденции к ликвидации завоеваний революции и государства рабочих и крестьян, слиянию партийного и советского аппаратов, вялости и лимфатичности партии, утрачивающей «свои красные кровяные шарики – рабочий класс» и т. д.¹⁵⁵, а принятые рекомендации имели характер паллиатива: исправление экономических ошибок партии возлагалось на советы и профсоюзы, призванные «защищать интересы трудящихся» от перегибов хозяйственных органов, «поскольку они вытекают из бюрократического извращения госаппарата»¹⁵⁶. Завершение тенденций ритуализации политической системы представлено XIII съездом РКП(б) (май 1924 г.) – первым съездом, проходившим без Ленина и знаменовавшим начало новой эпохи. В условиях борьбы триумvirата с «новым курсом» Л.Д. Троцкого апелляция оппозиции к принципам советской и пролетарской демократии объявлялась Сталиным «рупором и каналом для агитации, идущей в стране со стороны новой буржуазии и направленной на то, чтобы ослабить диктатуру, “расшатать” советскую Консти-

¹⁵²Шульман М.Я. Кто чем живет? // Дискуссионный листок № 1 (Январь 1921 г.) (Опубликовано: Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 217–218).

¹⁵³«Заявление 46-ти» в Политбюро ЦК РКП(б) 15 октября 1923 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 190–191.

¹⁵⁴Одиннадцатый съезд РКП(б). Март-апрель 1922 г. Стенографический отчет. М., 1961. С. 28, 521.

¹⁵⁵Там же. С. 74, 160, 198.

¹⁵⁶Там же. С. 529.

туцию, восстановить политические права эксплуататоров»¹⁵⁷. Советы окончательно стали декоративными и номинальными институтами, их деятельность – сугубо ритуальной, а механизмы социального контроля и принятия решений всецело перешли к партийным структурам. Таким образом, тезис о «перерождении» советской демократии плохо соотносится с реальностью: его могут разделять только те, кто верит в ее рождение.

9. Советская модель государственности в сравнительной перспективе

Если антидемократический характер и неэффективность советской модели были очевидны уже современникам ее принятия, то чем объясняется широкое распространение представления о демократичности советской системы в XX столетии? Ответ следует искать не в юридических дебатах, а в стереотипах социальной психологии обществ традиционного типа. Советы стали основным институтом массовой мобилизации в традиционалистских обществах, вступивших на путь аграрной революции. Непосредственное заимствование этого института под влиянием большевистской революции характерно для стран Азии. В Китае уже на начальной стадии революции в коммунистической зоне была принята Конституция Китайской советской республики (1931) – прямой аналог Конституции РСФСР 1918 г.¹⁵⁸ В Монголии Конституция 1924 г. по аналогии с советскими конституциями превратила ее в «страну хуралов» – советов трудящихся. Во Вьетнаме с установлением коммунистического режима в 1948 г. в основу институциональной структуры была положена многоступенчатая система «народных советов»: в провинциях, городах и селах органами власти становились народные советы, органами управления – избираемые народными советами исполнительные комитеты; в областях и уездах избирались только исполнительные комитеты. Исполнительные комитеты областей избирались народными советами провинций и городов, исполнительные комитеты уездов – народными советами сел. В Бирме, Лаосе и Шри-Ланке интерес к подобным формам народовластия был связан с попыткой реализовать идею «буддийского социализма»¹⁵⁹. В Китае эпохи «Большого скачка» воспроизводились параметры

¹⁵⁷Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 г. Стенографический отчет. М., 1963. С. 235–236.

¹⁵⁸Советы в Китае. Сборник материалов и документов: Пер. с немецкого / Вводная статья Е. Иогансон и О. Таубе. М., 1933.

¹⁵⁹Юго-Восточная Азия в 70-е годы. (Социально-политические и идеологические проблемы). М., 1979.

мобилизационной системы «военного коммунизма» России 1918 г., делавшие актуальными коллективистские формы социальной организации и подавления¹⁶⁰. В Кампучии периода диктатуры «красных кхмеров» воспроизводилась в свою очередь маоистская институциональная схема эпохи «Большого скачка» с широким использованием элементов «непосредственной демократии» – «сельскохозяйственных коммун», «трудовых армий» и концлагерей во имя «борьбы за рис», расчистки джунглей и строительства ирригационных сооружений, закончившаяся превращением страны в большое кладбище. В целом подтверждается традиционалистская природа советов (и генетически близких институтов прямого революционного действия) – их деятельность повсюду определялась общинно-коллективистской уравнилельной психологией крестьянского населения, а основные функции состояли в перераспределении земли и мобилизации населения в армию, проведении террора против оппонентов и ограничении их политических прав (институт «лишенцев»), жестком контроле над ресурсами и социальным поведением населения (вплоть до санкционирования принудительного заключения браков без согласия сторон).

Именно поэтому советская форма массовой мобилизации рассматривалась Коминтерном как решающее условие победы аграрных революций в обществах традиционного типа¹⁶¹. Создание советов, будучи доктринальным требованием советского руководства при организации «народно-демократических» революций, сталкивалось в традиционных обществах с трудностью точного копирования организационных принципов и форм, существовавших в СССР. Поэтому имели место как прямое заимствование института советов, так и различные их модификации и имитационное воспроизведение с сохранением соответствующих когнитивных установок и фразеологии¹⁶².

Создание институтов, генетически близких советам, имело место во многих развивающихся странах Ближнего Востока и Африки, активно экспериментировавших в 60–70-е годы XX в. с социалистической идеологией, иногда понимаемой не в смысле Маркса и Ленина,

¹⁶⁰Модернизация в России и Китае в сравнительное перспективе: Круглый стол // Российская история, 2012. № 3.

¹⁶¹Дискуссии о роли советов в Коминтерне см.: Коминтерн и идея мировой революции. М., 1998; Коминтерн в решениях по аграрному и крестьянскому вопросу. М., 1932; Коминтерн и Восток. М., 1969; Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. М., 1986; Коминтерн и гражданская война в Испании. М., 2001; Коминтерн и Африка. Документы. СПб., 2003; Коминтерн и Латинская Америка. М., 1998; Коммунистический интернационал. Указатель документов, опубликованных на русском языке в 1919–1993 годах. М., 1994.

¹⁶²Подробнее: *Медушевский А.Н.* Проекты аграрных реформ в России XVIII – начала XXI в. М., 2005.

но в ее народническо-анархистской версии (в стиле идей Герцена, Бакунина и Чернышевского)¹⁶³. Идеализация форм прямой народной демократии, способной будто бы адекватно выразить волю простого народа, была характерна для большинства постколониальных политических движений, найдя выражение в институтах советского типа – советах и комитетах по поддержке курса «радикальной демократии» и «антиимпериалистической» революции в Алжире, Ливии, Йемене¹⁶⁴. Все эти революции, провозгласив социалистическую ориентацию, использовали советскую модель в качестве общего отправного ориентира, корректируя ее с учетом специфики исламского многоплеменного общества и целей авторитарных военных режимов. В режиме ливийской джамахерии, объявившей устами М. Каддафи о построении «исламского социализма», захват власти сопровождался созданием так называемых «народных комитетов», а отличие данного института от традиционных советов усматривалось в степени их автономности от власти: комитеты объявлялись непосредственным выражением народного суверенитета, в то время как советы – институтами, находящимися под контролем правительства, что ведет к их бюрократизации и отклонению от демократического курса. Свои модификации институтов непосредственной демократии возникли в тех странах Африки, где предпринимались попытки так называемой «общинной модернизации». Они представлены в различных народнических теориях «социализма» – кенийском «африканском социализме», танзанийском общинном социализме («уджамаа»), «замбийском гуманизме», ганском «нкрумаизме», нигерийском «прагматическом социализме», «дагомейском социализме», которые на деле означали создание квазидемократических институтов народной демократии, соотносившихся с перестройкой общинных и племенных отношений, созданием кооперативов, установлением автаркии и жесткого государственного контроля над экономикой, введением авторитарных однопартийных режимов с культом личности революционного лидера¹⁶⁵. В некоторых случаях (как, например, в ходе антимонархической революции в Эфиопии) имели место попытки прямого заимствования революционным командованием советских институтов, включая советы

¹⁶³Государство и право в развивающихся странах. М., 1976; Новые конституции и конституционные реформы. М., 1978; Революционные движения и империалистическая контрреволюция (70-е – начало 80-х годов). М., 1987.

¹⁶⁴Ланда Р.Г. История Алжирской революции. 1954–1962. М., 1983; Герасимов О.Г. Йеменская революция. 1962–1975 гг. М., 1979; Егорин А.З. Ливийская революция. М., 1989.

¹⁶⁵История Тропической и Южной Африки (1918–1988). М., 1989; История Нигерии в Новое и Новейшее время. М., 1981; История Заира в Новое и Новейшее время. М., 1982; История Ганы в Новое и Новейшее время. М., 1985; История Кении в Новое и Новейшее время. М., 1985 и т. д.

(шэнго), ревкомы (комитеты защиты революции), комбеды, крестьянские ассоциации и создание партии с целью ликвидации эксплуатации и немедленного водворения «научного социализма»¹⁶⁶.

В конституционном закреплении этими режимами (Алжира, Эфиопии, Бенина, Бирмы, Мадагаскара) советов и революционных комитетов, действовавших под контролем революционной партии, советские авторы усматривали «зародыши» социализма и становления нового социалистического сознания¹⁶⁷. Общая судьба этих политических систем хорошо известна – все они, претендуя на выражение национальной воли, завершились установлением репрессивных коррупционных режимов, павших в результате государственных (как правило, военных) переворотов. Сходные институты «народной власти» были представлены в тех странах Латинской Америки, где революционные движения после прихода к власти заимствовали советские институты (Куба) или опирались на крестьянские «хунты» или военные комитеты различного типа в процессе партизанской борьбы (как, например, в Боливии). Советская правовая и политическая литература, анализировавшая данные эксперименты с позиций так называемого «научного коммунизма», отмечала элементы общинно-традиционалистской, конфессиональной, этнократической, трайбалистской природы этих институтов, но не допускала вывода об их полной имитационности, усматривая в них (вплоть до Тропической Африки и Океании) переходную форму к системе советского типа или даже прямой аналог ее ранних форм¹⁶⁸.

Однако практика политического процесса XX в. показала, что, во-первых, иллюзия «социалистического выбора» в конституциях самых отсталых стран мира не подтверждается анализом социального содержания институтов непосредственной демократии (даже имеющих внешне сходство с советами); во-вторых, функции социальной мобилизации в традиционалистских обществах могут выполнять не только советы, но и другие институты – религиозные (организации духовенства, подготовившие и осуществившие свержение шахского режима в ходе исламской революции в Иране 1979 г.)¹⁶⁹, военные (Индонезия после свержения президента Сукарно в 1965 г.)¹⁷⁰, демократи-

¹⁶⁶Современная Эфиопия. М., 1988.

¹⁶⁷Чиркин В.Е. Государственный аппарат в странах социалистической ориентации: преодоление старого, становление нового // Государственный аппарат. М., 1984. С. 5–30.

¹⁶⁸Юдин Ю.А. Политические системы независимых стран Тропической Африки (Государство и политические партии). М., 1975; Юдин Ю.А. Высшие органы государства в странах Тропической Африки. М., 1980; Илларионов Н.С. Идеология и общественный прогресс в странах Тропической Африки. М., 1978.

¹⁶⁹Иран. Очерки новейшей истории. М., 1976.

¹⁷⁰Республика Индонезия. Политика, экономика, идеология (1965–1977). М., 1978.

ческие (Индия) или авторитарные однопартийные режимы (например, режим революционно-институциональной партии в Мексике); в-третьих, стало ясно, что попытки прямого насаждения аналога советской системы в исламских странах (как показал, в частности, неудачный опыт афганской революции) имели ограниченный и кратковременный успех, сталкиваясь с мощным проявлением консервативного религиозно мотивированного протеста. В целом из советского опыта в обществах традиционного типа заимствовалась не столько советская форма организации, сколько ее содержание – неограниченная однопартийная диктатура как инструмент модернизации¹⁷¹.

Для преодоления этих доктринальных трудностей в советской литературе была создана специальная политико-правовая категория «революционно-демократических режимов», отличительная черта которых (по сравнению с традиционными «буржуазными» режимами) усматривалась в отказе от принципов парламентаризма и разделения властей, замене их институтами советского или квазисоветского типа, интегрированных в режим революционной однопартийной диктатуры. Это позволяло поддерживать ортодоксальный тезис о советах как универсальной форме политического «самоопределения трудящихся». Универсальность этой формы, однако, заключалась в ретрадиционализации общества – отказе от рациональных принципов правового регулирования даже в тех минимальных формах, которые существовали в этих регионах в предреволюционный (постколониальный) период.

Советы в России, интерпретировавшиеся как альтернатива парламентаризму (Учредительному собранию), невиданный высший тип демократических учреждений, на деле не были принципиально новым институтом – присутствовали в истории крестьянских движений прошлого и неоднократно воспроизводились в аграрных революциях XX в. от Мексики и Испании до Китая и Вьетнама в форме различных «хунт», «комитетов» и т. п. Она стала определяющей для всех стран социалистической системы («народных демократий»), некоторые из которых (Китай, Вьетнам, Северная Корея и Куба) сохранили ее до настоящего времени. Не были советы и формой непосредственной демократии (в силу классовых ограничений избирательного права и многоступенчатого порядка формирования). Наконец, советы не стали полноценным институтом управления, поскольку их функция сводилась в основном к решению задач контроля и подавления, распределения ресурсов, прежде всего – земельного передела.

¹⁷¹Lowenthal R. The Model of the Totalitarian State // The Impact of the Russian Revolution. 1917–1967. The Influence of Bolshevism on the World outside Russia. London; N.Y., 1967. P. 274–351.

10. Итоги институционального проектирования.

Советский миф и современные попытки его реабилитации нуждаются в радикальном пересмотре. Провозгласив утопический идеал государства-коммуны как альтернативу традиционному типу государственности, большевистская революция видела его воплощение в «Трудовой республике», а последняя свелась к «Республике Советов». Отсутствие у большевиков полноценной концепции конституционного переустройства определило формирование новой системы управления в режиме импровизации. Форма государственности переходного периода к коммунизму стала результатом не теоретического или юридического анализа, но была прагматически найдена в самопровозглашенных советах, которые просто подвернулись под руку как удобный инструмент массовой манипуляции и мобилизации.

Попытка осуществления идеи государства-коммуны в ходе большевистской революции определила отношение революционной власти к советам как полноценной альтернативе парламентаризму. Однако возобладавшая первоначально анархистская идея «слома старой государственной машины», ведшая к принятию спонтанных механизмов саморегуляции, не содержала элементов позитивного государственного устройства. Принятие концепции «Республики Советов» как основы нового конституционного строя оказалось в сущности вынужденной мерой, связанной с вакуумом объясняющих идей и отсутствием у большевиков полноценной теории нового государства. Разработчики Конституции РСФСР не представляли, что такое «советская демократия», и искали ее определения путем противоречивого комбинирования элементов рабочей (профсоюзной) демократии, квазипредставительных институтов и выстраивания централизованного аппарата исполнительной власти.

Осуществление идеи «советской демократии» теоретически могло происходить принципиально различным образом – конституционной фиксации спонтанно возникших в ходе революции социальных отношений либо их направленного конструирования в интересах правящей группы. Избрание второго способа имело следствием принятие жесткой унифицированной и иерархизированной модели советских институтов, исключавших их трансформацию с использованием демократических механизмов избирательного права. Республика советов изначально предстает как корпоративистское авторитарное государство, становление и развитие институтов которого лишь в минимальной степени связано с принятыми конституционными декларациями. А усиливающаяся динамика отклонения его развития от коммунистического идеала –

главная причина растущей фрустрации и агрессивности революционной элиты.

Из трех основных моделей советской системы, представленных в дебатах Конституционной комиссии Свердлова в 1918 г. – коммунистического самоуправления, представительной демократии и вертикали власти, – не реализовалась в аутентичном виде ни одна. В основу была положена последняя (вертикали власти) – как отвечающая задачам массовой мобилизации, унификации и централизации политической системы, а главное – установлению однопартийного господства. Формальное юридическое закрепление этой модели в Конституции РСФСР без упоминания неформальных институтов власти партии было предпринято по политическим и тактическим соображениям (в условиях борьбы с оппозиционными партиями), создавая иллюзию ее демократичности. Уже в начале формирования этой системы выяснилась полная непригодность советов как институтов народного представительства, государственного управления и местного самоуправления.

Дисфункция советов не была следствием исторического контекста (внешних трудностей революционного периода), но явилась выражением имманентной логики их возникновения и развития в качестве спонтанно возникших традиционалистских институтов уравнительной демократии. Как все институты подобного типа, советы столкнулись с нереализуемостью завышенных ожиданий – проделали эволюцию, описанную «железным законом олигархии» Р. Михельса. Преодоление паралича власти было достигнуто не коммунистическими паллиативами «рабочей демократии» или «демократического централизма», но радикальным изменением первоначально заявленных коммунистических правил игры – превращением советов в бутафорию, легитимировавшую однопартийный режим и его элиту.

Советская система могла сохраниться и существовать столь длительное время именно потому, что стала номинальным каркасом диктатуры, камуфлировавшим реальный механизм власти. Современные попытки реанимации «советской демократии» должны быть признаны скорее формой идеологического манипулирования, нежели научного политического анализа.

ГЛАВА VI

СОЗДАНИЕ СССР: КОНСТИТУЦИЯ 1924 г.

Представление, что с принятием Конституции 1993 г. Россия окончательно преодолела советское прошлое, все чаще ставится под сомнение в свете реставрационных процессов постсоветского периода. Но был ли СССР состоявшимся государством с юридической точки зрения? Если распад СССР – «величайшая катастрофа XX века», то почему ее не удалось предотвратить? В какой степени действующая политико-правовая система представляет разрыв с прошлым, а в какой – сохранение преемственности? В данной главе с позиций когнитивного конституционализма и юридического конструктивизма проанализирован уникальный опыт создания СССР – возникновение особой модели квазифедеративного устройства, которая господствовала до конца существования государства, во многом обусловив характер его распада¹. Эта модель до сих пор не получила однозначной интерпретации: она определяется как «советский федерализм», «имперский» федерализм, «унитарная федерация», наконец, многие авторы вообще отказывают ей в этом звании². Ключевыми вопросами при анализе Конституции 1924 г.³ стали именно те, которые сохраняют актуальность на современном этапе: содержание интеграционного проекта, причины неэффективности федерализма, конструкция бикамерализма, структура высших органов законодательной, исполнительной и судебной власти, механизмы разработки и пересмотра конституционных норм; выяснение того, в какой мере историческое прошлое предопределило проблемы современного российского федерализма.

¹Медушевский А.Н. Сравнительное конституционное право и политические институты. М., 2002.

²См.: Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Под ред. Р. Суни и Т. Мартина. М., 2011; Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001; Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998.

³Основной закон (Конституция) СССР. Официальное издание ЦИК Союза ССР. М., 1924; Первая Конституция СССР (Конституция СССР 1924 г.) / Под ред. А.Я. Вышинского. М., 1948; Основной закон (Конституция) СССР // История советской Конституции. Сб. док. 1917–1957. М., 1957. С. 226–237.

1. Содержание советского интеграционного проекта: конфедерализм, федерализм, унитаризм

Интеграционная идея была широко представлена после Первой мировой войны в Европе как способ предотвращения будущих конфликтов (проекты Соединенных Штатов Европы). Она отвергалась большевиками как инструмент консервации империалистических тенденций, но возможность ее реализации допускалась в будущем в контексте ожидания мировой коммунистической революции. Концепция подобной интеграции на новых коммунистических основаниях ставила проблему соотношения принципов конфедерации, федерализма и унитаризма при обсуждении формулы государственного суверенитета. С этим связано противоречивое отношение создателей СССР к федеративному государственному устройству: следуя классовой логике марксистского учения, они в целом негативно относились к федерализму, но оказались вынуждены принять его как тактическую уступку националистическим и сепаратистским устремлениям в регионах распавшей империи, а также в перспективе продвижения «мировой революции» в колониальных странах. Вопрос о федерализме почти постоянно связывался с реконструкцией национальных отношений и получал поэтому инструментальный характер. Из принятой на вооружение теории империализма не вытекало четкой доктрины национального вопроса. В теории коммунисты не внесли ничего нового в его решение: ленинская концепция была противоречива, плохо соотносилась с реальностью, а на практике имела деструктивные следствия. Территориальный принцип национального самоопределения возник в ходе полемики большевиков с Бундом⁴. Следствием его осуществления становилась федерация централизованного типа, которая, однако, содержала конфедеративный принцип самоопределения народов (субъектов федерации)⁵. В ходе острой полемики сторонников и противников принципа самоопределения он был сохранен как тактический инструмент, применение которого всецело увязывалось с обстоятельствами момента: «Вопрос о праве наций на свободное отделение, – считали большевики, – непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или другой нации в тот или иной момент. Этот последний вопрос партия пролетариата должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм»⁶. Та легкость,

⁴Бунд. Документы и материалы. 1894–1921. М., 2010.

⁵*Seton-Watson H. Nationalism and Imperialism // The Impact of the Russian Revolution. 1917–1967. The Influence of Bolshevism on the World outside Russia. London; N.Y., 1967. P. 134–205.*

⁶Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 252.

с которой большевики согласились программно и конституционно закрепить право наций на самоопределение, определялась не только мощным революционным потенциалом данного лозунга, но и глубоким убеждением в том, что в социалистическом государстве проблема исчезнет автоматически⁷. Федеративное устройство было принято уже в первой советской Конституции РСФСР 1918 г., зафиксировавшей, что она «учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик»⁸. Однако с переходом к образованию СССР данная дилемма возникла снова: следует ли положить в его основу международно-правовой союз (конфедерацию) или федеративный принцип, и каким образом, в случае принятия последнего, решить вопрос об интеграции в Союз РСФСР, формально уже являвшейся федеративным государством – должны ли все субъекты федерации иметь равный правовой статус или между ними проводится дифференциация и они выстраиваются по иерархическому принципу.

Конфедеративный принцип предполагал создание европейского или мирового союза коммунистических государств, последовательно расширяющегося за счет вступления новых стран. Правовой формой объединения объявлялся федерализм, однако с существенным отступлением – гарантиями полного суверенитета его субъектов и их права на возможность свободного выхода из союза, что гипотетически облегчало решение о вступлении для национальных элит ранее независимых государств. Следует подчеркнуть, что разработка Конституции СССР совпала по времени с ростом ожиданий Коминтерном «мирового Октября» – немедленной победы революции в Европе, прежде всего в Германии⁹. Они отражены в общей концепции Мирового ССР, в состав которого «имеют право войти, на основе договоров самоопределения и объединения равноправных народов, все Социалистические Советские Республики, как существующие, так и имеющие возникнуть в будущем», за каждой из которых «сохраняется право свободного выхода из союза»¹⁰. Ключевое значение для установления баланса принципов конфедерализма, федерализма и унитаризма имела дискуссия по вопросу о соотношении таких основополагающих документов как декларация, договор и конституция, прошедшая в рамках Конференции полно-

⁷Kappeler A. Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 1993. S. 301.

⁸Конституция РСФСР (Основной закон). Принята V Всероссийским Съездом Советов. М., 1920.

⁹Зиновьев Г. Новая волна мировой революции // Коммунистическая революция. 1923. № 21–22 (60–61). С. 5; Доклад Зиновьева о революции в Германии. ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16-а. Д. 40. Л. 8–73. Также: Ф. 3316. Оп. 16-а. Д. 41–42.

¹⁰ГА РФ. Ф. 3316 (ЦИК Союза ССР. Секретариат Президиума). Оп. 1. Д. 11. Л. 2–5. Здесь и далее все сноски на архивные документы даются по фондам Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ).

мочных делегаций Советских Социалистических Республик – РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР (Грузия, Азербайджан, Армения). Предложение (М. Фрунзе и Х. Раковского) принять Декларацию как самостоятельный документ по образцу Американской и Французской революций, отделив ее от Договора, вызвало резкое неприятие в связи с тем, что Договор не содержит указания на диктатуру как цементирующую силу всего объединения. «Над нами, – заявил И. Сталин, – будут смеяться. В договоре не сказано, что власть большевиков строится на диктатуре пролетариата. Это не преддверие, а основное условие всяких договоров, возможных между республиками»¹¹. Именно потому, что Декларация – не юридический, а политический документ («прокламация»), утверждал он, следует объединить его рассмотрение и принятие с договором и конституцией. Прецедентом выступало решение III съезда Советов РСФСР, которым декларация и основные пункты конституции были объединены в единый основной закон¹². В результате была осуществлена идея принятия Основного закона в целом, исходя из презумпции объединения в нем всех трех документов – декларации, договора и конституции. Первое заседание конференции полномочных делегаций РСФСР, Украины, Белоруссии и Федерации Закавказских Советских республик 29 декабря 1922 г. решило принять Договор и декларацию за основу конституции сразу и целиком, без постатейного обсуждения¹³.

Другой стороной проблемы стала юридическая природа самого договора – заключается он навсегда или его условия могут быть пересмотрены участниками в изменившихся обстоятельствах. Обсуждение этого вопроса (поставленного украинской и белорусской делегациями) стало стержнем конституционных споров. Принятие новой Конституции, как и предшествующей, осуществлялось по решению партии и легитимировалось решением I съезда Советов, утвердившим программные документы – «Декларацию» и «Договор об образовании СССР» 30 декабря 1922 г. При этом отсутствовали предварительная юридическая разработка данных документов и, что особенно важно, их согласование с республиками. Первый съезд советов Союзных республик принял в основном договор и декларацию¹⁴, но затем они были отправлены на согласование в союзные республики. Причина, по которой эти документы не были приняты сразу

¹¹Стенограмма заседания конференции полномочных делегаций РСФСР, Украины, Федерации Закавказских советских республик и Белоруссии 29 декабря 1922 г. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 2. Л. 14–15.

¹²Первое заседание Конференции полномочных делегаций РСФСР, Украины, Федерации Закавказских советских республик и Белоруссии 29 декабря 1922 г. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 11. Л. 30.

¹³Там же. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 11. Л. 31.

¹⁴Договор, декларация и постановления 1-го съезда Советов об образовании Союза ССР. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 11. Л. 58–64.

(на I съезде Советов), заключалась в том, что «ряд вопросов – о гарантиях союзных республик, о тех или других сторонах управления союзным государством – не был вполне выяснен»¹⁵. Поэтому после обсуждения ЦИК решено было «выработать новый текст договора и декларации, который и вынести на обсуждение ближайшей или второй Сессии ЦИК Союза, с тем чтобы он принял и утвердил этот договор и эту декларацию», а окончательное утверждение текста Основного закона или Конституции передать на утверждение II съезда Советов СССР. Эта задача возлагалась на особую Комиссию ЦИК (начавшую работу 3 февраля 1923 г.), которая должна была согласовать интересы отдельных республик и центра. Расширенная комиссия Президиума ЦИК приняла за основу «проект, предложенный частью делегации от РСФСР». При обсуждении проекта использовались «пункты из параллельных проектов Конституции Украины, Белоруссии»¹⁶. О конфликтности работы Комиссии ЦИК свидетельствует тот факт, что за короткое время (июнь 1923 г.) она выработала три проекта Конституции СССР¹⁷. Однако вопрос об основных принципах Конституции был предрешен XII съездом партии (7–25 апреля 1923 г.), принявшим резолюцию по этому вопросу на основании доклада Сталина¹⁸. В целом это означало радикальный пересмотр условий первоначального «Договора об образовании СССР» в редакции 1922 г., что было затем проведено в решениях Конституционной комиссии¹⁹. Фактическая подмена одного текста Договора другим была легитимирована решением о его инкорпорации в Конституцию²⁰, которая «во исполнение постановления I съезда Советов СССР» была вынесена 2 Сессией ЦИК СССР «на окончательное утверждение II съезда Советов СССР»²¹. Постановление 2 Сессии ЦИК СССР по докладу о Конституции СССР зафиксировало решение: «Основной Закон (Конституция) СССР утвердить и немедленно ввести его в действие»²².

¹⁵Вторая сессия ЦИК СССР. Стенографический отчет и постановления. 6 июля 1923 г. М., Изд. ЦИК Союза СССР, 1923. С. 11.

¹⁶Проекты Белоруссии и Украины. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 11. Л. 99–129.

¹⁷Проекты Комиссии ЦИК. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 11. Л. 131–146; 147–155; 156–170; *Ивантеев В.И.* Советский строй. М.; Л., 1928; Критический анализ проектов см.: 10 лет Конституции СССР: Сб. ст. / Под ред. Е. Пашуканиса. М., 1933.

¹⁸Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968.

¹⁹Список вопросов по выработке Конституции, перенесенных на решение Комиссии ЦК; Сводка поправок, внесенных на Сессии в проект Конституции. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 11. Л. 206–207.

²⁰Протокол заседания подкомиссии по выработке Конституции Союза ССР. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 9. Л. 11–12.

²¹Основной закон (Конституция) СССР. Проект, принятый Комиссией ЦИК СССР на заседаниях 8–16 июня 1923 г. Записка т. Сапронова «Всем членам и кандидатам Президиума ЦИК СССР и ЦК РКП» от 2.02.23. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 10. Л. 13.

²²Вторая сессия ЦИК СССР 6 июля 1923 г. М., 1923; Постановления II сессии ЦИК СССР. 6 июля 1923 г. М., 1923. Стенограмма заседания 2-й сессии ЦИК Союза ССР 1-го созыва (6 июля 1923 г.). Ф. 3316. Оп. 1. Д. 12. Л. 22–36.

Третий принципиальный вопрос – о природе советского суверенитета. Определение суверенитета сталкивалось с тем, какой принцип должен быть положен в его основу – национальный, государственный (советский) или классовый. Проблема заключалась в том, как соотносятся суверенные права СССР и входящих в него республик, какова роль последних в возможном будущем пересмотре договора, каковы конституционные основания такого пересмотра²³. Договор 30 декабря 1922 г. (в силу своей краткости и неопределенности) открывал возможности для различных трактовок этих вопросов – как в направлении централизма, так федерации и даже конфедерации²⁴. Трактровка суверенитета единого союзного образования выражалась эвфемизмом «воли народов советских республик», на съездах своих советов «единодушно принявших решение об образовании СССР» как шага «по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику»²⁵. Эти общие идеи получили, однако, диаметрально противоположную трактовку в проектах республик (Белоруссии и Украины, отчасти предложениях ЗСФСР), отстаивавших конфедеративную составляющую договора, с одной стороны, и проекта Комиссии ЦИК, отстаивавших централизованную концепцию Федерации²⁶.

Таким образом, в трактовке суверенитета имела место последовательная редукция от конфедерализма к унитаризму. В отличие от последующих советских интерпретаций, настаивавших на концепции СССР как состоявшегося федеративного государства²⁷, в юридической литературе 1920-х годов высказывались обоснованные сомнения в этом, допускавшие вывод как минимум о нетипичности советского федерализма или даже его отсутствию. Общая неопределенность советского «федератива», считал В.Н. Дурденевский, изначально компенсировалась стремлением к политико-правовому единству²⁸. «Совершенно очевидно, – отмечали комментаторы (Э.Э. Понтович), – что Союз ССР не есть ни федерация, и ни конфедерация в обычном западноевропейском или американском смысле этих терминов. Союз есть

²³Протокол от 9 июня 1923 г. Ф. 3316. Оп. 16-а. Д. 44. Л. 72–73.

²⁴*Игнатьев В.И.* Конституция Союза ССР в ее возникновении, развитии и изучении. М.; Л., 1926.

²⁵Проект, принятый Комиссией Президиума ЦИК Союза ССР. Ф. 3316. Оп. 16-а. Д. 45. Л. 1–3.

²⁶Проекты конституции от Белоруссии и Украины см.: Ф. 3316. Оп. 1. Д. 11. Л. 99–129.

²⁷*Якубовская С.И.* Строительство союзного советского социалистического государства. 1922–1925 гг. М., 1960; *Она же.* Развитие СССР как союзного государства. 1922–1936 гг. М., 1972; *Чистяков О.И.* Конституция СССР 1924 г. М., 2004.

²⁸*Дурденевский В.Н.* На путях к федеральному праву // Советское право. Журнал Института советского права. 1923. № 1 (1). С. 22–23.

образование *sui generis*. Конституция Союза ССР содержит особенности, которые не знают ни федерации, ни конфедерации западного типа». «Союз ССР есть государство, стремящееся совершенно слиться с гражданским обществом, построенным на социалистических началах» или «централизованное в форме государственности гражданское общество»²⁹. Сходным образом, РСФСР, по словам Б.Д. Плетнева, «не может быть признана федеративным государством»: подобно Великобритании (Британской империи) ее «правильнее всего признать сложным унитарным государством с рядом автономных областных образований»³⁰. Если классический федерализм интерпретировался как стремление к децентрализации, то его советская версия, подчеркивал Г.С. Гурвич, выступала как новая «форма сотрудничества наций и прогрессирующего сближения и слияния»³¹. Констатировалось, что в области федерализма «СССР идет своим собственным путем», представляя собой классический пример соединения федерализма с централизмом»³². Идея об особой «классовой» природе советского федерализма позволяла избежать «неудобных» вопросов в период, когда федерализм окончательно превратился в декларацию, лишённую реального юридического и политического содержания»³³. В документах оппонентов большевиков – программах оппозиционных партий и эмигрантской литературе (от кадетов до эсеров) федеративная природа СССР однозначно отвергалась как «лжефедерализм», прикрывающий реальность деспотического унитарного государства.

В конечном счете решение проблемы разработчиками Конституции 1924 г. было найдено в сохранении конфедеративных положений Декларации о суверенитете республик при блокировании возможностей их осуществления правовым путем на конституционном уровне. «Суверенитет республик» оставался, однако интерпретировался не как договорная, но конституционная категория (ограничивался предметами, относящимися к компетенции Союза); сохранение суверенных прав выступало как обязательство союзного центра в отношении всего объединения республик, но не каждой в отдельности»³⁴; принцип самостоятельного осуществления республиками своей государственной власти

²⁹Понтович Э.Э. Союз ССР как союзное государство // Право и жизнь. 1927. Кн. 8–9. С. 8–10.

³⁰Плетнев Б.Д. Государственная структура РСФСР // Право и жизнь. 1922. Кн. 1. С. 30.

³¹Гурвич Г.С. К вопросу о федерализме // Революция права. 1928. № 3. С. 33.

³²Диманштейн С. Национальный вопрос // Коммунистическая революция. 1927, № 20. С. 25–26.

³³Советский федерализм: Сб. ст. / Под ред. М.О. Рейхеля. М.; Л. 1930.

³⁴Основной закон (Конституция) Союза ССР. Проект, принятый Комиссией ЦИК СССР на заседаниях 8–16 июня 1923 г. (за подписью т. Енукидзе). Ф. 3316. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–12, 25.

жестко ограничивался общесоюзными конституционными рамками³⁵. Ключевой для всякой федерации принцип равноправия республик³⁶ подрывался ее асимметричной конструкцией – правом сецессии республик, но не национальных автономий (которые наделялись аналогичным статусом субъектов федерации без права сецессии). Сохранение конфедеративного принципа свободного выхода республик из Союза, заявленного изначально как его основа³⁷, блокировалось необходимостью получения согласия всех других республик и союзной власти на его осуществление одной из них: право сецессии республика теоретически могла реализовать только по решению Съезда советов СССР. Наконец, формальная возможность участия республик в процедуре пересмотра Основного закона блокировалась всей структурой советской законодательной власти, делавшей их роль чисто символической. Национальный компонент Союза, претендовавшего на мировое господство, сознательно элиминировался на уровне интернациональной символики – серп и молот, но прежде всего – красная звезда³⁸. Сочетание противоположных правовых принципов достигалось идеологическим постулатом о классовой монолитности Союза, который, по словам Сталина, предстал «великой трудовой державой, вызывающей среди врагов уже не насмешки, а скрежет зубовой»³⁹. Официальная позиция заключалась в том, что прообразом СССР как государства переходного типа (к безгосударственному коммунистическому строю) послужило «федеративное объединение республик и областей в РСФСР»⁴⁰.

В рамках советского номинального конституционализма была сконструирована модель федерализма, не имеющая аналогов в сравнительной перспективе. Во-первых, в ее основу был положен фактически конфедеративный принцип (в интересах мировой коммунистической экспансии), выражением которого стало сохранение права сецессии (без фиксации механизма ее юридического осуществления); во-вторых, вопреки общепринятой трактовке федерализма (закрепленной в «Декларации» и «Договоре об образовании СССР»), субъекты федерации не получили равного

³⁵Тексты Основного закона СССР, Декларации и Договора с пометками к докладу на съезде Советов. Ф. 3316. Оп. 16-а. Д. 44. Л. 2–3.

³⁶*Wheare K. Federal Government. L., 1947.*

³⁷Речь П. Смидовича на Заседании 30 декабря 1922 г. // I съезд Советов СССР (Стенографический отчет с приложениями). 1-я сессия Центрального Исполнительного комитета СССР. М., 1923. С. 3.

³⁸Вторая сессия ЦИК СССР 1-го созыва. Протоколы 1–7 Заседания расширенной Комиссии по выработке конституции СССР от 8, 9, 13, 14, 15, 16 июня 1923 г. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 7. Л. 41.

³⁹Речь Сталина // I съезд Советов СССР (Стенографический отчет с приложениями). 1-я сессия ЦИК СССР. М., 1923. С. 5.

⁴⁰*Смидович П. Конституция Союза С.С.Р // Коммунистическая революция. 1923. № 15–16 (54–55). С. 12.*

правового статуса – они подразделялись на союзные республики, некоторые из которых (РСФСР, ЗСФСР) включали свои собственные субъекты; в-третьих, вопреки декларируемой цели, принцип национально-территориального самоопределения не был последовательно проведен как единый критерий выделения субъектов (они конструировались на основе выделения титульной нации, в ряде случаев составлявшей меньшинство соответствующего субъекта), а попытка скорректировать эту схему введением национальных автономий была проведена непоследовательно (в одних случаях они создавались, в других нет). Концепция государственного суверенитета вступала в силу в его ограниченной трактовке – в основу была положена не гражданская нация или народ, а воля ее передового класса (однопартийная диктатура).

2. Почему оказалась недееспособна конструкция федерализма

Главной целью Конституции СССР 1924 г. было оформление на конституционном уровне факта образования СССР, в связи с чем она практически не касалась вопросов общественного строя, прав и свобод граждан союзных республик, но на деле создавала новую реальность по этим параметрам.

Советский федерализм рассматривался прежде всего как инструмент окончательного разрешения так называемого «национального вопроса», формой его реализации выступала советская система государственного устройства, а содержание усматривалось в осуществлении классовой воли – диктатуры пролетариата. Проблема организации законодательной власти в федеративном государстве заключается в таком распределении полномочий союзных и республиканских институтов, которое обеспечивает права субъектов федерации⁴¹. Отвергнув две основные модели образования федерации – принцип экстерриториальности и культурно-национальной (национально-персональной) автономии, которые вполне могли стать основой государственного строя⁴², партия положила в основу противоречивый территориально-национальный принцип – «с таким расчетом, чтобы в каждой республике была одна численно преобладающая национальность». Проведение данного принципа во имя «избежания национальной «чресполосицы» не могло быть осуществлено последовательно, поскольку за его рамками оставалось «громдное количество нацмен, находящихся вне пределов своей национальных республики», или вовсе не имевших «своих республик в нашем союзе»⁴³. Выход из

⁴¹Гурвич Г.С. Принципы автономизма и федерализма в советской системе. М., 1924.

⁴²Кокошкин Ф.Ф. Автономия и федерация. Пг., 1917.

⁴³Диманштейн С. Очередные задачи работы среди нацмен // Коммунистическая революция. 1925. № 13–14 (17–18). С. 13–23.

этого противоречия мог быть найден только в рамках квазифедеративной структуры, подкрепленной направленным территориальным размежеванием регионов⁴⁴, идеологическими и административными рычагами – интернациональным воспитанием и кадровой политикой.

Концепция советского федерализма никогда не обладала юридической ясностью, а ее семантическая неопределенность открывала пути манипулирования ею. Выбор в пользу федерации был декларирован еще в конце 1917 – начале 1918 г. III Всероссийский съезд Советов в январе 1918 г. в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» провозгласил Россию федеративной республикой, интерпретируя ее, однако, как «федерацию автономных областей, отличающихся особым бытом и составом населения». Достаточно четкая юридическая постановка проблемы федерации и соотношения ее с другими видами децентрализации – различными вариантами автономизации и регионализации, – была дана, как известно, в русской академической юриспруденции и либеральной мысли – в трудах Ф.Ф. Кокошкина, С.А. Котляревского, П.Н. Милюкова, С.А. Корфа, Н.С. Тимашева и др.⁴⁵ Решение проблемы государственного устройства (теоретически возможного как на началах федерализма, так и различных вариантов автономии) усматривалось в последовательном проведении принципов гражданского равенства и правового государства, а вовсе не в обособлении наций и национальностей в искусственно конструируемых административно-территориальных границах⁴⁶. Подчеркивалось, что понятие нации имеет конструируемый характер, включает различные параметры (территория, язык, раса, культура), но в действительности не сводима к ним, а потому не существует в реальности⁴⁷. Независимо от политических взглядов, все академические исследователи проблемы указывали, что конструирование федерации по национальному принципу есть путь к распаду страны⁴⁸. Однако данная постановка проблемы сознательно отвергалась большевиками, размывавшими понятия нации и федерализма с помощью их классовой интерпретации. Известное противоречие

⁴⁴Сулъкевич С.И. Административно-политическое строение Союза ССР (материалы о территориальных преобразованиях с 1917 г. по 1 июля 1925 г.). Л., 1926.

⁴⁵Корф С.А. Федерализм. Пг., 1917; *Он же*. Возможна ли в России федерация? // Современные записки, 1921. № III. С. 173–190; *Тимашев Н.С.* Проблема национального права в советской России // Современные записки. 1926. Т. XXIX. С. 396.

⁴⁶Милюков П.Н. Национальный вопрос (происхождение национальности и национального вопроса в России). Прага, 1925.

⁴⁷Сорокин П.А. Национальность, национальный вопрос и социальное равенство // Сорокин П.А. Проблемы социального равенства. Пг., 1917. С. 15.

⁴⁸Медушевский А.Н. Формирование концепции российского федерализма в политических теориях начала XX в. // Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, программатике и политико-правовой практике российского либерализма. Седьмые «Муромцевские чтения». Орел, 2015.

сторонников федерации (Ленин) и автономизации (Сталин) носило не принципиальный, а скорее тактический характер, поскольку изначально не предполагало реального федерализма и децентрализации, но их использование для легитимации унитарного многонационального государства с однопартийным режимом. Понятие федерализма становится инструментальным и увязывается с другими задачами национального, классового и политического самоопределения.

В результате произведенной разработчиками Конституции 1924 г. идеологической и семантической деформации понятия федерализма оно расщепляется на ряд составляющих, а само федеративное устройство предстает в виде трехуровневой иерархии различных образований: союзная республика, автономная республика и автономная область. В рамках договорной теории Федерации гипотетически предполагалось, что суверенитетом обладают как союзное государство, так и союзные республики. Автономные республики – государственные образования, которые не могут претендовать на суверенитет, а автономные области вообще выступают как синоним губерний. Идея «автономии» вообще означала самоуправление и право на законодательную деятельность местного характера⁴⁹. Проблема соотношения Федерации и ее субъектов обсуждалась не с позиций научной теории или доктрины, но исходя из политических приоритетов. В юридических дебатах и материалах Конституционной комиссии представлены различные позиции, но в целом вопрос разрешился наделением всех трех образований статусом субъектов Федерации. Так были заложены основы той неэффективной асимметричной Федерации, где при формальном равенстве субъектов они имеют различный статус, причем одни входят в состав других. Удержать всю эту конструкцию от распада было возможно только с помощью сильного внешнего арбитра – партийной диктатуры, наследовавшей самодержавию в выполнении этой функции.

Трансформация концепции федерализма и статуса субъектов Федерации определяла логику институционального конструирования. Соотношение таких институтов как Съезд, ЦИК и СНК в конструкции власти претерпело существенные изменения. «Договор об образовании СССР» в редакции 1922 г. предусматривал не двухпалатную, а однопалатную конструкцию верховного органа власти – ЦИК. Он должен был выбираться на Съезде из представителей союзных республик пропорционально населению каждой. Другой важнейший орган – Президиум ЦИК должен был включать представителей от четырех основных республик. Таким образом, «Договор» исходил из рассмотрения ЦИК как верховного гаранта прав национальностей, противопоставляя его в этом отношении Съезду (избиравшемуся по чисто территориальному прин-

⁴⁹Магазинер Я.М. Общее учение о государстве. Пг., 1922.

ципу) и правительству (СНК), названному «исполнительным органом ЦИК». Такая конструкция вытекала из общего стремления «Декларации» и «Договора» последовательно провести принцип «добровольного объединения равноправных народов», федеративного (а не унитарного) государства, защитив его от претензий как законодательной (Съезд), так и исполнительной (Совнарком) власти.

Выражение идей договорной природы федерализма четко представлено в проектах республик. Белорусский проект предполагал решение проблемы по линии национального представительства. В области организации верховной власти отличительной чертой белорусского проекта являлось предоставление особенно широких полномочий Съезду советов, который, вероятно, рассматривался как гарантия от узурпации власти со стороны России и ее правительства. С этим же связано последовательное проведение в проекте идеи ограничения законодательных прерогатив центрального правительства – Совнаркома. Республиканские ЦИК получали право предварительно рассматривать затрагивающие их интересы союзные законы, опротестовывать декреты, постановления и распоряжения СНК в Президиуме ЦИК, а последнего – в ЦИК Союза, не приостанавливая их исполнения, а в исключительных случаях даже «приостанавливать решения СНК Союза»⁵⁰. Еще большим уровнем децентрализации характеризовался украинский проект, исходивший из сохранения между республиками тех «конвенциональных отношений», которые сложились в эпоху Гражданской войны. Соответственно, за центром оставалось право на установление лишь общих основ законодательства, а за республиками – право самостоятельной трактовки этих основ, в частности, возможность выступать в международных отношениях, заключать договоры, решать все вопросы экономики и внутреннего управления. Другой особенностью проекта являлось стремление усилить независимость высшего государственного учреждения – ЦИК по отношению к Съезду советов, а подспудно и к партии, контролирующей этот съезд. С этой целью проект предусматривал двухпалатный ЦИК, однако исходил из возможности принятия решений на совместном заседании обеих палат. Однако они различаются по характеру своего создания – первая палата выбирается на съезде «из представителей союзных республик, пропорционально населению», вторая «образуется из представителей договаривающихся республик» – включает представителей ЦИК республик, и, следовательно, не утверждается съездом. Обе палаты равноправны, осуществляют рассмотрение законов, формируют правительство и наделены правом законодательной инициативы. Это означает (при равноправности палат), что палата национальностей может блокировать всю работу ЦИК, отказавшись утвердить законо-

⁵⁰Проект Конституции от Белоруссии. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 11. Л. 112–115.

проект союзного значения. Как и в белорусском проекте, в украинском предусмотрена возможность опротестования республиканскими законодательными органами постановлений СНК в Президиум ЦИК, а его декретов и постановлений в ЦИК СССР, «не приостанавливая их исполнение»⁵¹.

Суть проекта Конституционной комиссии, учитывавшей эти настроения, – создание, наряду с ЦИК, особого Верховного совета национальностей в составе представителей не только союзных, но и автономных республик. Это учреждение мыслилось первоначально как особая палата, существующая параллельно с ЦИК Союза, причем состав его должен был избираться непосредственно республиками (без утверждения на союзном съезде советов). Проект «О Верховном совете национальностей» фиксировал, что он формируется из представителей союзных и автономных республик, работает на сессионной основе, рассматривает все декреты, кодексы и постановления, вынесенные на рассмотрение ЦИК СССР, имеет право законодательной инициативы по всем вопросам, подлежащим ведению верховных органов Союза ССР». ВСН избирает свой Президиум, устанавливающий отношения с Президиумом ЦИК Союза ССР⁵². Эта схема внешне напоминала двухпалатный парламент федеративного государства. Нижнюю палату составлял ЦИК, верхнюю – особая национальная палата, получившая в документах различные наименования – Второй палаты, Верхней палаты, Верховного Совета национальностей. Проектируемое учреждение наделялось правом законодательной инициативы и рассмотрения всех основных законодательных актов, предложенных ЦИК Союза. Разногласия между Верховным советом и ЦИК должны были разрешаться на совместных заседаниях, а в случае их непреодолимости – выноситься на Съезд. Фактически предполагалось создание особого представительства национальных интересов, независимого от центральных союзных инстанций. Эта модель была отвергнута большинством комиссии ЦИК в пользу централистского проекта.

Аргументы противников бикамерализма состояли в следующем. Образование верхней палаты (Верховного совета национальностей), – согласно специальной критической записке, – неприемлемо, во-первых, потому, что «создание параллельного органа наряду с Союзным ЦИК на началах паритетного представительства всех национальностей, противоречит общепринятой системе советского строительства: он создается на началах, глубоко отличных от наших конституционных положений», чем «нарушается единство формы и организации советской власти»; во-вторых, «проектируемый орган усложняет наш государственный

⁵¹Украинский проект Декларации. Общие основы. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 11. Л. 123–124.

⁵²О Верховном совете национальностей. Проект. Ф. 3316. Оп. 16-а. Д. 44. Л. 108–109.

аппарат, ибо создает лишний параллельный орган. Получается вместо упрощения усложнение нормального органа (Союзного ЦИК), к которому прилепляется в виде недоразвитого убудюдка (характерна терминология советских законодателей! – *А.М.*), его двойник, обладающий одинаковыми правами, но с меньшим весом и содержанием, чем первый». В-третьих, «оно не дает выхода стремлению национальностей». В документе содержалась острая критика идеи особой национальной палаты: «Чего добиваются националы? Они требуют не создания паритетного правительства, которое в лучшем случае будет фиктивным органом (потому что окончательное решение вопроса будет проходить в другом, высокоавторитетном органе – ЦК, Политбюро), а в худшем – может породить большие трения и разногласия как внутри состава проектируемого параллельного органа, так и вне его (конфликты с Союзным ЦИК и отдельными республиками)». Националисты «требуют лишь одного: одинакового положения с господствующей нацией». Но это невозможно на паритетных началах в рамках общесоюзного представительства. «Для того, чтобы постановления Союзного органа по какому-либо делу или отдельному вопросу сделать наиболее приемлемыми для одной или нескольких республик, входящих в Союз, для этого нужно только выработать соответствующую формулу конституционного порядка рассмотрения подобных дел, соблюдение которого даст максимальные гарантии того, что национальные стремления, в допустимых Советской властью границах, не будут обойдены»⁵³.

Антигезой изначальной трактовки договорной модели стала формула XII съезда РКП(б) о двухпалатном ЦИК, где обе палаты получали равные права. Конфликт централистов и децентралистов раскалывал саму большевистскую элиту. Позиции Центра (выдвинутой Сталиным) противостояли Троцкий, Раковский, Фрунзе, Скрыпник, которые констатировали смешение национального вопроса с федеративным, недооценку национального шовинизма, «советизацию окраин», невнятную конструкцию верхней палаты. «Сократим, – заявляли сторонники децентрализации, – права центральных органов и усилим права местных органов»⁵⁴. Позиция Сталина по вопросу о соотношении национальных и государственных начал при формировании верхней палаты была признана оппонентами неудовлетворительной: «Тов. Сталин, – говорил Раковский, – у вас такая путаница, которую никакой элементарный учебник не выдержит». Сталин признавал: «Какую конструкцию должна иметь верхняя палата» – он не знает. Компромисс предложил Троцкий, отме-

⁵³Ф. 3316. Оп. 1. Д. 11. Л. 218–220.

⁵⁴Из истории образования СССР. XII съезд РКП(б). Стенограмма заседания секции по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 168–182.

тивший, что, поскольку национальность вообще трудно перевести на юридический язык, вопрос о разграничении полномочий центрального и местного аппарата лучше перенести на будущее. Важно лишь одно – «чтобы над всем этим аппаратом стояла в качестве хорошего суфлера партия». Если конфликты между республиками (например, о финансах) достигнут большой остроты, то «в конце концов в качестве суперарбитра будет выступать партия». Тот же принцип следует принять в отношении конструирования второй палаты: если она выйдет «кривобокой» – не беда, «через некоторое время ЦК ее поправит, как у нас бывало в ряде других областей, тем более там, где мы должны искать новые пути»⁵⁵. Эти представления о допустимости переходной, временной конструкции высших органов власти, которая затем может быть скорректирована партийным решением, оказались доминирующими.

Обсуждение проекта Комиссией ЦК РКП(б) (в которую входили также представители по партийной линии всех республик) определило приоритеты последующей конституционной разработки. Принципиальное значение в этом отношении сыграло четвертое совещание ЦК ВКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей (9–12 июня 1923 г.), где Сталин выступил с докладом о практических мероприятиях по проведению в жизнь резолюции XII партсъезда по национальному вопросу. Переведя ключевой (и нерешенный) вопрос о структуре и функциях высших органов власти из законодательной сферы в практическую плоскость, партийный аппарат предрешил исход споров. Совещание определило двухпалатную структуру ЦИК и его Президиума, отвергнув предложение украинской делегации, настаивавшей на создании двух параллельных президиумов ЦИК. Оно установило название двух составных частей ЦИК – Союзный Совет и Совет национальностей и определило порядок решения возможных конфликтов между ними (через согласительную комиссию, ЦИК и Съезд советов).

В результате в Комиссии было решено, что декларация и договор об образовании СССР являются не самостоятельными документами, но интегрируются в Основной закон (Конституцию) СССР; был предрешен вопрос о пересмотре гарантий суверенитета республик (отменена возможность «приостановления» республиканскими ЦИК и их Президиумами решений центрального правительства «в исключительных случаях»); введена новая конструкция организации союзной власти и структуры республиканского представительства (двухпалатный ЦИК

⁵⁵См.: XII съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М., 1968. Из истории образования СССР: XII съезд РКП(б). Стенограмма заседания секции съезда по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 167–171.

вместо однопалатного). Суть последующего централистского проекта Конституционной комиссии состояла в ограничении договорных начал: «принять, заменив всюду, где встречаются, слова “Союзный договор” словами “настоящая Конституция”»; в отказе от идеи особого Верховного совета национальностей как единой верхней палаты; в образовании двухпалатного законодательного института – ЦИК, обе палаты которого (Союзная и Национальная) получали равный законодательный статус, а все постановления в области законодательства, финансов и управления принимались «согласными решениями обеих палат» на объединенном собрании, либо (в случае возникновения разногласий) в рамках согласительной комиссии с повторным голосованием в палатах. Вместо понятий первой и второй палаты была принята формула двух советов – «Союзный Совет и Совет Национальностей», каждый из которых выбирал свой Президиум⁵⁶.

Таким образом, все обсуждение свелось к первоначальному варианту, выдвинутому партсъездом. Будучи неконституционным органом, «совещание» тем не менее утвердило структуру и функции центральных учреждений, а также выдвинуло новое учреждение – Президиум ЦИК. Это учреждение должно было служить для манипулирования волей ЦИК в случае проявления там оппозиционных настроений. Как ЦИК, так и его Президиум стали чисто декоративными органами, не принимавшими никакого участия в решении принципиальных политических вопросов. При внешнем соблюдении федеративной формы объединения реализовалась фактическая модель унитарного государства. В этом заключалась основная специфика «советской федерации на основе диктатуры пролетариата».

3. Национальные противоречия и формирование высших органов власти СССР

Преодоление национальных противоречий в рамках советского федерализма усматривалось в отказе от парламентаризма – унификации и централизации законодательной власти⁵⁷. Отказ от принципа парламентаризма в СССР вел к дезавуированию соответствующей юридической терминологии: отрицанию сравнения ЦИК с парламентами, а его двух частей – с палатами, ибо они представляют собой «коллегии, имеющие разное происхождение, но одинаковые права и обязанности». В результате «остается единый центр высшей государственной власти для всей

⁵⁶Вторая сессия ЦИК Союза ССР. Протоколы заседаний подкомиссии по составлению проекта конституции, Положений о СНК, СТО и Наркоматах СССР от 28.02. 1923 г. и от 6.06.23. Ф. 3316. Оп. Д. 9. Л. 24–25 и 26–27.

⁵⁷*Магеровский Д.А.* Государственный строй Союза ССР. М.; Л., 1926.

союзной территории – Союзный ЦИК, собирающийся три раза в год, и его Президиум в промежутках между сессиями»⁵⁸.

Общая задача разработчиков Конституции 1924 г. состояла в том, чтобы «создать единое союзное государство и в то же самое время обеспечить в нем национальное развитие тех народов, которые входят в состав договаривающихся республик». В ходе этой работы первоначальный проект претерпел радикальные изменения. Во-первых, вместо однопалатного ЦИК Союза (который предусматривался «Договором») был создан двухпалатный. Во-вторых, наряду с Союзным Советом, Конституция создает новый орган – Совет национальностей, принципы формирования которого противоречат идее «Договора»: он строится по принципу равного представительства не только от союзных республик, но и от автономных национальных республик и представительства от областей. Этим достигается перевес союзного центра (опирающегося на представительство многочисленных автономий) над республиками – учредителями Союза. В-третьих, данная конструкция бикамерализма нивелирует значение национального представительства. Вместе обе палаты составляют ЦИК Союза, имеют равные права, а разрешение конфликтов между ними (в рамках согласительных комиссий) подменяется делегированием решения на вышестоящий уровень.

Общая схема законодательной власти представлена в «Положении о Центральном Исполнительном Комитете СССР», которое фиксировало его состав и предметы ведения, статус двух палат – Союзного и Национального Советов, регламентировало проведение их соединенных заседаний, а также устанавливало порядок и регламент ЦИК Союза, прерогативы его комиссий, Президиума, секретариата и технического аппарата⁵⁹. Стремление ограничить значение национально-республиканского представительства определило уникальность советской модели бикамерализма: статус палат (они равны по своим законодательным прерогативам); порядок их работ (секционные заседания), формирование национальной палаты (не только от союзных, но и автономных республик), преодоление разногласий (объединенное заседание), равенство их полномочий (рассмотрение декретов, кодексов и постановлений, право законодательной инициативы); сходство их структуры (каждая палата выбирает свой президиум, оба президиума объединяются в единый Президиум ЦИК СССР), механизм принятия решений (боль-

⁵⁸Смидович П. Конституция Союза С.С.Р. // Коммунистическая революция. 1923. № 15–16 (54–55). С. 17.

⁵⁹Протоколы комиссий по выработке положения о ЦИК СССР и проекты Положения. Проект, принятый Комиссией Президиума ЦИК Союза ССР (от 21.08. и 13.09. 1923). Ф. 3316. Оп. 1. Д. 15. Л. 251–256 об.

шинством голосов)⁶⁰. Согласно принятому официальному плану, Совет национальностей должен был состоять из представителей всех (как федеративных так и автономных) республик, формально наделяя национальности новым правом «участия в конструировании органов власти Союза ССР»⁶¹.

Данная формула имела глубоко продуманный характер: формально давая отражение в структуре власти не только классовых интересов, но и «запросов чисто национальных», она на деле предельно минимизировала их влияние на процесс принятия решений (ибо окончательное слово оставалось за съездом, являвшимся чисто декоративным органом), не исключая унификаторских («национально-шовинистических» по терминологии эпохи) тенденций при проведении партийных директив в национальных регионах⁶². Этот принцип, помимо чисто демагогических целей (представительство всех, а не только крупных наций), имел важную тактическую цель – противопоставление мощным республиканским элитам четырех республик – учредителей Союза (РСФСР, БССР, ЗСФСР и УССР) небольших, но компактных и корпоративно обособленных представительств национальных меньшинств (автономий), заинтересованных в ослаблении национально-республиканских центров и усилении общесоюзного центра. В отличие от союзных республик и вопреки общей логике национально-территориального федерализма, автономные республики и области не получили конституционного права на самоопределение в форме выхода из Союза, что интерпретировалось эвфемизмом их «добровольного самоограничения»⁶³, осознанием ими того факта, что «далеко не все национальности заинтересованы в одинаковой степени самостоятельности при данных политико-экономических условиях»⁶⁴. На деле это означало, что «автономные области в смысле выполнения функций высшей государственной власти приближаются к губерниям»⁶⁵. В ходе дискуссий по проекту российской конституции обсуждался вопрос о статусе автономной области. Если одни (Д. Курский) выступали против включения автономных областей в круг

⁶⁰Проекты Положения о палатах ЦИК Союза ССР и о Верховном Совете национальностей Союза ССР, выработанные тт. Сапроновым и Курским. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 11. Л. 221–231.

⁶¹Енукидзе А. Заветы Ленина и наша советская республика // Власть Советов. 1925. № 3. С. 3.

⁶²Енукидзе А. Партийные директивы и национальная политика на местах // Власть советов. 1925. № 45. С. 3–4.

⁶³Енукидзе А. Конституции автономных республик // Власть Советов. 1926. № 29–30. С. 2–4.

⁶⁴Котляревский С. Национальное строительство в РСФСР // Революционная законность. 1926. № 3–4.

⁶⁵Смидович П. Конституция Союза С.С.Р. // Коммунистическая революция. 1923. № 15–16 (54–55). С. 12.

субъектов РСФСР, то другие (А. Енукидзе), напротив, предлагали выделить автономные области из состава губерний и поставить их в один ряд с автономными республиками. Последняя позиция возобладала в связи с опасением возможных претензий автономных областей на получение статуса автономных республик. Удельный вес РСФСР в этой асимметричной конструкции внешне значительно возростал, поскольку она (наряду с ЗСФСР) становилась «федерацией внутри федерации» – включала не только национальные республики, но и значительное число автономных республик (существование которых не предусматривалось прешествующей Конституцией РСФСР 1918 г.)⁶⁶.

На деле юридическая природа РСФСР отличалась большой спецификой и трудно поддавалась юридической квалификации. Одни советские юристы определяли ее как особую форму союзного государства, другие – как одну из форм федерации, или государство с автономными образованиями, т. е. федерацию «особого рода». Специфика этого образования выражена в Конституции РСФСР 1925 г., разработанной Конституционной комиссией Президиума ВЦИК под председательством Д.И. Курского. Во-первых, РСФСР, ранее обладавшая государственным суверенитетом (по Конституции 1918 г.), утрачивала свою самостоятельность, став членом союзного государства и передав ему ведение ключевыми вопросами внешней и внутренней политики, вооруженными силами. Во-вторых, РСФСР, в отличие от других союзных республик, не обладала правом на сепессию: в ее новой Конституции не был предусмотрен пункт о праве на выход из СССР, присутствовавший в конституциях других союзных республик. В-третьих, РСФСР, ранее самостоятельно решавшая вопросы своего территориального единства – принятия или выхода из ее состава отдельных частей (ст. 49, п. 9 Конституции 1918 г.), как это было продемонстрировано на примере предоставления полной независимости Финляндии и самоопределения Армении (ст. 6), теперь утрачивала это право. В-четвертых, РСФСР, сохранившая формально федеративное устройство, обладала чрезвычайно сложной административно-территориальной структурой: в ее состав входили автономные республики, автономные области, губернии и области на правах губерний, правовой статус которых отличался крайней неопределенностью. Логика конституционного определения этого статуса характеризовалась сочетанием двух противоположных тенденций – к созданию независимых республик и к созданию автономных образований, причем на практике развитие шло по линии создания преимущественно автономных республик. В-пятых, у РСФСР не было даже республиканской компартии, как у остальных членов СССР, благодаря которой она могла бы отстаивать свои интересы на союзном

⁶⁶Курский Д. Конституция РСФСР // Власть Советов. 1925. № 23–24. С. 1–3.

уровне. В результате правовое положение РСФСР очень четко выразило все основные противоречия советского номинального федерализма: формально определявшаяся как федеративное образование, РСФСР на деле была унитарным образованием. РСФСР, считавшаяся суверенной республикой, была «низведена до положения автономной, практически утратив свою самостоятельность»⁶⁷.

При такой организации союзного правительства статус автономий (по отношению к титульным нациям республик) не уменьшался, а, наоборот, возрастал. Подобный принцип организации Палаты национальностей был очень выгоден центру, поскольку давал ему формальное право вмешательства в дела республик и являлся способом преодоления их суверенитета в отношении к общесоюзным инстанциям. Таким образом производилась подстановка – вместо федерации существующих независимых государственных образований создавалась аморфная федерация национальных представительств, растворявшая конфликтный потенциал в отношениях исторически сложившихся (после распада Российской империи) центров власти. О том, что эта стратегия хорошо осознавалась республиканскими элитами, свидетельствует целенаправленная борьба их представителей (Н. Скрыпник, Х. Раковский, Б. Мдивани и др.) с линией партсъезда, поражение в которой означало их устранение из реальной политики. Ими был выдвинут альтернативный проект, по которому Совет национальностей должен был включать исключительно представителей четырех федеративных республик. Инкорпорированный в сформировавшуюся уже структуру власти, Совет национальностей не располагал реальным влиянием на ход решения национального вопроса.

Предметом особого внимания стал вопрос о возможных конфликтах между палатами и снятии противоречий между ними. Сторонники централизации, стремясь избежать малейших аналогий с полноценным парламентаризмом, формально признавали конституционность совместных заседаний палат, но подчеркивали (М.И. Калинин), что голосование на совместных заседаниях «по всем вопросам происходит раздельно» и, «разумеется, обычное ведение работ требует, чтобы эти палаты заседали параллельно»⁶⁸. При обсуждении этого вопроса сторонники децентрализации перенесли на него все аргументы в защиту республиканской самостоятельности – они настаивали на конституционной расшифровке понятия «согласительных комиссий» – детальной фиксации этапов, механизмов и процедур их работы. При недостиже-

⁶⁷Баркова О.Н. История разработки и принятия Конституции РСФСР 1925 г. М., 2007. С. 50.

⁶⁸Стенограмма 1-го Пленарного заседания 2-й сессии ЦИК Союза ССР 2-го созыва. 17 октября 1924 г. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 67. Л. 3–6.

нии консенсуса в согласительной комиссии (или неприятии ее решения одной из палат) предполагался ряд дополнительных этапов поиска согласия – вынесение спорного вопроса на совместное заседание палат, перенесение вопроса на Президиум ЦИК Союза непосредственно, или опосредованно – через предварительное рассмотрение СНК Союза ССР и заинтересованных ведомств с обязательным участием представителей соответствующих республик⁶⁹. Более того, представителями украинской делегации предлагалась формула, согласно которой «по требованию Президиума Совета Национальностей или Союзного Совета спорные вопросы, подлежащие ведению Президиума ЦИК Союза, могут переноситься на очередную или чрезвычайную сессию ЦИК Союза». Параллельно с этим высказывалась идея перераспределения центров принятия решений – предложение, «чтобы столицей Союза ССР была Москва, а столицей РСФСР – Петроград»⁷⁰. Нежелание Комиссии рассматривать эти вопросы вызывало неоднократные протесты республиканских представителей и выдвижение ими особых мнений.

В связи с этим возможна стала дискуссия о том, до какой степени обе палаты выражают различные национальные и региональные интересы, каким образом могут разрешаться конфликты между ними. Правовой регламентации требовал, в частности, вопрос, может ли Совет национальностей быть окончательной инстанцией в разрешении национальных конфликтов и как эти его прерогативы согласуются с решением ЦИК. Официальная интерпретация этой проблемы состояла в том, что конфликты между двумя палатами ЦИК невозможны, поскольку обе они имеют (в отличие от «буржуазных» парламентов) единую классовую природу. Конституционное решение было подменено идеологическим, исходящим из презумпции единства воли палат, ибо «у нас в обеих палатах нет классового различия, исходные точки и цели, к которым стремятся обе палаты, одинаковы», «когда начинается обсуждение, находится совместный язык, находятся общие формулировки». Из этого вытекала трактовка механизма разрешения конфликтов в советском парламенте: «если бы законодательные проекты были внесены в две параллельно работающих буржуазные палаты, несомненно, они потребовали бы бесконечного времени», в то время как в советском парламенте решения принимаются быстро и единодушно⁷¹.

В конечном счете решение каждой из палат (или их президиумов) становится окончательным лишь в случае утверждения их ЦИК или его Пре-

⁶⁹Протоколы заседаний Комиссий по выработке положения о ЦИК СССР и проекты Положения. Протокол № 3 от 22 октября 1923 г. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 15. Л. 18–24.

⁷⁰Протокол заседания Комиссии ЦИК Союза ССР по выработке Конституции от 14-го июня 1923 г. Ф. 3316. Оп. 16-а. Д. 44. Л. 66–67.

⁷¹Стенограмма Второго Пленарного заседания 2-й сессии ЦИК Союза ССР 2-го созыва 27 октября 1924 г. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 76.

зидиумом. Президиум ЦИК (как «коллективный президент») становился средоточием советской бюрократической вертикали. Формальная структура власти, закрепленная в Основном законе (Конституции) СССР 1924 г.: Съезд – ЦИК и его Президиум – практически без изменений переносилась на РСФСР (Конституция 1925 г.)⁷² и конституции всех остальных республик⁷³. Слияние законодательной и исполнительной власти выражалось в интерпретации Президиума ЦИК как «высшего законодательного, исполнительного и распорядительного органа власти» (ст. 29 Конституции СССР 1924 г.) – принятия ЦИК и Совнаркомом совместных постановлений. Последующие советские комментаторы видели в этом суть аутентичной советской системы в отличие от ее сталинских искажений: «Разве можно, – спрашивал один из них в 1962 г. (Л. Мандельштам), – более полно выразить ленинские принципы слияния законодательства с управлением, чем в этой четкой конституционной формуле?»⁷⁴ Современники были более критичны в оценках. Тот факт, что законодательной властью (правом издавать законодательные акты) в этой иерархической системе пользовались все высшие органы власти – от Съезда до Совнаркома – позволял некоторым юристам (А. Турубинер) сравнивать ее с практикой «чрезвычайно-указного права» периода самодержавия и «мнимого конституционализма», хотя и с осторожной оговоркой, что этот термин «не может быть применен к процессу законодательства в советском государстве»⁷⁵. Идея создания демократического представительства – общего «земского дома» путем «научного обобщения практического опыта советского строительства под углом зрения марксистско-ленинской теории государства»⁷⁶ – выявила свою несостоятельность уже на начальной стадии реализации Конституции. Выборы в этой системе носили абсолютно формальный характер, игнорировались крестьянством и национальными меньшинствами и интерпретировались, скорее, как выражение их лояльности режиму⁷⁷. Русские либеральные ученые в эмиграции (Н.С. Тимашев) совершенно справедливо определяли новую систему как «красную деспотию»⁷⁸.

⁷²Доклад т. Курского на 11-м Всероссийском съезде Советов о Конституции СССР, принятой 2-й сессией ЦИК СССР и об изменении Конституции РСФСР 1918 г. (29 января 1924). Ф. 1235. Оп. 10. Д. 4. Л. 136–156.

⁷³Конституционное строительство союзных республик / Под ред. Д.А. Магеровского. М.; Л., 1926. Вып. 1–4.

⁷⁴Материалы по истории разработки первых советских Конституций (1962 г.). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 2. Л. 86.

⁷⁵Турубинер А. Советский закон // Революционная законность. 1926. № 19–22. С. 40.
⁷⁶Киселев А. Советская работа и Институт советского строительства // Власть Советов. 1925. № 35. С. 1.

⁷⁷Итоги работ Совещания по местному строительству // Власть Советов. 1925. № 15. С. 1–4.

⁷⁸Тимашев Н.С. Политическое и административное устройство СССР. Париж, 1931. С. 18–31.

4. Слияние властей: структура органов исполнительной власти

В Конституции СССР 1924 г., принципиально отвергавшей принцип разделения властей, структура и функции союзных институтов власти оказались проработаны крайне непоследовательно. Концепция слияния властей, официально декларировавшаяся советской юриспруденцией⁷⁹, категорически отвергалась либеральными конституционалистами, которым было «как-то неуютно и дико в советской государственной системе с ее полным отсутствием разделения властей»⁸⁰ и стала воплощением «ужасов советизма»⁸¹. Но она вполне соответствовала европейскому послевоенному тренду, выдвигавшему идеи сильного «нового государства»⁸² и даже полного отказа от парламентаризма в массовом обществе⁸³. Не удивительно, что в государстве диктатуры, по определению не связанной никакими правовыми нормами, по словам советских юристов, «какое-либо фетишизирование закона и законности без извращения основных принципов этого государства невозможно», а основным постулатом советского правового режима выступает «принцип иерархии»⁸⁴.

Разграничение компетенции союзных органов (Съезд, ЦИК и его Президиум, СНК) оказалось практически неразрешимой проблемой. Согласно Конституции, СНК издает не только постановления, но и декреты, т.е. имеет и законодательные функции, правда, лишь в пределах, предоставленных ему ЦИК. Этим существенно ограничивается положение нормы о том, что СНК ответственен перед ЦИК и его Президиумом и что постановления Совнаркома могут быть отменены ЦИК Союза и его Президиумом. В ходе острой дискуссии по положению об СНК СССР было решено, что этот институт обладает законодательной властью – «в пределах предоставляемых ему ЦИК СССР прав издает декреты и постановления, обязательные для непосредственного исполнения на всей территории Союза ССР», «рассматривает декреты и постановления, выносимые как отдельными наркоматами СССР, так и ЦИК и Советами Народных комиссариатов Союзных республик»⁸⁵. В докумен-

⁷⁹Турубинер А.М. Государственный строй РСФСР. М., 1923; *Он же*. Очерки государственного устройства СССР. М., 1925.

⁸⁰Туревич Г. Советское государство в иностранной научной литературе // Революция права. 1927. № 2. С. 134.

⁸¹Рейснер М.А. Советская Конституция (Обзор литературы) // Печать и революция. 1921. Кн. 3. С. 124–133.

⁸²Ратенау В. Новое государство. М., 1922. См.: Фридлянд Ц. Рецензия на кн. Вальтера Ратенау // Печать и революция. 1922. Кн. 6.

⁸³Schmitt C. Die geistesgeschichtliche Lage des heutigen Parlamentarismus. Berlin, 1926.

⁸⁴Архипов К.А. Закон в советском государстве. М.; Л., 1926. С. 7, 45.

⁸⁵Протоколы заседаний подкомиссии по выработке Конституции СССР от 7 и 9-го февраля 1923 г. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 9. Л. 13–15, 16–19.

тах Комиссии подчеркнута необходимость «уточнить разграничение функций законодательства Центральных и Союзных государственных органов власти»; решить «вопрос, каким образом будет исполняться законодательная и руководящая работа по тем наркоматам, которые при Союзном ЦИК не организуются, а также каким аппаратом будут исполняться работы наркоматов, существующих при ЦИК СССР; выяснить, необходимо ли организовать самостоятельные аппараты или какие-либо секретариаты при наркоматах РСФСР, или наоборот (хотя последний вопрос не конституционный, а требующий разрешения постановлением или Президиума ЦИК СССР или Совнаркома Союза)»⁸⁶. Эти вопросы были вынесены в специальные комиссии: по выработке положения о ЦИК Союза и о членах ЦИК Союза; по выработке положения об СНК, СТО и наркоматах; бюджетной; по составлению проекта руководящих органов наркоматов и намечению их персонального состава; по выработке положения о Верховном суде и об объединенном органе ГПУ; по выработке государственного флага и герба. Эти комиссии должны были представить проекты постановлений не позднее 10 февраля 1923 г.⁸⁷

Была выдвинута трехуровневая иерархия всех государственных учреждений (наркоматов), получивших союзную, объединенную (совместную) и республиканскую компетенцию⁸⁸. Но вопрос об их прерогативах и соотношении стал предметом острых споров. Центр стремится к максимальному сосредоточению всех нитей управления в Совнаркоме и общесоюзных наркоматах. Республики, напротив, отстаивают приоритет собственных административных центров, подчеркивая разграничение общесоюзных, объединенных и республиканских органов власти и управления⁸⁹. Белорусский проект, регламентируя деятельность союзных органов власти, выходил из положения путем ограничения их компетенции общесоюзными функциями. Более того, настаивал на том, что постановления общесоюзных наркоматов могут «приостанавливаться» ЦИК союзных республик или их Президиумами «в случае их несоответствия Союзной Конституции, законодательству Союза, законодательству Союзной Республики и нарушения интересов последней с немедленным доведением о том до сведения Союзного СНК и соответствующего Наркомата Союза»; причем «в случаях чрезвычайной важности и экстренности Правительствам Союзных республик принадлежит право распоряжения по всем вопросам, требующим

⁸⁶Всем членам и кандидатам Президиума ЦИК СССР и ЦК РКП. Записка т. Сапронова от 2.02.23. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 10. Л. 13.

⁸⁷Протокол № 1 заседания Президиума ЦИК СССР от 10-го января 1923 г. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 9. Л. 5–8.

⁸⁸Ананов И.Н. Очерки федерального управления СССР (Народные комиссариаты Союза ССР). М.; Л., 1925.

⁸⁹Магеровский Д.А. Государственная власть и государственный аппарат. М., 1924.

немедленного решения, с немедленным доведением до сведения Совнаркома или ЦИК Союза». Для обеспечения интересов республик в состав коллегий общесоюзных и объединенных наркоматов вводятся их уполномоченные и представители, выдвигаемые Президиумами ЦИК и правительствами республик⁹⁰. При этом «распоряжения народных комиссаров СССР могут быть приостановлены ЦИК Союзных республик или Президиумами при несоответствии данного распоряжения Союзному законодательству Союза, законодательству Союзной республики или нарушении интересов последней»⁹¹. Украинский проект еще более последователен в ограничении прерогатив союзной власти, просто исключая из союзного Совнаркома ряд важных наркоматов (РКИ, труда, продовольствия), изменяя статус других, вводя дополнительную категорию «слитных» наркоматов (военный, морской, почт и телеграфов, путей сообщения) и объявляя все остальные – «объединенными». Совнаркомы союзных республик, исходя из этого, имеют те же основные наркоматы, что и центральный (исключая такие стратегически важные, как наркоматы иностранных дел, военно-морских, внешней торговли и даже по делам национальностей), со своим кругом компетенции.

Обсуждение структуры наркоматов вело к ее централистской интерпретации. Рассмотрение «Общего положения о Народных комиссариатах СССР (Проект т. Курского)» завершилось решением: «Все органы Народных комиссариатов СССР находятся в прямом и непосредственном подчинении общесоюзным наркоматам СССР. Все приказы и распоряжения этих наркоматов обязательны для всех центральных и местных органов на всей территории союзных республик и приводятся в исполнение непосредственно». Для проведения этих решений создавался институт «уполномоченных общесоюзных наркоматов», которые, впрочем, назначаются и отзываются «по согласованию с Президиумами ЦИК союзных республик»⁹². Были отвергнуты предложения республик наделить Президиум ЦИК СССР общими функциями «руководства, контроля и согласования» деятельности союзных и республиканских законодательных и исполнительных институтов власти⁹³. В дальнейшем тенденция к централизации власти шла по линии унификации и кодификации законодательства – принятия (на основании ст. 1 Конституции СССР) обязательных для всего Союза норм государственного строи-

⁹⁰Белорусский проект. Положение о Наркоматах Союза ССР. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 11. Л. 117–118 об.

⁹¹Ф. 3316. Оп. 1. Д. 11. Л. 105.

⁹²Вторая сессия ЦИК СССР 1-го созыва. Протоколы № 1 и 4 Подкомиссии Комиссии ЦИКа Союза. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 9. Л. 20–23.

⁹³Вторая сессия ЦИК СССР 1-го созыва. Протоколы 1–7 Заседания расширенной Комиссии по выработке конституции СССР 8, 9, 13, 14, 15, 16 июня 1923 г. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 7. Л. 29–41.

тельства, которые именуется то «общими началами», то «основными началами», то «основами законодательства», охватывающими все прерогативы центра, за пределами которых союзным республикам не без иронии предоставляется вся «свобода законодательного творчества»⁹⁴. Исходя из этого общесоюзные кодексы трансформировались в республиканские⁹⁵, проводились изменения Конституции РСФСР⁹⁶ и других республик. Конституционное решение проблемы «централистических извращений» подменялось административным – предложением о включении во все учреждения и особенно объединенные наркоматы «националов»⁹⁷. В целом тенденции к унификации права, централизации управления и концентрации власти в союзном центре получили последовательное развитие в процессе кодификации права – решении проблем суверенитета, гражданства, создании союзных и республиканских кодексов гражданского, уголовного и процессуального права, распределении экономических и административных компетенций союзных и республиканских органов власти. Эта работа, начавшаяся уже в процессе обсуждения конституционных норм, стала предметом деятельности ряда кодификационных комиссий последующего времени, завершившись унификацией республиканского законодательства на основе принятых конституционных норм⁹⁸.

Тенденции Конституционной комиссии к унификации, проявившиеся в ходе разработки «общих начал в отдельных отраслях управления, подлежащих компетенции Союза ССР», развивались по линии расширенной трактовки норм. Конституция СССР, отмечали юристы (Э. Понтович), обладает необычной гибкостью, «которая достигается главным образом благодаря возможности распространения союзной законодательной власти на предметы, не отнесенные в ее исключительное ведение». Возможность издания «основных начал» законодательства в различных областях государственной жизни «дает федеральным органам широкие перспективы для развития их компетенции

⁹⁴3-я сессия ЦИК Союза ССР 1-го созыва. Тезисы доклада Курского: О порядке прохождения и пределах компетенции Союзных республик в отношении вопросов, поименованных в ст. 1 пп. «и», «п», «р», «с», «х» Союзной Конституции (22.10.23). Ф. 3316. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–19.

⁹⁵2-я сессия ЦИК Союза ССР 1-го созыва. Протоколы № 1–7 Заседания расширенной комиссии по выработке конституции СССР 8, 9, 13, 14, 15, 16 июня 1923 г. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 8.

⁹⁶XI съезд. ВЦИК. Тезисы докладов и проекты постановлений (15 января 1924). Ф. 1235. Оп. 10. Д. 9. Л. 99.

⁹⁷Проект наказа ЦК РКП коммунистическим фракциям ЦИКа, Совнаркома, СТО и членам РКП, народным комиссарам СССР. Проект (2.10.23). Ф. 3316. Оп. 16-а. Д. 48. Л. 89.

⁹⁸*Медушевский А.Н.* Кодификация права в период образования СССР: международное, союзное, республиканское измерения // *Международное и конституционное право: проблемы взаимодействия.* СПб., 2016. С. 203–227.

далеко за пределы, входящие в перечень ст.1»⁹⁹. Эти тенденции вызвали многочисленные протесты украинской делегации¹⁰⁰. Констатировалось, что еще до введения в действие союзного договора и завершения формирования высших государственных органов Союза они подменялись решениями органов исполнительной власти России – проекты декретов писались наркоматами для СССР не от имени ЦИК, а от имени РСФСР¹⁰¹. Представителями республик был «установлен факт ущемления конституции новыми проектами»: «Некоторые товарищи думают, – говорил один из лидеров украинской делегации Н.А. Скрыпник, – что самый лучший способ достижения единства – это тем путем, чтобы Союз держал в своих руках решение всех вопросов. Это не лучший способ, это худший способ. Нужно отучиться мыслить по старым дорожкам, которые даны нам со времен старого единогоделимого государства»¹⁰². Их оппоненты определяли данную позицию как «уклонизм», не без основания доказывая, что без жесткой централизации «Союз лопнет»¹⁰³.

Выйдя за рамки дискуссии в Конституционной комиссии и ее секциях, вопрос о структуре исполнительной власти был делегирован высшим партийным инстанциям. Политбюро закрепило централистскую позицию по вопросам о назначениях по объединенным наркоматам Союзных республик, рассмотрении разногласий между наркоматами Союза и Союзным Совнаркомом, отмене Совнаркомом Союза постановлений Союзных республик и распоряжений отдельных наркоматов. Последний аргумент республиканской оппозиции состоял в «неконституционности» данного решения, апелляции к партийной ответственности и предложении (от имени фракции РКП III сессии ВЦИК 12 ноября 1923 г.) «просить Политбюро отменить свои постановления и восстановить принятые Комиссией и секцией постановления по этим вопросам». Большинство фракции отвергло это предложение в силу неадекватности противопоставления законодательных прерогатив ЦИК и СН¹⁰⁴, союзных и республиканских органов власти, единство которых можно

⁹⁹Понтович Э.Э. О правах органов Союза и союзных республик в области законодательства // Право и жизнь, 1927. Кн. 5. С. 11.

¹⁰⁰Перечень протестов ЦИК Укр. ССР против постановлений и распоряжений ЦИК СССР, СНК СССР и Наркоматов союза за период с 1.01.24 по 22.10.24. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 51. Л. 36–37.

¹⁰¹Письмо полномочного представителя УССР в РСФСР в Президиум ВЦИК, Б.СНК, Политбюро ЦК ВКП, копии т. Сталину, Калинин, Рыкову, Цюрупе. Ф. 3316. Оп. 16-а. Д. 48. Л. 36–37 об.

¹⁰²Стенограмма заседаний Совета Национальностей 2-й сессии ЦИК Союза ССР 2-го созыва 21.10.24 (утро и вечер). Ф. 3316. Оп. 2. Д. 80. Л. 198–202, 214–215.

¹⁰³Там же. Ф. 3316. Оп.2. Д.80. Л. 210, 233.

¹⁰⁴Заседание фракции III сессии ЦИК СССР Вечернее заседание. Стенограмма. Ф. 3316. Оп. 16-а. Д. 40. Л. 13–32.

оспаривать только «если встать на ложно-формальную точку зрения»¹⁰⁵. При общем одобрении коммунистов¹⁰⁶ было решено оставить в силе «постановление Политбюро от 12 ноября по партийной линии о том, что назначения наркомов союзных республик по объединенным наркоматам проходят не иначе как через Оргбюро ЦК РКП»¹⁰⁷. Так была выстроена единая иерархия законодательных и исполнительных институтов, основанная на соединении партийной и государственной власти, ее законодательной и исполнительной ветвей, подчинении республиканских наркоматов центральным. Даже с формально-юридической точки зрения (не говоря о фактической) система власти в СССР на всем протяжении его существования действовала в режиме чрезвычайного законодательства.

5. Судебная система: Верховный суд и Прокуратура

Вопрос судебной власти относился к числу принципиальных, так как от него зависела интерпретация федерализма – толкование Конституции и масштабы законодательной централизации. Ключевой темой стало соотношение Верховного суда Союза и республик, их компетенция и взаимоотношения с Прокуратурой. Проекты республик стремились максимально отстоять их судебную автономию. Белорусский проект вообще уничтожал Верховный суд СССР, заменяя его Верховными судами республик. Уголовные и гражданские дела исключительной важности и подсудности высших должностных лиц, затрагивающие интересы нескольких республик, предлагалось передавать по постановлению Союзного ЦИК на рассмотрение «либо в Верховный суд одной из Союзных республик, либо в организуемые Президиумом ЦИК Союза специальные судебные присутствия (составы)»¹⁰⁸. Украинский проект допускал создание Верховного суда, но рассматривал его лишь как орган конституционного надзора по вопросам общесоюзного законодательства (без права отмены решений республиканских судов). В этой конструкции вся законодательная, исполнительная, судебная и распорядительная власть концентрируется в ЦИК и СНК, а судебная политика проводится при помощи наркомата юстиции. Верховный суд ведал кассационной практикой, но действует не самостоятельно, а

¹⁰⁵Заседание фракции III сессии ЦИК СССР. Вечернее заседание. Стенограмма. Ф. 3316. Оп. 16-а. Д. 40. Л. 5.

¹⁰⁶Заседание фракции 12 ноября 1923 г. Подлинник стенограммы. Ф. 3316. Оп. 16-а. Д. 38, 39.

¹⁰⁷Стенограмма заседания фракции РКП(б) 12 ноября 1923 г. Ф. 3316. Оп. 16-а. Д. 37. Л. 63.

¹⁰⁸Ф. 3316. Оп. 1. Д. 11. Л. 113.

«по директивам, которые ЦИК и СНК дают через народного комиссара юстиции»¹⁰⁹. «Верховный Суд каждой республики является кассационно-ревизионной инстанцией для всех судебных учреждений данной республики» кроме тех, которые создаются для наиболее важных дел; «верховному суду каждой республики принадлежит право рассмотрения, отмены и изменения приговора и решения любого суда данной республики, в порядке и пределах, устанавливаемых каждой республикой самостоятельно»¹¹⁰.

Проект комиссии ЦИК, напротив, рассматривал Верховный суд СССР как высшую руководящую инстанцию для Верховных судов республик. «Наказ Верховному суду СССР» (принятый Конституционной комиссией 4–5 июня 1924 г.) четко проводил этот принцип: «Верховный Суд Союза и его коллегии разрешают все вопросы и дела, относящиеся к их компетенции, на точном основании Конституции Союза, Положения о Верховном Суде Союза ССР, общесоюзных законов и законодательства Союзных Республик». Место Верховного суда в системе союзных властных институтов имеет вспомогательный характер, его постановления утверждаются и пересматриваются Президиумом ЦИК. Однако в области федерализма его функции очень значимы, поскольку Суд дает заключения о конституционности республиканского законодательства – соответствии постановлений ЦИК и Совнаркомов Союзных республик решениям Президиума ЦИК Союза по его требованию. В случае противоречия постановлений, решений и приговоров Верховных судов Союзных республик, вошедших в законную силу, с общесоюзным законодательством, или поскольку затрагиваются интересы других Союзных республик – «пленарные заседания Верховного Суда Союза ССР, по представлению прокурора Верховного Суда Союза, рассматривают вопрос об опротестовании таковых через Президиум ЦИК Союза ССР». Та же процедура действует в отношении опротестования решения одной союзной республики по требованию другой¹¹¹. Закрепление положения о деятельности Верховного суда¹¹² на основе общесоюзного законодательства и принятие

¹⁰⁹Стенограмма заседания Конституционной комиссии Совета Национальностей 2-й Сессии ЦИК Союза ССР 2-го созыва 26 октября 1924 (утро). Ф. 3316. Оп. 2. Д. 92. Л. 1–199.

¹¹⁰Протоколы № 1, 2, 3, 4 и материалы к протоколам заседаний Комиссии ЦИК СССР по выработке основных положений по пп. «н» «п» «р» «х» ст. 1-й Конституции СССР (16, 17, 18, 19 апреля 1924 г.). Ф. 3316. Оп. 2. Д. 35. Л. 7.

¹¹¹Наказ Верховному Суду СССР (принят Конституционной комиссией 4–5 ноября 1924 г.). Ф. 3316. Оп. 16. Д. 209. Л. 62–69.

¹¹²Положение о Верховном Суде Союза ССР от 23 ноября 1923 г., утвержденное Постановлением ЦИК СССР 2-го созыва 24 октября 1924 г. // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1923. № 10. Ст. 311.

соответствующего наказа ему¹¹³, по мнению оппонентов, ставило под вопрос гарантии суверенитета республик¹¹⁴.

Принципиальным недостатком этой конструкции стало поглощение республиканских интересов союзным центром. Республики не устраивало общее решение вопроса о подсудности – возможности изъятия определенных дел из республиканской компетенции. «Изъять из обычного течения любое дело любого человека, – считали они, – Президиум ЦИК не может, потому, что это означало бы изъятие сего дела из ведения ЦИК Союза Республик и передачу учреждениям Союза. Это неправильно». Украинский проект настаивал, что «военные суды при едином военном судеустройстве, едином кодексе военных преступлений и воинском уставе подчиняются Верховным Судам отдельных республик». Представители Украины «не хотели военные дела передавать Союзу», но эта точка зрения была отвергнута: «государству, – доказывали централисты, – нужно найти твердую линию, чтобы с одной стороны не умять единства Союза, а с другой стороны не умять ваших прав». Им было заявлено, что «если вы расширяете ваши права, то умяете права Союза», причем «вся постановка вопроса идет по линии умятия прав Верховного суда»¹¹⁵.

Особенно острая полемика развернулась в отношении структуры и процедур принятия решений Верховного суда. Предполагалось, что Пленум Верховного суда будет состоять из председателя, его заместителя, четырех председателей Верховных судов Союзных республик, председателя ОГПУ и четырех членов Суда, назначенных ЦИК СССР, председателей коллегий Верховного суда – Гражданской, Уголовной, Военной и Военно-транспортной¹¹⁶. Противоречие федерализму усматривалось республиканской оппозицией в фактическом дезавуировании судебной автономии республик, в том, что «обращение в центральные органы Союза и союзных республик происходит через председателя Верховного Суда, действует вонне через председателя»¹¹⁷. В связи с этим республиканские представители ставили под сомнение предложенную концепцию реализации Судом надзорных функций, соотношение позиций прокурора Союза и республик, возможность закрытых заседаний Суда без участия их представителей и требовали их допущения с сове-

¹¹³Наказ Верховному Суду Союза ССР, утвержденный постановлением ЦИК СССР от 14 июля 1924 г. // Свод законов СССР. 1924. № 2. Ст. 25.

¹¹⁴Протоколы заседаний Конституционной комиссии ЦИК СССР с 16.04.24 по 8.06.24. Ф. 3316. Оп. 16. Д. 209. Л. 50.

¹¹⁵Стенограмма заседания Конституционной комиссии ЦИК Союза ССР 5 июня 1924 г. Ф. 3316. Оп. 16. Д. 221. Л. 10–46.

¹¹⁶Протоколы заседаний Конституционной комиссии ЦИК СССР с 16.04.24 по 8.06.24. Ф. 3316. Оп. 16. Д. 209. Л. 46–63.

¹¹⁷Стенограмма Пленума Конституционной комиссии (4 июня 1924 г.). Утреннее и вечернее заседания. Ф. 3316. Оп. 16. Д. 220. Л. 108.

щательными голосами. Позиция централистов, напротив, заключалась в проведении заседаний Суда с участием только полноправных членов – «членов пленарных заседаний плюс прокурор Союза, а остальных (прокуроров республик) вводить по мере необходимости»¹¹⁸.

На доктринальном уровне все эти вопросы оказались неразрешимы ввиду неприятия разработчиками концепции разделения властей (и даже их функций). Неопределенность теоретических представлений разработчиков (которые отвергали как модель Верховного суда США, так и европейский опыт организации судебной власти) вела к тому, что Верховный суд с его пленумами, по свидетельству П.А. Красикова, «рискует превратиться в чисто дискуссионный клуб или хаотичное заседание». «Мы здесь путаемся в каком-то хаотическом учреждении, из которого может быть кое-что и выйдет, но пока мы не имеем опыта и практики, очень рискованно вставать на этот путь»¹¹⁹. Решение проблемы некоторые участники усмотрели в привлечении старых юристов, ссылаясь при этом на «заветы Владимира Ильича» о привлечении «спецов». «Зачем, – спрашивали они, – заставлять коммунистов делать черную работу, когда коммунистов и так немного. Пускай эту работу делают спецы, не коммунисты». Коммунистический председатель суда вполне способен использовать их идеи – «он просеет их через свое коммунистическое сознание и ненужное отвергнет, а спец сделает, подготовит работу». Воинствующие коммунисты, напротив, категорически отвергали всякие консультации. «Я знаю, – заявлял один из них, – что имеются знатоки, но у них нужно почерпать справки и сведения с большой осторожностью, ибо они вместо нашего советского права подложат нам что-нибудь другое. Вот почему я против того, чтобы иметь специалистов. Имейте свой аппарат, свою канцелярию, работайте при помощи членов Верховного Суда, но отбросьте конституционное бюро, группу консультантов, которые будут готовить вместо нашего конституционного права старую буржуазную конституционную дребедень и будут ее вносить в наш Верховный Суд». Отсюда следовал совершенно безапелляционный вывод: «Нам, – считал чекист Скрыпник, – нужны наши коммунистические специалисты. Мы вырабатываем конституционное право, новое советское право. Где вы найдете знающих конституционалистов? Мы с вами являемся конституционалистами. Я не знаю до сих пор других»¹²⁰. Вопрос об устранении разногласий по двум проектам наказа Верховному суду СССР не был снят вплоть до вынесения Комиссией на 2-ю сессию съезда Советов¹²¹.

¹¹⁸Стенограмма заседания Пленума Конституционной Комиссии 4 мая 1924 г. Ф.3316. Оп. 16. Д. 218. Л. 1–67.

¹¹⁹Там же. Ф. 3316. Оп. 16. Д. 218. Л. 29.

¹²⁰Материалы предсессионного характера и порядок дня. 2-я сессия ЦИК Союза ССР 2-го созыва 1924 г. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 153. Л.19–20.

¹²¹Ф. 3316. Оп. 2. Д. 153. Л. 2.

В конечном счете в ходе обсуждения основ судеустройства СССР возобладала «классовая» централистская версия, представленная проектом РСФСР, положения которого фактически были распространены на другие союзные республики¹²². Была выстроена единая судебная вертикаль, включавшая в республиках народный суд, губернский (или соответствующий) и верховный суд. Во главе иерархической системы был поставлен Верховный суд Союза ССР, действовавший на основании общесоюзного законодательства и специального положения о нем¹²³. Строительство единой судебной вертикали было завершено.

6. Политика права: эксперимент судебного конституционного надзора и его эволюция в 1920-х – начале 1930-х годов

Советские конституции вообще были построены на отрицании концепции разделения властей и, следовательно, не признавали идею особого судебного контроля конституционности законов как ее важнейшего вывода. Конституция РСФСР 1918 г. игнорирует возможность судебной охраны основного закона; Конституция 1924 г. не выделяет суд как особый государственный орган, независимый и подчиняющийся только закону. Неожиданное появление в Конституции 1924 г. идеи Верховного суда было инспирировано, вероятно, спорами о федерализме, кодификации, соотношении союзного и республиканского законодательства. Эти споры соотносились с дискуссиями в Западной Европе того времени, где происходило становление австрийско-чешской (кельзеновской) концепции конституционного правосудия, а также обсуждением ее соотношения с моделью Верховного суда США. Однако ни одна из классических концепций конституционного правосудия не получила отражения в советской Конституции и, напротив, они стали предметом жесткой идеологической критики как абсолютно неприемлемые для советской правовой системы.

Официальной советской доктриной отрицались все основополагающие элементы данной теории в ее западном понимании – концепция правового государства, разделения властей, парламентаризма и независимости судебной власти. Конституционный контроль редуцировался к понятию конституционного надзора, а последний получал чрезвычайно узкую интерпретацию¹²⁴. Неприемлемым оказывалось даже использо-

¹²²Протоколы заседания подкомиссии по выработке основных положений уголовного судопроизводства, образованной Конституционной Комиссией ЦИК СССР 30 мая 1924 г. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 40. Л. 1–10.

¹²³Протоколы 3–4 заседания Конституционной Комиссии Союзного Совета 2-й сессии ЦИК Союза ССР 2-го созыва. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 122. Л. 3–20.

¹²⁴Дябло В.К. Судебная охрана конституций в буржуазных государствах и в Союзе ССР. М., 1928.

вание понятия «закон», во всяком случае, в его аутентичном понимании традиционной правовой наукой¹²⁵. Поэтому имманентным для системы являлся конфликт двух принципов – «законности» и «революционной целесообразности», последний из которых неизменно брал верх в разрешении критически важных вопросов. Этот конфликт, обсуждавшийся в 1920-е годы, оказался механически снят в середине 1930-х годов, когда была принята доктрина (сформулированная А.Я. Вышинским) о тождестве двух принципов: суть принципа законности – революционная целесообразность и, наоборот, целесообразность – подлинное содержание «социалистической законности». Принятие данного принципа означало, что конституционный контроль конституционности подменялся политическим.

Для советской правовой доктрины 1920-х годов не существовало жесткого категориального разделения понятий «конституционного контроля» и «конституционного надзора», что размывало границы между ними и допускало нечеткость практической интерпретации. В трудах и выступлениях теоретиков и практиков советского права и судебной системы, таких как А.Н. Винокуров, Н.В. Крыленко, В.П. Антонов-Саратовский, М.И. Васильев-Южин, Д.А. Магеровский, Д.И. Курский, П.А. Красиков и др., фигурируют обе категории, но прослеживается когнитивная редукция – последовательная замена понятия контроля понятием надзора и движение от более широкой к более узкой интерпретации его границ в рамках деятельности Верховного суда и Прокуратуры Верховного суда. Среди главных направлений деятельности Суда различались: конституционный надзор, судебный надзор, непосредственная судебная деятельность, соотношение которых не оставалось неизменным. Ограниченность общих рамок применения конституционного надзора (выведение из сферы его действия актов высших органов государственной власти) рассматривалась едва ли не как преимущество советской системы по сравнению с «буржуазными».

Существовали жесткие конституционно-правовые и законодательные рамки, не позволявшие судам выполнять функции конституционного толкования даже в той ограниченной форме, которая была теоретически допустима с позиций доктрины «конституционного надзора». Общее толкование конституции являлось исключительной прерогативой высших органов власти. Конституцией 1924 г. (ст. 43 и 46) не был предусмотрен контроль Верховного суда СССР за деятельностью законодательных органов СССР, а также СНК и СТО, в его компетенцию входил только контроль за законностью постановлений союзных ре-

¹²⁵Архипов К.А. Закон в советском государстве. М.; Л., 1926; Понтович Э.Э. Понятие и значение закона в советском государстве // Советское строительство. 1928. № 7 (24).

спублик. Из сферы судебного конституционного надзора исключались акты высшего уровня Всесоюзных съездов советов, ЦИК СССР и его Президиума; акты республиканских съездов Советов и ЦИК. Это право резервировалось за высшими органами власти Союза – Съездом Советов, ЦИК и его Президиумом¹²⁶. Институтом конституционного надзора выступал Президиум ЦИК СССР, поскольку на него возлагалось наблюдение за проведением в жизнь Конституции (ст. 30). Верховный суд выступал поэтому как консультативный орган при Президиуме ЦИК СССР, доводящий до него информацию о конституционных нарушениях¹²⁷. Конституция 1924 г. умалчивала даже о праве Верховного суда входить с представлениями в Президиум ЦИК о приостановлении и отмене актов центральных органов и наркоматов СССР по мотивам их несоответствия Конституции и общесоюзному законодательству. Эта функция была предоставлена Суду не Конституцией, а Положением 1923 г.¹²⁸ и Положением 1929 г.¹²⁹ о нем, что делало ее менее защищенной от пересмотра и ограничения. Судебная процедура осуществления конституционного надзора неоднократно ставилась под сомнение Прокуратурой Верховного суда.

Очевидно противоречие между ожиданиями от Суда и последующей практикой его деятельности. Создание Верховного суда, как показано ранее, было связано с концепцией образования СССР. Как и при создании других федераций (например, США) сторонники сохранения прав их субъектов выражали скептицизм в отношении сильной центральной судебной власти (это одна из причин того, почему Верховный суд США получил столь краткое и неопределенное отражение в Конституции 1787 г., а его последующее развитие связано в основном с толкованием Конституции самим Судом). Сходные мотивы определяли позицию советских республик, видевших в создании сильного Верховного суда (наделенного правом конституционного контроля или надзора) угрозу пересмотра Союзного договора и своих прав. Представители республик (украинской и белорусской делегаций) выступали за слабый Верховный суд, видя его задачу исключительно в предотвращении излишнего вмешательства центра в судебные системы республик. Белорусский проект

¹²⁶Турубинер А. Очерки государственного устройства СССР. М., 1925; *Он же*. Проверка конституционности законов и Верховный суд СССР // Ежедельник советской юстиции. 1923. № 29. С. 649–650

¹²⁷Винокуров А.Н. О конституционном надзоре // Вестник Верховного Суда СССР. 1925. № 1. С. 3.

¹²⁸Положение о Верховном Суде Союза ССР от 23 ноября 1923 г., утвержденное Постановлением ЦИК СССР 2-го созыва 24 октября 1924 г. // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1923. № 10. Ст. 311.

¹²⁹Положение о Верховном Суде Союза ССР и Прокуратуре Верховного Суда Союза ССР, утвержденное постановлением ЦИК и СНК СССР от 24 июля 1929 г. // Свод законов СССР. 1929. № 50. Ст. 444–445.

вообще не предусматривал такого института, делая упор на конфедеративную составляющую проектируемого Союза. Проект Украины отстаивал независимость судебных систем союзных республик и оставлял за Верховным судом ограниченный надзор за конституционностью действий (по предложению ЦИК Союза СССР, его президиума и Прокурора Верховного суда ССР). Компетенцию Суда по осуществлению конституционного надзора предлагалось ограничить спорами между республиками, делами о высших должностных лицах Союза. Рекомендовалось оставить Суду право дачи руководящих разъяснений по общесоюзному законодательству и заключений по требованию ЦИК СССР о законности постановлений отдельных республик с позиций Союзного договора.

В ходе разработки и принятия Конституции 1924 г. и последующей кодификации отраслевого права на ее основе, централистские мотивы, как было показано ранее, оказались преобладающими. Предположение о том, что Верховный суд будет использован для дачи заключений о соответствии Конституции СССР актов союзных республик (их ЦИК и совнаркомов), оказалось нежизнеспособным, поскольку ЦИК СССР обращался к данной процедуре чрезвычайно редко. За все время своего существования Верховный суд ни разу не рассматривал существенных споров между республиками, а нарушения Конституции, выявленные им в актах наркоматов и ведомств, оказались совершенно незначительны. Тем не менее высшие органы власти СССР нашли для представлений Суда другое применение – они активно использовались для признания актов союзных республик несоответствующими Конституции СССР и обоснования рекомендаций их органам власти о внесении соответствующих изменений. Большинство разъяснений и толкований Суда имели целью унификацию практики применения в союзных республиках общесоюзного законодательства. Таким образом, имела место тотальная дисфункция данного института с точки зрения соотношения целей и средств его деятельности – первоначальная цель (защита прав республик) сменилась на противоположную – корректировки республиканского законодательства в соответствии с союзным, а средство (конституционный надзор) стало инструментом достижения противоположной цели (не защита автономности республиканского права от вмешательства центра, но напротив – пересмотр республиканского законодательства в соответствии с союзным).

Важным когнитивным фактором в толковании права стало его ограничение самосознанием самих архитекторов судебной системы. В качестве юристов они отдавали себе отчет в узости и фактической нереализуемости функции конституционного надзора, но в качестве правоверных коммунистов не видели в этом фундаментального проти-

воречия системы, воспринимали ситуацию как естественную для государственности нового советского типа. Идея превратить Верховный суд в орган толкования общесоюзных законов¹³⁰ с целью их унификации не была принята. Не получила осуществления идея превращения Верховного суда в высший институт контроля конституционности республиканского законодательства (наделения его правом отмены декретов и постановлений союзных республик), поскольку это право было формально предоставлено высшим органам государственной власти, а фактически – партийному руководству. Отказ от судебного контроля и надзора в области федерализма (по аналогии с Веймарской Конституцией) определялся тем, что Верховный суд «не является органом разрешения конституционных споров между союзом и союзными республиками»¹³¹. В свою очередь союзные республики, осознавая неэффективность судебного конституционного надзора в защите их конституционных прав, предпочитали использовать в этих целях право непосредственного обращения в ЦИК СССР, его Президиум либо в СНК СССР. В результате Верховный суд воспринимался экспертами скорее как второстепенный орган, «комиссия» по предварительному рассмотрению вопросов конституционного надзора. Сомнения партийной бюрократии в нужности этой функции завершились отказом от нее.

Стержнем динамики всей советской судебной системы стал институциональный конфликт во взаимодействии суда и прокуратуры. Основа этого конфликта была заложена указанием Ленина в письме «О двойном подчинении и законности». Он считал, что надзор за законностью должен осуществляться группой «в лице генерального прокурора, Верховного трибунала и коллегии Наркомюста»¹³². В рамках этого «дуалистического» подхода, представлявшего своеобразный советский эрзац разделения властей, оказывался неизбежен конфликт Верховного суда и Прокуратуры, которые должны были совместно осуществлять функции конституционного надзора, но постоянно вели борьбу за раздел полномочий и компетенции в этой сфере. Данный институциональный конфликт не получил теоретического разрешения (и не мог получить в рамках концепции «советской демократии», отрицавшей разделение властей), а на практике достиг наибольшей остроты при решении принципиальных политических вопросов: после острого обсуждения проблемы надзора за ОГПУ Прокурор фактически вывел его из сферы судебного надзора, направив протесты на его действия и акты непосредственно в Президиум ЦИК. Общая тенденция в рас-

¹³⁰Крыленко Н. Доклад о Положении о Верховном Суде // Третья сессия ЦИК СССР: Стеногр. отчет. М., 1924. С. 59–60

¹³¹Рейхель М. Союз Советских Социалистических Республик. Очерк конституционных взаимоотношений советских республик. М., 1925. Ч. 1. С. 123.

¹³²Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 200.

пределении полномочий Верховного суда и Прокурора Верховного суда заключалась в их последовательном перемещении от первого к последнему. Она получила четкое выражение в новом Положении о Верховном суде и Прокуратуре Верховного суда СССР 1929 г., отразившем сворачивание полномочий Суда в области конституционного надзора за счет исключения из числа его объектов актов СНК и СТО СССР, а также ни разу не реализованного права разрешения судебных споров между союзными республиками. В то же время функция текущего надзора за конституционностью ведомственных постановлений, распоряжений и действий наркоматов и других органов Союза ССР была передана в ведение Прокурора Верховного суда СССР. Эти тенденции иллюстрируются данными о вынесении вопросов конституционности актов центральных органов и наркоматов СССР на Пленум Верховного суда соответственно Судом и его Прокурором. Пик этой активности Суда относился к 1925–1927, а Прокурора – к 1928–1929 гг. В период 1930–1933 гг. вопросы конституционности актов в редких случаях инициировались по собственной инициативе Суда (всего восемь случаев за четыре неполных года), что иллюстрирует снижение его роли в надзорной деятельности. Последовательное «угасание» Верховного суда как института конституционного надзора, справедливо отмечает исследователь проблемы, продолжается в начале 1930-х годов, когда он превращается в орган преимущественно судебного надзора, выполняя функции управления судебными органами¹³³. Завершением этой эволюции стало образование Прокуратуры СССР постановлением ЦИК и СНК СССР 20 июня 1933 г.¹³⁴ На нее было возложено руководство деятельностью прокуратур союзных республик, а в число полномочий Прокурора СССР включен надзор за соответствием постановлений и распоряжений отдельных ведомств Союза ССР и союзных республик, местных органов власти Конституции и постановлениям правительства Союза ССР. Конфликт двух ведомств в рамках «дуалистической модели» конституционного надзора был преодолен и разрешился в пользу одного из них – Прокуратуры.

Причины упадка конституционного надзора в СССР можно разделить на системные, структурные и функциональные. К первым относится объективная невозможность совместить независимый конституционный надзор с задачами однопартийной диктатуры, а принцип законности – с принципом революционной целесообразности. Поэтому все попытки интегрировать институт конституционного надзора в си-

¹³³Митюков М.А. Судебный конституционный надзор 1924–1933 гг.: вопросы истории, теории и практики. М., 2005.

¹³⁴Постановление ЦИК и СНК СССР от 20 июня 1933 г. «Об учреждении Прокуратуры Союза ССР», утвержденное 4-й сессией ЦИК СССР 6-го созыва 4 января 1934 г. // Свод законов СССР. № 40. Ст. 239; № 2. Ст. 17.

стему советского типа (при их экспериментальной значимости) были изначально обречены на провал. В структуре советской политико-правовой системы Верховный суд, наделенный полноценным правом конституционного надзора, выступал чужеродным элементом (что признавали аналитики), в лучшем случае мог стать лишь вспомогательным консультативным институтом, решения которого не имели обязательной силы и могли быть пересмотрены высшими органами власти. Он ожидаемо оказался «пятым колесом» в советской машине номинального конституционализма и федерализма. С этим связано отсутствие полноценной доктрины судебных решений (если не считать таковой идеологические установки «классового» учения), противоречивость постановлений (определявшихся политическими, а не юридическими установками), отсутствие устойчивости и преемственности правоприменительной практики (выражением чего становился рост объема «исключений» из правил).

Прослеживается связь толкования права с задачами сворачивания федерализма, унификации и централизации управления, репрессивной практикой режима. Положенная в основу института «дуалистическая» концепция закладывала перманентный конфликт компетенции Суда и Прокурора, который, следуя социологии формальных организаций, должен был разрешиться бюрократизацией института и вытеснением коллегиально-экспертной функции исполнительно-распорядительной. В этом смысле создание централизованной Прокуратуры СССР в 1933 г. стало логическим следствием унификации, централизации и бюрократизации режима. Суд не мог выполнять функции конституционного надзора, поскольку руководствовался идеологическими и политическими приоритетами. Преобладание идеологии над правом, целесообразности над законностью, усмотрения над законом, исключений над общей нормой определяло политику права партийного государства, исключавшую последовательное проведение принципа конституционного контроля и надзора.

7. «Секретное конституционное право»: карательные органы как рычаг централизации

Если в эпоху большевистского переворота и Гражданской войны идея права как «последнего прибежища буржуазии» отвергалась большевиками в принципе во имя некоего «классового правосознания» и «революционной целесообразности»¹³⁵, то в период разработки Конституции СССР доминирующее значение приобрела доктрина так называемая

¹³⁵Стучка П. Марксистское понимание права // Коммунистическая революция, 1922. № 13–14 (37–38). С. 132–151.

мой «революционной законности»¹³⁶. Она выражала общую тенденцию к расширению публично-правовых отношений за счет частно-правовых и индивидуалистических отношений¹³⁷, стремление укрепить «авторитет существующего порядка, разумного хотя бы относительно»¹³⁸, создания нового советского «правопорядка»¹³⁹ и «классового правосудия», реализация которого усматривалась в «защите класса в целом», а не отдельных его представителей¹⁴⁰. Предполагалась замена террора «системой повинования, основанной не на непосредственной расправе, а на создании «общей привычки повинования, безотносительно к тому или иному содержанию приказа»¹⁴¹. Суть принципа «революционной законности» усматривалась в защите государства – того, что «считают целесообразным верховные органы диктатуры пролетариата»¹⁴². Это предполагало проведение определенного «единства революционной законности», «о которой говорил т. Ленин в записке “О двойном подчинении и законности”»¹⁴³.

Тенденции к унификации, иерархизации и централизации политической системы получили выражение при обсуждении Комиссией «Основ судоустройства» и «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных республик», определявших единый порядок производства уголовных дел в судебных учреждениях СССР. Данный порядок определялся принятыми основами уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальными кодексами союзных республик, положением о Верховном суде СССР, а также «изданным в порядке общесоюзного законодательства специальным положением, определяющим особенности производства дел в военно-судебных учреждениях». На территории союзных республик вводилась единая система судебных учреждений: народный суд, губернский (или соответствующий) и Верховный суд¹⁴⁴. В ходе обсуждения этих документов выяснилось, однако, что жестко унифицированная система правосудия не предполагает правового регулирования его специфики по территориальному принципу и категориям

¹³⁶Революция и право. М., 1925; Маркс и Энгельс о праве. М., 1925; *Папуханис Е.* Общая теория права и марксизм (опыт критики основных юридических понятий). М., 1924; *Разумовский И.* Социология и право. М.; Л., 1924 и др.

¹³⁷*Канторович Я.А.* Правовые идеи в советском законодательстве // Право и жизнь. 1922. Кн. 2. С. 9.

¹³⁸*Тоцкий Н.* Право и революция // Право и жизнь. 1922. Кн. 1. С. 10.

¹³⁹*Трайнин А.Н.* О революционной законности // Право и жизнь. 1922. Кн. 1. С. 8

¹⁴⁰*Трайнин А.* К вопросу о классовом правосудии // Революционная законность. 1926. № 7–8. С. 1–3.

¹⁴¹*Тоцкий Н.М.* Механизм действия нормы // Право и жизнь. 1927. Кн. 2. С. 3–8.

¹⁴²*Антонов-Саратовский В.* О революционной законности // Революционная законность. 1926. № 1–2. С. 3.

¹⁴³День Конституции Союза ССР // Власть Советов. 1926. № 27. С. 1–2.

¹⁴⁴Протоколы 3–4 заседания Конституционной Комиссии Союзного Совета 2-й сессии ЦИК Союза ССР 2-го созыва. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 122. Л. 13–22.

дел. В связи с этим уже на начальной стадии формирования нового конституционного порядка предполагалось предусмотреть «отступления от этих правил, в зависимости от национальных культурных условий союзных республик по особым постановлениям ЦИК», провести «отступления в зависимости от особенностей в автономных республиках», зафиксировать, что «наиболее важные дела разрабатываются в особо организованных губернских судах, а дела исключительной важности в верховных судах, а в автономных республиках – главных или высших судах»¹⁴⁵.

Центральной проблемой стал вопрос о правовом статусе чрезвычайных и карательных органов (Реввоенсовет, ЧК, ОГПУ, военно-транспортные суды и т. п.) в политической и судебной системе и возможности модификации этого статуса «в сторону единства судебной системы». Никто из коммунистов не смел, конечно, ставить вопрос о целесообразности существования ГПУ: понимая, с одной стороны, что сохранение чрезвычайных комиссий «есть продукт колонизаторства», они осознавали – с другой, что «партийные и советские съезды не заявили о своем желании расстаться с этим органом»¹⁴⁶. Однако возможен стал спор по вопросу о том, каковы должны быть правовые основания существования карательных органов и как вынесение ими приговоров соотносится с существованием формальных конституционных судебных институтов. Одна позиция (Н.В. Крыленко) исходила из приоритета унификации судебной системы¹⁴⁷ и отстаивала требование подчинить ГПУ наркомату юстиции в вопросах контроля над судопроизводством: «Когда, – заявлял Крыленко, – мы говорим о чрезвычайной сессии, то я говорю, что это не есть тот правильный политический путь, которым надо идти. Надо идти путем более трудным, более тяжелым, но более правильным». Другая позиция (Н.А. Скрыпник) защищала сохранение ГПУ как независимого чрезвычайного органа судопроизводства исходя из «необходимости специальных мероприятий в отношении классовой борьбы рабоче-крестьянской республики». Внешне спор не ставил под вопрос целесообразность террора и имел ведомственный характер, но по сути касался принципиальной проблемы введения карательных мер в правовые рамки. Данный конфликт восходил к периоду Гражданской войны, когда Наркомюст, отстаивая приоритет общей юстиции над карательной, требовал контроля над ЧК и даже расстрела наиболее кровавых чекистов. «На этой почве, – заявлял Скрыпник Крыленко, – мы с вами сталкивались, когда вы требовали моей головы, но моя голова у

¹⁴⁵Отчет старшего секретаря т. Трещалиной по конституционным вопросам к III Съезду Советов СССР 1925 г. Ф. 3316. Оп. 3. Д. 73. Л. 2.

¹⁴⁶Заседание фракции III сессии ЦИК СССР. Вечернее заседание. Стенограмма. Ф. 3316. Оп. 16-а. Д. 40. Л. 34–37, 61.

¹⁴⁷Крыленко Н.В. Право и суд в СССР. М.; Л., 1924.

меня осталась, а вы остались с той головой, которая у вас была в 1918 г., в этом отношении. Такое противопоставление мы отвергаем и говорим, что рабоче-крестьянская республика ведет борьбу с врагами через все имеющиеся органы и для нас ГПУ является одним из таких органов. Чрезвычайные сессии нам необходимы». «Вы пророчите, как Кассандра, что мы обанкротимся, это мы еще посмотрим, обанкротимся ли мы или нет. Препятствовать нам в проведении этого опыта вы не имеете никакого права»¹⁴⁸. Справедливости ради стоит отметить, что как и большинство разработчиков советской конституции, оба апостола террора¹⁴⁹ оказались плохими пророками и не смогли сохранить головы: Скрыпник под угрозой ареста покончил с собой в Харькове в 1933 г., а Крыленко, проиграв борьбу с Прокурором СССР А.Я. Вышинским и А.Н. Винокуровым (Председателем Верховного суда СССР с 1924 по 1938 г.), как враг народа окончил жизнь 29 июля 1938 г. на расстрельном полигоне «Коммунарка» Московской области.

Растущее противоречие формального права и реального функционирования советских институтов, ставшее основой однопартийного режима, требовало создания особого «секретного конституционного права», т. е. возможности изъятия отдельных (политических) дел из обычного формального уголовного судопроизводства в интересах чрезвычайных органов и установления особого порядка их рассмотрения. В этом отношении характерна дискуссия о сроках содержания подозреваемых под стражей. Если одни ее участники отстаивали необходимость его четкой фиксации с учетом произвола на местах, то другие категорически отвергали такой подход, выступая «против этой лицемерной фразы» – за увеличение сроков содержания и возможность их продления. Третий подход также чрезвычайно характерен: поскольку «приходится считаться с либеральными тенденциями Запада в этом отношении» (где такие сроки установлены), необходимо пойти на их юридическую фиксацию во избежание «агитации против Советской власти». Стремясь «сочетать в этом вопросе политику и дипломатию с действительной жизнью», советские юристы считали целесообразным, с одной стороны, «соблюдать кодекс», с другой – максимально развязать руки карательным учреждениям, ибо в случае подавления бунтов есть «такие дела, когда и выпускать нельзя и расстрелять нельзя, а надо держать и вести следствие». Поэтому предлагалось «дать такую формулировку, которая охватывала бы порядок производства арестов ГПУ, различными органами ГПУ, чтобы мы могли сказать, что по всему Союзу производится надзор за ГПУ и чтобы не говорили, что за органами ЧК он не установлен».

¹⁴⁸Стенограмма заседания Пленума Конституционной комиссии 18 апреля 1924 г. Ф. 3316. Оп. 16. Д. 214. Л. 27–28.

¹⁴⁹Об их участии в репрессиях см.: Архив ВЧК. Сб. док. М., 2007.

В результате родилась компромиссная формула – «продление срока выше установленного допускается лишь в самых исключительных случаях, и не иначе, как по представлению прокуратуры утвержденному ЦИКом Союза или ЦИКаами союзных республик по принадлежности». Была принята та же формулировка, что и в отношении прокуратуры – «она ничего не дает, кроме того, что унифицирует порядок в обоих случаях»¹⁵⁰. Та же дилемма соотношения формального и секретного права встала при решении вопроса о публичном объявлении судебных приговоров. Сохранение нормы о том, что «приговоры по всем делам подлежат публичной гласности», вступало в очевидный конфликт с тайным приведением приговоров в исполнение, а также тем фактом, что «пресса не имеет права ссылаться ни на один материал, фигурирующий на закрытом заседании». Выход предложен Крыленко: «Какой смысл кроме либеральной болтовни? В газетах будет напечатано, что такой-то приговорен к расстрелу при закрытых дверях и тогда все будет знать, а если не будет напечатано в газетах, то и знать не будут. Я предлагаю сказать “за исключением случаев, указанных в законе”»¹⁵¹.

Вопрос об обжаловании судебных решений, как регулярных, так и в особенности секретных, в этой системе терял всякий смысл. «Поскольку в нашем советском государстве нет разделения властей, – констатировали эксперты, – судебные органы, в сущности, ничем принципиально не отличаются от административных», «между судебными и административными органами существует лишь распределение функций, в зависимости от удобства рассмотрения дел в том или ином порядке». Административная юстиция, следовательно, невозможна. «Поэтому у нас особое значение приобретает установление права жалобы на действия государственных учреждений и должностных лиц»¹⁵².

Особенностью советской судебной системы уже в начале ее существования стало отступление от установленных основ судопроизводства – законодательные оговорки (по особым постановлениям ЦИК) об особых системах подсудности, особых судебных учреждениях и процедурах выведения дел из подсудности. Предполагалось, что наиболее важные дела разрабатываются «в особо организованных губернских судах, а дела исключительной важности в верховных судах, а в автономных республиках – главных или высших судах»¹⁵³. С этих позиций в особую категорию наиболее тяжелых выносились «контрреволюционные

¹⁵⁰Стенограмма 4-го заседания Конституционной комиссии Союзного Совета 2-й сессии ЦИК Союза ССР 2-го созыва 25 октября 1924 г. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 136. Л. 14–16.

¹⁵¹Там же. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 136. Л. 32–34.

¹⁵²Турубинер А. О жалобах // Власть Советов. 1925. № 17–18. С. 10–11.

¹⁵³Отчет старшего секретаря т. Трещалиной по конституционным вопросам к III Съезду Советов СССР 1925 г. Ф. 3316. Оп. 3. Д. 73. Л. 2.

преступления»¹⁵⁴. Тенденция к чрезвычайным институтам судопроизводства, наметившаяся уже в период Гражданской войны и сразу после нее (в деле Савинкова) отражена в выведении политически значимых дел из сферы конституционных судебных органов в некое специальное правосудие. Она нашла выражение в публичных политических процессах против основных оппозиционных политических партий – эсеров, меньшевиков, а затем и внутривнутрипартийных оппозиционеров¹⁵⁵. Постоянное повторение в законодательстве термина об «особых» мерах судопроизводства вполне закономерно. Именно они стали действующей нормой советского уголовно-процессуального права, в то время как формальные нормы – скорее исключением из правила.

8. Конституционная инженерия: механизмы принятия решений

Содержание и окончательный дизайн Конституции СССР 1924 г. определялись взаимодействием советских и партийных институтов в процессе принятия решений. Принятие Конституции осуществлялось по решению партии и легитимировалось решением I съезда Советов, утвердившим программные документы – «Декларацию» и «Договор об образовании СССР», однако направления ее разработки и ключевые положения, как было показано, предопределялись XII съездом партии (1923), принявшим резолюцию о создании в составе союзного ЦИК двух палат, одна из которых должна выбираться на союзном съезде Советов, независимо от национальностей, а другая – выбираться республиками, но утверждаться тем же съездом. Работа над Конституцией сосредоточилась в особой Комиссии ЦИК (приступившей к разработке проекта 3 февраля 1923 г.), но затем ее (с июня 1923 г.) сменила расширенная Комиссия ЦИК с участием представителей республик, где и были выдвинуты альтернативные концепции Конституции¹⁵⁶. Расширенная комиссия ЦИК СССР (в которую вошли представители союзных ЦИК), переработав проект особой комиссии, выдвинула свой проект¹⁵⁷. Его суть в первой редакции заключалась в создании, наряду с ЦИК, особого Верховного совета национальностей в составе

¹⁵⁴Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (доклады т.т. Крыленко и Виноградова) // Власть Советов. 1926. № 20. С. 11.

¹⁵⁵Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги: Сб. док. М., 2002; Меншевицкий процесс 1931 года: Сб. док. М., 1999. Кн. 1–2.

¹⁵⁶Игнатъев В.И. Советский строй. М.; Л., 1928. С. 123–137.

¹⁵⁷Проект текста Конституции Союза ССР в редакции особой подкомиссии // Игнатъев В.И. Советский строй. М.; Л., 1928. Приложение II. С. 120–1224; Проект текста Конституции Союза ССР в редакции расширенной комиссии // Там же. Приложение V. С. 138–146.

представителей союзных и автономных республик. Это учреждение мыслилось как особая палата, существующая параллельно с ЦИК Союза, причем состав его должен был избираться непосредственно республиками (без утверждения на союзном съезде Советов). Комиссия согласовывала свою работу с другими институтами – отмечался факт параллелизма работ Комиссии ЦИК и Комиссии Законодательных предположений СНК СССР¹⁵⁸.

Косвенным свидетельством развернувшейся борьбы являются неоднократные изменения состава Конституционной комиссии, осуществившиеся вне каких-либо правовых рамок простым решением Президиума ЦИК. Первоначальная структура Комиссии ЦИК определялась в соответствии с «Декларацией» и «Договором» в составе 10 представителей от республик-учредителей (от РСФСР – четыре и от остальных по двое). Решающее изменение произошло в результате постановления Президиума ЦИК (от 27 апреля 1923 г.) о создании Расширенной Комиссии ЦИК для окончательной обработки текста Конституции с учетом всех представленных союзными республиками проектов и материалов. Отмечалось, «что членами комиссии могут быть не только члены Президиума Союзных ЦИК, но и члены ЦИК Союза, а также особоуполномоченные для работы в комиссии, председатели отдельных ЦИК союзных республик»¹⁵⁹. При формировании состава Комиссии и привлечении новых кандидатур имелось в виду, что «они были внесены не только для того, чтобы обеспечить представительство республик, но чтобы обеспечить полноту комиссии как таковой»¹⁶⁰. В окончательном виде Комиссия включала 25 человек, причем пропорциональный состав представительства был резко изменен (от РСФСР – 14, от УССР – пять, от ЗСФСР – три и от БССР – три человека). В ходе острой дискуссии большинство Комиссии навязало оппозиции централистскую концепцию организации экономики, компетенции союзных органов власти и известную двухпалатную систему ЦИК. Принятие этого основополагающего принципа Расширенной Комиссией давало возможность принять Конституцию с резко выраженной унитарной и централистской концепцией власти. Качественный перевес представительства РСФСР над представительством других республик вместе взятых достигался включением в Российскую делегацию пяти так называемых представителей от автономных национальных республик. В результате при внешнем демократизме

¹⁵⁸Материалы предсессионного характера и порядок дня. 2-я сессия ЦИК Союза ССР 2-го созыва 1924 г. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 153. Л. 1–69.

¹⁵⁹Протокол № 2 Заседания Президиума ЦИК СССР от 27 апреля 1923 г. за подписью Енукидзе. Ф. 3316. Оп. 13. Д. 1. Л. 4.

¹⁶⁰Стенограмма Пленума Конституционной комиссии. 2 июня 1924 г. Ф. 3316. Оп. 16. Д. 219. Л. 1–19.

(16 представителей национальных республик против девяти представителей центра) достигался результат, обратный сепаратистским стремлениям республиканских элит – определение Союза как «единого союзного государства».

Решающим фактором на всех этапах разработки Конституции стало вмешательство партийных инстанций. Во-первых, тот факт, что основы Конституции уже были приняты высшим законодательным органом – контролируемым съездом Советов, закреплены решением партийного съезда и лишь после этого октроированы республикам, облегчал задачу борьбы с оппозиционными проектами, которые были отвергнуты формальным образом как несоответствующие законодательно санкционированным основам советской федерации. Во-вторых, все спорные и нерешенные в Комиссии вопросы (соотношение Договора и Конституции, структура ЦИК и его палат, гражданство, бюджет и налогообложение, структура наркоматов, порядок изменения Конституции)¹⁶¹ передавались ею на решение партийных инстанций – в Комиссию ЦК или Политбюро, причем участника конституционных дебатов не всегда было очевидно, «имеются ли соответствующие решения соответствующего политического учреждения, или же это есть решения той тройки, которая заседала по вопросу о выработке окончательного текста»¹⁶². В-третьих, вся работа Комиссии проходила под жестким контролем партийных инстанций, которым принадлежало последнее слово. Оппонентам разъяснялось (как это было в отношении Раковского сделано Рудзутаком), что «согласно постановлению Пленума о Комиссии ЦК она должна руководить работой Комиссии Президиума ЦИК СССР», а следовательно, «постановления Комиссии ЦК являются директивными для постановлений комиссии»¹⁶³. В-четвертых, окончательное решение по конституционному вопросу было принято не законодательным и даже не административным институтом, а высшей партийной инстанцией, что раскрывает реальный механизм власти формирующегося тоталитарного государства. Это ставило республиканскую оппозицию в заведомо проигрышную ситуацию, особенно в ее стремлении пересмотреть решения партийного ареопага, или, тем более, «отстоять свое право и мнение партийным путем даже и после решения Политбюро»¹⁶⁴. На заключительной ста-

¹⁶¹Список вопросов по выработке Конституции, перенесенных на решение Комиссии ЦК. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 11. Л. 206–217.

¹⁶²Стенограммы заседаний Редакционной Комиссии по выработке Конституции СССР (8–16 июня 1923). Ф. 3316. Оп. 1. Д. 25. Л. 2–8.

¹⁶³Приложение к Протоколу № 1 заседания Расширенной комиссии ЦИК СССР по выработке Конституции СССР от 8.06.23. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

¹⁶⁴Заседание фракции III сессии ЦИК СССР Вечернее заседание. Стенограмма. Ф. 3316. Оп. 16-а. Д. 40. Л. 11, 16–17.

дии разработки Конституции оппонентам не оставалось ничего иного кроме тактики молчаливого сопротивления – блокирования «окончательного принятия всех проектов» Комиссией «ввиду систематического отсутствия представителей Украины и Белоруссии»¹⁶⁵.

Специфика механизма разработки Конституции 1924 г. (как и всех последующих) заключалась в тщательном камуфлировании процедур принятия решений партийными структурами, которые на всех этапах легитимировались параллельными решениями государственных (советских) институтов. Так, общее направление деятельности Конституционной комиссии ЦИК определялось решениями Комиссии ЦК РКП(б). Эти решения стали основой работы Подкомиссии Президиума ЦИК; последние были вновь переработаны Комиссией ЦК, чтобы стать предметом рассмотрения Комиссии Президиума ЦИК¹⁶⁶. Расширенная комиссия ЦИК, в соответствии с полученными директивами, внесла проект Конституции на 2 сессию ЦИК СССР (6 июля 1923 г.). Для завершения работ был избран ряд согласительных комиссий по конституционным вопросам – от Совета Союза и Совета национальностей¹⁶⁷. Наконец, II съезд Советов окончательно утвердил Конституцию СССР на заседании от 31 января 1924 г.

Действие данного механизма производства советского права вполне характеризует последующие изменения Конституции СССР в 1925–1930 гг., определявшиеся идеологическими установками на унификацию законодательства по линии расширения действия союзных норм¹⁶⁸, пересмотра союзными республиками постановлений, изданных с «нарушением» Конституции¹⁶⁹, окончательного изъятия из республиканских конституций отступлений, напоминавших об их прежней самостоятельности¹⁷⁰, усиления «контроля за правильным применением и исполнением Конституции» СССР¹⁷¹. Сходная логика характеризовала выстраивание отношений РСФСР и других союзных республик к входящим в них автономным республикам и

¹⁶⁵Письмо секретаря ЦИК СССР в Политбюро ЦК РКП с ответом на запрос о работе Комиссии по выработке Конституции СССР и Положений о СНК, СТО и Союзных наркоматах от 13 февраля 1923 г. Ф. 3316. Оп. 16-а. Д. 48. Л. 14.

¹⁶⁶Стенограммы заседаний Редакционной Комиссии по выработке Конституции СССР (8–16 июня 1923). Ф. 3316. Оп. 1. Д. 25 Л. 1–501.

¹⁶⁷Стенограмма 9-го Пленарного заседания 2-й сессии ЦИК Союза ССР 2-го Созыва от 27-го октября 1924 г. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 64. Л. 67–68.

¹⁶⁸Ф. 3316. Оп. 13. Д. 4 Л. 45.

¹⁶⁹Протокол заседания ЦИК СССР 4-го созыва от 23 января 1929 г. Ф. 3316. Оп. 13. Д. 11. Л. 2.

¹⁷⁰Съезд Советов Союза ССР. Проекты Конституций УССР и РСФСР, май 1929. Ф. 3316. Оп. 5. Д. 9. Л. 2–13.

¹⁷¹Стенограмма выступлений на XII Всероссийском съезде Советов по докладу наркома юстиции Курского о контроле за правильным применением и исполнением Конституции РСФСР (9 мая 1925 г.). Ф. 1235. Оп. 11. Д. 18. Л. 92–152.

областям¹⁷², все запросы которых поступали на предварительное рассмотрение нового института – Отдела Национальностей при Президиуме ВЦИК¹⁷³ и вносились во ВЦИК только по инициативе последнего¹⁷⁴. Законодательная компетенция автономий также была ограничена изъятием из нее права принятия собственных кодексов и внесения изменений в них¹⁷⁵. Решение этих вопросов все более напоминало логику унитарного государства – концентрировалось в Президиуме ЦИК СССР, постановления которого все чаще принимались без дебатов – простым «опросом» его членов¹⁷⁶. Эта унитаристская интерпретация федерализма завершилась с принятием сталинской Конституции СССР 1936 г.

9. Светская теократия: культ Ленина как выражение крушения большевистского проекта социальных преобразований

По мере продвижения большевиков к установлению полного контроля над обществом становилась все более очевидной дисфункция большевизма по линии идеологии (растущая неопределенность перспектив коммунизма), обеспечения социальной поддержки (разрыв общества и власти), способности сконструировать эффективную административную систему (поддержание господства исключительно террористическими и полицейскими методами) и преодолеть раскол в собственных рядах (оппозиции). Преодоление кризиса легитимности было найдено в формировании и поддержании особого революционного мифа, центральный элемент которого составлял культ вождя.

Культ Ленина начал формироваться при его жизни, сразу после Октябрьского переворота, когда он стал определяться как «великий вождь революции»¹⁷⁷. «Пролетариат чужд культа личности», – писал М.С. Ольминский в записке о создании музея Ленина (1920), но если

¹⁷²Конституционная комиссия ЦИК СССР: Протокол заседания подкомиссии Конституционной комиссии ВЦИК от 25-го ноября 1924 г. по автономным республикам. Ф. 3316. Оп. 16. Д. 5. Л. 1.

¹⁷³Постановление ВЦИК и СНК от 9 апреля 1924 г. // Известия ВЦИК от 13.04. № 86.

¹⁷⁴Циркулярное письмо всем ЦИКа Автономных Социалистических Советских Республик и Облисполкомов Автономных областей и губернским исполкомам РСФСР. Ф. 3316. Оп. 16. Д. 5. Л. 2.

¹⁷⁵Переписка с Административной комиссией при Президиуме ВЦИК, местными исполнительными комиссиями и с другими учреждениями (1924–1925). Ф. 1235. Оп. 119. Д. 17. Л. 1.

¹⁷⁶См. напр.: Протокол № 35 Заседания Секретариата ЦИК Союза ССР от 1 марта 1927 г. Ф. 3316. Оп. 13. Д. 7.

¹⁷⁷Ярославский Е. Великий вождь рабочей революции. В.И. Ульянов-Ленин. М., 1918.

выразить смысл «нашей героической эпохи в одном светящемся пункте, то таким светочем революции является личность т. Ленина»¹⁷⁸. Питательной социальной средой формирования культа являлось крестьянство, тяготевшее к перенесению на фигуру революционного диктатора представлений о защите своих прав (своеобразное продолжение существовавшего в царской России явления «наивного монархизма») ¹⁷⁹. Обращение к теме культа было связано с критикой ленинизма как ревизии марксизма в иностранной и особенно эмигрантской социал-демократической печати¹⁸⁰. Стимулом к кодификации ленинского наследия стала внутривнутрипартийная борьба, связанная с перспективами большевизма как политической партии, создание которой не без основания рассматривалось как главный вклад Ленина в теорию и практику марксизма¹⁸¹.

Культ получил наиболее четкие очертания в момент смерти вождя. Наиболее полное выражение он нашел в журнале «Под знаменем марксизма», специальный номер которого формулировал основные идеологические постулаты данного культа. Сопоставляя Ленина с вождями других революций, М. Покровский указывал на его преимущество перед Робеспьером, недалекость которого проявилась в насильственном внедрении культа Верховного существа и неспособности избежать Термидора, и Кромвелем, который верил в Бога, был мистиком и вообще «человеком отсталым». Большое сходство с Лениным он усматривал в Кальвине – «этом догматике XVI в.»: «Во-первых, он создал для первой половины XVI века боевую доктрину, своего рода протестантский ленинизм, боевую доктрину кальвинизма. Кроме того, любопытно его государственное построение. Оно очень напоминает построение нашего советского государства». Действительно, в обоих случаях речь шла о государстве теократического типа, где идеологические институты контролируют политические и административные. Покровский доводит это сравнение до логического конца: «С одной стороны, учреждения гражданские, но они фактически подчинены учреждениям церковным – консистории и высшему церковному собору, которые легально никаких прав не имеют, но на практике руководят всем церковным управлением. Это очень напоминает нашу партийную систему. Политбюро, с одной стороны, и наша советская система – Совнарком и т. д. – с другой»¹⁸². Это, пожалуй, самое откровенное

¹⁷⁸Записка М.С. Ольминского о создании Музея В.И. Ленина. Октябрь 1920 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 78.

¹⁷⁹Товарищу Ленину. Письма трудящихся В.И. Ленину. 1917–1924. М., 1969.

¹⁸⁰*Charasch A. Lenin. Mit einem Vorwort von Axelrod. B., 1920; Wiedenfeld K. Lenin und sein Werk. München, 1923.*

¹⁸¹*Le Blanc P. Lenin and the Revolutionary Party. N.J.; L., 1990.*

¹⁸²*Покровский М. Ленин как тип революционного вождя // Под знаменем марксизма. 1924. № 2. С. 73.*

сравнение большевизма с религиозным культом в советской историографии. Другие, описывая тот же феномен, использовали сходные понятия, например, «партийное жречество» (Троцкий). Ленин соединял, таким образом, функции социального пророка (разработка теории революции), политического реформатора (осуществление революционного переворота) и создателя нового государства (диктатуры пролетариата).

Однако ленинский культ носил квазирелигиозный характер. По форме и атрибутам поклонения он действительно напоминал все религиозные культы прошлого, начиная с Египта эпохи фараонов, но его легитимирующую основу составляло «научное» учение о законах истории, которые якобы получили воплощение в ленинизме. Ленин выступал не как религиозный пророк, но прежде всего как «воинствующий материалист»¹⁸³, теоретик и практик революции, которая «не может не закончиться победой коммунизма»¹⁸⁴, создатель нового типа пролетарского государства в форме советской диктатуры¹⁸⁵ и партии, которая не может существовать без вождя такого типа, выступающего в виде особой «социальной функции» нового режима¹⁸⁶, провозгласивший новые ценности революционной эпохи¹⁸⁷. Почти мистически воплощая фразу Маркса о калмыцкой крови, которой суждено обновить Европу, ленинизм вывел революцию за ее пределы – на всемирный уровень. Формула ленинизма, вопреки прогнозам Маркса, расшифровывалась как «крестьянская революция под руководством пролетариата» (1905) или различные ее модификации в виде, например, «рабоче-крестьянской революции» (1917), «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», «революции пролетариата, ведущего за собой крестьянство»¹⁸⁸ или даже как теория «крестьянской социалистической революции»¹⁸⁹, представляя мобилизационную доктрину, использовавшуюся во многих аграрных революциях XX в. Соединение марксизма с якобинско-бланкистской традицией Народной воли и бакунинско-ткачевскими идеями, открыло перспективу революции в отсталых странах. Так возникал телеологический вывод о том, что ленинизм должен был появиться именно в России, «впитав в себя революционную ненависть

¹⁸³ Деборин А. Ленин – воинствующий материалист // Под знаменем марксизма. 1924. № 1. С. 18.

¹⁸⁴ Ваганя В. Величайший из мастеров революции // Под знаменем марксизма. 1924. № 1. С. 34.

¹⁸⁵ Луппол И. Ленин как теоретик пролетарского государства // Под знаменем марксизма. 1924. № 1. С. 193.

¹⁸⁶ Преображенский Е. Ленин, партия, рабочий класс // Под знаменем марксизма. 1924. № 1. С. 81.

¹⁸⁷ Луначарский А. Ленин и просвещение. М., 1924.

¹⁸⁸ Зиновьев Г. Ленинизм. Л., 1926. С. 20–21.

¹⁸⁹ Каменев Л.Б. Чернышевский. М., 1933. С. 78.

отсталых народов к собственным деспотам и к хищническому европейскому Капиталу»¹⁹⁰. Идеологически ленинизм выполнял также репрессивную функцию, определяя рамки официальной партийной линии и борьбы с различными оппозициями как проявлением «мелкобуржуазной революционности» с ее склонностью к «колебаниям, доктринерству и шатаниям»¹⁹¹.

Ленинизм как идеология большевизма не только давал теоретическое обоснование властных амбиций, но выполнял ряд важных когнитивных функций: предлагал «научную» теорию революции, легитимировал захват власти партией от имени революционных масс, обосновывал отказ от всех формальных институтов демократии во имя «революционной законности», обеспечивал единство воли политического авангарда и безжалостное подавление всех политических конкурентов, наконец, выдвигал мобилизационный идеал реализованной социальной справедливости. В этом смысле ленинизм выступал как результат дарвинистической конкуренции различных социалистических доктрин¹⁹², в том числе в области образования и просвещения¹⁹³. Прогностическая функция ленинизма опрочетливо усматривалась в научно обоснованном предвидении основного результата мирового кризиса, который «непреренно завершится победой пролетариата в международном масштабе»¹⁹⁴.

Кульг вообще есть тип религиозной организации с набором верований, ритуалов и фетишей как объектов слепого поклонения или почитания, но он включает приверженность конкретному индивиду, который считается проводником этих верований. В целом «культ Ленина весьма эффективно выполнял свою функцию по конструированию ценностных смыслов», являясь выражением политической прагматики коммунистов. В то же время, «став непосредственным инструментом легитимации партийной политики, культ вождя в форме “ленинизма” в конечном счете способствовал утрате у большевистского руководства чувства реальности», а квазирелигиозный характер мифа делал его неустойчивым, ведя к «истощению убеждающей силы и репродуктивных возможностей культурного наследования, с чем мы и сталкиваемся на примере ленинского культа», со временем утратившего свою «императивную мощь»¹⁹⁵.

¹⁹⁰Горев Б. Российские корни ленинизма // Под знаменем марксизма. 1924. № 1. С. 91.

¹⁹¹Адоратский В. Методология ленинизма и ревизия ее оппозицией // Коммунистическая революция. 1928. № 2. С. 9.

¹⁹²Сафаров Г. Ленинизм как теория развития пролетарской революции. М., 1925.

¹⁹³Луначарский А. Просвещение и революция. М., 1926; Он же. 10-летие революции и культура. М., 1927.

¹⁹⁴Эпоха Ленина // Большевик. 1926. С. 3.

¹⁹⁵Энкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М., 2011. С. 393, 403.

10. Тенденции советского государственного устройства

Вопреки декларируемой договорной природе советского федерализма, он изначально не предполагал равенства субъектов федерации; делал фиктивными гарантии их самоопределения и исключал полноценное участие в решении вопросов государственного устройства и конституционных преобразований. Принятая модель советского бикамерализма не содержала конституционных механизмов разрешения конфликтов по линии федерализма, целиком делегируя это право высшим органам союзной власти (ЦИК и его Президиуму), а по существу вынося его на внеконституционный уровень (ЦК и Политбюро). Общая организация исполнительной власти, судебной системы и надзора вполне соответствовали этой централистской логике, делая невозможным судебный контроль конституционности принимаемых законов, а изъятия политических дел из формальных процедур судопроизводства в пользу чрезвычайных органов закрепляли приоритет карательных учреждений в структуре управления.

По умолчанию признавалось, что гарантом Конституции и высшим арбитром в решении всех спорных вопросов является неконституционный институт – Коммунистическая партия, которая реально стоит за всеми конституционными органами законодательной и исполнительной власти и всецело определяет их деятельность. Примирить противоречия Конституции и политической практики становилось возможным лишь в рамках особого мифа – создания культа партии и ее вождя. Эти принципы конституционной инженерии, вытекавшие из общей социальной природы большевизма как экстремистской идеологии, были сформулированы и институционализированы в деятельности Конституционной комиссии, оставшись неизменными для всего советского номинального конституционализма. Если современная Россия хочет двигаться по пути конституционного федерализма, она должна критически переосмыслить советский опыт его осуществления.

ГЛАВА VII

ОСНОВНОЙ ЗАКОН ТОТАЛИТАРИЗМА: КОНСТИТУЦИЯ СССР 1936 ГОДА КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

Сталинизм определяется нами как система, тяготеющая к установлению максимального контроля над информацией в интересах направленного манипулирования человеческими ресурсами¹. Ключевыми параметрами ее анализа выступают: особенности формирования информационной картины мира и параметры ее проектирования; внешние и внутренние сигналы, определившие информационно-коммуникативные процессы в системе на разных этапах ее существования; масштабы, параметры и цели социального конструирования; информационная сегрегация общества как основа манипулирования; конструирование идентичности и факторы, определившие выбор на переломных точках, социальная адаптация и рычаги управления мотивацией поведения; норма и девиация в когнитивной адаптации индивида. В концентрированном виде данные параметры отражены в конституционном проектировании.

Изучение макиавеллистических технологий конституционного проектирования – не менее важная задача современной теоретической юриспруденции, чем изучение вполне легитимных и совершенных его форм. С позиций когнитивной теории права Конституция 1936 г. – поворотный пункт конструирования советской политической системы, когда неопределенные социальные ожидания получили выражение в четкой системе норм и институтов. Юридическое закрепление системы формальных конституционных институтов позволяло сконструировать параллельную систему неформальных институтов. Механизм соотношения и взаимодействия двух типов институтов требовал корректировки и настройки, которая велась в ходе разработки конституционных норм,

¹ *Медушевский А.Н.* Сталинизм как модель социального конструирования // *Российская история*. 2010. № 6. С. 3–29.

отражающих структуру высших органов власти и управления. Предшествующая историография ограничивалась в основном указанием (совершенно верным) на явное несоответствие реальности сталинского режима его Конституции, что делало специальное изучение последней лишенным смысла². Решение проблем – «как управляется Россия»³ или «как она не управляется»⁴, каков потенциал реформируемости режима⁵, связывалось почти целиком с анализом механизма власти и принятия решений, но не их формально-юридическим позиционированием. В советской историографии обращение к этой проблематике было невозможно по идеологическим причинам, хотя отдельными исследователями было сделано много для реконструкции истории институционального развития – системы и структуры государственных учреждений⁶. В результате из поля зрения исследователей выпадал весь инструментарий сравнительной конституционной инженерии, применяемой при изучении современных политических систем⁷. Для когнитивного подхода, напротив, представляет интерес вопрос о том, каким образом номинальные нормы и формальная конструкция власти влияли на механизмы ее подлинного функционирования, каковы были настоящие намерения и результаты этого институционального проектирования.

Вообще заслуживает проверки следующая гипотеза: не является ли все то, что предшествующие авторы считали «дисфункцией» сталинской политической системы (т.е. отклонением от конституционной нормы), ее подлинной функцией? Было принятие соответствующей институциональной модели следствием компромисса утопической доктрины и реальности или сознательным рациональным конструированием этой политической реальности? Если верно это предположение, то каковы были рамки этого «рационального выбора», учитывая перманентный конфликт в нем различных трактовок рациональности, иррациональности или их гибридного выражения⁸. Если рациональность поведения определить как его соответствие когнитивному выбору и целенаправленной стратегии достижения цели, то внешне иррациональные (или дисфункциональные) решения обретают смысл и требуют нового объяснения.

Очевидно, что Основной закон «победившего социализма» (как и все памятники советского конституционализма) не является полноценным

²*Вепр Н.* История Советского государства. М., 1998.

³*Fainsod M.* How Russia is Ruled. Cambridge (Mass). 1963.

⁴*Lynch A.C.* How Russia is not Ruled: Reflections on Russian Political Development. Cambridge, 2004.

⁵*Daniels R.V.* Is Russia Reformable?: Change and Resistance from Stalin to Gorbachev. L., 1988.

⁶*Коржухина Т.П.* Советское государство и его учреждения. М., 1995.

⁷*Sartori G.* Comparative Constitutional Engineering. An Inquiry Into Structures, Incentives and Outcomes. L., 1994.

⁸*Oakeshott M.* Rationalism in Politics and Other Essays. L.; N.Y., 1981.

конституционным актом, поскольку не включает никаких инструментов социального и судебного контроля над политической властью, реализацией прав и свобод. Однако он дает вполне четкое обоснование легитимности режима, выражая его консолидацию и функционирование на «пике формы». Конституция СССР 1936 г., принятая в преддверии Большого террора, по общему признанию является наиболее цельным и ярким памятником советского номинального конституционализма. В отличие от первых советских конституций (1918 и 1924 гг.) она более определена в интерпретации идеологии однопартийного режима и структуры его политических институтов; в отличие от последующей (1977) – гораздо более логична, инструментальна и менее страдает идеологической риторикой. Не случайно сталинская конституция оказалась наиболее устойчивой и самой продолжительной по действию (более 40 лет) из всех советских конституций, а пришедшая ей на смену брежневская конституция «развитого социализма» 1977 г. юридически вносила мало нового, представляя собой скорее тактическую модернизацию ее положений. Можно говорить об особой строгой эстетике сталинской конституции, выделяющей ее на фоне других безликих документов советской эпохи – факт, который, как минимум, нуждается в объяснении.

Объяснение, на наш взгляд, возможно с позиций методологии когнитивного конституционализма – выяснения подлинных мотивов принятия конституции, обсуждения смысла ее принципов, их последующей эволюции. В рамках данного подхода оригинальность Конституции 1936 г. состоит вовсе не в фиксируемых ценностях и правовых принципах, а скорее – в их адаптации к задачам невиданного в истории социального конструирования, предполагавшего качественно новый уровень когнитивно-информационного доминирования правящей группы в проведении масштабной социальной инженерии. С этих позиций приоритетными выступают вопросы: причины принятия сталинской конституции; зафиксированная в ней модель отношений общества и государства; структура институтов государственной власти; концепция централизации и децентрализации управления; место в этой системе судебных и карательных институтов; механизм селекции основных политико-правовых установок в работе Конституционной комиссии и природа созданного политического режима. В ходе этого исследования выясняется подлинное место Конституции 1936 г. в советской номинально-правовой традиции и вклад Сталина в ее создание.

1. Причины принятия Конституции СССР 1936 г.

В интернациональной литературе причины принятия Конституции 1936 г. не выглядят очевидными и могут быть сведены к основным

предположениям, выдвигавшимся в момент ее принятия. Во-первых, официальная позиция, ставшая доминирующей в советской юридической литературе до конца существования СССР, связывала принятие Конституции с новой стадией общественного развития – построением «социализма» и переходом от классовой диктатуры к «демократии трудящихся»⁹. Во-вторых, позиция западных критиков, связывавшая данный факт со стремлением Сталина обмануть Запад, демонстративно противопоставив несовершенной «буржуазной демократии» (и прежде всего отступлением от нее в национал-социалистической Германии) «подлинную» демократию, гарантирующую будто бы не только формальные социальные права трудящихся, но их практическую реализацию¹⁰. В-третьих, взгляд внутрипартийной оппозиции, объявившей о конституционном закреплении Термидора – отказе от революционных идеалов и эволюции политической системы в направлении реставрации капиталистической системы и установления бонапартистского режима¹¹. В-четвертых, позиция тех авторов, которые указывали, что советского «термидора» «никогда не было», поскольку «российские якобинцы оступались у власти навсегда»¹², а главную причину принятия Конституции 1936 г. усматривали в камуфлировании готовящегося Большого террора 1937–1938 гг.¹³ – отвлечении внимания советской и иностранной общественности от начавшихся именно в это время массовых репрессий и политических процессов против элиты революционных вождей – так называемой «ленинской гвардии». В-пятых, позиция авторов, связывавших принятие Конституции в основном с трансформацией политического режима – переходом от коллективной диктатуры партии к единоличной диктатуре Сталина¹⁴ или вообще проявлением параноидальной воли Сталина¹⁵.

⁹Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (5 декабря 1936 г.) // Известия ЦИК ССР и ВЦИК, № 283, 6 декабря 1936 г.; Конституции и конституционные акты Союза ССР / Под ред. И.П. Трайнина. М., 1940; Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (5 декабря 1936 г.) // История Советской Конституции / Отв. ред. Д.А. Гайдуков, В.Ф. Коток, С.Л. Ронин. М., 1957. С. 345–359.

¹⁰Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996.

¹¹Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. М., 1989. Кн. 1. Ч. 2. С. 136–137; Кн. 2. Ч. 2. С. 125–126.

¹²Малица М. Советская трагедия. История социализма в России 1917–1991. М., 2002. С. 259.

¹³Conquest R. The Great Terror. A Reassessment. N.Y., 1990.

¹⁴Кэпп Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина 1917–1929. М., 1990. *Верп Н.* История Советского государства. М., 1998; *Хоскинг Дж.* История Советского Союза 1917–1991. М., 1995.

¹⁵Режим личной власти Сталина. К истории формирования. М., 1989; *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. М., 1991; *Леве Х.Д.* Сталин. М., 2009 и др.

Эти объяснения, фигурирующие в историографии и юридической литературе до настоящего времени, не позволяют, однако, ответить на ряд вопросов. Прежде всего, не ясно, почему потребовалось принятие именно новой Конституции, а не ревизия старой – путем поправок. Советская правовая доктрина, в целом опиравшаяся на постулаты нормативизма, достаточно легко допускала пересмотр Конституции, если это диктовалось политической необходимостью¹⁶. Предшествующая Конституция СССР 1924 г. постоянно корректировалась с момента ее принятия, а изменения затрагивали существенные аспекты конституционного регулирования¹⁷. Проблема конституционной ревизии решалась подготовкой переизданий действующего Основного закона «в соответствии с изменениями, внесенными в Конституцию СССР за время с I съезда Советов Союза ССР»¹⁸ и политическим пересмотром законодательных актов, объявлявшихся по мере необходимости «неконституционными»¹⁹. Вопрос об академическом издании Конституций СССР и РСФСР в новой редакции был поставлен юристами в начале 1930-х годов²⁰, но отложен уже в 1931 г. в связи с предстоящими поправками, в частности увеличением числа наркоматов²¹. Этот вопрос оказался снят окончательно в 1935 г., когда было принято решение «нового текста Конституции не издавать», а «издать в виде приложения к старому тексту Конституции поправки, принятые VII Съездом Советов Союза ССР»²².

Не вполне очевидно, было ли решение о принятии новой Конституции спонтанным или определялось рациональным изменением политических установок? Дело в том, что XVII партсъезд, провозгласивший курс на построение «бесклассового социалистического общества», и соответствующее постановление Пленума ЦК ВКП(б), принятое по инициативе Сталина, говорили исключительно о необходимости «некоторых изменений конституции». Эта идея доминировала в постановле-

¹⁶Об изменениях Советской конституции: Сб. статей Е. Пашуканиса, А. Алымова, Н. Челяпова и др. М., 1935; *Берман Я., Челяпов Н.* Советская Конституция на новом этапе. М., 1935; *Алымов А.* Этапы развития советской Конституции // *Большевик*. 1936. № 12. С. 114–126.

¹⁷Конституция Союза ССР и союзных республик. М., 1935; Съезды советов всероссийские и Союза ССР в постановлениях и резолюциях. М., 1935; 10 лет Конституции СССР. М., 1935; История Советской Конституции в документах и постановлениях Советского правительства 1917–1936 гг. / Сост. С. Студеникин. М., 1936.

¹⁸ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 13. Д. 7. Л. 115 (26 ноября 1927 г.). Там же. Л. 53 об (2 июня 1927). Здесь и далее сноски на архивные документы даются по фондам Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ).

¹⁹*Дябло В.К.* Судебная охрана Конституции. М., 1928; См.: Ф. 3316. Оп. 13. Д. 10. Л. 50 об. (9 июня 1935 г.).

²⁰Ф. 3316. Оп. 13. Д. 12. Л. 52

²¹Ф. 3316. Оп. 13. Д. 14. Л. 34 об.

²²Ф. 3316. Оп. 13. Д. 23. Л. 6

нии VII съезда Советов СССР «О конституционных вопросах»²³. На VII съезде Советов (1935, 6 февраля) в докладе В. Молотова «Об изменениях в советской Конституции»²⁴ был поставлен вопрос не о новой Конституции, а о поправках к действующей – введении равных прямых выборов и тайного голосования, в которых усматривался признак новой стадии социального развития, возможной после коллективизации и уничтожения сопротивления явной и скрытой контрреволюции²⁵. Съезд «единодушно одобрил и бурно приветствовал» именно конституционные поправки²⁶, рукоплещая «исполину, гиганту человеческой мысли, автору этих конституционных изменений т. Сталину»²⁷. Политический смысл проведенных изменений определялся как юридическое выражение «бесклассового социалистического общества»²⁸, а поправки – как исчерпывающие для утверждения новой системы народовластия или особого «советского парламентаризма»²⁹. Остается неясно, следовательно, откуда возникла идея новой Конституции и почему ее разработка, обсуждение и принятие были осуществлены в столь форсированном режиме.

Наконец, требует выяснения связь принятия Конституции с консолидацией единоличной диктатуры и террором. Во-первых, консолидация диктаторского режима теоретически не требует принятия новой Конституции, но скорее может быть более успешно осуществлена на базе существующей. Установление фашистского режима Муссолини в 1922 г. не сопровождалось немедленной отменой Конституции Италии³⁰. Веймарская конституция 1918 г. не предотвратила установления нацистской диктатуры в Германии в 1933 г. и формально продолжала действовать на всем протяжении правления Гитлера³¹ – ее основные положения трансформировались путем нормативистского «юридического переворота» – издания законодательных актов по всем принципиаль-

²³Постановление VII съезда Советов Союза ССР от 5 февраля 1935 г. «О конституционных вопросах» // Известия. 1935. 7 февраля.

²⁴Молотов В.М. Об изменениях в советской Конституции: доклад на VII съезде Советов 6 февраля 1935 г. М.; Л., 1935.

²⁵Пашуканис Е. Об изменении советской Конституции // Советское государство и право. 1935. № 1–2.

²⁶Стенограмма 17-го заседания VII съезда Советов СССР (1935, 6 февраля). Ф. 3316. Оп. 7. Д. 27.

²⁷Речь Голодеда // Ф. 3316. Оп. 7. Д. 27. Л. 38–39.

²⁸Борлин Б. Советская демократия. М., 1935; Стецкий А. Социализм и коммунизм // Большевик. 1935. № 13.

²⁹Митин М. Пролетарское государство и изменения в Конституции СССР // Большевик. 1935. № 6. С. 20–35.

³⁰Линц Х. Крушение демократических режимов: кризис, разрушение и восстановление равновесия // Проблемы Восточной Европы. Вашингтон, 1993. № 39–40.

³¹Bracher K.D. Die deutsche Diktatur. Entstehung, Struktur, Folgen des Nationalsozialismus. F. am Main, 1979.

ным конституционным вопросам³². Режим Франко также опирался на Основные законы, так и не оформленные в виде единой Конституции³³. «Конституционный» приход фашистов к власти (в отличие от большевиков, распустивших Учредительное собрание) заставлял советскую пропаганду отстаивать парадоксальный тезис о том, что «демократия и фашизм – лишь разные формы диктатуры одного и того же класса»³⁴, в то время как подлинная демократия состоит в развитии бесклассового общества, «советской демократии» и «пролетарской диктатуры»³⁵, которые могут быть увязаны лишь с помощью метафизического постулата руководящей роли партии и мудрости ее вождя³⁶. Во-вторых, содержательный анализ Конституции не позволяет интерпретировать ее положения как качественный разрыв с предшествующей советской правовой традицией (преемственность, напротив, подчеркивалась)³⁷, что не дает возможности говорить о формально-юридическом закреплении «Термидора» (зафиксированного во Франции Конституцией Директории 1795 г., принятой после свержения якобинской диктатуры Робеспьера). В-третьих, идея о связи принятия Конституции с установлением единой диктатуры Сталина сама по себе не объясняет, почему это не произошло ранее (диктатура существовала как минимум с конца 20-х годов и стала безраздельной после убийства Кирова в 1934 г.). Если дело сводилось к юридической фиксации единоличной диктатуры, то почему она не получила в Конституции никакого формального закрепления (в отличие, например, от «принципа фюрерства» в Германии или аналогичных формул в законодательных актах других авторитарных режимов межвоенной Европы от Франко до Петена). В-четвертых, тезис о связи принятия Конституции с камуфлированием террора, который выглядит вполне убедительно, не объясняет, почему в состав Конституционной комиссии были включены те партийные и государственные функционеры, подавляющей части которых суждено было в ближайшее время стать фигурантами политических процессов. Гораздо логичнее было бы принять новую Конституцию не в начале террора, а по его завершении (в 1938 г.).

³²Фрай Н. Государство фюрера: Национал-социалисты у власти: Германия, 1933–1945. М., 2009.

³³Perez J. Historia de España. Barcelona, 1999. P. 638–667.

³⁴Дворкин И. Изменения в советской Конституции и Второй интернационал // Под знаменем марксизма. 1935. № 2. С. 20.

³⁵Сталинская Конституция социалистического государства // Под знаменем марксизма. 1935. № 6. С. 19.

³⁶Вышинский А. Конституционные принципы советского государства. Доклад, прочитанный на общем собрании Отделения экономики и права Академии наук Союза ССР. 3 ноября 1939 г. М., 1940. С. 41.

³⁷Berg van den G.P. Elements of Continuity in Soviet Constitutional Law // Russian Law: Historical and Political Perspectives. Leiden, 1977.

Для ответа на эти вопросы предстоит проанализировать в свете архивных материалов содержательные параметры Конституции 1936 г., механизмы ее разработки и подлинные мотивы принятия.

2. Модель отношений общества и государства

Суть модели юридического конструирования – когнитивный поворот от целей революции к целям консолидации однопартийной диктатуры. Предлагалось разграничить партийную программу (образ будущего) и конституцию как юридический акт, права и их реализацию, традиционную («буржуазную») и новую («советскую») демократию (диктатуру). Общественные отношения интерпретировались с метафизических позиций, а используемые конструкции выступали когнитивными маркерами в конструировании социальной реальности. Несмотря на то что Конституционная комиссия располагала значительной европейской и старой русской литературой по проблемам конституционализма, а также текстами и исследованиями западных конституционалистов, вся эта информация едва ли непосредственно влияла на повестку обсуждения проекта Конституции 1936 г. «Советское право, – объяснял Е. Пашуканис, – это новое, невиданное в истории социалистическое право», средство «дальнейшего движения вперед, к высшей фазе коммунизма»³⁸.

Общие принципы, которыми изначально руководствовалась Комиссия, отражает «Перечень вопросов к предстоящей разработке Конституции СССР»: «диктатура пролетариата – орудие построения бесклассового общества»; «советская власть – государственная форма диктатуры пролетариата», «пролетарский тип демократии (основной организационный принцип – демократический централизм); три вида собственности – государственная, кооперативная (на средства производства); личная (на средства потребления), институциональным выражением которых становился «колхоз – артель, перерастающая в будущую коммуно»³⁹. Все это был стандартный набор принципов, соответствовавших задачам социальной мобилизации, о которых постоянно говорили советские вожди в 1930-е годы⁴⁰. Эти принципы отражены уже в пер-

³⁸ Пашуканис Е. Советское социалистическое право // Большевик. 1936. № 22. С. 20–32. С. 23.

³⁹ «Перечень вопросов к предстоящей разработке Конституции СССР» См.: Протоколы заседания Конституционной комиссии для внесения изменений в Конституцию Союза ССР, избранной 1-й сессией ЦИК Союза ССР 7-го созыва, заседания подкомиссии конституционной комиссии и материалы к ним с 7 июля по 5 декабря 1935 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 20–28.

⁴⁰ Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения. М., 1957. Т. 1–2; Киров С.М. Избранные статьи и речи (1912–1934). М., 1957; Калинин М.И. Избранные произведения. М., 1960–1962. Т. 1–3; Куйбышев В.В. Избранные произведения. М., 1958; Орджоникидзе С. Статьи и речи. 1926–1937 гг. М., 1957; Шверник Н.М. Социализм и право на труд. М., 1937.

воначальном проекте Конституции, оригинал которого представлен в материалах Комиссии⁴¹. Приоритет идеологии над правом доминировал на всем протяжении разработки Основного закона. «Вы хотите знать, что такое социалистическое общество, чего добиваются коммунисты? – говорил один из активных разработчиков Я.А. Яковлев (заведующий Сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б), член экономической подкомиссии Конституционной комиссии). – Прочтите Конституцию СССР – вот наша программа борьбы»⁴². Но тенденция отождествления идеологической программы и юридических норм таила опасность утраты гибкости политического контроля и поэтому была отвергнута Сталиным: «программа касается главным образом будущего, конституция настоящего», является «регистрацией и законодательным закреплением того, что уже добыто и завоевано на деле»⁴³. Разделение идеологии и права было, разумеется, фикцией, но позволяло манипулировать юридическими нормами, наполняя их различным политическим смыслом.

Ключевой инновационный постулат авторов Конституции – «действительное осуществление равенства» – т.е. идеи, которая была провозглашена, но не реализована Французской революцией, стала центральной в новейшую эпоху социальной революции и нашла выражение в «Советской республике – высшем по демократизму типе государства»⁴⁴. Конституция представала завершением переходного этапа 1924–1936 гг.⁴⁵, воплощая торжество «полновластия трудящихся». В первоначальных (черновых) набросках Конституции представлена следующая концепция «государства трудящихся»: «советское общество состоит из свободных тружеников города и деревни – рабочих, крестьян (вариант: служащих), интеллигенции», которые «являются равноправными строителями социализма»⁴⁶. Но в конечном счете закрепление получила сталинская формула «социалистического государства рабочих и крестьян». Она позволяла соединить идею равноправия с сохранением классовой дифференциации при исключении интеллигенции, которая «никогда не была и не может быть классом, – она была и останется прослойкой, рекрутирующей своих членов среди всех классов общества»⁴⁷.

⁴¹Конституционная комиссия. Первоначальный проект Конституции 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 1. Л. 1–48.

⁴²Доклад Я. Яковлева об итогах июньского Пленума 1936 года на закрытом партийном собрании от 10 июня 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 22. Л. 18.

⁴³Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР. М., 1936. С. 40–42.

⁴⁴Рабочие материалы к Конституции СССР 1936 г. Замечания по Конституции РСФСР 1918 и 1925 гг. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 13. Л. 9, 16.

⁴⁵«Общая схема этапа 1924–1936 гг.» // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 13. Л. 275–288.

⁴⁶Черновые наброски проекта Конституции СССР, представленные гг. Яковлевым, Стецким и Талем, с поправками, внесенными т. Сталиным на совещании у тов. Сталина 17 апреля 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 5

⁴⁷Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР. М., 1936. С. 86.

Другой стороной проблемы стало конституционное закрепление новых отношений собственности. Вводилась совершенно неопределенная концепция так называемой «социалистической собственности», которая объявлялась «священной и неприкосновенной» (П. Юдин)⁴⁸. Она представляла в двух основных формах – государственная, или всенародная (высшая форма) и кооперативно-колхозная. Наряду с этими двумя основными формами вводилась неопределенная «личная собственность на предметы личного обслуживания, обихода, удобства, личного потребления»⁴⁹, интерпретация которой в качестве «пережитка буржуазного права частной капиталистической собственности» инкриминировалась впоследствии школе Пашуканиса – одного из разработчиков проекта Конституции⁵⁰. Соотношение государственной (общественной) и личной собственности в данной трактовке, разъяснял один из ключевых редакторов проекта Конституции А.И. Стецкий (член ЦК ВКП(б), заведующий Отделом партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), член подкомиссии по общим вопросам Конституции), не имеет противоречивого характера, поскольку основано на отрицании частной собственности, опирается на единую «социалистическую систему хозяйства», гарантом которой служит диктатура пролетариата⁵¹. Соединение собственности и власти в данной конструкции псевдоплановой экономики⁵² тяготело к абсолютному, юридически закрепляя тотальный бюрократический контроль над индивидом.

Доктрина «социалистической демократии» выдвигала перед разработчиками формальные требования равенства политических прав граждан. «Советская Конституция, – по словам разработчиков, – во-первых, полностью отменяет всякие ограничения всеобщего избирательного права; во-вторых, заменяет косвенные выборы в высшие советские органы республик Советского Союза выборами прямыми; в-третьих, заменяет открытые выборы закрытыми, тайными; в-четвертых, обеспечивает укрепление социалистической собственности, как основы советского общественного строя; в-пятых, сосредотачивает функции издания законов в советском парламенте – в Союзном совете»⁵³. С другой стороны, декларируемые основы политической демократии ограничивались ее функциональным назначением – увязывались с целями диктатуры. Известные колебания в вопросе о правах отражены в ком-

⁴⁸ Юдин П. О государстве при социализме // Большевик. 1936. № 8. С. 59.

⁴⁹ Берман Як. О формах собственности в СССР // Большевик. 1936. № 10. С. 76–87.

⁵⁰ Хмельницкая Е. Право личной собственности граждан СССР // Большевик. 1937. № 4. С. 56–57.

⁵¹ Стецкий А. О роли диктатуры пролетариата в экономике переходного периода // Большевик. 1937. № 7. С. 74.

⁵² Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008.

⁵³ Рабочие материалы к Конституции СССР. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 13. Л. 9–10.

ментарии об образовании по мере исчезновения классового деления «общенародной воли» и возможности «для каждого полноправного гражданина (на полях вставлен вопрос: «разве есть неполноправные граждане?») – А.М.) участвовать в ее осуществлении»⁵⁴. Вполне отдавая себе отчет в опасности политических прав для режима, разработчики – вопреки закрепленному пропагандой тезису о «самой демократической Конституции» – размышляли о том, как провести их юридические ограничения. Выход был найден в отрицании абсолютного характера гарантий фундаментальных политических прав и свобод: «Гражданам СССР предоставляется (второй вариант: в целях борьбы за окончательную победу социализма) (третий вариант: в пределах законов): свобода выражения своих мнений, свобода печати, свобода собраний, свобода митингов, шествий, организаций»⁵⁵. В предполагавшейся «Декларации прав и обязанностей» (которая не была принята) тезис о «переходе к бесклассовому социалистическому обществу и дальнейшем росте коммунизма» жестко увязывается с выполнением гражданами условий – «охраны, укрепления и развития социалистической собственности, обязанности трудиться, защиты родины, братства народов» и т. д.⁵⁶.

Во избежание превратных толкований в коммунистической печати разъяснялось, что «все права граждан СССР неразрывно связаны с обязанностями, лежащими на них»⁵⁷; право на труд, осуществление которого «возможно только в социалистическом обществе», есть одновременно – обязанность⁵⁸; образование – форма идеологического воспитания⁵⁹; конституционное закрепление равенства полов и «сталинская забота о женщине» находят концентрированное выражение в воспроизводящем нацистские нормы конституционном законе «О запрещении абортов» (от 27 июня 1936 г.)⁶⁰ и «уз брака», ибо новое общество не станет поощрять «легких связей» – «порхающих Дон-Жуанов и свободных Жриц любви» (Н. Крыленко)⁶¹. Что касается конституционно закрепленных политических прав, – свободы критики, свободы

⁵⁴Вопросы советской конституции СССР и РСФСР и политические и гражданские права и обязанности работников социалистического общества (1918–1935) (1936). Ф. 3316. Оп. 40. Д. 24. Л. 23.

⁵⁵Материалы к Конституции СССР, посланы для Секретариата Конституционной комиссии как черновой набросок в феврале 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 4. Л. 24.

⁵⁶«Политические и гражданские права и обязанности работников социалистического общества». Текст от 20.11.36. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 24. Л. 22–31.

⁵⁷Челяпов Н. Основные права и обязанности граждан СССР // Большевик. 1936. № 19. С. 58.

⁵⁸Шверник Н. Социализм и право на труд // Большевик. 1936. № 16. С. 38.

⁵⁹Бубнов А. Сталинская Конституция и право на образование // Большевик. 1936. № 17. С. 20–26.

⁶⁰Курсанова К. Женщина в СССР и проект Сталинской Конституции // Большевик. 1936. № 21. С. 61.

⁶¹Крыленко Н. Социализм и семья // Большевик. 1936. № 18. С. 78.

мнений, свободы фракций, о которой «кричали троцкисты и зиновьевцы», то попытки их реализации вообще определялись Пашуканисом как стремление подорвать диктатуру пролетариата – «повернуть от советской системы к буржуазно-демократической»⁶². Полное осуществление конституционных прав фактически отодвигалось на будущее и связывалось с преодолением пороков, «еще не изжитых в советской стране» – «отвратительных черт индивидуализма, пошлости, угодничества, подхалимства, зверского отношения к людям, к женщине» и т. д.⁶³. Таким образом, изначально фиксировались идеологические, юридические и функциональные ограничения прав, делавшие невозможной их практическую реализацию. Данная конструкция позволяла совместить две противоположные идеи – отмену ограничений избирательного права и сохранение диктатуры как формы классового господства и управления. Если в проекте Я.А. Яковлева, А.И. Стецкого и Б.М. Таля (являвшихся руководителями Редакционной группы Конституционной комиссии ЦК ВКП(б)) статья 2 гласила: «Политическую основу СССР составляют советы рабочих и крестьянских депутатов, – советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов», то в предложении Сталина в конце статьи 2 добавлено «и завоевания диктатуры пролетариата»⁶⁴.

3. Демократия и диктатура: ограниченная конституционализация партии

Наиболее острой проблемой правового регулирования становился вопрос о том, как совместить демократию и диктатуру. С одной стороны, официально декларировалось (В. Молотовым), что Конституция полностью воплощает революционные чаяния и закрепляет «всестороннее развитие демократизма трудящихся»⁶⁵, закрепляет, по словам юриста П. Юдина, торжество социализма – «политическое и моральное единство народа», выраженное в «коммунистическом сознании трудящихся», поскольку ни у рабочих, ни у крестьян, ни у интеллигенции «нет обособленных и противоположных политических интересов»⁶⁶. С другой стороны, тезис о бесклассовом обществе представлялся со-

⁶²Пашуканис Е. Борьба партии с троцкистами и правыми по вопросам государства и диктатуры пролетариата // Большевик. 1935. № 7. С. 67.

⁶³Митин М. Победа социализма в СССР и остатки старого в новом // Большевик. 1937. № 19. С. 18.

⁶⁴Комментарий от 22 апреля 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 7.

⁶⁵Молотов В.М. К двадцатилетию Октябрьской революции. Доклад на торжественном заседании в Большом театре 6 ноября 1937 г. // Большевик. 1937. № 22. С. 5–7.

⁶⁶Юдин П. Социализм и государство // Большевик. 1936. № 21. С. 27; Юдин П. Об уничтожении эксплуататорских классов в СССР // Большевик. 1937. № 22. С. 54.

ветским идеологам опасным, ибо порождал сомнения в необходимости продолжения диктатуры. На эту опасность постоянно указывал один из ведущих идеологов и разработчиков Конституции А. Стецкий, предпочитавший концепции бесклассового общества тезис о «социалистическом государстве»⁶⁷: «Некоторые, – констатировал он, – задумываются: что же такое теперь наша компартия, что такое наше государство, нужно ли это государство вообще и можем ли мы говорить, что нам это государство, наше советское государство, необходимо?»⁶⁸ «Значит ли, что когда социалистическое общество в СССР построено, диктатура рабочего класса отходит в прошлое, сходит с исторической сцены? Нет и нет!»⁶⁹ Конституция, настаивал он, – «плод диктатуры рабочего класса», но одновременно – «ее дальнейшее развитие»⁷⁰, ее проект – «оттиск, слепок социальной организации общества» – формы диктатуры «уже не переходного периода, а социалистического общества»⁷¹. Поэтому разъяснялось, что новая Конституция остается «орудием дальнейшего укрепления социалистического государства, инструментом окончательного подавления всяких вредительских актов со стороны последних классово вредных элементов»⁷². Конституция «определяет экономическую и политическую основу СССР, устройство и задачи государства (и всех его органов) в первой фазе коммунизма» (М. Каммари)⁷³, а «новый общественный строй еще нуждается в твердой государственной власти» (В. Кнорин)⁷⁴. В этом контексте принципиален проходивший в этот период общий пересмотр философии (критика «меньшевистствующего идеализма» школы А. Деборина), концепции советской истории⁷⁵, связанный с изгнанием из нее «гнилого либерализма» на «историческом фронте»⁷⁶, критикой школы М. Покровского, который «сузил задачи историков-марксистов до изучения схем русских дворянских и буржуазных историков»⁷⁷, созданием новых большевистских учебни-

⁶⁷ *Стецкий А.* Конституция социалистического государства. М., 1936.

⁶⁸ *Стецкий А.* О ликвидации классов в СССР // *Большевик*. 1936. № 11. С. 9.

⁶⁹ *Стецкий А.* Диктатура рабочего класса и построение социализма в СССР // *Большевик*. 1937. № 21. С. 26.

⁷⁰ *Стецкий А.* Сталинская конституция – воплощение идей Ленина // *Большевик*. 1937. № 3. С. 15.

⁷¹ *Стецкий А.* Конституция социалистического государства // *Большевик*. 1936. № 13. С. 15–34. С. 20.

⁷² Конституция социалистического государства рабочих и крестьян // *Большевик*, 1936. № 11. С. 5.

⁷³ *Каммари М.* О государстве в первой фазе коммунизма // *Большевик*. 1937. № 22. С. 55.

⁷⁴ *Кнорин В.* Социализм и народ // *Большевик*. 1936. № 9. С. 19.

⁷⁵ Историческая наука и ленинизм // *Большевик*. 1936. № 3. С. 3.

⁷⁶ *Мехлис Л.* За ликвидацию отставания исторического фронта // *Большевик*. 1932. № 5–6. С. 11.

⁷⁷ *Радек К.* Недостатки исторического фронта и ошибки школы Покровского // *Большевик*. 1936. № 5. С. 54.

ков⁷⁸, вообще внедрением новой концепции национальных отношений, российской государственности и ее исторических форм⁷⁹, различными лингвистическими экспериментами (школа Н. Марра)⁸⁰, к которым позднее прибавились эксперименты в философии и естествознании⁸¹, с целью ввести жесткие идеологические стандарты во всех областях научного знания, скрестить интернациональное воспитание с задачами возрождения «советского патриотизма». Диктатура пролетариата в этой концепции встраивалась в общую ретроспективу российского самодержавия, а попытки его конституционных ограничений в прошлом и настоящем получали резко отрицательную оценку.

Ключевое значение приобретал правовой статус так называемых «общественных организаций» и прежде всего – коммунистической партии. Предметом обсуждения в Конституционной комиссии стал вопрос о том, в какой мере общественные организации являются «добровольными обществами»: «Полноправие свободных организаций трудящихся (компартия, профсоюзы, комсомол, кооперация, колхозы (на полях: «добровольные общества?»)), научные и технические общества и т. д.), – по мнению разработчиков, – обеспечивается предоставлением соответствующих материальных условий их деятельности (помещения, клубы и другие общественные здания, земля для колхозов (на полях: «фабрика и завод для рабочих»)). Нарушение свободы организации трудящихся карается законом, как акт контрреволюционный»⁸². В переданном на всенародное обсуждение проекте глава об основных правах и обязанностях граждан была помещена перед главой об избирательной системе. Новую редакцию здесь получил последний абзац ст. 126 о праве граждан на объединение в общественные организации⁸³.

Итоговая формула о партии как «руководящем ядре всех организаций трудящихся» возникла не сразу⁸⁴. В черновом наброске, написанном рукой Яковлева, говорится о компартии, «являющейся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за победу коммунизма и основной руководящей силой всех организаций (общественных добровольных ор-

⁷⁸Панкратова А. За большевистское преподавание истории // Большевик. 1934. № 21. С. 32–51. С. 51.

⁷⁹Дубровский А.М. Историк и власть. Брянск, 2005; Юрганов А.Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.

⁸⁰Илизаров Б.С. Почетный академик Сталин и академик Марр. М., 2012.

⁸¹Россиянов К.О. Сталин как редактор Лысенко: (К предьстории августовской (1948) сессии ВАСХНИЛ). М., 1991.

⁸²Вопросы советской конституции СССР и РСФСР и политические и гражданские права и обязанности работников социалистического общества (1918–1935) (1936). Ф. 3316. Оп. 40. Д. 24. Л. 23.

⁸³Справка Юридического отдела о разработке проекта Конституции СССР 1936 г. (по документам и материалам Госархива Октябрьской революции). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 1. Л. 225.

⁸⁴Черновые наброски проекта Конституции СССР. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 5. Л. 232–233.

ганизаций и советов) трудящихся в СССР». В окончательной редакции, принятой Сталиным, эта часть статьи о праве граждан на объединение в проекте Конституции СССР 1936 г. выглядела следующим образом: «Наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются в Коммунистическую партию СССР, являющуюся передовым отрядом в их борьбе за построение коммунизма и представляющую собой *руководящее ядро всех организаций трудящихся как общественных, так и государственных*». Данная формула, напоминающая корпоративистские теории Л. Дюги и его комментаторов в авторитарных режимах Европы, зафиксированная в одной из последних глав Конституции в статье 126 о праве граждан на объединение, выражала слияние общества и государства, при котором партия из общественной организации превращалась в государственную структуру. Официальная идеологическая доктрина видела в партии гаранта существующего строя⁸⁵, основной инструмент его демократизации – трансформации «народного государства» в «коммунистическое общество»⁸⁶, но выводила ее «авангардную роль» из диктатуры⁸⁷, подчеркивая приоритет аппарата, который, по словам Л. Кагановича, есть «великое и хорошее дело», «проводит в жизнь то, что нужно партии, контролирует выполнение партийных решений»⁸⁸, причем прием индивида в партию (или исключение из нее) объявлялся когнитивным переломом – главным событием его жизни, означающим «переход грани между партийностью и беспартийностью»⁸⁹. По признанию последующих советских аналитиков (1960-х годов) окончательная формула о партии выражала приоритет государства над обществом⁹⁰.

Для западных критиков Конституции принятие формулы однопартийного государства означало отказ от полноценной демократии, превращение Конституции в «пустое обещание» и «потемкинскую деревню». Сталин выдвинул ряд софизмов, ставших позднее основой официальной позиции по данному вопросу: поскольку в СССР нет антагонистических классов, здесь нет почвы для нескольких партий, а только для одной – коммунистической⁹¹; на всеобщих выборах возможно выдвижение избирательных списков как от партийных, так и от беспар-

⁸⁵Торжество ленинизма // Большевик. 1936. № 2. С. 7.

⁸⁶Юдин П. Социализм и демократия // Большевик. 1935. № 17. С. 35–44.

⁸⁷Кнорин В. Об авангардной роли ВКП(б) в эпоху социализма // Большевик. 1936. № 24. С. 39.

⁸⁸Каганович Л.М. О внутрипартийной работе и отделах руководящих работников // Большевик. 1934. № 21. С. 16.

⁸⁹О возобновлении приема в партию // Большевик. 1936. № 20. С. 3.

⁹⁰Докладная записка тов. Брежневу Л.И. «Некоторые данные о подготовке Конституции СССР 1936 года и рассмотрении этих материалов у Сталина». Ф. 7523 (Верховный Совет СССР). Оп. 131. Д. 1 (1962 г.). Л. 30.

⁹¹Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР. М., 1936. С. 59–61, 75–76.

тийных общественных организаций, а следовательно, «оживленная» избирательная борьба между кандидатами. «Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР, – заявлял он, – будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти»⁹². Этот хлыст так и не получил применения.

Правовое конструирование и символическое оформление новой реальности включало конвергацию коммунистической идеологии в конституционную терминологию, фиксацию социальной структуры «полного социалистического типа общества», отношений общества и государства, прав и обязанностей, общественных организаций и роли партии. Создание системы деспотического мобилизационного государства приобретало законченный вид, связав три компонента – идеологию (ленинизм), политическую систему (диктатура) и роль партии, статус вождя которой (в отличие от некоторых других авторитарных конституций) предусмотрительно не получал юридического закрепления, а следовательно, не мог быть ограничен правовыми средствами.

4. «Советский парламентаризм»: пересмотр структуры институтов высшей государственной власти

Конституция 1936 г. ввела структуру институтов государственной власти, отличную от существовавшей в первых советских конституциях, которая отвечала задачам консолидации режима. Основные параметры изменений представлены концепцией так называемого «советского парламентаризма» – эвфемизмом, выражающим стремление разработчиков выйти из рамок утопической ленинской теории «непосредственной демократии». Коммунистические юристы традиционно противопоставляли советскую власть формам «протитуированного и бессильного парламента» буржуазных стран, который «мишурой своего показного могущества» прикрывает власть финансовой олигархии⁹³, а основную добродетель «революционной бдительности» усматривали в «охране классовой чистоты совета как органа диктатуры пролетариата»⁹⁴. Данный подход означал проведение в Конституции начал разделения идеологии и практики управления, централизации власти, конкретизации функций и ответственности государственных органов, бюрократизации институтов.

Пересмотр утопической ленинской концепции «непосредственной демократии» требовал отказа от важнейшего института – съездов Сове-

⁹²Беседа тов. Сталина с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» г-ном Роем Говардом 1-го марта 1936 г. М., 1936. С. 20, 23.

⁹³Мандельштам Л. Советы – политическая основа СССР. М., 1940. С. 33.

⁹⁴Енукидзе А. За укрепление советов – органов пролетарской диктатуры // Большевик. 1934. № 19–20. С. 36–37.

тов, как регулярных, так и чрезвычайных. В первых советских конституциях им формально принадлежала вся полнота власти: на обсуждениях съездов Советов и сессий ВЦИК и ЦИК регулярно выносились не только вопросы изменения Конституции и законодательства (решение вопросов его принятия и конституционности), но и вопросы экономики, национального развития, обороны, советского строительства. Система центральных органов власти включала триаду: съезды Советов – ЦИК – Президиум ЦИК. Последний состоял из двух палат – Союзного Совета и Совета национальностей. В период между сессиями в стране действовал постоянный орган верховной власти – ЦИК СССР (ст. 8 Конституции СССР 1924 г.), который разрешал все важнейшие законы и другие вопросы жизни государства. Наряду с этим в перерывах между сессиями ЦИК фигурировал его Президиум, который являлся законодательным, исполнительным и распорядительным органом власти СССР (ст. 29 Конституции СССР 1924 г.). В основе данной системы лежал принцип слияния законодательной власти, управления и судопроизводства. Его завалуированная критика представлена в ряде документов Комиссии. Летом (июль) 1935 г. обсуждались концептуальные вопросы разделения властей. Свидетельством поворота в этом вопросе является Записка Сталину – «В порядке высказывания мнений о местных органах власти» за подписью Г. Байчурина (Казань, 14.07.1935 г.). Он констатирует, что из-за смешения хозяйственных и административно-хозяйственных вопросов ЦИК не функционирует эффективно (а его работа сводится к рассмотрению жалоб и другим второстепенным вопросам). Представлена критика работы орготделов и инструкторов республиканских ЦИКов, которые, не будучи юристами, «мало пользуются авторитетом на местах». Предлагалось «создать из членов ЦИК отраслевые секции, которые собираются по мере надобности, но не реже 1 раза в 3 месяца для разработки проектов законов и проверяют исполнение уже изданных законов по данной отрасли», а другие вопросы хозяйственного и административного характера (жалобы) рекомендовалось передать совнаркомам и наркоматам⁹⁵.

Принятие концепции «советского парламентаризма» стало основной особенностью Конституции СССР 1936 г., что потребовало пересмотра структуры и взаимоотношений высших органов государственной власти. 25 июля 1935 г. в Комиссии была предложена следующая формула о центральных органах власти: «1. В связи с введением новой избирательной системы, необходимость созыва Всесоюзного Съезда Советов отпадает. 2. ЦИК СССР заменяется советом трудовых депутатов или

⁹⁵Материал председателю конституционной комиссии тов. Сталину. «В порядке высказывания мнений о местных органах власти». За подписью Г. Байчурина (Казань, 14.07, 35 г.). Ф. 3316. Оп. 40. Д. 32. Л. 30–34.

Верховным законодательным собранием СССР, которое является единым полномочным собранием Союза ССР»⁹⁶. Вместо республиканских и всесоюзных съездов Советов и избираемых ими ЦИК органами власти СССР, союзных и автономных республик стали Верховный Совет СССР, а также верховные советы республик. Если съезд советов Союза ССР (равно как и другие нижестоящие съезды), по Конституции СССР 1924 г. и по Конституциям союзных республик, избирался не непосредственно (образовывался из представителей городских Советов и областных и республиканских съездов Советов), то, по проекту новой Конституции, Верховный Совет СССР формально «приблизился к массам». Одна из его палат – Совет Союза – непосредственно избирается гражданами СССР на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права при тайном голосовании по норме: один депутат на 300 тыс. населения; другая палата – Совет национальностей – образуется из депутатов, выделяемых Верховными Советами союзных и автономных республик и Советами депутатов трудящихся автономных областей. В окончательном виде (с принятием поправки к ст. 35 проекта Конституции) Совет национальностей также избирается гражданами (по союзным и автономным республикам). «Стало быть, – резюмировал Сталин, – равенство палат, как в смысле их количественного состава, так и в смысле их демократического образования полностью соблюдено в этой статье» (ст. 35)⁹⁷.

Принятие «парламентской» системы нашло выражение в формальном разграничении законодательных, президентских и исполнительных функций. В этой конструкции Верховный Совет – это главным образом законодательная власть (ст. 32 Конституции СССР), его Президиум – это «президентская» власть (ст. 49 Конституции СССР) и Совет министров – это исполнительно-распорядительная власть (ст. 64 Конституции СССР). Направления пересмотра этой системы отражены в рабочих материалах Комиссии. Попытка скрестить парламентаризм с советской системой вела к пересмотру последней: она интерпретировалась как «соединение местных советов, непосредственно выбранных трудящимися города и деревни с советским парламентом, общесоюзным и советскими парламентами в республиках, избранными также непосредственно населением республик или Советского Союза». Далее, требовалось более четкое разграничение уровней власти, ответ на вопрос – «что такое верховная власть?». Если в Конституции 1918 г. фигурировало понятие «высшей» власти, то в Конституции РСФСР 1925 г. оно

⁹⁶Подготовительные работы конституционной подкомиссии № 1, 2, 3/1 с 25 по 31 июля 1935. Протокол № 1 от 25 июля 1935. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 26 Л. 1.

⁹⁷Доклад Председателя Редакционной комиссии VIII съезда Советов Союза ССР тов. Сталина И.В. // Большевик. 1936. № 24. С. 1.

езде было заменено понятием «верховой» власти. «Не оставить ли, – размышляли разработчики, – слово “верховная власть” или “высшая власть” только для парламента и Совнаркома РСФСР (См. напр., пункт 56 Конституции 1918 года)». Понятие «верховой власти» рекомендовалось применять не ко всем высшим институтам государственной власти, но только к законодательным и исполнительным органам союзной власти. Наконец, разграничение полномочий требовало более четкого распределения функций законодательной, исполнительной и судебной власти. Пересмотру подлежала структура законодательной власти: «В функциях Конституции 1918 и 1925 гг., – отмечали аналитики, – почти нет различия между «съездом, исполкомом и президиумом, необходимо гораздо более резкое разделение функций»⁹⁸.

Подлинным архитектором этой квазипарламентской институциональной структуры был Сталин, сформулировавший ряд общих установок Комиссии по этому вопросу. В бумагах И.А. Акулова (секретарь ЦИК СССР, руководитель подкомиссии по центральному и местным органам власти) имеется недатированная запись высказываний Сталина по вопросам работы подкомиссии: «Съездов не будет... Президиум – толкователь законов. Законодатель – сессия (парламент)... Исполком не годится, съездов уже нет». «Совет депутатов трудящихся». 2 палаты. «Верховное законодательное собрание... В Конституции дать общие основы. То, что есть, – есть...»⁹⁹ Это решение рассматривалось последующими советскими аналитиками (А.И. Лукьянов) как «поворотный пункт дискуссии о структуре высших органов власти в направлении «парламентаризма»¹⁰⁰.

В окончательном виде общая схема институтов представлена Сталиным следующим образом: введение всеобщего избирательного права; «законодательная власть в СССР должна осуществляться только одним органом, Верховным Советом СССР»; он имеет двухпалатную структуру (Совет Союза и Совет национальностей), необходимую в силу многонационального характера государства. Президиум Верховного Совета, включая его Председателя – «коллегиальный президент», ибо «не должно быть единоличного президента, избираемого всем населением, наравне с Верховным Советом, и могущего противопоставлять себя Верховному Совету»¹⁰¹. Таким образом, все «ветви власти» блокируют

⁹⁸Рабочие материалы к Конституции СССР 1936 г. Замечания по Конституции РСФСР 1918 и 1925 гг. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 13. Л. 4–6.

⁹⁹Ф. 3316. Оп. 40. Д. 32. Л. 55–56.

¹⁰⁰Копия справки (А. Лукьянов) «К вопросу о разработке и проведении в жизнь некоторых положений Конституции СССР 1936 года (по материалам Государственного архива и некоторым материалам и документам Президиума ВС СССР)» (29.04.1964). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 3 (1962–1964). Л. 10.

¹⁰¹Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР. М., 1936. С. 100–104, 109.

друг друга, а выход из тупика возможен лишь путем делегирования власти на вышестоящий – метаконституционный уровень. Конституция, несмотря на институциональные изменения, не затронула главного – «оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса, равно как сохраняет без изменения нынешнее руководящее положение Коммунистической партии СССР»¹⁰².

5. Номинальный федерализм: советы как институт мобилизационной системы

СССР, в соответствии с положениями Конституции 1924 г., определялся вообще как союзное государство нового типа, суверенитет которого не исключал сохранения суверенитета входящих в него республик¹⁰³. Уникальность СССР как «новой формы государственного объединения» в сравнении со всеми известными федерациями того времени (США, Бразилии, Аргентины, Швейцарии) выражалась эвфемизмом о «добровольном объединении равноправных республик», которые «осуществляют свои суверенные права, добровольно ограничивая их в вопросах, отнесенных к компетенции Союза ССР» (Я. Берман)¹⁰⁴. Проект Конституции 1936 г., безусловно, учитывал унификационные тенденции в Германии («Закон о переустройстве империи» от 30 января 1934 г.), формально противопоставляя им расширение «общего значения национальностей» и их переход к «высшим формам национальных государственных образований»¹⁰⁵. В рассматриваемый период эволюция номинального федерализма связана с реализацией трех целей: унификацией административного деления; пересмотром структуры и функций советов; формальной адаптацией их к концепции всеобщих прямых «парламентских» выборов¹⁰⁶.

Общая тенденция по расширению компетенции союзных органов власти набирала силу со времени принятия Конституции СССР 1924 г.¹⁰⁷ У союзных республик, вопреки позиции их представителей в кодификационных дебатах 1920-х годов, рассмотренных нами ранее, было изъято право на издание гражданских кодексов, законодательства о су-

¹⁰²Сталин И. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М.; Л., 1945. С. 523.

¹⁰³Крыленко Н. О Союзе ССР. М., 1924; Гурвич Г.С. О Советском Союзе. Ко дню Конституции. М., 1931; Диманштейн С. Пролетарская диктатура и Советская Конституция. М.; Л., 1932.

¹⁰⁴Берман Я. Государственное устройство // Большевик. 1936. № 20. С. 37.

¹⁰⁵Диманштейн С. Ленинско-сталинская национальная политика и проект новой Конституции СССР // Большевик. 1936. № 13. С. 76.

¹⁰⁶Уншлихт И. Государственное устройство СССР и национальная политика советской власти. М., 1936.

¹⁰⁷Фалькевич И. Государственное устройство (Конституция) СССР и Советской России. М., 1930.

доустройстве и судопроизводстве, переданы на решение центра вопросы о трудовом законодательстве и административно-территориальном делении. В ходе разработки Конституции 1936 г. в центре внимания оказались вопросы институционализации и юридического оформления данной тенденции: поставлен вопрос, целесообразно ли сохранить право сецессии республик, закрепить существующее административно-территориальное деление республик и автономий, ввести новую иерархию административного управления? Разработка этих вопросов в Комиссии (решением от 27 июля 1935 г.) была разделена по трем группам – специализированным «бригадам» разработчиков: О центральных органах власти союзных республик (руководитель – Е. Пашуканис); Об автономных республиках и областях, краях, областях и округах (Д. Сулимов); О районах, городах и селах (И. Акулов). Было предложено унифицировать территориальное деление: «Упразднить на территории РСФСР двойную терминологию – “край”, “область”, оставив только “край”. Наименование “область” сохранить для крупных краев и автономных республик, а также для отдельных союзных республик – по их усмотрению. Предоставить союзным республикам право в отдельных случаях делать те или иные отступления от установленного территориального деления, предусмотренного настоящей Конституцией. Предусмотреть в Конституции возможность образования в крупных городах районных советов»¹⁰⁸.

Данное решение определило логику трансформации советских институтов. «Схема и основные положения разделов Конституции о центральных и местных органах власти» (от 31 июля 1935 г.) в качестве общего принципа фиксировала, с одной стороны, положение о том, что «СССР является добровольным объединением равноправных народов, строящих социалистическое общество», с другой – что «советское государство является федерацией советов и что советы являются органами диктатуры пролетариата и носителями государственной власти в центре и на местах»¹⁰⁹. Процедуры изменения Конституции приводились в соответствие с этими установками. Была предложена формула, согласно которой «предложение о возможности изменения Конституции СССР будет считаться принятым при наличии в Верховном Совете СССР большинства не менее 2/3 членов каждой из его палат и большинства голосов в Верховном Совете (не менее чем в 10) союзных республиках»¹¹⁰. Федеративный принцип, таким образом, трансформировался в советский, а последний ограничивался задачами диктатуры.

¹⁰⁸Подготовительные работы конституционной подкомиссии № 1, 2, 3/1 с 25 по 31 июля 1935. Протокол № 2 от 27 июля 1935 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 26. Л. 11–12.

¹⁰⁹Подготовительные работы конституционной подкомиссии. Протокол № 3 совещания членов подкомиссии от 31 июля 1935 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 26. Л. 34–39.

¹¹⁰Черновые наброски проекта Конституции СССР. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 6. Л. 213.

С этих позиций Е. Пашуканису и Н. Крыленко, разработавшим данный круг вопросов в соответствующей подкомиссии, было поручено подготовить проект вводной части раздела «О центральных и местных органах власти»¹¹¹. Результатом этой работы стал подготовленный Крыленко «Проект о центральных и местных органах власти СССР». Механически соединив федерализм с целями построения коммунизма, он свел его к выстраиванию новой иерархии административных институтов. «Каждая советская республика, – в интерпретации Крыленко, – есть государственное объединение Советов народных депутатов», которые в свою очередь выступают «органами диктатуры пролетариата», причем «каждый член Совета может быть во всякое время отозван своими избирателями». Основная задача этих номинальных институтов, избираемых «трудящимися города и деревни», состоит вовсе не в выражении их интересов, но в «поголовном вовлечении в управление государством» через различные массовые мероприятия (съезды, собрания, депутатские группы и т. д.) «путем исполнения ими без отрыва от производства отдельных обязанностей государственного управления»¹¹². Характерны трудности разработчиков, связанные с необходимостью определить в этой системе те малоразличимые «специфические особенности городских и сельских советов, которые отличают их от других органов советской власти»¹¹³. Общее решение проблемы было найдено в элементарном иерархическом подразделении советов, которые в качестве институтов «непосредственного участия трудящихся масс в управлении» осуществляют одновременно законодательную и исполнительную власть исключительно «в пределах предоставленных им законодательных полномочий»¹¹⁴. Унифицировалась структура советов РСФСР: «Нужна ли, – спрашивали разработчики, – множественность, предусмотренная Конституцией 1925 года, ее не было в Конституции 1918 года, – совет, исполком, президиум. Не лучше ли иметь один орган: внизу – совет, исполком плюс председатель, в районе – РИК, председатель?»¹¹⁵ Ряд вопросов актуализировался в связи с переходом к все-

¹¹¹Протоколы и материалы совещаний руководителей бригад по выработке текста раздела Конституции «О центральных и местных органах власти» с 1 по 11 октября 1935. Протокол № 2. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 28. Л. 6.

¹¹²«Проект о центральных и местных органах власти СССР» (Н. Крыленко, 1935). Ф. 3316. Оп. 40. Д. 28. Л. 7.

¹¹³Протокол совещания по выработке текста раздела Конституции СССР «О центральных и местных органах власти» от 8 октября 1935. П. 6 О гл. 5-й. Городские и сельские советы. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 28. Л. 35–36.

¹¹⁴Отдельные предложения членов подкомиссии и Бригад к разделу Конституции СССР «О центральных и местных органах власти» (1936) Предложения Н. Крыленко. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 30. Л. 9–10.

¹¹⁵Рабочие материалы к Конституции СССР 1936 г. Замечания по Конституции РСФСР 1918 и 1925 гг. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 13. Л. 5.

общим выборам, в частности – о предоставлении избирательных прав «лицам, осужденным за преступления с поражением в политических правах на установленный судебным приговором срок»¹¹⁶ и допустимости отмены результатов выборов в советы, «произведенных с нарушением установленного порядка», «вышестоящим по порядку советом народных депутатов»¹¹⁷. Конфликт федеративной и советской логики построения институтов управления остался не разрешен.

Молчаливое признание разработчиками инструментального характера советов как формы массовой мобилизации позволило снять основные противоречия конституционного регулирования их деятельности, обсуждение которых было вынесено на пленарное заседание соответствующей подкомиссии (22 и 27 октября 1935 г.). Первое из них – принцип совмещения в советах законодательной и исполнительной функций, которое, очевидно, не соответствовало «парламентской» логике их разделения на уровне центральной власти. Второе – противоречие презумпции о всевластии советов с элементами «непосредственной демократии» – требованием к народным депутатам отчитываться перед избирателями и сохранением за ними права отзыва депутата во всякое время. Третье – нерешенность проблемы высшей инстанции контроля за региональными (краевыми и областными) советами: отменяются их постановления Президиумом Совета народных депутатов союзной республики (или автономии), соответствующим СНК или их совместным решением?¹¹⁸ Эти вопросы не имели содержательного решения в системе номинального конституционализма. Как показывает итоговая сводка поправок по вопросам организации советов, представленная Я. Яковлевым Сталину (ноябрь 1936 г.), основное внимание разработчиков было направлено, с одной стороны, на поиск их отличий от так называемых «общественных организаций» – прежде всего профсоюзов (вводилось даже понятие «собственности общественных организаций»), с другой – от институтов центральной и республиканской исполнительной власти, прежде всего союзных и республиканских наркоматов, которые получали право отменять решения и распоряжения исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся краев, областей и автономных республик «в случае если они противоречат закону или нарушают интересы государства»¹¹⁹.

¹¹⁶Рабочие материалы к Конституции СССР 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 13. Л. 4.

¹¹⁷Материал по центральным и местным органам власти за подписью Уншлихта. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 106.

¹¹⁸Протоколы и материалы Пленума подкомиссии и редакционной комиссии по разработке и редактированию проекта Конституции «О центральных и местных органах власти от 22 и 27 октября 1935 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 29. Л. 1–2, 22–23.

¹¹⁹Проект Конституции Союза ССР, представленный Конституционной комиссией ЦИК Союза ССР и одобренный Президиумом ЦИК Союза ССР для внесения на рассмотрение съезда Советов. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 2. Л. 153.

Общий баланс в решении проблемы федерализма определялся, как и в случае со структурой высших органов власти, стремлением сохранить идеологические стереотипы при одновременной жесткой фиксации неподвижной и бюрократизированной структуры управления. Именно поэтому Сталин выступил за сохранение в Конституции номинальной нормы о праве выхода республик из Союза (как идеологической декларации его добровольности), но одновременно настаивал (для сохранения незыблемости всей конструкции) на конституционном закреплении существующего административно-территориального деления, включая перечисление всех краев и областей, причем не допускал возможности изменения их статуса в будущем (например, перевода автономных республик в разряд союзных)¹²⁰.

Это, разумеется, не помешало последующему развитию централизаторских тенденций. Уже в 1938 г. в Конституцию были внесены поправки (к ст. 49), связанные в основном с образованием новых краев в СССР, областей в республиках, созданием новых наркоматов и должностей, связанных с введением на всей или части территории СССР военного положения «в интересах обороны СССР или обеспечения общественного порядка и государственной безопасности»¹²¹, а позднее (1947) комиссией А. Вышинского были разработаны конституционные изменения, направленные на существенное расширение компетенции Союза¹²². Параллельно шел процесс унификации конституций союзных республик: в 1939–1940 гг. он был направлен на выявление малейших фразеологических отступлений от союзной конституции, которые могли оказаться политически значимыми. Констатирувалось следующее принципиальное противоречие: если ст. 17 Конституции СССР трактуется, что «за каждой союзной республикой сохраняется право **свободного** выхода из СССР», то «в ст. 15 Конституции РСФСР и в ст. 14 Конституции УССР выпущено из текста слово “свободного”»¹²³. Позднее с тех же позиций был осуществлен пересмотр конституций Украины (1947)¹²⁴ и РСФСР (1948–1949)¹²⁵. Это означает, что формальная жесткость совет-

¹²⁰Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР. М., 1936. С. 92–94, 99.

¹²¹Протоколы Совета Союза, Совета Национальностей, совместных заседаний и материалов к ним (12 января – 19 января 1938 г.). Ф. 7523. Оп. 3. Д. 3. Л. 1–3.

¹²²Докладная записка тов. Брежневу Л.И.: Некоторые данные о подготовке Конституции СССР 1936 года и рассмотрении этих материалов у Сталина. Ф. 7523 (Верховный Совет СССР). Оп. 131. Д. 1 (1962 г.). Л. 25–26.

¹²³Докладная записка о сравнительном анализе конституций союзных республик (28 марта 1939 – 4 марта 1940) за подписью зав. Информационно-статистического отдела Секретариата Президиума Верховного Совета СССР Туманова и референта Л. Мандельштама (8 мая 1939). Ф. 7523. Оп. 10. Д. 88.

¹²⁴Верховный Совет СССР. Юридический отдел. Проект закона «Об изменении и дополнении текста Конституции (ОЗ) Украинской ССР и замечания Юр. Отдела по проекту» (17 июня 1947 – 10 июля 1947). Ф. 7523. Оп. 39. Д. 48. Л. 1–51.

¹²⁵Ф. 7523. Оп. 39. Д. 47.

ской Конституции 1936 г. в вопросах федерализма легко преодолевалась в интересах унификации, текущей (чрезвычайной) политической и административной целесообразности.

Номинальная природа советского федерализма не могла препятствовать тенденциям к унитаризму, а последние предполагали унификацию административно-территориального деления. Схема советских федеративных принципов противоречиво сочетала сформировавшуюся ранее концепцию непосредственной демократии с жестко централизованной вертикалью исполнительной власти, способной манипулировать декоративными советскими институтами в целях массовой мобилизации и легитимации предельно централизованного режима.

Модель сконструированной Сталиным политической системы можно определить как однопартийную деспотию, отношения общества и государства в которой основаны на делегировании полномочий снизу вверх и распределении ответственности сверху вниз. Структура центральных институтов власти, определявшаяся как «советский парламентаризм» во главе с «коллективным президентом» (Президиумом ВС СССР), является его противоположностью, исключая социальный контроль и политическую конкуренцию. Соотношение централизаторских и децентрализаторских тенденций в рамках советского «федерализма» определялось текущими потребностями управления, а судебная власть полностью контролировалась прокуратурой и тайной полицией. Мозговой центр этой системы – вождь и партийная элита – сознательно выведены из сферы конституционно-правового контроля, что дает им ряд важных преимуществ – абсолютность власти (никак не ограниченной юридически), полноты информированности (исключенной для большинства населения), свободы действий как в правовом пространстве, так и внеправовом, включая неограниченное применение насилия против реальных и подразумеваемых оппонентов режима.

6. «Разделение властей»: бикамерализм, «коллективный президент» и правительство

Проведение в жизнь идеи «советского парламента» предполагало уточнение компетенции Верховного Совета и конкретизацию его функций в качестве законодательного органа, что в определенной мере противоречило предшествующему принципу слияния в Советах законодательной и исполнительной функций. Речь шла, разумеется, не о «разделении властей», но о разделении функций одной «народной власти», ибо, как писал Н. Челяпов, «все существующие у нас органы власти есть органы этой единой власти трудящихся города и деревни, руководимой единой и единственной партией». Поэтому категорически от-

вергался тезис о противостоянии палат: ни одна из них «не является ни нижней, ни верхней»; «обе они являются представительными органами трудящихся и совершенно равноправны» и «ни один закон не может считаться принятым, если он не принят каждой из палат в отдельности»¹²⁶. Вводилась квазипарламентская процедура роспуска Верховного Совета, не известная ранее советскому законодательству. В черновом наброске редакционной группы имелась статья о том, что в случае разногласий между палатами Верховного Совета каждая палата может потребовать роспуска Верховного Совета и назначения новых выборов. В этом случае Президиум Верховного Совета распускает Верховный Совет СССР. Согласно принятому варианту для роспуска Верховного Совета уже не требовалось решения палат. Роспуск осуществлял Президиум в случае, если согласительная комиссия палат не пришла к единому мнению. Подчеркивалось, что право Президиума ВС (по ст. 47 Проекта) распускать ВС в случае разногласий палат не имеет ничего общего с «буржуазным» институтом роспуска парламента. Конечно, подобная процедура роспуска была фикцией и никогда не применялась на деле.

Президиум формально наделялся прерогативами «коллективного президента». Ранее Президиум являлся неразрывной частью ВЦИК и ЦИК, подготавливал и проводил их заседания. В Конституции РСФСР 1918 г. место данного института в системе центральных государственных учреждений отражено крайне неопределенно (согласно ст. 45 он наравне с Совнаркомом мог разрешать конфликты, возникавшие между народным комиссариатом и его коллегией) и только в Конституции СССР 1924 г. появляется Президиум ЦИК СССР, а в Конституции РСФСР 1925 г. – Президиум ВЦИК. По Конституции СССР 1936 г. Президиум Верховного Совета не являлся неотъемлемой составной частью высшего органа государственной власти. Для руководства деятельностью палат Верховного Совета учреждены должности председателей Совета Союза и Совета национальностей. Согласно законодательству им, а не Президиуму Верховного Совета, в период между сессиями Верховного Совета подчиняются постоянные комиссии; они, а не Президиум, представляют Верховный Совет в международном общении. Президиум Верховного Совета выделялся из Верховного Совета как президентский орган или «коллективный президент», по определению Сталина. «Наш государственный строй, – разъяснял Челябинов, – не знает единоличного президента. В Советском государстве Президиум Верховного Совета СССР, выполняя в известной степени функции “коллективного президента”, – является, так же как и все другие органы власти в СССР, работающей, а не представляющей корпорацией, не де-

¹²⁶Челяпов Н. Высшие органы государственной власти СССР // Большевик. 1936. № 14. С. 68–69.

коративной фигурой, а одной из работающих частей государственного механизма социалистического государства рабочих и крестьян»¹²⁷. На практике, однако, Президиум выходил за отведенные рамки, получив право своими указами вносить изменения в действующее законодательство, денонсировать международные договоры и проч. (с 1947 г.)¹²⁸.

Эта конструкция дополнялась своеобразным эквивалентом «ответственного правительства». В Конституции РСФСР 1925 г. Совнарком издает декреты, постановления «в пределах предоставленных ему ВЦИК прав» (ст. 34). Президиум ЦИК СССР ряд постановлений принимал совместно с Совнаркомом. Более того, наряду с ЦИК даже его Президиум имел ничем не ограниченное право отмены постановления Совнаркома (ст. 31 Конституции СССР 1924 г.). Это вполне соответствовало юридической природе Президиума ЦИК, который являлся «высшим законодательным, исполнительным и распорядительным органом власти» (ст. 29 Конституции СССР 1924 г.). В рабочих материалах Комиссии 1936 г. поставлен вопрос о «праве парламента отменять постановления правительства»¹²⁹. В первом варианте главы о Правительстве СССР предусматривалось, что Верховный Совет избирает Правительство. Сталин был согласен с такой формулировкой. Однако в последующей работе над проектом Конституции в нем было записано, что Правительство не избирается, а «образуется» Верховным Советом. Было принято предложение, что Правительство ответственно не только перед Верховным Советом, но и перед его Президиумом. В Конституции 1936 г. Совет министров действует почти вне контроля «народного представительства». Президиум не может отменить или изменить ни одного решения Правительства, не может произвести ни одного изменения в составе Правительства без представления Председателя Совета министров. Следовательно, то, что Конституция 1936 г. устанавливает об ответственности и подотчетности правительства в одной статье (ст. 65), она фактически сводит на нет в других статьях (п. «е» и «ж» ст. 49). Наконец, Конституция нигде не устанавливает срока, на который образуется Правительство СССР, оно действует конституционно бессрочно, что противоречит принципу его ответственности и подотчетности перед Верховным Советом.

Оценка представленной институциональной системы позднейшими советскими аналитиками включала наивное обвинение в уступках «бур-

¹²⁷Челяпов Н. Высшие органы государственной власти СССР // Большевик. 1936. № 14. С. 70.

¹²⁸Докладная записка тов. Брежневу Л.И.: Некоторые данные о подготовке Конституции СССР 1936 года и рассмотрении этих материалов у Сталина. Ф. 7523 (Верховный Совет СССР). Оп. 131. Д. 1 (1962). Л. 44.

¹²⁹Рабочие материалы к Конституции СССР 1936 г. Замечания по Конституции РСФСР 1918 и 1925 гг. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 13. Л. 3.

жуазному парламентаризму». «Основная ошибка Сталина в области государственного строительства, – считали они (Л. Мандельштам), – в том, что он отошел от ленинской концепции народного представительства, перенес на структуру высших органов государственной власти формально парламентскую схему и порвал с теми принципами построения высших органов государственной власти, которые были обоснованы В.И. Лениным» – «при его жизни закреплены в Конституции РСФСР 1918 г. и в Конституции СССР 1924 г.»¹³⁰ На деле речь шла об использовании квазипарламентских форм для консолидации режима однопартийной диктатуры. Эта задача решалась по линии унификации, централизации и бюрократизации управления. Выведение реальной власти и ее коммуникаций из-под социального контроля в рамках тайного аппарата принятия решений¹³¹ облегчало задачу неформального наблюдения за всеми формальными органами власти, давая полную свободу действий вождю. Центральная роль вождя (вопреки предложениям о ее конституционализации и объявлении Сталина Президентом, высказанным в ходе «всенародного обсуждения») определялась внеправовым потенциалом контроля и манипулирования всеми институтами власти, включая «коллективного президента», институты госбезопасности и высшие партийные структуры.

7. Судебная власть и прокуратура как институты контроля и надзора за законностью в рамках репрессивно-карательной системы

В советском номинальном конституционализме судебная власть и прокуратура выполняли преимущественно карательную роль. Однако их конфликтное взаимодействие в 1920-е годы, как было показано ранее, сохраняло известную правовую неопределенность в вопросе о контроле и надзоре за законностью и судами. Для обсуждения этих вопросов была создана специальная подкомиссия Конституционной комиссии¹³². Ее материалы отразили столкновение двух позиций – наркомата юстиции (Н. Крыленко) и Прокуратуры (А. Вышинский).

Первая позиция, которой Наркомюст придерживался еще в ходе разработки Конституции СССР 1924 г., отражена в проекте и записке

¹³⁰Справка (Л. Мандельштам): Некоторые вопросы Конституции 1936 г. в свете культа личности И.В. Сталина» (21.10.1962). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 2. Л. 76.

¹³¹Rosenfeldt N.E. The «Special» World: Stalin's Power Apparatus and the Soviet System's Secret Structures of Communication. Copenhagen, 2009. Vol. 1–2.

¹³²Протоколы заседания Конституционной комиссии для внесения изменений в Конституцию Союза ССР, избранной 1-й сессией ЦИК Союза ССР 7-го созыва, заседания подкомиссии Конституционной комиссии и материалы к ним с 7 июля по 5 декабря 1935 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81.

Н. Крыленко, направленной Сталину¹³³. Он выступает за «единство уголовного и гражданского права на территории всего Союза», возникшее «с момента установления единых уголовного, гражданского и процессуального кодексов». Ключевая мысль проекта состояла в том, чтобы «передать осуществление надзора за законностью судам, выстроив их единую иерархию – она «осуществляется Верховным Судом СССР, Верховными судами союзных республик и органами прокуратуры». Из этого тезиса следовал ряд выводов. Во-первых, Крыленко был «принципиально не согласен с установлением выборности населением судей всех инстанций»: принимая в целом принцип выборности народных судей и членов общественных судов, он считал неверным «установление выборности населением членов край/обл./судов, верховных и других судов, являющихся узловыми рычагами судебной системы и одновременно кассационными судами». Во-вторых, он отстаивал диверсифицированную систему судов с учетом специфики их деятельности. «Кассационные суды, – считал он, – не могут быть избираемы, прежде всего, по существу своей работы, ибо она требует высокой квалификации, они не должны быть избираемы и по политическим соображениям, ибо в руках Советов, как органов пролетарской диктатуры, должна быть сохранена полная возможность ближайшего надзора и контроля за деятельностью управляющих центров судебной системы и право их отозвания и смещения»¹³⁴.

Иная позиция представлена в записке А. Вышинского и предложенной им редакции соответствующей главы Конституции¹³⁵. Признавая конституционную роль Верховного суда по контролю над судебной системой союза и республик, он в то же время настаивает на центральной роли Прокуратуры в практическом осуществлении этого контроля: «Надзор за законностью и за соответствием деятельности судебных органов задачам судебной практики осуществляется органами Прокуратуры»¹³⁶. Идеи Вышинского подробно отражены в документе «Об организации судебных органов СССР и союзных республик». «Надзор за законностью и соответствием деятельности судебных органов задачам судебной практики осуществляется Верховным судом СССР, Верховными судами союзных республик и органами Прокуратуры», – писал

¹³³Замечания на проект главы Конституции «Об организации судебных органов Союза ССР и союзных республик» от 28 сентября 1935 г. № 68/5040. Записка от Наркома юстиции Крыленко в ЦК ВКП(б) Т. Сталину, Секретарю ЦИК СССР Акулову и Прокурору СССР Вышинскому. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 34–40.

¹³⁴«Замечания на проект главы Конституции». Записка Крыленко. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 34 и 37.

¹³⁵Препроводительная Вышинского в Комиссию Акулова от 15 сентября 1935 г. № 321/лс и сам материал к проекту Конституции – глава «Об организации судебных органов СССР и союзных республик». Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 41–42.

¹³⁶Сопроводительная Вышинского Акулову от 7 декабря 1935 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 46.

он, однако именно «Прокурор СССР осуществляет надзор за соответствием Союзной Конституции, союзным законам и постановлениям союзного правительства распоряжений и постановлений органов власти Союзных республик, а также Наркоматов и Управлений Союза ССР». Прокуратура, следовательно, выступает конкурентом Верховного суда и наделяется, по существу, монопольными функциями контроля конституционности всей правоприменительной практики. В случае установления несоответствия постановлений или распоряжений законам и постановлениям Союзного правительства «Прокурор СССР вносит свои предложения об исправлении или отмене этих постановлений или распоряжений в соответствующие органы, а в случаях нарушений Союзной Конституции делает это с предварительным заключением Верховного суда СССР». Вопросы о соответствии постановлений правительственных органов союзных республик, наркоматов и Главных управлений СССР Союзной Конституции в этой конструкции рассматриваются Верховным судом по представлениям Правительства и Прокуратуры СССР. Роль Прокуратуры еще больше возростала в связи с допущением в проекте Вышинского ареста и уголовного преследования граждан не только по решению суда, но и «Особого совещания при НКВД»¹³⁷.

П. Соломон в своем исследовании о сталинской юстиции пришел к парадоксальному выводу, что принятие Конституции 1936 г. привело к «отказу от отдельных большевистских принципов построения юстиции» и даже «возвращению к ключевым аспектам правосудия времен царизма». В ходе конституционных дебатов, считает он, наметился поворот от правового нигилизма предшествующего периода к укреплению правовой системы – ее централизации, кадровой перегруппировке, повышению роли профессионального образования. Конфликт Крыленко и Вышинского, закончившийся победой последнего, он рассматривает как противостояние революционной и государственно-правовой позиций, а победа второй из них означала укрепление надзорных функций прокуратуры, отказ от упрощенных процедур расследования. Вышинский объявлен им «главным сторонником укрепления авторитета закона и ведущим реформатором судебных учреждений в 1931–1936 гг.», несмотря на его центральную роль в создании «юриспруденции террора», проведении политических процессов, активное участие в работе особого совещания НКВД, которое осудило множество «врагов», наделение прокуроров обязанностью подписывать ордера на арест по поручению органов госбезопасности¹³⁸. Парадоксальность этого вывода вытекает из представления Соломона о том, что две сферы – права и

¹³⁷«Об организации судебных органов СССР и союзных республик» (Вышинский). Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 47–52.

¹³⁸Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 148, 151–157, 167–171, 347.

террора – становились якобы более разграниченными: первая охватывала «нормальное» уголовное судопроизводство, вторая – исключительно политическую сферу, представляя собой фактически чрезвычайное законодательство. Но справедливо обратное – распространение «юриспруденции террора» на всю сферу правосудия. В основе советской судебной системы лежал принцип идеологического контроля над правом – возможность перевода любого дела из рутинного в политическое и наоборот. Можно говорить, следовательно, об отказе от спонтанных («революционных») форм террора путем подчинения его государственной воле – институционализации и рутинизации террора, но не его формальном ограничении. Именно в рассматриваемый период происходит становление машины особой политической юстиции, действовавшей в период Большого террора, а границы этого действия могли произвольно расширяться и сужаться в зависимости от воли высших политических инстанций и прежде всего самого Сталина¹³⁹.

Вышинский представил теоретическое обоснование данной программы, рассматривая «власть в государстве как организацию господства, руководящая населением при помощи свойственных государству методов правления и воспитания подчиненных классов общества в духе защиты интересов господствующего класса»¹⁴⁰. Советский суд при определении состава преступления должен руководствоваться не «какой-то совершенно бесформенной интуицией», но опираться исключительно на «установленные советской властью законы и социалистический правопорядок» и вытекающие из них жесткие процессуальные правила¹⁴¹. Но в толковании законов суд руководствуется идеологическими приоритетами государства. «Социалистическое правосудие – это ключ к пониманию законов, к практическому применению этих законов, к пониманию общественно-политической обстановки, в которой совершено преступление, с одной стороны, и с другой стороны, к пониманию того, какая должна быть дана оценка этого преступления»¹⁴². Отсюда – постулат о тождестве социалистической законности и революционной целесообразности, представленный новой трактовкой понятия «революционной законности». «Привлечь к ответственности, – говорил он, – это дело сравнительно нетрудное. Гораздо более трудно вскрыть корни рассматриваемого преступления, обнаружить перед трудящимися массами тайные пружины данного преступления. А в этом главная задача органов революционной закон-

¹³⁹Подробнее: *Кудрявцев В.Н., Трусов А.И.* Политическая юстиция в СССР. СПб., 2002.

¹⁴⁰*Вышинский А.А.* Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 89–90

¹⁴¹*Вышинский А.* Советский суд и советская демократия // *Большевик*. 1936. № 10. С. 24.

¹⁴²*Вышинский А.А.* К положению на фронте правовой теории. М., 1937. С. 24, 44.

ности в их борьбе с преступностью». Данная концепция предполагает особые качества следствия «перед лицом искусного и изворотливого врага»: «Роль следователя в данных условиях становится особенно ответственной, превращая народного следователя в центральную фигуру прокурорского аппарата»¹⁴³. На практике это означало провозглашение признания обвиняемого «царицей доказательств» и фактическую легализацию пыток, сыгравших ключевую роль в организации сталинских политических процессов 1930-х годов.

Результаты дискуссии в Комиссии по двум проектам показывают преобладание идей Вышинского и административное поражение его бывшего руководителя – Крыленко. В «Сводке поправок к проекту», подготовленной для Сталина Яковлевым (ноябрь 1936 г.) Верховный суд лишен компетенции «надзора за деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик» и наделен вместо этого компетенцией «судебного и кассационного надзора за правильностью приговоров и решений всех судебных органов СССР и союзных республик, а также разъяснения статей уголовного, гражданского и процессуального кодексов в связи с рассматриваемыми делами». Напротив, Прокуратура получила более широкие полномочия – осуществляет «надзор за деятельностью всех органов расследования и законностью вынесенных судами приговоров и решений»¹⁴⁴.

Три основных вопроса стали предметом дискуссии в Комиссии: во-первых, порядок формирования судов – осуществляется оно советами депутатов или «народные суды избираются непосредственно населением»; во-вторых, как производятся аресты – непосредственно по постановлению суда и с санкции прокурора, либо с учетом истечения определенного срока, в ходе которого должны быть представлены в суд доказательства необходимости содержания арестованного под стражей, либо последний должен быть освобожден»¹⁴⁵; наконец, главный принципиальный вопрос – как должны быть разделены функции суда и прокуратуры. Редакционная группа в своем черновом наброске устанавливала, что Прокурор СССР назначается Верховным Советом СССР. На него предполагалось возложить обязанность привлекать к ответственности всех должностных лиц и граждан, нарушающих закон. «Вариант, одобренный Сталиным, содержал более общее определение Прокурора, возлагая на него высший надзор за точным исполнением законов народными комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно

¹⁴³Вышинский А. Об укреплении революционной законности в период социализма // Большевик. 1934. № 18. С. 46.

¹⁴⁴Ф. 3316. Оп. 40. Д. 2. Л. 162 об.

¹⁴⁵Материалы к Конституции СССР, посланы для Секретариата Конституционной комиссии как черновой набросок в феврале 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 4. Л. 16.

как отдельными должностными лицами и вообще гражданами»¹⁴⁶. Позиция Сталина – поставить прокуратуру над судами (так же как Президиум над Верховным Советом) – восторжествовала, определив всю логику советской судебной системы. Эта позиция доводила до логического конца начавшийся ранее процесс ограничения надзорных функций Верховного суда СССР и передачу их Прокуратуре. Ключевая фаза этого процесса – создание Прокуратуры СССР в 1933 г., с последующим расширением ее надзорных функций¹⁴⁷. Именно в 1935 г. Вышинский стал Прокурором СССР, сменив на этой должности И.А. Акулова – одного из инициаторов сталинских репрессий.

8. Доктринальный поворот: концепция «социалистического правопорядка» и советское правосудие

Доктринальный поворот выражался в новой концепции соотношения права и целесообразности, выдвинутой с принятием Конституции 1936 г. Если в эпоху формирования советского режима право вообще отвергалось в пользу так называемого «революционного правосознания», то в дальнейшем, с упрочением советской государственности, возобладали концепция «революционной законности», предложившая особую «классовую» теорию права. Ее основное противоречие, как было показано ранее, заключалось в сохранении имманентной конфликтности права и политической целесообразности. Решение проблемы было найдено в концепции «социалистической законности», отождествившей право и целесообразность. Противопоставление «социалистического правосознания» закону, а закона – целесообразности объявлялось неверным, а адепты этой теории – врагами народа. «Социалистическое правосознание, – писал А. Вышинский, – это ключ к пониманию законов, к практическому применению этих законов, к пониманию общественно-политической обстановки, в которой совершено преступление, с одной стороны, и с другой стороны, к пониманию того, какая должна быть дана оценка этого преступления»¹⁴⁸. Законность и целесообразность в этой трактовке – тождественные понятия: революционная целесообразность лежит в основе советских законов, а последние есть ее юридическое выражение. Таким образом источником социалистической

¹⁴⁶ Докладная записка тов. Брежневу Л.И. «Некоторые данные о подготовке Конституции СССР 1936 года и рассмотрении этих материалов у Сталина» (1962). Ф. 7523 (Верховный Совет СССР). Оп. 131. Д. 1. Л. 53.

¹⁴⁷ Положение о Прокуратуре Союза ССР, утвержденное Постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 декабря 1933 г. // Свод законов СССР. 1934. № 1. Ст. 26; № 2. Ст. 17.

¹⁴⁸ *Вышинский А.А.* К положению на фронте правовой теории. М., 1937. С. 24.

законности и целесообразности является диктатура пролетариата, их противопоставление неуместно, а попытки его внедрения на практике есть акт вредительства, направленный на «ослабление мощи советской власти»¹⁴⁹.

Суть концепции «социалистического правопорядка» состояла в формальном восстановлении законности, но, одновременно, полном выхолащивании содержания этого понятия, открывавшем путь террору. Пересмотр предшествующих доктрин, опиравшихся на психологическую и институциональную правовые теории, начался уже в конце 1920-х годов. Вскоре «дюгизм» был объявлен идеологией «юридического смеловеховства» и «устряловщиной в праве»¹⁵⁰, а психологическая теория права определена как «реакционное, антиреволюционное течение, провозглашающее возврат к отжившим принципам идеологии либеральной буржуазии»¹⁵¹. Ее предшествующие адепты, типа Рейснера, квалифицировались как антимарксисты, выдвинувшие «систему мыслей, которая, своеобразно преломляясь через академический формализм, приводит к оппортунизму чистой воды»¹⁵². Вслед за Г. Кельзенем и М. Вебером прокламировалась отмена морали как вечной категории и ее интерпретация как категории исторической, но в отличие от указанных мыслителей в качестве основополагающего выдвигался «классовый, строго материалистический, революционно-диалектический подход к вопросам теории права»¹⁵³. Следствием становилась идея о классовом праве как переходе к постепенной отмене права вообще, заменявшегося «социалистическим правосознанием».

Концепциям Пашуканиса и Бермана (активных разработчиков Конституции 1936 г.) об отмирании права и противопоставлении диктатуры и «революционной законности» противопоставлен тезис об их слиянии. «Диктатура пролетариата является источником социалистической законности», которая сама меняется в зависимости от «обстановки, в которой партия и советская власть осуществляет строительство социализма». «Право, – разъясняли советские юристы-чекисты, – выражено прежде всего в законе. Следовательно, социалистическое правосознание и означает прежде всего правильное понимание социалистического закона, понимание той политической цели, которую преследует данный

¹⁴⁹Голунский С.А., Карев Д.С. Учебник по судоустройству. М., 1939. С. 58.

¹⁵⁰Разумовский И. Устряловщина в праве // Революция права. Журнал секции теории права и государства Ком. Академии. 1927. № 1. С. 51.

¹⁵¹Стальгевич А.К. Пути развития советской правовой мысли // Революция права. 1928. № 4. С. 41.

¹⁵²Стальгевич А.К. Рец. на кн.: Рейснер М. Право (Наше право. Чужое право. Общее право). (М., 1925) // Большевик. 1926. № 21–22. С. 129–134.

¹⁵³Разумовский И. Философия и юридическая теория // Под знаменем марксизма. 1926. № 12; Он же. Октябрьская революция и методология права // Под знаменем марксизма. 1927. № 10–11. С. 109.

закон. Социалистическое правосознание судей служит, т. о., гарантией правильного толкования законов в соответствии с их действительным смыслом, применения их в духе социализма»¹⁵⁴. Эти темы стали вполне актуальны в свете разворачивающегося массового террора и получили развитие в ходе принятия Конституции и обсуждения «Проекта положения о судостроительстве СССР»¹⁵⁵.

Легитимация и перестройка судебной системы включала три направления. Во-первых, для внешнего использования постулировалось жесткое противопоставление советского государства фашистскому, где обвиняемый в суде лишается всех прав, представленных буржуазно-демократическим законодательством, «подвергается всевозможным истязаниям, надругательствам и пыткам, превращается в бесправный “объект исследования”, каким он был в средневековом инквизиционном процессе». Напротив, советское законодательство «в соответствии с принципами социалистического демократизма и социалистического гуманизма» якобы «обеспечивает обвиняемому все права и возможность защищаться от предьявленного ему обвинения»¹⁵⁶. Во-вторых, проводилось последовательное ограничение принципа «социалистического гуманизма» принципом классового характера правосудия. «Советскому суду, – говорили его апологеты, – нечего скрывать»: «он силен своим авторитетом среди трудящихся, он силен тем доверием, которым пользуется у советского народа», руководствуется «сталинской заботой о людях» и осуществляет ее в сфере правосудия. «Социалистический гуманизм, однако, ни в какой мере не означает попустительства в отношении врагов народа, расхитителей общественной собственности, диверсантов, шпионов и т. д. В отношении всех этих изменников и предателей наш суд беспощаден»¹⁵⁷. В-третьих, навязывалась кадровая селекция судей в рамках кампании по борьбе с инакомыслящими – «вредителями всех мастей, проникшими как в органы суда, так и в область теоретической правовой работы», задачей которых являлось снизить авторитет суда и «его роль, как орудия диктатуры пролетариата, подорвать доверие к нему со стороны трудящихся». Террор против юридического сообщества мыслился не как единовременная акция, но как тотальный перманентный контроль над ним. «Карта врагов бита! Наша славная советская разведка во главе со сталинским наркомом тов.

¹⁵⁴Голунский С.А., Карев Д.С. Учебник по судостроительству. М., 1939. С. 5, 58–66.

¹⁵⁵ВС СССР Комиссия законодательных предположений Совета Национальностей. Докладные записки, стенограммы, справки о работе НКЮ СССР (1938). Ф. 7523. Оп. 9. Д. 71. Л. 182.

¹⁵⁶Докладные записки, стенограммы, справки о работе НКЮ СССР (1938). Ф.7523. Оп. 9. Д. 71. Л. 182.

¹⁵⁷Там же. Ф. 7523. Оп. 9. Д. 71. Л. 233–234.

Н.И. Ежовым своевременно разоблачила их и развеяла в прах». Но «последствия вредительства, – отмечали сталинские юристы, – до сих пор изживаются крайне медленно и это неизбежно сказывается на качестве работы судебных органов»¹⁵⁸. В-четвертых, закреплялись новые стереотипы социальной и когнитивной адаптации юридического сообщества.

Данная цель осуществлялась в рамках постановления ЦИК и СНК СССР от 5 марта 1938 г. о юридическом образовании – создании правовой академии, школ, курсов переподготовки судей, прокуроров, нотариальных работников, секретарей народных судов и райпрокуратур. Инструментами террора стали уничтожение руководителей и профессуры центральных и региональных юридических институтов, изъятие написанных ими учебников, принятие новых образовательных стандартов и идеологических требований к сообществу. Констатировалось «отсутствие систематического контроля за качеством преподавания», «недостаточная идейно-политическая работа в Институтах» и выдвигалась задача «лучше растить научные кадры и готовить специалистов в Институтах, добиваясь скорейшей ликвидации последствий вредительства»¹⁵⁹. Следствием стало формирование слоя советских юристов, воспитанных в догматических традициях, преданность которых режиму поддерживалась рафинированной системой поощрений и кар, сохранявшейся до конца СССР.

По результатам принятия Конституции 1936 г. и перестройки судебной системы на ее основе она оказалась в полной деградации. В многочисленных секретных докладных записках (1938) отражено общее недоверие населения к судьям и плохое качество их работы. Констатируется, что помещения судов расположены неудобно, плохо приспособлены и «безусловно непригодны для суда», «квалификация судей недостаточная», «в работе судей не хватает культуры», «расшатана трудовая дисциплина», что выражается в бюрократической волоките, – большом количестве отложенных дел, опозданиях судей, неявках сторон заседания из-за неполучения повесток. Можно представить общую атмосферу этих советских судов: судьи «часто обвиняемых и свидетелей грубо одергивают, называют на ты, иногда очень небрежно одеваются, общеобразовательный уровень никто из них не повышает, все это, конечно, снижает авторитет судьи и качество его работы». Обращается внимание на полную пассивность народных заседателей, которые «очень мало принимают участия в работе суда»: «Вопросов очень мало задают или

¹⁵⁸ Докладные записки, стенограммы, справки о работе НКЮ СССР (1938) Ф. 7523. Оп. 9. Д. 71. Л. 325.

¹⁵⁹ Справка о состоянии юридического образования за подписью начальника управления учебными заведениями НКЮ СССР К. Горшенина. Ф. 7523. Оп. 9. Д. 71. Л. 20–25.

совсем не задают. Видно, что они не чувствуют ответственности за это дело, а по существу они являются также судьями. С заседателями никакой работы не ведется, учеба для них не организована, а она необходима, т. к. из них в дальнейшем должны быть судебные работники, а пока этого нет»¹⁶⁰. В нарсуде Первомайского района г. Москвы ситуация выглядела следующим образом: «В коридорах тесно и темно. Стены залов заплесаны, загрязнены, а в шестом зале на стенах растут грибы. Кадры судей в основном вербуются из нарзаседателей, поэтому из 7 судей района ни один не имеет юридической подготовки, а являются лишь практиками работы»¹⁶¹. «В Ухтомском районе для ожидания посетителей отведен темный узкий коридор. Скамеек не хватает и посетителям приходится сидеть на полу. Посетители ждут разбора дела по 3–4 часа, не говоря уже о том, что нередко рассмотрение дел по ряду причин откладывается со дня на день»¹⁶².

Судебная власть в СССР по Конституции 1936 г. оказалась полностью централизованной, иерархизированной и поставленной под контроль Прокуратуры, а юридическое сообщество стало конформистской привилегированной кастой. Эта система становилась действенным инструментом карательной системы, но утрачивала аутентичные функции суда.

9. Конституционная комиссия: механизмы разработки Основного закона

Конституционная комиссия – декоративный и преимущественно церемониальный институт сталинского политического режима, состав, структура и порядок функционирования которого должны были отразить единство и преемственность руководства, а потому тщательно регламентировались от начала и до конца разработки проекта Конституции. Но ее деятельность информативна для понимания установок планируемых работ, характера их обсуждения в системе номинального конституционализма.

Вопрос об изменении Конституции СССР 1924 г. был поставлен Февральским (1935) Пленумом ЦК ВКП(б). Хотя по первоначальному замыслу в действующую Конституцию намеревались внести лишь некоторые изменения, которые могла утвердить сессия ЦИК, в ходе

¹⁶⁰ Докладная записка о работе народного суда – Железнодорожного суда г. Москвы от 3.08.38. Ф. 7523. Оп. 9. Д. 71. Л. 126–129.

¹⁶¹ Докладная о работе нарсудов Первомайского района от инструктора по пропаганде ЦК ВЛКСМ Желтуховой Секретарю ЦК ВЛКСМ тов. Пчеловой. Ф. 7523. Оп. 9. Д. 71. Л. 130–137.

¹⁶² Докладные записки, стенограммы, справки о работе НКЮ СССР (1938). Ф. 7523. Оп. 9. Д. 71. Л. 293.

работы Конституционная комиссия пришла к выводу о необходимости создания проекта новой Конституции СССР¹⁶³. 7 февраля 1935 г. сессия ЦИК СССР избрала Конституционную комиссию в составе 31 члена под руководством Сталина. На основании п. 2 постановления VII съезда Советов Союза ССР от 6 февраля 1935 г.¹⁶⁴ Первая сессия ЦИК СССР постановила избрать Конституционную комиссию под председательством Сталина. Анализ формальной структуры Комиссии показывает, что в ней представлены следующие категории членов¹⁶⁵. Во-первых, партийные и советские руководители союзного уровня: А.С. Енукидзе (секретарь ЦИК СССР); А.А. Жданов (первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б)); М.И. Калинин (Председатель ЦИК СССР); В.М. Молотов (Председатель Совнаркома СССР); Е.Д. Стасова (Председатель ЦК МОПР СССР); И.С. Уншлихт (секретарь Союзного Совета ЦИК СССР); В.Я. Чубарь (член Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель Председателя Совнаркома СССР). Во-вторых, руководители наркоматов: А.С. Бубнов (нарком просвещения РСФСР), К.Е. Ворошилов (нарком обороны СССР); Л.И. Каганович (нарком путей сообщения СССР); Н.В. Крыленко (нарком юстиции РСФСР); М.М. Литвинов (нарком по иностранным делам СССР); А.И. Микоян (нарком пищевой промышленности СССР). В-третьих, руководители судебной системы союзного уровня: И.А. Акулов (Прокурор СССР, с марта 1935 г. – Секретарь ЦИК СССР), А.Я. Вышинский (заместитель Прокурора СССР, с марта 1935 г. – Прокурор СССР); П.А. Красиков (заместитель Председателя Верховного суда СССР). В-четвертых, советские и партийные руководители республик (наиболее представительная группа): Н. Айтаков (Председатель ЦИК Туркменской СССР); Н.М. Голодод (Председатель Совнаркома Белорусской ССР); Н.М. Ербанов (Секретарь Бурятского обкома РКП(б)); А.И. Икрамов (секретарь ЦК КП(б) Узбекистана); П.П. Любченко (Председатель Совнаркома Украинской ССР); Г. Мусабеков (Председатель Совнаркома ЗСФСР); Г.И. Петровский (Председатель ЦИК Украинской ССР); А.Р. Рахимбаев (Председатель Совнаркома Таджикской ССР); Д.Е. Сулимов (Председатель Совнаркома РСФСР); Ф. Ходжаев (Председатель Совнаркома Узбекской ССР); А.Г. Червяков (Председатель ЦИК Белорусской ССР). В-пятых, руководители ведущих партийных изданий:

¹⁶³ Докладная записка тов. Брежневу Л.И. «Некоторые данные о подготовке Конституции СССР 1936 года и рассмотрении этих материалов у Сталина» (1962) Ф. 7523 (Верховный Совет СССР). Оп. 131. Д. 1. Л. 17–20.

¹⁶⁴ Постановление VII съезда Советов Союза ССР от 5 февраля 1935 г. «О конституционных вопросах» // Известия. 1935. 7 февраля.

¹⁶⁵ Об образовании Конституционной комиссии для внесения некоторых изменений в Конституцию Союза ССР от 7 февраля 1935 г. // Правда. 1935. № 38 (6284) от 8 февраля.

Н.И. Бухарин (ответственный редактор газеты «Известия»); Л.З. Мехлис (ответственный редактор газеты «Правда»); К.Б. Радек (заведующий иностранным отделом газеты «Известия»). В Конституционную комиссию вошли, следовательно, действующие лидеры, которые непосредственно участвовали в разработке предшествующей Конституции 1924 г. или ее реализации в начале 1930-х годов.

Организационные параметры работы Комиссии были определены на ее первом заседании 7 июля 1935 г. под руководством Сталина¹⁶⁶. Было решено назначить заместителями председателя Комиссии Молотова и Калинина; секретарем Комиссии – Акулова и замом секретаря Комиссии – Поскребышева. Было создано 12 подкомиссий по подготовке проектов изменений Конституции: по общим вопросам Конституции (председатель – Сталин); экономическая (Молотов); финансовая (Чубарь); правовая (Бухарин); по избирательной системе (Радек), судебных органов (Вышинский); центральных и местных органов власти (Акулов); народного образования (Жданов); труда (Каганович); обороны (Ворошилов); внешних дел (Литвинов); редакционная, состоящая из председателей подкомиссий (председатель – Сталин)¹⁶⁷. Были решены вопросы информационного обеспечения работы Комиссии. Предложено «обязать т. Радека организовать перевод и издание существующих конституций и основных законоположений главных буржуазных государств как буржуазно-демократического типа, так и фашистского, и разослать их членам Конституционной комиссии»; «обязать т. Бухарина, Мехлиса и Радека организовать обстоятельный критический разбор конституций основных буржуазных стран на страницах печати». Устанавливался форсированный порядок работы подкомиссий: их руководителям предлагалось «в 5-дневный срок представить списки членов подкомиссий, а редакционной подкомиссии – утвердить их»; «поручить подкомиссиям в 2-х месячный срок представить каждой по своей области первые наброски проектов изменений Конституции Союза ССР». Предлагалось дать в прессу следующее сообщение: «7 июля с.г. под предс. т. Сталина состоялось первое заседание пленума Конституционной комиссии по внесению изменений в Конституцию СССР, избранной 1-й Сессией ЦИК Союза ССР 7-го созыва»¹⁶⁸.

Вскоре была определена структура и состав подкомиссий, утвержденные в Протоколе (опросном) Редакционной подкомиссии от 15–21 июля

¹⁶⁶Первое заседание пленума Конституционной комиссии (о создании подкомиссий) // Правда. 1935 г. № 186 (6432) от 8 июля.

¹⁶⁷Протокол № 1 Заседания Конституционной комиссии для внесения изменений в Конституцию Союза ССР, избранной 1-й сессией ЦИК Союза ССР 7-го созыва, 7 июля 1935 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 1–2.

¹⁶⁸Протокол № 1 Заседания Конституционной комиссии. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 1–2.

1935 г. за подписью Сталина¹⁶⁹. В состав подкомиссий вошли в основном расстрелянные вскоре руководящие партийные работники и юристы по соответствующим отраслям деятельности, но в каждую непременно включались доверенные лица из близкого сталинского окружения. Подкомиссия Сталина – по общим вопросам конституции – включала следующих лиц: В.М. Молотов, М.И. Калинин, С.В. Косиор, А.А. Жданов, А.И. Стецкий, П.П. Любченко, И.А. Акулов, К. Радек, Н.И. Бухарин¹⁷⁰. Деятельность Конституционной комиссии для внесения изменений в Конституцию Союза ССР, избранной 1-й сессией ЦИК Союза ССР 7-го созыва, заседания подкомиссий Конституционной комиссии и материалы к ним отражены в сохранившихся в архиве протоколах заседаний с 7 июля по 5 декабря 1935 г.¹⁷¹. Статус и состав Комиссии и подкомиссий представляют коллективный портрет советской политической элиты до начала Большого террора, отражая формальную иерархию партийно-государственного руководства. Большая часть членов Комиссии вскоре стали жертвами террора.

10. Работа над текстом проекта Основного закона: параметры селекции конституционных норм

Практическая работа над текстом проекта Конституции велась в подкомиссиях, механизм которых может быть представлен на материалах наиболее документированной деятельности подкомиссии «О центральных и местных органах власти» (июль–октябрь 1935)¹⁷². Она действовала под председательством одного из организаторов сталинских репрессий И. Акулова, а в ее состав входили А.Г. Червяков, Г.И. Петровский, Н.В. Крыленко, Г. Мусабеков, Д.Е. Сулимов, И.А. Филатов, Г.М. Леплевский, Е.Б. Пашуканис¹⁷³. Компетенция подкомиссии изначально была ограничена принятием исходных установок – «Общих положений о государственном устройстве СССР»¹⁷⁴.

¹⁶⁹Протокол (опросный) Редакционной подкомиссии от 15–21 июля 1935 г. За подписью Сталина. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 4–5.

¹⁷⁰Первое заседание пленума Конституционной комиссии // Правда. 1935. № 186 (6432) от 8 июля.

¹⁷¹Протоколы заседания Конституционной комиссии для внесения изменений в Конституцию Союза ССР, избранной 1-й сессией ЦИК Союза ССР 7-го созыва, заседания подкомиссии Конституционной комиссии и материалы к ним с 7 июля по 5 декабря 1935 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81.

¹⁷²Разная переписка по делам конституционной подкомиссии «О центральных и местных органах власти». Июль – октябрь 1935. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 32.

¹⁷³Копия отношения о составе редакционной подкомиссии Конституционной комиссии по центральным и местным органам власти, июль 1935. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 32. Л. 1

¹⁷⁴Общие положения о государственном устройстве СССР. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 32. Л. 11–12.

25 июля 1935 г. была утверждена «общая формула» о центральных органах власти, предполагавшая замену ЦИК «Верховным законодательным собранием СССР»¹⁷⁵. Другим ограничением стали временные рамки работы: пленум Конституционной комиссии дал двухмесячный срок всем подкомиссиям для представления первых проектов порученных им разделов Конституции. Этот форсированный режим работы исключал постоянное участие всех членов подкомиссии в ее работе: «Собрать пленум подкомиссии по центральным и местным органам власти, – писал Акулов 13 августа 1935 г., – не представилось возможным ввиду того, что часть членов подкомиссии (т.т. Петровский, Червяков) находились и находятся в отпуску, другую часть (т.т. Мусабеков, Ф. Ходжаев) я не решился вызывать в Москву, чтобы не отрывать их на долгое время от работы. Чтобы не терять время и попытаться дать проект к установленному сроку, я созвал совещание находившихся в Москве членов подкомиссии, на котором мы наметили схему и основные положения раздела “Конституции” о центральных и местных органах власти и поручили специально разработанным подкомиссиям взяться за выработку текстов, руководствуясь этой схемой и основными положениями»¹⁷⁶.

Работа подкомиссии на начальной стадии (с 25 июля по 8 октября 1935 г.) осуществлялась путем совещаний членов подкомиссии и создания отдельных «бригад»¹⁷⁷. В ходе специального обсуждения общего вопроса «О территориальном делении союзных и автономных республик и краев» (27 июля 1935)¹⁷⁸ было решено разделить работу по разделам, создав три «бригады»: «О центральных органах власти союзных республик» (под руководством Пашуканиса); «Об автономных республиках и областях, краях, областях и округах» (руководитель – Сулимов); «О районах, городах и селах» (руководитель – Акулов), в состав которых помимо функционеров входили юристы (Крыленко, Юдин, Берман)¹⁷⁹. Именно юристы готовили тексты соответствующих разделов конституционного проекта. Уже 31 июля 1935 г.

¹⁷⁵Подготовительные работы Конституционной подкомиссии № 1, 2, 3/1 с 25 по 31 июля 1935. Л. 1 Протокол № 1 от 25 июля 1935 (Присутствовали Акулов, Сулимов, Крыленко, Леплевский, Пашуканис). Ф. 3316. Оп. 40. Д. 26.

¹⁷⁶Копия письма И. Акулова членам подкомиссии от 13 августа 1935 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 32. Л. 3.

¹⁷⁷Повторные протоколы к материалам совещаний членов подкомиссии и бригад по выработке текста раздела Конституции «по центральным и местным органам власти Союза ССР с 25 июля по 8 октября 1935 г.» Ф. 3316. Оп. 40. Д. 27. Л. 1–157.

¹⁷⁸Подготовительные работы Конституционной подкомиссии № 1, 2, 3/1 с 25 по 31 июля 1935. Протокол № 2 от 27 июля 1935. П. 3 Протокол «О территориальном делении союзных и автономных республик и краев». Ф. 3316. Оп. 40. Д. 26. Л. 11

¹⁷⁹Подготовительные работы Конституционной подкомиссии: Протокол № 2 от 27 июля 1935. п. «б». Ф. 3316. Оп. 40. Д. 26. Л. 10–12

была готова «Схема и основные положения разделов Конституции о центральных и местных органах власти»¹⁸⁰ и выработаны общие рекомендации к разделу Конституции¹⁸¹. В дальнейшем (в октябре 1935 г.) работа подкомиссии велась в режиме консультаций (совещаний) руководителей бригад подкомиссии «О центральных и местных органах власти»¹⁸². Ключевыми разработчиками концепции выступили Крыленко и Пашуканис, которым было предложено «в двухдневный срок представить проект вводной части раздела «О центральных и местных органах власти»¹⁸³. Результатом стала записка Крыленко «Проект о центральных и местных органах власти СССР»¹⁸⁴. Сходным образом 8 октября 1935 г. было решено: «Поручить тт. Крыленко, Лебедь и Пашуканису разработать раздел главы о городских и сельских советах, предусмотрев в ней только те специфические особенности городских и сельских советов, которые отличают их от других органов советской власти»¹⁸⁵.

Итоговые документы представляли собой результат коллективного обсуждения. В письме Акулову Крыленко говорил о согласованном характере подготовленного документа. «Посылаю Вам, – писал он, – согласованный с тт. Пашуканисом и Берманом текст вводных статей и раздела Конституции о центральной и местной власти». Также учтены были отдельные поправки Юдина, Кумыкина, Алымова и Ф. Ходжаева об автономиях и советах¹⁸⁶. Разногласия в подкомиссии не имели принципиального характера и преодолевались на завершающем этапе (1936) путем сопоставления различных редакций соответствующих статей¹⁸⁷. Наиболее спорные вопросы были вынесены на заседание пленума под-

¹⁸⁰Подготовительные работы Конституционной подкомиссии: Протокол № 3 совещания членов подкомиссии от 31 июля 1935 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 26. Л. 34.

¹⁸¹Подготовительные работы Конституционной подкомиссии: Протокол № 3 совещания членов подкомиссии от 31 июля 1935 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 26. Л. 39.

¹⁸²Препроводительная Секретариата Президиума СССР от 1 октября 1935 г. к первому проекту раздела Конституции «О центральных и местных органах власти». Ф. 3316. Оп. 40. Д. 28. Л. 1–5.

¹⁸³Протокол № 2 совещания руководителей бригад по выработке раздела Конституции по центральным и местным органам власти. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 28. Л. 6.

¹⁸⁴«Проект о центральных и местных органах власти СССР» (Крыленко). Ф. 3316. Оп. 40. Д. 28. Л. 7–34.

¹⁸⁵Протоколы и материалы совещаний руководителей бригад по выработке текста раздела Конституции «О центральных и местных органах власти» с 1 по 11 октября 1935. Протокол совещания по выработке текста раздела Конституции СССР «О центральных и местных органах власти» от 8 октября 1935. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 28. Л. 35–36 («Городские и сельские советы»).

¹⁸⁶Отдельные предложения членов подкомиссии и бригад к разделу Конституции СССР «О центральных и местных органах власти» (1936). Ф. 3316. Оп. 40. Д. 30. Л. 13, 16–17.

¹⁸⁷Предложения Н. Крыленко к разделу Конституции. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 30. Л. 9–10.

комиссии (22 и 27 октября 1935)¹⁸⁸. С организационной стороны вопрос о взаимодействии с другими членами подкомиссии решался путем посылки телеграмм и обмена информацией на пленарных заседаниях подкомиссии¹⁸⁹. Когда созыв был невозможен, документы направлялись почтой¹⁹⁰. Координацией этой работы занимался секретариат Президиума ЦИК Союза ССР (И. Акулов, выполнявший функции председателя подкомиссии, был одновременно секретарем ЦИК СССР)¹⁹¹. Предполагалась систематическая отчетность перед секретариатом Конституционной комиссии, в которую направлялись промежуточные материалы (февраль 1936 г.)¹⁹².

Деятельность других подкомиссий отражена в документах гораздо слабее. Организация правовой подкомиссии фиксируется в записке Бухарина Акулову с предложением состава подкомиссии, в которую входили представители других подкомиссий. В нее предполагалось включить следующих лиц: 1) Крыленко; 2) Вышинский; 3) Любченко; 4) Хацкевич; 5) Пашуканис; 6) Стасова Е.Д.; 7) Красиков; 8) Лапинский П.Л. Датировка начала работы определяется подписью – «Твой Бухарин, 9 июня 1935 г.»¹⁹³ Однако сведений о работе подкомиссии практически нет, что наводит на мысль о том, что она не собиралась, либо свидетельствует об изъятии документов. Роль Бухарина в разработке Конституции, – по косвенным свидетельствам (К. Радека), очень значительная¹⁹⁴, – никак не отражена в документах. Документирован созыв подкомиссии по внешним делам в октябре 1935 г.¹⁹⁵, сохранился протокол ее заседания от 25 ноября 1935 г.¹⁹⁶ Комиссией по внешним делам был подготовлен (к 3 декабря 1935 г.) проект статей новой Конститу-

¹⁸⁸Протоколы и материалы Пленума подкомиссии и редакционной комиссии по выработке и редактированию проекта Конституции «О центральных и местных органах власти от 22 и 27 октября 1935 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 29.

¹⁸⁹Копия телеграммы Акулова Мусабекову, Ф. Ходжаеву об окончании предварительных работ по выработке текста раздела Конституции и созыве пленума подкомиссии на 22 октября 1935 г. (от 10.10. 1935). Ф. 3316. Оп. 40. Д. 28. Л. 118.

¹⁹⁰Копия препроводительной членом подкомиссии (Г.И. Петровский, А.Г. Червяков, Д.Е. Сулимов. Н.В. Крыленко, И.А. Филатов, Г.М. Леплевский, Е.Б. Пашуканис, а также Мусабеков и Ходжаев почтой) к тексту раздела Конституции от 11.10.35. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 28. Л. 120.

¹⁹¹Письма от т. Акулова (его секретаря Н. Оленева) из секретариата Президиума ЦИК Союза ССР. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 28. Л. 1 и др.

¹⁹²Материалы к Конституции СССР, посланы для Секретариата Конституционной комиссии как черновой набросок в феврале 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 4. Л. 1–66.

¹⁹³Записка Н. Бухарина Акулову с предложением состава Правовой подкомиссии. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 14.

¹⁹⁴Козн С. Бухарин. Политическая биография. М., 1988. С. 424–425.

¹⁹⁵Письмо наркома иностранных дел Литвинова от 29 октября 1935 г. № 912 Акулову о созыве подкомиссии. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 53–54.

¹⁹⁶Копия протокола заседания Подкомиссии внешних дел Конституционной комиссии, избранной 1-й сессией ЦИК СССР от 25 ноября 1935 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 55–58.

ции, касающихся внешней политики¹⁹⁷. «При составлении статей новой Конституции, имеющих отношение к внешним делам, – отмечается в докладной записке ведомства Литвинова, – подкомиссия исходила как из действующего советского законодательства по этим вопросам, так и из учета круга вопросов, затронутых в конституциях иностранных государств»¹⁹⁸. Представлен Проект докладной записки о внешнеполитическом разделе новой Конституции СССР¹⁹⁹. Предметом специального рассмотрения стали вопросы гражданства и гражданских прав²⁰⁰. Для работы подкомиссий готовились специальные справочные материалы – по центральным и местным органам власти²⁰¹. Была собрана и систематизирована литература Правительственной библиотеки по вопросам конституционных преобразований²⁰², систематически велся мониторинг советской и иностранной печати. В конечном счете материалы Конституционной комиссии и ее подкомиссий суммировались и редактировались особой Редакционной группой Конституционной комиссии ЦК ВКП(б), что выражало абсолютный приоритет партийных установок в подготовке проекта.

11. Принятие Конституции «победившего социализма»

Деятельность Конституционной комиссии по выработке окончательного проекта включала ряд стадий²⁰³. На начальной стадии были сформулированы общие принципы Конституции – «Перечень вопросов к предстоящей разработке Конституции СССР»²⁰⁴. К концу сентября 1935 г. в секретариат Комиссии были представлены первоначальные наброски четырех разделов проекта Конституции о центральных и местных органах власти, об организации судебных органов СССР и союзных республик; по избирательной системе; по внешним делам. К концу 1935 г.

¹⁹⁷Копия препроводительной от 3 декабря 1935 № 19093 к докладной записке подкомиссии внешних дел с проектами статей новой Конституции, касающихся внешней политики. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 59.

¹⁹⁸Докладная записка Подкомиссии внешних дел от 3 декабря 1935 г. в Конституционную комиссию. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 60.

¹⁹⁹Проект докладной записки о внешнеполитическом разделе новой Конституции СССР. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 81–100.

²⁰⁰Подробнее см.: Вопросы гражданства и гражданских прав. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 94.

²⁰¹Материал по центральным и местным органам власти за подписью Уншлихта. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 103–107.

²⁰²Список литературы по конституционным вопросам, имеющейся в Правительственной библиотеке. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 32. Л. 35–37.

²⁰³Докладная записка тов. Брежневу Л.И.: Некоторые данные о подготовке Конституции СССР 1936 года и рассмотрении этих материалов у Сталина (1962). Ф. 7523 (Верховный Совет СССР). Оп. 131. Д. 1. Л. 17–20.

²⁰⁴Перечень вопросов к предстоящей разработке Конституции СССР. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 20–28.

в секретариат Конституционной комиссии поступили наброски ряда других разделов проекта Конституции.

В январе – марте 1936 г. материалы подкомиссий были направлены секретариатом Конституционной комиссии в ЦК ВКП(б), в котором была создана Редакционная группа в составе Я.А. Яковлева (заведующий Сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б), член экономической подкомиссии); А.И. Стецкого (заведующий Отделом партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), член подкомиссии по общим вопросам Конституции); Б.М. Таля (в 1936 г. заведующий Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б)) – все позднее репрессированы. Именно эта группа подготовила первоначальный проект и представила его Сталину в середине апреля 1936 г. 17, 18, 19 и 22 апреля 1936 г. проходили совещания у Сталина по обсуждению указанных черновых набросков проекта Конституции с участием этих трех человек, Сталина и Молотова. Документы позволяют судить о вкладе Сталина в разработку Конституции – они ограничиваются в сущности рядом общих указаний, касающихся идеологических установок и структуры власти. В материалах Комиссии документированы поправки, внесенные Сталиным на совещании 19 апреля 1936 г.²⁰⁵ В источниках зафиксирован ряд устных указаний Сталина по вопросам структуры государственного управления²⁰⁶, определивших конфигурацию институтов центральной власти²⁰⁷. Определенное влияние на выработку позиции Сталина, как отмечалось ранее, могли оказать поданные на его имя индивидуальные записки от Крыленко, Вышинского и Г. Байчурина²⁰⁸.

Следующая стадия разработки конституционного проекта показывает приоритет партийных инстанций в этом вопросе. 30 апреля 1936 г. первоначальный текст Конституции²⁰⁹, одобренный Редакционной подкомиссией, был размножен и разослан членам Политбюро ЦК ВКП(б) и членам Конституционной комиссии ЦИК СССР²¹⁰. Сохранились тексты проекта с их редакционной (уточняющей) правкой ручкой на полях

²⁰⁵Черновые наброски проекта Конституции СССР, представленные тт. Яковлевым, Стецким, Талем, с поправками, внесенными т. Сталиным на совещании у т. Сталина от 19 апреля 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 6.

²⁰⁶Ф. 3316. Оп. 40. Д. 32. Л. 55–56.

²⁰⁷Материалы по истории разработки первых советских Конституций и Конституции СССР 1936 г. Копия справки (А. Лукьянов) – «К вопросу о разработке и проведении в жизнь некоторых положений Конституции СССР 1936 года (по материалам Государственного архива и некоторым материалам и документам Президиума ВС СССР)» (29.04.1964). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 3 (1962–1964). Л. 10.

²⁰⁸Разная переписка по делам Конституционной подкомиссии «О центральных и местных органах власти». Июль – октябрь, 1935. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 32. Л. 30–34.

²⁰⁹Конституционная комиссия. Первоначальный проект Конституции 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 1. Л. 1–48.

²¹⁰Первоначальный проект Конституции СССР 1936 г. (в 3-х экземплярах). Ф. 3316. Оп. 40. Д. 3. Л. 1–162.

соответствующих экземпляров²¹¹. 15 мая 1936 г. проект был вынесен на обсуждение пленарного заседания Конституционной комиссии, которая постановила внести его на рассмотрение ближайшей сессии ЦИК СССР²¹². 1 июля 1936 г. Пленум ЦК ВКП(б) одобрил в основном проект Конституции СССР и ввиду особой важности счел целесообразным созыв Всесоюзного съезда советов. 11 июля 1936 г.²¹³ Президиум ЦИК СССР решил опубликовать проект Конституции для всенародного обсуждения. «Всенародное обсуждение» проходило пять месяцев. В нем приняли участие более 36,5 млн человек. В ноябре 1936 г. Отделом Президиума ЦИК СССР было учтено 43 427 предложений и дополнений к проекту Конституции СССР. Наибольшее количество предложений и поправок было внесено в гл. 1 «Общественное устройство» (1 061), гл. 10 – «Основные права и обязанности граждан» (6 354); и 11 – «Избирательная система» (3 014)²¹⁴. «Всенародное обсуждение» решало одновременно три задачи: идеологической индоктринации – «демонстрации беззаветной любви к социалистической родине, преданности делу социализма, любви и благодарности к великому Сталину»; мобилизации на достижение хозяйственных целей (повышение «производительности труда») и выявление врагов партии – «замаскированных агентов, обманым путем проникших в ее ряды»²¹⁵. Наконец, важная цель состояла в обмане Запада – демонстрации «фашизирующимся государствам Европы» демократизма советского режима и его Конституции, в обсуждении проекта которой «участвовал весь советский народ»²¹⁶. Эта задача, учитывая комплиментарные высказывания о Конституции в западной прессе, отчасти была достигнута. В результате подчеркивалось (А. Тивель), что величайшее историческое значение проекта Конституции «не могут отрицать даже враги»²¹⁷.

Завершающий этап разработки Конституции был связан с ее формальным принятием и легитимацией. 10 ноября 1936 г. Редакционная

²¹¹Первоначальный проект Конституции СССР, одобренный Редакционной подкомиссией Конституционной комиссии для представления на рассмотрение Конституционной комиссии ЦИК Союза ССР. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 2. Л. 2–28.

²¹²Заседание пленума Конституционной комиссии ЦИК СССР – о структуре глав Конституции // Правда. 1936. № 134. 17 мая.

²¹³Проект Конституции СССР (резолюция пленума ЦК ВКП(б) по докладу т. Сталина, принятая 1 июня 1936 г.). Выписка из протокола № 62 Засед. Президиума ЦИК СССР от 11 июня 1936 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1966. Ч. II. С. 832.

²¹⁴Предложения трудящихся к проекту Конституции СССР // Правда. 1936. № 306 (6912) 5 ноября.

²¹⁵XIX лет диктатуры рабочего класса в СССР // Большевик. 1936. № 21. С. 1–2.

²¹⁶Акулов И. Всенародное обсуждение проекта Сталинской Конституции // Большевик. 1936. № 22. С. 9.

²¹⁷Тивель А. Отклики международной печати на проект новой Конституции СССР // Большевик. 1936. № 14. С. 76–90.

группа представила Сталину проект с поправками и письмом Я. Яковлева: «Т. Сталину! Согласно Вашего поручения, я прочел все собранные поправки к проекту Конституции и обдумал проект Конституции СССР в сопоставлении с проектами Конституции союзных республик. Справа на машинке – написал черновой набросок некоторых поправок. С ком. пр. Я. Яковлев» (ноябрь 1936)²¹⁸. В проект Конституции предполагалось внести 61 дополнение и изменение, значительная часть которых имела редакционный характер. Итоговый проект, одобренный Редакционной подкомиссией Конституционной комиссии, был направлен на рассмотрение Конституционной комиссии ЦИК Союза ССР²¹⁹. Проект Конституции Союза ССР, рассмотренный Конституционной комиссией ЦИК Союза ССР и одобренный Президиумом ЦИК Союза ССР, был внесен на рассмотрение Всесоюзного съезда Советов²²⁰. Для рассмотрения поправок и дополнений VIII Чрезвычайный съезд Советов, открывшийся 25 ноября 1936 г., образовал Редакционную комиссию, которая внесла в проект 43 поправки, касающиеся 32 статей Конституции. Из них, по словам Сталина, «можно было бы признать сколько-нибудь существенными 6 или 7 поправку»²²¹. 5 декабря 1936 г. в результате постаейного голосования проекта был единогласно утвержден окончательный текст Конституции 1936 г.²²²

Принятие Конституции на VIII Чрезвычайном съезде Советов было режиссировано таким образом, чтобы зафиксировать когнитивный поворот общества как «победу социализма в новой советской Конституции, созданной гением Сталина»²²³. Первая задача заключалась в демонстрации социальной поддержки диктатуры широкими слоями населения – крестьянства и беспартийных. Доказательством в докладе председателя мандатной комиссии съезда Я.А. Яковлева служило увеличение представительства этой категории «строителей социалистического общества», или так называемых «непартийных большевиков» по сравнению со II съездом (когда принималась Конституция 1924 г.)²²⁴. Вторая задача заключалась в демонстрации преимуществ

²¹⁸Письмо Я. Яковлева Сталину. 3316. Оп. 40. Д. 2. Л. 153.

²¹⁹Первоначальный проект Конституции СССР, одобренный Редакционной подкомиссией Конституционной комиссии для представления на рассмотрение Конституционной комиссии ЦИК Союза ССР. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 2. Л. 1.

²²⁰Конституция (ОЗ) СССР. Проект Конституции Союза ССР, представленный Конституционной комиссией ЦИК Союза ССР и одобренный Президиумом ЦИК Союза ССР для внесения на рассмотрение Всесоюзного съезда советов. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 2. Л. 152–214.

²²¹Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР. М., 1936. С. 123–124.

²²²Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских республик. Сб. документов в семи томах. 1917–1937. М., 1962. Т. IV. С. 227–228.

²²³Чрезвычайный VIII съезд советов // Большевик. 1936. № 22. С. 1.

²²⁴Доклад председателя мандатной комиссии чрезвычайного VIII Съезда советов СССР тов. Яковлева Я.А. // Ф. 3316. Оп. 40. Д.8. Л. 118.

советской демократии в сравнении с Веймарской Конституцией и диктатурой Гитлера, в отличие от Сталина, пришедшего к власти путем всеобщих выборов. Подчеркивалась поэтому важность перехода к всеобщему избирательному праву при одновременном призыве к продолжению террора – уничтожению «врагов социализма», в качестве которых фигурировали как фашисты, так и сторонники оппозиции, вообще «вредители». «Советский народ, – отмечалось в прениях, – считает, что именно потому, что он монолитен, сплочен в своих действиях, именно потому, что он ценой величайших жертв создал свое социалистическое отечество, он вправе и обязан уничтожить всякого врага – троцкиста, зиновьевца, националиста, меньшевика... (продолжительные аплодисменты)... который имеет поднять руку против социалистического строительства, против его испытанных, верных руководителей»²²⁵. Третья задача может быть определена как конституционная легитимация сталинского руководства. «Сталинская Конституция», согласно ее апологетам, это «могучее дыхание подлинной свободы»²²⁶, «хартия победившего в СССР социализма», «программа борьбы за социализм во всем мире»²²⁷, «единственная в мире подлинно гуманистическая конституция»²²⁸. В обильном славословии в адрес Сталина на первое место выдвигалась его роль как теоретика коммунизма, создателя новой политической системы и ее символа – «вождь, гигант человечества, наш отец»²²⁹.

12. Консолидация режима единоличной диктатуры: выборы, террор и культ личности

Проведенный анализ позволяет ответить на вопрос о роли Конституции 1936 г. в формировании сталинского режима. Он может быть определен как цезаристская диктатура, социологическая формула которой состоит в расширении социальной базы режима при устранении прежних элитных групп для обеспечения прямой легитимации единоличной монополии диктатора на власть и насилие.

Основная цель принятия нового Основного закона заключалась, во-первых, во введении новых принципов социального конструи-

²²⁵Выступление Любченко: Чрезвычайный 8-й съезд Советов. Стенограмма 2-го утреннего заседания Чрезвычайного 8-го Съезда советов 26 ноября 1936 г. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 11. Л. 1–35.

²²⁶Великая сталинская Конституция // Большевик. 1936. № 12. С. 17.

²²⁷Съезд победившего социализма // Большевик. 1936. № 24. С. 24–25.

²²⁸Челяпов Н. Самая демократическая Конституция в мире // Большевик. 1937. № 1. С. 19.

²²⁹Чрезвычайный 8-й съезд Советов. Стенограмма 2-го утреннего заседания Чрезвычайного 8-го Съезда советов 26 ноября 1936 г. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 11. Л. 1–35, 119.

вания, которое охватывало теперь все население страны («советский народ», или «трудящиеся»), формально устраняя все предшествующие классово-сословные ограничения. Принципиальная новизна новой Конституции по сравнению с предшествующими декларативно определялась ее инициаторами как переход к «подлинной социалистической демократии» – отказу от классовых ограничений избирательного права при сохранении однопартийной диктатуры. Конституция, согласно разъяснениям Молотова, устанавливала впечатляющие демократические гарантии – всеобщие, прямые, равные и тайные выборы во все советы трудящихся вплоть до высших органов советской власти, заменяла многоступенчатые выборы средних и высших органов советской власти прямыми выборами; отменяла имевшиеся преимущества пролетариев перед крестьянами при выборах в советы, снимала вопрос о лишенцах, поскольку все граждане получали формальное право выбирать и быть избранными в советы, вместо открытых выборов вводила тайные. Прокламиривался институт всенародного опроса (референдума) «для тех случаев, когда это будет признано необходимым Верховным Советом СССР или одной из союзных республик». На стадии обсуждения проекта Конституции был сделан даже намек на возможность включения в списки не одного, а нескольких кандидатов в советы, которых «наряду с организациями большевистской партии, могут выставлять также многочисленные у нас беспартийные организации»²³⁰. Речь шла о предоставлении права выдвижения кандидатов «общественным организациям» и «обществам трудящихся» – коммунистическим партийным органам, профессиональным союзам, кооперативам, органам молодежи, культурным объединениям и другим организациям, зарегистрированным в установленном порядке (ст. 141 Конституции). Этот принцип был зафиксирован в «Положении о выборах в Верховный Совет СССР»²³¹ и даже стал основой лицемерных заявлений прокурора Вышинского о «предотвращении нарушений избирательных прав граждан» в союзных республиках²³². Все это означало, говоря словами Токвиля, формальное равенство в деспотии в отличие от равенства в свободе²³³.

Во-вторых, целью Конституции явилась легитимация однопартийной диктатуры, что предполагало резкое формальное ограничение действия правовых гарантий. Этот тезис неоднократно подчеркивал Сталин: «где нет нескольких классов, не может быть нескольких партий,

²³⁰Молотов В.М. Конституция социализма // Большевик. 1936. № 23. С. 24.

²³¹Положение о выборах в Верховный Совет СССР. Проект, одобренный Президиумом ЦИК СССР для внесения на рассмотрение 6-й Сессии ЦИК СССР (Приложение к п. 1 протокола № 101 от 1 июля 1937 г.). Ф. 3316. Оп. 13. Д. 28. Л. 105–109.

²³²Ф. 3316. Оп. 13. Д. 28. Л. 38 об.

²³³Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992.

ибо партия есть часть класса»²³⁴, «в СССР имеется почва только для одной партии, коммунистической партии», «может существовать лишь одна партия – партия коммунистов»²³⁵. «За бортом, – говорил Молотов, – остается только (!) право на легальность для политических партий, кроме партии коммунизма», «другие политические партии, как показал весь наш опыт, являются только агентурой реставраторов капитализма, не может быть места для их легализации»²³⁶.

В-третьих, реализация мобилизационной функции выражалась в принятии формулы избирательного законодательства, исключавшей неконтролируемый характер народного волеизъявления. Населению разъяснялось, что введение всеобщего избирательного права вовсе не означает «отступление от принципов диктатуры пролетариата и поворот в сторону буржуазно-демократического строя»²³⁷, демократические выборы неверно понимать как «борьбу между политическими партиями»²³⁸, напротив, демократизация избирательной системы означает расширение социальной базы диктатуры²³⁹, а избирательная кампания в Верховный Совет имеет целью исключительно ее укрепление²⁴⁰. Важной функцией выборов становилась легитимация террора против оппонентов режима (как действительных, так и потенциально возможных). «Конституция, – подчеркивал Яковлев на закрытом партийном собрании 10 июня 1936 г., – строит все выборные органы на основе всеобщего равенства и прямого избирательного права при тайном голосовании». Однако буквальное проведение этого принципа, говорил он, цитируя Ежова, может быть неправильно истолковано «пассивными коммунистами» и использовано оппонентами режима, ибо «враг не дремлет!»²⁴¹ В ходе выборов по новой Конституции, считало партийное руководство (А. Жданов), «придется иметь дело с враждебной агитацией и кандидатурами», о чем говорит «оживление антисоветских элементов», стремящихся использовать «легальные возможности, предоставляемые новой

²³⁴Беседа тов. Сталина с председателем Американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюс-Пейперс» г-ном Рой Говардом // *Большевик*. 1936. № 6. С. 7.

²³⁵*Сталин И.В.* О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. // *Большевик*. 1936. № 23. С. 13.

²³⁶*Молотов В.М.* Конституция социализма // *Большевик*. 1936. № 23. С. 24.

²³⁷*Челяпов Н.* Всеобщее, прямое, равное избирательное право при тайном голосовании // *Большевик*. 1936. № 11. С. 71–83.

²³⁸Социализм, уничтожение классов и расцвет советской демократии // *Большевик*. 1936. № 8. С. 5.

²³⁹*Ангаров А.* Социалистическое государство и Советы трудящихся // *Большевик*. 1936. № 18. С. 39–48.

²⁴⁰*Москатов П.* Избирательная кампания на решающем этапе // *Большевик*. 1937. № 22. С. 25.

²⁴¹Доклад тов. Яковлева об итогах июльского Пленума 1936 года на закрытом партийном собрании от 10 июня 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 22. Л. 4, 6, 18.

Конституцией»²⁴², а сами выборы, по словам Вышинского, продемонстрировали будто бы «вражескую работу», состоящую в «покушениях на наш новый избирательный закон»²⁴³.

Нельзя согласиться с тезисом о том, что избирательные ограничения были связаны с опасением прохождения негодных кандидатов – это исключалось организацией «избирательной кампании» – порядком выдвижения кандидатов, не допускавшим импровизацию, и возможностью в любой момент скорректировать неправильный «выбор народа». Выборы изначально задумывались как фарс, поскольку вместо обещанной «конкуренции» различных кандидатов от «общественных организаций» дело свелось к выдвижению заранее утвержденных партийных кандидатур. Верховный Совет оказался вполне фиктивным институтом, а «депутатская неприкосновенность» не защищала «народных представителей» от арестов между его сессиями – без объяснений причин отсутствия депутатов или последующего заполнения «вакантных мест» путем дополнительных выборов. «Советский парламентаризм» стал пародией на демократическое народное представительство.

Связь принятия Конституции с террором очевидна, но она должна была получить новую интерпретацию. Конституция и ее «всенародное обсуждение», безусловно, ставили задачами демонстрацию демократичности системы и обман Запада, но этим не исчерпывается ее значение. Конституция была не столько прикрытием террора (как думали некоторые русские и иностранные современники), сколько правовой основой его проведения, задавая масштаб, смысл и порядок осуществления. Во-первых, прослеживается связь инициирования конституционных поправок с началом террора, который Сталин, по свидетельству успешного бежать на Запад А. Бармина, задумал, руководствуясь успешным опытом Гитлера, физически уничтожившего в 1934 г. своих противников при полном равнодушии всего «цивилизованного мира»²⁴⁴. Во-вторых, понятен переход от идеи отдельных конституционных поправок (1935) к принятию нового Основного закона именно в 1936 г., когда стала необходима масштабная мобилизационная акция, способная объединить «политически неискушенные слои населения» для легитимации фактического переворота – начавшегося уничтожения всей старой элиты. В-третьих, понятны сроки и форсированный режим разработки и принятия новой Конституции (5 декабря 1936 г.) – между двумя московскими процессами – Зиновьева и Каменева (август 1936 г.) и Радека – Пятакова (январь 1937 г.), в ходе которых обвинения в терро-

²⁴²Жданов А. Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б). 26 февраля 1937 года // Большевик. 1937. № 5–6. С. 8.

²⁴³Вышинский А. Накануне выборов в Верховный Совет СССР // Большевик. 1937. № 21.

²⁴⁴Бармин А.Г. Соколы Троицкого. М., 1997.

ризме сменились более радикальными обвинениями в подготовке внешней интервенции, а также включение в Конституционную комиссию ряда оппозиционеров (включая Бухарина и Радека), призванное продемонстрировать фикцию единства и преемственности партийно-государственного руководства. Наконец, принятие Конституции открыло шлюзы Большому террору 1937–1938 гг., – целенаправленной акции в масштабах всего государства²⁴⁵, осуществлявшейся под руководством «Большевистского Марата» – Н. Ежова и направленной на партийных, государственных и военных деятелей, в ходе которой было арестовано до 1,5 млн человек, около половины из которых были расстреляны²⁴⁶. Формальное окончание террора было зафиксировано постановлением ЦК и СНК «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», утвержденном на Политбюро 17 ноября 1938 г. и официально представленном как возврат к «нормальному» конституционному порядку, исключавшему спонтанные перегибы и нарушения в проведении репрессий. Террор начинает интерпретироваться скорее как чрезвычайная акция, хотя на деле его методы применяются и в дальнейшем²⁴⁷.

Имманентная связь Конституции и террора выражает особенности утверждения данной системы и когнитивного закрепления ее принципов, прежде всего – «двоемыслия» – необходимости для индивида следовать одновременно формальным и неформальным предписаниям системы, быстро реагируя на изменение их соотношения. Конституция – необходимая формальная рамка террора, но последний фактически определяет приоритеты и порядок разработки Конституции, селекцию ее принципов и норм, их идеологическое толкование и применение. Террор оказывается необходимым инструментом преодоления когнитивного диссонанса, выражающего несоответствие формальных конституционных норм и реальности, но одновременно служит для когнитивного закрепления соответствующих стереотипов – неписаных кар и наград за санкционированное и отклоняющееся поведение. Отработка взаимодействия формальных и неформальных норм – главная цель мобилизационной кампании по обсуждению Основного закона – своего рода социальная дрессировка общества по новым правилам. Это были в сущности именно те нововведения, которые Макиавелли рекомендовал Князю для удержания завоеванной территории.

Функция культа личности в этой системе принципиальна, поскольку фиксирует роль вождя как верховного жреца идеологического культа,

²⁴⁵Павлова И.В. Сталинизм. Становление механизма власти. Новосибирск, 1993; Хлевнюк О. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996; Он же. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.

²⁴⁶Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М., 2008.

²⁴⁷Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010.

контролера, медиатора и цензора²⁴⁸. Особенность советского вождизма выявляется при сравнении с немецким вариантом. В Германии культ личности фюрера возник вследствие глубокого кризиса парламентской системы и широко распространенной ностальгии по харизматическому лидеру, статус которого получал юридическое закрепление (в принципе фюрерства). В России возникновение культа личности объяснялось кризисом легитимности однопартийного режима, оказавшегося неспособным выполнить свои коммунистические обещания, совершив мировую революцию²⁴⁹. Понятие культа личности было заимствовано советской правовой доктриной из опыта германской социал-демократии, где Ф. Лассаль, по словам А. Бебеля, создал организацию, «обеспечивавшую ее вождю диктаторскую власть», которая «была превращена в святыню», всякая критика которой «считалась чуть ли не государственным преступлением», а идеологическим выражением стал «постоянно поддерживаемый культ Лассаля и созданной им организации». Вождю в этой системе начинают поклоняться не как доверенному лицу, но как «господину». Если партия, отмечал он в контексте этих размышлений, «замечает, что ее обманывают и мистифицируют и ведут по ложному пути, то она не только имеет право, но и обязана отнять у вождя его руководящую роль и лишить его своего доверия», ибо «партия обязана самым строгим образом контролировать действие своих вождей»²⁵⁰. Именно такова была позиция критиков культа личности Сталина – Х. Раковского, Ф. Раскольников, М. Рютин и других²⁵¹, но они не объяснили причин постоянного воспроизводства этой тенденции в коммунистических режимах. Объяснение, предложенное Троцким, связывало принятие новой Конституции с «Термидором», но не выглядело убедительно, поскольку не выходило за традиционные рамки классовой марксистской схемы²⁵².

Главная причина этой трансформации, как показал еще Р. Михельс, состоит в том, что вождь как выразитель, защитник и истолкователь программных партийных устремлений персонифицирует их в глазах адептов, а публичная политика из конституционно-правовых форм переходит в область аппаратных махинаций и персонального искусства лидера. Несмотря на безмерность сталинского культа, Л. Фейхтвангер не нашел поэтому «признаков, указывающих на искусственность этого

²⁴⁸Осмыслить культ Сталина. М., 1989; История и сталинизм. М., 1991.

²⁴⁹Люкс Л. История России и Советского Союза от Ленина до Сталина. М., 2008. С. 285.

²⁵⁰Бебель А. Из моей жизни. М., 1963. С. 333–334.

²⁵¹Рютин М.Н. Сталин и кризис пролетарской диктатуры // Рютин М.Н. На колени не встану. М., 1992.

²⁵²Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991. Гл. X: СССР в зеркале новой Конституции. С. 213–225.

чувства». Он определил Сталина как «демократического диктатора» и резюмировал: «Если Ленин был Цезарем Советского Союза, то Сталин стал его Августом, его “умножателем” во всех отношениях»²⁵³. На деле данный режим был новым воспроизведением классической тирании, как ее описали еще Платон и Аристотель. Соединение идеологического предвидения, полной информированности и неограниченной свободы применения насилия для политического конструирования оказывались возможны только при абсолютной власти, создании автономной тайной системы коммуникаций и владения искусством ее использования – «византийского стиля» Сталина как мастера политической интриги.

Значение сталинской Конституции (и заложенной в ней конструкции власти) при таком подходе определяется вовсе не ее юридическими положениями – они имели столь же фантастический и фиктивный характер, как и вся советская традиция номинального конституционализма. Оно состоит в создании легальной основы цезаристского режима без его формально-юридического закрепления. Конституция закрепляла, во-первых, новые принципы и формы когнитивного доминирования партии в обществе; во-вторых, вводила систему институтов, способных манипулировать сознанием общества в интересах мобилизационных целей режима; в-третьих, фиксировала рамки формальной институциональной иерархии органов управления, контроля и принуждения в виде квазипредставительных советских, судебных и карательных институтов государства.

Ключевая проблема номинального конституционализма – пропасть между декларированными нормами и реальностью – снимается за счет внеконституционных (политических) институтов контроля и толкования Конституции. Устойчивость и долговременное существование данной политико-правовой конструкции возможны только при воспроизводстве когнитивного доминирования партии в обществе – его утрата ведет к эрозии всей системы информационных коммуникаций – закрепляющих их формальных и неформальных норм. Гибкость этой системы определяется соотношением правовых и идеологических источников права – возможностью трансформации правовых принципов и норм путем толкования их смысла в зависимости от меняющейся политической конъюнктуры. Гарантом Конституции выступает здесь партия (Политбюро), точнее – ее вождь, являющийся – подобно «верховному жрецу» Древнего Египта или Империи инков – высшей инстанцией в определении соответствия писаных норм квазирелигиозным (идеологическим) постулатам. Это делает необходимым институт культа личности – соединения всех видов власти на идеологическом (метаконституционном)

²⁵³Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М., 1937. С. 46, 67.

уровне в медиативной функции вождя, выступавшего как совершенный и непререкаемый арбитр в отношениях общества и государства, права и власти, вообще интерпретации смысла существования.

Как всякая классическая тиранья, сталинский режим опирался на произвол и не имел даже тех социальных, религиозных и правовых ограничений, которые присутствовали в эпоху самодержавия. Макиавеллистический ум Сталина позволил создать систему неограниченной власти, которая не была тождественна историческим аналогам теократии и абсолютизма. В то же время она отличалась от других форм тоталитаризма и авторитаризма своего времени отказом от соблюдения собственных декларированных правовых норм и формально деперсонифицированным характером власти. Данная политико-правовая система, будучи фундаментально антиправовой, обладала устойчивостью и функциональностью в условиях быстрой социальной мобилизации, но утрачивала это преимущество и вела к стагнации на следующем этапе развития. Выход из системы путем ее правовой корректировки становился невозможен, равно как и юридически легитимный способ передачи власти от одного диктатора другому.

ГЛАВА VIII

НОМИНАЛЬНОЕ ПРАВО И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ: «ВСЕНАРОДНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ» СТАЛИНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ В СССР

Тоталитарный режим является по своей сути «инсценирующей диктатурой», стремящейся создать телеологическую картину мира как движения из темного прошлого к прекрасному настоящему и светлому будущему. Социальное конструирование – вполне позитивный процесс в условиях модернизации, – оказывается своей противоположностью в том случае, если опирается не на реальное знание, а на его эрзац. Масштабы сталинского конструирования определялись стремлением установить тотальный контроль над индивидом, цель состояла в его полной ресоциализации, а методы определялись стремлением получить послушное орудие диктатуры. Результатами становились отрицание традиционных метафизических основ бытия (отказ от религиозной ценности жизни и смерти), права и справедливости (культ революционного насилия и произвола), утрата смысла жизни (сведенного к выполнению партийных директив), отчуждение индивида (подавление всех прав личности, в том числе на поиск смысла существования), выдвигание на первый план не содержательных, а внешних механических стимулов к развитию (экспансия как форма существования внутри и вне страны), подмена творческой деятельности имитационной (информационная агрессивность), формирование особых черт массового сознания: фатализм и пассивность, ощущение непредсказуемости, чувство «изумления». Конструкция так называемого нового человека – с головой мыслителя и руками рабочего – была метафизическим продуктом идеологии коммунизма, но эффективно использовалась в социальной инженерии и искусстве социалистического реализма в целях самодисциплины масс и их адаптации к новому обществу, а главное – решению задач социальной мобилизации¹.

¹Медушевский А.Н. Ключевые проблемы российской модернизации. М., 2014.

Эта цель в период сталинизма достигалась корректировкой смысла основополагающего революционного мифа: разделением понятий «коммунизм» и «социализм»; согласованием идеологии и реальности (введением приемлемых стереотипов интерпретации последней); определением перспектив и этапов формирования нового общества в пространстве («социализм в одной стране» вместо мировой коммунистической революции) и во времени (что позволяло пролонгировать диктатуру), введением психологических ориентиров смысла существования (концепция «нового человека», его прав и обязанностей), закреплении когнитивного доминирования в виде института культа личности как высшего арбитра в решении всех вопросов.

Общая идея «всенародного обсуждения» Конституции в СССР – скорректировать несостоятельный коммунистический миф таким образом, чтобы, во-первых, сохранить его как легитимирующую основу режима, во-вторых, ограничить его деструктивный потенциал в условиях социального кризиса; в-третьих, обеспечить задачи социальной мобилизации и управления; в-четвертых, продемонстрировать единство общества и власти («всенародная поддержка» режима), в-пятых, использовать данную акцию для борьбы с реальными и предполагаемыми оппонентами режима. «Всенародное обсуждение» было продуманной и хорошо организованной акцией, последовательно осуществлявшейся параллельно с работой Конституционной комиссии в течение пяти месяцев². В этой акции приняли участие более 36,5 млн человек. В ноябре 1936 г. Отделом Президиума ЦИК СССР было учтено 43 427 предложений и дополнений к проекту Конституции СССР. Наибольшее количество предложений и поправок внесено в гл. 1 «Общественное устройство» (1061), гл. X – «Основные права и обязанности граждан» (6354); и 11 – «Избирательная система» (3014)³.

Масштаб данной мобилизационной акции, охватившей все общество, разработанная технология учета и выявления всех имеющихся установок, как лояльных, так и оппозиционных (отраженных в специальных сводках), адресное воздействие на все значимые группы позволяют рассматривать ее как репрезентативное выражение тех целей социального конструирования, которые ставил перед собой сталинский режим.

²Некоторые данные о подготовке Конституции СССР 1936 года и рассмотрении этих материалов у Сталина. Докладная записка тов. Брежневу Л.И. ГА РФ. Ф. 7523 (Верховный Совет). Оп. 131. Д. 1 (1962 г.) Л. 17–20. Здесь и далее все сноски на архивные документы даются по фондам Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ).

³Предложения трудящихся к проекту Конституции СССР // Правда. 1936. № 306 (6912). 5 ноября.

1. Конструирование мифа о «советском государстве» внутри СССР

В процессе «обсуждения» была реализована цель обретения обществом новой идеологической идентичности. Когнитивный поворот заключался в примирении противоположных идей коммунизма и сохранения государства. Задача решалась введением формулы «социалистического государства», которая, создавая иллюзию движения к коммунизму, позволяла сохранить представление о планомерности этого перехода и аутентичную форму диктатуры как инструмента достижения утопической цели. С этим связаны схоластические дебаты о форме данного государства и поправки к ст. 1 проекта Конституции. Одни предлагали предельно общую формулу: «социалистическое государство советского народа»; другие настаивали на ее классовой конкретизации: «государство трудящихся»; третьи шли еще дальше в определении социальной опоры данного политического образования: «СССР есть социалистическое, нового типа, государство рабочих и крестьян». Неуверенность в отношении крестьян выражена в предложениях заменить слово «крестьянин» словом «колхозник» или «трудящийся социалистического земледелия». В некоторых предложениях была сделана попытка отразить все социальные группы общества: «СССР – социалистическое государство рабочих, крестьян, колхозников, интеллигенции всех трудящихся, трудового народа, трудящихся всех наций, братства и содружества народов, коммунистических республик»⁴.

Другая проблема – наполнение юридическим содержанием эвфемизма о советском государстве, которое продолжало оставаться диктатурой. Она решалась манипуляциями с термином «советский строй». Советы выступали «государственной формой диктатуры пролетариата», однако вместо термина «советы депутатов трудящихся» предлагался новый – «советы народных депутатов»⁵. В этом контексте обращают на себя внимание попытки конституционно закрепить однопартийный характер государства, связав возникновение «государства трудящихся» с «руководством коммунистической партии большевиков и ее гениальных и любимых вождей Ленина и Сталина»⁶. Отказ от принятия подобных формул в окончательном тексте Конституции связан с опасением демистифицировать квазидиктаторский характер партийного господства,

⁴Разные предложения граждан к проекту новой Конституции СССР 25 ноября – 9 декабря 1936. Ф. 3316. Оп. 41. Д. 205. Л. 3–34. Л. 6.

⁵Систематическое изложение всех поступивших поправок к Конституции см.: Поправки и дополнения к Конституции 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 11. Л. 2.

⁶О предложениях и поправках, вносимых к новой Конституции СССР с 11 по 22 сентября 1936 г. Информационные сводки № 3/9, 3/10, 3/11, 3/12. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 16 Л. 2.

определить его в категориях права и, тем самым, избежать неудобного гипотетического вопроса о правовых ограничениях такого господства и статуса вождей.

Третьей проблемой стала легитимация данного строя, возникшего в результате революционного переворота. Одни подчеркивали исторический аспект его легитимности («государство, созданное рабочими и крестьянами в интересах всех трудящихся» с прямой отсылкой к Октябрьской революции 1917 г.), другие – национальный аспект («коммунистическое братство народов мира» или государство «всех рас и национальностей, населяющих территорию СССР»), третьи – телеологический аспект (государство, «ставящее конечной целью организацию коммунистического общества») или идеологический («всех этих успехов трудящиеся СССР достигли под руководством коммунистической партии на основе учения Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина»)⁷.

По инерции некоторые авторы поправок предлагали отразить в Конституции переход от социализма к коммунизму и закрепить его основной принцип – «от каждого по способностям, каждому – по потребностям»⁸. Конституция, согласно коммунистическим представлениям, должна отразить идею всемирной коммунистической революции, выразить «мечты угнетенного человечества», продемонстрировать «волю освобожденных трудящихся СССР к миру всего мира»⁹, дать «охват прошлого, настоящего и будущего СССР» и даже определить направления деятельности местных секций Коминтерна¹⁰. В этой риторике идеалы коммунизма выступали продолжением идей Просвещения и Французской революции, а имена классиков марксизма ставились в ряд таких социальных мыслителей как Вольтер, Руссо, Кант и Толстой. Подобная интерпретация коммунизма, соответствующая романтическим революционным традициям, уже выступала как идеологическая ересь и содержала мощный деструктивный потенциал для режима. Ее нейтрализация проводилась в рамках апелляции к общим принципам «социалистической демократии» и большевизма как их исторического выражения. Коммунистическая риторика приобретала скорее церемониальный и символический характер, а реализация ее идей отодвигалась на неопределенный срок.

Атмосфера дисциплинированного энтузиазма выражалась в неопределенно-восторженных ожиданиях. Сталинская Конституция характе-

⁷Поправки и дополнения к Конституции 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 11. Л. 1.

⁸Чрезвычайный 8-й съезд Советов «О ходе всенародного обсуждения проекта новой Конституции. Июль – декабрь, 1936 г. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222.

⁹Письмо Л. Шарифа Якову Аркадьевичу (Яковлеву). Ф. 3316. Оп. 40. Л. 75.

¹⁰Разные предложения граждан к проекту новой Конституции СССР 25 ноября – 9 декабря 1936 г. Ф. 3316. Оп. 41. Д. 205. Л. 3–34.

ризовалась участниками «всенародного обсуждения» как «величайший и нерушимый пьедестал для возведения на нем в ближайшие годы Всемирного Союза Социалистических республик», но одновременно как «то, что невозможно выразить словами»¹¹.

2. Вопросы собственности и основные целевые группы социального пиара

«Всенародное обсуждение» как форма социальной мобилизации было направлено на формирование и поддержание модели социального контракта, которая, наподобие Левиафана Гоббса, означала принятие диктатуры как залога социальной стабильности. Эта модель, при всех ее ограничениях, предполагала преодоление революционной анархии, стабилизацию отношений собственности и определенные уступки основным целевым группам – крестьянам, рабочим, служащим.

Конструирование социальной структуры шло по линии ее унификации и отмены жесткой классовой стратификации, доминировавшей в предшествующих советских конституциях. Идеологический тезис о Конституции «победившего социализма», провозглашение перехода к всеобщим выборам и отмена классовых ограничений в избирательной системе в сущности обозначили этот вектор «социалистической демократии». В этом контексте понятны предложения объявить СССР «социалистическим государством граждан, живущих в нем», поскольку в стране возникнет «бесклассовое общество», или интерпретировать его как «бесклассовое социалистическое государство всех трудящихся города и деревни, без различия национальности населения территории СССР». Предлагалось даже убрать из Конституции понятия «рабочих и крестьян» в связи с «антисоветской пропагандой, ведущейся фашистами (например, в школах Германии и Японии)», поскольку они могут «послужить им для представления нашего государства как государства “плебейского”»¹². В сводках обобщен большой корпус предложений, определяющих СССР как «государство трудящихся», «всех трудящихся», или рабочего класса и интеллигенции¹³. Интеллигенция подвергалась жесткому давлению в СССР, особенно после процесса Промпартии, направленного против научно-технической интеллигенции.: «Процесс вредителей, – писал Горький Ворошилову, – несомненно освежит многие головы, отуманенные интеллигентским индивидуализмом», причем

¹¹Ф. 3316. Оп. 41. Д. 205. Л. 86–88.

¹²ЦИК Союза ССР. Орготдел. Письма граждан с предложениями по проекту Конституции СССР к гл. 1-й ст. 1, 7, 8, 9, 10, 11, 12 (1936). Ф. 3316. Оп. 41. Д. 77. Л. 1–3, 18, 24, 28.

¹³ЦИК СССР. Орготдел. Информационные сводки о ходе обсуждения проекта Конституции СССР. Т. 1 (1936). Ф. 3316. Оп. 41. Д. 93. Л. 1–3.

его огорчал только «акт сокращения наказания вредителям»¹⁴. Предложения отказаться от классовой идентификации характерно для людей, которые формально не могли отождествить себя с рабочими или крестьянами, прежде всего – для широкой социальной категории, официально определявшейся как «служащие». Данный мотив прослеживается в дискуссии о социальном статусе «служащих» (интеллигенции и чиновничества) – являются они стабильным или временным слоем, обречены на размывание или продолжают оставаться самостоятельным слоем «слуг народа». Данное понятие было введено в ходе обсуждения В. Антоновым-Саратовским, предложившим считать должностных лиц, т. е. советских служащих, «слугами народа»¹⁵. Противники этой позиции из числа служащих не без основания увидели в ней дискриминацию собственного положения¹⁶. «Каждый гражданин нашей страны рабочий, колхозник, служащий, – заявляли они, – служит делу социализма, служит народу. Поэтому разделение трудящихся СССР на народ и слуг народа – неверно; оно противоречит сталинскому определению социалистического общества и является оскорбительным для равноправных тружеников нашего общества – советских служащих. Слову “слуга” не может быть места не только в Конституции, но и в нашем советском лексиконе»¹⁷. Стремление закамуфлировать партийную номенклатуру неопределенным понятием «служащих» не укрылось от внимания авторов критических поправок, обличавших быт советских руководителей, имеющих прислугу. По словам одного из них это – «форменная эксплуатация»¹⁸. Последующие критики советской номенклатуры, определявшие ее как «новый класс», отмечали нарочитую неопределенность понятия «служащие», сознательно использовавшегося для размывания грани между привилегированным слоем управленцев и практически бесправной интеллигенцией¹⁹. Борьба интеллигенции за место под солнцем закончилась поражением, ибо, согласно разъяснению Сталина, в советском обществе есть только два класса – рабочих и крестьян, а «интеллигенция никогда не была и не может быть классом, – она была и останется прослойкой, рекрутирующей своих членов среди всех классов общества»²⁰.

¹⁴Письмо Горького А.М. – К.Е.Ворошилову (11 дек. 1930) // Известия ЦК КПСС. 1991. № 8. С. 151–152.

¹⁵Правда. 1936. 14.06.

¹⁶Экономическая жизнь. 1936. 20.06.

¹⁷Информационные сводки о поправках и предложениях, вносимых к проекту Конституции СССР с 19 июня по 11 августа 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 15. Л. 62.

¹⁸ЦИК Союза ССР. Орготдел. Письма граждан с предложениями по проекту Конституции СССР к гл. 1-й ст. 1, 7, 8, 9, 10, 11, 12 (1936). Ф. 3316. Оп. 41. Д. 77. Л. 32–34. Л. 95–96.

¹⁹Восленский М. Номенклатура. М., 1991.

²⁰Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР. М., 1936. С. 87.

Презумпция социального равенства определяла границы дискуссии о собственности. Но основополагающее понятие «общественная собственность» было настолько юридически неопределенным, что открывало путь различным интерпретациям. Общественная собственность определялась как собственность общества в целом, «собственность добровольных общественных организаций», «государственная собственность». В соответствии с этим различным оказывался объем понятия «личной собственности», выступавшего как некий эвфемизм для обозначения частной собственности или, точнее, крайне неопределенного права индивида на владение определенным имуществом. Обсуждение прав собственности на землю включало два противоположных вектора – уравнилельно-распределительный и индивидуалистический. Первый, санкционированный официально, находил выражение в предложениях «общих собраний» колхозников и различных «трудовых коллективов». Предлагалось конституционно зафиксировать права колхозов на землю и имущество, признав, что «частной собственности совсем не должно существовать»²¹. «Гражданам, которые не желают работать в колхозе, а ведут индивидуальное хозяйство, – согласно этой логике, – землю отводить только за границей колхоза», зафиксировать, что «земля за единоличником закрепляется не навсегда, и что Райзо имеет право отводить им земли там, где найдет нужным»²². Второй вектор выражал ожидание расширения прав на индивидуальное имущество и хозяйственную деятельность. Выдвигалось предложение передать земли колхозников в вечное «трудовое пользование» и «упразднить чрезполосицу», «оговорить в конституции о правах рабочих и служащих на дом и приусадебный участок, а также на продуктивный скот и птицу для личного пользования», предоставить право «продавать свои изделия на рынке»²³. Выражалась надежда, что «хозяйствам единоличных крестьян государство передаст землю во временное пользование»²⁴.

Официально санкционированная трактовка общественной и кооперативной собственности вызывала неожиданную реакцию населения. В 1920-х годах известные теоретики российской кооперации – А.В. Чаянов²⁵ и Н.Д. Кондратьев²⁶ – понимали ее как способ органи-

²¹ЦИК Союза ССР. Орготдел. Письма граждан с предложениями по проекту Конституции СССР к гл.1-й ст. 1, 7, 8, 9, 10, 11, 12 (1936). Ф. 3316. Оп. 41. Д. 77. Л. 32–34. Л. 59.

²²Информационная сводка 3/13 Предварительных итогов поступивших предложений, вносимых трудящимися к проекту новой Конституции СССР на 15 октября 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 18. Л. 17.

²³Поправки и дополнения к Конституции 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 11. Л. 5, 7, 8–9.

²⁴ЦИК СССР. Орготдел. Письма граждан (1936). Ф. 3316. Оп. 41. Д. 93. Л. 9.

²⁵Чаянов А.В. Избранные труды. М., 1993.

²⁶Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. М., 1993.

зации частных земельных производителей (фермеров) с целью повышения производительности их труда и отстаивания экономических интересов в рыночной экономике²⁷. После коллективизации и разоблачения этих теорий как «мелкобуржуазных»²⁸ подобное понимание кооперации стало невозможно. Тем не менее соответствующие представления части крестьян получили отражение в их конституционных предложениях. Часть крестьянства восприняла обсуждение Конституции как признак роспуска колхозов и передачу им земли в индивидуальное пользование²⁹. «Я, – заявлял крестьянин, – не хочу быть в колхозе, а мне не дают справку, а без справки нигде не принимают на производстве. Какая может быть для меня свобода? Дайте ответ». Его не устраивали обязательства перед колхозами, устанавливавшие такой порядок, при котором «самое лучшее зерно государству, а себе остаток, мусор, гнилье и всякие отбросы». «Мы всё, – писали крестьяне, – со слезами отдали в колхоз: лошадь, телегу, борону и весь инвентарь. Получаем по трудодням». «Нас, колхозников, весьма интересует, как будет обстоять дело с колхозами. Или колхозы останутся как государственные работы?» Используя политическую риторику о социальной справедливости, крестьяне просили уравнивать их в правах с пролетариями: «чтоб свободный выход был из колхоза и вход в колхоз, чтобы не было никаких препятствий со стороны служащих и граждан, если нет за ними никакой вины или задолженности»³⁰. Среди «враждебных предложений» (по официальной классификации Конституционной комиссии) наиболее часто фигурировали требования отмены принудительного труда и произвола местной администрации: «нужно, – считали крестьяне, – отменить принудительный труд. В Конституции, ст. 4, сказано: у нас уничтожена эксплуатация человека человеком. Это очень хорошо сказано. Но всем тем, и всеми теми правами, которыми пользовались кулаки, помещики и спекулянты, теперь пользуется наше правительство. Например, хлеб принимается в Госзерно 6 коп. кгр., а продается 75 коп. печеный и т. д. Все это разве не спекуляция, разве не эксплуатация?»³¹

Воспользовавшись конституционным положением о защите прав «социалистической собственности», крестьяне выступили с прямой критикой существующих порядков. Например, группа «трудящихся-единомышленников» спрашивала, от кого собственность «охраняется законом» – «от грабежа ли бандитов, от насильственных ли присвое-

²⁷Кондратьев Н.Д. Перспективы развития сельского хозяйства СССР. М., 1924.

²⁸Кондратьевщина. М., 1930.

²⁹Сводки № 1–4 по письмам, полученным «Крестьянской газетой» в связи с обсуждением проекта Конституции 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 14. Л. 36–37.

³⁰Там же. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 14. Л. 69–70, 69, 84.

³¹Там же. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 14. Л. 68–69.

ний или от средьбелодневного грабежа местной властью»³². «Собственность в капиталистических странах, – заявляли крестьяне (объявленные в сводке “кулаками”) – охраняется лучше, чем социалистическая собственность, а также лучше охраняется и частная собственность» – у нас же «власти, когда им вздумается, могут у граждан забрать все»³³. Инструментом защиты собственности авторами поправок признавалось право завещания – предоставление «наследователю завещать свое имущество кому угодно, в чем бы таковое ни заключалось»³⁴.

3. Права и обязанности: ограничение и подмена понятий на семантическом уровне

Баланс конституционного соотношения прав и обязанностей определялся господствующей идеологией, но его обсуждение выявляло различные модуляции общественных настроений. Безусловный приоритет социально-экономическим правам официально позиционировался как основное реальное завоевание советского режима и его главное отличие от оппонентов – формальных «буржуазных» демократий. Данный идеологический мейнстрим выражался в блоке утопических и вполне конкретных предложений по расширению и конкретизации социальных прав. Поскольку речь шла об унификации гражданских прав в рамках «государства всех трудящихся», предполагалось распространить на них равные гарантии трудовых прав и социальных гарантий – решения вопросов трудоспособности, продолжительности и условий труда, пенсионного обеспечения, закрепив в Конституции право на материальное обеспечение в старости, по болезни, потере трудоспособности и предоставление бесплатной медицинской помощи³⁵. Существенное внимание обращалось на всеобщее образование, медицинское обслуживание, обеспечение инвалидов и помощь престарелым родственникам³⁶. Неоднократно ставился вопрос о конституционном закреплении равенства полов – уравнивании женщин с мужчинами в правах, а также защите прав

³²ЦИК Союза ССР. Орготдел. Письма граждан с предложениями по проекту Конституции СССР к гл. 1-й ст. 1, 7, 8, 9, 10, 11, 12 (1936). Ф. 3316. Оп. 41. Д. 77. Л. 38, 47, 48, 49.

³³О ходе всенародного обсуждения проекта новой Конституции. Июль – декабрь 1936 г.: Докладная записка... // Чрезвычайный 8-й съезд Советов. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 140.

³⁴ЦИК Союза ССР. Орготдел. Письма граждан с предложениями по проекту Конституции СССР к гл. 1-й ст. 1, 7, 8, 9, 10, 11, 12 (1936). Ф. 3316. Оп. 41. Д. 77. Л. 32–34. Л. 60.

³⁵О ходе всенародного обсуждения проекта новой Конституции. Июль – декабрь 1936 г.: Докладная записка... // Чрезвычайный 8-й съезд Советов. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 140.

³⁶Информационные сводки о ходе обсуждения проекта Конституции СССР (1936). Ф. 3316. Оп. 41. Д. 94 Т. II.

матери и ребенка³⁷. Все эти предложения, коррелирующиеся с коллективистскими традициями общинно-родового быта, не выходили за рамки официально санкционированной повестки дня, хотя иногда предлагали неконвенциональную расшифровку ее положений (например, введение коммунизма, равенства в зарплате и распределении питания, отмену спекуляции жильем, или, напротив, отмену принудительного труда)³⁸. Представлен ряд предложений по ужесточению контроля за распределением ресурсов (в основном в уравнительном смысле). Среди них достаточно много рекомендаций не юридического, а воспитательно-назидательного и символического характера, отражающих скорее общую политическую неискренность масс³⁹.

В условиях тотального государственного контроля над обществом интерпретация общедемократических политических прав была подвержена особенно жесткой цензуре и самоцензуре. Ритуализация обсуждения этих вопросов не исключила, однако, проявления независимых позиций как раз по тем вопросам, которые стали актуальны в условиях сворачивания «советской демократии». Ими стали свобода слова и совести, отстаивания которых выражало прежде всего неприятие населением атеистической деятельности. Если одни участники обсуждения считали возможным допустить свободу слова только «в интересах Советского государства» (что вполне соответствовало официальной позиции), то другие предлагали распространить данное право на все проявления гражданской активности, «кроме всякой проповеди расовой или национальной исключительности или ненависти и пренебрежения, а также кроме религиозной пропаганды»⁴⁰. Наконец, некоторые участники обсуждения (как правило, крестьяне, требовавшие роспуска колхозов, земли и права на ведение единоличного хозяйства) постарались использовать эту акцию для защиты прав верующих от произвольных действий местных советов. Они надеялись на возврат к старым порядкам – открытию церковей (регистрации своих священников) и возврату отнятого в ходе коллективизации имущества – земли, скота и инвентаря⁴¹. Основанием для таких надежд стал тезис официальной пропаганды о равенстве гражданских и избирательных прав и отмене института «лишенцев» в связи с ликвидацией антагони-

³⁷Информационная сводка 3/13 Предварительных итогов поступивших предложений, вносимых трудящимися к проекту новой Конституции СССР на 15 октября 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 18. Л. 129.

³⁸Информационные сводки 1–9 о предложениях и поправках к проекту новой Конституции Союза ССР (по материалам газет и письмам) (1936). Ф. 3316. Оп. 8. Д. 224.

³⁹Там же. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 224.

⁴⁰Поправки и дополнения к Конституции 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 11. Л. 142.

⁴¹Докладная записка о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции СССР на 15.10.1936. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 12. Л. 170.

стических классов. От имени православного духовенства митрополит Казанский Серафим Александров в послании на имя Калинина «выражает вождю народов, партии и правительству свою безграничную благодарность за заботу и доверие», выразившиеся в предоставлении прав гражданства служителям культа и в особенности их детям. «Беспримерная в истории человечества Конституция, открывшая им двери в блестящую и радостную жизнь, вызывает, – по его словам, – не только чувство благодарности и восхищения, но и заботу-ответственность о том, чтобы оправдать высокое доверие и дать родной стране из семей своих верных сынов и защитников»⁴². Политический режим был вынужден считаться с этими настроениями значительной части крестьянства, экспериментируя с разными моделями отношений государства и духовенства⁴³. Свобода совести увязывалась с предоставлением избирательных прав духовенству – возвращением права голоса для служителей культа и членов их семей – лишенцев⁴⁴. Эта позиция вполне понятна на фоне воспроизводившихся требований «лишить избирательных прав служителей религиозных культов, бывших помещиков, фабрикантов, жандармов, служащих полиции»⁴⁵.

Вопреки стремлению режима максимально ограничить права населения на свободу передвижения и выбора места жительства (введение паспортов, прописки, административного принуждения), именно эти права стали предметом внимания участников «всенародного обсуждения» – прежде всего крестьян, стремившихся выйти из колхозов и переехать в города. Они предлагали включение в Конституцию соответствующего положения: «Граждане СССР имеют право свободного избрания местожительства и передвижения по всем городам и населенным пунктам СССР, исключая преступный элемент, осужденный судом, и пограничную полосу, где действует особое положение»⁴⁶. Некоторые наиболее отчаянные участники дискуссии шли еще дальше по этому пути, предлагая закрепить свободу выезда граждан за границу. В письме бывшего красного партизана и командира Э. Биркенбаума (Калининская область, г. Вышний Волочек, Пушкинская, 6) от 7 июля 1936 г. предлагается выбросить из ст. 133 Проекта положение «переход на сторону врага» в связи с отъездом: «Это неприлично выставлять понятие, что всюду за грани-

⁴²Послание на имя М.И. Калинина митрополита Казанского Серафима Александрова от 10 июля 1936 г. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 16.

⁴³*Luukkanen A. The Religious Policy of the Stalinist State: A Case Study: The Central Standing Commission on Religious Questions, 1929–1938. Helsinki, 1997.*

⁴⁴ЦИК СССР. Орготдел. Письма граждан (1936). Ф. 3316. Оп. 41. Д. 93. Л. 37.

⁴⁵Чрезвычайный 8-й съезд Советов «О ходе всенародного обсуждения проекта новой Конституции. Июль – декабрь, 1936 г.» Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222.

⁴⁶Письма граждан с предложениями по проекту Конституции к гл. III ст. 30, 35, 47, 48, 49, 51 (1936). Ф. 3316. Оп. 41. Д. 78 Л. 15.

цами СССР есть только враги трудящихся. Ведь это неверно. Там есть и трудящиеся и много больше, чем врагов. И если граждане СССР любители путешествовать в разных странах, переходят границу и их будут убивать за это как за самое тяжкое злодеяние, то СССР вовсе не кажется отечеством трудящихся, а будет отечеством современных людоедов»⁴⁷. Вероятно, аналитики сталинской комиссии долго размышляли, чего здесь больше – наивности или контрреволюционного умысла, но можно предположить, что судьба красного командира сложилась трагически.

Проблема соотношения прав и обязанностей решалась по линии усиления государственного контроля над гражданами. Именно в этот период складывается специфическая советская трактовка прав, существующих лишь постольку, поскольку они обусловлены обязанностями. Право на труд (и на отдых) означает обязанность трудиться (и не допускает безделья и «тунеядства»); свобода слова – обязанность славить советское государство; свобода совести – вести атеистическую пропаганду и т. д. Иной стороной той же логики стало стремление представить обязанности в качестве прав. Характерен, например, призыв заменить понятие «повинность» (всеобщая воинская) понятием «почетная обязанность»⁴⁸. Данная трактовка прав и обязанностей вытекала из коммунистической идеологии, предполагавшей, что с созданием «нового человека» разделение прав и обязанностей утратит свое значение, ибо будет регулироваться не правовыми, а этическими нормами коммунистического сознания. В рассматриваемый период эта идеологизированная трактовка прав, конечно, навязывалась обществу государством, но было бы неверным считать, что она не вызывала сочувствие известной части населения. Иногда его представители шли даже дальше устремлений власти, предлагая рассматривать права как привилегии или поощрения за лояльное поведение. В некоторых предложениях предоставление прав (или их изъятие) рассматривалось как чисто полицейские мероприятия: «Для уточнения правил социалистического быта – для взаимоуважения граждан СССР, – полагал один из участников дебатов, – каждый полноправный гражданин СССР (в противовес “лишенцам” по суду) имеет право носить нагрудный “знак полноправного гражданина СССР”, с указанием возраста и подписью “СССР – солнце коммунизма”, а также упоминанием классиков марксизма. Цель: сразу видно, что – не преступник. Виден возраст. Младшие будут уважать старших». Другие предлагали ввести особый «медицинский паспорт» каждого гражданина для пользования медпомощью и получения страховок и т. п.⁴⁹ Это стремление досконально регла-

⁴⁷Письмо Э. Биркенбаума. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 12. Л. 66.

⁴⁸Чрезвычайный 8-й съезд Советов «О ходе всенародного обсуждения проекта новой Конституции. Июль – декабрь, 1936 г.» Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222.

⁴⁹Письма граждан с предложениями по проекту Конституции к гл. III ст. 30, 35, 47, 48, 49, 51 (1936). Ф. 3316. Оп. 41. Д. 78. Л. 20.

ментировать все нюансы социальных и политических прав, выразить их в разрядах, степенях доступа к материальным благам и добиться их максимальной визуализации выражало общую тенденцию к стратификации и иерархизации сталинского режима.

4. «Советский федерализм» как форма национальной и политической интеграции

В обсуждении проблематики советского федерализма прослеживаются сдвиги, произошедшие со времени революции в направлении унитаризации государственного устройства. Утопическая ленинская идея о решении национального вопроса путем федерализации страны по национальному принципу не могла быть поставлена под сомнение без разрушения легитимирующей основы режима. Поэтому новый Основной закон не отказался от конфедеративной идеи права наций на самоопределение, воспроизведя формулу о сецессии предшествующей Конституции 1924 г. Однако в ходе обсуждения идея обеспечения государственного единства получила явный приоритет.

Опираясь на коммунистические принципы, вывод о создании бесклассового общества и идею «советского патриотизма» (в качестве антитезы «национальному»), мотив унитаризма знаменовал усиление централистского политического вектора. Было выдвинуто предложение «не записывать в новую конституцию (17-ю статью) о сохранении за республиками права свободного выхода из СССР». С этих позиций предлагалось решать вопросы, связанные с вхождением и выходом республик, соотношением республик и автономий, изменением их статуса, проведением всенародных опросов (референдумов), структуры организации власти⁵⁰. Концепции «советского патриотизма» оказалась созвучна идея эмиграции о возрождении «единой и неделимой России», представленная в ряде предложений. «Слово “федерация” в названии РСФСР (ст. 13), – согласно ее сторонникам, – является грубейшей и недопустимой ошибкой. Пора уже исправить эту безграмотность, возникшую в начале революции от небрежного употребления этого слова. Федерация есть добровольный договор независимых самостоятельных государств о соединении в одно федеративное государство для точно определенных государственных целей. Наличие автономии, предоставленной рабоче-крестьянской Россией другим национальностям, входящим в состав России, не есть право независимости и самостоятельности»⁵¹.

⁵⁰Поправки и дополнения к Конституции 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 11. Л. 21.

⁵¹Письма граждан с предложениями по проекту Конституции к гл. III ст. 30, 35, 47, 48, 49, 51 (1936). Ф. 3316. Оп. 41. Д. 78. Л. 5–5 об.

Данный подход требовал переосмысления бикамерализма в его специфической советской трактовке. Существование особой палаты Верховного Совета – Совета национальностей – ставилось под сомнение по принципиальным и техническим причинам. Во-первых, потому что представительство национальностей в этой палате не является пропорциональным и не может им быть в силу асимметричного характера федерализма (существования наряду с республиками национальных автономий); во-вторых, потому, что многие малые народы («инородцы») вообще не представлены, а в случае обеспечения такого представительства «палата станет слишком громоздкой». «Одно из двух – или Верховный Совет должен состоять из одной палаты – Совета Союза, а Совет Национальностей, в котором откровенно говоря нет никакой нужды, вовсе не должен существовать, или, наконец, установить точно такой же порядок выделения депутатов в Совет Национальностей, какой наличен для избрания в Совет Союза». Принцип сецессии (ст. 17 проекта Конституции, о сохранении права за каждой союзной республикой свободного выхода из состава СССР) нельзя помещать в Основном законе государства. Этой статье «надо дать более точное определение и юридически обоснованное толкование или, что еще лучше, совершенно ее упразднить, дабы она не будоражила горячие головы, не вызывала шовинистических настроений и не зажигала бы самостийных движений»⁵². С этим подходом коррелирует ряд предложений об объявлении русского языка общегосударственным языком.

Предложения по сворачиванию федерализма, представленные в записке М. Иванина (Стамбул) от 30 октября 1936 г., мотивировались деструктивными тенденциями национального сепаратизма, идеологии которого, по мнению автора, могут использовать конституционное право сецессии для отстаивания собственной государственности: «Здесь, – комментирует он, – будет уместно кстати заметить, 17 ст. проекта Конституции уже успела вскружить буйные головы деятелей и членов самостийных эмигрантских организаций: грузин, азербайджанцев, северокавказских горцев, крымско-казанских татар и проч. правозверных исламистов. Все эти многочисленные организации малых народностей, содержащиеся, главным образом, на средства польской казны, начали было совсем хиреть и, в предвидении своего конца грязнить и грызть друг друга. Сейчас, в связи со ст. 17 проекта Конституции, повсюду заметно оживление их деятельности и сплоченности. Кроме того, такое же повышенное настроение и усилившаяся подвижность наблюдается у щирых, разных цветов и оттенков, украинцев»⁵³.

⁵²Письма граждан с предложениями по проекту Конституции к гл. III ст. 30, 35, 47, 48, 49, 51 (1936). Ф. 3316. Оп. 41. Д. 78. Л. 5–5 об.

⁵³Письмо Михаил Иванина (Стамбул) от 30 октября 1936 г. Ф. 3316. Оп. 41. Д. 78. Л. 5–6.

Можно предположить, что такого рода аргументы, выражавшие настроения эмигрантской прессы, были вполне созвучны убеждениям Сталина, сложившимся еще в ходе разработки Конституции РСФСР 1918 г. и СССР 1924 г., когда он рассматривал федерализм как инструмент перехода к унитарному государству и предпочитал этому понятию автономизацию. Но окончательное решение было сделано в пользу советской легитимности: «Исключить из Конституции статью о праве свободного выхода из СССР, – резюмировал Сталин, – значит нарушить добровольный характер этого союза. Можем ли мы пойти на этот шаг? Я думаю, что мы не можем и не должны идти на этот шаг»⁵⁴.

Решение поставленной проблемы в рамках советской легитимности, как известно, было найдено не в отказе от идеи национального представительства и права сецессии, но состояло в превращении федерализма в номинальный институт. Это открывало путь унитаристским тенденциям без их формального конституционного закрепления. В перспективе выяснилась, однако, обоснованность представленных критиками аргументов.

5. «Советский парламентаризм» – поворотный пункт в политической реформе

Принято считать, что понятие «советского парламентаризма» было сконструировано сталинской пропагандой для обмана Запада и, действительно, в известной степени с успехом реализовало эту задачу. Однако оно представляло определенный смысл и для внутривнутриполитического пиара.

Данная теоретическая конструкция, во-первых, вела к отказу от утопической ленинской идеи непосредственной демократии (осуществляемой якобы путем регулярного созыва съездов Советов). Идея отказа от съездов Советов и ВЦИК, замены их двухпалатным Верховным Советом сама по себе не решала вопроса о разделении властей и ответственности правительства. Отсюда понятны вопросы: считать новый институт некоторым аналогом парламента или продолжением советской системы? Различные решения отражены уже в выдвигавшихся названиях данного института. В одних проектах предлагалось назвать высший орган государственной власти СССР «Высшим народным собранием СССР» (что вызывало ассоциацию с Законодательной ассамблеей парламентского типа). «Такое название верховного органа государственной власти СССР, – считали его инициаторы, – соответствовало бы духу нашего времени: построено социалистическое общество в нашей стране, советский народ выступает всем миром как единой целое, сцементированное

⁵⁴Сталин И.В. Указ. Соч. С. 92.

великой ленинской партией, которому противостоит фашизм, империализм, международная буржуазия вообще»⁵⁵. Ряд предложений тяготел к введению некоторого функционального аналога системы разделения властей, при которой законодательная власть формально осуществлялась Верховным Советом – непрофессиональным эрзацем парламента, избираемого населением на основе всеобщих выборов.

В других проектах Верховный Совет предлагалось заменить на Народный Совет СССР, а советы трудящихся на народные советы, опираясь на существующую структуру власти. В этом случае, однако, сохранялась неясность по вопросу о том, как должны разрешаться законодательные конфликты между советами различного уровня. Поэтому в спорных случаях допускалось проведение референдумов по законам⁵⁶. Противоречия различных конструкций прослеживаются в интерпретации бикамерализма, в рамках которого становился теоретически возможным конфликт двух палат – Совета Союза и Совета национальностей, а также места такого института как Президиум Верховного Совета – играет он самостоятельную или, скорее, техническую роль.

Предложенная в конституционном проекте конструкция обозначила формирование института «коллективного президента», в качестве которого представлял Президиум Верховного Совета во главе с его Председателем, однако эта конструкция сохранила многозначительную неопределенность в распределении полномочий соответствующих его элементов. Отсюда – возникновение ряда «неудобных» вопросов, на которые так и не был получен ответ. Среди них заслуживает внимания вопрос крестьянина Е.А. Кандыбы: «У меня и других товарищей, – писал он, – есть недопонимание по Конституции СССР. В ст. 30, 47, 48, 49, в 30-й статье сказано, что высшим органом гос. власти СССР является Верховный Совет СССР, в 47 статье сказано, что Президиум ВС СССР распускает Верховный Совет и назначает новые выборы. По этому пункту вытекают такие мысли, как же это может быть, если Президиум подчинен Верховному Совету и вдруг он распускает Верховный Совет»⁵⁷. «Просьба разъяснить, – писали авторы обсуждения, – в каких случаях и когда подчинен Президиум Верховному Совету и когда подчинен Верховный Совет Президиуму»⁵⁸. Разъяснения не последовало.

Другая сторона той же проблемы – выяснение соотношения Президиума Верховного Совета и его Председателя – имеет ли последний самостоятельную функцию. Поскольку официально институт Президиума

⁵⁵Письма граждан с предложениями по проекту Конституции к гл. III ст. 30, 35, 47, 48, 49, 51 (1936). Ф. 3316. Оп. 41. Д. 78. Л. 1 об.

⁵⁶Там же. Ф. 3316. Оп. 41. Д. 205. Л. 71–81, 72–73.

⁵⁷Там же. Ф. 3316. Оп. 41. Д. 78. Л. 8–8а.

⁵⁸Там же. Ф. 3316. Оп. 41. Д. 78. Л. 80.

определялся как «коллективный президент», это вызывало недоумение и предложения ввести институт персонифицированного президента. «Учредить в СССР должность верховного Президента Союза. Присвоить ему права по корректировке (контролю) деятельности Верховного Совета и решающую роль при разногласиях Советов. Верховный Президент избирается гражданами СССР – депутатами на 4 года из лиц, наиболее выдающихся своими заслугами перед СССР и наиболее гениальных». В рамках этой конструкции было выдвинуто «предложение Чрезвычайному Съезду избрать Верховным президентом СССР т. Сталина И.В.»⁵⁹. Таким образом, при внешней демонстрации лояльности и полном соблюдении неписаных правил игры была фактически сделана попытка конституционно определить статус главы государства и ограничить власть Сталина мандатом американского президента и доверив его избрание ограниченной коллегии выборщиков (наподобие французского президента III Республики). Подобные опасные предложения о народном избрании президента, – заключил Сталин, «не соответствуют духу нашей Конституции»: «Президент в СССР коллегияльный – это Президиум Верховного Совета, включая и Председателя Президиума Верховного Совета, избираемый не всем населением, а Верховным Советом, и подотчетный Верховному Совету»⁶⁰.

Особый круг обсуждавшихся вопросов – судебная власть, прокуратура, карательная система и принципы ее функционирования. Помимо официальной риторики об укреплении классового правосудия выдвинут ряд конкретных предложений. Данные предложения, едва ли соответствующие современным представлениям о независимости судебной власти, выражают тем не менее стремление их авторов поставить процедуру следствия, вынесения судебных приговоров и их исполнения под определенный социальный контроль. Предлагалось в коммунистическом духе ввести избрание всеобщим, прямым равным и тайным голосованием всех судей и прокуроров. Временное задержание осуществлять на срок, «не больший, чем это необходимо» (три часа в городе и 24 в сельской местности)⁶¹. Рекомендовалось (дополнением к ст. 109 Проекта) закрепить избрание и отчетность судей: «избранные народные судьи обязаны отчитываться перед народом»⁶². Поступили предложения о суде и прокуратуре, включавшие идею обеспечить «участие защиты на предварительном следствии», что «несомненно снизит

⁵⁹Письмо Калинину в ЦИК СССР от писателя Ив. Крестьянского (литературный псевдоним Виктора Константиновича Шабловского – «писателя из рабочих») (22.11.36). Ф. 3316. Оп. 41. Д. 78. Л. 12–13.

⁶⁰Сталин И.В. Указ. соч. С. 104.

⁶¹Ф. 3316. Оп. 41. Д. 205. Л. 77, 79.

⁶²Чрезвычайный 8-й съезд Советов «О ходе всенародного обсуждения проекта новой Конституции. Июль – декабрь, 1936 г.». Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222.

процент возможного брака в работе советского суда», в частности при «защите прав национальных меньшинств». Это предложение, впрочем, поступило от заинтересованной стороны – главы Коллегии защитников г. Москвы И.Г. Брауде, действовавшего позднее в ходе постановочных политических процессов (Второй московский процесс «Параллельного антисоветского троцкистского центра» 23–30 января 1937 г.)⁶³. Наконец, некоторые участники обсуждения верили в возможность использовать сам факт его проведения для гуманизации репрессивной системы. Об этом свидетельствуют предложения «в честь великого события – принятия Конституции 8-м съездом Советов ССР» – провести амнистию: лиц, приговоренных судом к лишению свободы от одного до 10 лет, отбывших часть наказания, амнистировать, «освободить их из-под ареста и предоставить им полное право, возможности гражданина»⁶⁴.

В условиях подготовки и начала массового террора характерны предложения по ограничению прав карательных органов на арест и введение этой процедуры в какие-то правовые рамки. «Гражданам СССР, – размышлял один из авторов, – обеспечена неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту (в т. ч. и дисциплинарному) иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора», причем «должностные лица органов НКВД и милиции отвечают перед судом за необоснованный арест граждан СССР, как за должностное преступление». Поэтому должны быть конституционно обеспечены такие ценности как «неприкосновенность жилища и имущества граждан СССР, проведение обысков только с санкции прокурора или постановления суда»⁶⁵. В ряде предложений (к ст. 127 Проекта) чувствуется реакция на повседневный советский опыт: «При аресте обвинение должно быть предъявлено в течение 24 часов, не позже чем через 72 ч. В противном случае – арестованный должен быть немедленно освобожден»⁶⁶.

В сакраментальном вопросе о том, какая инстанция должна давать санкцию на арест – суд, прокуратура или другие органы власти – не прослеживается единства. С одной стороны, допускается «предоставление права органам власти производить задержание лиц, совершивших преступление (убийство, кражи, хулиганство) с последующим уведомлением прокурора», говорится об ответственности народного судьи, должностных лиц органов НКВД и милиции за необоснованный арест граждан СССР, как за должностное преступление⁶⁷. С другой стороны,

⁶³ЦИК СССР. Орготдел (1936). Областное деление. Предложения формального характера о государственном устройстве. Ф. 3316. Оп. 41. Д. 93. Л. 54.

⁶⁴Ф. 3316. Оп. 41. Д. 205. Л. 81–82 об.

⁶⁵ЦИК СССР. Орготдел (1936). Ф. 3316. Оп. 41. Д. 93. Л. 23–24, 25.

⁶⁶Поправки и дополнения к Конституции 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 11. Л. 142, 145.

⁶⁷Чрезвычайный 8-й съезд Советов «О ходе всенародного обсуждения проекта новой Конституции. Июль – декабрь, 1936 г.». Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222.

подчеркивается недопустимость арестов граждан без санкции прокурора, в которой усматривалась защита от произвола власти. Эту идею впоследствии использовал прокурор А. Вышинский, поставивший выдачу подобных санкций на поток. Принципиальное значение имеет сам факт появления предложений об отмене смертной казни или ограничении сферы ее применения: смертная казнь традиционно отвергалась русской либеральной общественностью⁶⁸. Ее восстановление в ходе революции и большевистского террора рассматривалось как выражение беззакония и произвола. Нет поэтому ничего удивительного в том, что ряд участников обсуждения сочли возможным выступить по этой теме в условиях сталинского террора: «Смертная казнь в СССР считается запрещенной. Смертные приговоры и расстрелы по закону разрешаются только в военной (боевой) обстановке и для особо тяжелых преступников, уличенных в кровавых злодеяниях»⁶⁹.

В целом представленные предложения о корректировке советской политической системы исходили не от профессиональных юристов либерального направления (не видевших смысла участия в имитационных действиях власти), но в основном от простых и юридически неподготовленных людей, веривших, что обсуждение проекта Конституции действительно может привести к изменению ситуации. Тем более интересно, что они указали именно на те неясности, противоречия и умолчания, из которых фактически была соткана фиктивная сталинская Конституция. Так называемый «советский парламентаризм» при некоторых косметических элементах сходства с настоящим парламентаризмом оказался важным приобретением диктатуры. Он позволял полностью вывести реальные институты власти (партийные структуры и карательный аппарат) из-под правового контроля, обеспечив тем не менее все внешние формальные процедуры законодательного регулирования. Фактически «советский парламентаризм» предстает уникальным изобретением модели политической системы в рамках номинального конституционализма: формальные структуры власти несли все конституционные обязанности, не имея прав, реальные – имели только права, делегируя обязанности на нижестоящий «советский» уровень. А введение неопределенного эрзаца «разделения властей» и фиктивного института «коллективного президента» камуфлировало неограниченную власть партийного вождя.

⁶⁸Против смертной казни. М., 1906; О смертной казни. Мнения русских криминалистов. М., 1909.

⁶⁹Письма граждан с предложениями по проекту Конституции к гл. III ст. 30, 35, 47, 48, 49, 51 (1936). Ф. 3316. Оп. 41. Д. 78 Л. 20, 28.

6. Оппозиционные мнения: выявление, стигматизация и пресечение

Особый интерес представляет позиция советских «диссидентов» 1930-х годов, выступивших с критикой советской системы или отдельных ключевых положений конституционного проекта. Они могут быть разделены на три основные группы: во-первых, прямых противников Конституции (их мнение узнать трудно, поскольку большинство из них практически не принимало участия в «обсуждении», считая его фарсом); во-вторых, категория сомневающихся в предложенных установках (в основном наивные люди, поверившие, что «обсуждение» имеет реальный характер, а их мнение может как-то повлиять на ситуацию); в-третьих, категория лиц, в целом принявших навязываемую схему, но пытавшихся корректировать ее по различным частным параметрам. Предложения первой группы отражены в сводках Комиссии под рубрикой «враждебных элементов», вторые – определялись как «идеологически неустойчивые» и «сомнительные», третьи – как «непонимающие» смысла предложенных конституционных положений.

«Враждебные предложения» представлены прежде всего острой критикой общественного строя и концепции однопартийной диктатуры. Комментируя главу 1 Проекта – «Общественное устройство», Ф. Вселенный (Черниговская обл., Греляцкий район, с. Муравьи) считал неприемлемым положение о «диктатуре пролетариата»: «Теперь, когда пролетарская революция завершилась, – писал он, – стоит вопрос: либо пролетариат установит продолжительное свое господство, прикрываясь Конституцией, либо должна быть полная демократия». «Если останется в силе диктатура пролетариата, следовательно, первые отправные три статьи проекта Конституции окажутся неосуществимыми. СССР останется государством, осуществляющим диктатуру одного класса. Политическую основу СССР, по сути, будут составлять не советы депутатов трудящихся, а диктатура пролетариата. Советы останутся формой и механизмом диктатуры пролетариата. Власть будет принадлежать не всем трудящимся, а осуществлять свою диктатуру одного класса. Диктатура и демократия несовместимы. Либо диктатура, либо – демократия». Он предлагал следующую поправку к ст. 2 Проекта: «Диктатура пролетариата свою миссию выполнила. Дальнейшее ее существование не является необходимостью и она упраздняется. Диктатура одного класса в СССР не допускается». Если это предложение не будет внесено, подчеркивал он, Конституция окажется «более тонкой формой осуществления господства, устано-

вившего свою диктатуру одного класса над всеми остальными гражданами СССР»⁷⁰.

В ряде предложений отмена диктатуры увязывалась с отказом от однопартийного режима и переходом к многопартийности. Инженер Глебов из Ленинграда в письме на имя Конституционной комиссии писал: «Учитывая будущее, при установлении крупных государственных реформ, предпочтительно исходить из всех возможных следствий. Вот почему полезно предложить образование под сенью законодательных палат других политических партий, кроме коммунистической. Лучше предусмотреть условия их формирования открытыми путями. Иначе это проявление самостоятельности населения будет ютиться при общественных организациях иного назначения»⁷¹. Этот тезис вызвал острое внимание различных контрольных инстанций и представлен как типичное «враждебное» мнение в ряде закрытых аналитических сводок⁷².

Эти критические высказывания были, вероятно, значительно более умеренными, чем те, которые высказывались оппонентами режима в эмиграции в начале 1930-х годов, но по сути продолжали их логику. Внутрипартийная оппозиция сталинизму не выходила в целом за рамки революционной легитимности. Говорилось о «сталинском режиме» в партии, подавлении коллективизма и бюрократизации (со ссылкой на ленинское «завещание» об отстранении Сталина) (Г.И. Сафаров), подмене революционной идеологии «лжеленинизмом», несостоятельности Сталина как «вождя и теоретика» (П.А. Залуцкий)⁷³. Сторонники программы Н. Бухарина («правые» 1932–1933 гг.) критиковали коллективизацию, индустриализацию и бюрократический режим, не ставя под вопрос однопартийный режим⁷⁴. Тем более интересно, что в ходе обсуждения были выдвинуты значительно более радикальные критические аргументы.

Рекомендации о расширении самостоятельности и независимости общественных организаций формально не противоречили идеям Проекта, но рассматривались как «сомнительные». Они таили определен-

⁷⁰Сводки № 1–4 по письмам, полученным «Крестьянской газетой» в связи с обсуждением проекта Конституции 1936 г. «Враждебные предложения». Ф. 3316. Оп. 40. Д. 14. Л. 13–14.

⁷¹Сводка «враждебных мнений». Подписано: Инструктор Президиума ЦИК СССР (Коршунов). Данная записка направлена как Приложение к письму И.о. Зав. отделом П. Туманова тов. Я.А. Яковлеву во исполнение указания тов. Уншлихта. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 12. Л. 185.

⁷²Записка. Инструктор Президиума ЦИК Союза ССР Коршунов (1936). Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 142.

⁷³О деле так называемой «ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и других» // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 46–49.

⁷⁴«О так называемой антипартийной контрреволюционной группе правых, Слепкова и других» // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 32–48.

ный неконтролируемый подтекст: компартия формально представляла как «общественная организация», однако не могла рассматриваться как сопоставимый с ними институт. В некоторых предложениях по разделу об общественных организациях прослеживается влияние синдикалистских представлений, характерных для предшествующего этапа. В.И. Жаворонков (помощник городского прокурора по Ленинскому району г. Казани) предлагал «Конституцией СССР и Конституциями союзных республик разрешить рабочим, трудовым крестьянам и всем остальным трудящимся всех народностей каждого государства, независимо от форм управления и строя на территории Союза ССР и союзных республик, организовать промышленно-сельскохозяйственные объединения (с последующей постановкой этого вопроса на обсуждение названных категорий трудящихся всех стран)»⁷⁵. Вопрос был связан с проведением альтернативных выборов – обсуждавшимся первоначально выдвижением ряда кандидатов в Советы от «общественных организаций». Тезис об альтернативных кандидатах был выдвинут Сталиным для западной аудитории как доказательство демократичности и конкурентности предстоящих выборов. «Очевидно, – заявлял Сталин, – избирательные списки на выборах будет выставлять не только коммунистическая партия, но и всевозможные общественные беспартийные организации. А таких у нас сотни»⁷⁶. Он обещал «оживленную» избирательную борьбу, но зловещий смысл этой формулы стал ясен позднее. Вероятно, данный тезис породил неоправданные ожидания у участников «обсуждения» (с выдвижением соответствующих поправок), но вскоре, разумеется, был забыт.

Предложения, связанные с «непониманием» участниками «обсуждения» конституционных положений, охватывали значительную группу крестьянских выступлений. Они также могут интерпретироваться как оппозиционные, хотя во многом опирались на традиционную крестьянскую тактику «наивного монархизма». Под предлогом «непонимания» (в силу своей первозданной «простоты») сложных конституционных конструкций крестьяне, как было показано, ставили очень острые вопросы – о роспуске колхозов, возврате земли, свободе религиозной службы. Для этих предложений характерна острая критика местных властей, которые якобы не исполняют указаний верховной власти. Властям приходилось разъяснять, что зафиксированные в Конституции права не следует понимать в буквальном смысле. Только враги, объясняли они, требуют свободы совести, истолковывая ее как свободу веры, надеются на возврат отнятой (у кулаков) собственности и скота или

⁷⁵Ф. 3316. Оп. 41. Д. 205. Л. 37–38.

⁷⁶Беседа тов. Сталина с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюс-Пейперс» г-ном Роем Говардом 1 марта 1936 г. М., 1936. С. 20.

возврат земли и имущества, поддержки единоличников, открытия церквей⁷⁷. В то же время власти были обязаны реагировать на политические вопросы, выдвинутые «народом», наиболее трудными из которых оказывались принципы организации избирательной системы. Например, рабочие ставили вопрос: «Что значит прямые и тайные выборы? Как они могут проводиться?»⁷⁸ Недоумение вызвала процедура тайного голосования. Характерно объяснение колхозниками тайного голосования: «Тайное голосование проводится для того, чтобы мы голосовали, а не знали, за кого»⁷⁹. Были, напротив, чудачки, поверившие в серьезность голосования и даже предлагавшие технические усовершенствования этой процедуры. В письме инженера-электрика Курилова выдвигалось «рационализаторское» предложение упростить зафиксированную в проекте Конституции процедуру тайного голосования. Суть предложения, по его словам, сводится к следующему: «На столе перед каждым голосованием под кожущком (для обеспечения тайны голосования), в который свободно проходит рука, расположена кнопка, переключающая по желанию голосующего вперед «за» и назад «против». Кнопка представляет собой простой прибор, пропускающий при нажатии определенное количество ватт-часов электрической энергии»⁸⁰. Официальные структуры, вполне осознававшие опасность такого направления мысли, разъясняли, что тайные выборы, несмотря на их конституционное закрепление – химера, поскольку враги народа не преминут использовать их возможности для дискредитации советской власти. Местные власти были вынуждены проводить специальные разъяснительные мероприятия во избежание «неправильного» понимания соответствующих положений.

Серьезное внимание участников «обсуждения» вызвал вопрос о возможных изменениях системы в ходе предстоящих по Конституции «всеобщих выборов» в органы власти. Одни увидели в выборах возможность демократизации режима. «Не следует ли подумать, товарищи, – писал крестьянин Кожухов из тульского с. Горелки, – в честь ознаменования Конституции сделать амнистию осужденным. Речь, конечно, не может идти о политических преступниках, уголовниках, трудноисправимых, однако о заключенных – правонарушителях (растратчики, халатники,

⁷⁷ Докладная записка о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции СССР на 15.10.36. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 126–142. Л. 138.

⁷⁸ Письмо отв. редактора газеты «За пищевую индустрию» М. Лифшица исполняющему обязанности секретаря ЦИК СССР Иосифу Станиславовичу Уншлихту. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 1.

⁷⁹ Чрезвычайный 8-й съезд Советов: О ходе всенародного обсуждения проекта новой Конституции. Июль – декабрь, 1936 г. Докладная записка о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции СССР на 15.10.36. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 140.

⁸⁰ Там же. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 7.

если преступление совершено после 1936 г.) подумать следует. Можно с уверенностью сказать, что это возвратит 9/10 людей этого рода к честному труду, в армию равноправных советских избирателей»⁸¹. Другие, демонстрируя лояльность, напротив, предлагали вернуться к ранее существовавшим ограничениям. Они мстительно настаивали на исключении из 136-й статьи проекта Конституции положения о «праве избирать и быть избранными независимо от прошлой деятельности», так как это будет прощением классовых врагов, включая «зиновьевцев и троцкистов – подлых агентов гестапо», духовенства и проч.⁸² Сомнения вызывал и возрастной критерий допуска на выборы: 18-летний возраст на право участия в выборах – «обычно принято считать недостаточным», поскольку лица этого возраста не могут «находиться на должной высоте своего избирательного права»⁸³. Все эти вопросы не имели никакого значения в номинальной избирательной системе, но сама их постановка показывает неоднородность советского общества в отношении ценностей права.

7. Закрепление когнитивного доминирования: стереотипы, символы, семантика в процессе коммуникации

Принятие Конституции позиционировалось в СМИ как переломное событие, определяющее сознание населения на длительное будущее. Речь шла о «новой эре» – радикальном разрыве с темным прошлым и наступлении светлого настоящего и будущего. «С принятием Конституции Чрезвычайным 8 Съездом, – утверждал научный работник М.А. Синозорский (Воронеж), – наступает новая эра в жизни государства и мы, живущие ныне, еще не вполне осознали значение этой Великой Конституции в жизни народов. Со временем люди будут вести счет времени со дня утверждения Конституции: такое-то событие произошло после дня (утверждения) Сталинской конституции. Отныне Советский Союз будет маяком, куда народы всего мира будут с великой надеждой смотреть, как на страну социализма, как на братский союз народов, к которому может присоединиться всякий народ, желающий войти в эту социалистическую семью». Это – «Конституция лучшая и величайшая из всех конституций, существовавших до сих пор на земле»⁸⁴.

В ходе обсуждения менялась структура восприятия времени – соотношение прошлого и настоящего. Мрачное прошлое жестко противопоставлялось светлomu настоящему: «Теперь, – считал учитель С. Ни-

⁸¹Ф. 3316. Оп. 41. Д. 205. Л. 93.

⁸²Ф. 3316. Оп. 41. Д. 205. Л. 40–41.

⁸³Письма граждан с предложениями по проекту Конституции к гл. III ст. 30, 35, 47, 48, 49, 51 (1936). Ф. 3316. Оп. 41. Д. 78. Л. 6.

⁸⁴Ф. 3316. Оп. 41. Д. 205. Л. 89–90.

каноров (колхоз “Трудовик” Ивановской обл.), – канули в вечность эти мрачные дни. Трудно даже словами выразить ту радостную жизнь, которая расцвела в сталинскую эпоху. Мечта о том, о чем думали ученые умы человечества, претворилась в жизнь. Все это подтверждает проект Конституции, напечатанный в нашей прессе»⁸⁵. Предлагалось реформировать летосчисление. Счет времени от РХ, считали участники дебатов, неприемлем в виду «отделенности у нас церкви от государства». Предлагалось ввести «параллельно с Григорианским календарем от Р.Х. обозначение года и по эре от Великой октябрьской революции». Принятие Конституции, закрепившей принципы революции, это «новая эра, по которой в некоторых случаях ведется летосчисление». Говорилось о «возможности введения в текст сталинской Конституции указаний на новое летосчисление»⁸⁶.

В процессе обсуждения и принятия Конституции формировались новые коммуникации – символы, семантика, барьеры, стереотипы выражения идеологической преданности. Имелось в виду отметить «начало новой человеческой эры» реальным «осуществлением для всего человечества единого языка, а отсюда единой культуры, единой литературы, единой поэзии и единых нравов, обычаев и морали, единого международного права вообще, нечто новое в производственных отношениях возникновения новых городов и предприятий, в которых не было и не будет эксплуатации человека человеком, капиталистов, помещиков и т. д.»⁸⁷ Мессианские амбиции коммунизма выражались в идеях интернационализма: предложениях «создать единый интернациональный язык и чтобы его изучали все национальности помимо своего национального языка»; «перевести столицу СССР из Москвы в Киев» – для интернационального воспитания и сближения наций⁸⁸, ввести в гл. 12 проекта Конституции статью о том, что «государственным гимном СССР признать Интернационал»⁸⁹; закрепить новые формы выражения поддержки государству – «переименовать Красную площадь в площадь присяги», где каждый год рабочие «дают клятву и присягу в том, что они верны своему первому в мире правительству и в дальнейшем будут верны ему»⁹⁰.

Предпринимались систематические усилия по закреплению символики в сознании населения и визуализации соответствующих образов.

⁸⁵Сводки № 1–4 по письмам, полученным «Крестьянской газетой» в связи с обсуждением проекта Конституции 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 14.

⁸⁶Ф. 3316. Оп. 41. Д. 205. Л. 63, 83. Л. 51, 55–56.

⁸⁷Ф. 3316. Оп. 41. Д. 205.

⁸⁸Ф. 3316. Оп. 41. Д. 205. Л. 39–39 об.

⁸⁹Ф. 3316. Оп. 41. Д. 205. Л. 49.

⁹⁰Разные предложения граждан к проекту новой Конституции СССР 25 ноября – 9 декабря 1936 г. (93 л.) Ф. 3316. Оп. 41. Д. 205. Л. 1–2.

Речь шла о введении обязательного изучения Конституции на всех уровнях образовательной системы, создании памятников Конституции. Инженер М.А. Финкель (Москва) предлагал создать фильм о Конституции, где «в динамике были бы показаны политические и социально-бытовые моменты разных эпох, разных конституций разных народов в разрезе мировой истории, начиная, допустим, от конституции древних фараонов (в России от «конституции» – законов Ярослава Мудрого) и доведя до нашего счастливого времени». Такой фильм ярко отобразит «в понятной миллионам форме великое, мировое значение сталинского документа». Поступило предложение «весь текст статей Конституции, как документ мировой важности, вырезать золотыми буквами на мраморных досках, укрепить последние на Красной площади, основные положения относительно прав трудящихся на всех европейских языках, укрепить доски на вокзалах, принимающих иностранцев»⁹¹.

Заказчиком этой кампании выступало государство, целевой группой – все общество, медиатором – огромный аппарат идеологических работников, направленно воздействовавших на различные группы общества как через официальные СМИ, так и систему различных неформальных коммуникаций.

8. Корректирующая акция: концепция «скрытого врага» и способов его выявления

Основная трудность состояла в ответе на вопрос, почему в социалистическом обществе «подлинной демократии» должно сохраняться государство в форме диктатуры? Как показал ход «всенародного обсуждения», в общественном сознании не удалось преодолеть когнитивный диссонанс по этому вопросу, выразившийся в появлении «неконвенциональных» и оппозиционных предложений о необходимости радикального переустройства политической системы – отказа от однопартийной диктатуры и введения выборов на конкурентной основе. Целью корректирующей пиар-акции в ходе обсуждения Конституции стало навязывание двойных стандартов интерпретации конституционных положений (формальных и неформальных), выстраивание новой иерархии ценностей (знаменитое «двоемыслие») и закрепление этих стандартов в рамках социальной и когнитивной адаптации индивидов. Методом становилось выделение в обществе группы скрытых «врагов народа», средством – кампания по преданию их информационному и политическому ostracismu.

Теоретическим обоснованием информационной сегрегации потенциальных оппонентов становилась, в стиле Французской революции,

⁹¹Ф. 3316. Оп. 41. Д. 205. Л. 61–62.

концепция противопоставления метафизической «воли народа» «врагам народа», стремящимся повернуть поступательное развитие социалистического общества в реставрационном направлении. С революцией, разъясняя Радек, можно быть «только целиком», в противном случае – неизбежно «скатывание в клоаку контрреволюции»⁹². Основной удар наносился по контрреволюции вообще – представителям белой эмиграции, «оппортунистов, гнилых либералов, двурушников, людей, погрязших в типе мещанского благополучия, политически разложившихся»⁹³, в первую очередь – по зиновьевской оппозиции⁹⁴, а инструментом явился общий призыв к «революционной бдительности»: «помнить о враге, всегда выкорчевывать его остатки, усилить во много раз нашу идейно-политическую и организационную работу»⁹⁵. Три когнитивные категории противников режима, официально сконструированные в ходе обсуждения Конституции, определяли подлежащие уничтожению социальные группы, ранжируя их по степени потенциальной опасности для «конституционного» (т. е. партийно-государственного) строя. Первая категория «двурушничества» обозначала внутривнутрипартийную оппозицию и выражала ее скрытое сотрудничество с классовым врагом при внешнем соблюдении стандартов классовой морали и конституционных ритуалов. Именно «двурушничество» определялось как наиболее опасный вид преступления, за которое полагалось не только изгнание из партии, но предание «революционному пролетарскому суду»⁹⁶. Другой категорией оппонентов режима выступали сторонники «гнилого либерализма» – в основном представители старой «буржуазной» интеллигенции, которые в силу общей культуры и образования не принимали «двойной морали», могли всерьез воспринять некоторые понятия советской Конституции, придавая им универсальный смысл вместо «классового». Третьей, интегрирующей категорией для обозначения всех разновидностей классового врага стало взятое из сельского хозяйства понятие «вредительства».

В рамках концепции «скрытого врага» политические вредители, подобно их биологической разновидности, наделялись способностью к мимикрии в окружающей среде (соблюдению навязываемых конституционных и партийных ритуалов), что затрудняло их распознавание. «Ни один вредитель, – разъясняя Сталин, – не будет все время вредить, если

⁹²Радек К. От оппозиции в клоаку контрреволюции // Большевик. 1935. № 3. С. 63.

⁹³За новое качество работы, за революционную бдительность // Большевик. 1935. № 11. С. 9

⁹⁴Пономарев Б. О зиновьевской оппозиции и ее контрреволюционных подонках // Большевик. 1934. № 21. С. 52–64.

⁹⁵Завершенный круг измен и предательства // Большевик. 1934. № 23. С. 8.

⁹⁶Ярославский Е.м. О двурушничестве и о борьбе партии со всеми его проявлениями // Большевик. 1935. № 5. С. 73.

он не хочет быть разоблаченным в самый короткий срок. Наоборот, настоящий вредитель должен время от времени показывать успехи в своей работе, ибо это – единственное средство сохраниться ему, как вредителю, втереться в доверие и продолжать свою вредительскую работу»⁹⁷. Основным способом этой деятельности по официальной версии становилось легальное внедрение (путем выборов) противников режима в советские учреждения с последующим изменением направления их деятельности. «Маскируюсь под коммунистов, надевая личину наших друзей, они, – объяснял В. Молотов, – пробирались на важнейшие посты в советском государстве и в партийных организациях для того, чтобы обеспечить себе преступно-подрывную работу»⁹⁸. Это предполагало развитие такого важнейшего качества коммунистов как «умение распознавать врага, как бы хорошо он ни был замаскирован», убеждения, что вообще всякий настоящий коммунист – это чекист⁹⁹.

Завершением контрреволюционной эволюции, по официальной версии, становится превращение оппозиции в антиконституционную группу национальных изменников – «агентуру фашизма»¹⁰⁰ или, по словам А. Вышинского, – в «агентов гестапо», действующих «во имя капиталистической реставрации, во имя восстановления в СССР капитализма»¹⁰¹. Интересно, что в качестве «головного отряда капиталистической реставрации», сметенного в «мусорную яму истории»¹⁰², троцкистско-зиновьевская оппозиция по версии следствия выдвигала именно те конституционные идеи, которые приписывались ею Сталину – осуществление Реставрации в форме Термидора и установление режима бонапартистской диктатуры¹⁰³. «Кровавый авантюрист Троцкий» будто бы «возомнил себя Наполеоном Бонапартом»¹⁰⁴, а Тухачевский – генералом Франко, готовившим военный переворот¹⁰⁵. Между всеми тремя категориями оппонентов режима фиксировалась логическая взаимосвязь: «двурушничество» ведет к принятию стандартов «гнилого либерализма», а последний проявляется в стремлении к подрыву основ Конститу-

⁹⁷ *Сталин И.* О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. // *Большевик*. 1937. № 7. С. 13.

⁹⁸ *Молотов В.М.* Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов // *Большевик*. 1937. № 8. С. 22.

⁹⁹ *Выше большевистскую бдительность* // *Большевик*. № 16. С. 11.

¹⁰⁰ *Пономарев Б.* Троцкистско-зиновьевская банда – прямая агентура фашизма. М., 1936.

¹⁰¹ *Вышинский А.* Агенты Гестапо // *Большевик*. 1936. № 18. С. 27.

¹⁰² *Троцкистско-зиновьевские бандиты* // *Большевик*. 1936. № 18. С. 20.

¹⁰³ *Берзин Н.* О презренных реставраторах капитализма, вредителях и агентах фашистской буржуазии // *Большевик*. 1936. № 22. С. 57.

¹⁰⁴ *Приговор суда – приговор народа* // *Большевик*. 1937. № 3. С. 3.

¹⁰⁵ *Шпионам и изменникам родины нет и не будет пощады* // *Большевик*. 1937. № 17. С. 2–3.

ции и советского строя путем вредительства, осуществляемого внутренней оппозицией при поддержке внешних сил. Поэтому «карающий меч революционного правосудия» должен был «выжечь каленым железом гнилой либерализм, открывающий двери троцкистско-зиновьевским бандитам» путем «уничтожения заклятых врагов народа»¹⁰⁶. Образ врага внешнего смыкается с образом врага внутреннего, что отражено в обсуждении Конституции. Среди врагов названы «кровавый фашизм, с которым тесно сомкнулась на почве общей звериной, бешеной ненависти к диктатуре пролетариата в СССР, к коммунизму вообще троцкистско-зиновьевская банда подлых фашистских убийц внутри Советского Союза» и т. д.¹⁰⁷ Враждебное западное окружение вызывало активные протесты участников «всенародного обсуждения» в адрес «подлых лондонских гуманистов», позволивших «слетевшимся хищникам терзать героический народ Испании» и проч.¹⁰⁸ Высшим символическим выражением этой логики стали события сенсационного пиара – инсценированные политические процессы над деятелями оппозиции, совпавшие по времени с началом «всенародного обсуждения» (процесс Зиновьева) и его концом (процесс Радека). Об определенной закономерности связи «всенародного обсуждения» с террором говорит и тот факт, что сходной оказалась логика действий Мао Цзэдуна в период Великой культурной революции в Китае. Сигналом к началу террора против старой гвардии здесь послужило дацзыбао «Огонь по штабу», написанное лично Мао 5 августа 1966 г. (в период работы Одиннадцатого Пленума ЦК КПК), определившее потенциальных противников режима личной власти – тех руководящих работников партии в центре и на местах, которые «стоя на реакционной буржуазной позиции, осуществляли диктатуру буржуазии и пытались подавить бурное движение великой пролетарской культурной революции». Однотипные задачи двух диктатур получили сходное технологическое разрешение – террор в виде массовой кампании поиска «скрытых врагов» партии и вождя. Театрализация всех политических процессов в качестве обязательного включала элемент покаяния врагов с подробным разъяснением ими целей и средств подрыва режима¹⁰⁹. Этот факт, ставивший в тупик многих современников и иностранных наблюдателей, объяснялся стремлением организаторов политических процессов воздействовать на традиционное крестьянское сознание, вообще восприимчивое к «покаянию» преступников, закрепить в нем соответствующие стереотипы политической власти.

¹⁰⁶Приговор народа // Большевик. 1936. № 17. С. 7.

¹⁰⁷Письма граждан с предложениями по проекту Конституции к гл. III ст. 30, 35, 47, 48, 49, 51 (1936). Ф. 3316. Оп. 41. Д. 78. Л. 2.

¹⁰⁸Ф. 3316. Оп. 41. Д. 205. Л. 44.

¹⁰⁹Например: Судебный отчет по делу антисоветского право-троцкистского блока. М., 1938.

Важность корректирующей акции состояла в том, что она позволяла объединить внутренних и внешних врагов режима, направив против них всю мощь негативного государственного пиара. Смысл сталинской конституционной инженерии и сопутствующего террора далеко не сразу стал понятен современникам. Охвативший население фальшивый оптимизм и «психоз вредительства» Л. Фейхтвангер связывал с «наивным патриотическим тщеславием советских людей», отказываясь видеть в театральной инсценировке политических процессов проявление Сталиным чувства «неполноценности, властолюбия и безграничной жажды мести». «Если Алкивиад, – резюмировал он, – пошел к персам, то почему Троцкий не мог пойти к фашистам?»¹¹⁰ Сам Троцкий неверно интерпретировал Конституцию и кампанию по ее обсуждению как проявление бонапартизма или бюрократического перерождения революционной власти, ошибочно полагая, что результатом станет реставрация буржуазных отношений и парламентаризм¹¹¹. Более реалистичная картина была представлена чекистами-невозвращенцами, такими как А. Орлов, раскрывшими тайные пружины подготовки политических процессов¹¹² и их логическую взаимосвязь с политической кампанией по принятию Конституции «победившего социализма».

Концепция «скрытого врага» как действенный инструмент когнитивно-информационного манипулирования опиралась на представление о политике как искусстве. Она соответствовала воззрениям Сталина на использование неограниченной власти для социального конструирования. «Искусство вождя, – разъяснялось в конституционных материалах, – заключается в том, чтобы противника рассмотреть при любой маскировке. Так, следуя примеру Маркса, Энгельса, Ленина, Сталин за самой искусной маскировкой разглядел пагубный план сдачи пролетарской власти врагу, с одной стороны – у Троцкого, Зиновьева, Каменева, с другой у Рыкова и Бухарина»¹¹³. Новая формула правящей элиты (номенклатуры) требовала от нее не «литературного таланта и теоретических знаний», а таких качеств, как «усвоение форм борьбы, испытанная верность и сила характера»¹¹⁴. Оппоненты Сталина, такие как Бухарин, определяли эту тактику как макиавеллизм и говорили о ее непригод-

¹¹⁰Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М., 1937. С. 28–32, 73–74.

¹¹¹Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991. Гл. X. СССР в зеркале новой Конституции. С. 213–225.

¹¹²Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. М., 1991.

¹¹³Рабочие материалы к Конституции СССР 1936 г. Замечания по Конституции РСФСР 1918 и 1925 гг. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 13. Л. 292.

¹¹⁴Материалы к истории России (подсобные материалы к Конституции 1936 г.). Ф. 3316. Оп. 40. Д. 21. Л. 30.

ности для широких социальных движений¹¹⁵, дезорганизующей роли для революционной элиты, возвращении к Средневековью и временам Борджиа¹¹⁶.

Но сталинское понимание политики как искусства вполне согласовывалось с данными технологиями. Тайнственность принятия решений – выведение их из правового поля – становилась «элементом техники современного абсолютизма»¹¹⁷. На замечание наивного Г. Уэллса о том, что коммунисты «влюблены в насилие», Сталин заявил: «чтобы переделать мир, надо иметь власть», поскольку без нее нельзя «вернуть мир»¹¹⁸. Эта «простота истинного искусства» была продемонстрирована Сталиным в беседе с А. Барбюсом¹¹⁹. Марксистская гибкость, заявил он в беседе с Э. Людвигом, не исключает использования опыта иезуитов, у которых «есть систематичность, настойчивость в работе», хотя «основной их метод» – «слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство» – не могут быть расценены коммунистами положительно¹²⁰. Именно поэтому Сталин и его идеологи ценили в Макиавелли отрицание морали и политический реализм, выразившийся в апологии диктатуры¹²¹ и информационной техники ее осуществления, причем независимо от ее классового содержания. Двор «красного монарха» регулировался теми же законами жанра политической интриги¹²².

9. Культ личности и его социальные функции

Всякая успешная пиар-акция должна закончиться некоторой кульминацией – созданием миссии, формированием образа явления. Будучи инсценировкой, она должна завершиться апофеозом – обожествлением, прославлением, возвеличением какого-либо лица, события или явления. В эллинистической Греции и Древнем Риме апофеоз означал присвоение через официальный ритуал статуса Бога смертному человеку и выражался (в Риме) в культе императора. В театре апофеоз имеет значение

¹¹⁵Бухарин Н.И. Тюремные рукописи Н.И. Бухарина в 2-х книгах. М., 1996. Кн. 2. С. 322–323. См. также: Фельдтинский Ю.Г. Разговоры с Бухариным: Комментарии к воспоминаниям А.М. Лариной «Незабываемое» с прил. Нью-Йорк, 1991.

¹¹⁶Троцкий Л. Сталин. М., 1990. Т. 1–2.

¹¹⁷Левин М. Советский век. М., 2008.

¹¹⁸Сталин И. Беседа с английским писателем Г.Д. Уэллсом. М., 1939. С. 18.

¹¹⁹Барбюс А. Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир / Пер. с фр. под ред. А. Стецкого. М., 1936. См. также: Анисимов И. Рец. на кн.: Барбюс А. Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир // Большевик. 1936. № 6. С. 91.

¹²⁰Сталин И. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом // Большевик. 1932. № 8. С. 37.

¹²¹Радек К. Разговор Н. Макиавелли с Ж.-Ж. Руссо о демократии и диктатуре // Известия. 1934 7 ноября.

¹²²Монтефиоре С. Сталин. Двор красного монарха. М., 2005.

кульминации, «венца события». Именно такую роль выполнял институт культа личности в СССР, а его создание стало одной из главных целей кампании по «всенародному обсуждению» Конституции.

Прежде всего, принятие Конституции и ее увековечивание связывались непосредственно с институтом вождя в его персонифицированной форме. В некоторых обращениях предлагалось назвать конституцию ленинско-сталинской: «Мы, – писали крестьяне, – этим хотим выразить, чтобы наш великий вождь пролетариата В.И. Ленин не умирал, а жил с нами вместе, в наших законах веселой и радостной жизни»¹²³. Однако бывший вождь был вскоре вытеснен из этой верноподданнической риторики. В ходе обсуждения предлагалось: «воздвигнуть в Москве монумент Конституции 1936 года, сделать день ее утверждения всенародным праздником – Днем Сталинской конституции»¹²⁴; «установить на стенах строящегося Дворца Правосудия монументальные таблицы с текстом Сталинской конституции»; «установить на главных площадях столицы специальные щиты с текстом проекта новой Конституции или отдельных глав и статей из нее» и «воздвигнуть в Москве Дворец Конституции им. Сталина»; «на одной из новых площадей Москвы или на Ленинских горах воздвигнуть гигантскую стену из вечного материала – бронзы, базальта, лабрадора – в честь Сталинского гения, в ознаменование новой Конституции, с подробным изложением ее текста в бронзе»; «назвать один из строящихся кораблей или дирижаблей именем “Сталинская конституция”». Проектировалось организовать специальные отделения в музеях¹²⁴; переименовать Москву в Сталинград¹²⁵. Рекомендовалось «объявить день принятия съездом Конституции всенародным праздником», устроить в момент принятия Конституции «стопушечный салют» и «наградить Сталина орденом Ленина»¹²⁶, либо, напротив, «выписать новый орден имени тов. Сталина, которым (т.е. орденом) должны будут награждаться лучшие люди сталинской эпохи»¹²⁷.

Во-вторых, была представлена идея отразить фигуру Сталина в самой Конституции и государственной символике. Она не была беспочвенной ввиду подобной практики в законодательстве других авторитарных режимов эпохи – от основных законов Франко и Петэна до закона о принципе фюрерства в нацистской Германии, фиксировавших не только институт вождя, но и его персональное воплощение. Предполагалось, например, увековечить имя Сталина в Конституции, записать в ней, что «высшим выразителем воли трудящихся является любимый

¹²³Ф. 3316. Оп. 41. Д. 205. Л. 60.

¹²⁴Поправки и дополнения к Конституции 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 11. Л. 195.

¹²⁵Там же. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 11. Л. 219–228.

¹²⁶Ф. 3316. Оп. 41. Д. 205. Л. 86–88.

¹²⁷Письма граждан с предложениями по проекту Конституции к гл. III ст. 30, 35, 47, 48, 49, 51 (1936). Ф. 3316. Оп. 41. Д. 78. Л. 28.

вождь народов СССР – Великий Сталин». Выдвигалась идея присвоить Сталину звание «первого почетного гражданина СССР», наградить его многочисленными орденами, переименовать СССР в «Сталинский Союз ССР», а Москву в «город Сталина»¹²⁸. Идея конституционного закрепления фигуры Сталина не получила реализации скорее всего потому, что он считал опасным юридическое оформление культа личности, предпочитая «метаконституционный» статус верховного жреца марксистского культа.

В-третьих, прослеживается упорное наделение Сталина сверхчеловеческими свойствами как «гения всех времен и народов», призванное превратить его в аналог религиозных пророков или библейских персонажей. Характерно в этом отношении одно из писем в газету «Известия» из Днепропетровской области. В нем говорилось: «Из древней истории видно, что когда-то был царь Соломон мудрый. Спрашивается, в чем выражалась его мудрость? Что он сделал вообще всему миру? Ничего. Он увеличил тяжесть жизни и эксплуатацию трудящихся. Зачем же его называть “Мудрым”? Я думаю, что мудрым надо называть тов. Сталина за то, что он вырвал власть из царских рук и устроил первое в мире пролетарское государство, за то, что он нам всем дал зажиточную, культурную и спокойную жизнь. За все это нужно назвать тов. Сталина “Иосиф Мудрый”. Мы этим покажем всем врагам нашу любовь к нашему Великому вождю»¹²⁹. Один из участников обсуждения, впрочем, сравнил Сталина с Геростратом: «Преклоняясь перед этим Великим честолюбцем в классовом обществе, – отмечал он, – я одновременно не одобряю его за то, что он поджег памятник искусства – хотя это был один из очагов сгущающегося мракобесия»¹³⁰. Культ личности, по мнению разработчиков, решал задачу институционализации советских достижений – предотвращал угрозу «интервенции и реставрации», жертвами которых пали все предшествующие социальные революции¹³¹. Этот культ в конечном счете элиминировал персональные физические качества диктатора, превращая его в абсолютный символ.

Культ личности стал завершающей фазой кампании, охватив все стороны массовых коммуникаций – информирование, образование, формирование установок, их закрепление, модификация поведения, планирование, принуждение, оценка, полномочия (авторитет). Результатом этой кампании стало создание конституционного мифа, неотделимого от сталинской легенды. Ее основу составляли определенным образом по-

¹²⁸Материалы по истории разработки первых советских Конституций и Конституции СССР 1936 г. (подготовил старший референт Отдела по вопросам работы советов А. Лукьянов 29 апреля 1964 г.) Ф. 7523. Оп. 131. Д. 3 (1962–64). Л. 1–97.

¹²⁹Ф. 3316. Оп. 41. Д. 186. Л. 63–64.

¹³⁰Ф. 3316. Оп. 41. Д. 205. Л. 43.

¹³¹Рабочие материалы к Конституции СССР 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 13. Л. 283–284.

данные реальные и мнимые события, обосновывавшие абсолютность и непререкаемость власти вождя, представавшего сакральным символом государства.

10. Историческое значение кампании по «обсуждению» сталинской Конституции

«Всенародное обсуждение Конституции» – уникальная акция когнитивно-информационного манипулирования, создававшая иллюзорную картину мира, но позволявшая осуществлять реальный контроль и доминирование. Идеология была трансформирована в право, а последнее получило гибкую интерпретацию в интересах власти. Успех кампании стал возможен в результате сочетания ряда факторов – абсолютности власти, тотальности контроля над информацией и использования аппарата в мобилизационных целях. Функции кампании – контроль, манипулирование, мобилизация, легитимация, централизация власти, устранение оппозиции.

Формы кампании включали тотальный контроль, индоктринацию и директивные установки по стимулированию «дисциплинированного энтузиазма», но одновременно практически все основные виды воздействия на аудиторию, известные создателям современных пиар-технологий. Тщательная разработка кампании касалась всех ее этапов – от формулировки проблемы и тем обсуждения до детального продумывания этапов, форм и ожидаемых результатов. Кампания проходила под жестким контролем, содержала общие ориентиры и сегментированные установки, предлагая позитивные и негативные ориентиры различным социальным группам. Наряду с повседневным пиаром использовался кризисный, дополнявшийся корректировочными акциями. Кампания завершилась внедрением четкого представления о миссии политического руководства страны и обоснованием легитимности его власти. Постоянно велся мониторинг общественных настроений, статистика, оперативно выявлялись и исправлялись дисфункции. Кампания была, следовательно, организована и проведена на очень высоком уровне с точки зрения технологии политического пиара.

В ходе кампании преследовался ряд целей – перестройка сознания, преодоление когнитивных барьеров, когнитивная редукция, закрепление новых стереотипов, нейтрализация оппонентов и противников, действенная мобилизация населения в поддержку режима. Поскольку основная идея кампании была утопией, а правовые нормы – фикцией, важной задачей являлось закрепление в сознании не только формальных норм, но и стереотипов их неформальной и семантически редуцированной трактовки (двоемыслие), фиксация приемлемых и неприемле-

мых установок поведения, поощрений и санкций за их игнорирование. Основным инструментом утверждения неформальных институтов и практик становилась параллельная корректирующая пиар-акция – выявление «скрытых врагов» и их стигматизация в ходе террора. Социальная дрессировка общества велась путем направленного разъяснения «хороших» и «плохих» практик.

Результатом стало достижение поставленных целей – радикальное переформатирование сознания; изменение представлений о пространстве («страна победившего социализма»), времени (переписывание истории с чистого листа) и смысле существования («новый человек»); социальное конструирование («строительство» нового строя), легитимация режима (культ вождя). Шок и травма революции и Гражданской войны были преодолены идеей стабильности – формальной конституционализацией однопартийной диктатуры на неопределенный «переходный период». Этими методами обеспечивалось когнитивное доминирование правящей группы, связанной жесткими коллективными стандартами (своеобразный моральный кодекс строителей диктатуры), кровавой круговой порукой (террор) и ритуалами (важнейшим из которых стало само «обсуждение» Конституции). Апофеозом стал культ личности, социальная функция которого состояла в когнитивном закреплении «светской теократии» и сакрализации политической власти.

Главным результатом кампании следует признать создание конституционного мифа, определившего развитие советской правовой традиции вплоть до ее крушения. Конституция 1936 г. и пиар-акция, сопровождавшая ее принятие, создали прочные когнитивные рамки всего советского конституционализма, пересмотр которых (именно в силу его номинальности) оказывался невозможен без разрушения системы. Об устойчивости этих стереотипов свидетельствуют их позитивные оценки, спорадически появляющиеся как в российской, так и в западной прессе вплоть до настоящего времени. Без эффективного пересмотра этих представлений невозможно добиться полноценного поворота общественного сознания в сторону демократии, права и либеральных конституционных ценностей.

ГЛАВА IX

СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОГО МИФА: ПРИНЯТИЕ СТАЛИНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ КАК АКЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПИАРА

Ключевую роль в процессе создания советского мифа, как было показано ранее, играло так называемое «всенародное обсуждение» проекта Конституции 1936 г. – невиданная по масштабам, формам и интенсивности акция направленного внешнего и внутреннего информационного манипулирования. Уникальность данной акции в истории несомненна: традиционные теократии или абсолютистские режимы не нуждались в такой кампании, поскольку власть в них легитимировалась божественной волей. Другие тоталитарные режимы рассматриваемого периода также обходились без подобных акций: национал-социалистская диктатура в Германии и фашистская диктатура в Италии были установлены без формальной отмены действующих Конституций, а другие авторитарные режимы, если и шли на принятие новых Конституций (Основных законов), делали это в основном путем плебисцитов бонапартистского типа (Испания, Португалия, Греция рассматриваемого периода). Что касается либеральных парламентских режимов, то они избегали прямых консультаций с народом, справедливо видя в них неоправданное и опасное проявление популизма. В истории России Новейшего времени также не было ничего подобного (если не считать широкого обсуждения концепции Учредительного собрания и выборов в него). Происхождение идеи «всенародного обсуждения» Конституции следует искать поэтому не в практике западных демократических стран, а скорее в институтах традиционного общества, народное сознание которых исходило из решения сложных вопросов коллективным разумом – «всем миром». «Обсуждения» Конституции в западной печати и внутри страны были тесно взаимосвязаны, представляя реализацию одного замысла. Это была, безусловно, инновационная технология – одна из первых масштабных акций использования Конституции для решения задач манипулирования

общественным сознанием в условиях форсированной модернизации – сталинской «революции сверху»¹.

Такой подход позволяет по-новому определить роль данной акции – как реального инструмента социальной мобилизации в тоталитарном обществе и его международной легитимации – координированную политическую кампанию, нацеленную на создание новых коммуникаций, закрепление когнитивных установок, стереотипов и вообще социальную дрессировку общества по новым правилам игры. В целом «всенародное обсуждение» должно быть признано пропагандистской кампанией, осуществлявшейся методами пиар-акции. Рассмотрение форм, механизмов и организации данной акции составляет содержание данной главы.

1. Конституция 1936 г.: пропаганда в форме пиар-акции

Вопреки широко распространенному представлению данная акция не может быть сведена к политической пропаганде, но должна интерпретироваться, скорее, как своеобразная форма политического пиара. В современной литературе пропаганда и пиар обычно противопоставляются друг другу по следующим критериям: характер коммуникации (односторонний или двусторонний); форма ее осуществления (монолог – диалог); интенсивность воздействия (обращение к подсознанию или сознанию); когнитивное воздействие (вера или знание); адекватность информации (ложная – подлинная); задачи (контроль – убеждение); цели (партнерство или доминирование); социальный эффект (демократия – диктатура).

Эта идеальная схема нуждается в корректировке в рассматриваемом случае: во-первых, соотношение двух форм воздействия на сознание на практике часто может быть размытым, включая методы и инструменты обоих; во-вторых, пропаганда и пиар в равной степени работают с общественными коммуникациями, используют одинаковые каналы и средства коммуникации, в конечном счете преследуют сходную цель – внедрение в общественное сознание ценностей, образов и установок (идеи, вещи, услуги, персоналии) в качестве идеальных и необходимых; опираются на сходные технологии управления общественным мнением, преследуя цель выстраивания отношений общества и государственных органов. В-третьих, применительно к рассматриваемому периоду различие пропаганды и пиара вообще не выглядит очевидным. В литературе принято считать, что современные технологии пиара формируются уже с начала XX в., но наибольшего развития достигают в США эпо-

¹Медушевский А.Н. История сталинизма: итоги и проблемы изучения // Российская история. 2009. № 5. С. 186–196.

хи «Нового курса» Ф. Рузвельта, когда в условиях Великой депрессии 1929–1933 гг. возникла необходимость разъяснения обществу проблематики трудных социальных реформ. Советник Рузвельта Эдвард Бернейс именно в это время написал известный учебник – «Пропаганда» (1928), в котором с макиавеллистических позиций доказывал важность пропаганды и техники пиара (его называют «отцом пиара»)². Их взаимосвязь он усматривал в общности методов (контроль мыслей и подсознания), средств (навязывание обществу определенных стереотипов мышления) и целей (установление контроля над поведением масс политическим меньшинством), создав особый институт экспертов по «связям с общественностью». Разум человека, согласно данной трактовке (во многом обязанной З. Фрейдю, племянником которого был Бернейс), есть «смесь унаследованных предрассудков, символов, клише и словесных формулировок»; мысли зависят от лиц, умеющих манипулировать общественным мнением, а голос человека в конечном счете – это воспроизводство позиции «лидера, борца, диктатора», способного осуществлять власть «мастерским использованием пропаганды». Сходные идеи Троцкого или Геббельса о пропаганде не являются аналогом взглядов Бернейса, поскольку не предполагали выхода за рамки тотального информационного контроля и навязываемой индоктринации в форме односторонней коммуникации общественности и власти.

Подчеркнем, что та форма философской интерпретации марксизма (или диалектического материализма), которая утвердилась в СССР к началу 1930-х годов, включала (в отличие от иррациональной философии фашизма) ряд важных положений, способствовавших данному типу социальной инженерии: она предлагала целостную картину мира, основанную на признании законов социального развития (вплоть до отождествления их с физическими и математическими законами); говорила о возможности направленного рационального формирования сознания общества; настаивала на том, что это сознание должно основываться не на механическом освоении идеологических постулатов, но на принятии их как внутреннего убеждения индивида, определяющего когнитивные установки его поведения³. Данный подход к конструированию социального сознания не без основания вызывал ассоциации с учением Платона, предлагавшего сходные процедуры воспитания граждан и стражей идеального государства⁴. Эта философская и социологическая доктрина включала разработанную методику коллективного контроля и проверки этих убеждений

²Бернейс Э. Пропаганда. М., 2010.

³См.: Марксизм и проблемы философии. Сб. ст. Л., 1933; На борьбу за материалистическую диалектику в математике: Сб. ст. по методологии, истории и методике математических наук. М.; Л., 1931; Итоги философской дискуссии // Под знаменем марксизма. 1930. № 10–12.

⁴Устрялов Н. О политическом идеале Платона. Харбин, 1929.

вплоть до систематического признания собственных ошибок и заблуждений индивидом (в виде критики и, особенно, «самокритики»), создавала систему символов – маркеров соответствующих позиций, облегчающих их квалификацию по идеологическим и социологическим параметрам в интересах существующего строя, закрепляя границы дозволенных рамок обсуждения тех или иных социальных вопросов и санкций за выход из этих рамок в публичном и даже частном пространстве («самоцензура»). Весь этот инструментарий получил практическую реализацию при подготовке акции обсуждения советской Конституции.

Мессианская природа коммунистической идеи выдвигала советский эксперимент по ее осуществлению в центр мировой политики⁵. Однако результатами сталинской «революции сверху» – коллективизации, индустриализации и идеологического перепрограммирования общества – стала социальная реальность, противоположная навязываемым идеологическим стереотипам⁶. Политическое руководство было прекрасно осведомлено о протестных настроениях в обществе, выражавшихся в акциях активного и пассивного гражданского неповиновения⁷, стремилось выявить и подавить источники инакомыслия и девиантного поведения. Официальная коммунистическая риторика не соответствовала советской повседневности и социальным ожиданиям общества: красные мечты растворялись в серых буднях⁸. Укрепление легитимности режима требовало найти ответ на эти вызовы.

Целью «всенародного обсуждения» становилось внедрение идеи (образа) новой социальной реальности («победившего социализма»); вещи (конституции как реализованного продукта целенаправленной политической деятельности), а также персоны – апофеоз диктатора. Средством стала кампания, соответствовавшая всем основным параметрам классической пиар-акции (интерпретируемой как «manufacturing consent» – «производство согласия»): формулировка проблемы, создание штаба, четкая постановка задач, определение этапов и целевых групп, сбор и анализ информации, постоянный мониторинг ситуации, полноценное пиар-сопровождение всех акций, получение вполне опре-

⁵*Malia M. Histori's Locomotives: Revolution and the Making of the Modern World. New Haven, 2006; Service R. Comrades! A History of World Communism. Cambridge (Mass.), 2007; Daniels R.V. The Rise and Fall of Communism in Russia. New Haven, 2007.*

⁶Социальная реальность общества «победившего социализма» отражена в публикациях рассекреченных документов о внутренней политике эпохи сталинизма: Как ломали НЭП. 1928–1929. М., 2000. Т. 1–5; Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939: Док. и мат. В 5 т. М., 2000–2003. Т. 1–3.

⁷«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. М., 2000–2008. Т. 1–8.

⁸*Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010.*

деленного ожидаемого социального результата. Виды этой деятельности включали внешний и внутренний пиар; позитивный и негативный; повседневный и проектный; стабильный и атакующий, событийный и сенсационный; их реализацию в различных сферах (социальный, экономический, политический и персональный пиар). Технологии – достаточно рафинированные для своего времени – включали когнитивные, коммуникативные и резонансные схемы. Сущность этой деятельности – сознательное выстраивание коммуникаций по трем функциям: контроль мнения и поведения общественности; реагирование на новую информацию; закрепление стабильных отношений власти и общества на уровне когнитивной адаптации населения.

2. Внешний пиар: как Сталину удалось обмануть Запад в 1936 году?

Внешний и внутренний пиар разделяется по критерию работы с внешними и внутренними организациями. В рассматриваемом случае различие технологий определялось степенью контроля над информацией – обращением к зарубежным (неконтролируемым) и внутренним (тотально контролируемым) СМИ. Задача заключалась в том, чтобы выстроить непротиворечивое соотношение продуцируемых образов советского режима и его Конституции. Обращение к сводным материалам иностранной прессы позволяет реконструировать те представления о Конституции, которые внедрялись в западное общественное сознание и стали его достоянием. Это сводка «Материалы американской прессы об СССР (проекте новой Конституции СССР) 1936», присланная из Полпредства СССР в Вашингтоне 20 июня 1936 г. и содержащая обзор центральных и региональных газет⁹. Особая часть документа отражает позицию провинциальной прессы¹⁰. Время всех комментариев – июнь-июль 1936 г., когда «вся провинциальная печать США откликнулась на проект новой Конституции СССР передовыми статьями»¹¹. Эти материалы позволяют раскрыть ряд особенностей восприятия Конституции – те клише, которые (при активном участии советских внешнеполитических информационных служб) получили преимущественное

⁹Материалы американской прессы об СССР (проекте новой Конституции СССР) 1936. Присланные из Полпредства СССР в Вашингтоне 20 июня 1936. ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 3. Здесь и далее цитаты из американских газет даются по этому документу. Все сноски на архивные документы даются по фондам Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ).

¹⁰Провинциальная печать о проекте новой Конституции: Приложение к бюллетеню № 4 от 20 июня – Американская пресса об СССР (июнь 1936 г.) / Полпредство СССР в Вашингтоне 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 25.

¹¹Американская пресса об СССР (июнь 1936 г.). Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 26.

распространение; методы разрешения спорных ситуаций; технологии пиар-акции в западной прессе.

Первое – удалось добиться создания у западной общественности представления о радикальном изменении политической системы – переходе от диктатуры революционного периода к демократии западного типа. «Нью-Йорк таймс» в передовой о «советской демократии» констатировал «поворот Советов к демократии», объясняя это растущей уверенностью в силе, ростом национализма и поиском союзников среди западных демократий против Германии и Японии¹². В статье «Советский либерализм» та же газета отмечала, что в проекте Конституции «выпущены слова о мировой революции и империалистическом заговоре» и «во многих отношениях этот документ может быть приемлем для любого демократического государства»¹³. Другие газеты писали: «Начав с идеи чистого коммунизма, с идеи распространения революции во всем мире и приведения всех народов под единое красное знамя, Россия забросила или коренным образом изменила свой первоначальный план»¹⁴.

Второе – внедрялось представление о рецепции в СССР западной трактовки прав человека и полноценных институтов парламентаризма и конституционализма. Республиканская газета «Вашингтон пост» в передовой статье «Россия на пути к демократии» констатировала: «С настоящего времени, если только реформы будут претворены в жизнь, личность в России не будет больше нулем и жертвой неограниченного произвола властей; она будет наделена гражданскими правами, которые ни полиция, ни суд не будут иметь права нарушать»¹⁵. Была достигнута цель внедрить в западное сознание концепцию о торжестве идеи и институтов парламентаризма в советской России на фоне отказа от него в других европейских странах. «Вашингтон Стар» в статье «Меняющийся мир» подчеркивала: «Сталин и его коллеги поразили мир, провозгласив отныне СССР парламентской страной. Такая перемена происходит в советском государстве в период, когда повсеместно усиливается тенденция уничтожить институт парламентаризма»¹⁶. Наглядно демонстрировались элементы формального сходства советской Конституции с западными аналогами, в частности – с английской, французской и американской. «Инквайер» (Цинциннати, штат Огайо) в передовой статье «Русская демократия» отмечал: «В период, когда в ряде стран

¹²Советская демократия: Материалы американской прессы об СССР (проекте новой Конституции СССР). 1936 // Нью-Йорк Таймс. 1936. 13 июня. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 3.

¹³Советский либерализм // Нью-Йорк Таймс. 1936. 14 июля. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23.

¹⁴Меняющийся мир // Вашингтон Стар. 1936. 15 июня. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 7.

¹⁵Россия на пути к демократии // Вашингтон пост. 1936. 13 июня. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 5.

¹⁶Меняющийся мир // Вашингтон Стар. 1936. 15 июня. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 7.

уничтожается самоуправление, приятно констатировать, что вожди Советского Союза... намерены установить демократическую систему взамен диктатуры, осуществлявшейся в начале красной революции. Новая русская Конституция, ныне законченная разработкой, свидетельствует об искренности этого намерения». «Новая схема власти в Советском Союзе является почти копией с английской и французской, а по некоторым своим чертам она очень напоминает американскую систему...»¹⁷ Констатировалось сходство советской Конституции с американской. Журнал «Литерари Дайджест» считал: «Принципы Сталина в значительной степени базируются на принципах американской Конституции и английской великой хартии»¹⁸. Сталин сравнивался с отцами-основателями американской демократии: «Таймс» (Чикаго) в передовой статье «Шаг вперед и шаг назад» заявлял: «Возможно, что спустя 50 лет нынешнее молодое поколение России будет чтить Сталина, как одного из родоначальников истинной демократии. Они будут, возможно, читать о нем в своих исторических учебниках, подобно тому, как наша американская молодежь читает о Вашингтоне, Джефферсоне, Мэдисоне, Адамсе и других родоначальниках американской республики»¹⁹.

Третье – было предложено внешне убедительное объяснение радикального поворота в советской политической системе, представленного как логическое завершение большевистской революции. Эта задача достигалась принятием общей концепции угасания революционных циклов по исчерпанию их деструктивного потенциала. В этой логике спонтанный поворот режима вправо выступал логическим завершением его эволюции. «Чикаго Трибюн» в передовой «На пути к свободе» констатировала: «Конституция представляет собою разительный скачок вправо. Это означает практический отказ от наиболее священных догм коммунистической веры»²⁰. Выстраивая аналогию с «Термидором» Французской революции, «Таймс Пикеюн» (Нью-Орлеан, шт. Луизиана) в передовой «Эволюция России» писала об отличии идей новой Конституции от аутентичного марксизма-ленинизма: «Мысль о том, что Россия неожиданно становится полноценной демократической страной, кажется нам сейчас ошеломляющей, хотя, быть может, Россия уже шла к этому в течение последних двух десятилетий. Примерно столько же времени прошло между Францией периода гильотины и теми днями, когда империя Наполеона достигла своего зенита. Россия как страна действительно конституционная, – это, возможно, только

¹⁷Русская демократия // Инквайер (Цинциннати, шт. Огайо). 1936. 15 июня. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 26.

¹⁸Литерари Дайджест. 1936. 20 июня. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 19.

¹⁹Шаг вперед и шаг назад // Таймс (Чикаго). 1936. 18 июня. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 27.

²⁰На пути к свободе // Чикаго Трибюн. 1936. 13 июня. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 11.

мечта. Но все-таки, происходящая перемена не менее ошеломляет, чем разница между нынешним режимом в стране и царским режимом»²¹. Объяснение вынужденного «правого поворота» связывалось с внешними и внутренними трудностями советского режима: «Нью Йорк Сан» (республиканское издание) в передовой «Демократия в России» отмечала, что проект новой Конституции «представляет собой дальнейший шаг СССР по направлению к демократии», с оговоркой: «Но, возможно также, что это только жест, рассчитанный либо на преодоление внутренних затруднений, либо на эффект вовне»²². Эти аргументы достигали и другую цель – нейтрализации критиков режима в эмиграции, поскольку были вполне созвучны с представлениями части белой эмиграции (типа Н. Устрялова) и даже внутривластной оппозиции, объяснявшей Конституцию 1936 г. термидорианским перерождением режима (Л. Троцкий)²³. Тезис о Термидоре получил наиболее широкое распространение у бежавших на Запад советских чиновников²⁴.

Организаторам кампании удалось предложить приемлемые для Запада мотивы принятия Конституции. По мнению западной прессы, основным мотивом стала реставрация капитализма: «Ивнинг Уорлд» (Блумингтон, Индиана, издание демократов) в передовой «Новая русская система» отмечал: «Новая конституция смахивает на возврат к капиталистической системе, столь ненавистной коммунистам... Весь мир, наверно, проявит осторожность при окончательной оценке этой перемены и предпочтет судить о ней на практике»²⁵. Другим мотивом предстало изменение социальной структуры общества в направлении гражданского равенства. «Крисчен Сайенс Монитор» говорил: «Советский крестьянин выигрывает от новой конституции. Заводские рабочие лишаются господствующей роли в политике, классовые различия уничтожены. Но Сталин сохраняет свое твердое руководство»²⁶. Отмечались уступки национализму в регионах. Журнал «Тайм» в разделе «Заграничные новости» отмечал: «И в эту конституцию диктатор включил пункт, поднимающий положение его родины – Грузии. Отныне Грузия станет Автономной Федеративной Советской Социалистической Республикой»²⁷. Третьим мотивом выступала комбинация внутренних и внешних изменений, в частности – стремление противостоять фашизму. «Инде-

²¹Эволюция России // Таймс Пикеюн (Нью-Орлеан, шт. Луизиана). 1936. 14 июня. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 28.

²²Демократия в России // Нью-Йорк Сан. 1936. 16 июня. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 9.

²³Троцкий Л. Преданная революция. Гл. X. СССР в зеркале новой Конституции. М., 1991. С. 213–225.

²⁴Беседовский Г.З. На путях к Термидору. М., 1997.

²⁵Новая русская система // Ивнинг Уорлд (Блумингтон, шт. Индиана). 1936. 15 июня. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 42.

²⁶Крисчен Сайенс Монитор. 1936. 23 июня. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 43.

²⁷Тайм от 22 июня 1936 г. в разделе «Заграничные новости».

пендент» (Марфисборо, шт. Иллинойс) в передовой «Россия освобождается» говорила: «Это – наиболее благоприятное сообщение из Европы за последние 10 лет», отмечая опасность установления фашизма в Италии и Германии²⁸. Четвертым мотивом признавалось вынужденное принятие демократических норм в условиях постреволюционной стабилизации: «Индепендент» констатировала: «Русские получают теперь все те права и привилегии, которыми американцы обладают уже в течение 160 лет существования их конституции». «Это показывает, насколько стабильным стало русское правительство. Очевидно, диктаторы почувствовали, что миновала опасность новой революции, которая могла бы грозить низвержением системы власти»²⁹. Наконец, пятым мотивом принятия Конституции предстало окончание революции в силу достижения ее основных целей, открывающее возможности реальной демократизации: Журнал «Нейшин» от 17 июня 1936 г. в статье Луи Фишера «Новая советская конституция» приходил к наиболее оптимистичной оценке ситуации: «классовая борьба в СССР закончилась и наступила эра стабильности». «Внутренний мир, изобилие и прогресс ведут к демократии; что противостоит им, ведет к диктатуре. И Советский Союз в состоянии поэтому без опасности пойти по пути от диктатуры к демократии». Фишер прогнозировал, что партия «будет постепенно отмирать»; «Советская демократия может уменьшить вероятность мировой войны». Вывод знаменовал успех пиар-акции: «коллективизацией, индустриализацией, а теперь и вступлением на путь демократии – всеми этими замечательными своими достижениями Сталин обеспечил себе место в истории»³⁰.

3. Нейтрализация мнений критиков советского режима и закрепление его позитивного имиджа на Западе

Одной из задач кампании стала нейтрализация мнений скептиков, последовательно отодвигавшихся на периферию дискуссии. Интерес к русской революции и коммунистическому эксперименту как альтернативе традиционному «буржуазному» обществу породил обширную западную литературу, объем которой нарастал в 1930-е годы. В центре внимания находились вопросы соотношения ленинского и сталинского периодов революции, экономические и социальные преобразования, плановое хозяйство, перспективы демократии, сравнение советского

²⁸Индепендент (Марфисборо, шт. Иллинойс), 13 июня 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 42.

²⁹Россия освобождается // Индепендент (Марфисборо, шт. Иллинойс). 1936. 13 июня. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 15. Л. 42.

³⁰Фишер Л. Новая советская конституция // Нейшин. 1936. 17 июня. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 15–16.

строю и укреплявшихся в Европе фашистских режимов, перспективы СССР, возможности военного и дипломатического взаимодействия с ним. Однако этот неподдельный интерес к новому социальному строю включал не только позитивные отзывы, но и острую критику формирующейся диктатуры³¹. Свой вклад в эти критические оценки вносила эмигрантская литература, однозначно отвергавшая советский режим. Наконец, существенное влияние оказывали сочинения различных иностранных визитеров, мнения которых о советской реальности в целом были амбивалентны или очень далеки от установок советской пропаганды³². Многие авторы увидели за идеологическим фасадом настоящей «кошмар» сталинского режима, тяжесть жизни населения, писали об имитационных политических процессах и полном отсутствии политических прав и свобод в стране «победившего социализма».

Было бы неверно утверждать, что в западной прессе о Конституции совсем отсутствовала постановка вопроса о соотношении имитации и реальности – эта тема зафиксирована в независимых (не принадлежащих к республиканской или демократической партиям) изданиях, но не получила последовательного развития. Имитационный характер «демократических» изменений отмечался критиками: «Курьер Джорнал» (Луизвилл, шт. Кентукки, независимое издание) в передовой «Русская демократия» писал: «Диктатура сохранится. Народ в целом только с виду будет участвовать в государственных делах...»³³ Сомнения в демократичности избирательной системы были вполне осязаемы: «Геральд» (Сиракузы, шт. Нью-Йорк, независимое издание) в передовой «Политический жест России» отмечал: «Политическая партия по-прежнему остается единственной дозволенной политической организацией. Эмансипированным русским будет разрешено выбирать только коммунистов и только открытым голосованием, за исключением какой-то “части” выборных чиновников». Это – «странная система голосова-

³¹*Bauermeister M.* Die russische kommunistische Theorie und ihre Auswirkung in den Planwirtschaftsversuchen der Sowjetunion. B., 1930; *Seibert Th.* Das rote Russland. Staat, Geist und Alltag der Bolschewiki. B., 1931; *Osterwald K.* Russland 1950. Ein Zukunftsbild. Hannover, 1931; *Rosenberg A.* Geschichte des Bolschewismus. B., 1932; *Mehner K.* Die Sovet-Union. 1917–1932. Systematische Bibliographie in deutsche Sprache. B., 1933; *Moeller R.* Von Rurik bis Stalin. Wesen und Werden Russlands. Leipzig, 1939; *Welt vor dem Abgrund.* Politik, Wirtschaft und Kultur im kommunistischen Staate. B., 1931; *Moth G.* Folk in Fesseln. Der Leidensweg Russlands. Berlin, 1934.

³²*Barron Th.* A Visit to the Soviet Union. Clapham, 1936; *Denicke G.* Erinnerungen und Aufsätze eines Menschewiken und Sozialdemokraten. Bonn, 1980; *Liebig A.* From the Other Shore: Russian Social Democracy After 1921. Cambridge (Mass.). L., 1997; *Richardson W.* «To the World of the Future»: Mexican Visitors to the USSR, 1920–1940. Pittsburgh, 1993; *Uhlig Ch.* Utopie oder Alptraum?: Schweizer Reisebericht über die Sowjetunion, 1917–1941. Zürich, 1992.

³³Русская демократия // Курьер Джорнал (Луизвилл, шт. Кентукки). 1936. 13 июня. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 29.

ния»³⁴. Но эта имитация, тут же констатировало издание, может перерасти в полноценную демократию. Невозможность сочетания коммунистического деспотизма и конституции в конечном счете приведет к торжеству последней. «Юнион» (Манчестер, шт. Нью-Гемпшир, независимое республиканское издание) в статье «Новая русская конституция» констатировал: «Сомнительно, чтобы демократизм и коммунизм смогли ужиться, не стремясь уничтожить друг друга. Оба эти идеала несовместимы. Ведь по существу коммунизм – это двойник деспотизма»³⁵. Ситуация неустойчивого равновесия демократии и авторитаризма допускала осторожный оптимизм: «Ивнинг Теннесси» (Нэшвилл, шт. Теннесси, независимое издание) в передовой «Россия увидела свет» задавался вопросом: «Что все это означает? Является ли это жестом, рассчитанным на поддержку и симпатию демократических государств, или это искреннее признание того, что отныне для завоевания места под солнцем России требуется нечто большее, чем рухнувшая надежда на победу коммунистической системы во всем мире?»³⁶

Нейтрализация сомнений критиков осуществлялась путем ценностной релятивизации границы демократии и авторитаризма в переходный период. В подобной интерпретации сомнения в реальности демократического перехода имели право на существование: Критикуя апологетические аргументы московского корреспондента «Нешин» Луи Фишера, журнал «Ньюс-Уик» в статье «Сталин собирается совмещать диктатуру с Конституцией» «выражает сомнение в том, вполне ли готов диктатор Сталин, выработавший закон, броситься в политическую свалку»³⁷. «Нью-Репаблик» полагал, что хотя новая Конституция – шаг в направлении либерализации, его не следует преувеличивать. «Новое предложение отнюдь не означает отступление от программы социализма. Охрана частной собственности не означает использования частного капитала для эксплуатации чужого труда. Гарантия религиозной свободы означает, по существу, закрепление существующего положения, при котором церковь терпит, но все меньшая и ничтожная часть молодого поколения подпадает под ее влияние. Свобода слова и печати не означает, что открытая пропаганда частного капитализма будет дозволена; свобода эта означает лишь ее большее ударение на самокритику на базе признания бесклассового общества и общественной собствен-

³⁴ Политический жест России // Геральд (Сиракоз, шт. Нью-Йорк). 1936. 15 июня. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 38.

³⁵ Новая русская Конституция // Юнион (Манчестер, шт. Нью-Гемпшир). 1936. 15 июня. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 36.

³⁶ Россия увидела свет // Ивнинг Теннесси (Нэшвилл, шт. Теннесси). Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 40.

³⁷ Сталин собирается совмещать диктатуру с Конституцией // Ньюс-Уик. 1936. 20 июня. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 17.

сти на средства производства всеобщим идеалом. Русские коммунисты по-прежнему будут исходить из того, что политическая свобода без экономической справедливости и безопасности является обманом и любой ценой будут защищать свой эксперимент»³⁸.

Достижением сталинского политического пиара выступало признание западной прессы уже самой возможности демократической эволюции советского режима. В этой ситуации приемлемо выглядел даже тезис о сохранении определенного баланса начал демократии и однопартийной диктатуры: «Юнайтед Пресс», комментируя мнения официальных кругов о Конституции, резюмировала: «Решение Советской России установить парламентскую систему власти может означать только смягчение «диктатуры пролетариата», но не введение демократии в американском и западном понимании этого слова. Хотя парламенту предоставляется значительно большая власть, чем нынешнему съезду советов и хотя парламент освободился от диктатуры коммунистической партии, он все-таки будет лишь штамповать политику, заранее намеченную Сталиным и другими членами всеильного Политбюро»³⁹. Вполне приемлемым оказывался и тезис о некотором смягчении диктатуры, в ходе которого демократия ведет к ослаблению партийного контроля: «Ивнинг Джорнел – Эври Ивнинг» (Вилмингтон, штат Делавер, независимое издание) в передовой «Демократия в России?» терялся в догадках: «Насколько возрастает эта народная власть – трудно еще сказать, но партия, очевидно, не собирается отказываться от роли фактического вождя России. Демократия в нашем понимании этого слова, как и свобода, еще не наступили в России. Возможно, что дело окончится только некоторым ослаблением контроля»⁴⁰.

Закрепление позитивных оценок осуществлялось в рамках так называемого сенсационного пиара. Ключевым его положением выступала тема невиданной в истории акции добровольного отказа от диктаторской власти: «Нью-Йорк Гарольд Трибьюн» (республиканцы) в передовой «Советы на пути к свободному правительству» делал «ошеломляющие выводы»: «либо диктатура Сталина сама выразила готовность привлечь весь русский народ к участию в управлении государством, либо была вынуждена к этому. Но этот акт, в особенности если он был добровольным, является чем-то новым под луной. Действительно, когда в истории случалось, чтобы деспотизм по своему собственному желанию отказался от методов угнетения? Новая Конституция предусматривает такую структуру власти, которая во многих отношениях

³⁸Нью-Репаблик. 1936. 24 июня. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 17.

³⁹Юнайтед Пресс. 1936. 14 июня. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 12.

⁴⁰Демократия в России? // Ивнинг Джорнел – Эври Ивнинг (Вилмингтон, шт. Делавер). 1936. 13 июня. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 26–27.

напоминает нашу»⁴¹. Республиканская газета «Вашингтон пост» в передовой статье «Россия на пути к демократии» констатировала: «Если новую Конституцию России, только что утвержденную ЦИК, истолковать буквально, то советский режим является первой в истории диктатурой, добровольно себя демократизирующей»⁴². «Юнион» (Манчестер, шт. Нью-Гемпшир) в статье «Новая русская конституция» подчеркивал: «Движение бронированной диктатуры по направлению к демократии – это поистине феноменальное явление, ибо безраздельная власть обычно добровольно не сдается»⁴³. «Литерари Дайджест» обращала внимание на кампанию «всенародного обсуждения Конституции в СССР: «Сталин сделал широкий жест, предложив русскому народу высказаться по поводу новой конституции. Он проникся новыми идеями, цель которых повернуть Россию в сторону демократии»⁴⁴.

4. В какой мере западный опыт был использован при разработке Конституции?

В ходе разработки проекта Конституции действительно были приняты усилия по достижению его максимального внешнего сходства с конституциями западных стран. В рамках Конституционной комиссии, возглавленной Сталиным, была образована специальная группа по сбору и анализу иностранных конституций и законодательных актов. В ходе первого заседания Комиссии было принято решение: «обязать т. Радека организовать перевод и издание существующих конституций и основных законоположений главных буржуазных государств как буржуазно-демократического типа, так и фашистских, и разослать их членам Конституционной комиссии». Предписывалось «обязать т. Бухарина, Мехлиса и Радека организовать обстоятельный юридический разбор конституций основных буржуазных стран на страницах печати»⁴⁵. Члены Комиссии Н. Бухарин и К. Радек возглавили подкомиссии соответственно – по правовым вопросам и избирательному праву. «Пересмотр советской конституции, – констатировали официальные комментаторы, – вызван переходом к формам, предвиденным в старых демократических конституциях, как, напр., прямое, тайное и равное голосование», но

⁴¹Советы на пути к свободному правительству // Нью-Йорк Гарольд Трибьюн. 1936. 13 июня. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 4.

⁴²Вашингтон пост. 1936. 13 июня. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 5.

⁴³Новая русская Конституция // ЮНИОН (Манчестер, шт. Нью-Гемпшир). 1936 г. 15 июня. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 35–36.

⁴⁴Литерари Дайджест. 1936. 20 июня. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 19.

⁴⁵Протокол № 1 заседания Конституционной комиссии для внесения изменений в Конституцию Союза ССР, избранной 1-й сессией ЦИК Союза ССР VII созыва, 7 июля 1935 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 2.

«эти формы у нас наполнены совершенно другим содержанием и служат совершенно другим целям»⁴⁶. С этих позиций основное внимание разработчиков было направлено на анализ тех проблем советского права, которые вызывали наибольшую критику на Западе – прав гражданства, избирательного законодательства, федерализма и структуры парламентских институтов.

При решении проблем гражданства предстояло найти компромисс между его международной и классовой трактовкой. Рекомендации по этим вопросам представлены в Докладной записке Подкомиссии внешних дел (руководитель – Литвинов) в Конституционную комиссию от 3 декабря 1935 г. «При составлении статей новой Конституции, имеющих отношение к внешним делам, Подкомиссия исходила как из действующего советского законодательства по этим вопросам, так и из учета круга вопросов, затронутых в конституциях иностранных государств»⁴⁷. «Круг этой тематики в новой союзной Конституции», – отмечали авторы, предполагает учет западных норм (конституции Веймарская, Финляндская, Чехословацкая, Югославская), поскольку они «уделяют значительное внимание вопросам параллельного существования союзного и республиканского (там, где этот вопрос возникает) гражданства, вопросам приобретения и утраты гражданства». «В конституциях регулируются также такие основные проблемы, как обязанность государства оказывать своим гражданам внешнеполитическую защиту (Австрия, Германия, Югославия), воспрещение выдачи лиц, совершивших политические деяния (Испания, Румыния) и своих собственных граждан (Австрия, Германия, Югославия). Наконец, конституции некоторых стран (Румыния) оформляют известным многим законам о гражданстве запрет поступления на государственную службу стран без разрешения своего правительства»⁴⁸. На этой основе был предложен ряд норм о союзном гражданстве. «Одновременно было бы полезно в конституционном же порядке урегулировать два вопроса, имеющие отношение к режиму иностранцев: а) вопрос о предоставлении им общей правовой защиты и б) о круге открытой для них деятельности. Этим вопросам касаются несколько иностранных конституций

⁴⁶Конституции буржуазных стран. Т. 1. Великие державы и западные соседи СССР. М.; Л., 1935. С. 5.

⁴⁷Протоколы заседания Конституционной комиссии для внесения изменений в Конституцию Союза ССР, избранной 1-й сессией ЦИК Союза ССР 7-го созыва, заседания подкомиссии Конституционной комиссии и материалы к ним с 7 июля по 5 декабря 1935 г. Копия препроводительной от 3 декабря 1935 № 19093 к докладной записке Подкомиссии внешних дел с проектами статей новой Конституции, касающихся внешней политики. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 60.

⁴⁸Проект докладной записки о внешнеполитическом разделе новой Конституции СССР. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 94–96.

(Афганистан, Румыния, Финляндия)»⁴⁹. Была предложена формула, подводящая баланс интернациональным и классовым установкам: «СССР предоставляет право убежища иностранным гражданам, подвергающимся преследованиям за защиту интересов трудящихся или национально-освободительную деятельность, за исключением лиц, виновных в индивидуальном терроре (второй вариант: за исключением террористов)»⁵⁰. Отказ от поддержки террористов выглядит несомненной новацией в рамках «классовой» трактовки права. Прагматический аспект проблемы заключался в том, какое ведомство будет осуществлять взаимодействие с западными институтами. Формула о том, что «все сношения СССР с иностранными правительствами и их дипломатическими представителями в Союзе производятся через посредство НКВД и его органов», была оспорена руководством НКВД, предлагавшим выделить особую область внешнеторгового взаимодействия в рамках его самостоятельной компетенции⁵¹.

Провозглашение всеобщих демократических выборов в СССР по новой Конституции предполагало внимательный анализ иностранного законодательства. Особое внимание обращалось на регулирование избирательных прав и их возможные ограничения (что вполне объяснимо существованием проблемы «лишенцев» в СССР). Ключевые вопросы этого ряда представлены в специальной аналитической записке: где, в каких республиках и государствах применяется выдача всем гражданам избирательных удостоверений и в каких государствах избирательные удостоверения выдаются только уезжающим с постоянного места жительства) (Выписки из закона Германии, «Обнародования министра внутренних дел Чехословакии» от 2.05.1935; Закон о выборах в Стортинг Норвегии от 17.12.1920); в каких государствах и в каких законах прямо указаны избирательные округа в положении о выборах и в каких перечень избирательных округов указан в особом законе (Конституции Норвегии, Германии); в каких законах предоставлено право центральным избирательным комиссиям утверждать окружные избирательные комиссии (Чехословакия – «Обнародование»); в каких законах избирательным комиссиям не предоставлено право отвода кандидатов, поданных с нарушением закона (Германия, Норвегия, Чехословакия); в каких законах предусмотрена и в каких законах не предусмотрена обязанность, при предоставлении списков, одновременного представления фамилий лиц, выдвинувших тот или

⁴⁹Вопросы гражданства и гражданских прав. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 97.

⁵⁰Материалы к Конституции СССР, посланы для Секретариата конституционной комиссии как черновой набросок в феврале 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 4. Л. 26.

⁵¹Письмо члена Подкомиссии внешних дел А. Розенгольца от 3 декабря 1935 г. № 645 по вопросам Проекта Подкомиссии внешних дел Конституционной комиссии. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 101–102.

иной список (Норвегия, Германия, Чехословакия); как определяется категория лиц, лишенных избирательных прав по суду (Германия, Норвегия); кто утверждает состав участников комиссий по голосованию; где окружным избирательным комиссиям не предоставлено право произвести пересчет голосов по участковой комиссии по голосованию в случае сомнительности подсчета голосов» (Норвегия, Германия); какой срок предусматривается в разных странах для новых выборов в случае смерти или выбытия депутатов по другим причинам (Франция); какое наказание предусматривается для лиц, нарушивших избирательное право граждан (Норвегия, Франция, Чехословакия, Германия)⁵². В этом контексте предметом внимания стали даже положения законодательства о выборах в российское Учредительное собрание⁵³.

Проект Конституции был немедленно переведен на ряд языков – английский, французский, польский, китайский и др.⁵⁴ Прослеживается подчеркнутое внимание разработчиков к точности юридических формулировок в области федерализма и адекватности их терминологии западных конституций. Характерна дискуссия по этому вопросу, возникшая в связи с телеграммой директора Парижского издательства «ЭСИ» тов. Л. Муссенака, в которой он «сигнализирует» о «смысловом расхождении» в употреблении слов «*fédéral*» и «*fédéré*» во французском переводе проекта Советской Конституции и указывает на необходимость пересмотра перевода ст. 13 по 21 включительно. Этот вопрос стал предметом рассмотрения специальной комиссии во главе с А.Я. Вышинским с привлечением экспертов-лингвистов. «Русское слово “союзный” в применении к центральным органам всего Союза ССР, к центральному Правительству Союза и самому СССР, – заключили эксперты, – правильно передано в переводе французским словом “*fédéral*”. Равным образом, слово “Союзная”, в применении к отдельным республикам, входящим в состав Союза ССР, правильно переведено французским словом “*fédéré*”. Употребление слов “*fédéral*” и “*fédéré*” в указанных значениях соответствует как общепринятому значению этих слов во французском языке, так и применению этих слов во французской специальной литературе по государственному праву, в Швейцарской конституции 1874 г., во французском переводе Конституции США»⁵⁵. Как отметил Вышинский, «слова “*fédéral*”

⁵²Из буржуазных конституций. Выписки, сделанные в 1936 г. по ряду конституций и избирательных законов. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 20. Л. 1–33.

⁵³Ф. 3316. Оп. 40. Д. 20. Л. 40–43.

⁵⁴Проекты Конституции СССР, переведенные на польский, китайский, английский и другие языки. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 10.

⁵⁵Письмо Сабанина, Рудникова и Русанова о правильности перевода Конституции СССР на французский язык. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 10. Л. 261.

“fédéré” правильно употреблены в нашем переводе проекта Советской Конституции (слово “fédéral” как соответствующее русскому “Союзный” в применении к отдельным республикам, входящим в состав Союза)⁵⁶.

В распоряжении Конституционной комиссии (в Кремлевской библиотеке) находилась как европейская (соч. А. Эсмена, Г. Еллинека, Ф. Лассалья и т. п.), так и старая русская правовая и историческая литература (работы Г.Ф. Шершеневича, Г.А. Евреинова, Д.М. Петрушевского, публикации Основных законов Российской империи, либеральных конституционных проектов, стенограмм Учредительного собрания), не говоря о предшествующих советских конституциях и законодательствах (собрания советских конституций с поправками в различных изданиях). В интерпретации изменений конституционного строя (как показывают труды Г.С. Гурвича, П. Стучки, Н. Крыленко, Я.Л. Бермана, Е. Пашуканиса, В.Н. Дурденевского и др.) идеологические мотивы всегда доминировали над юридическими, зарубежному праву отводилась сугубо вспомогательная роль, а в центре внимания находилась логика «советского строительства». Этот подход доминировал в ходе обсуждения проекта⁵⁷ и принятия Конституции 1936 г.⁵⁸ Он исключал официальное признание обращения к иностранному опыту или тем более его заимствованиям. То, что для внешней аудитории преподносилось как движение в направлении западных стандартов парламентаризма, федерализма и прав человека, для внутренней – как их прямая антитеза. Внутренней аудитории разъяснялось, что «для понимания тех вопросов, которые поставлены пересмотром советской Конституции, буржуазные конституции могут дать очень мало», поскольку «служили задачам создания в народных массах иллюзии их участия в управлении капиталистическим государством и маскировали всевластие буржуазии». Напротив, сталинская конституция служит развитию «советского демократизма, является действительным средством для еще более широкого вовлечения масс в строительство пролетарского государства, для выявления всех недостатков, для борьбы с бюрократизмом, для коммунистического воспитания десятков миллионов людей»⁵⁹.

⁵⁶Письмо А. Вышинского Яковлеву Я.А. о точности французского перевода Конституции от 29 июня 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 10. Л. 260.

⁵⁷Постановление Чрезвычайного Восьмого съезда Советов СССР по докладу Сталина о проекте Конституции СССР от 1 декабря 1936 // Съезды Советов в документах. 1917–1936. С. 227.

⁵⁸Постановление Чрезвычайного Восьмого съезда Советов СССР об утверждении Конституции (Основного закона) СССР от 5 декабря 1936 // Съезды советов в документах. 1917–1936. С. 227–228.

⁵⁹Конституции буржуазных стран. Т. 1. Великие державы и западные соседи СССР. М.; Л., Гос. Соц-эк. Издат, 1935. С. 6.

5. Результаты кампании внешнего пиара

В чем виделось советским аналитикам главное достижение кампании конституционного пиара в иностранной прессе?

Сводная аналитическая записка – «Американская пресса о проекте Конституции СССР» дает ответ на этот вопрос. Прежде всего, констатировалось, что данный информационный повод оказался в центре дискуссий, отодвинув внутривнутриполитическую повестку. «Вся американская пресса (за единственным исключением газет Херста) отозвалась на обнаружение проекта новой советской Конституции передовыми статьями, комментирующими обильные сообщения о проекте, переданные московскими корреспондентами американских агентств и газет. Совпадение опубликования Конституции с разгаром съезда республиканской партии в Кливленде не сумело отодвинуть вопроса о Конституции на задний план. Сообщения о Конституции фигурировали во всех газетах на первых страницах, рядом с сообщениями о намерении Ландона кандидата республиканской партии в президенты. За продолжительный период республиканской партии, касающееся внутренней жизни СССР, не получало в американской печати такого широкого и в общем благожелательного освещения, как сообщение о новой советской Конституции»⁶⁰.

Далее, результаты информационной кампании оказались именно такими, на которые рассчитывали организаторы, закрепив позитивный образ советского режима в условиях мировой политической нестабильности. «Основные положения американской прессы могут быть резюмированы следующим образом: 1) Проект новой Конституции является показателем общей консолидации внутреннего положения СССР и признаком уверенности власти в своей силе, а также повышения культурного уровня населения за годы революции. 2) Добровольное самоограничение диктатуры беспрецедентно в истории. 3) Усиление демократии в СССР отрадно, поскольку совпадает с крушением демократии в Европе, в частности, с фашистской диктатурой в Германии и Италии. 4) Советская власть и коммунистическая партия вынуждены признать превосходство демократии над диктатурой; Советский Союз приближается к принципам, являющимся основой общественного строя США; имеется ряд аналогий между конституциями обеих стран (в частности двухпалатная система). 5) Новая Конституция усилит обороноспособность СССР и его сотрудничество с демократическими странами, не желающими войны. 6) Неизменность однопартийной системы в СССР ограничивает значение реформы. Речь идет еще не о полной демократии, но

⁶⁰ Документы об отражении Конституции в иностранной прессе. Материалы американской прессы об СССР (проекте новой Конституции СССР) 1936. Присланные из Полпредства СССР в Вашингтоне 20 июня 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 2.

о серьезном прогрессе демократии за счет диктатуры. 7) Большинство в своих комментариях исходит из непонимания того факта, что новая Конституция является осуществлением основных принципов, провозглашенных Октябрьской Революцией»⁶¹.

Наконец, существенное значение имело закрепление позитивного тренда направленным привлечением медиа-персон того времени – лидеров общественного мнения (наподобие С. Вебба, Л. Фейхтвангера, Л. Фишера, некоторых представителей русской эмиграции) с целью продемонстрировать уникальность советского конституционного эксперимента. С. Вебб по предложению Майского даже подготовил собственный проект поправок к Конституции, приняв, таким образом, участие во «всенародном обсуждении»⁶². «Дитя, родившееся в Октябрьскую революцию 1917 г., – с умилением заявлял он, – пришло в возраст и чувствует свою зрелость». Демонстрация преимуществ нового строя под его пером шла как по линии критики традиционных западных демократий, так и по линии демократизма принятия нового Основного закона: «Три основные черты новой Конституции поражают воображение. Во-первых, ее универсальность. Обоим полам и всем расам, начиная с самой первобытной и самой немногочисленной до самых высокоцивилизованных жителей Москвы или Киева, обеспечиваются одинаковые политические, экономические и социальные права. Во-вторых, призыв ко всему народу, от Балтийского моря до Тихого океана, активно участвовать в выработке основного закона народа. Проект подлежит неограниченному обсуждению всего населения, независимо от цвета кожи или языка, возраста или положения. В-третьих, включение в Конституцию 4-х кратных прав человека. Право каждого человека на вознаграждаемый труд, равным образом определенное право на отдых, не менее ясное право на образование и подчеркнутое право женщины, не в меньшей степени, чем мужчины, на полную экономическую обеспеченность во всех случаях жизни. Ни одна конституция в мире до сих пор не отличалась этими основными чертами». Вебб воспринял конституционный проект так серьезно, что выступил с очень конкретными предложениями по вопросам организации выборов: избирательные коллективы, изменение избирательных округов, намечение кандидатов при выборах, регистрация избирателей, метод голосования, должны ли народные комиссары иметь мандаты в избирательных советах – все это названия разделов его записки

⁶¹Материалы американской прессы об СССР (проекте новой Конституции СССР) 1936. Присланные из Полпредства СССР в Вашингтоне 20 июня 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 23. Л. 2.

⁶²Письмо И. Майского (Полномочного представителя СССР в Великобритании) от 9 августа 1936 г. Сталину с представлением замечаний Сиднея Вебба на конституцию. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 12. Л. 37–49.

с учетом опыта Великобритании⁶³. Сталину действительно удалось добиться своей цели, если судить по первым оценкам Конституции в западной печати и позиции левых европейских интеллектуалов. «В общем и целом, – писал Л. Фейхтвангер, – новая демократическая Конституция, которую Сталин дал Советскому Союзу, – это не просто декорация, на которую можно посматривать, высокомерно пожимая плечами». «Сталин искренен, когда он называет своей конечной целью осуществление социалистической демократии»⁶⁴.

Обсуждение Конституции СССР 1936 г. в западной печати – пример чрезвычайно успешной информационной кампании сталинского режима. Однако схематичное объяснение данного успеха политической неуклюженностью западного общества не выглядит убедительным: природа советской системы была понятна, а последующие ее интерпретации – вполне реалистичны. Важным условием успеха стало выдвижение продуманных аргументов, точное определение времени пиар-акции, совпавшей с национальными дебатами о программе «Нового курса» и проведении выборов в США; использование методики сенсационного и корректирующего пиара. Цена вопроса оказалась очень значительна: на продолжительный срок был закреплён позитивный имидж сталинизма на Западе, который не был вполне поколеблен даже в ходе параллельно начавшейся кампании массового террора в СССР.

6. Кампания «всемирного обсуждения» Конституции в СССР как внутренняя пиар-акция

Политический пиар определяется как специализированная деятельность субъектов политики, направленная на эффективное управление их публичной коммуникацией путем привлечения общественной поддержки. Наряду с конструированием новых понятий, эта деятельность включает направленную интерпретацию их смысла – вплоть до когнитивной подмены этого смысла. Как пиар-акция «всемирное обсуждение» имело целью управление конфликтом на макроуровне в таких категориях, как его институционализация, легитимация, редукция, нейтрализация. Главной задачей кампании стала нейтрализация негативного влияния источника, вызвавшего проблему. Такой проблемой безусловно являлось противоречие коммунистического мифа и способа его реализации (точнее – отсутствие такового). Для преодоления подобного диссонанса при проведении кампании использовались как позитивный, так и негативный пиар, соотношение которых определялось представлениями об атакующей и оборонительной деятельности. Фактически

⁶³Предложения Сиднея Вебба. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 12. Л. 38.

⁶⁴Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М., 1937. С. 52.

была предложена коммуникационная стратегия, направленная на распределение информационных потоков. Методом стало конструирование и навязывание новых когнитивных стереотипов – устойчивых, эмоционально окрашенных моделей восприятия реальности.

В отличие от чисто пропагандистских кампаний, здесь была принята формула пиар-акции: не монолог, а диалог, формирование новых коммуникаций, известное выстраивание «обратных связей». Вопрос о том, был ли возможен информационный обмен и реальная обратная связь между обществом и государством, не выглядит однозначно. С одной стороны, вся кампания носила имитационный характер, с другой – эта имитация не исключала проявления оппозиционных настроений и критических суждений (в отношении советской демократии и диктатуры, федерализма, институтов и проч., равно как и проведения выборов). Документы позволяют установить, что население действительно думало о предложенном «общественном договоре» – во всяком случае, по тем параметрам, которые не были жестко табуизированы. Характерно воспроизводство традиционного феномена «наивного монархизма» – попытки отстаивать «неконвенциональные» взгляды под предлогом «непонимания» официальных установок или жалоб на местное начальство, обращенных к центральной власти. Это позволяло организаторам выявлять всю палитру мнений, включая «враждебные», и планировать нейтрализацию не только реальной, но и потенциально возможной оппозиции.

С позиций теории пиара в этой кампании присутствовали все его основные разновидности: пиар проектный (приуроченный ко времени принятия Конституции) и повседневный (не ограниченный во времени и носящий мобилизационный характер); пиар «антикризисный» (в условиях стресса, вызванного, как правило «внешними силами») и рутинный (в стабильной обстановке, предполагающей планирование в силу подконтрольности ситуации); пиар событийный (новостное освещение в СМИ) и сенсационный (новость, автоматически привлекающая внимание общества). Советская сенсация заключалась в декларируемой способности диктатуры добровольно пойти на ограничение власти путем принятия концепции всеобщих демократических выборов. Наконец, это текущий пиар в различных областях деятельности – культуре, политике, хозяйственной деятельности, – все виды которого объединялись единством идеологической цели – легитимацией сталинского государства.

Пиар-сопровождение кампании включало новостное освещение событий в СМИ (таких как праздник, юбилей, выставка, пресс-конференция), ее продвижение – создание такого рода событий, которые сами по себе интересны СМИ, но чей «провоцирующий» характер не очевиден аудитории. В рамках «всенародного обсуждения» первая задача решалась созданием особой атмосферы праздника принятия Конституции,

которая впервые в истории полностью осуществила самые смелые чаяния человечества; вторая – выдвиганием явно нереализуемых, завышенных ожиданий сенсационного характера, работавших, однако, на общую концепцию закрепления новой когнитивной схемы.

Это позволяет объяснить значение корректирующей пиар-акции, направленной на закрепление желательных когнитивных схем и нейтрализацию (в идеале полное вытеснение) нежелательных. Инструментами решения проблемы выступали: создание информационных событий (псевдособытий), сегментирование информации (создание узкоспециальных информационных потоков) и использование приемов, провоцирующих аудиторию на запрограммированную реакцию (интрига, скандал) с целью достижения совершенно конкретной цели пиар-акции. Анализ корректирующей пиар-акции позволяет понять связь обсуждения конституции с террором и механизмом власти. Главным достижением корректирующей пиар-акции следует признать конструирование единого образа «врага», включавшего как внешних, так и внутренних оппонентов режима.

Пиар-кампания под названием «всенародное обсуждение конституции» продемонстрировала успешность использованных информационных технологий «от двери к двери».

7. Организация и методы проведения кампании

Как всякая пиар-акция, «всенародное обсуждение» в СССР включало ряд основных этапов: 1) определение проблемы (сбор информации; изучение внутренних и внешних факторов; анализ данных); 2) планирование и программирование (система определения индикаторов, эффективности, цели, контроль, коммуникация); 3) реализация (воззвание о миссии, единодушное одобрение всеми практических действий и ответственных лиц). Когнитивно-информационные цели акции – закрепление установок, смена их с негативных на позитивные, программирование поведения.

Кампания планировалась и осуществлялась в масштабах всей страны, была направлена на все значимые группы населения, а методом ее проведения становилось выстраивание особой системы коммуникаций – регулируемых «обратных связей» между обществом и властью. «Нет, – констатировалось в докладной записке, – ни одного самого отдаленного места в Союзе ССР, где бы обсуждение проекта Конституции не вызвало подъема политической и производственной активности. Необычный рост этой активности иллюстрируется многочисленными примерами. Всенародное обсуждение проекта Конституции вылилось в широкую демонстрацию преданности народных масс делу социализма в своей

Родине». Кампания должна была продемонстрировать не только лояльность режиму, но и искусственно стимулировать общественный подъем, вовлечение населения (через массовые акции и собрания) и мобилизационные цели (рост производительности труда)⁶⁵.

Этим объясняется система критериев отчетности, зафиксированная в сводных информационных документах: особое внимание обращалось на процент вовлеченного населения и статистическую динамику поступивших от него предложений и дополнений к проекту Конституции⁶⁶; дифференциацию повторяющихся и неповторяющихся предложений (которые составляли примерно 1/10 от всей их совокупности)⁶⁷; вклад кампании в решение мобилизационных целей (укрепление правил «социалистического общежития», «социалистической семьи», дисциплины труда, стимулирование «новой производительности труда», «разоблачение и предание правосудию нарушителей Конституции, невзирая на лица») ⁶⁸. Статистические данные по этим вопросам регулярно обобщались в сводных справках, раскрывающих динамику изменений за несколько месяцев⁶⁹. Данная аналитическая деятельность проводилась Орготделом Президиума ЦИК СССР, который обобщал информацию различных источников: «Учет предложений и обобщение материалов, – констатировали эксперты, – проводится по: а) 500 газетам (названиям) республик, краев, областей и промышленных районов; б) по информационным сводкам отдельных исполкомов, ЦИК республик и отдельных газет; в) по письмам, поступившим в ЦИК Союза ССР. За прошедшее время выпущено 8 сводок, в них учтено 2 102 предложения»⁷⁰.

О серьезности отношения к кампании властей свидетельствует тот факт, что для ее осуществления были мобилизованы административные ресурсы всех советских институтов, проведение «обсуждения» и анализ его итогов осуществлял ЦИК СССР, его Президиум и лично М.И. Калинин, а за четким выполнением всех инструкций внимательно наблюдал секретариат (Секретарь ЦИК СССР И. Акулов). Сугубо «формальное» отношение советского аппарата к кампании объяснялось

⁶⁵ Докладная записка о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции СССР на 15.10.1936. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 12. Л. 170.

⁶⁶ Информационная сводка 3/13 предварительных итогов поступивших предложений и дополнений, вносимых тружущимися к проекту новой Конституции СССР на 15.10.1936. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 17.

⁶⁷ Письмо И.о. зав. отд. П. Туманова (Организационный отдел Президиума ЦИК Союза ССР) т. Сталину. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 17. Л. 1.

⁶⁸ Справка о предложениях и поправках, вносимых к проекту новой Конституции. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222 Л. 21–22.

⁶⁹ Справка о проведенной работе по учету и обобщению материалов по всенародному обсуждению проектов новой Конституции за время с 12.06 по 1.08 с.г. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 25–27.

⁷⁰ Чрезвычайный 8-й съезд Советов «О ходе всенародного обсуждения проекта новой Конституции. Июль – декабрь, 1936 г.». Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 25.

тем, что она первоначально рассматривалась чиновниками как обычная пропагандистская акция. В телеграмме Калинина всем председателям ЦИК союзных, автономных республик, краевых, областных исполкомов (август 1936 г.) констатировалось: несмотря на принципиальное значение акции, многие советы «плохо понимают и не содействуют всенародному обсуждению, не обеспечили изучения проекта Конституции национальными меньшинствами на родном языке, не организовали учета обобщения поступающих предложений и дополнений». «Такое положение является нетерпимым. Председатели советов исполкомов обязаны обеспечить подлинное всенародное обсуждение проекта Конституции всеми гражданами СССР на их родном языке, организовать тщательное обсуждение проекта Конституции на пленумах советов, секциях, депутатских группах с привлечением массового актива советов, организовать повседневный учет и обобщение поступающих предложений и дополнений к Конституции, систематически заслушивать на заседаниях исполкомов советов информацию о ходе всенародного обсуждения Конституции. Ежедекадно информируйте Президиум ЦИК СССР о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции, также присылайте сводки вносимых предложений и дополнений»⁷¹.

Советская бюрократия, однако, выжидательно отнеслась к этому предложению, предпочитая переадресовать проведение сложной имитационной кампании более влиятельным партийным структурам. Циркулярное письмо Калинина председателям ЦИК союзных и автономных республик и обкрайисполкомов не оставило им этого шанса. В нем констатировалось, что «ряд советов и исполкомов всенародным обсуждением проекта Конституции руководят слабо, а иногда и самоустраиваются, считая, что эту работу обязаны проводить только партийные организации. Некоторые советы и исполкомы до сего времени не организовали тщательного обсуждения гражданами проекта Конституции СССР, совершенно не обобщают материалов всенародного обсуждения, не изучают и не учитывают поступающих предложений; проходят мимо фактов срыва обсуждения проекта Конституции национальными меньшинствами на их родном языке». В качестве меры борьбы с этим решено было «возложить персональную ответственность за руководство всенародным обсуждением проекта Конституции СССР и обобщение поступающих предложений и дополнений к нему лично на председателей советов и исполкомов»⁷².

⁷¹Телеграмма Всем председателям ЦИК Союзных, Автономных республик, краевых, областных исполкомов. За подписью Председателя ЦИК СССР М. Калинина (август 1936). Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 33.

⁷²Циркулярное письмо председателям ЦИК Союзных и Автономных республик и Обкрайисполкомов от М. Калинина. Секретарь ЦИК СССР И. Акулов (08.1936). Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 34.

8. Приоритетные задачи кампании в СССР и эффективность ее осуществления

Приоритетные задачи кампании четко отражены в разработанных аппаратуре принципах и критериях отчетности, затребованной от всех центральных и местных учреждений. От председателей ЦИК союзных и автономных республик, председателей краевых и областных исполнительных комитетов была (специальным письмом от 28.08.36 за подписью Акулова) запрошена «статистическая информация, посылаемая в вышестоящие советы и исполкомы два раза в месяц»⁷³. Был разработан специальный документ – «Схема информационной отчетности о всенародном обсуждении проекта Конституции СССР, совета, района, республики», включавшая следующие параметры: «1. Как проходило и проходит обсуждение проекта Конституции Союза ССР (указать месяц и число) на пленумах райисполкомов, горсоветов, сельсоветов и поссоветов, а также в секциях и депутатских группах. Были ли случаи срыва этих пленумов и по чьей вине. Активность членов советов и районов на пленумах по обсуждению проекта Конституции СССР. Сколько присутствовало, количество выступающих и число внесенных к проекту предложений (приложить характерные постановления пленумов, дополнения и предложения к Конституции, внесенные депутатами). 2. Как проходит обсуждение проекта Конституции СССР трудящимися фабрик, заводов, колхозов, совхозов и т. д. Указать формы обсуждения (собрания, беседы, читальни и др.). Активность трудящихся при обсуждении проекта Конституции: сколько присутствовало, количество выступавших, число внесенных предложений и др. (приложить наиболее характерные выступления). Поправки, замечания и предложения по проекту Конституции учитываются полностью и представляются отдельными сводками. Привести отдельные факты, характеризующие новую производственную и политическую активность трудящихся в связи с всенародным обсуждением проекта Конституции (рост числа ударников, стахановцев, организация стахановских бригад, смен, досрочное выполнение планов, борьба за качество и т. д.). 3. Развернута ли во время обсуждения проекта Конституции СССР критика недостатков работы Советов и исполкомов (привести характерные примеры). Имели ли место в связи с обсуждением проекта Конституции отводы отдельных депутатов за плохую работу и по другим порочащим причинам (привести примеры). 4. Обеспечено ли обсуждение проекта Конституции среди нацменьшинств на их родном языке. 5. Имели ли место факты политически неправильного толкования проекта Конституции СССР при его обсуждении (указать, в чем они состояли). 6. Имели ли место вылазки

⁷³Письмо от 28.08.36 за подписью Акулова. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 37.

классовых врагов при обсуждении проекта Конституции СССР и в чем они выражались. 7. В чем выражается организующая роль Советов и помощь Советов и исполкомов нижестоящим Советам и исполкомам во всенародном обсуждении проекта Конституции. Председатель Совета. Число. Подпись»⁷⁴.

Специальный документ – «Статотчетность о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции СССР – Совета, района (область, край) республики, исполкома» – фиксировал количественно выраженные параметры обсуждения: «I. 1. Проведено пленумов и исполкомов по обсуждению проекта Конституции. 2. Заседаний секций и депгрупп по обсуждению проекта Конституции. 3. Присутствовало на пленумах Советов и исполкомов членов Советов и кандидатов в % к общему составу. 4. Присутствовало на пленумах советов и исполкомов не членов советов. 5. Внесено предложений по вопросу об изменении и дополнении проекта Конституции. II. 6. Проведено всего собраний по обсуждению проекта Конституции на предприятиях, в колхозах и т.д. 7. Присутствовало на собраниях лиц в % к общему количеству трудящихся этих предприятий и организаций. 8. Количество предложений к проекту Конституции. 9. Поступивших в индивидуальном порядке. 10. Всего внесено предложений по вопросу об изменении проекта Конституции. Председатель Совета, исполкома. Подпись». Специальным примечанием оговаривалось, что «эта форма информационной и статистической отчетности устанавливается для сельсоветов, горсоветов, райисполкомов, окрисполкомов, край(обл)исполкомов и ЦИКов автономных союзных республик. Сведения представляются нарастающим итогом в вышестоящий исполком каждые две недели»⁷⁵.

9. Дисфункции кампании и способы их преодоления

Отмечавшиеся дисфункции в проведении обсуждения показывают, чего опасались и хотели избежать организаторы кампании. В директивных документах стоял вопрос не только о количестве, но качестве обсуждения – степени интенсивности вовлечения населения в имитационные мероприятия. Атмосфера всеобщего энтузиазма и дисциплинированного обсуждения Конституции, отмечалось в докладной записке Орготдела Президиума ЦИК СССР (П. Туманов) от 5 августа 1936 г., омрачается тем, что «некоторые советы и исполкомы подошли формально к этому важнейшему вопросу, не обеспечили глубокого изучения каждой статьи проекта новой Конституции, не обобщают материалов по обсуждению,

⁷⁴Схема информационной отчетности о всенародном обсуждении проекта Конституции СССР, совета, района, республики. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 38–39.

⁷⁵Там же. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 40.

не занимаются учетом и изучением вносимых предложений». Некоторые не читали Конституции, другие неправильно объясняли смысл ее положений массам, третьи свели дело к формальному одобрению, ссылаясь на необходимость быстро сделать отчеты, наконец, некоторые не учитывали предложений трудящихся и не обобщали их, чем разрушали весь ритуал, некоторые не объясняли Конституцию национальным меньшинствам на их родном языке⁷⁶.

С целью исправить упущения в регионах организаторами были проведены особые ревизионные «кейс-стадиз» кампании на местах, в частности – Оршанском и Борисоглебском районах БССР, результаты которых отражены в справке инструктора Президиума ЦИК Союза БССР И. Батицева от 7 сентября 1936 г.: «Обсуждение проекта Конституции в этих районах, – суммировал он, – прошло кампанейски. Проект Конституции даже не был обсужден на пленумах райисполкомов и горсоветов. Из бесед с членами с/советов и колхозным активом видно, что основ проекта новой Конституции не знают даже члены с/советов и колхозный актив»⁷⁷. В другой записке (от 11 сентября 1936 г.) И. Батицев выявлял опасные отступления от санкционированных установок: «К политически неправильным выступлениям в связи с обсуждением проекта Конституции необходимо отнести выступление на собрании Оршанского городского партактива председателя межрайонной комиссии по определению урожайности Когана (б. троцкиста). В своем выступлении Коган сказал, что новая Конституция является второй программой ВКП(б), что восстановление в избирательных правах всех классовых врагов не страшно, потому что у нас отсутствуют какие бы не было элементы и возможности классовой борьбы». Вина за это возлагалась на местные органы власти: «В заключение необходимо отметить, что Оршанский и Борисовский райисполкомы недооценили политического значения организации трудящихся масс для всенародного обсуждения проекта Сталинской конституции»⁷⁸.

Местной администрации ревизорами инкриминировались следующие отступления: не сделали своевременных выводов из телеграммы Калинина, не обсудили проект даже на пленумах райисполкомов, спустив соответствующие директивы сельсоветам. В результате содержания Конституции не знает даже «актив», не говоря о «трудящихся».

⁷⁶ Докладная записка в Президиум ЦИК СССР о ходе всенародного обсуждения проекта новой Конституции СССР по отдельным областям, краям и республикам от 5 августа 1936 г. за подписью И.О. зав. Орготдела Президиума ЦИК СССР П. Туманова. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 28–32.

⁷⁷ Справка об организации всенародного обсуждения проекта Конституции СССР в Оршанском и Борисоглебском районах БССР составленная инструктором Президиума ЦИК Союза БССР И. Батицевым 7 сентября 1936 г. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 45.

⁷⁸ Записка И. Батицева от 11 сентября 1936. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 47–48.

Косвенным подтверждением этого факта являются бессмысленные предложения, направленные в газеты: «разъяснить или заменить более понятными иностранные слова, встречающиеся в тексте конституции», «сократить производство водки», повысить социальное обеспечение, зафиксировать, что СССР есть «родина трудящихся» или «социалистическое отечество трудящихся» и т. д.⁷⁹

Представляет интерес общий вопрос – в какой степени кампания оказалась эффективна с точки зрения заявленных целей – как формальных, так и неформальных? Сомнения в успешности отражены в закрытых документах: «Несмотря на телеграмму тов. Калинина от 14 августа и указание от 28 августа сего года о разработке и обобщении поправок и дополнений к проекту Конституции СССР, – констатировал Акулов на завершающем этапе кампании (23. 09. 36), – у нас эта работа организована слабо. Материалы нам не поступают. Напоминаем вторично о необходимости организовать учет и сводку предложений и дополнений к проекту Конституции и присылку в сводном виде ЦИК СССР в соответствии указаниям от 28 августа»⁸⁰. Результатом стали телеграммы-отписки о невозможности своевременно прислать информацию по разным причинам и повторные угрозы центра. Очевидно, что мощный идеологический прессинг Центра обеспечил механическое расширение «обсуждения», но одновременно вел к припискам, демонстрировавшим псевдоактивность и лицемерное славословие местных властей⁸¹. Это как минимум позволяет поставить под вопрос уровень единства «все-народной поддержки» Конституции населением, значительная часть которого, по-видимому, смутно представляла смысл и значение обсуждаемых вопросов. Однако не позволяет сомневаться в общем успехе данной кампании как акции политического пиара.

10. Миф сталинской Конституции и советская политико-правовая традиция номинального конституционализма

Очевидно определяющее место Конституции 1936 г. для понимания логики всего номинального конституционализма: она создала его несущую основу, сохраняя значение до конца советского режима. Чрезвычайно эффективная кампания внешнего и внутреннего пиара способствовала созданию успешного мифа о «самой демократической Конституции», оказавшегося настолько прочным, что его отзвуки

⁷⁹Поправки и дополнения к Конституции 1936 г. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 11. Л. 219–228.

⁸⁰От Председателя ЦИК – телеграмма Акулова от 23.09.36. Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 92.

⁸¹Образец лицемерного славословия: Докладная записка «О ходе всенародного обсуждения проекта Конституции СССР». Ф. 3316. Оп. 8. Д. 222. Л. 65–73.

слышны до настоящего времени. Этот миф стал основой легитимности советского режима, что крайне затрудняло его пересмотр в рамках советской идеологии.

Наиболее серьезная попытка такого пересмотра имела место в период «оттепели» начала 1960-х годов и была связана с предполагавшейся разработкой проекта новой «коммунистической» Конституции. В аппарате Верховного Совета СССР были собраны значительные аналитические материалы по данному вопросу⁸². Внимание аналитиков оказалось направлено на те вопросы, по которым сталинская конституция изменяла предшествующий советский конституционализм. Это, во-первых, – эволюция непосредственной демократии (Съезды Советов 1917–1936 гг.)⁸³; история советских Конституций⁸⁴; внимательный анализ ее разработки и реализации⁸⁵; трудности разработки Конституции 1936 г.⁸⁶; подготовка текста и принятие Конституции 1936 г.⁸⁷; сбор архивных данных о подготовке и принятии Конституции⁸⁸; соотношение окончательного текста проекта и отдельных проектов и записок⁸⁹; систематизация материалов, связанных с подготовкой и принятием Конституции СССР 1936 г.⁹⁰; реконструкция концепции «местных советов»⁹¹; анализ положений о соотношении советских и партийных органов в политической системе⁹².

Предметом изучения стало функционирование политической системы по результатам принятия Конституции. В центре внимания оказались вопросы разработки и проведения в жизнь некоторых по-

⁸²Материалы по истории разработки первой советской Конституции 1936 г. Ф. 7523 (Верховный Совет СССР). Оп. 131. Д. 2.

⁸³Справка «Съезды Советов в документах 1917–36 гг.» (выписки из постановлений). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 2. Л. 95–101.

⁸⁴Справка «К истории Конституции». Ф. 7523. Оп. 131. Д. 2. Л. 102–126.

⁸⁵Копия справки (А. Лукьянов, В. Ракушин) «К вопросу о разработке и проведении в жизнь некоторых положений Конституции 1936 г.». Ф. 7523. Оп. 131. Д. 2. Л. 142–171.

⁸⁶Копия справки от 2.05.1964 (А. Лукьянов) по вопросу разработки Конституции 1936 г. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 2. Л. 132–136.

⁸⁷Справка о подготовке и принятии Конституции 1936 г. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 2. Л. 137–141.

⁸⁸Справка о материалах по разработке и принятию новой Конституции СССР 1936 г., выявленных в делах фонда ЦИК СССР (от 5.09.1974). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 2. Л. 172–174.

⁸⁹Копия письма Г. Байчурина на имя Сталина и Акулова (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 32. Л. 30–34). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 2. Л. 128–131.

⁹⁰Справка о некоторых материалах, связанных с подготовкой и принятием Конституции СССР 1936 г. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 2. Л. 175–180.

⁹¹Историческая справка к разделу «Местные советы». Ф. 7523. Оп. 131. Д. 2. Л. 181–194.

⁹²Выписка «8 съезд РКП(б) по организационному вопросу». Ф. 7523. Оп. 131. Д. 2. Л. 127.

положений Конституции СССР 1936 г.⁹³; подготовка принятия Конституции СССР 1936 г.⁹⁴; изменения и дополнения к Конституции 1936 г.⁹⁵ Был проанализирован весь круг институциональных проблем: вопросы, рассмотренные на заседаниях и сессиях ВЦИК (1917–1923)⁹⁶; «Комиссии ВЦИК (организации и деятельности Комиссий ВЦИК в 1917–1936 гг.)»⁹⁷; практика заслушивания на съездах советов СССР и РСФСР отчетных докладов Правительства СССР и РСФСР, высших органов государственной власти, наркоматов, ведомств и местных исполнительных органов⁹⁸. Специальный блок анализируемых тем – избирательная система, права и обязанности депутатов Советов (по материалам Конституции РСФСР 1918 г., Конституций СССР 1924–1936 гг.)⁹⁹; разработка проекта Конституции СССР 1936 г. (по документам и материалам Госархива Октябрьской революции)¹⁰⁰. Результатом этой работы стал сводный документ – Докладная записка тов. Брежневу Л.И. (Председателю Президиума ВС СССР) – «Некоторые данные о подготовке Конституции СССР 1936 года и рассмотрении этих материалов у Сталина»¹⁰¹.

По результатам этих исследований аппаратом Президиума ВС СССР была представлена критика сталинской Конституции по тем направлениям, которые рассматривались в качестве приоритетных в эпоху «оттепели». Критические аргументы суммированы в записке – «Некоторые вопросы Конституции 1936 г. в свете культа личности И.В. Сталина»

⁹³О разработке и проведении в жизнь некоторых положений Конституции СССР 1936 г. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 1 (1962). Л. 56–85.

⁹⁴Копия справки Секретариата Постоянных комиссий Совета Союза и Совета национальностей о подготовке принятия Конституции СССР 1936 г. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 1 (1962). Л. 86–90.

⁹⁵Об изменениях и дополнениях Конституции 1936 г. Ф. 7523 (Верховный Совет СССР). Оп. 131. Д. 1 (1962). Л. 91–115.

⁹⁶Справка (В. Жданов) о вопросах, рассмотренных на заседаниях и сессиях ВЦИК (1917–23 гг.) Ф. 7523 Оп. 131. Д. 1 (1962). Л. 116–123.

⁹⁷Справка научных сотрудников Института государства и права АН СССР С. Ронина и А. Давидовича «Комиссии ВЦИК (организация и деятельность в 1917–1936 гг.)». Ф. 7523. Оп. 131. Д. 1 (1962). Л. 124–146.

⁹⁸Справка Секретариата Совета Союза и Совета национальностей о практике заслушивания на съездах Советов СССР и РСФСР отчетных докладов Правительства СССР и РСФСР, высших органов государственной власти, наркоматов, ведомств и местных исполнительных органов. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 1 (1962). Л. 147–152.

⁹⁹Копия справки (В. Григорьев, Р. Кулик) «Избирательная система, права и обязанности депутатов Советов (по материалам Конституции РСФСР 1918, Конституций СССР 1924–1936 гг.)». Ф. 7523. Оп. 131. Д. 1 (1962). Л. 153–193.

¹⁰⁰Справка Юридического отдела о разработке проекта Конституции СССР 1936 г. (по документам и материалам Госархива Октябрьской революции). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 1 (1962). Л. 193–233.

¹⁰¹Докладная записка тов. Брежневу Л.И.: Некоторые данные о подготовке Конституции СССР 1936 года и рассмотрении этих материалов у Сталина. Ф. 7523 (Верховный Совет СССР). Оп. 131. Д. 1 (1962). Л. 16–55.

(21.10.1962)¹⁰². Во-первых, стала доминирующей идея о несоответствии Конституции 1936 г. так называемым «ленинским нормам»: «Конституцию 1936 г., – писал автор записки (Л. Мандельштам), – можно назвать условно сталинской в том смысле, что она включает некоторые установления, которые не находятся в соответствии с ленинским принципом государственного строительства. Сыграв на определенном этапе свою положительную роль, Конституция 1936 г. ныне превратилась в тормоз дальнейшего развития советской демократии»¹⁰³. Во-вторых, ее принципы были признаны нежизнеспособными: «Если бы строго соблюдать требования Конституции 36 г., то работа высших органов государственной власти, например в области законодательства, зашла бы в тупики, тем самым был бы нанесен ущерб интересам государства». В-третьих, констатирувалось, что конституция не соответствовала действительности, ибо практика развивалась вопреки нормам: «Но жизнь опрокинула некоторые барьеры, поставленные Конституцией, и государственная практика стала развиваться вопреки требованию конституционных норм»¹⁰⁴.

Основные недостатки Конституции 1936 г. усматривались в следующем. 1. Отказе от непосредственной демократии (съездов Советов) в пользу представительной модели власти – «советский парламентаризм» интерпретировался как уступка «буржуазной теории» разделения властей; 2. Смешении партийных и советских институтов. Была восстановлена из небытия формула VIII съезда РКП(б) по организационному вопросу: «Смешивать функции партийных коллективов с функциями государственных органов, каковыми являются Советы, ни в коем случае не следует. Такое смешение дало бы гибельные результаты, особенно в военном деле. Свои решения партия должна проводить через советские органы, в рамках Советской Конституции. Партия старается руководить деятельностью советов, но не заменять их»¹⁰⁵. 3. Отмечались отступления Конституции 1936 г. от логики советского федерализма: «Конституция СССР 1924 г. относит к ведению Союза ССР установление лишь основ судостроительства и судопроизводства, основ гражданского и уголовного законодательства. Это означало, что союзные республики имели право, руководствуясь такими основами, самостоятельно определять судостроительство и судопроизводство и издавать собственные гражданские и уголовные кодексы. С принятием Конституции СССР 1936 г. союзные республики лишились этого права, т. к. законодательство о судостроительстве и судопроизводстве, а также издание гражданского и

¹⁰²Справка (Л. Мандельштам) «Некоторые вопросы Конституции 1936 г. в свете культа личности И.В. Сталина» (21.10.1962). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 2. Л. 73–94.

¹⁰³Там же. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 2. Л. 75.

¹⁰⁴Там же. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 2. Л. 76.

¹⁰⁵Материалы по истории разработки советской Конституции 1936 г. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 2. Л. 127.

уголовного кодексов было отнесено Конституцией к исключительному ведению Союза ССР»¹⁰⁶. В результате была поставлена под сомнение аутентичность Конституции мифическим «ленинским нормам». С этим связана попытка их последовательной реконструкции¹⁰⁷, для чего суммировался массив партийных решений и высказываний Ленина по вопросам советской Конституции¹⁰⁸.

Однако, критикуя Конституцию 1936 г., советские юристы не смогли противопоставить ей ничего другого. Конституция определенно выразила советский режим на пике формы. Трудность ее пересмотра упиралась в следующие причины: она сформулировала суть советской диктатуры; довела до предела разрыв идеологических форм и политической реальности; создала основу мобилизационной экономики; легитимировала социальный переворот, закрепила подразумеваемую роль партии и вождя. Этим объясняется ее логическая цельность и своеобразная эстетика сурового имперского минимализма. Конституция 1936 г. оказалась самой длительной по времени существования в истории советского номинального конституционализма.

11. Исчерпание конституционного мифа и попытки его ревитализации

Основной вызов существованию Конституции 1936 г. не мог исходить изнутри системы, не готовой поставить под сомнение основополагающие принципы своего существования. Он шел извне и состоял прежде всего в идеологии прав человека, последовательно расширявшей сферу своего воздействия в глобальной перспективе. Поворотным пунктом стало принятие «Всемирной декларации прав человека» (1948) и «Европейской конвенции прав человека» (1950), последующие изменения в международном и конституционном праве.

Советская конституционная доктрина, опиравшаяся на классовую теорию права, не сразу осознала данный вызов. В записке «О некоторых буржуазных конституциях»¹⁰⁹ констатировалось, что они движутся к укреплению исполнительной власти за счет законодательной: «В период общего кризиса капитализма происходит все более быстрое разло-

¹⁰⁶История разработки Конституции РСФСР 1918 г. Копия справки: В.И. Ленин – создатель первых советских конституций. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 3 (1962–1964). Л. 109.

¹⁰⁷Копия справки: «В.И. Ленин – создатель первых советских конституций». История разработки Конституции РСФСР 1918 г. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 3 (1962–1964). Материалы по истории разработки первых советских Конституций и Конституции СССР 1936 г. Л. 98–142.

¹⁰⁸Решения КПСС и произведения Ленина по вопросам советской Конституции (библиографическая справка). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 3 (1962–1964). Л. 143–174.

¹⁰⁹О некоторых буржуазных конституциях. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 3 (1962–1964). Л. 137–142.

жение буржуазной демократии, усиление политической реакции. Поход империалистической буржуазии против демократии находит свое отражение в буржуазных конституциях. В этой связи следует отметить две тенденции: во-первых, изменения конституции в реакционном направлении; во-вторых, углубление фиктивного характера буржуазных конституций». Примеры – конституции и развитие политических систем Франции, ФРГ, Англии и США по линии усиления исполнительной власти перед законодательной¹¹⁰. Но таков же, по мнению аналитиков, оказался, в сущности, вектор советского конституционализма с принятием сталинской Конституции – ее номинальность не препятствовала централизации власти и управления.

Попытки пересмотра советской модели отмечались в новых конституциях стран «народной демократии», некоторые из которых стремились отойти от сталинской бюрократической системы. Этот вывод сформулирован в записке «Особенности конституций стран народной демократии»: «Конституции большинства стран народной демократии, – констатируется здесь, – разрабатывались под влиянием советских конституций, в особенности Конституции СССР 1936 г.» В этих конституциях много общего с действующей советской Конституцией. Вместе с тем отмечены элементы новизны. Их представляют «в особенности новейшие конституции, вступившие в действие в 1960 г. (Конституции Чехословацкой Социалистической Республики, Монгольской Народной Республики, Демократической Республики Вьетнам)»¹¹¹.

Дальше всех по пути ревизии сталинской модели пошли югославские коммунисты. Их опыт представлен в записке «Подготовка проекта новой Конституции Югославии». В ней проанализирована работа Конституционной комиссии под руководством Э. Карделя, которая должна была подготовить текст новой Конституции. Основы общественного и политического устройства, права и обязанности граждан Югославии, отмечает записка, были до этого определены в двух документах – Конституционном законе 1953 г. и тех главах Конституции, принятой в 1946 г., которые не были отменены после принятия Конституционного закона. Исходя из критики советской сталинско-бюрократической системы, с тревогой отмечали авторы записки, Комиссия выдвинула ряд новых идей: об «отмирании государства»; постепенном, а не единовременном становлении «общественной собственности»; о развитии рабочего самоуправления. Согласно данному подходу, государственная собственность при социализме рассматривалась как низшая форма об-

¹¹⁰О некоторых буржуазных конституциях. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 3 (1962–1964). Л. 137.

¹¹¹Особенности конституций стран народной демократии. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 3 (1962–1964). Л. 120–129.

пественной собственности. В югославском проекте записка отмечала расширение роли Союзной народной скупщины (путем наделения ее инициативой в разработке законопроектов и расширения ее функций контроля за деятельностью правительства и других органов управления); положение о том, что никто не может быть депутатом скупщины или членом Исполнительного веча (правительства) два избирательных срока подряд; положение о правах человека на рабочем месте¹¹². Все эти идеи воспринимались советскими коммунистами как опасная ересь, однако заставляли задуматься о целесообразности сохранения конституционной модели 1936 г.

Замена Конституции 1936 г. Основным законом «развитого социализма» (1977) вносила мало нового и была скорее тактическим шагом – средством камуфлировать репрессивную систему в условиях распространения идеологии прав человека (после ратификации СССР Хельсинских соглашений 1975 г.), придать новый импульс затухающей государственной идеологии, обеспечить дополнительную правовую легитимность коммунистической партии, вытеснить воспоминание о сталинских репрессиях в условиях растущего идеологического противостояния с Западом.

12. Значение сталинской технологии политического пиара

Конституция 1936 г., будучи по сути фиктивной, заложила основы советского номинального конституционализма на длительный период времени. Юридическая фиктивность Конституции не исключала ее вполне реального социального эффекта. Значение документа состояло вовсе не в декларированных принципах, но в создании квазиправовой реальности, обеспечивавшей возможность осуществления государством социальной мобилизации в невиданных ранее исторических масштабах. Достижению этой цели служила кампания по «обсуждению» Конституции, которая тотально дезориентировала общество, реконструировала его сознание и структуру в новых категориях, навязала ему ту трактовку основных юридических понятий, которые соответствовали целям репрессивной однопартийной диктатуры. Организация всенародного обсуждения выступает как идеально спланированная пропагандистская кампания в форме внешней и внутренней акции политического пиара со всеми атрибутами ее осуществления. Эта акция уникальна в мировой истории по масштабам, формам и интенсивности проведения. При ее проведении был найден оптимальный баланс внешнего и внутреннего образа власти.

¹¹²Подготовка проекта новой Конституции Югославии. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 3 (1962–1964). Л. 129 – 136.

Во внешней среде информационная кампания, построенная по последнему слову американских пиар-технологий, была всецело направлена на устойчивые стереотипы и ожидания западного сознания. Она была ориентирована на те страхи, которые существовали в американском и европейском обществе рассматриваемого периода, связанные с экономическим кризисом, международной нестабильностью и установлением фашизма в Европе. Кампания предлагала четкие ответы на основные социальные запросы эпохи «нового курса», связанные со стремлением преодолеть драматический разрыв между консервативными правовыми формами и представлениями о социальной справедливости, который стал выражением кризиса Великой депрессии.

Была предложена такая повестка дискуссии, которая вполне удовлетворяла правящие круги США: представление о последовательном переходе от коммунистической революции к конституционной стабильности, предполагавшем реставрационную или даже «термидорианскую» логику развития советского режима. Демонстрировалось внешнее сходство нового строя с парламентскими и представительными институтами либеральной демократии, что стало особенно значимым фактором на фоне консолидации фашистских диктатур. Это допускало предположение о «доброй воле» сталинского руководства, сверху насаждающего демократию в виде перехода к всеобщему избирательному праву. Серьезным аргументом в поддержку данной трактовки становился международный аспект дискуссии – позиционирование СССР как союзника Запада в борьбе с новой и чрезвычайно опасной формой экстремизма – фашистской угрозой.

Во внутренней среде в центре внимания оказывалась повестка конституционной реформы, подкрепленная развернутой в СССР кампанией по «всенародному обсуждению Конституции». «Всенародное обсуждение» сталинской Конституции есть акция, которую следует поместить между пропагандой и пиаром в их современном понимании. С одной стороны, это была, несомненно, пропагандистская кампания, направленная на внедрение ложного мифа о «стране победившего социализма», «подлинной демократии» и «государстве трудящихся». С другой стороны, это была продуманная пиар-акция, решавшая задачи укрепления нового политического режима. Ее субъектом являлась политическая власть, объектом – вся «советская общественность». Проблема состояла в преодолении когнитивного диссонанса – кризиса ожиданий, связанных с утратой веры в «мировую коммунистическую революцию» путем выхода из революционных потрясений – реализации нового социального контракта власти и общества – стабильность в обмен на активную лояльность. Поэтому методом не могла стать простая индоктринация (пропаганда в узком понимании термина). Требо-

валось именно превращение информации в коммуникацию, причем это была «двусторонняя» коммуникация, формально предполагавшая диалог сторон и теоретически допускавшая даже корректировку первоначального замысла. О том, что подобная коммуникация действительно имела место, говорит, во-первых, появление «неконвенциональных» («враждебных», по терминологии источников) предложений со стороны части общества, во-вторых, необходимость официального разяснения их «ошибочного» характера; в-третьих, табуизация ряда тем с целью их механического исключения из обсуждения.

С этих позиций проясняются декларативные и реальные цели и задачи кампании: создание новой картины мира – пространства, времени и смысла существования; соотношения идеологии и права в общественном восприятии; конструирование новой социальной реальности – фреймов социальной структуры и иерархии; закрепление новой институциональной структуры; определение когнитивного доминирования правящей группы и культа вождя. Кампания была нацелена на перестройку идеологической формулы (подмена коммунизма «победой социализма»), перелицовку фасада («всеобщие выборы» вместо классовых ограничений); реформу политической системы («советский парламентаризм» вместо прямой диктатуры); соотношения прав и обязанностей (в пользу последних); структуры номинальных институтов власти и ее символов (закрепление в сознании культа личности).

В ходе «всенародного обсуждения» решалась важная задача – дрессировка общества (в бихевиористском смысле) путем подмены декларированных правовых норм их трактовкой с искаженным смыслом (знаменитое «двоемыслие»); фиксация социально приемлемого и неприемлемого поведения; конструирование образа врага (внешнего и внутреннего) и его стигматизация. В целом выясняется связь принятия Конституции с Большим террором, являвшимся важнейшим инструментом закрепления когнитивного доминирования сталинской элиты. О продуманности социальной техники проведения кампании говорит четкость организации и отчетности, сегментирование информационных потоков для различных целевых групп (народных масс, национальных меньшинств, иностранцев, интеллигенции, эмиграции).

С позиций политического пиара данная акция должна быть оценена как несомненный успех ее инициаторов, поскольку решила поставленную проблему – выход из кризиса коммунистической утопии при сохранении и укреплении легитимирующей основы режима. Кумулятивное воздействие акций внешнего и внутреннего пиара способствовало созданию мифа сталинской Конституции как «самой демократической в мире». Данный миф оказался настолько устойчив, что эффективно па-

рализовал все последующие попытки его корректировки в рамках советского номинального конституционализма, а его отголоски, как уже было упомянуто, дошли до наших дней. Последовательное преодоление этого мифа требует внимательного изучения макиавеллистических технологий конституционного пиара.

ГЛАВА X

КОММУНИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ УТОПИЯ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИКЦИЯ: ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ ПЕРИОДА «ОТТЕПЕЛИ» (1961–1964)

Гибридная (квазирелигиозная) сущность коммунистического мифа делает его чрезвычайно интересным объектом изучения с позиций юридической социологии и антропологии. Подобно исследованиям табу и системы обычного права у доисторических народов изучение коммунизма как утопии и юридической фикции позволяет говорить о своеобразном фантастическом (магическом) реализме – сакрализации идеологических мифов, превращении верований в правовые нормы, реально определяющие систему должного поведения, отклонений от него и запретов. Будучи номинальными, все советские конституции не представляют значительного интереса с точки зрения права, выступая как определенная юридическая аномалия. Это не значит, что они не заслуживают изучения: именно анализ отклонений чрезвычайно информативен для понимания закономерностей. Исследования, основанные на методологии «когнитивного конституционализма», дают возможность понять истинный смысл идеологических постулатов, запретов и санкций, а также раскрыть их реальные социальные функции и мотивы появления в определенный период истории¹.

Главная особенность советских конституций – соотношение идеологии и права, при котором идеологические постулаты определяют содержание правовых норм и порядок их реализации. Это достигается с помощью применения юридических фикций особого рода – идеологических конструкций, закрепленных в конституционном праве, которые принимаются на веру и из которых последовательно выводится вся совокупность конституционных принципов и норм. Фикция в праве вообще

¹ *Медушевский А.Н.* Когнитивная теория права и юридическое конструирование реальности // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 5 (84). С. 30–42.

есть некоторая абстрактная идея, принимаемая юридическим сообществом без доказательств, как если бы она существовала в действительности, но служащая для последующего обоснования юридических решений. Подобной фикцией в конституционном праве могут выступать религиозные догматы, идеологические и политические конструкции. В советском праве такой фикцией выступало «марксистско-ленинское учение», имевшее характер квазирелигиозного мифа, основополагающие конструкции которого не могли ставиться под сомнение.

Эпоха реформ Хрущева, известная как «оттепель», характеризуется противоречивостью двух начал – стремлением сохранить устои системы и одновременно придать новый импульс ее развитию, что сопровождалось обсуждением идеологических, правовых и институциональных решений². Оригинальность проекта Конституции 1964 г. с этих позиций бесспорна. Он выражает потребность системы в соответствии мировому идейному мейнстриму, но одновременно – попытку отыскать решение в рамках существующей легитимности. Если ранее никто не пытался дать юридическое определение коммунизма и составяющих его элементов, рассматривая их исключительно как идеологические постулаты (в первых советских Конституциях 1918 и 1924 гг. и сталинской Конституции 1936 г.), а позднее от этой идеи отказались в силу ее нереализуемости (в 1977 г.), то в хрущевский период была предпринята уникальная попытка не только вывести «научную» формулу коммунизма, но и дать его юридическое определение.

Анализ несостоявшейся Конституции периода «оттепели» в данной главе призван ответить на вопросы: что представляет собой коммунизм как юридическая фикция; каковы были содержательные особенности и противоречия, а также конституционные альтернативы данного периода; почему проект Конституции периода «оттепели» не был своевременно принят и постоянно откладывался; объясняется это содержательными или политическими причинами; что было бы, если бы Конституция 1964 г. стала реальностью; могло ли развитие страны пойти иначе и избежать крушения Советского проекта как такового?

1. Поиск институционального равновесия: причины появления конституционного проекта 1964 г.

Попытка конституционализации коммунизма связана в целом с поиском альтернативы модели сверхцентрализованной и бюрократизированной машины государственного управления, сбои которой стали ощущаться уже в послевоенный период. Идея перехода от социализма к коммунизму появилась еще на XVIII съезде ВКП(б), на котором

²Khrushchev and Khrushchevism / Ed. by M. McCauley. L., 1987.

была образована Программная комиссия во главе со Сталиным. После войны по решению мартовского пленума ЦК (1946) работа над новой программой возобновилась под руководством А.А. Жданова. Проект программы был подготовлен к середине 1947 г., его окончательный вариант представлен П.Н. Федосеевым, М.Б. Митиным, Л.А. Леонтьевым, Д.Т. Шепиловым в 1948 г. В проекте утверждалось: «ВКП(б) ставит своей целью в ближайшие 20–30 лет построить в СССР коммунистическое общество»³. С этим поиском новых программных ориентиров связано появление противоречивого проекта Конституции 1946 г., направленного на осторожную деbüroкратизацию системы и практически не отразившегося в официальной риторике. В нем допускалось существование мелкого частного хозяйства, вводилась децентрализация общественной жизни, предложения о ликвидации спецсудов военного времени⁴.

Курс на переход советского общества от социализма к коммунизму получил последовательное выражение в решениях XXI съезда КПСС (1959). Это были идеи, которые предполагалось отразить также в новой Программе партии. Третья программа КПСС, принятая на XXII съезде КПСС в 1961 г., стала основной конституционных преобразований «оттепели». Программа реформ политической системы и сопротивление консерваторов их проведению составляют и определяют динамику идеологических и юридических споров рассматриваемого периода⁵. Проект несостоявшейся Конституции периода «оттепели» (1961–1964), ставивший своей задачей подвести итоги десталинизации, разработать новую конструкцию права и зафиксировать переход советского общества к коммунизму, до настоящего времени был практически неизвестен исследователям⁶.

Идея зафиксировать коммунизм в конституционном праве была публично выдвинута Н.С. Хрущевым по итогам победы над сталинистами на XXI съезде КПСС: «Построение коммунистического общества, – заявил он, – стало непосредственной практической задачей партии и народа. Все эти огромные изменения во внутренней жизни и международном положении следовало бы отразить и закрепить в Конституции Советского Союза – Основном законе нашего государства»⁷. Эхом в резолюции XXI съезда прозвучала та же установка:

³Из истории создания программ КПСС (Информационная справка) // Известия ЦК КПСС, 1991. № 3.

⁴Наше Отечество. Опыт политической истории. М., 1990. Т. 2. С. 431.

⁵*Daniels R.V.* Is Russia Reformable?: Change and Resistance from Stalin to Gorbachov. L., 1988.

⁶*Данилов А.А., Пыжиков А.В.* Неизвестный конституционный проект (о разработке Основного закона страны в 1962–1964 гг.) // Государство и право. 2002. № 1.

⁷*Хрущев Н.С.* О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы. Доклад на внеочередном XXI съезде КПСС 27 февраля 1959 г. М., 1959. С. 138.

«Все эти изменения следовало бы отразить и законодательно закрепить в Конституции СССР»⁸. Эта идея получила развитие в дальнейшем: «Новая Конституция СССР, к разработке которой мы приступаем, – продолжил Хрущев на XXII съезде, – должна отразить новые черты в жизни советского общества в период развернутого строительства коммунизма»⁹. Наконец, вопрос вступил в практическую стадию: «Конституцию строящегося коммунизма» Хрущев предполагал ввести в действие немедленно: «Думаю, – подчеркнул он, – что выражу удовлетворение всех депутатов обеих палат Верховного Совета шестого созыва тем, что именно данному составу Верховного Совета предстоит разработать, обсудить вместе со всем народом и принять новую Конституцию СССР (Бурные аплодисменты)»¹⁰. По предложению Ф.Р. Козлова ВС СССР принял 25 апреля 1962 г. постановление «О выработке проекта новой Конституции СССР». Этим постановлением была образована парадная «Конституционная комиссия под председательством т. Хрущева» в составе 97 человек, включавших высшую партийно-советскую номенклатуру, руководителей различных «творческих союзов» и передовиков¹¹. Затем на заседании был рассмотрен вопрос о создании подкомиссий Конституционной комиссии, коих было образовано 9¹². Были созданы подкомиссии: 1) по общеполитическим и теоретическим вопросам Конституции (Председатель – Н.С. Хрущев); 2) по вопросам общественного и государственного устройства (Ф.Р. Козлов); 3) по вопросам государственного управления, деятельности Советов и общественных организаций (Л.И. Брежнев); 4) по экономическим вопросам и управлению народным хозяйством (А.Н. Косыгин); 5) по вопросам национальной политики и национально-государственного строительства (А.И. Микоян); 6) по вопросам науки и культуры, народного образования и здравоохранения (М.А. Сулов); 7) по вопросам внешней политики и международных отношений (О.В. Куусинен); 8) по вопросам народного контроля и социалистического правопорядка (Н.М. Шверник); 9) редакционная подкомиссия (Л.Ф. Ильичев)¹³. Позднее, в связи со смертью двух председате-

⁸Резолюция XXI съезда КПСС по докладу тов. Н.С. Хрущева. М., 1959. С. 43.

⁹Хрущев Н.С. Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии 17 октября 1961 г. М., 1961. С. 128.

¹⁰Заседания Верховного Совета СССР шестого созыва (первая сессия). Стенографический отчет. М., 1962. С. 130–132.

¹¹Там же. С. 130–147.

¹²См.: Правда. 1962 г. 16 июня.

¹³Предварительные материалы к Конституции СССР (1961–1963). ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 131 (Верховный Совет СССР. Президиум). Д. 8. Л. 2. Здесь и далее все сноски на архивные материалы даются по фондам Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ).

лей были внесены изменения: Ф. Козлова сменил Н.В. Подгорный, Куусинена – Б.Н. Пономарев¹⁴.

Перед разработчиками встала проблема практического ответа на метафизические вопросы, которые советские дети безуспешно задавали своим родителям – «что такое коммунизм и когда он будет построен»? Решение этих проблем не представлялось сначала трудным. Предполагалось «вопрос о разработке новой Конституции СССР внести на рассмотрение очередной, седьмой сессии Верховного Совета СССР от имени ЦК КПСС»¹⁵. Был разработан четкий механизм принятия Конституции: «После того, как проект текста Конституции СССР будет рассмотрен в ЦК КПСС и получит одобрение, проект необходимо передать на всенародное обсуждение и широко опубликовать в печати. Конституционная комиссия, с учетом итогов всенародного обсуждения, передает проект на рассмотрение ВС СССР. С докладом выступает Председатель Конституционной комиссии – Первый Секретарь ЦК КПСС». По одобрении ВС, проект передается на всенародное голосование (референдум) и утверждение «самим советским народом», с тем чтобы стать «Основным законом нашего общества в период развитого строительства коммунизма»¹⁶. Другой вариант того же механизма включал такой промежуточный элемент согласования проекта по линии федерализма как направление его в Президиумы ВС союзных республик для получения замечаний и предложений¹⁷. Был подготовлен даже «Проект Постановления ВС СССР о Конституции СССР» (от 14.11.61)¹⁸.

Однако разработка проекта затягивалась. Перестройка периода «оттепели», провозглашая демократизацию системы, не выходила в сущности за ее рамки. Действия Хрущева были противоречивы: политическое руководство сознательно шло на оттепель, но одновременно, по его собственному признанию, «побаивались этой оттепели, потому что как бы из этой оттепели не наступило половодье, которое бы захлестнуло и с которым бы было трудно справиться»¹⁹. Общая «система» новой Конституции была обсуждена в 1962 г.²⁰ Только к июню 1964 г. проекты

¹⁴Список членов Конституционной комиссии, образованной постановлением Верховного Совета СССР от 25 апреля 1962 г. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 5. Л. 8–16. См. также: Д. 51. Л. 1–13.

¹⁵Предложения Отдела по вопросам работы Советов (П. Туманов) на имя тов. Георгадзе М.П. о порядке разработки и принятия новой Конституции СССР (18.11.61). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 47.

¹⁶К вопросу о разработке и принятии нового текста Конституции СССР (от 14.11.61). Записка Юридического отдела (Ф. Калинычев). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 42. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 36–37.

¹⁷Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 43–45.

¹⁹Хрущев Н. Воспоминания: Избранные отрывки. Нью-Йорк, 1979. С. 275.

²⁰См.: Заседание Конституционной комиссии, состоявшейся в Кремле 15 июня 1962 г. // Правда. 1962 г. 16 июня.

частей Конституции, разработанные подкомиссиями, были направлены Председателю Конституционной комиссии, а их обсуждение состоялось 16 июля 1964 г.²¹ Но вскоре Октябрьским пленумом ЦК КПСС 1964 г. Хрущев был отстранен от власти²² и вопрос о Конституции оказался отложен более чем на десятилетие. Принятая позднее Конституция СССР 1977 г. уже не содержала прямых положений о коммунизме, ограничившись более скромным «развитым социализмом».

2. Идеология и право: можно ли конституционализировать утопию?

Итоговый вариант конституционного проекта, разработанный накануне падения Хрущева (датируемый августом-сентябром 1964 г.) – это целостный и достаточно объемный текст: он включает преамбулу, восемь разделов (разделенных на 32 главы) и заключение²³. Коммунизм, как известно, отрицает государство и право и, следовательно, не нуждается в конституции в традиционном смысле слова. Поэтому в преамбуле представлены необходимые разъяснения: во-первых, речь идет о конституции не только государства, но и общества – она «устанавливает принципы и формы общественной и государственной жизни в период развернутого строительства коммунизма»; во-вторых, имеется в виду переходная стадия – это «Основной закон общенародного социалистического государства, строящего коммунизм», в отличие от предшествующих конституций, закреплявших диктатуру; в-третьих, дается ограниченная трактовка народного суверенитета – «свободной воли всего Советского народа», выражение которой, однако, делегируется партии в рамках фикции «единства ленинской партии и советского народа», основанной на предположении о том, что «партия – вместе с народом, народ – вместе с партией!»; в-четвертых, проводится ретроспективная легитимация существующего политического режима как окончательного народного выбора, в ходе которого народ «законодательно закрепляет свою решимость и впредь идти по пути, открытому ВОСР и озаренному гением В.И. Ленина»; в-пятых, формулируются задачи глобальной революции, поскольку «советский народ рассматривает строительство коммунизма в СССР как великую интернациональную задачу, отвечающую интересам всего прогрессивного человечества», наконец, в-шестых, выдвигается глобальная амбиция определяющего «револю-

²¹Извещение о заседании Конституционной комиссии 16 июля 1964 г. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 28. Л. 108.

²²Барсуков Н. Как был смещен Н.С. Хрущев // Трудные вопросы истории. М., 1991. С. 222–239.

²³Проект: Конституция СССР. Основной закон (август – сентябрь 1964 г.). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 28. Л. 109–219.

ционизирующего влияния» советской модели на все страны мира, независимо от их социального строя в рамках установки о «поддержке революционной борьбы рабочего класса, национально-освободительного движения народов, мирного сосуществования государств с различным общественным строем»; в-седьмых, формулируется система ожиданий и целей: «Коммунизм вносит в жизнь мечту людей труда о социальной справедливости. Он утверждает великие идеалы: Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех народов»²⁴.

Идеологи режима в период «оттепели» исходили из того, что переход к коммунизму означает постепенную трансформацию государства, в ходе которой им утрачиваются политические функции, «суживается сфера принуждения, возрастает роль общественных организаций, т. е. государство утрачивает свои специфические черты»²⁵. Дискуссия могла идти только в отношении динамики стадий переходного процесса и роли в нем государства²⁶. Но она не допускалась по программным вопросам конечного результата и официально декларированного срока его достижения (20 лет) на базе построенного социализма, поскольку «вряд ли кто из здравомыслящих людей сомневается в том, что не менее успешно будет претворена в жизнь величественная программа создания коммунизма»²⁷. Абстрактные рассуждения о «диалектике отмирания государства» сопровождалась разъяснениями о необходимости сохранения права и усилении государства в переходный период.

Эти утопические установки получили раскрытие в структуре Конституции – основных разделах, разделенных на главы: первый из них – «Общественный и государственный строй» – фиксирует основополагающие конструкции общества «строящегося коммунизма»: советское общенародное социалистическое государство; Союз равноправных и суверенных наций; характер и формы собственности; «свободный труд свободных людей»; принципы социалистического хозяйствования; Коммунистическая партия и общественные организации (главы 1–6). Второй раздел – «Личность, общество и государство», вопреки предшествующей традиции номинального конституционализма, суммирует права личности, хотя и связывает их непосредственно с ее обязанностями: свобода личности и равенство граждан; основные права граждан;

²⁴Проект: Конституция СССР. Основной закон (август – сентябрь 1964 г.). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 28. Л. 112–115.

²⁵Ромашкин П.С., Покровский С.А. Государство в период развернутого строительства коммунизма. М., 1959. С. 79.

²⁶Демократия и коммунизм. Вопросы коммунистической теории демократии. М., 1962; Вопросы политической организации общества в период развернутого строительства коммунизма. М., 1962; Фарберов Н.П. Государство и коммунизм. М., 1961; Бурацкий Ф.М. Государство и коммунизм. М., 1963.

²⁷Бовин А.Е. Коммунизм и государство. М., 1963. С. 3.

основные обязанности граждан (гл. 7–9). Появление третьего раздела – «Народовластие в СССР» – связано с оптимистическим представлением о возможности реанимировать советы в качестве ограниченной формы народного представительства: народные советы – представительные органы; выборы в народные советы; депутат народного совета; прямое, непосредственное народное правление (гл. 10–13).

Ощущая декларативность этих установок, разработчики вынесли в следующий, четвертый раздел Конституции – «Органы государственной власти СССР», вольно или невольно отделив их тем самым от представительных институтов: Верховный Народный Совет СССР (далее ВНС СССР); полномочия ВНС СССР; Президиум ВНС СССР; Комиссии ВНС СССР и комиссии его палат; Государственный Конституционный суд; Совет министров СССР (гл. 14–19). Пятый раздел – «Союзные республики» – охватывает проблематику федерализма в ее своеобразной советской трактовке: союзная республика – суверенное государство; органы государственной власти союзной республики; основы построения местных народных советов (гл. 20–22). Шестой раздел – «Охрана социалистической законности и правопорядка» – раскрывает безусловно актуальные в период десталинизации вопросы: социалистическая законность; социалистическое правосудие; прокурорский надзор; народный контроль (гл. 24–27). Нетипичный для традиционных конституций раздел седьмой – «Цели и принципы внешней политики СССР» – оказался важен по идеологическим причинам и включил: основы внешней политики СССР; СССР и мировая система социализма (гл. 28–29). Раздел восьмой представляет «Заключительные положения», к которым отнесены: герб, флаг, гимн, столица СССР; порядок изменения Конституции СССР; заключение (гл. 30–32)²⁸.

В целом структура Конституции 1964 г. отражает приоритет идеологии (Третья программа КПСС) над правом, стремление представить коммунизм как юридическую реальность, конституционно зафиксировать его основные параметры на переходный период. Предшествующие советские Конституции предусмотрительно отказывались от определения таких метафизических понятий как «социализм» и «коммунизм», поскольку, по мнению Сталина, конституция «призвана регистрировать только то, что уже имеется в действительности»²⁹. В новой Конституции, считали разработчики (подкомиссии М.А. Сулова в 1964 г.), целесообразно, напротив, включить про-

²⁸Проект: Конституция СССР. Основной закон (август – сентябрь 1964 г.). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 28. Л. 109–219.

²⁹Материалы к проекту Конституции СССР по вопросам воспитания, образования, науки, культуры и здравоохранения (Председатель подкомиссии Сулов М.А. 12 июня 1964 г.). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 27. Л. 235–241.

граммные положения, что, по их мнению, соответствовало «ленинской практике». Однако отказ от идеи пролетарской диктатуры в пользу общенародного государства ставил вопрос о поддержании легитимности партии. В интернациональной дискуссии о социальной структуре советского общества было показано, что, во-первых, она претерпела радикальные изменения в направлениях, сходных с обществами западных индустриальных стран, во-вторых, место рабочего класса в этой структуре уже не определялось категориями доминирующего класса в традиционном марксистском смысле; в-третьих, политическая активность его общественных организаций (профсоюзы) была далека от утопических представлений коммунистических идеологов, демонстрируя их безвластие и подчиненную роль в однопартийном режиме³⁰. В этих условиях выдвижение постулата «общенародного государства» оказывалось в противоречии с программным положением о ведущей роли рабочего класса в условиях перехода к коммунизму, а отказ от последнего ставил под вопрос легитимность коммунистической партии как единственного выразителя воли народа.

Техническая подготовка конституционного проекта была поручена аппарату Президиума ВС СССР, подразделения которого начали эту работу в 1961 г. Отправной точкой должны были служить положения новой Третьей программы КПСС, обещавшей введение коммунизма и переход от диктатуры к «общенародному государству», которые предполагалось оформить и зафиксировать в виде правовых норм³¹. В первоначальных набросках (подготовленных в Юридическом отделе аппарата ВС) доминировали следующие идеи: во-первых, новая Конституция «развернутого строительства коммунизма» должна быть не чисто идеологическим документом, но составлять «базу для дальнейшего развития советского законодательства»; во-вторых, отразить существование «социалистического лагеря» и «принцип мирного сосуществования стран с различными социальными системами»; в-третьих, подтвердить «принцип партийного руководства советским обществом и государством» при возрастающей роли партии; в-четвертых, она должна быть Конституцией не только государства, но и общества, отражая переход от диктатуры к общенародному государству. При обосновании этого положения использовался эвфемизм «широкого развития демократизма», оз-

³⁰Economic Trends in the Soviet Union. Cambridge (Mass.), 1963; Hoffmann W. Die Arbeitsverfassung der Sowjetunion. B. 1956; Trade union Situation in USSR. Geneva, 1960; Madison B. Social Welfare in Soviet Union. Stanford, 1968; McAuley M. Labour Disputes in Soviet Russia. 1957–1965. Oxford, 1969; Deutscher I. Die sowjetischen Gewerkschaften. Ihr Platz in der sowjetischen Arbeitspolitik. Fr. am Main, 1969; Lorenz H. Sozialgeschichte der Sowjetunion. Fr. am Main, 1976.

³¹Справочный материал по подготовке проекта новой конституции СССР. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 6. Л. 1–203.

начавший «все более широкое привлечение трудящихся к управлению общественными делами, к руководству хозяйственным и культурным строительством – как главное направление в развитии социалистической государственности, создающее условия для ее перерастания в коммунистическое общественное самоуправление»³².

Однако уже на начальной стадии разработки выяснилась дезориентация в вопросе о том, как идеологические положения Программы КПСС можно перевести «на язык юридической нормы», как раскрыть их, «чтобы создать представление того, как будет действовать механизм в целом» (Ф. Калинычев). На совещаниях в подкомиссии Брежнев по этому ключевому вопросу были выдвинуты прямо противоположные установки: в одних случаях разработчикам безапелляционно заявлялось: «То, что записано в Программе, следует обязательно раскрыть в Конституции именно в той форме, которая требуется»³³, в других отмечалось, что «по-видимому, было бы лучше избежать прямого воспроизведения положений Программы», подвергалось критике их воспроизведение «без придания им нормативного характера»³⁴. В качестве паллиатива предлагалось рассматривать коммунизм даже как некое обычное право, постепенно воплощаемое в позитивных нормах.

Юридическое определение коммунизма – задача, напоминающая попытки средневековых богословов обосновать признаки Божественной воли, стремление религиозных реформаторов юридически зафиксировать принципы праведного пути в строительстве теократии или попытки якобинцев утвердить квазирелигиозный культ Верховного существа. Предстоит выяснить, каковы когнитивные параметры предпринимаемого проекта юридического конструирования.

3. Общество и государство: возможности перехода от диктатуры к общенародному государству

Переход от диктатуры (зафиксированной в Конституции 1936 г.) к «общенародному государству» означал принятие Конституции, которая «должна представлять собой не только юридический, но и общественно-политический документ», формулировать «главные цели и идеалы, на осуществление которых направлено действие конституционных установлений». Положив в основу юридического конструирования принцип коммунизма – «от каждого – по способностям, каждому – по

³²К вопросу об обновлении текста Конституции СССР. Краткая справка (Ф. Калинычев) (27.03.61). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 1–6.

³³Стенограмма совещаний по обсуждению материалов к проекту новой Конституции (17.7.62). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 7. Л. 204–206.

³⁴Замечания к проекту тов. Георгадзе М.П. (10.02.64). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 24. Л. 102.

потребностям», – разработчики исходили из недоказуемого постулата о том, что «в процессе развития демократии социалистическая государственность перерастает в коммунистическое общественное самоуправление». В этой системе, полагали они, – «вся государственная власть принадлежит народу, который осуществляет ее через представительные органы – Народные Советы, а также непосредственно – путем прямого народного права». Однако принцип народовластия был ограничен другими положениями: идеологическую основу общественного и государственного строя СССР составляет марксистско-ленинское учение – «самое передовое революционное учение современности» (ст. 4). Политическую организацию общества «составляют Народные Советы, Коммунистическая партия, Профсоюзы, КСМ и другие массовые организации трудящихся», причем коммунистическая партия определяется как «партия всего народа, руководящая и направляющая сила советского общества и государства» (ст. 6)³⁵.

Противоречия данной конструкции выявились в ходе ее разработки в Конституционной комиссии. Прежде всего, введение ключевого понятия «общенародное социалистическое государство» допускало совершенно различные его интерпретации в зависимости от используемых социологических дефиниций – государство «всего народа» или «трудящихся», исключительно «рабочего класса» или «рабочих и крестьян», иногда также «интеллигенции» (споры, имевшие место еще в ходе разработки Конституции 1936 г.). Неопределенными оставались и критерии перехода от диктатуры к коммунистической демократии – такое «участие общественных организаций и самодеятельных органов населения» в руководстве делами общества и государства, при котором «в перспективе функции государственных органов все более будут переходить к общественным организациям»³⁶. Если в Конституции 1936 г. общество и государство были жестко разделены, то попытка их соединения в Конституции 1964 г. вызывала растерянность экспертов: «общество – недоумевали они, – представляет из себя объединение народа, в то время как государство – это форма организации общества, а не само общество», тем более что «в соответствии с марксистско-ленинским учением при построении коммунистического общества государство отмирает, общество же сохраняется»³⁷. Могут ли эти теоретические положения обрести «характер норм законодательного акта, рассчитанного на

³⁵Проект: Конституция СССР. Основной закон (август – сентябрь 1964 г.). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 28. Л. 109–219.

³⁶Записка Юридического отдела (Ф. Калинычев) «К вопросу о разработке и принятии нового текста Конституции СССР» (от 14.11.61). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 25.

³⁷См.: Замечания члена подкомиссии С. Павлова, Д. Расулова, Ф. Сазикова; Замечания по материалам к проекту новой Конституции СССР от 30 августа 1962 г. (от т. Лукьянова). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 11. Л. 214–232 и 225, 290.

практическое применение»³⁸ Эта неопределенность выражалась лучше всего в разнообразии определений государства – «Советское общенародное государство», «Общенародное социалистическое государство», «Советское государство», «Общенародное государство»³⁹.

Другое противоречие оказалось связано с невозможностью юридически определить, что такое советы. Подкомиссия Подгорного, разрабатывая этот вопрос, исходила из того, что «Советы народных депутатов не могут рассматриваться лишь как чисто государственный институт, они являются не только органами власти, но и массовыми общественными организациями, всеохватывающими органами народа, воплощением его единства. Поэтому первый раздел новой Конституции было предложено озаглавить так: «Общественный и государственный строй СССР»⁴⁰. Оставалось, однако, непонятно, каким образом советы, интерпретируемые в качестве «общественных организаций», могут быть органами государственной власти или тем более «органами государственного управления» (последний термин предлагалось вообще исключить). К тому же отмечалось, что «политическую основу Советского общества составляют не только Советы»⁴¹. Представляют ли собой советы средство объединения народа в государство или являются скорее «всеохватывающей организацией народа, посредством которой народ управляет делами общества и государства»? Да и что такое «народ», если это понятие «в смысле единой социальной общности применимо только к обществу без антагонистических классов», а «народное законодательство» в широком смысле охватывает «совокупность всех нормативных актов, изданных государственными органами»⁴². В подкомиссии Брежнева, занимавшейся этим вопросом, констатировалось, что «отношение органов демократии и органов Советов – стержневая основа Конституции», признававшаяся «самой трудной проблемой»⁴³. Иная сторона той же проблемы – соотношение органов государственной власти и государственного управления. Одна группа экспертов (Ф. Калинычев) предлагала отказаться от такого их деления, поскольку при такой интерпретации «получается, что Советы *не* управляют, а органы государственного управления якобы не обладают властными полномочиями». В соответствии с марксистско-ленинским

³⁸Замечания к материалам А. Козлова, В. Григорьева (27.01.64). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 23. Л. 214.

³⁹Замечания тов. Сазикова (30.01.64). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 23. Л. 220.

⁴⁰Материалы к проекту Конституции СССР по вопросу общественного и государственного устройства СССР за подписью председателя подкомиссии Н. Подгорного (от 24 июня 1964 г.). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 27. Л. 122.

⁴¹О понятиях «общественное устройство» и «государственное устройство»: Предложения «К материалам проекта новой Конституции». Ф. 7523. Оп. 131 Д. 4. Л. 67.

⁴²Советское народное законодательство. М., 1968. С. 52, 69.

⁴³Стенограмма совещаний по обсуждению материалов к проекту новой Конституции (17.7.62). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 7. Л. 204–206.

представлением о единстве законодательной и исполнительной власти, полагали они, «необходимо слить органы государственной власти, с одной стороны, и органы государственного управления – с другой, в единые органы власти и управления, изложив в Конституции их структуру, взаимоотношения и формы деятельности в одном общем для них разделе»⁴⁴. Другая группа экспертов (А.И. Лукьянов) считала, что понятие органа государственного управления «вполне приемлемо и для новой Конституции СССР». Все органы государства (в том числе органы управления), согласно данной позиции, являются органами государственной власти. При этом советы занимают особое место. Это – «представительные органы народа, составляющие основу всей системы органов государственной власти и соединяющие законодательные, распорядительные и контрольные функции»⁴⁵. Таким образом, единого доктринального решения проблемы определения Советов так и не удалось достичь.

Третья трудность заключалась в определении того, каким образом Советы, имея гибридный общественно-государственный характер, могут осуществлять контроль за другими общественными организациями. Разработчикам было неясно, «как Советы осуществляют руководство общественными организациями; в каких формах общественные организации участвуют непосредственно в работе Советов; в чем состоят обязанности Советов по привлечению общественных организаций к решению вопросов своей компетенции; на каких принципах формируется общественный аппарат органов государственной власти и управления; в каком порядке Советы передают общественным организациям отдельные функции государственных органов; в каких случаях создаются объединенные органы государственных и общественных организаций для управления отдельными отраслями хозяйства и культуры»⁴⁶. Прагматическое решение вопроса усматривалось в том, чтобы «предоставить местным советам право направлять и координировать работу всех самодеятельных общественных организаций, не имеющих своих центральных органов и действующих на территории Совета»⁴⁷.

Четвертая трудность – в том, чтобы в рамках «общенародного государства» найти адекватное соотношение двух основных форм народовластия – Советов, которые предполагалось переименовать в «Советы

⁴⁴Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 72.

⁴⁵Некоторые соображения к 9-му варианту проекта Конституции, подготовленные гг. Лукьяновым и Ракушиным (07.63). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 22. Л. 5.

⁴⁶Советы и общественные организации. Записка. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 5. Л. 49–62.

⁴⁷Справка о предложениях, высказанных в докладных записках работников аппарата Президиума Верховного Совета СССР, выезжавших на места для ознакомления с деятельностью местных Советов депутатов трудящихся» (П. Туманов, 1962 г.). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 10. Л. 135.

народных депутатов»⁴⁸, выступавших в качестве представительных органов, и форм непосредственной демократии (референдумы, всенародные обсуждения законопроектов и т. д.)⁴⁹ в контексте тезиса «о возрастной роли коммунистической партии как руководящей и направляющей силы советского народа»⁵⁰. Общая проблема заключалась в том, чтобы определить, как основополагающий принцип демократического централизма соотносится с идеей привлечения масс к управлению, в котором усматривалось «важнейшее направление в развитии коммунистического общественного самоуправления» (ст. 42)⁵¹. «Во всем проекте, – без тени иронии говорил М. Георгадзе, – нет и упоминания такого вошедшего в нашу жизнь ленинского термина как “советская власть”, “власть советов”. Может быть, следовало бы употребить ленинское выражение из Апрельских тезисов о Советах снизу доверху»⁵². С этих позиций «в материалах разрабатывается следующий круг вопросов: полновластие советского народа; система социалистической демократии в условиях развернутого строительства коммунизма; высшие органы государственной власти и государственного управления СССР; основы организации высших органов государственной власти и государственного управления союзных и автономных республик; основы организации местных органов народного самоуправления»⁵³.

При обсуждении этих вопросов разработчики испытывали гипноз официальных данных, усматривая признаки демократизации советов в гальванизации деятельности общественных организаций, комиссий местных советов, их внештатных отделов, исполкомах и росте числа активистов, работающих на «общественных началах», а также «обновлении состава» местных советов и общественных (в том числе сельских и поселковых) комитетов, «обсуждении» массами вопросов коммунистического строительства, законодательства, народного контроля, обновления руководящих органов⁵⁴. Двигаться далее в этом направлении предполагалось путем корректировок избирательной системы – обновления состава депутатов на выборах, сочетания территориального и

⁴⁸Это предложение было выдвинуто при обсуждении проекта Программы КПСС на страницах газеты «Известия» от 14 и 16 сентября 1961 г.

⁴⁹Справка о совещании у т. Георгадзе М.П. по поводу представленных научными учреждениями материалов (1508.62). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 10. Л. 60–61.

⁵⁰Набросок записки о необходимости подготовки текста новой Конституции СССР (Ф.Калинычев) (от 27. III. 1962). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 7–8.

⁵¹Проект: Конституция СССР. Основной закон (август – сентябрь 1964 г.). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 28. Л. 109–219.

⁵²Общие замечания М. Георгадзе по материалам подкомиссии. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 21. Л. 50.

⁵³Ф. 7523. Оп. 131. Д. 11 (1962). Л. 126–187.

⁵⁴Справки Отдела по вопросам работы Советов, характеризующих некоторые вопросы, изложенные в отдельных статьях конституционных материалов. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 57.

производственных принципов, фиксации срока полномочий депутатов, возможности их переизбрания, формирования постоянных комиссий⁵⁵, в том числе – в местных советах⁵⁶. Неопределенности прибавлял вопрос о разделении советов в результате спонтанной реформы Хрущева 1962–1964 гг. по разделению советского и партийного аппарата в республиках, краях и областях по отраслевому принципу – на промышленный и сельскохозяйственный⁵⁷. Было неясно, следует ли отражать это разделение в Конституции⁵⁸, в чем различие советов (как органов государственной власти) и совнархозов (как органов хозяйственного управления), кому они подчинены⁵⁹.

Наконец, если советы – «представительные органы народа», «всеохватывающая организация народа» и «воплощение его единства», то почему именно КПСС выступает «высшей формой общественно-политической организации»?⁶⁰

4. Права человека и возможности их защиты в условиях номинального конституционализма

Вопрос о балансе прав и обязанностей – наиболее трудный для номинальных конституций, поскольку они исходят из реальности обязанностей и условности прав и не признают существования естественных прав. Проблематика прав человека актуализировалась после XX съезда КПСС (1956) в результате официального осуждения культа личности Сталина и реакции на это событие в мировом общественном мнении. Вопрос о масштабах десталинизации и конституционных гарантий прав личности раскалывал советскую политическую элиту. Борьба сторонников и противников либерализации режима шла в закрытом аппаратном режиме, но находила выражение в публичном пространстве – в трактовке идеологии, отношении власти к интеллигенции, цензуре и, прежде всего, в изменении политики в отношении литературы и искусства⁶¹. Именно сворачива-

⁵⁵Справка о предложениях и поправках к проекту Программы КПСС, относящихся к организации и деятельности Советов депутатов трудящихся (по материалам центральной, республиканской и местной печати). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 52. Л. 26–47.

⁵⁶Местные Советы народных депутатов. Записка (А. Козлов, П. Кондрашов, А. Степанов) на имя К.У. Черненко (3 июля 1962 г.). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 52. Л. 1–27.

⁵⁷Хлевнюк О.В. Роковая реформа Н.С. Хрущева: разделение партийного аппарата и его последствия. 1962–1964 годы // Российская история. 2012. № 4. С. 164–179.

⁵⁸Стенограмма заседания Конституционной подкомиссии (24.11.62). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 16. Л. 177–184.

⁵⁹Программа КПСС о Советах как всеохватывающая организация народа от 24.08.62. Записка К. Севрикова. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 10. Л. 166–178.

⁶⁰Материалы подкомиссии Н. Подгорного (от 24 июня 1964 г.). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 27. Л. 121–122.

⁶¹Eggeling W. Die sowjetische Literaturpolitik zwischen 1953 und 1970: Zwischen Entdogmatisierung und Kontinuität. Bochum, 1994.

ние десталинизации в конце 1960-х – начале 1970-х годов стало основой развития диссидентского движения научной интеллигенции⁶², выдвинувшего своим главным приоритетом борьбу за права человека⁶³. Корни этого конфликта заложены той официальной концепцией прав человека, которые стали доминирующими на исходе «оттепели» и получили отражение в проекте Конституции. В основе лежала их инструментальная трактовка – подчинение государству прав личности, которые «осуществляются в полном соответствии с их социальным назначением, т. е. с теми задачами общества, которые должны быть разрешены предоставлением гражданам тех или иных прав»⁶⁴. Идеологические мотивы имели приоритетное значение с позиций внешней политики. «Нельзя не видеть, – констатировалось в материалах подкомиссии Пономарева, – что буржуазная пропаганда использует тот факт, что у нас действует Конституция 1936 г., т. н. “сталинская” Конституция, которая так бесцеремонно нарушалась в период культа личности. Разработка новой Конституции выбьет из рук империалистической пропаганды такой ее козырь, что советский народ живет по Конституции 1936 года, а главное, раскроет, что по мере развития общества по пути к коммунизму демократия становится шире, глубже и разностороннее»⁶⁵. Выдвигалось спорное дидактическое предложение включить в Конституцию «незыблемые принципы внешней политики СССР», исходя из того, что это государство «будет оказывать все возрастающее влияние на весь ход мирового развития в пользу торжества мира, демократии, национальной свободы, социализма, содействовать великому делу избавления человечества от мировой войны, всех форм эксплуатации, национального и социального гнета»⁶⁶. Обращалось внимание на одиозную терминологию. «Надо подумать, – отмечал Брежнев на совещании аппаратных работников, – нужно ли в Конституции писать слово “лагерь”... Это не праздный вопрос. Не обязательно узаконивать это слово, когда в братских коммунистических партиях всякие толки на этот счет». «Не обязательно писать в Конституции “лагерь”. По партийной линии может быть такой термин, но в советских документах узаконивать это слово не следует»⁶⁷. Преимущественное внимание отводилось защите коллективных прав перед индивидуальными. «И при коммунизме, –

⁶²*Beyrau D.* Intelligenz und Dissens: Die russischen Bildungsschichten in der Sowietunion 1917–1985. Göttingen, 1993.

⁶³*Rubinstein J.* Soviet Dissidents: Their Struggle for Human Rights. Boston, 1985.

⁶⁴*Кечекьян С. Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 103.

⁶⁵Материалы к проекту Конституции СССР по вопросам внешней политики и международных отношений (Председатель подкомиссии Б.Н. Пономарев, 4 июля 1964 г.). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 27. Л. 257.

⁶⁶Материалы подкомиссии Пономарева. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 27. Л. 259.

⁶⁷Стенограмма совещания ответственных работников аппарата Президиума по обсуждению материалов к проекту новой конституции (3 сентября 1962). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 15. Л. 110.

считал Хрущев, – воля одного человека должна подчиняться воле всего коллектива», поскольку без руководящего начала невозможна «никакая общественная система, даже самый маленький коллектив людей»⁶⁸.

В Конституционном проекте декларировались равенство и справедливость, определявшие будто бы соотношение прав и обязанностей при коммунизме, где «все граждане будут иметь равное положение в обществе, одинаковое отношение к средствам производства, равные условия труда и распределения, активно участвовать в общественном самоуправлении» (ст. 75). Провозглашались основы права, которые «вытекают из самого социалистического общественного и государственного строя, из условий коммунистического строительства» (ст. 55), но с традиционной оговоркой, что они «не могут быть использованы в антиобщественных и антигосударственных целях». Наибольшее внимание уделялось экономическим правам, в основе которых лежит «социалистическая собственность» – «основа строительства коммунизма, условие планомерного развития народного хозяйства» (ст. 18). Она «священна и неприкосновенна» (ст. 19) и существует в двух основных формах: общенародная (государственная) собственность и кооперативно-колхозная собственность (собственность колхозов, иных кооперативных организаций и объединений). Допускалось существование собственности общественных организаций (ст. 20) и личной собственности, право которой распространялось исключительно на «трудовые доходы и сбережения, жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, предметы домашнего обихода, личные потребности и удобства», но не могло использоваться для «извлечения нетрудовых доходов и в иных целях, противоречащих интересам общества и государства» (ст. 25)⁶⁹. Обсуждалась также возможность сконструировать некую «совместную собственность государства и коллективных хозяйств», существование которой предстало «одним из проявлений сближения колхозно-кооперативной собственности с общенародной»⁷⁰.

Движение к коммунизму интерпретировалось в подкомиссии Косыгина как процесс сближения различных форм собственности и соответствующих им социальных групп в рамках постепенной замены действующего «принципа распределения по труду» принципом внеэкономического (т. е. бесплатного) распределения материальных и духовных благ. Проблема, однако, заключалась в неспособности разработчиков юридически определить, что такое «социалистическая» или «общенародная» собственность, которая фактически выступала экви-

⁶⁸Хрущев Н.С. Высокое призвание литературы и искусства. М., 1963. С. 218.

⁶⁹Проект: Конституция СССР. Основной закон (август – сентябрь 1964 г.). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 28. Л. 109–219.

⁷⁰Объяснительная записка к проекту Конституции. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 28. Л. 201.

валентом государственной собственности. Последняя в свою очередь определялась как общественная, что создавало порочный логический круг. Другой проблемой стала трудность с определением статуса колхозно-кооперативной собственности, неопределенность которого заставляла определить ее как некий переходный гибрид, исторически обреченный на исчезновение – «постепенное сближение, а затем слияние кооперативно-колхозной собственности с государственной, образование на этой основе единой общенародной собственности». При этом подчеркивалось, что подсобное хозяйство колхозного двора утратит значение и прекратит свое существование «по добровольному решению самих колхозников тогда, когда их потребности будут полностью удовлетворяться за счет доходов от участия колхозников в общественном хозяйстве колхоза, а также за счет общенародных фондов». Сходная судьба ожидала временно допускавшееся «мелкое частное хозяйство некооперированных крестьян, кустарей и ремесленников, основанное на личном труде и исключаящее эксплуатацию»⁷¹. Данная конструкция собственности рассматривалась как основа «отношений коллективизма, общности экономических, политических и духовных интересов всех членов общества, союза рабочего класса и крестьянства, нерушимой дружбы народов СССР»⁷².

В перечне прав предполагалось расширить социально-экономическую сторону, а политические права формулировались косвенным образом и обязательно со ссылкой на авторитетный партийный документ. Предлагалось зафиксировать «право граждан на самый короткий рабочий день и самую короткую рабочую неделю, право на самые продолжительные отпуска, право на пользование общественными фондами» и прочие социально-экономические права; право на обращение с жалобами и даже «обжаловать в судебном порядке действия администрации и отдельных должностных лиц (это право граждан закреплено в ряде конституций социалистических государств)». Робко предлагалось пойти даже дальше: «Можно было бы также зафиксировать в новой Конституции СССР свободу критики, а также недопустимость какого-либо преследования за критику, как это сформулировано в новом Уставе КПСС»⁷³.

Вопрос о соотношении прав и обязанностей решался очень противоречиво. С одной стороны, общим местом стал тезис об «укреплении

⁷¹Пять справок по материалам подкомиссии тов. Косыгина А.Н. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 9. Л. 217–236.

⁷²Материалы к проекту Конституции СССР по экономическим вопросам и управлению народным хозяйством от председателя Подкомиссии А.Н. Косыгина (3 апреля 1963 г.). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 27. Л. 201.

⁷³Записка Юридического отдела (Ф. Калинычев) «К вопросу о разработке и принятии нового текста Конституции СССР» (от 14.11.61). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 29.

социалистической законности», определявшейся в качестве «объективно обусловленной закономерности общества, идущего к коммунизму». С другой стороны, продвижение к коммунизму связывалось с размыванием прав и заменой их моральными нормами, а основная форма воздействия на индивида и мотивацию его поведения усматривалась в социальном убеждении индивида, результатом которого станет «добровольность выполнения всех обязанностей всеми членами общества»⁷⁴. Согласовать эти противоположные устремления пытались превращением моральных императивов в правовые нормы. Конституционные обязанности включали назидательные положения квазиправового характера, вытекавшие из представлений о коммунистической морали. «Исходя из принципов Кодекса коммунистической морали, – полагали разработчики, – можно было бы обсудить вопрос о дополнении содержащегося в Конституции перечня основных обязанностей граждан, в частности указанием на обязанность поддерживать и укреплять дружбу народов СССР, обязанность граждан укреплять советскую семью, воспитывать подрастающее поколение в духе коммунистической нравственности и сознания общественного долга, обязанность выполнять честно и добросовестно общественные функции, возложенные на гражданина трудящимися, и считать делом чести выполнение их в интересах общества»⁷⁵. Некоторые требования выражали традиционализм и патернализм советского общества, накладывая на индивида обязанность заботиться «о чести и достоинстве своего коллектива», «укреплять братство советских народов» и «солидарность с трудящимися всех стран». «Патриотизм и социалистический интернационализм, преданность идеалам коммунизма, забота о процветании СССР» выступали как «высшее проявление моральных и духовных качеств гражданина СССР». Все эти конституционные обязанности должны были стать основой спонтанной саморегуляции поведения, поскольку «по мере развития коммунистических отношений добровольное соблюдение правил нового образа жизни станет внутренней потребностью человека» (ст. 88)⁷⁶.

В соответствии с этими установками о соотношении прав и обязанностей предполагалось решить вопрос о структуре новой Конституции, который «имеет не техническое, а принципиальное значение». Поэтому «главу об основных правах, политических свободах и обязанностях граждан» предлагалось «расположить не в конце текста Конституции,

⁷⁴См. напр.: *Мокичев К.А.* Право и законность в советском социалистическом государстве. М., 1970. С.9. *Он же.* Ленинская теория социалистического государства и современность. М., 1968. С. 56.

⁷⁵Записка Юридического отдела (Калинычев) «К вопросу о разработке и принятии нового текста Конституции СССР» от 14.11.61. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 26.

⁷⁶Проект: Конституция СССР. Основной закон (август – сентябрь 1964 г.). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 28. Л. 109–219.

как это имеет место в действующем Основном законе, а в ее начале, сразу после главы, излагающей вопросы общественно-политического и экономического устройства»; перенести в эту главу «все положения других глав Конституции, в которых говорится о правах личности (например, право личной собственности, право избирать и быть избранным)»⁷⁷; главу об основах избирательной системы дать сразу после главы о правах и обязанностях граждан и перед главой о структуре и компетенции государственных органов, подчеркнув, что «власть в СССР исходит от народа, принадлежит народу и находится под его неослабным контролем». Данная перестройка структуры Основного закона выражала стремление дистанцироваться от модели 1936 г. и осуществлялась «по образцу Конституций ряда зарубежных социалистических государств»⁷⁸.

Тем же целям соответствовало проектируемое расширение судебной защиты прав, делавшее необходимым перестройку судебной системы и органов юстиции, деформированных в период сталинизма⁷⁹. Объем полномочий суда оставался, конечно, урезан идеологическими императивами. Однако, согласно материалам подкомиссии Н.М. Шверника, «в проект включены статьи о подлинно демократической сущности советского суда и осуществлении правосудия в полном соответствии с законом и при соблюдении гарантий неприкосновенности личности, о воспитательном значении наказания в СССР». Главным достижением конституционного проекта стало положение об осуществлении правосудия в СССР только судом, зафиксировавшее новый порядок, «сложившийся в советском государстве, начиная с 1 сентября 1953 г., когда было ликвидировано Особое совещание при Министерстве внутренних дел и все виды уголовного наказания стали применяться только соответствующими судами в публичных судебных процессах»⁸⁰. В Конституции 1964 г. были расширены положения о неприкосновенности личности и жилища и охране тайны переписки, гласности судебного разбирательства и обеспечении обвиняемому права на защиту, независимости судей, их выборности и подчинении только закону. Вводилось открытое (хотя и с возможными исключениями) судебное разбирательство, в котором «обвиняемому обеспечивается право на защиту» (ст. 225). Характеристика Верховного суда и Прокуратуры определяла их функции: на первый возложен надзор за судебной деятельностью судебных органов союзных республик, на вторую – надзор за точным исполнением законов всеми учреждениями, должностными лицами и граждана-

⁷⁷Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 36.

⁷⁸Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 36–37.

⁷⁹О совершенствовании системы органов юстиции. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 42. Л. 186.

⁸⁰Материалы к проекту Конституции СССР по вопросам народного контроля и социалистического правопорядка (Председатель подкомиссии Шверник Н.М. (9.03.64). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 27. Л. 244.

ми. Эти предложения имели ограниченный характер. Начиная с 1956 г. предпринимались попытки изменения полномочий Верховного суда СССР в сторону из расширения – наделения его не только прерогативой судебного надзора, но и конституционного надзора (что означало бы возврат к нормам Конституции СССР 1924 г.). В Конституционной комиссии обсуждались предложения о создании «Охранного конституционного комитета» или даже Конституционного суда⁸¹, однако они не нашли отражения в итоговом документе. Особая риторическая глава посвящалась партийно-государственному и общественному контролю. Однако разработка и проведение этой реформы доверялась судебским чиновникам, воспитанным в традициях сталинизма и «социалистической законности»⁸². Это были коррективы номинального советского конституционализма, необходимые для выхода из режима террора.

5. Фундаментальный конфликт советской политической системы: советы и коммунистическая партия

Главный конфликт политической системы – между формальной советской структурой и реальностью однопартийной диктатуры – определил трудности разработки Конституции. С одной стороны, разработчики исходили из сохранения формальной советской вертикали государственных органов – «народных советов», включавшей четыре уровня – Верховный Народный Совет СССР, ВНС союзных республик, НС автономных республик и местные народные советы, которые «составляют единую систему представительных органов и основу государственной власти в СССР» (ст. 89), действуют на основе принципа демократического централизма (ст. 91) и постепенно передают свои функции общественным организациям, «подготавливая переход к коммунистическому самоуправлению» (ст. 45). С другой стороны, в Проекте впервые была предпринята попытка зафиксировать реальную ситуацию – факт, что «Коммунистическая партия Советского Союза является высшей формой общественно-политической организации, передовым отрядом советского народа», а ее роль в период «развернутого строительства коммунизма» «неуклонно возрастает» (ст. 43)⁸³.

Это ставило ряд проблем. Во-первых, не определялось соотношение советов и партии в политической системе – вопрос, так и не получивший доктринального разрешения. Советы народных депутатов состав-

⁸¹Митюков М.А. О генезисе отечественного конституционного правосудия (идеи, предложения, проекты 30-х – первой половины 60-х гг. XX в.) // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2003. Ч. 14.

⁸²Вопросы судопроизводства и судостроительства. М., 1959.

⁸³Проект: Конституция СССР. Основной закон (август – сентябрь 1964 г.). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 28. Л. 109–219.

ляют «основу системы государственных органов», «представительные органы народа», предстают как «всеохватывающая организация народа, воплощение его единства»; определяются одновременно как «органы государственной власти и народного самоуправления» и «сочетают в себе черты государственной и общественной организации». Оставалось неясно, как народ может реализовать свое право на непосредственное осуществление государственной власти в переходный период. Для решения проблемы использовался эвфемизм «всестороннего развития социалистической демократии», что на практике означало ограниченную деbüroкратизацию политической системы путем расширения прерогатив всех уровней советской вертикали⁸⁴ и права отзыва депутатов населением⁸⁵, интерпретировавшееся как возвращение к «ленинским нормам», действовавшим будто бы при Конституциях 1918 и 1924 гг. и утраченным якобы с принятием Конституции 1936 г.⁸⁶ Но КПСС определялась фактически как конкурент советов – «высшая форма общественно-политической организации», которая выступает «руководящей и направляющей силой Советского общества и государства, направляет и координирует деятельность государственных и общественных организаций в целях планомерного и организованного строительства коммунизма»⁸⁷. Оказавшись неспособными дать институциональное решение проблемы соотношения государственных и партийных институтов, разработчики фактически просто продлили неопределенность ситуации во времени: по мере перехода от диктатуры к коммунизму, констатировали они, функции государства перейдут к организациям общественного самоуправления, важнейшей из которых выступит КПСС, объединяющая в своих рядах «передовую, наиболее сознательную часть советского народа»⁸⁸.

Характерны трудности, связанные с определением компартии и ее харизматического лидерства, в принципе не поддающегося рациональному юридическому ограничению. Данная проблема приобрела актуальность в связи с десталинизацией, обнажившей непредсказуемость

⁸⁴Записка на имя тов. Брежнева «О некоторых принципиальных вопросах в связи с проводимой работой над материалами Конституции СССР». Ф. 7523. Оп. 131. Д. 7. Л. 53а–53в.

⁸⁵Справка А. Лукьянова: Некоторые данные по вопросам государственного управления, деятельности советов и общественных организаций. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 28. Л. 15–29.

⁸⁶Записка К. Черненко, Ф. Калинычева на имя тов. Брежнева о подготовке материалов к проекту раздела «Государственное управление, деятельность Советов и общественных организаций» (1962). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 5. Л. 1–7.

⁸⁷Материалы подкомиссии Н. Подгорного (от 24 июня 1964 г.). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 27. Л. 125.

⁸⁸Материалы Всесоюзного института юридических наук при Министерстве юстиции СССР: Государственное управление. Деятельность советов и общественных организаций (25.8.62). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 12. Л. 76–174.

советского политического руководства, неразработанность вопросов легитимности и преемственности власти вождя, а также страх коммунистов перед возможным повторением репрессий (разработчики конституции хорошо помнили Большой террор, а некоторые участвовали в нем одновременно в качестве палачей и жертв). Определенный отпечаток на эту дискуссию накладывала угроза партии со стороны силовых структур – госбезопасности или армии. В первом случае, как отмечалось в деле Л. Берии, он пытался «разобщить и расколоть ленинско-сталинское руководящее ядро нашей партии» и, используя аппарат госбезопасности, добиться осуществления своих «преступных махинаций по захвату власти»⁸⁹. Этот «коварный карьерист», согласно оценке Хрущева, «впился своими грязными лапами в душу тов. Сталина», которому «умел навязывать свое мнение»⁹⁰. Во втором случае – имелась в виду роль армии, которая оказалась решающей при устранении Берии в 1953 г., при обеспечении победы Хрущева в 1955 г. и разрешении июньского кризиса власти в 1957 г., закончившегося осуждением сторонников сталинизма как «антипартийной группы». Став в 1957 г. министром обороны и членом Президиума ЦК, маршал Г.К. Жуков потерял свой пост уже через три месяца (по решению Пленума ЦК 26 октября). Его отстранение от власти было связано с растущей популярностью в обществе и опасениями партийного руководства потерять контроль над армией. Воспользовавшись визитом маршала за границу, Хрущев поставил вопрос о «культе личности Жукова и его склонности к авантюризму, открывающему путь к бонапартизму»⁹¹. Версия о подготовке маршалом военного переворота, наподобие стран Латинской Америки, и его стремлении к личной диктатуре неоднократно воспроизводилась Хрущевым⁹². Характерно, что среди акций, которые инкриминировались Жукову Пленумом ЦК, фигурировало ослабление идеологической работы и упразднение партийных структур в войсках, что рассматривалось как проявление бонапартизма.

Сама постановка вопроса о конституционализации партии, неизбежно связанная с ограничением ее прерогатив, могла быть сделана исключительно в идеологических терминах и исключала неконтролируемую дискуссию: «Статьи о КПСС составлены в соответствии с положениями Программы и Устава КПСС, а также указаниями В.И. Ленина о том, что партия руководит государственными органами в рамках Советской

⁸⁹Постановление Пленума ЦК КПСС «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия» (Принято единогласно на заседании Пленума ЦК КПСС 7 июля 1953 г.) // Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 202–203.

⁹⁰Дело Берия. Пленум ЦК КПСС, июль 1953 года. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 145, 149.

⁹¹*Верт Н.* История советского государства. М., 1998. С. 400–401.

⁹²*Хрущев Н.С.* Воспоминания: В 4 кн. М., 1997.

Конституции»⁹³. Ограничения были возможны трех видов – идеологические, институциональные и функциональные. КПСС определялась функционально как «организационный и идеологический центр» системы, являлась «высшей формой общественно-политической организации» и одновременно «руководящей и направляющей силой Советского общества и государства», а в социологическом отношении – объединением «сознательной части рабочего класса, крестьян-кооператоров и интеллигенции СССР»⁹⁴.

Вопрос легитимации права партии на руководящую роль решался с позиций исторических, социологических и идеологических аргументов. Партия выступала как «боевой испытанный авангард советского народа», партия «всего советского народа», обладающая в силу этого магической функцией предвидения будущего: она «владеет знанием законов развития общества и обеспечивает правильное руководство всей работой по строительству коммунизма, придает ей организованный, планомерный, научно обоснованный характер»⁹⁵. Противоречиво решался вопрос о том, нужно ли вообще фиксировать роль партии в Конституции. «Нужно, – разъярял Брежнев, – хорошо, серьезно продумать, как записать в новой Конституции о роли нашей партии. Может быть, следует подготовить специальную статью или статьи (если даже это будет в других разделах Конституции). Тогда легче будет определить место других вопросов раздела: Советы, общественные организации и т. д.»⁹⁶ Одновременно он выражал недоумение, «куда войдет роль партии – то ли это будет в преамбуле, то ли об этом будет говориться в каких-то статьях Конституции». Наконец, он заявлял: «вряд ли Конституция будет высказываться о партийном руководстве, а вот роль Советов надо обосновать конституционно»⁹⁷.

Ключевой вопрос этой дискуссии состоял в том, чтобы определить, в какой мере партия связана правовыми нормами, в частности, нормами Конституции? Абсолютность партийного суверенитета со времен Ленина подразумевала, что партия стоит над правом и государством, а потому едва ли может ограничить даже сама себя. В документах разработчиков наметился отказ от этой жесткой формулы абсолютизма: партия по-прежнему «направляет деятельность всех государственных учреждений и общественных организаций на осуществление программы строительства коммунизма», но это руководство «осуществляется в

⁹³Сравнительный текст проекта новой Конституции. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 7. Л. 145.

⁹⁴Материалы ВПШ при ЦК КПСС (от 10.11.62). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 12. Л. 2.

⁹⁵Государственное управление, советы народных депутатов и общественные организации. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 9. Л. 1–45.

⁹⁶Замечания тов. Брежнева, переданные тов. Черненко К.У. 17 июля 1962 г. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 7. Л. 200.

⁹⁷Стенограмма заседания Конституционной подкомиссии (24.11.62). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 16. Л. 183.

рамках советской Конституции»⁹⁸. Исходя из этого, политическая система представлена не одним, а тремя элементами – КПСС, государством и общественными организациями, причем партийное руководство должно осуществляться «в рамках настоящей Конституции»⁹⁹. Данная постановка вопроса требовала раскрытия правовых механизмов осуществления партийного руководства – осуществляется оно над государственными институтами, помимо них или через них?

Если ранее молчаливо предполагалось, что партия стоит над государством, то в новой интерпретации она «осуществляет руководство государственной и общественной жизнью через Советы народных депутатов, народные собрания и общественные организации». Теоретически данная постановка вопроса предполагала дифференциацию функций партийных и советских учреждений, а также правовое урегулирование их компетенции и обязанностей, что было невозможно сделать в условиях тотального идеологического контроля. Казуистическое решение проблемы было найдено в постулировании единства народной воли, которая последовательно проявляет себя в институтах как государственной, так и партийной власти. «КПСС как партия всего народа, – констатировал А.И. Лукьянов, – является выразителем его воли и основным организатором проведения этой воли в жизнь. Ведь в этом состоит существо власти»¹⁰⁰. Соответственно данная воля проявляет себя в государственном управлении, Советах и общественных организациях. Поэтому вопреки всем разговорам о росте значения так называемых «самодеятельных организаций» и необходимости отказаться от их «мелочной опеки» – партия сохраняет полный контроль над ними «через коммунистов, работающих в общественных организациях, внимательно следит за тем, как эти организации решают свои задачи»¹⁰¹, осуществляет не косвенное, но «прямое руководство всеми отраслями народного хозяйства»¹⁰², выступает «повседневной и непосредственной организацией» выполнения государственным аппаратом задач коммунистического строительства¹⁰³.

⁹⁸К материалам проекта новой Конституции: Предложения (66–73). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 69–70.

⁹⁹Материалы к проекту Конституции СССР по вопросам государственного управления, деятельности Советов и общественных организаций за подписью председателя подкомиссии Брежнева от 8 июня 1964 г. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 27. Л. 155.

¹⁰⁰Некоторые замечания по варианту статей проекта новой Конституции СССР о государственном управлении, советах и общественных организациях (Лукьянова А.И.) (от 29 июля 1962 г.). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 8. Л. 174.

¹⁰¹Лукьянов А.И., Лазарев Б.М. Советское государство и общественные организации. М., 1960; Лукьянов А. Всенародная социалистическая демократия и новая роль общественных организаций. М., 1966. С. 49.

¹⁰²Писалев П.Ф. Местные партийные органы – органы политического и организационного руководства. М., 1962. С. 35.

¹⁰³Власов В.А. Основы советского государственного управления. М., 1960; Советское административное право / Под ред. Н.Г. Салищевой. М., 1961. С. 5.

Становится понятным появление квазиправовой метафизической формулы однопартийного господства: она напоминает формулу сталинской Конституции 1936 г., но одновременно оказывается чрезвычайно близкой к той, которая была закреплена впоследствии в брежневской Конституции 1977 г.: «Руководящей и направляющей силой советского общества, руководящим ядром всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных, является Коммунистическая партия Советского Союза – авангард советского народа, объединяющая на добровольных началах передовую, наиболее сознательную часть рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции СССР (ст. 6)»¹⁰⁴.

В этом контексте чрезвычайно противоречивое решение получал вопрос о том, кто является гарантом Конституции. Важной новацией Конституции 1964 г. стало создание Государственного конституционного суда, который «создается на срок полномочий ВНС СССР в составе Председателя Верховного Суда СССР и Председателей Верховных Судов всех союзных республик», но в его состав «могут войти и другие лица» (ст. 165). Данный институт «осуществляет наблюдение за точным и неуклонным соблюдением Конституции СССР», дает заключения о законности тех или иных решений союзной республики с точки зрения Конституции СССР по требованию ВНС СССР или его Президиума; рассматривает «вопросы отношений между отдельными союзными республиками и отношений Союза ССР с отдельными союзными республиками в случае возникновения споров; докладывает о результатах рассмотрения вопросов и споров ВНС СССР, и в период между сессиями – Президиуму ВНС СССР»¹⁰⁵. Другой формой контроля признавался «народный контроль» за деятельностью государственных, хозяйственных общественных организаций, предприятий, учреждений и должностных лиц, который осуществляется гражданами СССР, общественными организациями трудящихся и организациями партийно-государственного контроля (ст. 237), однако его независимость была невелика, поскольку «вся система органов народного Контроля возглавляется Комитетом партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета министров СССР и его органами на местах» (ст. 240). По существу, функция контроля конституционности возлагалась на три института – КПСС, ВНС и Конституционный суд, но превалирующую роль, разумеется, играл идеологический, а не законодательный или судебный контроль конституционности законов. КПСС выступала фактически и в роли конституирующей власти: решения об инициировании консти-

¹⁰⁴Материалы научных работников Латвийской ССР (29.11.62). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 12. Л. 177.

¹⁰⁵Проект: Конституция СССР. Основной закон (август – сентябрь 1964 г.). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 28. Л. 109–219.

туционной реформы должны были приниматься партийными съездами, разработка конституционного проекта – осуществляться Комиссией во главе с Первым секретарем ЦК КПСС¹⁰⁶, а сам проект должен был получить одобрение Пленума ЦК перед вынесением его на сессию ВС¹⁰⁷.

В какой мере реализация этих положений могла привести к ограничению монополии власти партии и переходу к системе разделения властей? Сама постановка вопроса о переходе к многопартийности в период «оттепели» категорически отвергалась официальными идеологами и рассматривалась как проявление ревизионизма – деятельность «лакеев империализма», которые, восхваляя «американскую демократию», сомневаются в эффективности однопартийной системы и «выливают ушаты грязи и клеветы на социалистические страны, на социалистическую демократию»¹⁰⁸. Свидетельство о внутрипартийной дискуссии по этому вопросу принадлежит Ф. Бурлацкому, который, готовя записку для Хрущева об основных принципах будущей Конституции, включил в нее положения об альтернативных выборах в Советы, суд присяжных и переход к новой конструкции власти. «Одно из главных предложений состояло в установлении президентского режима и прямых выборов народом главы государства. В нашей записке говорилось, что Первый секретарь ЦК должен баллотироваться на этот пост, а не замещать пост Председателя Совета министров СССР. Предполагалось также, что каждый член Президиума ЦК будет выдвигаться на крупный пост и важнейшие решения будут приниматься не в партии, а в органах государственной власти. Хрущев в целом довольно одобрительно реагировал на наши предложения... К сожалению, работа над новой Конституцией была оборвана из-за его падения. Ушло три десятилетия, пока страна вернулась к этим идеям...»¹⁰⁹ В других источниках, отражающих подготовку проекта официальным путем, эти идеи не прослеживаются. Напротив, по мнению некоторых партийных оппонентов Хрущева, он «всегда придерживался принципа верховенства партии над Советами»¹¹⁰. Если бы процесс демократизации имел реальный характер, позднее признавали они, то мы «постепенно пришли бы и к многопартийности»¹¹¹. Представление о намерении Хрущева отделить советы от партии и ограничить ее господство не подтверждается документами

¹⁰⁶Краткая справка «К вопросу об обновлении текста Конституции СССР» (Ф. Калининчев) (27.03.61). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 1–6.

¹⁰⁷Набросок записки о необходимости подготовки текста новой Конституции СССР (Ф. Калининчев) (от 27. III. 1962). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 7–8.

¹⁰⁸См. напр.: *Горшенин К.П.* Беседы о советской конституции. М., 1958. С. 26.

¹⁰⁹*Бурлацкий Ф.* Никита Хрущев и его советники – красные, черные, белые. М., 2002. С. 331.

¹¹⁰Беседа с Шелепиным А.Н. и Семичастным В.Е. // *Неизвестная Россия. XX век.* М., 1992. С. 288.

¹¹¹Беседа с Егорычевым Н.Г. // Там же. С. 297.

Конституционной комиссии и представляет собой, скорее всего, ретроспективную модернизацию ситуации 1964 г. под влиянием событий перестройки М. Горбачева.

6. Централизация и децентрализация: капкан номинального федерализма

Советская концепция федерализма, являясь номинальной, была при этом внутренне противоречива, поскольку стремилась соединить задачи конструирования единой наднациональной коммунистической общности с решением проблем национального самоопределения. Проект 1964 г., следуя за первыми советскими Конституциями и исходя из идеи будущей всемирной коммунистической федерации, определяет СССР как переходную стадию к ней – «Свободный союз свободных наций» (ст. 11), в который «открыт доступ социалистическим государствам, как существующим, так и могущим возникнуть в будущем», поскольку в ходе строительства коммунизма создаются культурно-экономические условия для «сближения наций» (ст. 13)¹¹². Выдвигалась утопическая посылка о том, что с переходом к коммунизму «будет происходить все большее сближение наций», в конечном счете их «слияние», результатом которого станет «новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты – советский народ»¹¹³. Из этой посылки логически следовал вывод о возможности отказа от федеративного устройства или, во всяком случае, возможности его пересмотра в направлении большей интеграции – вывод, который и был сделан рядом экспертов.

Однако, в полном противоречии с этой установкой, достижение поставленной цели создания наднациональной общности усматривается не в интеграционных и ассимиляционных процессах, а в воспроизводстве ленинской концепции федерализма как форме национального самоопределения народов. В основе административно-территориального устройства Союза, согласно данной интерпретации, лежит идея «полного осуществления советскими нациями своего суверенитета»¹¹⁴. Подкомиссия А.И. Микояна в своих «Предварительных соображениях» по этому вопросу исходит из того, что в действующей Конституции СССР 1936 г. «вопросы национальной политики и национально-государствен-

¹¹²Проект: Конституция СССР. Основной закон (август – сентябрь 1964 г.). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 28. Л. 109–219.

¹¹³Материалы к проекту Конституции СССР по вопросам государственного управления, деятельности Советов и общественных организаций за подписью председателя подкомиссии Брежнева от 8 июня 1964 г. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 27. Л. 156.

¹¹⁴*Лепешкин А.И.* Административно-территориальное устройство Союза ССР и пути его дальнейшего совершенствования. М., 1961. С. 3.

ного строительства с принципиальной точки зрения изложены правильно, подтверждены жизнью и внесение коренных, принципиальных изменений не вызывается необходимостью», а новая Конституция «подтверждает незыблемость принципа равенства, добровольности союза и гарантирует дальнейшее укрепление суверенитета союзных республик и взаимопомощь народов Союза»¹¹⁵.

По сравнению с действовавшей Конституцией подкомиссия пошла значительно дальше в направлении децентрализации, фактически выдвинув юридическую формулу перехода к конфедерации. В соответствии с Программой партии, определявшей СССР как «добровольное объединение равноправных и суверенных советских республик», в Конституцию 1964 г. вводилось новое положение о союзной республике как «суверенном государстве», со всеми гарантиями этого суверенитета вплоть до права выхода из Союза¹¹⁶. Право на сецессию предлагалось подкрепить большей конституционной защитой – принять формулу первой союзной Конституции (1924) о невозможности изменения соответствующей статьи без согласия всех республик (по конституции 1936 г. такое изменение было возможно большинством в 2/3 в Верховном Совете) или сделать его абсолютным – «дать новую, более радикальную формулировку, согласно которой статья о праве выхода республик из Союза не подлежит изменению вообще».

Частью этой программы являлась идея экономической и административно-политической децентрализации – «перераспределения компетенции между Союзом ССР и союзными республиками в сторону расширения прав республик, дальнейшей новой роли республик в государственном и хозяйственном строительстве, укрепления их **суверенитета**»¹¹⁷. В соответствии с этим «каждая союзная республика имеет свой народно-хозяйственный план и государственный бюджет», «устанавливает свое административно-территориальное деление», участвует в решении государственных дел СССР через различные формы представительства в системе высших органов государственной власти и управления», а по вопросам, выходящим за пределы компетенции Союза, союзные республики, «будучи суверенными государствами, осуществляют государственную власть самостоятельно»¹¹⁸.

¹¹⁵Материалы к проекту Конституции СССР по вопросам национальной политики и национально-государственного строительства (Председатель подкомиссии Микоян А.И.). 15 июня 64 г. Предварительные соображения. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 27. Л. 229–230.

¹¹⁶Объяснительная записка к проекту Конституции. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 28. Л. 214–218.

¹¹⁷Краткая справка «К вопросу об обновлении текста Конституции СССР (Ф. Калинычев) (27.03.61). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 5.

¹¹⁸К вопросу о разработке и принятии нового текста Конституции СССР: Записка Юридического отдела (Калинычев) (от 14.11.61). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 28

В результате Конституция 1964 г. фиксирует конфедеративную модель политического устройства (напоминавшую конструкции, обсуждавшиеся накануне и в ходе принятия Конституции СССР 1924 г.): «Союзная республика есть суверенное социалистическое государство, добровольно объединившееся с другими равноправными союзными республиками в единую социалистическую семью – СССР» (ст. 179). Она имеет свою Конституцию (ст. 180), ее территория «не может быть изменена без ее согласия» (ст. 181), равно как ее «гражданство и право приема в гражданство» (ст. 182). Она наделяется правом «осуществлять политические и экономические отношения, а также культурные связи с иностранными государствами и международными организациями» (ст. 183), наконец, в любое время по собственному желанию может выйти из состава Союза. Вопреки логике национального самоопределения, положения о суверенитете не распространяются на автономные республики и области, входящие в союзные республики, что еще более усилило позиции последних в рамках Союза. Это соответствовало общей сверхцентрализованной интерпретации советского квазифедерализма, стремившегося осуществлять контроль над автономиями через союзные республики. Автономная республика определялась как «социалистическое государство, входящее в союзную республику и через нее – в Союз ССР» (ст. 189); Автономная область – как «национальное административно-территориальное образование, входящее непосредственно или через край в союзную республику и через нее – в СССР»; Автономный округ – как «национальное административно-территориальное образование, входящее через область (край) в союзную республику и через нее – в СССР» (ст. 193).

Постановка проблемы механизмов разрешения противоречий в области федерализма отражена в предложении «обсудить на Конституционной комиссии, не следует ли для решения вопросов охраны Конституции и на случай возникновения споров Союза с республиками создать Союзный конституционный суд, например, в составе Председателя Верховного суда и председателей Верховных судов союзных республик». Выдвигалась идея о предоставлении союзным республикам права требовать созыва внеочередной сессии ВС СССР; проведения всенародного референдума; отчета о работе высших органов власти СССР перед ВС СССР, подавать обязательные к ответу запросы в соответствующий орган СССР. Предполагались наделение Верховных Советов и Советов министров союзных республик правом законодательной инициативы, замена существующего порядка назначения прокуроров республик Генеральным прокурором СССР их избранием ВС республик¹¹⁹. Отноше-

¹¹⁹Материалы к проекту Конституции СССР подкомиссии А.И. Микояна. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 27. Л. 232–234.

ния республик и автономий предполагалось урегулировать по линии бикамерализма, уравнивая численность двух палат и сбалансировав представительство союзных, автономных республик, автономных областей и национальных округов в Совете национальностей, а также включив в число членов Президиума ВС СССР представителей всех автономных республик в качестве заместителей Председателей ВС соответствующих союзных республик¹²⁰.

Противоречия советского федерализма заключались, во-первых, в расхождении цели (создание новой наднациональной общности) и средств ее достижения (расширение прав союзных республик); во-вторых, в различном конституционно-правовом статусе союзных и автономных республик, поскольку право национального самоопределения в форме суверенитета предоставлялось союзным республикам, но отвергалось для автономных; в-третьих, в асимметричности всей конструкции и эклектичности ее принципов, не позволявших создать правовые механизмы разрешения конфликтов. В Конституционном проекте 1964 г. доминирует идея децентрализации – ограничения прав Союзного центра с параллельным расширением экономических и политических прав союзных республик, на которые возлагалась основная задача по контролю над автономиями. Общим итогом стала ситуация роста асимметричности конструкции, опасная для единства государства – путь к распаду СССР.

7. Система обратных связей общества и власти: что думали граждане о разрабатываемой Конституции?

Реакция населения на проблематику конституционных реформ, как показывают «обзоры предложений граждан», составленные Редакционной подкомиссией во главе с Ильичевым для высшего руководства, включала лицемерный сервиллизм, демонстративную аполитичность и осторожную критику режима¹²¹. Основные направления критики могут быть сведены к ряду проблемных блоков.

Обращает на себя внимание рост национализма, представленный вопреки официальным заявлениям о сближении национальных культур. Это – русский национализм как антитеза советской наднациональной идентичности, выраженный в следующих заявлениях: «Не пора ли восстановить для нашей великой страны славное имя Россия?!» Первую

¹²⁰Из протокола заседания рабочей группы Конституционной комиссии по национально-политическому и национально-государственному строительству от 11 июля 1964 г. Предложение Нуриева З.Н. и Тока С.К. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 58. Л. 3.

¹²¹Справки и обзоры по письмам граждан в связи с разработкой проекта новой Конституции СССР (1961–1963). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 43.

статью Конституции предлагалось изложить в такой редакции: «Россия есть СССР» или «вместо наименования СССР именовать наше государство “Российский Союз Советских Республик”» (РССР)¹²². Тенденция к унификации выражена в идее отмены официальной регистрации по национальному признаку, поскольку «национальность граждан должна определяться со слов без предъявления каких-либо документов»¹²³. Предлагалось максимально унифицировать структуру государства: включить в состав СССР всего пять республик (РСФСР, УССР, Прибалтийскую СФСР, Закавказскую СФСР и Среднеазиатскую СФСР), а все существующие союзные республики преобразовать в автономные республики или области; создать однопалатный ВС СССР, а его Президиум избирать тайным голосованием¹²⁴. С другой стороны, характерна выдвинутая представителями республик критика «излишнего и нецелесообразного в настоящих условиях регламентирования в отношении союзных республик», для преодоления которого рекомендовалось предоставить им «право самим определять круг полномочий их ВС, состав Президиумов ВС, состав Советов Министров союзных республик и т. д.»¹²⁵ В этом контексте характерны предложения отказаться от двухпалатной системы и ввести однопалатный парламент, который должен не избираться гражданами, а формироваться ВС союзных республик из их состава при отмене Совета национальностей как самостоятельной палаты. Другие предложения об изменении числа палат ВС – от одной до трех – связаны также с изменением методов их формирования. Предложения по ликвидации Еврейской автономной области или изменению территориальных границ республик (например, включения в состав Армянской ССР тех районов Грузинской и Азербайджанской ССР, где подавляющее большинство населения составляют армяне) – выражают национальные противоречия на уровне межреспубликанских отношений и статуса отдельных автономий¹²⁶.

В структуре прав доминируют предложения о социально-экономических правах, причем речь идет не о гражданском обществе, но скорее о защите интересов различных групп – военнослужащих, пенсионеров, колхозников, рабочих различных категорий, шахтеров, инвалидов. Среди дискриминируемых категорий названы женщины, старики, пенсионеры. Бытовые вопросы охватывают такие темы, как запрет продажи

¹²²Ф. 7523. Оп. 131. Д. 43. Л. 111, 137.

¹²³Справки и обзоры по письмам граждан в связи с разработкой проекта Конституции СССР. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 44. Л. 10.

¹²⁴Справки и обзоры по письмам граждан. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 43. Л. 10.

¹²⁵Справка к вопросу о внесении изменений в Конституцию СССР (по материалам печати и письмам граждан), подготовленная Отделом по вопросам работы Советов (8.07. 1961). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 43. Л. 4.

¹²⁶Ф. 7523. Оп. 131. Д. 43. Л. 34–35, 148–149, 167, 198.

водки и ограничение табакокурения, вопросы жилплощади, уплаты алиментов, аборт, блат, прогулы и т. п. В целом преобладают уравнительно-распределительные настроения, свойственные плановому хозяйству, а требования часто окрашены социальной завистью к сравнительно преуспевающим категориям – владельцам дач, участков и огороднических хозяйств, торгующих своим урожаем на рынках. С этих позиций требуется «предусмотреть в новой Конституции ликвидацию нетрудовых доходов» и использования «приусадебных участков в целях личного обогащения» (например, для выращивания клубники с целью продажи на рынке)¹²⁷. Социальный инфантилизм общества выражен в предложении о полной отмене налогов в перспективе «уже начавшегося, по сути дела, постепенного перехода от социалистического принципа распределения к коммунистическому»¹²⁸. Диссонансом выступают отдельные предложения «расширить права крестьян-единоличников и других представителей сельского населения на землю», путем предоставления в их распоряжение «до 0,5 гектара земли для приусадебного участка и полевую землю не менее чем по 1 гектару на живую душу семьи»¹²⁹.

Гораздо серьезнее выглядят предложения о расширении политических прав, которые объединяются общим представлением о необходимости обеспечения социальной справедливости и равенства прав. Граждане предлагали «подчеркнуть в Конституции необходимость соблюдения права равенства перед законом граждан независимо от того, партийные они или беспартийные»; установить «права избирать место жительства и работы на всей территории СССР и в любом пункте нашей страны, кроме военных объектов»; предоставить гражданам «права свободы совести»; предложения о том, что «новая Конституция должна категорически запретить всякий редакторский произвол (хочу напечатать, хочу нет). Гражданин за свои выступления в печати, по радио или перед аудиторией несет ответственность только перед Конституционным судом».

Наиболее значимыми оказались предложения лиц, не указавших по понятным причинам своих фамилий. В этих письмах не только дается острая критика советского политического режима, но выдвигаются требования отмены цензуры и введения практики «свободной дискуссии в печати»¹³⁰. «В отдельных письмах, не имеющих подписей их ав-

¹²⁷Обзоры Редакционной подкомиссии о предложениях граждан, поступивших в связи с подготовкой новой Конституции СССР на имя т. Брежнева Л.И. (Л. Ильичев) с 20 июля 1962 г. по январь 1963 г. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 43. Л. 58–60.

¹²⁸Ф. 7523. Оп. 131. Д. 43. Л. 8.

¹²⁹Справка о проекте новой Конституции, присланном П.П. Лаптевым. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 43. Л. 47–50.

¹³⁰Письма граждан с предложениями к проекту Конституции СССР (Анонимные). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 345. Л. 103.

торов, – сообщается в аналитической записке, – предлагается внести в Конституцию СССР пункты, в которых установить, что всем гражданам СССР гарантируется свобода бесцензурной печати и забастовок, что все граждане имеют право организации политической партии и вступать в любые партии, что обеспечивается свобода каждому гражданину мыслить, как он хочет, и делиться своими мыслями с другими, разрешается борьба идей и борьба мнений». Критики отмечают, что «Сталинские порядки подбора, выдвижения кандидатов и проведения не выборов, а избрания их в руководящие государственные, профсоюзные и прочие органы не только устарели, но они никогда не соответствовали исторически жизненным интересам»; на выборах «желательно иметь не одного, а несколько кандидатов», действующую «сталинскую» Конституцию следует признать «антипартийной конституцией»; звучали призывы возвратиться к аутентичному ленинизму, в том числе в области конституционных норм и выборов в советы – «не переизбирать одних лиц в советы бесконечное число раз» и т. д.¹³¹

Одним из центральных и достаточно массовых требований стала отмена ограничений по прописке и выдаче паспортов колхозникам. «Несмотря на то, что наша Конституция в основном является самой демократической в мире, – заявляли они, – однако в вопросе о прописке у нас что-то недоработано, а возможно и совсем не демократически поставлено... Вместо ясного закона о свободной прописке в городах, на которую, казалось бы, вправе надеяться все граждане СССР на сорок пятом году Октября, у нас вопросами прописки ведают начальники паспортных столов и отделов по своему лишь усмотрению. Закон о запрете прописки в больших городах ведет к тому, что престарелые или больные граждане, как правило, не могут прописать у себя не только посторонних, но даже и своих близких родственников, вследствие чего нередко остаются совершенно без ухода». «Если рабочие и служащие имеют паспорта, то колхозники почему-то до сих пор не охвачены паспортизацией. Почему? ... Видимо существует еще кое у кого боязнь, чтобы колхозники, получив паспорта, не вздумали уезжать в города. Отсюда напрашивается вопрос: о каком выборе места работы, а тем более жительства, могут думать колхозники (что вполне возможно для горожан), если у них подчас и паспортов-то нет?»¹³²

Идея отмены различных полицейских ограничений советского режима доходила до требований права свободы эмиграции. Автор этого предложения (М.А. Савин из г. Москвы) ссылаясь на то, что «во всех конституциях буржуазных государств гражданам разрешается свободный выезд за пределы страны». «Почему же в СССР, – не без иронии

¹³¹Обзоры Редакционной подкомиссии. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 43. Л. 23, 26–31.

¹³²Ф. 7523. Оп. 131. Д. 43. Л. 55–57.

спрашивал он, – выезд за границу рассматривается как преступление? Тем более, что в настоящее время наша страна вступает в период строительства коммунизма и вряд ли эмиграция станет массовым явлением. Включение в Конституцию статьи о свободе выезда – это единственная возможность проверки единства и сплоченности советского народа. Отсутствие в Конституции СССР такой статьи отбрасывает СССР на сто лет назад»¹³³.

Самостоятельный блок предложений касается реформы избирательной системы, надежды на демократизацию которой связывались, по-видимому, с возможной либерализацией режима. Одним из приоритетных требований стала альтернативность выборов. «Статьей Конституции, – полагали граждане, – должно быть запрещено навязывание народу номенклатурных кандидатов при выборах депутатов во все Советы и общественные организации, ибо хорошего, честного коммуниста трудящиеся сами выдвигнут и изберут». Принцип выборности предлагалось распространить и на главу государства, которым виделся «президент, избираемый народом путем тайного голосования сроком на четыре года»¹³⁴. Существующая безальтернативная система выборов подвергалась резкой критике. Отсутствие альтернативных кандидатов в бюллетенях ведет к бюрократизации – «позволяет растить советских аристократов». Граждане «не заходят в кабины для тайного голосования не только потому, что доверяют Советской власти», но и потому, что «лишены возможности непосредственно сами выбрать лучшего из лучших, а лишь подтверждают занесенную в бюллетень кандидатуру»¹³⁵. При отсутствии «свободной агитации как “за”, так и “против” любого из выдвигаемых кандидатов любым коллективом, обществом, собранием или отдельными лицами через органы печати, на предвыборных собраниях и митингах» существующая избирательная система определялась как «подтвердительство кандидатов, комедия голосования»¹³⁶. «Выборы кого бы то ни было предполагают наличие нескольких человек, по крайней мере, двух, чтобы можно было сравнить одного с другим, отдать предпочтение одному перед другим. Если же налицо один человек, с кем же мне сравнивать его, кому предпочесть его? Ясное дело, что такие выборы – не выборы, а навязывание»¹³⁷. Критики настаивали на том, что «право выдвижения различных кандидатов в депутаты юридически должно быть предусмотрено в Конституции»¹³⁸, при выборах в местные советы следует выдвигать «не одного, а двух-трех кандидатов на каждое

¹³³Ф. 7523. Оп. 131. Д. 43. Л. 103.

¹³⁴Ф. 7523. Оп. 131. Д. 43. Л. 93–94.

¹³⁵Ф. 7523. Оп. 131. Д. 43. Л. 120–122.

¹³⁶Ф. 7523. Оп. 131. Д. 43. Л. 137. Л. 151–152.

¹³⁷Справки и обзоры по письмам граждан. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 44. Л. 7–8.

¹³⁸Ф. 7523. Оп. 131. Д. 44. Л. 29.

место». В ряде случаев проблема альтернативных выборов увязывалась с отказом от бикамерализма или изменением формы правления¹³⁹.

Острый вопрос соотношения Советов и партии спорадически возникал как в серьезных, так и в полуиронических рекомендациях по их объединению. Предложение «объединить советские органы с партийными органами» во имя «ускоренного построения коммунизма», фактически подрывавшее легитимирующую основу системы, аргументировалось идеей «обеспечения единства руководства» и одновременно «экономии государственных средств, расходуемых на содержание аппарата»¹⁴⁰. Критика номенклатуры широкими массами носила очень наивный характер и апеллировала то к мифическому «кодексу коммунистической морали», то к введению «присяги на честность» для должностных лиц, причем ее нарушение должно вести к уголовному преследованию чиновника, которого «постигнет суровая кара советского закона, как жулика и проходимца»¹⁴¹. Судя по всему, простые люди в этот период еще верили в мифологию коммунизма и даже выдвигали идеи внесения коммунизма в название государства и его герб, связывая с ее реализацией защиту своих прав. «Дайте, – восклицал один из них, – народу теперь, когда уже давно построили социализм, побольше прав на его же собственные функции, и он в сто раз быстрее построит коммунизм»¹⁴².

Конституционный проект 1964 г., призванный осуществить социальную мобилизацию вокруг идеи коммунизма, отставал от потребностей населения, а его обсуждение выявило не только привычную апатию и политическую примитивность массы, но и рост отчуждения мыслящей части общества от власти. В целом общественное мнение еще не высвободилось из жестких рамок партийной ортодоксии, но позволяло себе критику отдельных наиболее одиозных ее проявлений – критику, которая, превратившись затем в полноводный поток, смела эту систему.

8. Формы политического контроля и социальной мобилизации: выборы, самоуправление, институты непосредственной демократии

Пересмотр политической системы с позиций расширения социального контроля над властью и увеличения ее ответственности делал актуальной демократизацию избирательной системы. «При определении системы органов власти Союза ССР, – считали разработчики, – следует

¹³⁹Ф. 7523. Оп. 131. Д. 46. Л. 32–33.

¹⁴⁰Ф. 7523. Оп. 131. Д. 43. Л. 137. Л. 167; Д. 46. Л. 9 и др.

¹⁴¹Ф. 7523. Оп. 131. Д. 43. Л. 200.

¹⁴²Справки на имя тов. Брежнева Л.И., подготовленные Юридическим отделом о предложениях граждан, поступающих в связи с подготовкой новой Конституции СССР. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 45. Л. 24.

предусмотреть расширение народного представительства, повышение роли законодательных органов, уточнение компетенции высших органов власти, тайное голосование при выборах всех ответственных должностных лиц и установление предельных сроков их полномочий, принцип коллективного руководства, введение производственного принципа в государственное управление»¹⁴³. «Следует продвинуть вопрос о выборности членов Правительства высшим органом власти, их подотчетности перед населением, о расширении коллегиальности и гласности в деятельности высших и местных органов, усилении контроля представительных учреждений над другими органами государственной власти и должностными лицами». «Местным Советам – предоставить всю полноту власти на своей территории, право окончательно решать вопросы местного значения. Право законодательной инициативы – центральным органам общесоюзных общественных организаций»¹⁴⁴. Конституция 1964 г. фиксировала, что выборы депутатов во все народные советы производятся на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании (ст. 96) по избирательным округам, которые образуются по производственному и территориальному принципам (ст. 102), закрепляя за избирателями право в любое время отозвать в установленном порядке депутата, если последний не оправдал их доверия (ст. 109).

Эти общие положения, не выходящие в целом за рамки номинального советского конституционализма, могли, однако, иметь различный смысл, связанный с более или менее широкой их интерпретацией. Ограниченная дискуссия по вопросам избирательной системы, инициированная принятием новой Программы КПСС, выявила стремление юридически зафиксировать определенные процедуры сменяемости власти: закрепить в Конституции «принцип постоянного обновления состава всех выборных органов, имея в виду, что одно и то же лицо не может быть избрано более чем на три срока непрерывно, а в исключительных случаях для избрания на новый срок требуется получение квалифицированного большинства голосов при тайном голосовании. При этом следовало бы учесть многочисленные предложения трудящихся, высказывания по этому вопросу в центральной и местной печати». В связи с программным требованием о постепенном распространении принципа сменяемости «на всех руководящих работников государственных органов» предполагалось решить вопрос о том, «какие должностные лица будут выбираться непосредственно избирателями и какие из них представительными органами. Одновременно в Конституции можно было бы закрепить порядок подотчетности и отзыва этих должностных лиц»¹⁴⁵.

¹⁴³Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 72.

¹⁴⁴Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 73.

¹⁴⁵Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 27.

«При определении результатов голосования было бы целесообразно установить, что избранным считается кандидат в депутаты, получивший на выборах больше половины голосов всех избирателей, зарегистрированных по данному избирательному округу, а не поданного по округу количества голосов, как это установлено в настоящее время»¹⁴⁶. Не стоит говорить, что все эти идеи не получили никакой реализации.

Ключевой проблемой этой дискуссии стал вопрос об альтернативных кандидатах. Констатируя, что «такие предложения являются, в известной мере, результатом давления буржуазной критики практики выборов в СССР, отступлением перед трудностями в поисках метода формирования органов власти, присущего советскому социалистическому государству», эксперты Конституционной комиссии были вынуждены признать, что «предложения о необходимости выставлять на выборах в каждом округе по несколько кандидатов в депутаты» пользуются поддержкой части населения и нередко выдвигаются «в последнее время в письмах граждан». Решение проблемы усматривалось в проведении ограниченного эксперимента в этой области. «Если подходить к проблеме чисто эмпирически, – писал автор специальной записки по этому вопросу, – то следует признать, что выставление в избирательных округах по выборам хотя бы в некоторые Советы разных звеньев по два-три кандидата в депутаты видимо способствовало бы оживлению интереса к избирательным кампаниям и, в определенной мере, повышению авторитета Советов. Для этого не надо вносить никаких изменений в избирательное законодательство – оно полностью рассчитано на такой порядок выборов». Выдвижение нескольких кандидатов на выборах, однако, предлагалось рассматривать «лишь как меру временного, одноразового характера, притом чисто экспериментального» и реализовать ее исключительно на уровне низших советов – сельских, поселковых, районных в городах и городских. Что касается всех вышестоящих советов, «то здесь введение нескольких кандидатов на выборах не может рассматриваться как принципиальное решение проблемы, как средство устранения указанных отрицательных явлений». Препятствие к этому состоит «в противоречии между возникшими и сложившимися для политической конкуренции нескольких партий парламентскими формами организации представительных учреждений и сущностью социалистического государства, основанного на социально-политическом единстве нашего общества»¹⁴⁷. Эти

¹⁴⁶Справка о вопросах, возникающих в связи с требованиями проекта Программы КПСС по вопросам, связанным с внесением изменений в Конституцию СССР по избирательной системе от 2. 10. 61 (от тов. Лукьянова). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 13.

¹⁴⁷О совершенствовании избирательной системы и методов формирования представительных органов власти. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 42. Л. 181–184.

принципы, по мнению экспертов того времени, выражают «помыслы советских людей» в силу их «непосредственного участия» в подготовке избирательного законодательства¹⁴⁸, которое вовсе не препятствует альтернативным выборам, а выдвижение на практике одного кандидата по каждому избирательному округу вызвано исключительно «той высокой ответственностью, которую проявляют коллективы трудящихся при выдвижении кандидатов, широким предварительным обсуждением всех выставляемых по округу кандидатур»¹⁴⁹.

Но и эти чрезвычайно ограниченные предложения ставили под сомнение общие принципы советской избирательной системы. Во-первых, возникало опасение утраты партийного контроля над альтернативными выборами при сохранении тайного голосования, которое «снизило бы возможности по обеспечению представительства национальностей, общественных организаций и др.». Во-вторых, введение этой меры могло привести к разрушению всей пирамиды советских выборов, противопоставив избранных депутатов тем, которые делегировались нижестоящими Советами в вышестоящие под контролем партии. Система не прямых многоступенчатых выборов рассматривалась патбюрократией как большое достижение ленинизма: «Она позволяет установить по-настоящему деловую связь депутатов с производственными коллективами трудящихся, усилить их ответственность перед ними. Кроме того, нельзя не отметить, что предложенная система позволяет экономить значительные средства, расходуемые ныне на избирательные кампании. Наконец, следует иметь в виду, что съезды партии, которые определяют все наиболее важные задачи развития советского общества, также формируются путем многостепенных выборов, однако, глубокий демократизм их образования сомнений, конечно, вызвать не может». В-третьих, оставалось совершенно неясным закрепленное в Конституции 1936 г. понятие территориально-производственных избирательных округов, и в новой Конституции предлагалось однозначно отказаться от территориального принципа, который «является типичным буржуазным принципом», и «восстановить революционный, ленинский производственный принцип», осуществляя выборы депутатов (делегатов) в Советы от фабрик, колхозов, совхозов, строек, учебных заведений, МТС и т. д.¹⁵⁰ В результате в проекте Конституции 1964 г. была зафиксирована противоречивая компромиссная формула: «территориальный принцип образования избирательных округов предлагается сохранить только для выборов в

¹⁴⁸Туманов П.В. Порядок организации и проведения выборов. М., 1962. С. 3–8.

¹⁴⁹Григорьев В. Выборы в местные советы депутатов трудящихся. М., 1969. С. 37.

¹⁵⁰Замечания членов подкомиссии Брежнева к пятому варианту раздела проекта новой Конституции // Ф. 7523. Оп. 131. Д. 17. Л. 9–29.

Верховный Народный Совет СССР и в ВНС-ы союзных республик, а округа по выборам в НС-ы автономных республик, местные НС-ы создавать по производственному и территориальному принципам». Идея перехода к производственному принципу была объявлена мертворожденной и дезавуирована сразу после падения Хрущева как проведенная «без должной подготовки, в атмосфере торопливости, без учета всех ее последствий», в частности – «невозможности разграничения сферы деятельности партийных и советских органов в промышленной и сельскохозяйственной зонах»¹⁵¹.

Одной из форм оживления политической жизни в контексте конституционной реформы стала апелляция к институтам непосредственной демократии – «организационным формам, средствам и гарантиям конституционного характера, предупреждающим и исключающим рецидивы культа личности, злоупотребления властью и нарушения законности». В этом контексте обсуждалась проблема референдумов, однако обзор их применения в капиталистических странах приводил к выводу, что они «не могут быть механически использованы при проведении всенародного голосования (референдума) в условиях страны, вступившей в период развернутого строительства коммунистического общества»¹⁵². Если Конституция 1936 г. понимала референдум как «всенародный опрос», то Программа КПСС интерпретировала его как «всенародное голосование». Главная проблема усматривалась в том, что референдумы в этой новой интерпретации могут выступить конкурентом советов, которые в свою очередь рассматривались как разновидность непосредственного народного волеизъявления. Предлагалось отказаться от отождествления референдума и всенародного опроса, а последний – не рассматривать как форму голосования. Выход из этого доктринального тупика был усмотрен в концепции общенародного государства, где «нет никакой почвы для противопоставления референдума представительным органам государственной власти» и выдвижении идеи «референдума нового типа», в котором «слиты воедино народное побуждение, общественное мнение и партийная государственная воля»¹⁵³. Для принятия новой Конституции рекомендовалось поэтому использовать именно форму референдума (всенародного голосования), что стало бы, по мнению экспертов, «проявлением невиданного демократизма» со-

¹⁵¹См. Верность ленинским организационным принципам // Правда. 1964. 18 ноября. См. также: Местные советы на современном этапе. М., 1965. С. 21–22.

¹⁵²Записка П. Туманова (зав. Отделом по вопросам работы Советов) Брежневу: К вопросу о всенародном голосовании (справка составлена В. Григорьевым – старшим консультантом Отдела по вопросам работы Советов) (25.04.63). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 21. Л. 67–96.

¹⁵³Коток В.Ф. Референдум в системе социалистической демократии. М., 1964. С. 9, 124.

ветской системы, где «народ сам разрабатывает проект Основного закона и сам же его утверждает. Этого в мире еще никогда не было»¹⁵⁴.

Другой формой самоопределения общества должны были стать институты самоуправления. Счастливая особенность советской системы местных органов власти традиционно усматривалась в том, что «она не знает противопоставления местного самоуправления и государственной власти, как это имеет место в буржуазных странах»¹⁵⁵ и «невозможно себе представить функционирующее советское народное представительство вне взаимодействия с формами непосредственного народовластия»¹⁵⁶. Это допускало самые экзотические трактовки местного самоуправления. Проект Конституции 1964 г. исходил из того, что прямое, непосредственное народное правление осуществляется через «народные собрания», съезды коллективов, народное обсуждение проектов законов, всенародное голосование (референдумы), а также путем «иных демократических форм» (ст. 122). Особое внимание отводилось народным собраниям, т. е. собраниям производственных коллективов предприятий, организаций, учреждений, и также собраниям граждан по месту жительства, которые вправе «рассматривать проекты законов, решений местных народных советов и вопросы общегосударственного, республиканского или местного значения, вынесенные на обсуждение граждан» (ст. 123).

В ходе обсуждения предполагалось, что собрания граждан в качестве институтов местного самоуправления «избирают свои исполнительные органы (комитеты), действующие на общественных началах, наподобие имеющихся в настоящее время уличных, домовых и квартальных комитетов». К ведению общих собраний граждан предлагалось «отнести вопросы благоустройства населенных пунктов, ремонта и строительства дорог местного значения, вопросы бытового и культурного обслуживания населения, торговли, обеспечения общественного порядка, некоторые вопросы просвещения и здравоохранения. Исполнительным органам общественных собраний следовало бы предоставить право выдачи гражданам справок по определенным вопросам». Предложение о создании низовых органов власти в лице общественных собраний граждан обуславливалось тем, что «действующие сельские советы в связи с проводившимся последние годы укрупнением (было 75 тыс., стало 40 тыс. сельсоветов) значительно отделились от населения. Дальнейшее укрупнение сельсоветов, необходимость которого вызывается предсто-

¹⁵⁴Памятная записка к разработке вопросов общественного и государственного устройства в проекте новой Конституции СССР. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 42. Л. 17.

¹⁵⁵*Мандельштам Л.О.* Местные органы государственной власти в СССР. М., 1953. С. 23.

¹⁵⁶*Коток В.Ф.* Советская представительная система. М., 1963. С. 9–10.

ящим укрупнением районов, приведет к еще большему территориальному удалению сельских советов от населения»¹⁵⁷.

Третьей формой стимулирования «общественной самодеятельности» выступала «демократизация местных советов», под которой понималось расширение их компетенции, гласности в работе, возрастание роли постоянных комиссий, «определение круга должностных лиц, которые должны избираться, а не назначаться»¹⁵⁸. Было принято новое название советов – преобразование советов депутатов трудящихся в «народные советы»¹⁵⁹. Тенденция к децентрализации государственного аппарата, намеченная Ноябрьским пленумом ЦК КПСС (1962), отразилась в предложениях по изменению организации и порядка деятельности местных советов по производственному принципу (деление их на промышленные и сельские)¹⁶⁰. Проект Конституции 1964 г. включал даже положение о том, что местные советы «принимают окончательные решения по вопросам местного значения в пределах предоставленных им прав» (ст. 207). Фактическое безвластие советов, однако, выражалось в осторожном признании, что «не изжиты случаи подмены советов органами управления, в результате чего ограничивается сфера деятельности первых»¹⁶¹.

Свою историческую заслугу авторы Конституции 1964 г. оценили очень высоко: «впервые в истории конституционного творчества, – заявляли они, – фиксируются формы прямого, непосредственного народного правления», а его выражением являются «референдумы нового типа», в ходе которых «всенародному голосованию по законопроектам должно предшествовать их всенародное обсуждение»¹⁶². На деле речь шла об ограниченных нововведениях, призванных реанимировать окостеневшую бюрократическую систему, наметив механизмы преодоления ее растущего отчуждения от населения.

9. Конструкция высших органов власти: Верховный Совет, Президиум и Правительство

Одним из центральных вопросов дискуссии по проекту стала проблема структуры высших органов власти. Отвергнув принципиаль-

¹⁵⁷Принципы организации низового органа государственной власти. Записка и письмо Туманова на имя Брежнева. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 16. Л. 169–170.

¹⁵⁸Вопросы к разработке материалов к разделу «Местные органы государственной власти» проекта новой Конституции СССР. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 8. Л. 4.

¹⁵⁹Объяснительная записка к представленному проекту Конституции СССР. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 42. Л. 61–62.

¹⁶⁰Письмо П. Туманова на имя тов. Брежнева с предложениями по изменению порядка организации и деятельности местных советов в связи с решениями Ноябрьского Пленума ЦК КПСС. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 16. Л. 185.

¹⁶¹Местные советы на современном этапе. М., 1965. С. 136.

¹⁶²Объяснительная записка к проекту Конституции. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 28. Л. 195–196.

но концепцию разделения властей, составители оказались в тупике ленинской догмы «работающего правительства» и связанных с ней доктринальных противоречий. Советы в рамках этой концепции «соединяют в себе выгоды парламентаризма и прямой демократии, т.е. соединяют и законодательную функцию и исполнение законов», а при переходе к коммунизму из органов государства превращаются в «самодеятельные органы», руководящие общественными делами «без каких бы то ни было политических функций»¹⁶³. Согласно этой логике Верховный Совет – «не обычный парламент, а как высший представительный орган трудящихся законодательствует периодически»¹⁶⁴. В Проекте воспроизводился принципиальный отказ от профессионального парламентаризма в соответствии с указанием Ленина о том, что «советы являются не парламентарными учреждениями, а народными собраниями трудовых представителей», не порывающих связь с производством¹⁶⁵. Верховный Совет СССР определялся как верховный орган государственной власти, состоящий из «трудовых представителей советского народа», которые «с избранием их в депутаты не порывают со своей обычной работой на фабрике, заводе, в колхозе, государственном управлении или общественной организации»¹⁶⁶. Именно «этой особенностью советской демократии» определялась, по мнению составителей, кратковременность сессий ВС, которые ни в коем случае не следует путать с заседаниями парламента. Парадоксальным образом основная ошибка Сталина в области государственного строительства усматривалась в том, что он «отошел от ленинской концепции народного представительства, перенес на структуру высших органов государственной власти формально парламентскую систему и порвал с теми принципами построения высших органов государственной власти, которые были обоснованы В.И. Лениным» и встал на путь формального разграничения властей¹⁶⁷. Основное внимание разработчики считали нужным сосредоточить именно на реконструкции этих «ленинских норм», видя их воплощение в Конституциях 1918 и 1924 гг.¹⁶⁸ Составители пошли дальше в направлении соединения властей: если Конституция 1936 г. говорит о Верховном Совете лишь как о законо-

¹⁶³Советы депутатов трудящихся в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961. С. 9, 31–32.

¹⁶⁴Калинычев Ф.И., Кравцов Б.П. Власть народа. М., 1962. С. 49.

¹⁶⁵Первый вариант предложений к проекту новой Конституции СССР по вопросам государственного управления и деятельности Советов и общественных организаций. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 7. Л. 149.

¹⁶⁶Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 30–31.

¹⁶⁷Некоторые вопросы Конституции 1936 г. в свете культа личности И.В. Сталина. Справка Л. Мандельштама (21.10. 62). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 2. Л. 76.

¹⁶⁸См. справку: В.И. Ленин – создатель первых советских конституций. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 3. Л. 98–142. Также: Л. 143–174.

дательном органе, то проект Конституции 1964 г. определяет его как «высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган», выдвигая вперед «полномочия Председателя Президиума, которые он исполняет единолично»¹⁶⁹.

В качестве шагов в направлении «социалистической законности» предполагалось корректировать систему в трех отношениях: добиться регулярности созыва сессий, увеличения продолжительности их деятельности и четкой фиксации круга рассматриваемых вопросов. Ощущение неэффективности данной формы законодательной работы вело, далее, к идее о необходимости иметь другой представительный орган, «осуществляющий в перерывах между сессиями функции высшего органа государственной власти»¹⁷⁰ и предложению «конституционно закрепить вопросы, которые входят в исключительную компетенцию ВС СССР и которые не может решить никакой другой подотчетный ВС орган»¹⁷¹. Наконец, выдвигалось предложение о расширении круга субъектов законодательной инициативы, правом которой предлагалось наделить не только палаты ВС, но и правительство и даже «общественные» организации¹⁷². Право законодательной инициативы «с учетом сложившейся практики» предлагалось дать Президиуму ВС, палатам и постоянным комиссиям, Правительству СССР, Верховному суду, союзным республикам в лице их высших органов власти, а также центральным органам общесоюзных общественных организаций»¹⁷³. Действительно, в проекте Конституции 1964 г. право законодательной инициативы трактовалось чрезвычайно широко – оно «дается Палатам ВНС, его комиссиям и комиссиям палат, его депутатам, Совету министров СССР, союзным республикам в лице ВНС и их Президиумов, КП СССР, профсоюзам, ЛКСМ и другим массовым общественным организациям, Верховному суду и Генеральному прокурору СССР» (ст. 142). Сомнения в целесообразности этих предложений, высказанные в ходе дискуссии по ним, определялись не столько противоречием их принципу разделения властей, сколько опасениями роста тенденций к «буржуазному парламентаризму» (С.С. Кравчук), отсутствием четкого представления о том, каким органам дать право законодательной инициативы (Б.М. Лазарев), неясностью, следует ли наделить этим правом

¹⁶⁹Объяснительная записка к проекту Конституции. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 28. Л. 209, 211.

¹⁷⁰Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 30–31.

¹⁷¹Справка об итогах деятельности Верховного Совета СССР и некоторых вопросах работы Советов депутатов трудящихся. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 187.

¹⁷²Первый вариант предложений к проекту новой Конституции СССР по вопросам государственного управления и деятельности Советов и общественных организаций. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 7. Л. 157.

¹⁷³Справка об итогах деятельности ВС СССР и некоторых вопросах работы Советов. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 238.

общественные организации (А.И. Лукьянов), абсолютной невозможностью отличить правовые нормы от «ненорм» в советском праве, неразграниченностью понятий закона и указа (С.Ф. Кечекьян) и найти путь к системе, в которой «в конце концов исполнение функций управления делами государства перестает быть профессией» (И.С. Самощенко)¹⁷⁴.

Сохранял значение вопрос структуры законодательной власти – должна она быть двухпалатной или однопалатной. Диаметральные противоположные позиции по бикамерализму определялись различием идеологических установок, прежде всего – представлениями о темпах сближения наций при переходе к коммунизму. Сам феномен второй палаты связывался исключительно с необходимостью национального представительства¹⁷⁵. Критика двухпалатной модели, зафиксированной в сталинской Конституции 1936 г., шла по трем направлениям. Прежде всего, двухпалатная модель рассматривалась вообще как идеологически чуждая: «Жизнь доказала, что прав был В.И. Ленин, который всегда высказывался против двухпалатной системы в нашем Советском государстве и считал ее одной из самых ярких черт буржуазного парламентаризма». Далее, эта модель признавалась неработающей, поскольку «более чем за 25 лет не было ни одного случая, чтобы Совет Национальностей обсуждал или внес хотя бы какой-нибудь маленький особый, специфический национальный вопрос, о котором говорил Сталин в докладе о проекте Конституции СССР». Наконец, бикамерализм как способ решения национальных вопросов казался не нужен, поскольку деятельностью всех организаций страны, в том числе и ВС, «руководит Коммунистическая партия, которая зорко стоит на страже союза и дружбы народов нашей страны» и полностью обеспечивает «учет особенностей и специфических интересов всех национальностей»¹⁷⁶. Серьезный аргумент против бикамерализма состоял в том, что его существование не гарантирует принцип равенства избирательных прав вообще и представительства от различных национальных образований (республик и автономий) в частности¹⁷⁷.

Сторонники сохранения двухпалатной системы в свою очередь апеллировали к концепции переходного периода и незавершенности национальной интеграции, предполагающей сохранение бикамерализ-

¹⁷⁴Стенограмма совещания по обсуждению материалов к проекту новой Конституции СССР (27.03.63). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 19. Л. 4–26.

¹⁷⁵Григорьев В.К. Порядок организации и проведения выборов в Верховный Совет СССР. М., 1966. С. 7.

¹⁷⁶Записка В.А. Голикова: О некоторых вопросах, связанных с разработкой проекта новой Конституции СССР. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 7. Л. 1.

¹⁷⁷Записка отдела по вопросам работы Советов (П. Туманов) на имя Брежнева по вопросу о двухпалатной структуре Верховного органа власти СССР и порядка избрания Совета национальностей (23.08.62). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 10. Л. 136–140.

ма как временной меры. В этом контексте обсуждались и другие проблемы советского бикамерализма – каковы должны быть численность и состав палаты Союза и палаты национальностей, порядок разрешения конфликтов между палатами (создание согласительной комиссии или вынесение спорного вопроса на референдум)¹⁷⁸, следует ли сохранить право роспуска ВС за Президиумом или выносить спорные вопросы на народный референдум¹⁷⁹. Детально обсуждались вопросы численного состава ВС и его Президиума, его компетенции, в частности права давать рекомендации органам власти союзных республик (в чем некоторые не без основания усмотрели ограничение их суверенитета)¹⁸⁰. Обсуждение в подкомиссии Брежнева выявило неопределенность представлений по ключевым вопросам – сохранится ли существующее число республик, будут ли существовать автономии, проектируется двухпалатная система или возникнет однопалатная, сохранится ли Президиум и его Бюро. Особенно дискутировалась проблема организации работы председателей палат и осуществления ими председательских функций в межсессионный период. Представлялось неясным, следует ли фиксировать в Основном законе вопросы «утверждения бюджета и народнохозяйственного плана», а также механизмы контроля их исполнения министерствами и ведомствами¹⁸¹. Комментируя эти споры, Брежнев предложил «исходить пока из существующей системы»¹⁸². В результате проект Конституции 1964 г. не сильно ушел от образца 1936 г.: ВНС определялся как высший представительный орган, состоящий из двух равных по численности палат, противоречия которых решались в рамках согласительной комиссии, а в случае неудачи достижения компромисса – на всенародном голосовании.

Стремление к деbüroкратизации системы и расширению контроля над исполнительной властью сделало актуальным обсуждение вопроса о включении в Конституцию раздела о так называемых постоянных комиссиях ВС СССР в контексте решений XXII съезда КПСС и партийной программы «о новой роли постоянных комиссий Советов». К компетенции постоянных комиссий предполагалось отнести «не только подготовку или предварительное рассмотрение законопроектов, народнохозяйственных планов, государственного бюджета и иных актов, вносимых на рассмотрение ВС СССР или его Президиума, но и осуществление систематического контроля за деятельностью министерств, ведомств, совнархозов и активное содействие проведению в жизнь за-

¹⁷⁸Стенограмма совещания у тов. Георгадзе (1.3.62). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 8. Л. 215, 227.

¹⁷⁹Сравнительный текст проекта новой Конституции. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 7. Л. 156.

¹⁸⁰Стенограмма заседания (8.06.64). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 26. Л. 80–81.

¹⁸¹Стенограмма совещаний по обсуждению материалов к проекту новой Конституции (17.7.62). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 7. Л. 215.

¹⁸²Стенограмма заседания (8.06.64). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 26. Л. 82.

конов и решений ВС СССР». Проект Конституции 1964 г. предусматривал образование в ВС СССР постоянных комиссий: «законодательных предположений и социалистической законности; народнохозяйственного плана и государственного бюджета; транспорта и связи; сельского хозяйства и заготовок; народного образования; науки и культуры; здравоохранения и социального обеспечения. Совет национальностей образует кроме того Комиссию по вопросам развития экономики и культуры союзных республик»¹⁸³. В других документах речь идет о комиссиях законодательных предложений, бюджетной, экономической, по иностранным делам и др.¹⁸⁴, которые образуются из числа депутатов соответствующей палаты¹⁸⁵. Предполагалось «значительное увеличение количества постоянных комиссий»¹⁸⁶, использование опыта их деятельности в странах «народной демократии»¹⁸⁷, обращение по этому вопросу к конституциям соответствующих стран (МНР, РНР, ГДР, ЧСР и др.)¹⁸⁸. В проекте Конституции 1964 г. Комиссии ВНС и его палат действительно получают право заслушивать на своих заседаниях министров и запрашивать необходимые материалы и документы, а также давать поручения государственным органам, учреждениям и организациям по изучению и разработке вопросов (ст. 163)¹⁸⁹.

Все это конструирование было внутренне противоречивым. С одной стороны, разработчики говорят о расширении полномочий ВС как законодательного института, с другой – направляют усилия на расширение делегированных полномочий Президиума, которые юридически и фактически значительно увеличивались. Президиум во главе с его Председателем – оригинальный гибридный институт, выступающий в двух качествах: с одной стороны, выполняет некоторые функции ВС в период между его сессиями, с другой – функции главы государства – «коллективного президента»¹⁹⁰. Со стремлением институционализировать

¹⁸³Объяснительная записка к проекту Конституции о комиссиях ВС СССР. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 5. Предварительные материалы 1962 г. Л. 63–68.

¹⁸⁴Справка: Комиссии Верховного Совета народных депутатов СССР. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 107–160.

¹⁸⁵См.: Предложения и замечания к проекту Конституции СССР о постоянных комиссиях Палат Верховного Совета (1.2.62) (А. Смирнов). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 98–99.

¹⁸⁶Объяснительная записка к проекту главы (раздела) Конституции СССР о постоянных комиссиях Верховного Совета СССР. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 122–127.

¹⁸⁷Материалы по конституциям социалистических и некоторых несоциалистических стран. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 47 (1960–1962).

¹⁸⁸Сопроводительное письмо Черненко члену подкомиссии по вопросам государственного управления, деятельности советов и общественных организаций С.П. Павлову с приложением текстов Конституций МНР, РНР, ГДР, ЧСР. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 48–50.

¹⁸⁹Проект: Конституция СССР. Основной закон (август – сентябрь 1964 г.) Ф. 7523. Оп. 131. Д. 28. Л. 168.

¹⁹⁰Калинычев Ф.И. Президиум Верховного Совета СССР. М., 1969. С. 29.

эту реальность была связана идея создания Государственного Совета – «уменьшенного слепка ВС»¹⁹¹, наделенного «компетенцией не только высшего органа государственной власти, но и в определенном объеме высшего органа государственного управления»¹⁹², в котором «могла бы быть сосредоточена вся текущая законодательная работа, а также деятельность, связанная с контролем за работой органов управления и других подотчетных органов»¹⁹³. Образцом служили соответствующие институты стран Восточной Европы где наряду с представительными учреждениями возникли аналоги Госсовета – Президиум Республики в Венгрии, Государственные советы в Польше, ГДР, Румынии, названия которых подчеркивали самостоятельный статус этих учреждений. Отказавшись от этой идеи, разработчики пришли к мысли «закрепить в новой Конституции СССР те функции Президиума ВС СССР, которые он фактически осуществляет в настоящее время, указав, что в перерыве между сессиями Президиум ВС осуществляет полномочия высшего органа государственной власти кроме тех полномочий, которые составляют исключительную компетенцию ВС СССР». Предлагалось, в частности, «предоставить Президиуму ВС СССР, как высшему органу государственной власти, право вносить между сессиями изменения и дополнения в действующее законодательство с последующим представлением их на утверждение ВС СССР», наделить его функцией осуществления контроля за соблюдением Конституции СССР и обеспечением соответствия законодательства республик союзному законодательству»¹⁹⁴. Выдвигалась идея включить в Конституцию такой институт как Бюро Президиума, но она была в конечном счете отвергнута, так как Бюро не избирается непосредственно ВС и не несет ответственности перед ним, а существование такого высшего органа, по словам П. Туманова, «не является демократичным»¹⁹⁵. В итоге в Конституции 1964 г. «Президиум ВНС СССР определяется как «высший орган государственной власти СССР в период между сессиями ВНС СССР, ответственен перед ним и ему подотчетен» (ст. 152), наделен чрезвычайно широкими полномочиями, включая внесение изменений в текущее законодательство, образование и упразднение отдельных органов государственного управления, избрание и освобождение от должности отдельных членов Совета министров (по представлению его Председателя), отдельных членов

¹⁹¹Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 31.

¹⁹²Объяснительная записка на имя тов. Брежнева к материалам подкомиссии. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 25. Л. 150.

¹⁹³Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 32.

¹⁹⁴Справка об итогах деятельности Верховного Совета СССР и некоторых вопросах работы Советов депутатов трудящихся. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 190.

¹⁹⁵Замечания П. Туманова по материалам к проекту Конституции (22.04.63). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 21. Л. 65.

Верховного суда, а также контроль за соблюдением Конституции СССР, соответствием конституций союзных республик Конституции СССР, контроль за исполнением законов СССР и соответствием республиканских законов законам СССР (ст. 155)¹⁹⁶.

Результатом этих устремлений стала идея своеобразного «парламентского контроля» за деятельностью правительства – наделение Президиума правом «отменять в случае необходимости постановления и распоряжения Правительственного совета СССР» (по Конституции 1936 г. такое право было предоставлено Президиуму только в случае расхождения постановлений Правительства с законом)¹⁹⁷. Наиболее смелым было предложение главе вновь избранного Правительства представить ВС программу деятельности правительства, но оно тут же было отвергнуто как элемент «буржуазного парламентаризма»: «В нашем советском обществе, – заявили оппоненты (В. Титов), – программа деятельности правительства определяется генеральной линией партии, ее программой, ее решениями, общеизвестными народу. Никакой другой программы у советского правительства быть не может. Поэтому правительству, по нашему мнению, нет необходимости выступать перед ВС со специальными заявлениями о программе своей деятельности». В качестве паллиатива было предложено закрепить в Конституции «установившуюся в нашей стране за последние годы практику, когда глава вновь избранного правительства выступает перед ВС с докладом о важнейших проблемах и задачах внутренней и внешней политики Советского государства»¹⁹⁸. Было предложено переименовать Совет министров в Правительство или Правительственный Совет¹⁹⁹, подчеркнуть историческое название и «коллегиальность этого органа»²⁰⁰ и отразить итоги хрущевских реформ государственного аппарата – создание Госкомитетов и ликвидацию многих отраслевых министерств, создание экономических административных районов и совнархозов²⁰¹.

¹⁹⁶Проект: Конституция СССР. Основной закон (август – сентябрь 1964 г.). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 28. Л. 163.

¹⁹⁷Справка по второму варианту Материалов к проекту новой конституции СССР по вопросам государственного управления, деятельности советов и общественных организаций (от 13.10.62) (Алаторцев, Мандельштам, Лукьянов, Николаева). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 11. Л. 212.

¹⁹⁸Замечания членов подкомиссии Брежнева к пятому варианту раздела проекта новой Конституции (тг. Епишева, Титова, Расулова, Кодицы, Байрамова, Снечкуса, Мюрисепа). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 17. Л. 1–27.

¹⁹⁹Материалы к проекту Конституции СССР по вопросам государственного управления, деятельности Советов и общественных организаций за подписью председателя подкомиссии Брежнева от 8 июня 1964 г. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 27. Л. 147.

²⁰⁰Ф. 7523. Оп. 131. Д. 5. Л. 45–48.

²⁰¹Записка в Высшие органы государственной власти СССР (3.07.62). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 5. Л. 43.

Конституция 1964 г. только формально отразила результаты этой дискуссии, зафиксировав, что Совет министров СССР – Правительство СССР «является высшим исполнительным и распорядительным органом ВНС СССР и отвечает перед ним, а между сессиями – перед его Президиумом (ст. 167). «Ответственность правительства» осталась фикцией.

10. Бюрократия и реформы: кто и как готовил документы по проекту Конституции 1964 г.

Механизм работы над Конституцией 1964 г. раскрывается благодаря отлично документированной деятельности центральной подкомиссии Брежнева, который являлся в тот период Председателем Президиума ВС СССР. Подкомиссия, в состав которой вошли исключительно партийные чиновники (Н. Байрамов, М.П. Георгадзе, А.А. Епишев, В.М. Кавун, И.С. Кодица, К.Т. Мазуров, А.А. Мюрисеп, С.П. Павлов, Д.С. Полянский, Д. Расулов, В.А. Смирнов, А.Ю. Снечук, В.Н.Титов), была образована «по вопросам государственного управления, деятельности Советов и общественных организаций» и действовала на базе аппарата Президиума ВС СССР с привлечением научных работников и ведомств. За период 1961–1964 гг. подкомиссией было подготовлено 12 вариантов соответствующего раздела Конституции, отражающих порядок обсуждения и принятия решений²⁰².

Состав участников дискуссий включал три основные категории – представителей высшей партийной номенклатуры, аппаратной бюрократии и привлеченных экспертов. Для «подготовки необходимых справочных материалов» по конституционным вопросам и разработки нового текста Конституции было создано три рабочих группы: 1) группа в составе работников аппарата Президиума ВС СССР, на которую предполагалось «возложить всю практическую работу по подготовке нового текста Конституции СССР и необходимых справочных материалов, а также направление, координацию деятельности всех лиц, которые будут привлечены для подготовки проекта» (в ее состав вошли исключительно чиновники); 2) группа по общим вопросам проекта Конституции СССР в составе руководящих и практических работников центральных ведомств и наиболее квалифицированных научных работников, на которую возлагалась «работа по подготовке предложений по новому тексту Конституции СССР, в особенности по вопросам государственного и общественного устройства и конструкции органов государственной власти, а также по всем другим принципиальным положениям проекта

²⁰²Справка А. Лукьянова по подготовке материалов по проекту новой Конституции (июнь 1962 – июнь 1964) от 8.08.64. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 28. Л. 86–107.

Основного закона» (в ее состав входили как чиновники, так и представители официальной правовой науки); 3) консультативная группа «для консультации по специальным вопросам отдельных отраслей советского права, которые будут возникать в процессе подготовки нового текста Конституции СССР» (в ее состав допускалось привлечение «отдельных крупных специалистов в области экономических, исторических и филологических наук») ²⁰³.

Координация всей деятельности подкомиссии возлагалась на особую Рабочую группу Президиума ВС СССР во главе с начальником его секретариата – К.У. Черненко, на которую была возложена задача «разработать задания каждому отделу и звену аппарата, конкретно определить, какие материалы и в какие сроки должен подготовить тот или иной отдел или часть аппарата» ²⁰⁴. Основным методом ее деятельности служил регулярный мониторинг дискуссий (в форме совещаний) и рассылка циркулярных писем, адресованных членам подкомиссии Брежнева, а также формируемым внутри нее группам экспертов ²⁰⁵. Порядок распределения содержательных вопросов внутри Рабочей группы выглядел следующим образом: «1. ВС, его Президиум и государственное управление (Черненко К.У., Калинычев Ф.И., Ракушин В.А., Николаева Н.А.). 2. Советы и общественные организации (Мандельштам Л.И., Лукьянов А.И.); 3. Постоянные комиссии (Смирнов А.И., Бабухин И.А.). 4. Избирательная система и депутат (Кулик Р.И., Григорьев В.К.). 5. Местные Советы (Туманов П.В., Козлов А.А., Степанов А.Г., Кондрашов П.Д.). 6. Вопросы формирования, утверждения и исполнения государственного народно-хозяйственного плана и государственного бюджета (Левицкий А.М., Фиников С.Г.). 7. Вопросы внешних связей и международных связей ВС СССР (Высотин В.Г., Евгеньев В.В.)» ²⁰⁶. Для унификации текстов была образована Редакционная группа в составе Черненко К.У., зав. Юридическим отделом Секретариата – Калинычева Ф.И. и его заместителя Мандельштама Л.И. ²⁰⁷ Среди «ученых-

²⁰³Записка на имя тов. Брежнева Л.И. с предложениями о создании рабочей группы по подготовке проекта Конституции СССР и необходимых справочных материалов. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 61–65.

²⁰⁴Записка (копия) Отдела по вопросам работы Советов (П. Туманов) на имя тов. Брежнева Л.И. по подготовке отдельных вопросов, связанных с разработкой Конституции СССР (4.1.62). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 74–75.

²⁰⁵Копия сопроводительного письма К. Черненко членам Конституционной комиссии и составу подкомиссии по вопросам государственного управления, деятельности советов и общественных организаций. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 241–242.

²⁰⁶Распределение вопросов в рабочей группе по подготовке Конституции. Раздел: государственное управление, деятельность советов и общественных организаций. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 8. Предварительные материалы к Конституции СССР (1961–1963). Л. 1.

²⁰⁷Предложения на имя тов. Черненко К.У. о порядке подготовки материалов по конституционным вопросам (от 28.VII.1961). (Записка за подписью Л. Мандельштама). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 4. Л. 9.

юристов», активно привлекавшихся к разработке проекта, в документах фигурируют: Ромашкин П.С. (директор ИГП АН СССР), д-р юрид. наук Фарберов Н.П., канд. юрид. наук – Коток В.Ф., Шебанов А.Ф., Гайдуков Д.А., Салищева Н.Г., Лазарев Б.М. Некоторые из них, наряду с сотрудниками аппарата (Лукиянов, Ракушин, Калинычев, Кулик) были направлены в санаторий «Снегири», где 11–13 апреля 1963 г. под председательством Черненко разработали согласованную версию материалов подкомиссии²⁰⁸. 15 апреля того же года состоялась их встреча с Брежневым, который «поблагодарил товарищей за добросовестную работу над проектом раздела новой Конституции», однако отказался обсуждать содержательные вопросы и просил «перенести обстоятельный разговор по проекту на следующую встречу, о времени которой будет сообщено заблаговременно»²⁰⁹.

Ключевой проблемой, затруднявшей работу экспертов, стала трудность согласования различных источников советского права. В качестве наиболее важного из них выступала новая Программа КПСС, которую было предложено положить в основу конституционного проекта. В ответ на заявление участников дискуссии о «рыхлой структуре» проекта М.П. Георгадзе заявил: «Вы говорите, что отсутствует структура и направление. Это неправильно. Возьмите материалы XXII съезда – Программу партии, выступления Н.С. Хрущева – советую все это еще раз прочитать, – разве это не направление? Для нашей подгруппы были разбиты вопросы, – вот вам примерная схема и направление. Так что собираться обсудить и говорить о схеме нельзя, это уже очень отвлеченно»²¹⁰. С этих позиций на начальном этапе работы корректировался опыт предшествующего советского конституционализма – критическая оценка сталинской Конституции 1936 г. и обращение к «ленинским» Конституциям 1918 и 1924 гг. Другим источником выступали конституции зарубежных стран, в том числе буржуазных, поскольку они «разрабатывались при участии коммунистов и под воздействием коммунистов». Среди этих конституций, принятых «на волне антифашистского движения», упоминались французская Конституция 1946 г., итальянская Конституция, а также «частично Японская конституция»²¹¹. Среди них фигурировала даже Веймарская конституция 1919 г. В целом,

²⁰⁸Замечания ученых юристов (Н. Фарберов, Ф. Калинычев, А. Шебанов, В. Коток, Д. Гайдуков) к материалам к проекту новой Конституции СССР во время их работы в «Снегирях» (04.63). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 20. Л. 1–228.

²⁰⁹Запись беседы тов. Л.И. Брежнева с группой ученых-юристов, привлекавшихся к работе над проектом раздела новой Конституции СССР (15.04. 63). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 21. Л. 1–48. Л. 49.

²¹⁰Стенограмма совещания у тов. Георгадзе (1.08.62). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 8. Л. 212–213.

²¹¹Стенограмма совещаний по обсуждению материалов к проекту новой Конституции (17.7.62). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 7. Л. 207.

однако, конституции Франции, ФРГ, Англии и США полностью отвергались в качестве образца в контексте тезиса о «разложении буржуазной демократии» и «углублении фиктивного характера буржуазных конституций»²¹². Наибольшее внимание было обращено, естественно, на конституции социалистических стран – Чехословакии, Болгарии, Вьетнама, Монголии и их текущие изменения²¹³. Эти конституции, однако, были малоинформативны, поскольку изначально являлись слепком сталинского прототипа 1936 г., а затем изменялись под жестким контролем СССР. В тех случаях, когда этот контроль ослабевал (как в Югославии), конституционные эксперименты вызывали глубокое недоверие, поскольку ставили под сомнение советскую модель социализма или ее бюрократические извращения²¹⁴. Характерен эпизод обсуждения конституционной реформы в Польше, не без иронии изложенный Черненко по результатам его визита в эту страну: там, заявил он, молчат о недостатках Конституции. «Я говорю – почему молчите, говорите. На это они ответили – нет, мы ждем вашей Конституции, вот, когда вы дадите новую Конституцию, тогда мы и заговорим. Это, – заключал он, – говорит о том, что Конституцию ждет народ не только нашей страны, но и стран народной демократии»²¹⁵.

Обращение к сложным теоретическим вопросам предполагало подключение ведущих идеологических центров, которое практиковалось как для оценки подготовленных материалов, так и для разделения ответственности за их идейную «чистоту». Центрами, готовившими предложения, были ИГП АН СССР, юридический факультет МГУ, Всесоюзный институт юридических наук, ВЮЗИ, Высшая школа КГБ, Высшая школа охраны общественного порядка РСФСР, Военно-политическая академия им. В.И. Ленина, представленные прежде всего их руководителями²¹⁶. Эти учреждения, включая ВППШ при ЦК КПСС, давали заключения несколько раз²¹⁷. Была подготовлена сводная «Справка о предложениях, поступивших от научных учреждений и ведомств в связи с подготовкой проекта новой Конституции по вопросам государственно-

²¹²О некоторых буржуазных конституциях. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 3. Л. 137.

²¹³Особенности конституций стран народной демократии. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 3. Л. 120–129.

²¹⁴Подготовка проекта новой конституции Югославии. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 3. Л. 129–136.

²¹⁵Стенограмма совещания по обсуждению материалов к проекту новой Конституции (25.03. 1963). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 18. Л. 163.

²¹⁶Справка о совещании у т. Георгадзе по поводу представленных научными учреждениями материалов (15.08. 62). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 10. Л. 60–61.

²¹⁷Тексты проектов изменений к 5-му варианту материалов представили: ВЮЗИ, Всесоюзный институт юридических наук, Высшая политическая академия, Юрфак МГУ, ВППШ при ЦК КПСС, Высшая школа КГБ, Высшая школа МВД. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 16. Л. 1–50.

го управления, деятельности Советов и общественных организаций» (январь 1964 г.), а все предложения «сгруппированы применительно к подразделам материалов, ранее рассылавшихся членам подкомиссии»²¹⁸. В качестве своеобразного источника информации фигурировала «практика нашего народа» в деятельности советов на местах. Для ее изучения была организована специальная стажировка разработчиков в Академии наук Молдавской ССР²¹⁹, однако выяснилось, что ее сотрудники не смогли разобраться в трудном вопросе соотношения общества и государства, а присланные комиссией сырые «материалы» были, искренне или не без лукавства, восприняты как готовый проект Конституции, в связи с чем «им были даны соответствующие разъяснения»²²⁰.

Основная часть работы подкомиссии Брежнева укладывается в три этапа, раскрывающих смену руководящих установок. На первом этапе (1961–1962), по завершении систематизации материалов о деятельности советов и общественных организаций исходя «из ныне действующей их структуры», стала ясна их теоретическая непригодность, заставившая Брежнева 10 августа 1962 г. сформулировать неопределенный призыв «попытаться проникнуть в вопросы перспектив работы Советов, путей и форм этого развития. Словом, как видите, есть над чем подумать по этому вопросу»²²¹. Брежнев подчеркивал важность для разработчиков руководствоваться «творческим подходом», который понимался им как стремление «найти здесь главное, определяющее, что будет характерно для будущего, исходя из идей Программы партии». Это не исключало возможности определенного экспериментирования в области советского строительства, поскольку «вопрос о соотношении Советов и общественных организаций нужно попытаться представить конкретно, исходя из жизни, из практики нашего народа; или о связи и соотношении во всех звеньях, от сельсовета до ВС СССР»²²². Более того, первоначальные варианты материалов подверглись критике Брежнева именно за отсутствие новизны: «О государстве, об обществе, – заявил он 3 сентября 1962 г. на совещании ответственных работников аппарата Президиума, – читаешь, читаешь, и такое впечатление, что к чему это все, что здесь нового говорится, чем это вызвано, что опять пункт сформулирован. О деятельности общественных организаций очень много противоречий,

²¹⁸Ф. 7523. Оп. 131. Д. 17. Л. 94–172.

²¹⁹Записка, направленная т. Черненко «О поездке в Молдавскую ССР по конституционным вопросам». Ф. 7523. Оп. 131. Д. 12. Л. 228–229.

²²⁰Записка о поездке в Молдавскую ССР по конституционным вопросам. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 43. Л. 11.

²²¹Замечания тов. Л.И. Брежнева к материалам раздела проекта новой Конституции, переданные по «ВЧ» тов. Черненко К.У. 10 августа 1962 года. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 10. Л. 57.

²²²Замечания тов. Брежнева, переданные тов. Черненко К.У. 17 июля 1962 г. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 7. Л. 201.

не выпячивается, что же нового в роли общественных организаций, особенно в роли постоянных комиссий Советов. О деятельности ВС, Президиума, это все по-новому звучит, свежо, если оно будет приемлемым»²²³. Исходя из этого были составлены первые весьма сырые четыре варианта «материалов»²²⁴.

Вторая фаза работы подкомиссии была связана с итогами ноябрьского (1962) Пленума ЦК КПСС, неожиданно выдвинувшего новую концепцию структуры государственного управления – укрупнение регионов и изменение принципов руководства народным хозяйством. На этом этапе позиция Брежнева была явно выжидательной, особенно с учетом растущего неприятия партийной олигархией результатов Пленума: «Все это, – демонстративно заявил он, – я даже еще и не осмыслил, как и, наверное, другие товарищи». Но необходимость «сформировать материалы в виде конституционных статей» побуждала к некоторой имитационной деятельности. Брежнев предпочел снять с себя всякую ответственность за содержание материалов, предложив следующий метод работы: «Я создал здесь, – говорил он на заседании Конституционной подкомиссии 24.11.62 г., – в аппарате Президиума ВС СССР – группу товарищей. Они сидели и писали, писали, писали, а потом я прочитал этот материал. И тогда я решил сделать так: материал по разделу, который писали одни товарищи, мы передадим другим товарищам на съедение, что называется, чтобы они могли критически подойти. Ведь на свежий глаз и корректировка и мысли могут быть другими. Потом я счел возможным разослать вам такой сырой материал, хотя у меня и были опасения – стоит ли это делать... Должен сказать, что к этому материалу я, что называется, и пальца не приложил: я читал его будучи в отпуске, а затем обстоятельства сложились так, – тут кубинские дела отнимают у нас очень много времени, – что я ничего по этим материалам не делал». «Тут, – рассуждал он, – нужно известное понуждение самих себя, подталкивание, потому что чем дальше откладывается срок, тем больше это будет расхляпывать товарищей. Товарищи будут думать, что еще есть время и пусть материал полежит. А время у нас уже мало. Исходя из того, что нам было сказано на первом заседании Конституционной комиссии, время у нас уже истекает. Люди мы взрослые, сказать, что забыли,

²²³Стенограмма совещания ответственных работников аппарата Президиума по обсуждению материалов к проекту новой Конституции (3. 09. 1962). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 15. Л. 110.

²²⁴Первый вариант предложений к проекту новой Конституции СССР по вопросам государственного управления и деятельности Советов: Ф. 7523. Оп. 131. Д. 7. Л. 54–143; Второй вариант (28. 08. 62). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 8. Л. 5–176; Третий вариант Ф. 7523. Оп. 131. Д. 10. Л. 1–51; Четвертый вариант (30. 08. 62). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 11. Л. 1–125; Пятый вариант (10. 62). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 16. Л. 51–144.

неудобно»²²⁵. Когда один из участников дискуссии (Епишев) отметил, что «вряд ли любая юридическая группа сможет сказать что-то определенное, не зная, что же будет и как будет» и предложил «собраться у Никиты Сергеевича, посоветоваться по этим вопросам», Брежнев заявил: «Что же мы пойдем спрашивать, когда сами ничего не предлагаем. Нам надо прежде всего себя подтолкнуть»²²⁶. В конечном счете все спорные вопросы были переданы на усмотрение «ученых-юристов»: «Тов. Брежнев указал, – отмечается в стенограмме совещания у него от 11 января 1963 г., – что в настоящее время работать над материалами должна, вероятно, небольшая группа товарищей – 4–5 человек. Спорные же вопросы могут обсуждаться и решаться на более высоком уровне. Эти товарищи должны быть освобождены от всех других дел. Он согласился с тем, чтобы уже созданная рабочая группа (тт. Ракушин, Лукьянов, Салищева и Лазарев) прodelали работу. В случае необходимости в помощь этой группе могут привлекаться другие сотрудники отделов»²²⁷. В результате интенсивной деятельности в различных отделах секретариата и привлечения «ученых-юристов» возникло еще пять вариантов предварительных материалов, характеризовавшихся, начиная с шестого²²⁸, топтанием на месте и различавшихся скорее формальной редакцией однотипных положений²²⁹. Направляя Брежневу девятый вариант материалов к проекту 9 мая 1963 г., Черненко сообщал, что он подготовлен «с участием ученых группы тов. Ромашкина П.С. и с учетом последних замечаний тов. Георгадзе М.П. и отделов»²³⁰.

Третья фаза связана с учетом решений июньского (1963) Пленума ЦК КПСС и начавшейся подготовкой свержения Хрущева. В этот период Брежнев уже вполне четко дал понять нежелательность каких-либо принципиальных изменений в Конституции. Он, как показывает стенограмма совещания у него от 11 января 1963 г., исходил уже из того, что «работая над проектом, надо найти такую форму выражения конституционных положений, которые не мешали бы развитию и совершенствованию системы органов государственного управления, их перестройке в необходимых случаях и не вынуждали бы часто изменять Конституцию». «В Конституции должны быть записаны об-

²²⁵Стенограмма заседания Конституционной подкомиссии (24.11.62). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 16. Л. 177–179.

²²⁶Стенограмма заседания Конституционной подкомиссии (24.11.62). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 16. Л. 182.

²²⁷Запись совещания по вопросам подготовки материалов к проекту новой Конституции (11.01.63). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 17. Л. 74.

²²⁸Шестой вариант материалов к проекту (10.62). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 18. Л. 61–115.

²²⁹Восьмой вариант материалов к проекту. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 21. Л. 1–48.

²³⁰Девятый вариант материалов к проекту и сопроводительное письмо Черненко Брежневу. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 21. Л. 133.

шие принципы. Она должна давать Правительству возможность гибко, учитывая потребности развития экономики страны, перестроить органы управления. Эта перестройка будет происходить в рамках Конституции, на основе общих принципов, отражающих растущую мощь Советского государства. Но она не будет требовать внесения каждый раз изменений в Конституцию. Конституция – Основной закон, ее нельзя менять на каждой сессии»²³¹. В конечном счете Брежнев окончательно самоустранился от этой работы. «На протяжении этого года, – отметил Брежнев 8.06.1964 г., – мы внимательно следили за деятельностью Советов, следили за выступлениями Н.С. Хрущева, и в той части, в какой это касалось вопросов нашей Подкомиссии, внесли коррективы в свой материал. Поэтому, если говорить обо мне, то я уже исчерпался, – я ничего в данное время не могу добавить к этому материалу»²³². Десятый вариант материалов был завершен 5 октября 1963 г. и по указанию Брежнева направлен на обсуждение в отделы Президиума ВС СССР. 25 января 1964 г. отделы Президиума представили свои замечания, доработка по которым закончилась подготовкой одиннадцатого варианта материалов 4 февраля 1964 г.²³³ «При разработке вопроса о системе органов государственной власти и управления за основу была принята ныне действующая их система»²³⁴. Этим установкам соответствовал завершающий этап редактуры, проведенный «с учетом замечаний тов. Георгадзе» от 10 февраля 1964 г.²³⁵, включавший сопоставительный текст предложений²³⁶. «Окончательный двенадцатый вариант материалов к проекту Конституции по вопросам государственного управления, деятельности Советов и общественных организаций был представлен тов. Л.И. Брежневу 12 февраля 1964 г. Одновременно были представлены объяснительная записка на имя председателя Конституционной комиссии». 8 июня 1964 г. в Кремле под председательством Брежнева состоялось заседание подкомиссии с подведением итогов этой работы²³⁷. Позиция подкомиссии имела выраженный консервативный характер: «Мы исходим из того, что нынешняя Конституция

²³¹Запись совещания по вопросам подготовки материалов к проекту новой Конституции (11.01.63). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 17. Л. 74.

²³²Стенограмма заседания (8.06.64). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 26. Л. 79.

²³³Одиннадцатый вариант материалов к проекту (02.64). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 24. Л. 1–83.

²³⁴Объяснительная записка на имя тов. Брежнева к одиннадцатому варианту материалов (т. Ракушин, Лукьянов, Кирин, Николаева) (4.02.64). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 24. Л. 85.

²³⁵Двенадцатый вариант материалов к проекту Конституции СССР (12. 02. 64). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 24. Л. 142–199.

²³⁶Сопоставительный текст материалов двенадцатого варианта материалов. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 25. Л. 61–131.

²³⁷Копия окончательного текста проекта раздела к докладной записке, подписанной членами подкомиссии (8.06.64). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 26. Л. 99–209.

не обязательно должна меняться на сто процентов, к этому нет никаких оснований»²³⁸. 10 июня 1964 г. проект, выработанный подкомиссией, и докладная записка к нему были направлены Председателю Конституционной комиссии²³⁹.

«Заседание Конституционной комиссии, на котором будут заслушаны доклады председателей подкомиссий», было намечено провести «в июле 1964 года, после окончания работы Сессии ВС СССР»²⁴⁰. Для этого материалы всех подкомиссий и отчеты об их работе были направлены Хрущеву²⁴¹. Членам Конституционной комиссии было разослано письмо следующего содержания: «Сообщаем Вам, что завтра 16 июля 1964 г. в 11 часов утра в здании Совета Министров СССР в Овальном зале (на 2-м этаже) состоится заседание Конституционной комиссии). Общий отдел ЦК КПСС»²⁴². По итогам сведения материалов всех подкомиссий окончательный проект Конституции «строящегося коммунизма» был готов в августе-сентябре 1964 г. Однако дальнейшее его обсуждение было остановлено свержением инициатора «оттепели» Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета министров СССР Н.С. Хрущева на пленуме ЦК КПСС 14 октября 1964 г. и приходом к власти Брежнева, отложившего вопрос о Конституции в долгий ящик.

11. Выводы: причины провала конституционной реформы Хрущева

Главная особенность несостоявшейся Конституции 1964 г. заключается в стремлении юридически оформить и кодифицировать идеологические изменения периода «оттепели». Эти изменения, связанные с ограниченной демократизацией однопартийного режима без отказа от его фундаментальных основ, нуждались в легитимации и правовом выражении. Выход был найден в идее возврата к истокам коммунистической идеологии, так называемым «ленинским нормам», представленным якобы в первых советских конституциях, но искаженным и утраченным будто бы в период сталинизма. Данная уникальная попытка юридически зафиксировать коммунистическую утопию определила основное противоречие Конституции Хрущева, но одновременно – интерес обращения к ней с позиций методологии когнитивного конституционализма.

²³⁸Стенограмма заседания (8.06.64.) Ф. 7523. Оп. 131. Д. 26. Л. 80.

²³⁹Ф. 7523. Оп. 131. Д. 28. Л. 103.

²⁴⁰Копия сопроводительного письма Н.С. Хрущева членам Конституционной комиссии (27 июня 1964 г.) Ф. 7523. Оп. 131. Д. 27. Л. 119.

²⁴¹Ф. 7523. Оп. 131. Д. 27.

²⁴²См.: Извещение о заседании Конституционной комиссии 16 июля 1964 г. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 28. Л. 108.

Прежде всего, сама попытка конституционализировать утопию выявила фундаментальное противоречие идеологии и права. В отличие от религиозного мифа теократических государств, коммунистический миф имел существенную специфику: он постулировал себя как рациональную светскую идеологию – научный вывод, подтвержденный анализом социальных закономерностей и раскрывающий не только прошлое, но и будущее человечества. Данный миф предполагал не только веру, но и претендовал на знание общественных законов, а следовательно, возможность направленного социального конструирования через соответствующую политику права. Этим объясняется парадоксальное сочетание неопределенных идеологических постулатов и строгих юридических норм, призванных обеспечить их функционирование в переходный период.

Конституция 1964 г. доводит до логического конца противоречия всех конституций советского типа: приоритет идеологии над правом; стремление к точному определению стадии развития общества; использование экономических и социологических понятий в качестве правовых; соединение прав и обязанностей (условный характер прав); своеобразие их гарантий (материальными, а не формальными факторами); избирательный характер защиты прав (в рамках «классовой теории»); отрицание разделения властей в рамках доморощенной «советской демократии», особенности контроля конституционности законов, который в основе имеет идеологический, а не судебный характер. Поскольку гарантом Конституции выступает партия (точнее – Политбюро) – этим закладывается общая трактовка права и его цели в номинальном советском конституционализме.

Принятие коммунизма как юридической фикции обусловило противоречивую постановку содержательных вопросов Конституционной комиссии и иерархию их рассмотрения: что такое коммунизм как политико-правовая система, что такое общенародное государство и каков должен быть юридический переход к нему; что представляет собой так называемая «советская демократия» и до какой степени вообще советская система может рассматриваться как институциональная основа трансформации общества. Доведя принцип идеократии до высшей точки, Конституция 1964 г. исходила, однако, из необходимости позитивации идеологических постулатов в нормах, регулирующих отношения общества и государства, советов и партии, структуры высших органов государственной власти и управления. Парадоксальным образом данная Конституция формально пошла даже дальше, чем номинальная сталинская, в отказе от принципов федерализма, разделения властей и определения их взаимного контроля, настаивая на единстве законодательной, исполнительной и судебной власти в рамках ленинского фетиша «работающего правительства».

Этим объясняются центральные противоречия конституционного проекта: между концепцией советской наднациональной общности и движением в направлении конфедерализма и децентрализации по национальному признаку; между представлением о значении законодательной власти ВС и стремлением свести ее на нет путем расширения полномочий Президиума ВС, а также отказа от элементарных механизмов ответственности правительства; наконец, между представлением о полноценном характере советской системы и тезисом об усилении власти партии при переходе к коммунизму. Центральная проблема, которую так и не смогли разрешить разработчики – рациональное юридическое определение КПСС, а также ее места в политико-правовой системе. В результате остался нерешенным вопрос о том, до какой степени партийный абсолютизм может быть ограничен конституционными нормами, до какой степени партийные институты власти подлежат социально-правовому и судебному контролю.

Осознание невозможности добиться содержательного разрешения этих противоречий вело к когнитивному тупику и стремлению вообще отказаться от изменения сталинской Конституции, рассматривавшейся бюрократией как адекватное решение проблемы с позиций политического «реализма». Причины провала конституционной реформы 1964 г. делятся на общие и частные. Первые могут быть сведены к трем: невозможность конституционализировать утопию (стремление фиксировать то, что должно быть, а не то, что есть – программу, а не реальность); несоответствие идеологических постулатов и советских норм позитивного права; невозможность согласования правовых норм номинального конституционализма и реальности неправового государства. Вторые определяются сопротивлением десталинизации – внутренним аппаратным конфликтом, приведшим к дворцовому перевороту как механизму внутренней корректировки системы. Эта эволюция умонастроений консервативной бюрократии, ускоренная хаотичными реформами Хрущева в экономике и государственном управлении, закладывала, как это хорошо видно на материалах подкомиссии Брежнева, основу торможения институциональных реформ и последующей «конституционной контрреформы» 1977 г.

Эпизод хрущевской Конституции имел три важных исторических следствия: во-первых, она создала привлекательный ретроспективный миф о том, что в период десталинизации была предпринята попытка отказаться от однопартийной диктатуры – факт, не подтверждающийся имеющимися источниками; во-вторых, она создала некоторые иллюзорные стереотипы, связанные с представлением о возможности реформирования советского федерализма и политической системы путем «возвращения» власти от партии к советам, которые во многом определили

стратегию и срывы горбачевской перестройки; в-третьих, она выдвинула группу юристов-чиновников, наподобие Лукьянова, веривших в возможность правовой трансформации сталинизма и «конституционализации» КПСС.

В целом разработка Конституции 1964 г. – это чрезвычайно оригинальная попытка юридического определения идеологического мифа, предпринятая, однако, с негодными средствами. Она прекрасно показала, что коммунизм как квазирелигиозный предрассудок не поддается правовому определению и должен перейти в область исторических преданий или, используя выражение Энгельса, занять свое достойное место в музее первобытной культуры рядом с каменным топором и ручной прялкой.

ГЛАВА XI

КОНСТИТУЦИЯ «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА» 1977 г.: ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНСТРУИРОВАНИИ РЕАЛЬНОСТИ

Конституция СССР 1977 г. справедливо интерпретируется как выражение кризиса советской политической системы на завершающей стадии ее существования. В ней четко представлены основные особенности всего номинального советского конституционализма: декларативный и условный характер прав; увязывание федерализма с национальным самоопределением; камуфлирование реальности однопартийной диктатуры советскими институтами и фикцией выборов, отсутствие полноценных правовых гарантий контроля конституционности законов. По всем этим параметрам Основной закон «развитого социализма» содержал мало нового по сравнению с предшествующими советскими Конституциями, а в известной мере представлял собой реакцию на конституционные эксперименты периода «оттепели». Именно в период застоя конституционное проектирование достигает наибольшего разрыва с мировым интеллектуальным мейнстримом (включая его левую интерпретацию), что создавало очевидную угрозу сохранения когнитивного доминирования партийной элиты в обществе¹. Революционная утопия требовала корректировки, а последняя предполагала переосмысление идеологических постулатов системы². Эрозия легитимности советского режима привела к запуску нового конституционного цикла, завершившегося отказом от однопартийной диктатуры и формированием основ постсоветского правового строя.

¹Медушевский А.Н. Российские реформы с позиций теории когнитивной истории // Вопросы экономики. 2016. № 3. С. 131–160.

²Чаликова В. Утопия рождается из утопии. Эссе разных лет. Лондон, 1992.

Принципиальная новизна Конституции 1977 г. состояла, однако, во включении ст. 6 о руководящей и направляющей роли партии. Первые советские конституции (1918 и 1924 гг.) вообще не упоминали о партии, сталинская Конституция 1936 г. говорила о ней косвенно, как об одной из общественных организаций (в ст. 126). Данное нововведение – конституционализация КПСС – было, несомненно, радикальным шагом для всей традиции номинального советского конституционализма, выражая ситуацию «общества и государства, поработанных партией»³.

Идеологическая природа формулы о КПСС и не менее идеологизированный характер борьбы с нею в период перестройки не способствовали ее научному анализу. В связи с этим сохраняет значение ряд вопросов, на которые нет ответа в современной литературе: почему эта норма вообще возникла в позднем советском обществе; какие изменения в структуре власти она выражала; как шел процесс ее обсуждения и принятия; наконец, каковы были юридические и фактические последствия ее введения? Эти вопросы составляют предмет данной главы.

1. Логика юридического конструирования: эволюция конституционных приоритетов (1969–1977)

С позиций когнитивного метода реконструируются три основные фазы позднесоветского номинального конституционализма, выражающегося понятиями когнитивного диссонанса, смещения и редукционизма. Конституционная комиссия, созданная в период «оттепели» (1962), не была распущена и формально продолжала свою деятельность под председательством Л. Брежнева, но в реальности бездействовала (не созывалась до 1977 г.). Это была ситуация, во всех отношениях нетипичная для номинального конституционализма, при котором принятие политического решения автоматически получало быстрое конституционное закрепление. Однако эксперты Комиссии последовательно представляли новые проекты Основного закона, обсуждение которых велось с различной степенью интенсивности в закрытом аппаратном режиме, что исключало вынесение дискуссионных вопросов в публично-правовое пространство⁴.

Первая фаза – когнитивного диссонанса (1969 – начало 1970-х годов) – выражается в общей дезориентации разработчиков в отношении основополагающих принципов конституционного конструирования. С провалом попытки ограниченной демократизации в начале 1960-х го-

³Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. М., 2010. С. 738.

⁴Медушевский А.Н. Конституционные комиссии в СССР: структура, состав, механизмы деятельности // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 1–2.

дов, консервативным поворотом режима после 1964 г. и особенно кризиса 1968 г. в Чехословакии происходят изменения конституционных приоритетов: корректировка идеологии (коммунизм заменен «развитым социализмом»), новое определение основ общественного строя (идея «общенародного государства»), трактовка «прав человека» как инструмента политического доминирования. Молчаливая дискуссия по этим вопросам получила отражение в десятке «схем» структуры новой Конституции, создаваемых в недрах аппарата Конституционной комиссии и иллюстрирующих общую динамику приоритетов разработчиков в конце 60-х – начале 70-х годов XX в. «Текст действующей Конституции СССР с предлагаемыми изменениями и дополнениями» (июнь 1969 г.) выдвигает, правда, идею «перерастания государства диктатуры пролетариата в общенародное государство», использует стереотипные тезисы о советах и партии, но уже ничего не говорит о коммунизме и народном самоуправлении, суверенитете союзных республик, очень ограниченно трактует масштабы «социалистической законности и правосудия». Последовательно шло сокращение масштабов предполагаемых изменений: «Сейчас, – говорил А.И. Лукьянов, – можем писать программу-максимум, но иметь все-таки в виду минимальные меры, самое необходимое»⁵. «Я, – размышлял другой разработчик, П.Ф. Пигалев, – еще раз убедился в том, что, видимо, целесообразно нам сохранить структуру ныне действующей Конституции. Вначале я сомневался, а теперь пришел к твердому убеждению, что структуру надо сохранить»⁶. Данный подход мотивировался легкостью внесения поправок в номинальную Конституцию, что было в сущности не юридической, а технической проблемой: «За период, прошедший со времени принятия Конституции СССР по декабрь 1972 г., – констатировали эксперты, – было проведено 57 сессий ВС СССР, на 44 из них принимались законы о внесении изменений и дополнений в Конституцию СССР. Всего подверглись изменениям 67 статей из 147, имеющих в Конституции и, кроме того, Конституция дополнена 7 новыми статьями»⁷. Существенные изменения вносились и непосредственно в период обсуждения проекта новой Конституции в 1971 г.⁸

⁵Стенограмма заседания рабочей группы по подготовке предложений (Пигалев П.Ф., Кулик Р.И., Лукьянов А.И., Кузьмин Э.Л., Перун Н.С., Митькин Н.А. Председатель – Ф.И. Калинычев) (1969) ГА РФ. Ф. 7523 (Президиум Верховного Совета СССР). Оп. 131. Д. 30. Л. 149. Здесь и далее сноски на архивные материалы даются по фондам Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ).

⁶Стенограмма заседания рабочей группы по подготовке предложений (Председатель – Ф.И. Калинычев). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 30. Л. 195.

⁷Справка об изменениях и дополнениях, внесенных в Конституцию СССР с декабря 1936 по сентябрь 1972 г. (1972.). Ф. 7523. Оп.131. Д. 35. Л. 140.

⁸Справочные материалы об изменениях и дополнениях Конституции СССР 1936 г. (1972) Ф. 7523. Оп. 131. Д. 35. Л. 114–137.

Вторая фаза (1972–1975) может быть определена как когнитивное смещение – подмена одних задач (создания новой Конституции) другими (создания новой редакции старой Конституции 1936 г.). В 1972 г. предшествующие предложения отвергаются на том основании, что имеют «декларативный или программный характер» и «выходят за рамки изменений действующей Конституции, ведут по существу к ее коренному пересмотру, либо не соответствуют ее содержанию и структуре». Новые предложения, полагает автор записки в ЦК КПСС, принимать нецелесообразно или их «нужно сформировать таким образом, чтобы они органически входили в Конституцию 1936 г., не контрастировали с ее положениями, соответствовали оправдавшей себя практике работы наших государственных органов и общественных организаций», причем часть поправок вообще «не нуждается в конституционном закреплении и вполне может быть урегулирована текущим законодательством»⁹. Фактически возобладали концепция кодификации действующего права вместо создания нового¹⁰. Предполагалось, что работа «могла бы производиться на базе существенного обогащения текста действующей Конституции рядом принципиальных положений (путем кодификации новых статей и даже некоторых глав), отражающих современный этап в развитии общества и государства, а также внесения в этот текст всех необходимых изменений и уточнений»¹¹, совершенствования статей проекта «как с точки зрения их правового выражения, так и с точки зрения их редакции»¹². Поскольку признавалось, что принципы действующей Конституции «выдержали проверку временем»¹³, возникал вопрос: «Нужна ли вообще коренная ломка действующей Конституции?»¹⁴ Идея полного реванша достигла пика формы к середине 1970-х годов. «Конституции 1936 г., – считал автор записки 1975 г., – присуще органическое единство политического содержания и конституционно-правовой формы, стройная логика, отлично продуманные внутренние связи. Она оригинальна как с точки зрения структуры, так и подхода к решению конкретных государственно-правовых вопросов». «Являясь самой де-

⁹Замечания по материалам об изменении и поправках действующей Конституции СССР (10.04.1972). Копия записки в ЦК КПСС. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 33. Л. 58.

¹⁰Сравнительная таблица отдельных норм Конституции СССР и соответствующих положений текущего законодательства на 1 января 1972 г. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 32. Л. 172–198.

¹¹О некоторых принципиальных сторонах предварительного варианта проекта Конституции СССР. Записка Э. Кузьмина (23.1.1973). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Л. 37.

¹²Замечания к проекту Конституции СССР (П. Седугин). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Л. 8.

¹³Справка о внесении некоторых изменений и дополнений в действующую Конституцию СССР. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 32. Л. 59.

¹⁴Замечания по структуре проекта новой Конституции (Н. Салищева). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Л. 6.

мократической Конституцией, она в то же время удачно избегает различного рода деклараций и широковещательных заявлений о народном суверенитете, о формальных правах граждан и т.п. Надо заметить, что это далеко не всегда удается составителям Конституций»¹⁵.

Третья фаза разработки (1976–1977) может быть определена как *когнитивный редукционизм* – сведение проблемы новой Конституции к регистрации фактических изменений в законодательстве. Завершающая группа «схем» второй половины 70-х годов стремится согласовать идеологические догмы партийной программы с минимальными конституционными изменениями в рамках концепции «реального социализма». В Конституционной комиссии «не обошлось, конечно, без споров, без сопоставления различных точек зрения», но в результате возобладала установка о том, что «функции государства диктатуры пролетариата далеко не исчерпаны», а механизм, закрепленный в Конституции 1936 г., «с успехом выполняет задачи, стоящие перед общенародным государством, и будет совершенствоваться вместе с этим государством, перед которым лежит еще большой и длительный путь развития к общественному коммунистическому самоуправлению»¹⁶. Поскольку принципы и положения сталинской Конституции «выдержали историческую проверку временем, оправдали себя, доказали свою жизненность и действенность», задача разработчиков сводится к учету положений, вытекающих из «фактических изменений в жизни общества» – в экономической и общественно-политической основе государства, укреплении «социалистической законности», а главное – усилении руководящей роли партии во всех областях¹⁷.

В результате Основной закон «зрелого социализма» оказался внутренне противоречив в силу соединения старых и новых принципов, декларативных и инструментальных норм. Это нашло отражение в его политико-правовой структуре, разделенной на девять основных разделов: основы общественного строя и политики СССР; государство и личность; национально-государственное устройство СССР; советы народных депутатов и порядок их избрания; высшие органы государственной власти и управления СССР; основы построения органов государственной власти и управления в союзных республиках; правосудие, арбитраж и прокурорский надзор; герб, флаг и столица СССР; действие Конституции СССР и порядок ее изменения¹⁸. Нужна была интегрирующая формула, способная объединить и заставить действовать противоречивый

¹⁵К вопросу о подготовке нового текста Конституции СССР. Справка (07.1975). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Л. 42–49.

¹⁶О внесении дополнений и изменений в Конституцию СССР. Проект доклада на сессии ВС СССР. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 32. Л. 120.

¹⁷Там же. Ф. 523. Оп. 131. Д. 32. Л. 121.

¹⁸Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977.

конгломерат идеологических принципов и норм с учетом новых вызовов системе. Эта формула была найдена в «руководящей роли партии», ставшей единственной реально работающей нормой советского номинального конституционализма.

2. Вызов глобализации: идеология прав человека и «социалистическая демократия»

Глобализация как процесс мировой интеграции, получивший всеобъемлющее значение уже в 80-е годы XX в., предполагала разрушение замкнутости, свободный обмен информацией и технологиями, распространение представлений об универсальном характере прав человека. СССР, долгое время находившийся в стороне от этого процесса, вынужден был включиться в него по экономическим соображениям с подписанием Хельсинского акта («Заключительного акта по безопасности и сотрудничеству в Европе» 1975 г.) и принятием обязательств по его выполнению в гуманитарной сфере, предполагавших обеспечение прав и основных свобод человека. «В отличие от Конституции 1936 г., проект (1977), – подчеркивали разработчики, – впервые закрепляет “общий принцип равенства граждан перед законом как общую норму”, а равноправие тем самым рассматривается в качестве предпосылки всех прав и обязанностей граждан»¹⁹. С этим связано включение в проект Конституции самостоятельного раздела – «Государство и личность» (его предполагалось поставить на второе место, перенеся регулирование прав из X главы действующей Конституции), провозглашавшего «равноправие граждан» и их «основные права, свободы и обязанности»²⁰ и раздела о конституционном контроле²¹, отразив такие темы, как «законность и правопорядок», «непосредственная демократия и народный контроль»; «конституционный контроль и порядок изменения Конституции» (осуществление которого в данный период предполагалось доверить ВС СССР)²². Ряд «схем», однако, практически полностью воспроизводил структуру действовавшей Конституции 1936 г.

Мощная оппозиция консерваторов ставила реализацию этих изменений под сомнение: «Не является ли это, – размышляли они, – определенной уступкой зарубежным критикам нашего режима? Видимо, в данном вопросе допускается переоценка формальных прав индивида

¹⁹Объяснительная записка к проекту Конституции (Основного закона) СССР (1977) Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Л. 236.

²⁰Структура проекта новой Конституции СССР, направленная работникам аппарата (13 апреля). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 36. Л. 18–25.

²¹Там же. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 36. Л. 10–25.

²²Возможная схема новой Конституции СССР в 2-х вариантах (Э. Кузьмин). Справка. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 36. Л. 7.

в сравнении с организацией граждан в Советы в руководимое коммунистической партией социалистическое государство, чем создаются решающие гарантии политических прав граждан». «Фактически – это полный отказ от чеканного, лаконичного стиля Конституции 1936 г.»²³. Попытка отразить в Конституции международно признанные права человека интерпретировалась как идеологическая диверсия: «В документе, – заявляли критики, – видимо, красоты ради, широко используется фразеология, непривычная для нашего конституционного права: провозглашение Конституции от имени народа (как в Конституциях США, ФРГ, Франции), суверенитет народа (без чего не обходится ни одна буржуазно-демократическая декларация), социальная справедливость (о чем вещается даже во франкистской “Хартии труда”), непосредственная демократия, самоуправление и т. д. и т. п.». Осознавалась опасность этих норм для режима: «Указанная фразеология и структура проекта позволили бы нашим идейным противникам заявить, что большевики более полувека грозились создать нечто новое, свою социалистическую демократию, а возвращаются к традиционному “вечным истинам” народного суверенитета, социальной справедливости и т. д. При чтении некоторых проектов, невольно возникает мысль: не являются ли они запоздалой интеллигентской реакцией на культ личности Сталина, с которым отождествляется Конституция 1936 года?»²⁴

Противоречия итогового конституционного проекта и международного права не удалось преодолеть по центральным вопросам. В проекте, бесстрастно констатирует автор экспертной записки 1977 г., не нашли отражения статьи Международного пакта о гражданских и политических правах о том, «что никто не должен подвергаться пыткам и жестокому, бесчеловечному и унижающему его достоинство обращению или наказанию и что ни одно лицо не должно без его свободного согласия подвергаться медицинским или научным опытам»; что «никто не должен принуждаться к принудительному или обязательному труду»; право на свободу и личную неприкосновенность, гарантии прав личности при аресте, привлечении к судебной ответственности и отбывании наказания; право каждого человека на свободное передвижение и свободу выбора места жительства в пределах территории государства и право покидать и въезжать в любую страну, включая свою собственную (ст. 7–12). «В проекте Конституции регулирование этих вопросов не предусматривается». «Что касается права на свободу мысли (о которой говорится в ст. 18 Пак-

²³К вопросу о подготовке нового текста Конституции СССР. Справка. (07.1975). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Л. 50–51.

²⁴Там же. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Л. 51–52.

та. – А.М.), то подобной нормы проект не предусматривает», равно как ст. 19 Пакта, предусматривающей «право каждого человека свободно выражать свое мнение», и ст. 25 Пакта о том, что каждый гражданин допускается на общих условиях равенства к государственной службе, в проекте Конституции прямо не предусматривается»²⁵. Это были именно те нормы, которые стали центральными для правозащитного движения. Официальная позиция состояла в отрицании самого факта существования инакомыслия²⁶ и квалификации его проявлений как «нарушений общественного порядка», «тунеядства» и «хулиганства»²⁷. Их преодоление усматривалось в реализации юридической ответственности, целями которой провозглашались не только «защита социалистического правопорядка», но и такое «коммунистическое перевоспитание» несовершеннолетнего гражданина, которое «предполагает перестройку его сознания», замену антиобщественных «умонастроений и стремлений» мотивами «правомерного поведения»²⁸. В реальности это означало ужесточение репрессий по отношению к инакомыслящим, многие из которых были отправлены в тюрьмы и психиатрические лечебницы²⁹.

Ряд социальных и экономических прав, предлагавшихся в проектах (как, например, право на жилище, выбор профессии, индивидуальную трудовую деятельность), были отвергнуты в силу их несоответствия реальности или идеологической сомнительности. Например, не были отражены предусмотренные Пактом (ст. 8) право на забастовку и право профсоюзов образовывать национальные федерации и конфедерации. Напротив, предлагалось включить в Конституцию положение о том, что «профсоюзы являются школой управления, школой коммунизма», «осуществляют государственный надзор и общественный контроль за соблюдением законодательства о труде» и «в лице их общественных и республиканских органов пользуются правом законодательной инициативы»³⁰. Вместо концепции прав личности была выдвинута оригинальная концепция личности как «ассоциированного суверена», который (наряду с другими подобными «суверенами») выступает «коллективным собственником всех общественных богатств», а потому «занимает

²⁵Сопоставление международных пактов о правах человека с предварительным вариантом проекта Конституции. Справка. (1977). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Л. 77–85.

²⁶Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. М., 1979. С. 627–628.

²⁷Лукьянов А.И., Денисов Г.И., Кузьмин Э.Л., Разумович Н.Н. Советская конституция и мифы советологов. М., 1981. С. 143–155.

²⁸Самощенко И.С., Фарукиши М.Х. Сущность юридической ответственности в советском обществе. М., 1974. С. 12–13.

²⁹Буковский В. И возвращается ветер. М., 2008.

³⁰Записка А. Шелепина на имя Н.В. Подгорного с предложением ВЦСПС о внесении в Конституцию СССР статьи о профсоюзах (6.07.69). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 30. Л. 206–207.

с ними в принципе одинаковое место в производстве и распределении», управлении государством³¹.

В представленных проектах не удалось реализовать право на индивидуальную трудовую деятельность. В ряде проектов построения «развитого социалистического общества» делались робкие попытки ввести в плановое хозяйство элементы экономической заинтересованности трудовых коллективов и индивидов «в результатах их деятельности». Вводились понятия «собственность общественных организаций» и «индивидуальная трудовая деятельность», напоминавшие риторику начала реформ Горбачева в СССР или Дэн Сяопина в Китае³². Но они были жестко отвергнуты по идеологическим причинам, поскольку, по мнению оппонентов, содержали «в прямой форме допущение мелкого частного хозяйства и целиком исключали указание на господствующее положение социалистической системы хозяйства», что «могло бы создать ошибочное представление об изменении нашего подхода к мелкому частному хозяйству и оценке его роли»³³. Вопрос о разграничении государственной собственности и собственности общественных организаций (к которым могли быть отнесены колхозы и иные кооперативные организации) так и не был решен в силу неясности критериев их разграничения³⁴.

Вызов идеологии прав человека не был понят и адекватно интерпретирован. Как комментировал референт Брежнева и один из разработчиков Конституции – циничный А. Бовин, – «после Хельсинки обострилась борьба вокруг прав человека. Активизировался Андропов. Наиболее шумных выслали из страны. Некоторые “выбрали свободу сами”. Некоторых арестовывали». «В принципе можно предположить, что конституционная кампания как раз и была рассчитана на то, чтобы под лозунгом развития демократии изменить атмосферу в стране, сузить базу для распространения антисоветских настроений. Но боюсь, что уровень стратегического мышления тогдашнего руководства делал такое предположение беспочвенным. Время политтехнологий еще не наступило...»³⁵ Возобладала традиционная советская идея о «неразрывной связи прав граждан и их обязанностей». «Решать в Конституции вопросы об отношениях государства и личности, о правах и

³¹Проблемы государства и права развитого социализма / Под ред. С.С. Кравчука. М., 1986. С. 23.

³²Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М., 1988.

³³Сравнительный текст действующей Конституции СССР и предлагаемых к ней изменений и поправок с замечаниями к ним (07.1972). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 35. Л. 11.

³⁴Сравнительный текст действующей Конституции СССР и предложенных к ней изменений и поправок, а также предложения по этим изменениям и поправкам. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 34. Л. 7.

³⁵Бовин А. XX век как жизнь. Воспоминания. М.: Захаров, 2003. С. 346.

свободах граждан, – считали разработчики, – следует, опираясь как на социально-экономические основы, так и на основные положения государственного устройства»³⁶. Исходя из этого, «злоупотребление правом, использование свобод в ущерб интересам общества и государства и правам других граждан запрещается, т. е. отмечается незаконность использования прав и свобод вопреки их социальному назначению»³⁷.

3. Вызов национализма: советский федерализм между интеграцией и дезинтеграцией

В свете последующего распада СССР актуально центральное противоречие советского федерализма – между конструкцией новой советской общности и защитой национальных прав. В период разработки Конституции 1977 г. противоречие этих двух начал выявилось в дискуссии об определении гражданства. В одной группе проектов приоритет отдавался укреплению «новой исторической общности», а решение проблемы усматривалось в конституционном закреплении права граждан на свободу определения своей национальной принадлежности. Предварительные варианты проекта Конституции юридически формулировали эту норму – была включена ст. 54: «Гражданин СССР имеет право на свободное определение своей национальной принадлежности в соответствии с его национальным самосознанием, усвоенным им языком». «Установление этого права, – разъясняли его инициаторы, – призвано содействовать процессу сближения наций. Национальная принадлежность может определяться с учетом языка, которым лицо владеет и пользуется как родным, характера воспитания и образования гражданина». Важность данной нормы связывалась с процессами межнациональной интеграции – «при определении национальности лиц, родившихся от смешанных браков и получивших воспитание в национальной среде, не связанной с национальностью ни одного из родителей, а также иных лиц, утративших связь с национальностью своих предков»³⁸.

Противники этого предложения (в конечном счете восторжествовавшие) настаивали на сохранении существующей системы, используя как традиционные идеологические аргументы, так и угрозу роста национализма: «установить право граждан на свободное (!) определение своей национальности», полагали они, значит «превратить национальную принадлежность гражданина из объективной реальности в фикцию»³⁹.

³⁶Предложения по предварительному варианту проекта Конституции (29.04. 1977). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 40. Л. 24.

³⁷Объяснительная записка к проекту Конституции. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 36. Л. 125.

³⁸Предварительные варианты проекта Конституции (1977). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Л. 238.

³⁹К вопросу о подготовке нового текста Конституции СССР. Справка. (07.1975).

«Национальная принадлежность – объективный факт, и внесение элементов субъективизма в решение вопроса о национальности является попыткой подменить естественную ассимиляцию (исторически прогрессивный процесс) искусственными мифами. Есть и еще один аспект проблемы. Нельзя не иметь в виду, что создание своего рода “конституционной” базы для фактически произвольного определения гражданами своей национальности может быть использовано для различного рода провокаций со стороны антисоветских элементов»⁴⁰. Опасность введения свободы национального самоопределения усматривалась в росте национализма в автономиях: «Серьезные сомнения, – отмечалось еще в 1972 г., – вызывает вопрос, стоит ли в Основном законе записывать, например, что автономные республики и области, а также национальные округа образуются в результате свободного волеизъявления компактно проживающих национальных групп. Такая декларативная запись могла бы способствовать активизации безответственной деятельности отдельных групп граждан, не всегда правильно понимающих политику партии и государства в области национального строительства, возбуждать необоснованные претензии националистически настроенных лиц»⁴¹. Не последнюю роль играли аргументы международной политики, в частности политический курс Государства Израиль. «Тем самым создается “конституционная” база для политических провокаций злобствующих сионистских элементов и тех антисоциалистических элементов внутри страны, которые хотят подстраховать свою преступную деятельность объявлением себя евреями и требованием разрешения эмиграции в Израиль»⁴².

Вызов национализма определил общий вектор дискуссий о федерализме. В конституционном проекте периода «оттепели» (1964) был сделан упор на расширение прав союзных республик (фиксировалась модель, близкая к конфедерации). Эта линия по инерции прослеживается в проектах 1969 г., где союзные республики продолжают именоваться «суверенными социалистическими государствами», высшие органы власти которых получают значительные новые полномочия в области законодательной инициативы и функции контроля за деятельностью республиканских и местных государственных органов по соблюдению Конституции⁴³. Однако уже в начале 1970-х годов прослеживается отказ

Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Л. 58.

⁴⁰Предложения по предварительному варианту проекта Конституции (29.04. 1977). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 40. Л. 36.

⁴¹Сравнительный текст действующей Конституции СССР и предлагаемых к ней изменений и поправок с замечаниями к ним (07.1972). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 35. Л. 32.

⁴²Замечания к проекту Конституции. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 41. Л. 3.

⁴³Сравнительные тексты действующей Конституции СССР и предложенные к ним изменения дополнения (05–06. 69). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 31. Л. 13–33.

от этой тенденции, сопровождающийся усилением централизма, с сохранением, разумеется, ритуальных фраз о самоопределении народов. Как показывает «Справка об изменениях и дополнениях, внесенных в Конституцию СССР с декабря 1936 по сентябрь 1972 г.», наиболее частым изменениям подвергались статьи 22, в которой перечислялись края и области, входящие в состав РСФСР; 23, содержащая перечень областей Украинской ССР; 70, устанавливавшая состав Совета министров СССР; 77 и 78, перечисляющие общесоюзные и союзно-республиканские министерства. Данные о количестве изменений отдельных статей таковы: ст. 22 менялась 13 раз; 23 – 9; 70 – 25; 77 – 28; 78 – 29 раз⁴⁴.

К середине 1970-х годов были сформулированы предложения, направленные на расширение «усмотрения» Союза и принципиальное снижение уровня конституционных гарантий «суверенных прав республик», а также устранение положений предшествующих проектов о праве союзной республики «вступать в непосредственные отношения с зарубежными государствами и иметь свои воинские формирования», что легитимировало, в частности, членство ряда союзных республик в деятельности ООН и ряда других международных организаций. Из проектов были изъяты положения о том, что «союзные республики обладают суверенитетом, ограниченным в пределах, указанных в Конституции, и о том, что вне пределов компетенции СССР республика осуществляет государственную власть самостоятельно»⁴⁵. Дебаты по третьему разделу Конституции, «Национально-государственное устройство СССР», отразив результаты острой внутренней дискуссии по этому вопросу, фиксируют усилия по унификации и централизации государства. СССР выступает здесь как «единое союзное государство»; подчеркивается его «нерасторжимость»; «при определении компетенции Союза ССР и правового статуса союзных и автономных республик проводится линия на расширение прав и компетенции союзных органов», причем отсутствует привычная риторика о суверенитете союзных советских социалистических республик, фиксируется «конституционный контроль и порядок изменения Конституции»⁴⁶. Антитезой выступали предложения республик о сохранении принципов «советского федерализма» и, в частности, права на «самоопределение наций». В этом контексте характерны предложения об укреплении самостоятельной роли России в составе Союза, стремление отразить в преамбуле Конституции РСФСР,

⁴⁴Справка об изменениях и дополнениях, внесенных в Конституцию СССР с декабря 1936 по сентябрь 1972 г. (1972 г.). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 35. Л. 140.

⁴⁵Предложения по предварительному варианту проекта Конституции (29.04. 1977). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 40. Л. 36.

⁴⁶Предварительные варианты проекта Конституции (1977). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Л. 126.

что «создание РСФСР и СССР является выдающимся достижением национальной политики Советской власти, т.к. это положение имеет принципиальное значение для всей советской конституционной системы»⁴⁷.

Осознавая несовместимость ритуальной нормы о праве выхода республик из СССР с федерализмом (в принципе не допускающим права сессии), разработчики вынуждены были сохранить ее в рамках представления об особом «советском федерализме» как «форме решения национального вопроса»⁴⁸. В то же время стремление смягчить потенциально деструктивный характер данной нормы представлено в тенденции ограничить возможности ее практической реализации для изменения существующего национально-государственного устройства. Во-первых, оставлен без изменений формальный механизм разрешения спорных вопросов ВС СССР (согласительной комиссией палат, образуемой на паритетных началах) и отвергнута идея проведения референдумов в случае непреодолимого разногласия между ними; проведена идея укрепления равенства палат («каждая палата ВС СССР образуется из равного числа депутатов»); выдвинуты предложения по ограничению сроков полномочий ВС республик, отказа от идеи выборности прокуроров и возвращения к их назначению. Укреплялась манипулирующая роль Президиума ВС СССР, определявшегося то как постоянно действующий орган ВС СССР, то как «высший орган государственной власти СССР в период между сессиями ВС»⁴⁹. Во-вторых, была отвергнута обсуждавшаяся с начала 60-х годов идея создания особого института контроля конституционности – избираемого ВС СССР и подотчетного ему Комитета Коллегии конституционного надзора, в компетенцию которого предполагалось включить наблюдение за соответствием конституций союзных республик Конституции СССР; рассмотрение вопросов, возникающих в связи с расхождением законодательства союзной республики с общесоюзным законодательством, предоставление заключений по спорным вопросам, возникающим между отдельными союзными республиками и в отношениях Союза ССР с отдельными союзными республиками в связи с осуществлением Конституции СССР⁵⁰. В другой трактовке предлагалось создать Комитет конституционного контроля,

⁴⁷Письмо Председателю Комиссии по подготовке проекта Конституции РСФСР тов. Соломенцеву М.С. «О некоторых вопросах, возникших в связи с подготовкой проекта Конституции РСФСР». Оно представлено с подписями членов Рабочей группы по подготовке текста Конституции РСФСР: Азовкин И.А., Авакьян С.А., Банных М.П., Барабашев Г.В., Кириченко М.Г., Пертцки В.А., Пискотин М.И., Столбов Б.А., Шеремет К.Ф. (31 августа 1977 г.) Ф. 7523. Оп. 131. Д. 114. Л. 17.

⁴⁸Конституция СССР. Политико-правовой комментарий / Под ред. Б.Н. Пономарева. М.: Политиздат, 1982. С. 213–214.

⁴⁹Предварительные варианты проекта Конституции (1977). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Л. 114.

⁵⁰Проект Конституции. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 36. Л. 61.

наделенный более широкими функциями – наблюдением за соответствием Конституций и законов союзных республик Конституции и законам СССР; внесением в ВС СССР предложений по вопросам толкования Конституции СССР и об отмене конституционных актов; дачей заключений о соответствии проектов законов, внесенных на рассмотрение ВС СССР, Конституции СССР⁵¹. Позднее, в ходе «всенародного обсуждения» проекта Конституции 1977 г., некоторыми выдвигались идеи превращения Верховного суда в Конституционный или наделения его функциями конституционного надзора (по образцу Верховного суда 1924–1933 гг.), но они не учтены в Конституции 1977 г. В-третьих, при решении вопроса о преобразовании автономных республик в союзные предполагалось максимально ограничить эту возможность: должна «учитываться экономическая целесообразность такого преобразования для народного хозяйства не только самой республики, но и для всего Союза ССР в целом, а также возможные политические последствия такого преобразования в виде постановки вопроса об изменении своего статуса и другими автономными республиками, народы которых пожелают избрать союзную республику как форму своего государственного самоопределения»⁵².

Рост национализма в послесталинский период – заметный фактор трансформации политической системы в направлении фактической конфедерализации и дезинтеграции союзного государства. Противоречивые нормы советской Конституции – о сохранении единства союза и одновременно суверенитета республик – невозможно было согласовать в единой рациональной концепции федерализма. Цементирующей основой многонационального государства выступала КПСС, выполнявшая функции, которые в Российской империи принадлежали самодержавию.

4. Вызов демократии: «общенародное государство», избирательная система и административно-политический контроль

Важным условием успешной интеграции в глобализационные процессы и структуры становилось преодоление тотально закрытого государства и расширение внутреннего и внешнего информационного обмена. Решение проблемы (без отказа от основ однопартийного режима) усматривалось в ограниченной демократизации и деbüroкратизации

⁵¹Предварительные варианты проекта Конституции (1977). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Л. 126.

⁵²Справки о преобразовании некоторых советских автономных республик в союзные. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 37. Л. 61.

государства: «Буржуазному демократизму, – писали юристы-аппаратчики, – должен быть противопоставлен социалистический демократизм, более действенный, более реальный. Это будет способствовать значительному усилению борьбы с попытками антисоциалистических элементов расшатать социалистическую демократию, внедрить в нее буржуазные институты». Для этого признавалось необходимым «укрепление Советского государства, совершенствование принципов советской избирательной системы; развитие конституционных гарантий основных прав и свобод; всемерное укрепление социалистической законности»⁵³. Данные предложения стимулировались Чехословацким кризисом 1967–1969 гг. и поиском альтернативы концепции «социализма с человеческим лицом»⁵⁴, а также активными проявлениями социального протеста⁵⁵.

В этом контексте понятны систематические дебаты о содержании неопределенного понятия «общенародное государство», определении границ соотношения прав и обязанностей граждан, новой роли Советов как «законодательных, распорядительных и контролирующих органов»⁵⁶. Предлагалось решить вопросы, которые были выдвинуты «на переходных этапах работы над проектом новой Конституции СССР, а также научными учреждениями и группами и не получили отражения в представленных предложениях об изменениях и дополнениях текста Конституции СССР»: «об определении Советов депутатов трудящихся как Советов народных депутатов в связи с предложенными изменениями и дополнениями общенародного характера Советского государства» и «о включении в Конституцию положения о том, что при тайном голосовании на выборах избиратель выражает свое отношение к каждому из кандидатов, включенных в бюллетень, вычеркивая одно из двух решений: “согласен” или “не согласен”»⁵⁷. На компромиссный характер подобных предложений указывали представители правозащитного движения, усматривавшие в них возможный путь к конвергенции политических систем западного и советского типа (А. Сахаров)⁵⁸ или постепен-

⁵³О некоторых конституционных вопросах, подготовленная рабочей группой (А. Яковлев, Н. Перун, А. Лукьянов, Н. Старовойтов, Р. Кулик, Э. Кузьмин, С. Братусь). Справка (проект). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 32. Л. 13.

⁵⁴Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.

⁵⁵Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). М., 2009.

⁵⁶Стенограмма заседания рабочей группы по подготовке предложений (Калинычев Ф.И., Пигалев П.Ф., Кулик Р.И., Лукьянов А.И., Кузьмин Э.Л., Перун Н.С., Митькин Н.А. Председатель – Калинычев). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 30. Л. 149.

⁵⁷Справка о необходимости обсуждения дополнительных вопросов к проекту новой Конституции. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 32. Л. 1.

⁵⁸Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М., 1991.

ной демократизации последнего в рамках перехода к многопартийности представительства в советах (А. Амальрик и др.)⁵⁹

Ключевой проблемой модернизации окостеневшей советской иерархии стало изменение избирательной системы – возможность введения состязательных выборов при тайном голосовании. Серьезный психологический дискомфорт при обсуждении этого вопроса проявляется в целом ряде аналитических документов. Констатируя, что «для выставления в одном избирательном округе нескольких кандидатов в депутаты не требуется вносить каких-либо изменений в действующую систему выборов», аппаратные эксперты указывали, что «на практике до сих пор признавалось политически нецелесообразным противопоставлять на выборах двух или более кандидатов, представляющих одну политическую платформу», поскольку у избирателей нет никакой «практической необходимости заходить в кабины для тайного голосования». В результате, признавали они, «на выборах создается впечатление... голосования. У некоторых избирателей появляется боязнь заходить в кабины, чтобы проголосовать против кандидата. Отсюда предложения выдвигать по округу кандидатов. Тогда в кабины заходить обязательно и голосовать против свободно»⁶⁰.

Для разрешения этой психологической дилеммы избирателя в записке 1973 г. был предложен ряд изменений системы выборов (на уровне низовых советов). Первое из них – «в бюллетени для тайного голосования включать два или более кандидатов при сохранении общего порядка избрания одного кандидата от избирательного округа». Другим принципиальным изменением должно было стать принятие системы двухстепенных выборов – «введение двух туров голосования на выборах»: «в первом туре на собраниях представителей трудящихся (выборщиков) избираются из нескольких кандидатов путем тайного голосования или открытого голосования два кандидата, получившие наибольшее число голосов. Во втором туре эти два кандидата включаются в бюллетень для тайного голосования населения». Третье предложение касалось введения «многомандатной системы выборов» (по крупным избирательным округам), что, по мнению его авторов, «позволит избирателю голосовать за тех лиц, которых он считает наиболее достойными, вычеркивая другие кандидатуры из списка»⁶¹.

Проектировалось введение избирательной системы, построенной «на сочетании прямых выборов (при нескольких кандидатах) в низо-

⁵⁹Амальрик А. Записки диссидента. М., 1991. С. 329.

⁶⁰См. записки В. Григорьева: «К вопросу о схеме новой Конституции СССР» и «К вопросу о системе выборов в Советы». Ф. 7523. Оп. 131. Д. 38. Л. 222–228.

⁶¹О некоторых конституционных вопросах, подготовленная рабочей группой (А. Яковлев, Н. Перун, А. Лукьянов, Н. Старовойтов, Р. Кулик, Э. Кузьмин, С. Братусь). Справка (проект). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 32. Л. 16–17.

вые Советы (сельские, поселковые, городские без районного деления, районные в городах) и многоступенчатых выборов в вышестоящие Советы». Легитимация этой реформы носила идеологически ретроспективный характер, апеллируя к восстановлению так называемых «ленинских норм»: «Все вышестоящие Советы (начиная с областного и краевого) предлагается избрать от нижестоящих Советов с использованием лучших сторон многоступенчатой избирательной системы, существовавшей до принятия Конституции СССР 1936 г.», что позволит восстановить «единую республику Советов», существовавшую будто бы при Ленине⁶². Данные предложения, однако, плохо вписывались в декларативную формулу советских конституций об осуществлении выборов «на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании». В ряде конституционных проектов поэтому предлагались различные паллиативы в виде, например, следующего: «При подаче голоса избиратель выражает в избирательном бюллетене свое отношение к каждому из включенных в бюллетень кандидатов, вычеркивая одно из двух решений: “согласен”, “не согласен”»⁶³. В целом речь шла о введении непрямых многоступенчатых выборов, отдаленно напоминавших «куриальную» избирательную систему в дореволюционную Государственную думу, которую большевики в свое время определяли как бонапартизм. Однако в условиях советского номинального конституционализма ее введение было бы несомненным шагом вперед, демонстрируя элементы реального состязательного избрания депутатов.

Все эти предложения, разумеется, не нашли никакого отражения в итоговом тексте Конституции 1977 г. Не нашли отражения в ней и высказывавшиеся ранее (в период «оттепели») предложения по расширению непосредственной демократии – введению референдумов. Это, полагали критики нововведения, может создать впечатление, что «референдум – это обычная форма реализации народом государственной власти (помимо Советов). В СССР, как известно, референдум как всенародное голосование никогда не проводился, и введение такой практики не вызывается потребностями жизни»⁶⁴. Были отвергнуты и идеи по расширению социального контроля: «Предлагалось, – отмечал Бовин, – дополнить ст. 93 следующим положением: “Советы народных депутатов и создаваемые ими органы систематически информируют население о принятых ими решениях”. Мы поддержали. Вот она – гласность! Но не всем гласность нравится...»⁶⁵ На практике набирала обороты бю-

⁶²О некоторых конституционных вопросах, подготовленная рабочей группой (А. Яковлев, Н. Перун, А. Лукьянов, Н. Старовойтов, Р. Кулик, Э. Кузьмин, С. Братусь). Справка (проект). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 32. Л. 18.

⁶³Проект Конституции. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 36. Л. 64.

⁶⁴Предложения по предварительному варианту проекта. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 41. Л. 79.

⁶⁵Бовин А. XX век как жизнь. Воспоминания. М., 2003. С. 352–353.

рокрализация как центральных, так и региональных (краевых и областных) советов, парадоксальным образом объяснявшаяся их перегруженностью «при подготовке проекта новой Конституции». Ее выражением стало санкционированное правительством расширение роли президиумов, создание их исполкомов (для решения вопросов «оперативно-распорядительного характера») ⁶⁶ и выстраивание жесткой иерархии их председателей, замов и секретарей.

В рамках концепции «единства общественной и государственной форм народовластия» советские юристы обосновывали тезис об «общей государственной воле советского народа, выраженной в законодательстве» ⁶⁷, трансформации воли народа в государственную волю, а последней – в волю коммунистической партии ⁶⁸.

5. Структура политической системы: советы и партия в государственном управлении

Юридическое разграничение советов и партии представляло неразрешимую дилемму номинального конституционализма. Их единство постулировалось в рамках классовой доктрины государства, предполагавшей общность целей и методов административного и политического руководства. С принятием концепции «общенародного государства» постулат о «ведущей роли рабочего класса» переставал быть очевидным. Данная норма в новой Конституции, полагали эксперты, «не соответствовала бы общенародности нашего государства и могла бы быть истолкована как необходимость наделения представителей рабочего класса дополнительными правами и преимуществами по сравнению с другими слоями общества» ⁶⁹. Она неадекватна изменившейся социальной структуре общества ⁷⁰, а потому «может повлечь ошибочное представление о существующем якобы в нашем обществе конституционно-правовом неравенстве рабочего класса, крестьянства и интеллигенции» ⁷¹. Другая группа идеологов, однако, продолжала настаивать на том, что «следу-

⁶⁶Записка Председателя Совета Министров РСФСР т. Воронова Г. в Конституционную комиссию (от 5 августа 1968 г.). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 29. Л. 1–3.

⁶⁷Законодательство и законодательная деятельность в СССР / Под ред. П.П. Гуреева и П.И. Сергунина. М., 1972. С. 22.

⁶⁸См.: Высшие представительные органы власти в СССР. М., 1969. С. 13; Проблемы развития представительных органов власти социалистического государства / Под ред. С.С. Кравчука. М., 1979. С. 187.

⁶⁹Сравнительный текст действующей Конституции СССР и предлагаемых к ней изменений и поправок с замечаниями к ним (07.1972). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 35. Л. 3–5.

⁷⁰Сравнительный текст действующей Конституции СССР и предложенных к ней изменений и поправок (с замечаниями к ней) (1972). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 33. Л. 168.

⁷¹Сравнительный текст действующей Конституции СССР и предложенных к ней изменений и поправок, а также предложения по этим изменениям и поправкам. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 34. Л. 3.

ет совершенно определенно подчеркнуть классовую сущность нашего государства, то, что оно является государством рабочих и крестьян, что такой характер СССР сохраняется и в период построения зрелого социалистического общества»⁷². Данная схоластическая дискуссия, ведшаяся в соответствии с ритуальными канонами, опиралась на сакральные тексты – труды Ленина, Программу КПСС, решения съездов и пленумов партии, но также учитывала предшествующие советские конституции, «опыт развития конституционного законодательства зарубежных социалистических стран»⁷³ и даже «материалы редакционной комиссии под руководством А.Я. Вышинского»⁷⁴. «Характеристика развитого социализма, – признавал один из разработчиков, – дается не в плане четкой оценки явлений в экономической, социально-культурной и политической областях (как, казалось бы, это следовало сделать), а путем набора общих, имеющих некоторое пропагандистское значение формул»⁷⁵. Острота спора объяснялась очевидной политической актуальностью: отказ от традиционной формулы о «ведущей роли пролетариата» ставил под вопрос легитимность доминирования КПСС как партии рабочего класса.

Разрешение дилеммы в рамках номинального конституционализма включало два пути: следует ли имитационные советские институты сделать реальными (ослабив тем самым партийный контроль) или, напротив, прямо закрепить в Конституции реальность однопартийного господства (отказавшись от мифа о «советской демократии»). Первое направление реформ представлено в ряде аналитических записок о наделении советских структур большими контрольными и властными функциями. Предлагалось подумать о «новой роли представительных органов государственной власти в решении вопросов государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства, в усилении контроля за исполнительными органами, в повышении ответственности последних за свою деятельность» (речь шла, в частности, об отчетах правительства перед ВС, о конституционном закреплении контрольных и иных полномочий постоянных комиссий, о расширении функций постоянно действующих органов ВС и т. д.)⁷⁶. Говорилось о «целесообразности закрепления в Конституции существующей

⁷²Сравнительный текст действующей Конституции СССР и предлагаемых к ней изменений и поправок с замечаниями к ним (07.1972). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 35. Л. 3.

⁷³Объяснительная записка к проекту Конституции. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 36. Л. 113.

⁷⁴Копия письма В. Васильева (нач. секретариата) директору ЦГАОР Прокопенко Н.Р. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 30. Л. 134.

⁷⁵О некоторых принципиальных сторонах предварительного варианта проекта новой Конституции СССР. Записка Э. Кузьмина (23.01.1973). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Л. 26.

⁷⁶К вопросу о дальнейшем совершенствовании конституционного законодательства. Записка (т.т. Салищева, Николаева). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 38. Л. 215.

системы представительных органов государственной власти, формируемых на всех уровнях на основе прямых выборов»; «закреплении в Конституции положений, направленных на дальнейшее повышение роли Советов в руководстве государственным, хозяйственным и социально-культурным строительством» – об исключительной компетенции ВС СССР и других звеньев системы советов, отчетах правительства перед ВС, подотчетности ему Генерального прокурора СССР и Верховного суда СССР и их отчетах перед ВС СССР. В целом обосновывалась идея «о более широком отражении в Конституции принципа социалистической законности, об усилении гарантий прав граждан»⁷⁷. В связи с этим основными нерешенными проблемами признавались (в 1973 г.) вопросы о «пределах регулирования в Конституции вопросов, связанных с деятельностью общественных организаций, коллективов трудящихся и руководящей роли коммунистической партии» и «возможности закрепления в Конституции принципа строгого соблюдения законов всеми государственными органами, общественными организациями и гражданами» (включая, следовательно, КПСС)⁷⁸. Другое направление реформ представлено идеей конституционализации партии, которая с первых лет установления своей диктатуры заявляла, что проводит свои решения «через советские органы, в рамках Советской Конституции»⁷⁹. Включение в Конституцию положения о политической роли партии осознавалось как компромисс двух крайних позиций – поворотный пункт политического развития: «впервые в истории Советской Конституции отношения партии с государством и общественными организациями были бы прямо закреплены в законе, т.е. урегулированы государством». Однако было ясно, «что подобная запись в Конституции давала бы повод для утверждений об “огосударствлении” партии»⁸⁰. В ряде записок эти вопросы просто обходились с использованием неопределенных идеологических штампов и моральных стереотипов⁸¹.

⁷⁷Некоторые вопросы, предлагаемые для обсуждения. Справка (т. Николаева, Салищева). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 38. Л. 205.

⁷⁸Наиболее существенные проблемы, которые представляется целесообразным обсудить в связи с урегулированием в проекте Конституции СССР вопросов общественного устройства. Записка. (Авторы – Лукьянов, Кузьмин, 16.03.73). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 36. Л. 4.

⁷⁹КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 72.

⁸⁰Сравнительный текст действующей Конституции СССР и предложенных к ней изменений и поправок (с замечаниями к ней) (1972). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 33. Л. 169–171.

⁸¹См.: Копия записки в ЦК КПСС: Замечания по материалам об изменении и поправках действующей Конституции СССР (10.04.1972); Сравнительный текст действующей Конституции СССР и предлагаемых к ней изменений и поправок (от 11.04.1972). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 33. Л. 86–149 и 164–271.

Наиболее трудный круг вопросов новой Конституции был связан с «уточнением действия механизма власти при социализме», предполагавшим юридическое выстраивание отношений партии, советов и высших государственных учреждений в принятии политических и административных решений. «Конституционное и фактическое положение Президиума ВС СССР, – считали разработчики, – отражает объективные потребности в существовании в системе механизма Советского государства постоянно действующего высшего органа государственной власти СССР, подотчетного ВС СССР»⁸². Следуя этой логике, необходимо было пересмотреть структуру высших органов государственной власти в направлении расширения ответственности исполнительной власти перед законодательной: предлагалось зафиксировать роль Коллегии Конституционного контроля в определении конституционности законодательных актов и актов Правительства СССР, перераспределить компетенции центральных и местных органов власти, расширив права местных советов и применение «принципа выборности органов администрации, распространив его, в частности, на руководителей отдельных предприятий, учреждений и организаций». Более того, предлагалось закрепить в Конституции «право на обжалование действий государственных органов и должностных лиц, право на обращение в суд на незаконные действия администрации учреждений и предприятий», «расширить и конкретизировать гарантии неприкосновенности личности с учетом действующего ныне законодательства». «В связи с этим, – констатировали разработчики, – вероятно, придется определить пределы регулирования в Конституции вопросов руководящей роли КПСС, участия общественных организаций, коллективов трудящихся и граждан в осуществлении государственной власти»⁸³.

Полноценное юридическое определение отношений советов и партии было, однако, отвергнуто сторонниками существующей системы. Во-первых, они не видели смысла в изменении названия этих институтов. «Трудящиеся, – заявлял автор записки по этому вопросу, – всегда были народом в марксистско-ленинском понимании этого термина. Как же тогда можно аргументировать замену названия “Советы депутатов трудящихся” на “Народные Советы” или “Советы народных депутатов”, не вызывая ассоциации о их противопоставлении?». Предлагалось взвесить плюсы и минусы этого переименования – «в государственной политической практике и идеологической борьбе»⁸⁴. Во-вторых, указывали на невозможность определения советов как государственных уч-

⁸²О законодательной деятельности Президиума ВС СССР. Справка П. Гуреева. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Л. 71.

⁸³Записка (т.т. Салищева, Николаева): К вопросу о дальнейшем совершенствовании конституционного законодательства. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 38. Л. 208.

⁸⁴Записка: О понятии Советы депутатов трудящихся. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Л. 76.

реждений: «Представляется, – считали консерваторы, – теоретически неоправданным противопоставление, по сути дела, политической основы общества и политической основы СССР». Поскольку исторически они совмещали управленческие и общественно-мобилизационные функции, «принятие подобной поправки могло бы быть расценено как утрата Советами характера политической основы СССР»⁸⁵. В-третьих, не допускали даже намека на разделение властей: «Зачем, – спрашивал Лукьянов, – нам нужен этот принцип? Должна быть единая власть. Этот принцип не оправдал себя»⁸⁶. В-четвертых, отвергали идею юридического определения партии: «При рассмотрении этого крайне сложного вопроса, – предусмотрительно отмечали критики данного предложения, – надо принять во внимание и то, что включение такой новой статьи в первую главу Конституции будет иметь не только положительное значение. Не возникнет ли у наших критиков вопрос: чем вызвана необходимость юридического закрепления руководящей роли партии в СССР на данном этапе коммунистического строительства? Подобные вопросы безусловно будут муссироваться, особенно в буржуазной прессе, в ревизионистских кругах. Не даст ли им подобная запись в Конституции повод для утверждений об “огосударствлении” партии? Иначе говоря, стоит ли сейчас нам создавать предпосылки для подобной дискуссии, полемики по вопросам о руководящей роли КПСС в советском обществе и государстве?»⁸⁷ На заключительном этапе эти трудности представлены в замечаниях по ключевым вопросам: в Конституции, как отмечено на полях ее проекта 1977 г., не решен вопрос о «социальной основе» и «природе государства»⁸⁸, представлен «несвойственный конституции стиль», «не найден ключ, в котором должна быть написана преамбула», а ее «главный дефект» состоит в «противопоставлении (неизбежном) роли советов и партии»⁸⁹. Определяя советскую политическую систему как теократию, один из разработчиков Конституции Г. Шахназаров позднее отмечал, что в ней «место Слова Божьего заняла идеология марксизма-ленинизма, и следовательно, уместно применить здесь термин идеократия»⁹⁰.

⁸⁵Сравнительный текст действующей Конституции СССР и предлагаемых к ней изменений и поправок (от 11.04.1972). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 33. Л. 169.

⁸⁶Стенограмма заседания рабочей группы по подготовке предложений (Калинычев Ф.И., Пигалев П.Ф., Кулик Р.И., Лукьянов А.И., Кузьмин Э.Л., Перун Н.С., Митькин Н.А. Председатель – Калинычев). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 30. Л. 154.

⁸⁷Замечания к проекту Конституции (по отдельным статьям). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 41. Л. 41–42.

⁸⁸Проекты Конституции СССР с замечаниями и внесенными поправками. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 60. Л. 29–59.

⁸⁹Предварительные варианты проекта Конституции (1977). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Л. 86–88.

⁹⁰Шахназаров Г. С вожжами и без них. М., 2001. С. 246, 328.

6. Доктринальные постулаты и реальные изменения в советском обществе

Официальная коммунистическая доктрина исходила из теории «перерастания» государства диктатуры пролетариата в «общенародное государство», в результате которого оно «превращается в политическую организацию всего народа при руководящей роли рабочего класса во главе с его авангардом – коммунистической партией»⁹¹. Это означает ускорение процесса преодоления классовых различий в советском обществе⁹². Внутреннее противоречие данной формулы было раскрыто западными критиками системы. Во-первых, выдвижение концепции общенародного государства, полагали критики коммунизма, противоречит ортодоксальному марксизму, ибо если государство является носителем классовых интересов, то с достижением единства общества оно становится излишнее.

Во-вторых, вывод о гомогенности советского общества противоречит реальности. Констатировалось, что социальное развитие советского индустриального общества предполагает тенденцию к унификации (стирание различий между городом и деревней означает, что крестьянство как общественный класс должно исчезнуть). Но в целом идет в сторону, противоположную социальной однородности, демонстрируя несовместимость ортодоксальной марксистской утопии и действительных процессов, идущих под воздействием процесса модернизации. В любом индустриальном обществе модернизация неизбежно ведет к стратификации и дифференциации доходов соответствующих социальных слоев по критериям статуса, престижа и благосостояния. В СССР социальная структура становится менее гибкой и более стратифицированной. В 1970-е годы она характеризуется глубокой социальной дифференциацией⁹³. Одни исследователи считали, что советское общество разделяется на три класса – рабочих (крестьяне превратились в непривилегированных представителей этого класса), интеллигенцию и бюрократию, другие говорили о двух классах – среднем и высшем (бюрократии).

В-третьих, констатировалось появление в СССР социального феномена, определяемого западными исследователями как «средний класс». В конце 1960-х годов в него входила большая часть советского населения, подразделявшаяся на слои: высшую интеллигенцию (политики, инженеры, менеджеры, высшие военные и бюрократы); рядовую интеллигенцию (врачи, адвокаты, техники, бюрократы средних рангов и др.);

⁹¹См.: К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС. М., 1970. С. 22

⁹²Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 36, 50.

⁹³The Soviet Political System. N.Y., 1970.

народных героев (писатели, ученые, космонавты); городских рабочих (квалифицированные рабочие, рядовые рабочие); городских «белых воротничков» (клерки, бухгалтеры, низшие бюрократы); зажиточных крестьян (крестьяне на лучших коллективных фермах)⁹⁴.

В-четвертых, была поставлена под сомнение официальная трактовка понятия «рабочий класс». Одни исследователи отрицали его существование как особой социальной общности, считая, что советский «рабочий класс» – слишком априорная категория – она включает собственно рабочих, крестьян, служащих, т. е. фактически все работающее население СССР⁹⁵. Другие, указывая на неточность понятия, считали возможным стратифицировать этот класс по критериям власти, престижа, доходов, зависящих от образования, профессии, здоровья, зарплаты, места жительства, даже стандартов социального поведения (одежды и манер). В результате ранее более гомогенный «рабочий класс» подразделялся на те слои, которые могут быть отнесены к среднему и низшему классам общества⁹⁶. Концепции о неуклонном росте жизненного уровня рабочих в советский период противостояли пессимистические оценки западных экспертов: к 50-летию революции он вряд ли выглядит лучше, чем он был в 1928 г., до начала индустриализации⁹⁷. Официальная статистика 1970-х годов утверждала, что реальные доходы рабочих промышленности и строительства с учетом ликвидации безработицы и сокращения продолжительности рабочего дня в среднем на одного работающего возросли за годы Советской власти в 9,4 раза⁹⁸. Однако она не отражала дифференциации имущественного положения различных слоев рабочих – часть из них действительно улучшила свое материальное положение по сравнению с инженерно-техническим персоналом, но другая часть находилась в самом низу социальной пирамиды⁹⁹.

В-пятых, ключевым направлением критики стала концепция неэффективности плановой экономики и принудительного труда при социализме. Широкое распространение получил вывод об отчуждении в СССР производителя от результатов своего труда, которое порождает незаинтересованность советских рабочих в производстве и низкий уровень производительности труда и активности трудящихся¹⁰⁰. Рабочий класс в советском обществе, как и в западном, отмечали критики, подвергается эксплуатации¹⁰¹, поскольку в современной индуст-

⁹⁴The Study of Sociology. An Introduction. N.Y., 1968.

⁹⁵Fisher G. The Soviet System and Modern Society. N.Y., 1968.

⁹⁶Hollander P. Soviet and American Society. A Comparison. N.Y., 1973.

⁹⁷Conquest R. Industrial Workers in the USSR. L., 1967.

⁹⁸См.: СССР в цифрах в 1975 году. Краткий статистический сборник. М., 1976. С. 41.

⁹⁹Lane D. The End of Inequality? Stratification under State Socialism. L., 1971.

¹⁰⁰Mathews M. Class and Society in Soviet Russia. London, 1972.

¹⁰¹Harrington M. Socialism. N.Y., 1972.

стриальной структуре ответственность и авторитет переходит в руки профессиональных служащих (белых воротников). Различные типы проявления трудового энтузиазма – коммунистические субботники, стахановское движение, ударничество – не могут быть признаны добровольным волеизъявлением «трудящихся», являются навязанными, поскольку формы их организации и проведения жестко фиксируются властями. «Социалистическое соревнование» – не более чем практика оправдания увеличения норм выработки, ставшая явлением психологически отталкивающим и экономически непродуктивным. Эти инструменты повышения производительности труда – способ разделения трудящихся, противопоставления одной их части другой, а в конечном счете – создания привилегированного слоя советской «рабочей аристократии». При этом сам принцип соревнования был подорван с введением иных инструментов поощрения, самым значимым из которых являлась премиальная система.

В-шестых, выдвигалась концепция политических следствий изменения социальной структуры. Процесс социальной интеграции теоретически ведет к ослаблению позиций рабочего класса в обществе и, в частности, в партии, которая становится выразителем интересов всего общества, а не только рабочих¹⁰². Трансформация диктатуры в общенародное государство предполагает поэтому отказ от тезиса о ведущей роли рабочего класса в СССР: если ранее пролетариат считался носителем абсолютной власти, то в рамках общенародного государства ему могут быть предоставлены только функции ограниченного руководства другими группами¹⁰³. На практике партия свела деятельность рабочих в советах лишь к функции пассивных избирателей, поскольку сами выборы носили ритуальный характер¹⁰⁴. Растущее отчуждение общества от власти выражалось в неприятии имитационных правил игры, двоемыслия и цинизме¹⁰⁵.

В-седьмых, эти критические выводы западных социологов не могли быть приняты официальной классовой доктриной. В советском обществе, доказывали советские идеологи, нет «социальной пирамиды», поскольку отсутствие частной собственности на средства производства и принцип оплаты по труду гарантируют невозможность возникновения антагонистических классов и возникновения господствующего слоя.

¹⁰²*Parkin F.* Class Inequality and Political Order. Social Stratification in Capitalist and Communist Societies. L., 1971.

¹⁰³*Meyer A.* The Soviet Political System. N.Y., 1966; Sowjetgesellschaft im Wandel. Stuttgart, 1966.

¹⁰⁴*The Soviet Political System.* N.Y., 1970.

¹⁰⁵*Boym S.* Commonplaces: Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge (Mass.), L., 1994; *Connor W.D.* Deviance in Soviet Society. Crime, Delinquency, and Alcoholism. N.Y., 1972.

Выводу о растущей социальной дифференциации общества противопоставлялась идея о сближении классов и социальных групп на этапе «развитого социализма». Наконец, категорически отвергалось предположение о дифференциации рабочего класса, превращении его в «средний класс» с утратой авангардной роли в обществе, или передаче последней новым социальным силам – интеллигенции и бюрократии¹⁰⁶. Вывод об эрозии рабочего класса был признан наиболее еретическим, поскольку ставил под сомнение необходимость сохранения однопартийной диктатуры. Стагнирующая политическая система выдавалась за новый этап развития «социалистической демократии», где будто бы созданы условия для «творческой роли народных масс», проявление которой усматривалось в росте активности масс на выборах и расширении представительства рабочих в органах государственной власти¹⁰⁷. Вместо содержательного социологического анализа изменений в социальной структуре декларировалась незыблемость идеологических установок, а мнение критиков объяснялось их идеологической ангажированностью. «Реальная советская действительность, – по мнению советских аналитиков, – убедительно показывает тщетность подобных попыток. Рабочий класс вместе со всем советским народом под руководством Коммунистической партии уверенно осуществляет свою историческую миссию – построение коммунизма»¹⁰⁸.

Таким образом, два возможных направления реформы оказались нереализуемы в системе номинального конституционализма: рассмотрение советов как полноценных государственных учреждений неизбежно означало движение к разделению властей и ослабление партии, а конституционное закрепление последней таило опасность подрыва квазиправовой легитимности однопартийной диктатуры.

7. Механизм разработки Конституции: с чем связана длительность процесса?

Главная особенность принятия Конституции 1977 г. – длительность ее подготовки, нетипичная для номинального советского конституционализма. Если все предшествующие советские Конституции принимались вскоре после создания Конституционной комиссии, то последняя разрабатывалась в течение 15 лет (1962–1977).

¹⁰⁶Руткевич М.Н. Тенденции развития социальной структуры советского общества. М., 1975; *Он же*. Сближение классов и социальных групп на этапе развитого социализма в СССР. М., 1976.

¹⁰⁷Творческая активность народных масс и развитие социалистической демократии. М., 1972. С. 385.

¹⁰⁸Виттенберг Е.Я. Против буржуазных фальсификаций положения и роли рабочего класса в СССР. М., 1977. С. 64.

Реконструируется три этапа работы над Конституцией – 1969, 1972–1973 и 1977 гг. Решение о выработке новой Конституции было принято ВС СССР еще 25 апреля 1962 г. Конституционная комиссия под председательством Хрущева подготовила итоговый проект в августе–сентябре 1964 г., однако в октябре Хрущев был отстранен от власти, а уже в декабре того же года Комиссию возглавил Брежнев. Новый проект (подготовкой которого руководил А.Н. Яковлев) был готов к 1969 г. Всплеск конституционной активности в этом году нашел отражение в ряде проектов новой Конституции, последовательно появлявшихся в марте¹⁰⁹, апреле¹¹⁰, мае¹¹¹ и июне¹¹² 1969 г. Можно предположить, что эта лихорадочная деятельность была связана с попыткой найти приемлемую альтернативу идеям «социализма с человеческим лицом», выдвинутых в ходе Пражской весны 1968 г. Уже на этом этапе задача разработки «новой» Конституции постепенно уступает место корректировке старой – сталинской Конституции 1936 г. Не случайно итоговый проект носил название «Текст действующей Конституции СССР с предлагаемыми изменениями и дополнениями»¹¹³. Однако Политбюро на этом этапе решило воздержаться от изменения «сталинской» Конституции: выяснилась принципиальная невозможность согласовать «общенародное государство» с советской системой выборов и номинальным характером прав.

Следующий всплеск данной активности относится к началу 1970-х годов. Предполагалось, по-видимому, принять новую Конституцию к символическому юбилею – 50-летию Конституции СССР 1924 г. Как отмечалось на торжественном заседании, посвященном этому событию, «работа над новым текстом Конституции СССР вступает в стадию завершения и, видимо, до следующего съезда партии он будет вынесен на всенародное обсуждение»¹¹⁴. Однако и данный проект, как было показано, был отвергнут сторонниками действующей Конституции прежде всего из-за трудностей в согласовании положений о советах и партии и опасения конституционно закрепить роль последней. Фактически работа над Конституцией полностью остановилась к 1975 г.

Обращение к составу Конституционной комиссии показывает динамику конституционных работ рассматриваемого периода. Формально

¹⁰⁹Вариант проекта новой Конституции СССР от 28 марта 1969 г. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 29 (1969). Л. 4–34.

¹¹⁰Варианты проекта новой Конституции СССР от 4 апреля и от 12 апреля 1969 г. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 29. (1969). Л. 35–80 и Л. 81–169.

¹¹¹Вариант проекта новой конституции СССР от мая месяца 1969 г. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 29 (1969). Л. 170–213 и Д. 30. Л. 1–43.

¹¹²Вариант проекта новой конституции от июня месяца 1969 г. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 30. Л. 44–133.

¹¹³Ф. 7523. Оп. 131. Д. 30 (1969). Л. 170–213.

¹¹⁴Ф. 7523. Оп. 131. Д. 37 (1977). Л. 78–79.

этот состав не изменялся со времени образования Комиссии на сессии ВС СССР шестого созыва (1962) до 1977 г., фактически – претерпел существенные изменения. «Из 96 членов Конституционной комиссии, – констатировал автор записки 1975 г., – в настоящее время 35 не являются депутатами ВС СССР, либо умерли. У 8-ми членов Комиссии существенно изменилось должностное положение. В то же время, в состав Комиссии не входит ряд государственных и общественных деятелей, занимающих должности, ранее представленные в Комиссии». Девять подкомиссий, представивших предложения по соответствующим разделам на заседании Конституционной комиссии в 1964 г., «с тех пор фактически прекратили свою работу»¹¹⁵.

Наряду с этим была сформирована *техническая группа* по подготовке документов для Конституционной комиссии, на которую возлагались «обобщение и анализ материалов, относящихся к истории конституционного строительства в СССР, к конституциям социалистических и других зарубежных стран, составление соответствующих справок, разработка отдельных конституционных проблем, а также подготовка необходимых материалов, в том числе информационных, для Руководства Президиума ВС СССР и Конституционной комиссии». Для решения этих задач Группа получала «помощь соответствующих отделов», право «запрашивать у них необходимые данные», ей передавались «все имеющиеся в отделах материалы прошлых лет, касающиеся работы Конституционной Комиссии», а также право «привлекать к подготовке материалов ученых и специалистов»¹¹⁶. Техническая группа становилась самостоятельным структурным подразделением Аппарата, получала собственное делопроизводство, а в ее распоряжение выделялись специальные работники. В состав группы по подготовке конституционных материалов были включены: П.П. Гуреев (руководитель группы); Н.А. Николаева (секретарь), Ю.А. Агешин, В.К. Григорьев, Э.Л. Кузьмин, Р.И. Кулик, А.И. Лукьянов, Е.Ф. Плескановский, Н.Г. Салищева. «Узловые вопросы Основного закона» были распределены следующим образом: общественное устройство (Лукьянов, Кузьмин); государственное устройство, основные права и обязанности граждан (Кулик, Агешин); система государственных органов и избирательная система (Салищева, Николаева, Григорьев, Плескановский)¹¹⁷. Деятельность группы, иногда под председательством аппаратных чиновников (А.Ф. Горкина), состояла в разработке возможных «схем» Конституции

¹¹⁵Справка: К вопросу о подготовке нового текста Конституции СССР (07.1975). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39 (1973–1975). Л. 40–67.

¹¹⁶Протокол совещания у секретаря Президиума ВС СССР по вопросам организации работы по подготовке материалов для Конституционной комиссии ВС СССР (5.0.1973). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 36. Л. 1–3.

¹¹⁷Там же. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 36. Л. 1–3.

и составлении аналитических справок об основных теоретических и практических проблемах новой Конституции¹¹⁸.

В то же время необходимость новой Конституции продолжала осознаваться бюрократией как ответ на вызов идеологии прав человека и принятие Хельсинского акта. Решение о завершении разработки и принятии Конституции откладывалось до 1977 г., причем до самого последнего момента сохранялась неопределенность со сроками принятия. В справке «К вопросу о подготовке нового текста Конституции СССР» (1977) ситуация представляла так: «В настоящее время продолжается деятельность созданной ВС СССР Конституционной комиссии. Деятельность комиссии сосредоточена сейчас в рабочих группах. Активная работа проводится в ЦК КПСС. Итоги этой большой работы пока не подведены, и она не вышла за пределы Конституционной комиссии. Поэтому сейчас нет еще возможности говорить о конкретном воплощении идей, которые должны быть положены в основу нового текста Конституции СССР»¹¹⁹. И это говорилось через 15 лет после начала работы и создания Конституционной комиссии!

Продолжающиеся дебаты не завершились; противоречивые установки сохранялись вплоть до принятия Конституции 1977 г. Объяснительная записка к проекту 1977 г. констатировала: «При разработке проекта учитывалось, что новая Конституция СССР должна быть документом, имеющим не только государственно-правовое, но также политическое и идеологическое значение. Поэтому наряду со статьями, формулирующими конкретные правовые нормы, в проекте содержатся статьи, в которых выражены основополагающие идейно-политические принципы Советского строя»¹²⁰. В одном из подготовительных вариантов все предложенные поправки разделены на три уровня: красным цветом обведены необходимые поправки, зеленым – желательные поправки, синим – прочие правки. К числу приоритетных отнесены: социальный характер государства, диктатура, развитое социалистическое общество, собственность, эксплуатация, классовые различия – т. е., по существу, все основные понятия. По-прежнему фигурирует положение о социальной основе государства, которую «составляет нерушимый союз рабочих, крестьян и интеллигенции»¹²¹. Противоречия идеологии и правовых норм не удалось снять до самого принятия новой Конституции.

¹¹⁸Справка (Н. Николаева) о совещании 29 марта у тов. Гуреева о сроках подготовки предложений по Конституционным материалам. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 36. Л. 5.

¹¹⁹Ф. 7523. Оп. 131. Д. 37 (1977). Л. 79.

¹²⁰Объяснительная записка к проекту Конституции (Основного закона) СССР. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39 (Предварительные варианты проекта Конституции 1977). Л. 230.

¹²¹Проекты Конституции СССР с замечаниями и внесенными поправками. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 60. Л. 29–59.

Так, на полях одного из заключительных вариантов проекта (1977) по ряду важнейших положений начальственной рукой начертан ряд важных замечаний: 1. «К сожалению, ряд четких, выдержавших проверку временем формул, выброшен. На его месте появились лишь декларативные положения, без которых можно вполне обойтись». 2. К Преамбуле Конституции: «Не найден ключ, в котором должна быть написана преамбула», отмечено, что, это – «несвойственный конституции стиль». 3. К положению статьи о советах как основе политической системы дан комментарий: «Ее главный дефект в противопоставлении (неизбежном) роли советов и партии»¹²². Это объяснялось сохранением неопределенности идеологических установок и нерешительностью бюрократии в вопросе о конституционализации КПСС.

8. Политические реформы в системе социальных ожиданий общества

Для советской практики принятия конституций принципиальное значение имеет мобилизационный аспект. Сам акт принятия Конституции 1977 г. рассматривался как выражение широкой общенародной поддержки режима, а его навязанное «всенародное обсуждение» было значимым инструментом пропаганды и идеологического контроля. В сводном документе – «Сведения о ходе обсуждения проекта Конституции СССР на собраниях коллективов трудящихся, в печати, по радио, телевидению, о замечаниях и предложениях, содержащихся в письмах граждан по состоянию на 30 сентября 1977 г.» – представлена формальная картина этой акции. «Всего по СССР: Проведено собраний – 1 497 760; Присутствовали на этих собраниях – 129 395 168; Выступили по проекту Конституции СССР – 6 375 656; Внесено предложений и замечаний по проекту Конституции СССР – 5 740 346; Поступило писем в советские органы – 28 886; Внесено предложений и замечаний по Проекту Конституции СССР – 17 824; Опубликовано в печати, выступило по радио и телевидению – 339 828; Внесено предложений и замечаний – 219 342; Поступило писем в печать, на радио и телевидение – 57 050; Внесено предложений и замечаний по проекту Конституции – 30 465». Данные сводились в таблицы с нарастающим итогом¹²³. Один перечень дел Группы обобщения предложений и замечаний по проекту Конституции СССР при Секретариате Президиума ВС СССР включал 48 видов доку-

¹²²Предварительные варианты проекта Конституции (1977). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Л. 86, 87, 88.

¹²³Статистические сведения о ходе обсуждения проекта Конституции СССР. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 43. Л. 216–219.

ментов¹²⁴. «Всенародное обсуждение» проекта Конституции имело целью зафиксировать в сознании масс «исторические преимущества новой демократии и жизнеутверждающие начала социалистического строя», осуществить «демонстрацию идейно-политического единства народа, его тесной сплоченности вокруг КПСС»¹²⁵, а сопровождавшая его риторика и подведение итогов, осуществлявшиеся по сталинским лекалам, неизменно вызывали «бурное одобрение», сопровождавшееся благодарными письмами граждан¹²⁶.

Иная картина социальных ожиданий общества предстает из критических (как правило анонимных) писем граждан, собиравшихся и фиксировавшихся закрытыми структурами для принятия политических решений. В них представлена общая критика конституционного проекта за отсутствие новизны по сравнению со сталинской конституцией: «В проекте, — отмечают авторы писем, — записано много хороших статей, но в целом нужно сказать, что ничего нового по сравнению с Конституцией ныне существующей, она не содержит, это просто большой набор общих фраз, никого ни к чему не обязывающих», причем предлагается «отразить огромный вред, причиненный нашей стране культом личности» и «сказать, что государство принимает все меры для ликвидации его последствий и к недопущению его рецидивов»¹²⁷, вообще представлена (особенно в анонимных письмах) критика преступлений Сталина и партбюрократии на фоне экономических трудностей, дефицита, спекуляции и моральной деградации¹²⁸. Психологическая травма сталинского террора явилась мощным фактором когнитивного диссонанса, тем более острого, что режим пытался систематически отрицать его¹²⁹.

Предложения населения в принципе соответствуют тем, которые выдвигались ранее, в связи с «всенародным обсуждением» сталинской Конституции 1936 г. и конституционного проекта Хрущева. Но их примечательной особенностью становится менее риторический характер,

¹²⁴Классификатор дел Группы обобщения предложений и замечаний по проекту Конституции СССР при Секретариате Президиума ВС СССР (1977). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 168. Л. 1–8.

¹²⁵Информация об обсуждении проекта Конституции СССР на сессиях Советов, собраниях трудовых коллективов, в печати, по телевидению и радио, в письмах граждан (1977). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 112. Л. 2.

¹²⁶Обобщенные предложения и замечания к проекту Конституции СССР, представленные Президиумом ВС СССР (1977). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 114. Л. 1–14.

¹²⁷Сводные данные о предложениях и замечаниях к проекту Конституции СССР, содержащиеся в письмах граждан, поступивших в Конституционную комиссию (Сводка № 63) (1977). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 111. Л. 14, 24.

¹²⁸Письма граждан с предложениями к проекту Конституции СССР. Т.Х.Ш – Ю. Анонимные (1964). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 345. Л. 114–186.

¹²⁹*Hochschild A. The Unquiet Ghost: Russians Remember Stalin. California, 1995; Smith K.E. Remembering Stalin's Victims: Popular Memory and the End of the USSR. Ithaca; L., 1996.*

больший прагматизм и внимание к юридической стороне дела. Важным новым направлением критики режима стали требования расширения конституционных прав. Это прежде всего – защита прав верующих: обращения по этому поводу подписаны иногда сотнями подписей. Их авторы ссылаются на «Международный пакт о гражданских и политических правах», принятый СССР, и Заключительный акт в Хельсинки, подписанный Брежневым. Предлагается ввести полноценную «свободу совести», отменить «Законодательство о культах от 8 апреля 1929 г.», которое противоречит указанным актам¹³⁰ и сформулировать ст. 124 так, чтобы «верующие нашей страны имели равные права с неверующими»¹³¹. Другие предложения, констатируя нереализованность основных социальных и политических прав, предлагают включить в Конституцию положения, «закрепляющие право граждан на свободу передвижения по территории страны, а также право свободного выбора места жительства, право свободного выбора национальности, право на нормальную жизненную среду», предлагается отменить колхозы и совхозы и ограничить нетрудовые доходы (спекуляцию), «усилить ответственность граждан, должностных лиц и организаций за выполнение положений Конституции»¹³². Существенное значение приобретает фактор национализма – предложения, с одной стороны, «отменить национальность», а в соответствующей графе писать «гражданин СССР», с другой – предложения о восстановлении автономии (например, немцев Поволжья и других репрессированных национальностей) или защиты коренного русского населения от экспансии других национальностей («азиатов» и «евреев», в рамках предложения «борьбы с сионизмом»)¹³³. Выдвинут ряд новых общеполитических требований – ввести систему плебисцитов, установить выборность всех руководящих работников, расширить понятие «свобода печати» – «установить практику свободных дискуссий в печати»¹³⁴. Отношение к цензуре и свободе распространения информации было двойственным. Если одни полагали, что «нет необходимости оговаривать свободу слова в Конституции общества, идущего в Коммунизм», то другие выдвигали требование расширения гласности: «В частности, мы даже не знали, за что вывели из состава Политбюро ЦК КПСС Подгорного Н.В., мы не знаем положения дел в Албании,

¹³⁰Переписка с гражданами по проекту Конституции СССР (январь – декабрь 1977 г.). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 368. Л. 125.

¹³¹Справки о предложениях граждан к проекту Конституции СССР, представленные в Президиум ВС СССР (1977). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 63. Л. 7.

¹³²Результаты анализа предложений и замечаний к проекту Конституции СССР, содержащихся в письмах граждан в Конституционную комиссию. Записка подгруппы информации (1977). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 166. Л. 5–7.

¹³³Письма граждан с предложениями к проекту Конституции СССР. Т.Х.Ш – Ю. Анонимные (1964). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 345. Л. 130.

¹³⁴Там же. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 345. Л. 103.

долго не знали положения дел в Китае при Мао и после него и т. д. В общем, в СССР нет широкой информации...»¹³⁵

Особое раздражение населения вызывала избирательная система, которая определялась как «не свободная, не демократическая»: «До сих пор кандидатов в депутаты назначают свыше, а в низах, как играют детишки, берут какие-то листки и их бросают в урну, и это называется свободные выборы. Выдвижение кандидатов в любые органы власти должно происходить по принципу жеребьевки и не менее троих!» Констатировалось стремление начальства мелочно «контролировать волеизъявление избирателей». Отвергались официальные объяснения этой ситуации: «Как-то сказали, что раз партия одна, то и кандидат один. А разве нельзя выдвинуть нескольких, из числа которых будет избран лучший?»¹³⁶ Население прекрасно понимало имитационный характер советской системы: «Поправка о предоставлении ЦК КПСС права законодательной инициативы, — с горечью отмечал анонимный автор, — наверно, правильна, ибо практически роль Советов сведена на нет. Ни одного вопроса даже мизерного Советы не решают, не спросив согласия парторганов. Если провозгласить демократию, значит предоставить Советам большую самостоятельность, освободить их от мелочной опеки партии»¹³⁷.

Эти умозаключения приводили критиков к отрицанию однопартийного режима: «Пока у нас будет одна партия, — писал один из них, — то как бы она себя ни называла, какие бы прекрасные и высокие цели она ни ставила, как бы она ни старалась, нормально общество развиваться не будет... Именно эта партия будет фактически хозяином в стране. Вернее даже не вся партия, а ее руководство. Народ же будет лишен власти и будет играть роль пассивного слушателя и нерадивого исполнителя». Приводя в качестве аргументов сравнения СССР с маоистским Китаем и Испанией, именно в это время выходящей из диктатуры (классическая договорная модель перехода к демократии, реализованная в 1974–1978 гг.), он видел решение в демократизации системы путем передачи власти советам. Другие указывали на советский исторический опыт: «Не одобряю я, — заявлял один из них — концепцию права на власть у одного лица. Все это прошлый, не оправдавший себя путь, стоивший советским людям десятки миллионов жизней, не соответствует социалистическим целям, опасный на будущее стране, т. к. подрывает ее авторитет и сковывает инициативу трудящихся»¹³⁸.

¹³⁵Информации и сводные данные о предложениях и замечаниях к проекту Конституции СССР (1977). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 64. Л. 189–190.

¹³⁶Сводные данные о предложениях и замечаниях к проекту Конституции СССР, содержащиеся в письмах граждан, поступивших в Конституционную комиссию (Сводка № 63-п) (1977). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 111. Л. 168–170.

¹³⁷Там же. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 111. Л. 174.

¹³⁸Там же. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 111. Л. 42 и 32.

Критика нравов партийной элиты включала обвинения в появлении новой касты, нарушении принципа равенства в распределении доходов, существовании несправедливых привилегий (закрытых магазинов, поликлиник, угодий для охоты, непомерных земельных участков и проч.) и требования их отмены во имя возврата к «коммунистическим принципам» и «ленинским нормам». «А как же, – недоумевали авторы писем, – с равенством советских людей? И как понимать при таких порядках “общенародное государство” и развитой социализм?»¹³⁹ Констатируя, что партийное руководство перенимает чуждые ритуалы классовых врагов, критики предлагали партийцам «придерживаться своих, коммунистических, этических норм, основанных на ленинской скромности, простоте, человечности, деловитости», и заявляли, что «руководство государством не должно долго находиться на своих должностях». На высших должностях (включая Генсека ЦК КПСС) предлагалось находиться не более пяти лет¹⁴⁰ и ввести возрастное ограничение для пребывания на руководящих должностях (65 лет)¹⁴¹.

В отношении включения в Конституцию принципа руководящей роли партии мнения разделились. Одни воспринимали его как сугубо негативное явление: «Ст. 6 вообще беспартийные массы лишает всего... – б/п не имеет права занимать какую-нибудь руководящую должность не только в советских и государственных органах, но и хозяйствах». Другие, возможно не без иронии, напротив, предлагали «права и власть членов Политбюро ЦК КПСС в Конституции СССР закрепить законодательно», выдвигая идею соединения должностей Генсека и Президента СССР¹⁴². Эта идея была реализована Брежневым в соединении постов Генерального секретаря и Председателя Президиума ВС СССР в 1977 г., что официально интерпретировалось как признание возрастающей роли партии в государстве.

Все эти мнения представляют систему противоречивых общественных ожиданий – это голос простого народа, отражающий актуальность темы справедливости и общее недовольство однопартийной диктатурой. Недоверие к партии выражалось в том, что большая часть критических рекомендаций представлена в анонимной форме, очевидно, из-за опасения репрессий. Конечно, настоящие интеллигенты вообще не писали писем, прекрасно представляя механизм работы репрессивно-бюрократической системы и иллюзорность подобных ожиданий.

¹³⁹Сводные данные о предложениях и замечаниях к проекту Конституции СССР, содержащиеся в письмах граждан, поступивших в Конституционную комиссию (Сводка № 63-п). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 111. Л. 49–51 и 104.

¹⁴⁰Там же. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 111. Л. 7, 12.

¹⁴¹Информации и сводные данные о предложениях и замечаниях к проекту Конституции СССР (1977). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 64. Л. 206.

¹⁴²Там же. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 64. Л. 55 и 157–158.

9. Существо дилеммы: следует ли конституционализировать роль партии?

Появление в Конституции 1977 г. формулы о руководящей роли партии выражало несколько тенденций позднего советского политического режима. Во-первых, стремления укрепить однопартийную систему, столкнувшуюся с вызовами глобализации, прав человека и требованиями национального самоопределения; во-вторых, придать этой репрессивно-бюрократической системе видимость конституционных гарантий во избежание использования неопределенности норм (о соотношении советов и партии) ее оппонентами (что ранее было не нужно в условиях тотального террора); в-третьих, усилить выветривающуюся идеологию новым моральным импульсом «в соответствии с нравственными принципами, включаемыми Программой КПСС в Моральный кодекс строителя коммунизма»¹⁴³.

Сама формулировка проблемы конституционализации партии осознавалась разработчиками как поворотный пункт в развитии советского номинального конституционализма. «Вопрос о форме конституционного закрепления руководящей роли КПСС в нашем государстве в рамках внесенных изменений и поправок в действующую Конституцию, – констатировали разработчики, – является весьма сложным». Данная статья, наряду с другими декларативными положениями (о задачах внешнеполитической деятельности), вызывала сомнение, поскольку ее нормы «имеют программный характер и вряд ли нуждаются в юридическом закреплении». Если переместить КПСС в гл. 1, то что делать с другими элементами политической системы и общественными организациями? Кроме того, данная статья «по существу законодательно закрепляет положение Устава партии, что ничем не оправдано с точки зрения соотношения норм партийных и государственных»¹⁴⁴. Конституционализация КПСС, констатировали они, «придаст всему документу иное качество, превращая его по существу в новую Конституцию», а потому «настоящая проблема едва ли может быть решена в рамках действующей Конституции»¹⁴⁵.

Вопреки распространенным представлениям принцип руководящей роли партии не сразу стал очевидным приоритетом разработчи-

¹⁴³Предложения руководителя кафедры теории государства и права АОН при ЦК КПСС Д.А. Керимова к проекту новой Конституции (31 июля 1972 г.). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 38. Л. 189–190.

¹⁴⁴Сравнительный текст действующей Конституции СССР и предложенных к ней изменений и поправок, а также предложения по этим изменениям и поправкам. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 34. Л. 5–6.

¹⁴⁵Сравнительный текст действующей Конституции СССР и предлагаемых к ней изменений и поправок с замечаниями к ним (07.1972). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 35. Л. 9.

ков. Против конституционализации КПСС выдвигались, во-первых, весомые теоретические аргументы: «не все общественные отношения могут быть предметом юридического регулирования, принятием закона, каковым безусловно является Конституция», а «попытка “засунуть” едва ли не все политические отношения в правовую форму является, мягко говоря, недоразумением». Во-вторых, политические аргументы: руководящая роль КПСС «сложилась объективно и составляет непреходящий социально-исторический факт нашей действительности, нашей демократии, она не зависит от государственного регулирования», а введение положений о партиях в конституциях других социалистических и развивающихся стран – вело к огосударствлению правящих партий и утрате ими моральных рычагов воздействия. В-третьих, исторические аргументы: руководящая роль КПСС есть не право, а «исторический факт». Этот факт не может регулироваться юридически: партия пришла к власти с разрушением права (в результате революции), ее роль может изменяться вне права, а все предшествующие попытки регулировать эту роль были неудачны. Подозрительным объявлялся отказ нового проекта от этих начал преэминентности в решении вопросов соотношения советов и партии: «Дело не только в том, что он стыдливо, лишь в преамбуле, упоминает о диктатуре пролетариата, что он отказывается от освещенных временем многих формулировок Конституции, прочно вошедших в политическую жизнь народа. Вводя в закон некоторые новые понятия, проект как бы берет под сомнение политические формы, в которых десятилетиями протекала эта жизнь»¹⁴⁶. Данная логика приводила к негативному выводу: «Возникает вопрос о том, следует ли вообще в Основном законе закреплять политическую систему организации общества, придавать ей юридический, т.е. государственно-обязательный характер? Надо ли “огосударствлять” отношения между общественными организациями, закреплять в порядке государственного регулирования положение КПСС, профсоюзов, ВЛКСМ, других общественных организаций? Думается, что данные общественные отношения не должны регулироваться юридически»¹⁴⁷. Консерваторы выступали за сохранение в неизменном виде соответствующих положений Конституции 1936 г. и предлагали отложить вопрос о конституционализации партии на неопределенное время: «мы ведь не собираемся определять дату превращения СССР в общенародное государство, конкретный момент, когда государство диктатуры пролетариата исчерпало свои задачи»¹⁴⁸.

¹⁴⁶К вопросу о подготовке нового текста Конституции СССР. Справка (07.1975). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Л. 40–67.

¹⁴⁷Там же. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Л. 53–54.

¹⁴⁸Там же. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Л. 63.

Аргументы в пользу конституционализации КПСС определялись общими доктринальными установками о переходе к «общенародному государству»; стремлением сохранить однопартийный режим и преодолеть юридическую неопределенность положения партии, которая в новой ситуации начинала рассматриваться как основной недостаток сталинской Конституции¹⁴⁹. Чрезвычайно общая формула о партии как разновидности общественных организаций (ст. 126 Конституции 1936 г.) воспринималась как угроза стабильности политической системы в условиях растущей оппозиции. Эта статья, подчеркивал один из разработчиков (П. Гуреев), «может быть использована отдельными враждебными элементами для обоснования их права создавать любые партии и общественные организации». Он предлагал поэтому новую интерпретацию смысла ст. 126, которая «является правовой основой существования в СССР только одной партии» и «не допускает объединения граждан в какие-либо иные партии, кроме коммунистической»¹⁵⁰. Доминирующий мотив конституционализации КПСС был, следовательно, охранительным.

На всех этапах разработчики сталкивались с проблемой правовых последствий юридического определения КПСС. Если партия выступает как общественная организация, то каков должен быть круг ее прав и обязанностей, каковы их пределы и ограничения, наконец, какими могут быть юридические последствия их неадекватного исполнения? Должна ли КПСС как правящая партия соблюдать конституционные нормы и если да, то каковы юридические санкции за несоблюдение? Разработчикам была ясна неопределенность понятия «ядра политической системы» и невозможность прямой постановки вопроса о юридическом ограничении партии. «Много суждений, – говорит Бовин, – было вокруг ст. 6 (партия – наш рулевой). Было много предложений подчеркнуть, что все свои решения по вопросам государственной жизни партия, действуя в рамках Конституции, проводит через Советы и другие органы государства. Но ограничились фразой: “Все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР”¹⁵¹». В качестве паллиатива предлагалось ввести в Конституцию указание на обязанность государственных органов (а не партии) и должностных лиц соблюдать Конституцию. Но и это предложение было отвергнуто: «Нуждается ли, – спрашивали оппоненты, – Основной закон в такой поправке? Общеизвестно, что неуклонное соблюдение Конституции и советских Законов является безусловной обязанностью всех должностных лиц, предприятий, учреждений и ор-

¹⁴⁹Предварительный вариант проекта Конституции СССР (1977). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 37. Л. 171–212.

¹⁵⁰Замечания по проекту (П. Гуреев) (1977). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 37. Л. 214.

¹⁵¹Бовин А. XX век как жизнь. Воспоминания. М., 2003. С. 352–353.

ганизаций»¹⁵². Новизна ст. 6 в официальной комментарии к Конституции, написанном ее разработчиками, усматривалась именно в том, что она «юридически закрепляет реальный факт осуществления КПСС руководящей и направляющей роли в нашем обществе, причем делает это в прямой форме, при характеристике его политической системы». Констатация очевидного противоречия этой нормы со ст. 2 (о всевластии народа) не получила доктринального решения и объявлялась «умышленным искажением действительности»¹⁵³.

10. Юридическое определение идеократии: возникновение и историческое значение ст. 6

Поиск определения партии прошел несколько этапов, связанных с преодолением этих идеологических трудностей. Отправной точкой служило положение Конституции 1936 г., определявшей КПСС как «передовой отряд трудящихся в их борьбе за построение коммунистического общества» и, одновременно, «руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных» (ст. 126). Проект 1964 г., исходящий из идеи перерастания диктатуры в «коммунистическое общественное самоуправление», подчеркивал «рационально-правовой» характер доминирования партии: «вооруженная марксистско-ленинской теорией, знанием законов развития общества», она «придает организованно-планомерный, научно обоснованный характер борьбе народа за построение коммунизма, составляет руководящее ядро всех государственных и общественных организаций и в рамках Конституции СССР направляет их деятельность»¹⁵⁴. Проект 1969 г. отражает раставрационную тенденцию – «в основном воспроизводит норму ст. 126 действующей Конституции и учитывает соответствующие положения Устава КПСС». В нем представлена трактовка партии как мобилизационного института – общественной силы, интегрирующей основные социальные группы для достижения установочных целей: модернизация сталинской формулы состояла в указании на «добровольные начала» этого объединения и расширении понятия «наиболее активных и сознательных граждан» включением в них (наряду с рабочими и крестьянами) интеллигенции. Однако в этой формулировке партия оказывалась конкурентом государства, которое определялось как «главное орудие построения коммунизма»; «выразитель суверенитета советского народа». согласо-

¹⁵²Сравнительный текст действующей Конституции СССР и предлагаемых к ней изменений и поправок с замечаниями к ним (07.1972). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 35. Л. 8–9.

¹⁵³Конституция СССР. Политико-правовой комментарий / Под ред. Б.Н. Пономарева. М., 1982. С. 35–36.

¹⁵⁴Проект Конституции. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 36. Л. 33.

вать эти противоречия была призвана ретроспективная (историческая) легитимация КПСС, руководящая роль которой принималась как «проверенная и подтвержденная историческим опытом страны и развитием социалистического общества»¹⁵⁵. В проектах 1970-х годов намечается синтез предшествующих формулировок: фиксируется расширение социальной базы партии, которая предстает «авангардом всего советского народа»; включена новая трактовка советов как «основы политической системы» (а не просто государства) и партии как «руководящего ядра всех государственных и общественных организаций»¹⁵⁶; дано обоснование абсолютности руководства партии, которая не только «вырабатывает научно обоснованный курс внутренней и внешней политики СССР», но и направляет деятельность народа, придавая «организационный и планомерный характер его борьбе за построение коммунизма»¹⁵⁷.

Окончательная формула, закрепленная в ст. 6 Конституции 1977 г., отразив результаты этих дискуссий, давала компромиссное решение проблемы. Она, во-первых, ставила КПСС в центр политической системы, передвигая место соответствующей статьи с периферийного на основополагающее – включением ее в первый раздел об основах общественного строя и политики СССР; во-вторых, включала квазиправовое определение партии – давала его не в четких юридических, но скорее метафизических и политических понятиях – как «руководящую и направляющую силу советского общества, ядро его политической системы, государственных и общественных организаций». В-третьих, подчеркивала монополию партии на политическую власть и неоспоримость ее господства: она выступает в качестве выразителя воли всего народа, а не отдельных групп – в качестве «ядра», но не «авангарда», как это предполагалось закрепить ранее. Все государственные институты, следовательно, выступают как эманация этой неограниченной политической воли. В-четвертых, давала обоснование этих претензий на власть, легитимация которых заставляет вспомнить теологические (идеократические) формулы прошлого, поскольку носит скорее сакральный, нежели рациональный характер (марксистско-ленинское учение), но не исторический характер (в силу нелегитимного прихода к власти). Легитимирующая формула включала функциональные аргументы, фактически отождествляющие задачи государства и партии, которая «определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятель-

¹⁵⁵Структура проекта новой Конституции СССР, направленная работникам аппарата (13 апреля). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 36. Л. 10–25.

¹⁵⁶Предложения по предварительному варианту проекта Конституции (29.04. 1977). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 40. Л. 8–9, 24.

¹⁵⁷Предварительные варианты проекта Конституции (1977). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Л. 87–88.

ностью советского народа», и целеполагающие аргументы, в соответствии с которыми партия «придает планомерный, научно-организованный характер его борьбе за победу коммунизма». В-пятых, эта формула избегает постановки вопроса о конституционности действий партии: признавая в общей форме, что партия «существует для народа и служит народу», она не допускает постановку вопроса о конституционной ответственности для партии в целом, но только для отдельных партийных организаций, которые «действуют в рамках Конституции СССР»¹⁵⁸.

Несмотря на одиозность ст. 6, интерпретируемой обычно как реакционный ответ бюрократии на кризис советской политической системы, ее значение выходит за рамки этой однозначной оценки. Значение формулы о партии проясняется при сопоставлении с предшествующими и последующими формулами верховной власти в истории России. В досоветской истории аналогом выступает концепция самодержавной власти, представленная в Своде законов Российской империи на завершающем этапе ее существования¹⁵⁹. Императору принадлежит «верховная самодержавная власть», не поддающаяся какому-либо юридическому определению и контролю; ее легитимация имеет теократический характер – «повиноваться власти его, не только за страх, но и за совесть, сам Бог повелевает». Самодержец осуществляет законодательную власть и власть управления «во всем ее объеме» либо непосредственно (верховное управление), либо делегируя ее на нижестоящий уровень – «подлежащим местам и лицам, действующим его именем и по его повелениям». Различие двух формул заключается в том, что российский император, в отличие от КПСС, по Основным законам 1906 г. вынужден был делить законодательную власть с Государственным Советом и Государственной думой, в то время как партия – нет. Трансформация однопартийной диктатуры, связанная с отменой 6-й статьи Конституции 1977 г. внеочередным Третьим съездом народных депутатов (1990), привела к созданию поста Президента СССР, которым был избран М. Горбачев, сохранивший по решению Съезда на переходный период также пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Прерогативы Президента СССР по определению основных направлений внутренней и внешней политики, его полномочия в области законодательной и исполнительной власти, использования указного права, а также введения военного и чрезвычайного положения оказались близки к монархическим. В современной российской Конституции сходные атрибуты власти представлены институтом Президента РФ, выступающим не только гла-

¹⁵⁸Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977. С. 8.

¹⁵⁹Свод Основных государственных законов в новой редакции от 23 апреля 1906 г. Свод законов Российской империи. 1906. Т. 1. Ч. 1.

вой государства, но и «гарантом Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина» (ст. 80). Его властные прерогативы, охватывающие определение основных направлений внутренней и внешней политики, простирающиеся далеко за жесткие рамки разделения властей, оказались настолько обширны, что позволяют определить данную систему как «латентную монархию» и «режим личной власти»¹⁶⁰. Это позволяет реконструировать историческую преемственность таких форм правления как дуалистическая монархия, однопартийная диктатура и президентская республика, общим элементом которых является тенденция к мнимому конституционализму.

11. Принятие Основного закона «развитого социализма»: сценарий, распределение ролей и исполнители

После решения главного вопроса (о конституционализации КПСС) принятие Конституции стало делом техники. Поскольку Конституцию стремились принять к новой символической дате – 60-летию Октябрьской революции – вопрос был окончательно решен волюнтаристским путем. Об этом сообщает референт Брежнева Бовин. На состоявшейся в Кремле 11 марта 1977 г. встрече разработчиков с Брежневым «впервые он четко поставил вопрос о Конституции. Кончать надо тягомотину. Подготовить и опубликовать проект. Провести всенародное обсуждение. И вынести на сессию Верховного Совета»¹⁶¹.

Принятие данного решения требовало реанимации Конституционной комиссии, создания итогового проекта Конституции и его проведения через формальные советские институты. Существенные изменения – фактически образование новой Комиссии – относятся непосредственно к моменту принятия Конституции 1977 г. Они были осуществлены путем принятия Указа ВС СССР о «пополнении» состава Комиссии – избрания новых членов вместо тех, которые выбыли из ее состава, не являются депутатами ВС СССР девятого созыва, либо не могут выполнять свои обязанности по иным причинам¹⁶². Данный метод позволял решить сразу несколько проблем – легитимировать новую Комиссию как продолжение старой, интегрировать в нее вполне лояльных лиц и добиться автоматического принятия Конституции без ее содержательного обсуждения.

Состав Комиссии на 1977 г. с внесенными изменениями включал членов Политбюро и ЦК КПСС, других представителей номенкла-

¹⁶⁰Основы конституционного строя России: двадцать лет развития. М., 2013.

¹⁶¹Бовин А. XX век как жизнь. Воспоминания. М., 2003. С. 346.

¹⁶²Указ Президиума ВС СССР о пополнении состава Конституционной комиссии (от 29. 04.77). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 62 (1977). Л. 1–5.

туры, представителей «общественных» союзов и «творческой» интеллигенции, а также неотъемлемого элемента советских собраний – «передовиков производства». К моменту принятия Конституции в Комиссию входили: Председатель – Л.И. Брежнев. Члены: **А.П. Александров**, **Г.А. Алиев**, **В.А. Амбарцумян**, Ю.В. Андропов, Н.К. Байбаков, И.И. Бодюл, **А.Ф. Ватченко**, А.Э. Восс, **А.Г. Гапуров**, В.Ф. Гарбузов, М.П. Георгадзе, А.В. Гиталов, В.В. Гришин, **П.П. Гришкявичус**, А.А. Громыко, П.И. Демичев, **В.И. Долгих**, В.П. Елютин, А.А. Епишев, М.В. Зимянин, **М.С. Иванникова**, К.Ф. Ильяшенко, В.М. Кавун, И.В. Капитонов, К.Ф. Катушев, М.В. Келдыш, А.П. Кириленко, А.М. Клычев, В.И. Конотоп, А.Н. Косыгин, Ф.Д. Кулаков, Т. Кулатов, Д.А. Кунаев, И.Г. Кэбин, М.А. Лаврентьев, К.Т. Мазуров, **Н.М. Матчанов**, П.М. Машеров, **В.В. Николаева-Терешкова**, С.Б. Ниязбеков, З.Н. Нуриев, А.Я. Пельше, Н.В. Подгорный, **И.Е. Поляков**, Б.Н. Пономарев, З.П. Пухова, Д. Расулов, Ш.Р. Рашидов, **Г.В. Романов**, **В.П. Рубен**, Р.А. Руденко, **Я.П. Рябов**, Г.Ф. Сизов, **Л.Н. Смирнов**, М.С. Соломенцев, М.А. Суслов, Ф.А. Табеев, **В.И. Теребилов**, В.Н. Титов, Л.Н. Толкунов, **Е.М. Тяжельников**, Д.Ф. Устинов, Т.У. Усубалиев, К.А. Федин, П.Н. Федосеев, М. Холов, **К.У. Черненко**, **Э.А. Шеварднадзе**, **А.И. Шibaев**, **А.П. Шитиков**, М.А. Шолохов, В.В. Щербицкий, М.А. Яснов (Выделены фамилии депутатов, включенных в состав членов Комиссии Указом Президиума ВС в 1977 г.)¹⁶³. Утверждение состава Комиссии было проведено Постановлением ВС СССР от 17.07.77 за подписью Брежнева в качестве Председателя Президиума ВС СССР и секретаря Президиума М. Георгадзе¹⁶⁴. Это означало ограничение социального контроля, бюрократизацию и фаворитизм как доминирующие методы формирования Комиссии.

На заседании Конституционной комиссии ВС СССР от 23 мая 1977 г. было решено: 1. По докладу Брежнева – одобрить проект Конституции СССР. 2. Внести на рассмотрение Президиума ВС СССР предложение опубликовать проект Конституции СССР для всенародного обсуждения. 3. Утвердить редакционную комиссию в следующем составе: Д.Ф. Устинов, В.В. Щербицкий, Г.А. Алиев, П.Н. Демичев, П.М. Машеров, Б.Н. Пономарев, Ш.Р. Рашидов, М.С. Соломенцев, И.В. Капитонов, В.И. Долгих, К.Ф. Катушев, М.В. Зимянин, К.У. Черненко, Я.П. Рябов, В.Г. Афанасьев, А.Е. Бовин, А.Н. Смирнов, В.И. Теребилов, П.Н. Федосеев. 4. Утвердить состав секретариата Конституционной комиссии в составе: Б.Н. Пономарев, И.В. Капитонов,

¹⁶³Состав Конституционной комиссии (с внесенными изменениями) (1977). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 62 (1977). Л. 3–4.

¹⁶⁴О пополнении состава Конституционной комиссии. Постановление ВС СССР об утверждении Указа Президиума ВС СССР (17.07. 77). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 62 (1977). Л. 6.

М.В. Зимянин, К.У. Черненко, В.Г. Афанасьев, Г.Л. Смирнов, М.П. Георгадзе, В.И. Теребилов, А.Е. Бовин, В.Н. Кудрявцев, В.К. Собакин, Г.Х. Шахназаров, А.И. Лукьянов. 5. Поручить Редакционной подкомиссии и Секретариату Конституционной комиссии обеспечить обобщение и рассмотрение замечаний и поправок, поступивших в ходе всенародного обсуждения и в сентябре 1977 г. представить в Конституционную комиссию предложения по итогам обсуждения проекта Конституции. По результатам этой работы был подготовлен итоговый текст проекта Конституции¹⁶⁵ и составлена объяснительная записка к нему¹⁶⁶. Председатель Конституционной комиссии Брежнев практически не участвовал в работе над текстом, вполне устранившись от нее, как это было и ранее – в период подготовки конституционного проекта 1964 г. в возглавлявшейся им подкомиссии. В его дневнике эта тема фигурирует как третьестепенная между сведениями об охоте на гусей и решением бытовых проблем. 3 июня 1977 г. он сделал следующую афористическую запись: «Говорил с Подгорным о футболе и хоккее и немного о конституции». Фамилия Председателя Президиума ВС СССР Н.В. Подгорного написана Брежневым с маленькой буквы, возможно, как выражение недоверия и презрения к конкуренту в борьбе за власть и в преддверии его отстранения, которое произошло именно в это время. Результатом конфликта стало совмещение Брежневым двух высших постов – партийного и государственного, выражавшее тенденции к конституционализации партии, бюрократизации режима и концентрации полномочий главы государства.

На завершающем этапе подготовки Конституции (1977) была сформирована Рабочая группа, ядро которой составляли консервативные представители номенклатуры во главе с Пономаревым (Капитонов, Зимянин и Черненко), лояльные юристы (В.Н. Кудрявцев – директор Института государства и права АН СССР и И.С. Самощенко – директор ВНИИ советского законодательства) и аппаратчики (Лукьянов – консультант Отдела организационно-партийной работы, В.К. Собакин – консультант Международного отдела, Бовин – партийный журналист). Работа группы, проходившая то на даче Сталина в Волынском, то в Ново-Огарево, то в Серебряном Бору и – сопровождавшаяся застольями в духе партийных мероприятий – получила противоречивые оценки участников. Одни из них впоследствии доказывали, что «видели чудовищный разрыв между Конституцией и жизнью», но были «воодушевлены возможностью хотя бы на бумаге создать образцовую демократию» и верили, что «создание безусловно прогрессивного Основного закона» «может сыграть немаловажную роль, когда возьмется

¹⁶⁵Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Л. 86–128.

¹⁶⁶Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Л. 229–247.

за реформы»¹⁶⁷. Другие признавали, что просто выполняли социальный заказ Политбюро, не строя иллюзий: «Ни разу, ни в какой инстанции проект Конституции серьезно не обсуждался в принятом смысле этого слова. То есть, не было коллективных дискуссий с сопоставлением мнений и аргументов. Может быть, боялись расхождений, открытого столкновения мнений? Каждый что-то чертил на своем экземпляре и возвращал его нам. Руководящие замечания (а их мы получили около тысячи от 63 кандидатов и членов), как правило, не расширяли демократические нормы жизни»¹⁶⁸. Некоторые разработчики вообще не скрывали своих реакционных устремлений. Так, Лукьянов – этот непреременный участник всех конституционных работ позднего СССР, – дипломатично определялся Бовиным как «странный сталинист»: «В конкретных конституционных спорах он всегда выступал за демократический вариант. Но в более широком, социальном плане он, видимо, защищал социализм не обязательно с человеческим лицом»¹⁶⁹. В этой ситуации обсуждение проектов Конституции неизбежно заканчивалось негативной селекцией – устраниением каких-либо новых положений.

Завершающее заседание Конституционной комиссии ВС СССР (по итогам ее работы) от 27 сентября 1977 г. продемонстрировало полное единство мнений в отношении проекта Конституции. Доклад председателя Комиссии Брежнева об итогах ее работы выявил общие консервативные устремления советской бюрократии. «Как вы можете судить, – констатировал он, – изменения не затрагивают основных, принципиальных положений проекта Конституции. Большинство поправок имеют характер уточнений и дополнений, редакционной правки текста». В качестве неприемлемых положений были названы как раз те, которые были направлены на модификацию социально-политической системы: введение одинаковой для всех зарплаты; упразднение советских национальностей; увеличение срока полномочий местных советов до пяти лет; смешение функций партийных и советских органов¹⁷⁰. «Работая над проектом, – подчеркивал Брежнев, – мы прочно стояли на почве преемственности»¹⁷¹.

Участники этого парадного обсуждения усматривали значение проведенного обсуждения проекта в его мобилизационно-пропагандистском характере – невиданном демократизме, когда «весь народ широко, по-деловому обсуждал практически неограниченный круг

¹⁶⁷Шахназаров Г. С вожжами и без них. М., 2001. С. 326.

¹⁶⁸Бовин А. Указ. соч. С. 351

¹⁶⁹Там же. С. 347.

¹⁷⁰Стенограмма заседания Конституционной комиссии 27 сентября 1977 г. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 61. Л. 6–11.

¹⁷¹Брежнев Л.И. О Конституции СССР. М., 1977. С. 4.

проблем общественной и государственной жизни, высказывал свои предложения и критические замечания» (Б. Пономарев); в сохранении основ существующей системы, закрепляющей «необходимость в государственном руководстве обществом со стороны рабочего класса» (вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев); соответствии положений проекта «самым сокровенным думам и устремлениям советских людей» (ткачиха М.С. Иванникова); обобщении опыта «плановой и научно обоснованной деятельности партии и народа, их самоотверженной борьбы за победу коммунизма» (председатель Исполкома Винницкого областного Совета депутатов трудящихся В.М. Кавун); расширении «демократических основ и важнейших гарантий справедливости советского правосудия» и закреплении «ряда ленинских принципов судостроительства и судопроизводства в качестве конституционных норм» (председатель Верховного суда СССР Л.Н. Смирнов). Это обсуждение, несомненно, способствовало укреплению культа личности самого Брежнева. В качестве председателя Конституционной комиссии Брежнев, не принимавший реального участия в составлении проекта, – объявлялся подлинным создателем Конституции – этого «величественного памятника обществу развитого социализма, настоящей декларации реальных прав человека XX столетия», который «вложил в каждую строку Проекта» «всю силу своего неутомимого творческого ума, громадный политический опыт, свою государственную мудрость и теплоту сердца большевика-ленинца», и рассматривался участниками как «выдающийся политический деятель современности»¹⁷². Иная оценка давалась в то же время критиками системы: «Миллионы советских людей, – считал один из них, – думают, что Брежнев маразматик и что проводимая его именем внешняя и внутренняя политика обрекает население страны на страдания и толкает мир к катастрофе. А что толку? Это думание не превращается в общественное мнение, ибо оно не влияет на поведение власти»¹⁷³.

Далее события развивались по заведенному сценарию принятия советских Конституций. В результате «обсуждения» было постановлено одобрить проект Конституции, внести его на рассмотрение Президиума ВС СССР для последующего внесения на рассмотрение внеочередной 7-й сессии ВС СССР девятого созыва¹⁷⁴. Проект, подготовленный Конституционной комиссией ВС СССР под председательством Брежнева, был в основном одобрен майским (1977) Пленумом ЦК КПСС и Пре-

¹⁷²Стенограмма заседания Конституционной комиссии 27 сентября 1977 г. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 61. Л. 22–35.

¹⁷³Зиновьев А. Коммунизм как реальность. М., 2003. С. 237.

¹⁷⁴Об итогах работы Конституционной комиссии. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 61. Л. 6.

зидиумом ВС СССР, 2 июня текст проекта был одобрен Политбюро, 4 июня – опубликован для всенародного обсуждения, а уже в октябре 1977 г. была принята Конституция «развитого социализма»¹⁷⁵.

12. Конституция 1977 г. как символ правления номенклатуры

Исчерпание мобилизационного потенциала коммунистического мифа и революционной харизмы советского режима на завершающей стадии его существования стало следствием процессов глобализации, информационного обмена и распространения идеологии прав человека, мощно заявивших о себе в последней трети XX в. Попытка реанимации коммунизма в виде правовой фикции, предпринятая в период «оттепели», быстро выявила его непригодность как основы конституционного конструирования (с этим был связан отказ от принятия проекта Конституции 1964 г.). «Моральный кодекс коммунизма» не выдержал трансформации общественного сознания – перехода от параноидальной сталинской культуры к гедонистической культуре общества потребления с его индивидуализмом и приоритетом личных прав.

Само понятие «конституционности» теряло смысл в условиях тотальной интеграции партии и государства, делавшей их практически одним целым. Начавшись с умеренной и осторожной критики сталинской Конституции 1936 г., три волны конституционной активности (1969, 1972 и 1977), описав круг, закончились ее фактической реставрацией. Разработчики проектов – партийные юристы – действовали так, будто бы действительно стремились создать юридический документ. Но их метод может быть определен скорее как «магический реализм» – стройное логическое построение иерархии юридических норм, выводимых из недоказуемых и принимаемых на веру принципов коммунистического мировоззрения. Идеологические фантазии и юридические химеры оказались неспособны преодолеть реальность идеократии (своеобразной версии светской теократии) и однопартийной диктатуры. Понятия, язык и семантика новой Конституции соответствовали архаичным стереотипам «классовой борьбы». Отсюда – правомерность недоумения иностранных и российских наблюдателей по поводу того, чем, собственно, новая Конституция принципиально отличается от старой и не представляет ли она ухудшенную (в смысле большей демагогии) редакцию Конституции 1936 г.? Такое различие, однако, существовало и выра-

¹⁷⁵Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977

жалось в конституционном закреплении метафизической формулы о руководящей роли партии.

Поддержание стабильности позднего советского политическо-го режима настоятельно требовало рутинизации харизмы и модернизации идеологии – поиска адекватных когнитивных установок, рационализации институтов, правовой легитимации режима и обеспечения преемственности власти и правил ее передачи. Неопределенность этих правил, ставшая очевидной в ходе критики культа личности и свержения Хрущева, дезориентировала элиту и таила опасность новой тирании. Это определило направления разработки теоретических основ советского конституционализма в период Брежнева – воспроизводство эвфемизмов «общенародного государства», «расширения социалистической демократии» и «социалистической законности» как возврат к «ленинским нормам»; систематичность этих усилий (десятки «схем» новой Конституции), смену политических установок рассматриваемого периода и поиск новой легитимирующей формулы власти. В этих рамках проходила деятельность Конституционной комиссии, завершившаяся только через 15 лет после ее создания принятием Конституции «развитого социализма» 1977 г.

Основная причина продолжительности этой деятельности и противоречивости полученного в итоге продукта, как показано в данном исследовании, определяется когнитивным конфликтом разработчиков – стремлением юридически закрепить институциональные основы системы, сохранив в неизменном виде ценности, принципы и установки номинального конституционализма. Понятия последнего, имея в целом идеологическое происхождение, в принципе недоступны полноценному выражению в юридических нормах, не говоря о возможностях реального контроля их реализации. Нежелание партийно-бюрократической элиты поступиться идеологическими принципами, с одной стороны, и растущее опасение утраты власти – с другой, вели к общей непродуктивности Комиссии и различных «рабочих групп», в течение десятилетий имитировавших полноценную конституционную работу компульсивной деятельностью – суетливой активностью по составлению различных записок и справок, последовательно отправлявшихся на вышестоящих инстанциях в «корзину для бумаг».

В результате этой деятельности, как было показано, не удалось найти ответы ни на один из вызовов новой эпохи – предложить содержательные решения проблемы гарантий прав личности, демократизации общества, конструирования основ федерализма и избирательной системы, добиться рационального правового соотношения идеологических и административных принципов, планирования и

индивидуальной хозяйственной заинтересованности, согласования имитационных советских институтов с реальными структурами однопартийной власти. Набиравшему силы отчуждению общества и власти (хорошо продемонстрированному в ходе обсуждения проекта Конституции ее анонимными критиками) не было противопоставлено никакого конструктивного решения. Не могли получить шансов на реализацию даже вполне умеренные предложения по расширению социального контроля над администрацией, а тем более проекты судебного контроля конституционности законов.

Введение в Конституцию 1977 г. принципа руководящей роли партии стало главным ответом стагнирующей бюрократической системы на изменения во внешнем мире и рост недовольства режимом внутри страны. Пойдя (впервые в советской истории) на квазиправовую фиксацию этого принципа (выступавшего исключительно в роли сакрального тотема, рациональное обсуждение которого было жестко табуизировано), партия совершила радикальный и во многом самоубийственный шаг, юридически очертив реальное положение и контуры своего (фундаментально антиправового) господства. Центральное инновационное значение нормы о КПСС, вполне четко осознававшееся разработчиками, определило как длительность ее обсуждения, так и непреодолимый характер разногласий о целесообразности ее включения в Основной закон. Ведь теоретически партия вполне могла осуществлять свое неограниченное господство без его юридической фиксации (как было в предшествующих советских Конституциях), а отмена ст. 6 в 1990 г. не обязательно означала утрату этого господства. Восстанавливая преемственность традиций самодержавия (конституционное определение которого оказалось возможным также только на исходе его существования), данная норма имела двойственную природу: с одной стороны – давала правовую легитимацию неограниченной власти, с другой – фиксировала ее надконституционный характер, что закладывало основу последующей трансформации режима (возникновения формулы президентской власти).

Таким образом, введение в Конституцию нового принципа руководящей и направляющей роли партии имело важное значение: во-первых, отражало осторожное движение в сторону политической реальности (КПСС располагала всей властью и до принятия ст. 6, но тщательно камуфлировала эту власть); во-вторых, пыталось выразить неправовую власть партии в квазиправовых терминах, что теоретически открывало перспективы обсуждения конституционности ее господства, наконец, в-третьих, вводило норму, соединявшую досоветскую формулу самодержавной власти с постсоветской фор-

мулой президентской власти. Фактически ст. 6 стала первой и единственной нормой советских Конституций, вполне соответствующей действительности. В этом качестве полноценной («работающей») нормы она противостояла всей логике построения номинального советского конституционализма, ставя под вопрос сам факт разумности его существования. Определив свою роль, партия оказалась в положении мифического чудовища – Сфинкса, утратившего мощь после того, как Эдип разгадал его загадку. Норма о руководящей роли партии, следовательно, выражала кризис системы однопартийного режима и обозначала необходимость поиска правового выхода из нее.

ГЛАВА XII

ЗАВЕРШЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЕКТА: КРУШЕНИЕ СССР И ФОРМИРОВАНИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Крушение СССР завершило эволюцию коммунистического мифа и основанной на нем политической системы. Перестройка, инициировавшая глубокий процесс социальной трансформации, не была социальной «революцией» в собственном смысле слова, поскольку не выдвинула принципиально новой картины мира – мессианской идеологии, годной на экспорт (в отличие от других великих революций), не привела к качественной смене элиты (что является признаком настоящей революции) и завершилась не консолидацией на новых принципах, а дезинтеграцией СССР; но она не была и «реформой» или «революцией сверху» (в отличие от Великих реформ 1860-х годов), поскольку произошел срыв постепенных и управляемых преобразований и возобладали спонтанные процессы саморегуляции и распада системы. Не была она и «реставрацией» (или «Термидором») в классическом смысле слова, поскольку не привела к возрождению дореволюционных порядков и не ставила себе этой цели. Наиболее адекватным историческим аналогом этих процессов следует считать Реформацию – широкое общественное движение, иногда именуемое «религиозной революцией», которое началось с выступлений религиозных диссидентов против индульгенций, привилегий и коррупции аналога КПСС того времени – католической церкви. Радикальные преобразования сознания в ходе перестройки сходным образом осуществлялись в направлении его рационализации, при сохранении, однако, старых институтов и правящей элиты, что открывало путь последующей ретрадиционализации и реставрации авторитаризма в модернизированных формах¹. До сих пор в литературе продолжается

¹ *Медушевский А.Н.* Политические сочинения: право и власть в условиях социальных трансформаций. М., 2015.

спор о том, в чем состоит вклад перестройки в изменение ценностей и картины мира современного общества², была ли эта трансформация политической системы вынужденной или добровольно принятой режимом, осуществлялась планомерно или спонтанно, имела предсказуемый результат или допускала его альтернативность³.

Общая логика однопартийной диктатуры в СССР XX в. выражается в смене программных документов: 1) первая Программа РСДРП (1903); 2) вторая Программа партии (март 1919 г.); 3) третья Программа КПСС (1961) и 4) Программа КПСС в новой редакции (1986). В первых двух – определения социализма и коммунизма отсутствуют (они выступают как идеальное общественное устройство будущего). Идея перехода от социализма к коммунизму была выдвинута впервые на XVIII съезде ВКП(б), и (через ряд промежуточных этапов) получила закрепление только в третьей программе партии, принятой на XXII съезде КПСС (1961). Позднее данный документ периода «оттепели» получил крайне критическую оценку партийных экспертов: «Вся история с третьей коммунистической программой КПСС, – признали они, – представляет собой грандиозный феномен манипулирования общественным сознанием (и научным и обыденным) со стороны авторитарной партийной системы»⁴. Следствием отказа от «утопическо-демагогического характера хрущевской программы» (октябрьский Пленум 1964 г.) стало движение по подготовке нового программно-идеологического документа. Характерно, что он задумывался уже не как новая программа партии, но как редакция существующей. Сначала в его основу была положена концепция «развитого социализма», т.е. отказа от построения коммунистического общества, затем – общее движение к реализму. XXVII съезд (февраль-март 1986 г.) утвердил новую редакцию программы КПСС – в стиле идей перестройки М. Горбачева. Данный программный документ, оказавшийся последним, получил название «К гуманному демократическому социализму – платформа ЦК КПСС к XXVIII съезду партии». Эта логика идеологического программирования четко выражает развитие коммунистического мифа – от его провозглашения в качестве социальной утопии, через попытки согласовать его с советской реальностью (и позитивного выражения в основных советских конституциях) до полного затухания и едва ли не превращения в собственную противоположность.

²Перестройке 25 лет. Историческая память современной России. М., 2010; 1985–2015: Ценности Перестройки в контексте современной России. М., 2015.

³Козн С. Вопрос вопросов: почему не стало Советского Союза. М., 2007; Медушевский А.Н. Перестройка и причины крушения СССР с позиций аналитической истории // Российская история. 2011. № 6. С. 3–30.

⁴Из истории создания программ КПСС (Информационная справка) // Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 120–133.

Полноценное объяснение этих процессов возможно с позиций аналитической истории, опирающейся на методы когнитивной теории. Определяющее значение для нее имеют когнитивные мотивы конструирования реальности, которые в свою очередь определяются информационной картиной мира индивида и общества – раскрываются в рамках таких понятий, как качество информационного ресурса, различие подлинной и вторичной (мнимой) информации, креативной и транслирующей форм социальной адаптации, когнитивный раскол общества в отношении феномена «новизны», манипулирование информационным обменом, информационная агрессивность, объяснение с этих позиций мотивов целенаправленного человеческого поведения в истории, их вариативности, возможности верификации и прогнозирования.

Ключевыми параметрами и источниками для изучения проблемы с этих позиций должны стать изменения информационных и ценностных ориентиров; фиксирующие их правовые нормы, функции законодательных дебатов в конструировании новой политической системы, параметры социальной и когнитивной адаптации общества и элитных групп, а также установление мотивов выбора лидерами определенной стратегии и возможности ее изменений в пространстве и времени политических преобразований.

1. Перестройка: масштабы, проекты и методы преобразований

Общей причиной перестройки стало осознание ошибочности сделанного ранее когнитивного выбора, закрепленного в коммунистической идеологии, и угрозы выпадения страны из мировой цивилизации. Выражением этого явились официальное признание неспособности объяснить смысл происходивших в мире и стране процессов с позиций традиционной познавательной схемы («мы не знаем общества, в котором живем»); поиск новых объясняющих теорий (первоначально в рамках традиционной идеологии, а затем и за ее пределами) и расширение доступа к подлинной информации на разных уровнях иерархии; преодоление закрытости системы по отношению к внешнему миру и конструирование новых каналов коммуникаций, ранее сознательно заблокированных идеологией системы.

Замышляя перестройку, М.С. Горбачев, по-видимому, руководствовался идеей о соответствии тенденциям мирового развития идеологических постулатов ленинизма, которые необходимо было очистить от различных искажений⁵. Этим объясняется компромиссный характер первоначальной концепции преобразований, стремившейся соединить

⁵Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.

«опыт цивилизации» со «столбовой дорогой» марксизма⁶. Первоначально преобразования задумывались как частичные реформы, не затрагивающие существа идеологического выбора и несущих основ системы (отсюда – смысл самого термина «перестройка»), но затем стало ясно, что под вопрос поставлены именно эти основы (появилось понятие «кризиса перестройки»). Идеологические основы предложенного проекта реформ усматривались иностранными наблюдателями в программе западной социал-демократии или даже идеях Н. Бухарина⁷. Это ставило проблему их осуществимости в условиях советской бюрократической системы и возможных границах реализации⁸. Было ясно, что осуществление реформ неизбежно затронет идеологию, интересы правящей элиты, вызовет раскол в ней, который не может быть преодолен без существенных изменений политической системы. В целом границы реформ определялись дилеммой: возможность обеспечения политического плюрализма в рамках сохранения однопартийной системы (и ее легитимности) или неминувемость ее крушения, ставившая под вопрос позиции самой элиты реформ⁹. Сама возможность открытого общественного обсуждения этих вопросов (никогда не допускавшаяся ранее) поразила как русских, так и иностранных современников Перестройки, привыкших к закрытости и неподвижности официальной идеологии.

Очевидно, что политика «гласности» (ограниченной свободы слова) задумывалась Горбачевым как инструмент мобилизации общественной поддержки реформам в противовес позиции его консервативных внутрипартийных оппонентов. Однако гласность, появившаяся как «джинн из бутылки», по мере ее расширения, привела к когнитивному шоку в массовом сознании, впервые столкнувшись со столь обнаженным представлением пороков системы, что вело к поляризации и институционализации различных центров оппозиции, как либеральной, так и консервативно-националистической¹⁰. Это ставило проблему управ-

⁶XIX Всесоюзная конференция КПСС. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1988. С. 46–71; Т. 2. М., 1988. С. 135–175; Первая сессия Верховного Совета (далее – ВС) СССР. Стенографический отчет. Ч. X. М., 1990. С. 44.

⁷*Jozsa G.* Das Reformprojekt Gorbatschows im Rahmen des politbürokratischen Systems. Köln, 1988; *Timmermann H.* Gorbatschow – ein Bucharinist?: Zur Neubewertung der NEP-Periode in Moskau. Köln, 1988.

⁸*Borcke A. von.* Gorbachev's Perestroika: Can the Soviet System be Reformed? Köln, 1987; *Daniels R.V.* Is Russia Reformable?: Change and Resistance from Stalin to Gorbachev. L., 1988.

⁹*Murarka D.* Gorbachov: The Limits of Power. L., 1988; *Unger A.L.* Towards Intra-Party Democracy in the Soviet Union?: The Elections to the 19th Conference of the CPSU. Köln, 1990; *Gill G.* The Collapse of a Single-Party System: The Disintegration of the CPSU. Cambridge, 1994.

¹⁰*Zeitzeichen aus der Ferne: Glasnost neues Denken in der Sowietunion.* Hamburg, 1987; *Brahm H.* Glasnost – der Geist aus der Flasche. Köln, 1990; *Soviet Social Reality in the Mirror of Glasnost.* N.Y., 1992.

ления социально-политической дискуссией, сохранения когнитивно-го доминирования элиты реформ в обществе, способов легитимации и своевременной корректировки программы преобразований по мере изменения общественных настроений. Со временем выяснилось, что эти настроения и ожидания оказалось невозможным удержать в рамках официальной коммунистической идеологии, даже реформированной с позиций «нового мышления», что последовательно ставило проблемы ее корректировки, преодоления, а затем и обсуждения проблематики посткоммунизма¹¹.

Возник раскол мнений внутри правящей элиты в отношении концепции преобразований – представлениях о необходимых масштабах изменений, соотношении внешних и внутренних аспектов преобразований, создании предварительного плана и его развития, соотношении рациональных действий и интуитивных реакций на события, – вопросов, типичных для модернизации. Этот раскол мнений открыто проявился уже на Первом съезде народных депутатов СССР (25 мая – 9 июня 1989 г.), получил развитие на Втором съезде (12–24 декабря 1989 г.), достигнув апогея на Третьем внеочередном съезде (12–15 марта 1990 г.) при обсуждении конструкции новой политической власти и, особенно, Четвертом съезде (17–27 декабря 1990 г.), центральной проблемой которого стало сохранение Союза. Последний, Пятый съезд, собравшийся после августовского путча в сентябре 1991 г., оказался неспособным преодолеть политический раскол, выступил пассивным наблюдателем дезинтеграции государства и бесславно закончил свои дни с распадом СССР в декабре 1991 г.

Горбачев исходил из того, что перестройка – ответ на глобальные изменения в мире XX столетия, которые означают радикальные перемены внутри СССР: «Получилось так, что в нем скрестились два процесса мирового значения. Это, во-первых, приступ к фундаментальным преобразованиям у нас, причем такого масштаба, который сравним с поворотом 1917 года» и, «во-вторых, можно сказать, пиковое состояние кардинальных перемен на Европейском континенте»¹². Другие участники дебатов начального периода перестройки (1985–1989) также констатировали расширение масштабов и глобальный характер перемен: «Перестройка – не узкая колея очерченной дороги, это широкая река, которая выведет нашу страну в русло цивилизации»¹³. Таким образом, концепция масштабов преобразований не оставалась неизменной: они расширились по мере осознания невозможности сохранить несущие

¹¹Collins P. Ideology after the Fall of Communism: The Triumph of Liberal Democracy? L.; N.Y., 1993.

¹²Третья сессия ВС СССР. Ч. XVIII. М., 1990. С. 81–82.

¹³Первый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1989. С. 77.

основы конструкции «реального социализма», – ситуация, в принципе осознанная оппозицией гораздо раньше¹⁴ и ставшая предметом обсуждения в диссидентском движении в связи с поиском гарантий политических прав личности¹⁵.

Следствием стал когнитивный диссонанс¹⁶ – раскол представлений в отношении таких базовых понятий, как «коммунизм», «социализм» и «социалистический выбор», которые традиционно использовались пропагандой без выяснения их подлинного смысла. Особенность этих метафизических конструкций заключалась в том, что они имели исключительно идеологическую природу, не могли быть определены юридически, а потому наполнялись совершенно различным смыслом на разных стадиях развития СССР. Обсуждение новой редакции программы партии в условиях перестройки вновь показало неясность понятий коммунизма и социализма. Разработчикам предлагалось: «в Программе раскрыть методологические подходы к понятиям *социализм* и *коммунизм*, очертить их параметры, показать соотношение между ними»; говорилось о необходимости охарактеризовать различные модели социализма и «определить ту модель, к которой КПСС стремится», а главное – «ответить на вопросы: что есть коммунизм (общество будущего, цель движения, идеальная модель, идеология)» и «на какой стадии приближения к нему (или отдаления от него) мы находимся?». Разработчики стремились определить «ценностные ориентиры и стратегические цели КПСС» – «как бы прочертить идеальный вектор общественного движения без установления каких-либо конкретных сроков достижения тех или иных целей»¹⁷. Все это – после 70 лет коммунистического эксперимента!

Соответственно, невозможно было определить, что такое «деформации социализма» и насколько далеко они зашли. Выражением когнитивной дезориентации стало решительное недоумение некоторых участников Первого съезда народных депутатов СССР (25 мая – 9 июня 1989 г.), предлагавших: «Дать поручение лучшим силам общественно-политических наук разработать наконец конкретную концепцию социализма, используя при этом богатейшее наследие марксизма-ленинизма, исторический опыт и реалии наших дней»¹⁸. Позднее возникли вопросы: «что

¹⁴Амальрик А. Просуществовал ли Советский Союз до 1984 года? Амстердам, 1978.

¹⁵Сахаров А.Д. Воспоминания. Т. 1–2. М., 1996.

¹⁶Когнитивный диссонанс – «эмоциональное состояние, возникающее, когда у человека одновременно имеются некоторые установки или знания, несогласующиеся между собой, или когда возникает конфликт между убеждениями и внешним поведением». См.: Рибер А. Большой психологический словарь. Т. 1. М., 2001. С. 356.

¹⁷О концепции новой Программы КПСС. К заседанию Комиссии по подготовке проекта Программы КПСС 16 января 1991 г. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 20.

¹⁸Первый съезд народных депутатов СССР. Т. VI. М., 1989. С. 83.

есть социализм, какие социалистические преимущества существуют» и «если это входит в официальный документ, социалистические преимущества должны быть сформулированы так, чтобы абсолютно для всех людей все было точно, четко и ясно»¹⁹. Ответ давался в стиле софистов: «У нас есть К. Маркс, а Вы призываете к тому, чтобы мы в законе начали сейчас расписывать, что такое социализм и зачем это слово»: «не надо давать определение социализма, а надо дать признаки социализма»²⁰. Одни (как Ф.М. Бурлацкий) считали, что коммунизм сродни христианству, другие (как А.А. Собчак) указывали на их противоположность: если смысл христианского мировоззрения в том, что «все мое – твое», то смысл коммунистического, наоборот, что «все твое – мое», состоит в экспроприации чужой собственности и принудительном «осуществлении социальной справедливости путем перераспределения богатств в обществе»²¹. В конечном счете неспособность определить это понятие юридически привела к предложению убрать из названия государства СССР слово «социалистический»²². Консерваторы выступили против существования самой дилеммы, вообще отказываясь от постановки вопроса о социалистическом выборе²³. Неверно, – полагают они, что «абсолютное большинство наших граждан не представляет себе, что такое СССР», а тех коммунистов, которые считают марксизм утопией, необходимо спросить: «Зачем же вы носите партийные билеты? Сожгите их, выбросьте в мусор. Партия останется в меньшинстве, но она приобретет силу, и будут дальше развиваться те же идеи, которые заложили Маркс и Ленин»²⁴.

Ключевой элемент этих дебатов – оценка ситуации в стране как кризиса и выяснение его природы. Здесь были представлены три позиции. Одна из них (официальная) интерпретировала причины кризиса как отступление от аутентичных идеологических догматов: «Это кризис не социализма вообще, а одной из его форм, в которую мы поверили и так усердно создавали, а именно государственно-бюрократического социализма». Речь должна была идти о «новой модели социализма», суть которой – «переход от государственно-бюрократического к демократическому, гуманистическому, гражданскому, социалистическому обществу» и «подлинно добровольной ленинской федерации»²⁵. Трактовка кризиса как следствия «деформаций социализма» видела

¹⁹Четвертая сессия ВС СССР. Ч. XIII. М., 1990. С. 211.

²⁰Там же. С. 211.

²¹Третья сессия ВС СССР. Ч. I. М., 1990. С. 183.

²²Четвертая сессия ВС СССР. Ч. XIII. С. 212.

²³Лигачев Е.К. Избранные речи и статьи. М., 1989; *Он же*. Предостережение. М., 1999.

²⁴Третья сессия ВС СССР. Ч. I. С. 108; Четвертая сессия ВС СССР. Ч. XIII. С. 217.

²⁵Первый съезд народных депутатов СССР. Т. IV. М., 1989. С. 182–183, 185.

простое решение в том, чтобы «вернуться к истокам его зарождения и воплотить в жизнь декреты Октября: власть – народу, землю – крестьянам, фабрики – рабочим. Дело за малым – как это сделать в условиях сегодняшнего дня?»²⁶. Другая позиция, сформулированная радикальными критиками режима, видела природу кризиса в крушении «тоталитарного строя» – «параличе власти» старого союзного центра²⁷, затем ее скорректировали, и поздний советский режим (в отличие от «сталинского фашизма») стал определяться как «бархатный» тоталитаризм (типа режима Франко в Испании или диктаторских режимов в Латинской Америке), при котором «традиционные мирные ценности все-таки главенствовали»²⁸. Суть конфликта усматривалась в противоречии общества и власти, точнее – правящей партии по вопросу о масштабах необходимых перемен и сохранении у власти старой элиты («партийной верхушки, генералов, военно-промышленного комплекса») ²⁹. Согласно третьей, компромиссной, прагматически-государственнической, позиции, ставшей доминирующей в начале реформ, «главная причина кризиса, в который попало наше общество, носит социальный характер. Она заключается в массовом отчуждении людей от общественных целей и ценностей, прежде всего – от общественно полезного труда». В предшествующий период в стране возникли «кризисные явления», а затем и «тяжелый кризис», который был связан с бюрократизацией власти и ее растущей неспособностью реагировать на запросы общества: «Они стучались, и они прорвались в острой форме»³⁰. Выход усматривался во включении механизмов саморегуляции – первоначально в виде «социалистической демократии» – «диалога с трудящимися», затем принятии элементов политического плюрализма, а в конечном счете – «походе в мир свободы»³¹.

Вопрос о том, насколько развитие реформ имело планомерный характер или представляло собой импровизацию, выявляет три позиции. Те, кто считает, что план был, указывают на существование некоторых его ключевых элементов: открытие системы по отношению к внешнему миру (отказ от традиционной советской «изоляции и автаркии» в пользу «сотрудничества и взаимодействия»), огра-

²⁶Первый Съезд народных депутатов СССР. Т. VI. С. 203.

²⁷Четвертая сессия ВС СССР. Ч. VIII. С. 61–62.

²⁸Ельцин Б.Н. Записки президента. М., 2008. С. 15.

²⁹Первый съезд народных депутатов СССР. Т. IV. С. 112 и др.; Четвертая сессия ВС СССР. Ч. VIII. С.135. Позднее эти идеи были экстраполированы на весь российский исторический процесс (см.: Афанасьев Ю.Н. Опасная Россия: Традиции самовластья сегодня. М., 2001).

³⁰Первый съезд народных депутатов СССР. Т. IV. М., 1989. С. 448; Первая сессия ВС СССР. Ч. VIII. М., 1989. С. 79.

³¹Яковлев А. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальность. М., 1991. С. 193.

ничение цензуры (знаменитая «гласность», превратившая страну в «дискуссионный клуб» по освоению новой политической культуры), демократизация политической системы (начиная с символического возвращения А.Д. Сахарова из ссылки, последующего санкционирования самой возможности обсуждения места КПСС в политической системе и соответствия ее действий Конституции страны 1977 г.), формулирование основных задач преобразований – перехода к рыночным отношениям; нормализации межнациональных и межреспубликанских отношений, повышения авторитета власти, укрепления правопорядка в сочетании с демократизацией и мерами стабилизационного характера³². Сторонники мнения о том, что плана реформ не было, указывают на уникальность ситуации (трудно найти аналоги в мировой истории), неопытность реформаторов (политическая элита предшествующего времени формировалась по принципу лояльности власти и негативной селекции), неспособность использовать опыт других стран (отдельные свидетельства обращения к нему скорее подтверждают этот вывод, чем опровергают его), наконец, ложность изначальных когнитивных установок – представления о возможности совершенствовать систему в рамках идеологии социализма³³. Третья позиция представлена теми, кто полагает, что некоторый предварительный план существовал в виде системы общих ориентиров, но вынужденно выправлялся по мере реформ³⁴. Необходимость такой спонтанной корректировки объяснялась как невозможностью прогнозирования многих параметров, так и конфронтацией по вопросу идеологических рамок реформ внутри партийной элиты. Горбачев, к началу преобразований не имевший абсолютного контроля над ситуацией внутри партии, нуждался в отстранении от власти противников проведения реформ. Полем борьбы являлась идеология и, следовательно, выбор инструментов перестройки не был свободным. Действия Горбачева в этой ситуации могли иметь только форму тактической борьбы за власть и неизбежно носили характер ответов на поступающие системные вызовы, в частности – быстрые спонтанные изменения общественного сознания³⁵. Кроме того, последующие попытки найти некоторый «скрытый план» в действиях Горбачева (например, идея «сдачи позиций социализма», злонамеренного «разва-

³²Первый съезд народных депутатов СССР. М., 1989. Т. 1. С. 86; Четвертая сессия ВС СССР. Ч. VIII. С. 35–39.

³³Черняев А. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М., 2010.

³⁴Шахназаров Г. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993.; Медведев В. В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М., 1994.

³⁵Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Кн. 2–4. М., 2003.

ла Союза» или приватизации собственности номенклатурой) имеют гипотетический характер (не подтверждаются известными данными), подменяют причины результатами, а в конечном счете не предлагают серьезных аналитических аргументов (поскольку дело сводится к позиции одной личности). На уровне наших современных знаний можно констатировать, что у Горбачева была, несомненно, определенная идея реформ (суммирующая выдвигавшиеся ранее идеи), но не существовало их четкого плана, поэтому процесс развивался скорее в режиме импровизации, а не планомерной бюрократической реформы и вышел из-под контроля официальных структур «Старого порядка». Этим объясняется, в частности, харизматическая роль Горбачева: его преимущества как лидера реформ усматривались в том, что, во-первых, он вышел из недр старой системы и, следовательно, хорошо знал ее устройство; во-вторых, смог порвать с ее консервативными и инерционными установками, предоставив ей «шанс на выживание через обновление»; в-третьих, был консолидирующей фигурой для разных групп элиты, поскольку в его личности соединялась старая советская и новая демократическая легитимность, он появился в нужный момент – «волею судеб пришел к руководству как нельзя вовремя», наконец, в отличие от предшествующих лидеров, оказался «способен на озарение и крупные политические обобщения» в глобальной и национальной политике³⁶.

Вопрос оценки современниками перестроечных реформ определялся идеологическим выбором: они делали это с помощью известных и понятных им терминов (в основном, марксистских) – реформа, революция и, позднее, реставрация. Горбачев задумывал перестройку как радикальную реформу, осуществляемую государством: «перестройка началась сверху», поскольку «иначе и быть не могло в условиях тоталитаризма»³⁷. Ельцин склонялся к формуле революции, изменяющей в том числе политическую надстройку: «Перестройка, как и всякая революция сверху, по мере своего развития и углубления захватывает интересы всех слоев общества. Но едва ли не самым существенным образом она затрагивает интересы самого аппарата как системы власти»³⁸. Наконец, сторонники «социалистического выбора» видели в этих преобразованиях отрицание революционной марксистской модели построения общества – контрреволюцию, реставрацию капитализма и тенденцию бонапартистского режима власти. Западная историография оценивает преобразования Горбачева как «революцию», «незавершенную революцию», «революцию сверху», «реформу» или

³⁶Первый съезд народных депутатов СССР. Т. 1. М., 1989. С. 57–59.

³⁷Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995. С. 281.

³⁸Первый съезд народных депутатов СССР. Т. II. М., 1989. С. 45.

даже «смуту»³⁹. Эти термины используются и в современной российской научной литературе⁴⁰.

Ударный компонент всего дезинтеграционного процесса – феномен «информационной агрессивности» – стал реакцией на суррогатные информационные продукты и отсутствие включенности основной части общества в полноценную творческую деятельность по созданию новой политико-правовой системы. Поиск информационно-когнитивного моста между старой и новой идентичностью (конвергенция систем, о которой говорил А.Д. Сахаров) не дал результатов. Это вызвало диссонанс в обществе по линии обновления старой идеологии (крах мирового коммунизма как предпосылка краха СССР) и заставило искать новые объясняющие схемы выхода из психологического тупика.

2. Конституционная трансформация: номинальный парламентаризм, партия и государство

Наиболее четко изменение информационной картины мира и связанный с этим когнитивный диссонанс выражаются в правовых параметрах социального регулирования – расколе представлений о масштабах необходимых преобразований, формах и процедурах их осуществления, мнениях о содержательной значимости возникших вопросов в реформационной повестке дня, и наконец, в решении вопроса о механизме политической реформы и тактике ее проведения.

Раскол представлений о масштабах преобразований сразу выявил две стратегии – радикальную и умеренную. Первая выражалась в конституционной революции, вторая – в концепции конституционной реформы. Реализация первой стратегии означала интерпретацию перестройки как революции, провозглашение Первого съезда народных депутатов СССР конституантой – Учредительным собранием, которое должно взять всю полноту законодательной власти в свои руки и осуществлять трансформацию правовой системы, не считаясь со старой советской легитимностью. «Мы, – заявил А.Д. Сахаров, – переживаем революцию, перестройка – это революция, и слово “декрет” является самым подхо-

³⁹*Crouch M.* Revolution and Evolution. Gorbachev and Soviet Politics. N.Y., 1989; *Sakwa R.* Gorbachev and his Reforms, 1985–1990. N.Y., 1991; *Hough J.F.* Democratization and Revolution in the USSR. 1985–1991. Washington, 1997; *McFaul M.* Russia's Unfinished Revolution: Political Change. N.Y., 2001; *Hahn G.M.* Reform, Transition and Revolution in the Fall of the Soviet Communist Regime. New Brunswick, 2002; *Freeze G.L.* A Modern «Time of Troubles». From Reform to Disintegration, 1985–1999 // Russia. A History. Oxford, 2009.

⁴⁰Судьбы реформ в России. М., 1997; *Согрин В.В.* Политическая история современной России, 1985–2001: от Горбачева до Путина. М., 2001; *Шубин А.В.* Парадоксы Перестройки. Неиспользованный шанс СССР. М., 2005; *Герасимов Г.И.* История современной России: поиск и обретение свободы (1985–2008). М., 2008 и др.

дящим в данном случае». На основании этого, считал он, Съезд должен обсудить весь круг политических вопросов, определяющих судьбу страны. Сахаров предложил свой «Декрет о власти»: ст. 6 Конституции отменяется; принятие законов СССР является исключительным правом Съезда. На территории союзной республики законы СССР приобретают юридическую силу после утверждения высшим законодательным органом союзной республики; ВС СССР становится рабочим органом Съезда; избрание высших должностных лиц СССР – исключительное право Съезда⁴¹. Только после обсуждения платформ, выдвинутых различными кандидатами, возможны выборы главы государства – Председателя ВС СССР. Поэтому он высказался за «условную поддержку» М.С. Горбачева, избранного фактически на безальтернативной основе⁴². Сахаров предлагал «обсудить вопрос об исключении из Конституции СССР тех статей, которые препятствуют принятию законов о собственности, о земле»⁴³. Позднее предлагалось приостановить действие Основного закона страны, переставшего соответствовать действительности, что рассматривалось одними как «шаг к подлинной конституционности»⁴⁴, другими – как «шаг к гражданской войне»⁴⁵. Поскольку задача единовременного принятия новой демократической конституции Съездом не была выполнена, Сахаров и его единомышленники (сформировавшие Межрегиональную депутатскую группу) оказались в оппозиции к проводимым реформам, критикуя их как непоследовательные, компромиссные и умеренные⁴⁶.

Другая позиция выражалась в идее конституционной реформы, смысл которой заключался в том, чтобы отдельными поправками трансформировать правовую систему, основанную на старой советской конституции. Это соответствовало представлениям Горбачева о перестройке как радикальной реформе с ее идеей расширения прерогатив представительных органов (передачи им «реальных рычагов власти и управления») и «безусловного подчинения им партаппарата»⁴⁷. Данная программа легитимировалась воспроизводством исторического лозунга «Власть Советам!», неопределенность которого позволяла интерпретировать его самым различным образом. Эта идея не была изобретением Горбачева, но выдвигалась оппонентами режима со времени его установления. Известный представитель диссидентского движения А.А. Амальрик говорил еще в 1968 г., что «политически разумно сохра-

⁴¹Первый съезд народных депутатов СССР. Т. III. М., 1989. С. 326–327.

⁴²Первый съезд народных депутатов СССР. Т. I. М., 1989. С. 9–10.

⁴³Второй съезд народных депутатов СССР. Т. I. М., 1989. С. 31.

⁴⁴Четвертая сессия ВС СССР. Ч. VIII. М., 1990. С. 135.

⁴⁵Четвертая сессия ВС СССР. Ч. VIII. С. 139.

⁴⁶Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М., 1991.

⁴⁷Первый съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 454.

нить слово “советский”, к которому народ привык, восстановление реальной власти Советов было бы наиболее простым путем к демократическому парламентаризму, я предлагал лозунг кронштадтского восстания 1920 года “За Советы без коммунистов!” заменить на “За Советы, в том числе и с коммунистами!” – компартия может сохраниться как одна из партий в многопартийном советском обществе»⁴⁸. Эта концепция не исключала радикальных изменений Основного закона, но предполагала их осуществление путем поправок к действовавшей Конституции 1977 г. Решение вопроса о механизме конституционной реформы было компромиссным. Оно нашло выражение в создании Конституционной комиссии, в задачу которой входило обобщение предложений депутатов о внесении изменений и дополнений в Конституцию и выдвижение соответствующих законопроектов о поправках⁴⁹. Данный подход открывал определенные возможности конституционной импровизации, общее направление которой, однако, должно было остаться под контролем элиты.

Этот конфликт двух стратегий наиболее ярко проявился при обсуждении содержательных вопросов – деидеологизации государства и конструировании структуры будущей власти. Поскольку деконструкция номинальной правовой системы осуществлялась не путем радикального отказа от нее в пользу правового государства, но в русле старой советской легитимности, ключевое значение приобрел схоластический вопрос о соотношении советов и партии. «Передача власти» от партии к советам, рассматривавшаяся как возвращение к «принципам народовластия», существовавшим будто бы на заре советской власти, но утраченным в период сталинизма, и должна была, по мысли ее сторонников, возродить «равноправный союз партийных и беспартийных на основе идей социализма»⁵⁰. Но следовало учитывать тот факт, что советы никогда не были полноценными институтами власти и управления и практически с самого начала своего существования являлись декорацией однопартийной диктатуры. Данный факт осознавался радикальной либеральной оппозицией⁵¹. Однако эта идея о «передаче» власти была способна легитимировать постепенную деидеологизацию институтов государственной власти. При этом возникал ряд сложных вопросов.

Первый из них – как будут формироваться новые институты власти – на однопартийной или многопартийной основе. Обсуждение «Основ советской избирательной системы» позволяло легализовать проблему возврата к демократическим выборам – всеобщим, прямым и равным при тайном голосовании⁵², возможность которых была утрачена после

⁴⁸Амальрик А. Записки диссидента. М., 1991. С. 329.

⁴⁹Первый съезд народных депутатов СССР. Т. III. М., 1989. С. 305.

⁵⁰Первый съезд народных депутатов СССР. Т. II. М., 1989. С. 225.

⁵¹Новодворская В.И. Над пропастью во лжи. М., 1998.

⁵²Первая сессия ВС СССР. Ч. VIII. М., 1989. С. 133.

большевистского переворота Октября 1917 г. и роспуска Учредительного собрания в 1918 г. Принцип равенства ставил под сомнение корпоративистскую доктрину выборов от «общественных организаций» (за которыми угадывалось доминирование самой крупной из них – КПСС). Партии было предложено «перестать позориться на весь мир с выборами от общественных организаций» и научиться достойно побеждать «в честной борьбе с открытым забралом в национальных и территориальных округах»⁵³. Аргументы в пользу необходимости изменения ст. 6 Конституции СССР⁵⁴ и принятия нового закона «Об общественных объединениях», санкционирующего многопартийность, выдвигались на фоне начавшегося спонтанного процесса формирования протопартийных организаций и общественных движений⁵⁵.

Второй вопрос: что делать с конституционно закрепленной монополией партии на власть. В условиях номинального конституционализма эта проблема могла быть разрешена только самой партией, выступавшей гарантом Конституции. Вопрос о политической реформе – плюрализации политической системы – упирался в проблему однопартийности. Его обсуждение внутри партийной элиты прошло три стадии⁵⁶. На первой проблема была поставлена как потенциально требующая разрешения. Пленум ЦК КПСС 15 октября 1985 г. обсуждал вопрос: «О проекте новой редакции Программы КПСС» и «Об изменениях в Уставе КПСС». В общем контексте политической реформы на Пленуме ЦК КПСС 9 декабря 1989 г. был поставлен вопрос о целесообразности изменения шестой статьи или отказе от нее. Сторонники ревизии считали, что КПСС должна заявить о готовности руководить перестройкой «в конструктивном содружестве с другими, признающими Конституцию СССР общественно-политическими организациями», «чей правовой статус надо непременно узаконить». Однако они встретили жесткий отпор противников политической реформы⁵⁷. Вопрос о переходе к многопартийности имел и другую сторону, связанную с ростом сепаратизма в союзных республиках. Внеочередной Пленум ЦК КПСС 25–26 декабря 1989 г. констатировал выдвижение республиканскими партийными инстанциями новой трактовки понятий союзного и республиканского суверенитета и появление идей независимого государства (например,

⁵³Второй съезд народных депутатов СССР. Т. II. М., 1989. С. 453.

⁵⁴Третья сессия ВС СССР. Ч. 1. М., 1990. С. 5.

⁵⁵Политические партии, неформальные самодеятельные организации и независимая пресса СССР: каталог-справочник. М., 1990; Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы. Кн. 1–10. М., 1992–1993; Партии, движения и объединения России: справочно-аналитический сборник. М., 1993 и др.

⁵⁶Хроника работы высших органов партии (1985–1990) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 140–149.

⁵⁷Пленум ЦК КПСС – 9 декабря 1989 г. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 69–70.

в Литве коммунисты объясняли это поиском социальной поддержки в борьбе с националистами – Саюдисом). В этих условиях установка республиканских руководителей на многопартийность вполне реалистично интерпретировалась как происки сил, взявших курс на выход парторганизаций из КПСС, а республик – из Союза. Подобный вектор означал утрату партией ее роли авангарда. Выход усматривался в принятии закона ВС СССР против сепаратизма и национализма⁵⁸.

На второй стадии споры вышли за пределы закрытого обсуждения, выявив отсутствие консенсуса внутри партийной бюрократии. Дискуссия в АОН при ЦК КПСС показала, с одной стороны, необходимость определить позицию по проблемам «трансформации политической системы в СССР из однопартийной в многопартийную, об отмене ст. 6 Конституции» с учетом «прямых выпадов против КПСС». С другой стороны, она показала полную интеллектуальную неготовность к этому. Участники по-прежнему хотели получить разъяснения, «возможна ли многопартийная система и какие последствия это может вызвать, какие проблемы в связи с этим возникнут, в том числе и для нашей партии»⁵⁹. Результатом этих поисков стала крайне неопределенная и противоречивая идеологическая конструкция программы преобразований. Пленум ЦК КПСС 5–7 февраля 1990 г. обсуждал документ – «К гуманному, демократическому социализму. Платформа ЦК КПСС к XXVIII съезду партии». Ее проект был одобрен Пленумом ЦК КПСС, однако не разрешил сомнений ортодоксальных коммунистов. Их критические аргументы были вполне логичны с позиций господствующей идеологической схемы: в Платформе, полагали они, «нет ни слова о коммунизме», не понятно, что значит «гуманный, демократический социализм» – не возврат ли это к идеям социал-демократической партии? Подспудно у ортодоксальных коммунистов присутствовало реалистическое сомнение – может ли вообще социализм быть «гуманным», а тем более «демократическим»? Им были неясны причины, приведшие к социально-политическому кризису и вырождению советской системы в «авторитарно-бюрократическую систему»; присущи сомнения в перспективах многопартийности, и, напротив, верность «устоям социалистического общества» и идеологии «марксизма-ленинизма» как пути к обновлению социализма, уверенность в том, что ленинизм надо не отбрасывать, а «возродить»⁶⁰. Эти аргументы были, однако, отвергнуты как не соот-

⁵⁸Внеочередной Пленум ЦК КПСС – 25–26 декабря 1989 г. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 69–71.

⁵⁹Дискуссия в Академии общественных наук при ЦК КПСС // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 69–74.

⁶⁰О проекте платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду партии // Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 20–23).

ветствующие духу демократических преобразований и практической необходимости перестройки политической системы.

На третьей стадии вопрос получил противоречивое разрешение. Пленум ЦК КПСС (11, 14, 16 марта 1990 г.) решил вопрос о внесении на внеочередной Третий съезд народных депутатов СССР предложений по статьям 6 и 7 Конституции СССР. Было принято постановление Пленума – «О проекте Закона СССР об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) СССР по вопросам политической системы (статьи 6 и 7 Конституции СССР)» и «О кандидате от КПСС на пост Президента СССР», которым был выдвинут Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев. Дебаты на Пленуме производили впечатление мучительных колебаний партийной олигархии, вынужденной рубить сук, на котором она сидела. Рассматривались аргументы за и против конституционной реформы – отмены ст. 6, заявления о необходимости соответствующего изменения других статей (ст. 51). Горбачев выступил за компромиссное решение: принять статью шестую в измененной редакции, подразумевающей, что «партийные, общественные организации и массовые движения создаются и действуют в рамках Конституции и на основе советских законов»⁶¹. Дискутируемые статьи предложены в следующей редакции: ст. 6: «КПСС, другие партийные, профсоюзные, молодежные, иные общественные организации и массовые движения через своих представителей, избранных в Советы народных депутатов, и в других формах участвуют в выработке политики Советского государства, в управлении государственными и общественными делами». Новую редакцию получала ст. 7: «Все партийные, общественные организации и массовые движения, выполняя функции, предусмотренные их программами и уставами, действуют в рамках Конституции СССР и советских законов. Не допускаются создание и деятельность партий, организаций и движений, имеющих целью насильственное изменение советского конституционного строя и целостности социалистического государства, подрыв его безопасности, разжигание социальной, национальной и религиозной розни»⁶². Таким образом, в основу решения Пленума о конституционной реформе была положена компромиссная идея: не вводить прямо положение о многопартийности, но растворить его в неопределенной формулировке о формально-юридическом равенстве и одинаковой конституционной ответственности всех партийных, общественных и массовых организаций, что предполагало сохранение доминирующей роли КПСС на переходный период.

⁶¹Пленум ЦК КПСС – 11, 14, 16 марта 1990 года. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 50

⁶²Постановление Пленума ЦК КПСС 11 марта 1990 г. Проект Закона «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР по вопросам политической системы» (Статьи 6 и 7 Конституции СССР). С. 59.

Дискуссия по включению этого вопроса в повестку дня Первого съезда народных депутатов выявила три позиции – сохранения 6-й статьи, ее отмены и откладывания вопроса на неопределенное время. Сторонники первой позиции исходили из того, что «решение об изменении Конституции и проведении дебатов» по 6-й статье означает «неэтичное» поведение, «атаку на партию, ее руководство», «стремление насадить идеологию инородности партии, армии и КГБ», которое есть «ничуть не доброе намерение и не направлено на дело перестройки»⁶³. Вторая позиция не менее однозначна: данная статья «для нашей политической системы устарела, представляет препятствие для быстрых изменений», поскольку сохранение монополии КПСС противоречит «свободе объединения граждан в политические организации и равенству этих организаций перед законом»⁶⁴. В ряде случаев формулировка этой позиции сопровождалась характерными оговорками об «уважении к партии как инициатору перестройки» и заверениями в лояльности – «это не атака на партию, а борьба за ее истинный авторитет»⁶⁵. Третья позиция выражалась в отказе от немедленного решения вопроса в силу его неподготовленности, передачи его на рассмотрение Конституционной комиссии для увязывания с принципом демократического централизма и статусом комсомола, либо вынесения на референдум⁶⁶. Частью этих дебатов стали процедурные вопросы – формы и дисциплины голосования, адекватности его результатов и возможности их пересмотра.

Отмечается тенденция к последовательной радикализации политической реформы: борьба за отмену 6-й статьи Конституции СССР 1977 г. развернулась на Первом съезде народных депутатов (25 мая – 9 июня 1989 г.); требование оппозиции по этому вопросу («поправка Сахарова») получило поддержку демократической общественности (на демонстрациях и митингах); отмена 6-й статьи и одновременное введение поста Президента СССР были санкционированы Пленумом ЦК КПСС 5 февраля 1990 г. Вопрос был решен на Третьем внеочередном съезде народных депутатов (12–15 марта 1990 г.), принявшим 14 марта 1990 г. закон «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию СССР». Окончательная отмена конституционной монополии КПСС была воспринята многими как «революция», однако на деле это было не так, учитывая, что роль партии в советской системе никогда не определялась ее конституционным закреплением (отсутствовавшим во всех предшествовавших конститу-

⁶³Первый съезд народных депутатов СССР. Т. VI. М., 1989. С. 27; Второй съезд народных депутатов СССР. Т. I. М., 1989. С. 26–27.

⁶⁴Второй съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 23; Т. III. С. 398.

⁶⁵Там же. Т. I. С. 24, 28.

⁶⁶Там же. С. 29–30.

циях за исключением Основного закона 1977 г.)⁶⁷, основным источником публичного права являлись решения партийных, а не советских институтов законодательной власти, а решение об отмене однопартийной диктатуры было принято, хотя и под давлением оппозиции, самой партией (на Пленуме ЦК КПСС 5 февраля 1990 г.), что теоретически ставило проблему его окончательности и легитимности – вопрос, в какой мере неограниченная власть может сама себя ограничить, не вступая в противоречие с номинальными конституционными нормами?

Третий вопрос: кто будет руководить процессом преобразований при отказе от доминирования партийных комитетов. Если партия является инициатором и гарантом реформ, то в какой мере возможно ее ограничение и какие структуры должны взять на себя функции управления? Сама формулировка проблемы соотношения партии и советов имела исключительно идеологический характер и не представляла серьезного когнитивного значения, поскольку эти институты были инкорпорированы в единую систему и по существу представляли собой две стороны одного явления – исторически сформировавшегося авторитарного однопартийного режима⁶⁸, определявшегося в то время как «командно-административная система»⁶⁹, причем сам партаппарат оказался в стадии глубокого разложения⁷⁰. Вскоре выяснилась практическая неосуществимость реформы советской системы: она привела, с одной стороны, к «параличу власти на местах», которую не могли осуществлять «бесконечные районные, деревенские, городские и прочие парламенты, заседающие по многу месяцев», с другой – к утрате рычагов влияния партийными комитетами, перешедшими к реализации «аппаратного варианта приватизации» – разграблению госимущества партбюрократией⁷¹. Критиковали партаппарат за манипулирование избирательным процессом, стремление влить «новое вино выборного энтузиазма в старые мехи партийного диктата», непрофессионализм в решении национальных вопросов, несправедливое распределение благ, ставшее предметом рассмотрения новой Комиссии по привилегиям. Выход усматривался в принятии закона о партиях, «в котором предлагалось ограничить производственную, коммерческую, иную деятельность партий размерами, необходимыми для обеспечения их политической деятельности»⁷².

⁶⁷Второй съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 35, 430; Четвертая сессия ВС СССР. Ч. VIII. С. 163.

⁶⁸О формировании структуры государственного управления в данной системе см.: Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения. М., 1994.

⁶⁹Попов Г. Блеск и нищета административной системы. М., 1990.

⁷⁰Оников Л.А. КПСС: анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК. М., 1996.

⁷¹Четвертая сессия ВС СССР. Ч. II. М., 1990. С. 24.

⁷²Первый съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 316. Т. II. С. 170; Третья сессия ВС СССР. Ч. XII. М., 1990. С. 86–87; Четвертая сессия ВС СССР. Ч. II. С. 24–25.

Политический кризис привел к критике партийной монополии на власть и выдвижению концепции разделения властей, не исключавшей, впрочем, их неизбежного временного соединения на переходный период в рамках института сильной президентской власти⁷³. «Поправка к статье 6 и дополнение Основного закона статьей 127, – констатировал Горбачев, – находились в органической взаимосвязи. Первая означала, что наше государство перестает быть однопартийным, в известном смысле даже теократическим, в нем вводится один из главных принципов демократии – идейный и политический плюрализм. Второе означало признание другого не менее важного принципа демократии, а именно – разделения властей»⁷⁴. Результаты конституционных изменений имели компромиссный характер. Они были подведены в выступлении Президента СССР М.С. Горбачева 4 декабря 1990 г. на Четвертой сессии ВС СССР о проекте «Закона об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления»⁷⁵. Введены были новые институты – Совет Федерации, институт Президента и вице-президента, Совет безопасности, Кабинет министров, законы о переходном периоде, мерах по реформированию отношений собственности в деревне⁷⁶.

Таким образом, конфликт легитимности (опиравшейся на идеи «нового мышления») и законности (опиравшейся на нормы действующего права) в условиях перехода от номинального конституционализма к реальному не получил полноценного разрешения: отказ от радикальной модели конституционных преобразований породил трудности, из которых система пыталась выйти путем частичных реформ, осуществляемых на старой легитимирующей основе. Идея перехода власти от партии к советам, носившая абстрактный идеологический характер, не могла стать полноценным ориентиром политической реформы, выступив фактором потери управляемости⁷⁷. Отмена однопартийной диктатуры породила вакуум власти, который лишь отчасти удалось ослабить введением поста Президента СССР. Невозможность (или неспособность) разделить идеологию и принятие управленческих решений привели к тому, что кризис однопартийной диктатуры стал кризисом государства как такового.

⁷³Первый съезд народных депутатов СССР. Т. III. С. 81–82.

⁷⁴Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 483.

⁷⁵Четвертая сессия ВС СССР. Ч. X. С. 183–194.

⁷⁶Там же. С. 183–185.

⁷⁷Lynch A.C. How Russia is not Ruled: Reflections on Russian Political Development. Cambridge, 2004.

3. Собственность и справедливость: поиск новых рычагов мотивации социально-экономического поведения

Вопросы собственности и справедливости оказались взаимосвязаны при переходе к рыночной экономике, поскольку идеи социальной справедливости, выдвинутые в социалистический период, хотя и имели декларативный характер, поддерживались развитой системой пропаганды, уравнительного распределения, а также предоставлением отдельных «льгот» различным социальным группам, которые они боялись потерять. Неэффективность существующей экономической модели, основанной на тотальной государственной собственности, исключающей заинтересованность работника в результатах труда, требовала отыскать новые мотивы – «интерес трудиться, получать доход»⁷⁸.

Экономическая часть программы перестройки не выходила за рамки ортодоксальных социал-демократических представлений, исходила из необходимости реформировать государственную плановую экономику с позиций новых технологических вызовов, однако не содержала продуманной концепции этих реформ, а главное – ответа на вопрос о том, где кончается, собственно, социалистическая экономика и начинается капиталистическая. Радикализация общественных настроений в условиях резкого спада советской экономики вела к постановке под вопрос общих принципов «политической экономии социализма», а также ценности всего социалистического эксперимента в СССР⁷⁹. В этой политической ситуации все умеренные проекты, основанные на поиске компромисса старых и новых принципов, изначально имели ограниченную легитимность, а невозможность их практической реализации в короткий промежуток времени вела к их замене концепциями радикальных экономических преобразований.

Анализ политической риторики по вопросам собственности выявляет картину полной дезориентации в пространстве, времени и используемых понятиях. Прежде всего, следует констатировать отсутствие у элиты рационального представления о собственности как правовом понятии и преобладание в целом метафизического и идеологизированного, т.е. вполне иррационального ее понимания, восходящего к устойчивым стереотипам традиционалистского коллективизма, ассоциирующего

⁷⁸Четвертая сессия ВС СССР. Ч. II. С. 119.

⁷⁹The World Order: Socialist Perspectives. Cambridge, 1987; *Goldman M.I.* Gorbachev's Challenge: Economic Reform in the Age of High Technology. N.Y., 1987; *Höhmman H.H.* Economics and Politics in «Perestroika»: Developments Interdependencies, Western Perceptions. Köln, 1988; *Umbau des Sowjetsystems: Aspekte eines Experiments.* Stuttgart, 1989; *Die wirtschaftliche Lage Russlands: Systemtransformation auf dem Rückzug?* Kiel, 1995.

собственность с «эксплуатацией». Это выяснилось в ходе обсуждения предложенного заместителем Председателя Совета министров СССР Л.И. Абалкиным компромиссного курса⁸⁰ и отражающего его «Закона о собственности в СССР». В выступлении на Третьей сессии ВС СССР 15 февраля 1990 г. по этому вопросу он отстаивал тезис о «многообразии форм собственности» при исключении ее частной формы и эксплуатации как путь к «гуманному, демократическому социализму»⁸¹. К числу приоритетных законов, вытекавших из этой неопределенной конструкции, были отнесены «законы о собственности в СССР, о земле и землепользовании, об аренде и арендных отношениях, о социалистическом предприятии, об общих началах руководства экономикой и социальной сферой в союзных республиках на основе расширения их суверенных прав, самоуправления и самофинансирования, об общих началах местного самоуправления и хозяйства, о профсоюзах, свободе совести, печати, информации и др.»⁸²

В ходе этой дискуссии были поставлены вопросы легитимности существующих форм собственности. Первая проблема – что такое собственность и каковы ее формы – выявила мучительный процесс освоения новых реалий. «Что такое собственность “социалистическая” – констатировали депутаты, – никто из нас, даже наши выдающиеся теоретики сегодня ответить нам не могут». Участники дебатов не смогли договориться о количестве форм собственности: одни выделяли 12 форм, другие – три (гражданина, коллективная, государственная), «которые существуют во всех правовых системах мира, может быть, действительно со времен римского права» или, по крайней мере, будут понятны иностранцам, третьи – только две – «мою» и «нашу». Прослеживаются осторожный отказ от «социалистической собственности», «потому что собственность – везде собственность», размышления о соотношении понятий собственности и имущества, поскольку «собственность – это не вещь, а отношение субъектов по поводу объектов», подчеркивается неправомочность отождествления социализма исключительно с общественной собственностью, а капитализма – с частной, которая «наверное, имеет право на свое существование»⁸³.

В этом контексте чрезвычайно показательны споры депутатов о таком юридически бессодержательном понятии советского права как «коллективная собственность». Справедливо констатировав, что здесь «прослеживается какая-то коммуна, то есть что-то общее, неделимое», участники дебатов отметили целесообразность замены этой рудимен-

⁸⁰Абалкин Л.И. Спасти Россию. М., 1999.

⁸¹Третья сессия ВС СССР. Ч. 1. С. 80–85, 89.

⁸²Первая сессия ВС СССР. Ч. VIII. М., 1989. С. 158.

⁸³Третья сессия ВС СССР. Ч. 1. С. 115, 128–129, 136–137, 168.

тарной конструкции понятием ассоциированной (долевой) собственности или собственности «членов трудового коллектива», что вызывало у них ассоциации с «народным капитализмом», наконец, выдвигали различные представления о том, что делать с этой собственностью – вплоть до наивной анархической идеи децентрализовать промышленность и передать ее рабочим. Самостоятельный аспект проблемы – социальная справедливость и перераспределение собственности – нашла концентрированное выражение в спорах о соотношении рыночной конкуренции и «эксплуатации». Сторонники «социалистического выбора» категорически отвергали новые механизмы мотивации труда: «Что же, революцию в 1917 году наши деды и прадеды делали от безделья?»; «Социализм подразумевает справедливость среди людей, отсутствие эксплуатации человека человеком». «Социалистическая собственность» представлялась им несовместимой с частной собственностью, «отчуждением работников от средств производства», «эксплуатацией» и безработицей, т. е. основными элементами рыночной конкуренции. Однако попытки юридически определить экономическое понятие «эксплуатация» показали бесперспективность этого занятия: «никто точно не может определить ту меру, где она начинается, какая должна быть величина прибавочного продукта» и проч. Более того, эксплуатацию начинали рассматривать «как следствие любой монополии, когда отсутствует выбор приложения сил», а значит, допускалась мысль о ее возможности в плановой экономике⁸⁴. Эти паллиативы отражены в законе «О собственности в СССР»⁸⁵.

Вторая проблема – конфликт сторонников государственной и частной собственности на землю и вопросы стратегии аграрной реформы. В программе правительства предлагалось зафиксировать государственную принадлежность собственности на землю и природные ресурсы и однозначно отвергалась идея частной собственности. Сторонники рыночной экономики категорически не согласились с такой постановкой вопроса: государственная собственность «закрепляет безземелие крестьянина либо толкает его в объятия эксплуататора, которым ныне является председатель колхоза, директор совхоза», представляет собой «сталинизм в сельском хозяйстве» – экономическую Вандею, способную «торпедировать перестройку»⁸⁶. «Я, – говорил депутат Ю.Д. Черниченко, – в рынок верю, как верю в земное притяжение», а потому «не надо пытаться обхитрить физические законы – отдайте землю по-доброму, не грешите (Шум в зале. Аплодисменты)». Закон о земле, отмечали

⁸⁴Третья сессия ВС СССР. Ч. 1. С. 95–96, 109, 117, 122, 135, 268.

⁸⁵Третья сессия ВС СССР. Ч. XIX. С. 45–55.

⁸⁶Первый съезд народных депутатов СССР. Т. II. М., 1989. С. 171; Третья сессия ВС СССР. Ч. 1. С. 168.

экономисты А.М. Емельянов, В.А. Тихонов и др., не может обойтись без правового определения отношений собственности: «Ведь это не воздух, не вода в реке – это недвижимое имущество. Как может быть законопроект о земле, если совсем нет понятия собственности?» В качестве альтернативы предлагалось поставить вопросы о частной собственности, фермерском хозяйстве и интеллектуальной собственности или вынести их на референдум, тем более что неофициально купля-продажа земли давно существует и ее надо просто легализовать⁸⁷. Особую роль в обосновании реформы для возрождения русского крестьянства сыграли известные писатели-деревенщики. «Крепостное право, основанное на марксизме, – говорил В.И. Белов, – должно наконец исчезнуть. Крестьянин должен стать свободным, свободным от всего, кроме земли. Но и зависимость от земли должна быть добровольной, свободно выбранной». Организационные формы землеустройства виделись С.П. Залыгиным в использовании опыта старого русского земства: «Ведь это был необыкновенно демократический общественный организм». Позитивный вектор усматривался в ликвидации колхозов и «обеспечении права равного доступа к земле»⁸⁸.

Мощная оппозиция этим идеям отражала силу коллективистского традиционализма, восходящего к историческим представлениям крестьянской общины и колхозного быта: оппоненты рыночных преобразований не допускали и мысли, что «мы перечеркнем завоевания Октября, предадим кровь наших отцов и дедов, разрешим торговать землей-матерью, разрешим частную собственность», указывали на связь государственной собственности с сохранением однопартийной диктатуры, ибо «эта партия воистину от земли», констатировали неготовность крестьян взять землю из-за недостатка доверия и бюрократических трудностей, а также особенностей психологии «колхозников-механизаторов», далекой от идей «наших бойких плюралистов», видели в приватизации земли способ ее захвата «непорядочными людьми», нажившими средства незаконным путем, как, например, многие кооператоры», опасались спекуляции лучшей землей «как при золотой горячке на Аляске», возрождения малоземелья в национальных окраинах, разрушения традиционного быта малых народов, говорили о невозможности все планировать из Кремля. В выступлениях депутатов – председателей колхозов слышались неприкрытые угрозы оппонентам, например, определить на общем собрании колхозников, кто есть эксплуататор⁸⁹. «Основы законодательства Союза СССР и союзных республик о земле», ставшие ре-

⁸⁷Третья сессия ВС СССР. Ч. I. С. 173, 175, 270–271.

⁸⁸Первый съезд народных депутатов СССР. Т. III. М., 1989. С. 112; Третья сессия ВС СССР. Ч. I. С. 243, 253.

⁸⁹Третья сессия ВС СССР. Ч. I. С. 113, 214, 220–221, 245; 262, 264. Ч. XI. С. 133; Десятая сессия ВС РСФСР (одиннадцатый созыв). М., 1989. С. 126.

зультатом этих дебатов, представляли собой неустойчивый компромисс противоположных позиций⁹⁰. Земельный вопрос так и не был решен в ходе перестройки, а острые дебаты по нему, шедшие до принятия Конституции 1993 г. (закрепившей право частной собственности на землю) и чрезвычайно конфликтного принятия Земельного кодекса 2001 г., продолжают и сегодня⁹¹.

Таким образом, в дебатах 1989–1990 гг. собственность воспринималась скорее как идеологическое, чем правовое понятие; были представлены диаметрально противоположные подходы к соотношению государственной и частной собственности; назывались трудности реализации рыночных реформ в силу отсутствия представления о том, что такое рынок, опасения последствий этих реформ, исходя из идеологических фобий, а не рационального расчета, выявился конфликт собственности и справедливости, становившийся основой традиционалистски мотивированного протеста. Это не решало проблемы перехода к новой экономической системе, но загоняло ситуацию в тупик.

4. Федерализм и национальное самоопределение: почему не удался поиск новой модели союзного государства

Одна из основных проблем XX в. – конфликт двух принципов международного права – единства государства и права народов на самоопределение. Способ решения проблемы – федерализм, а также различные формы культурной, национальной и административной автономии. В СССР тема федерализма оказалась связана с поиском идентичности в форме национализма и сепаратизма. Конструирование нового политического пространства требовало перехода от номинального советского федерализма к реальному, но закончилось не договором, а разрывом. Суммируем причины этого.

Во-первых, номинальный советский федерализм по существу им не являлся: СССР с юридической точки зрения был не федерацией, а конфедерацией (так как допускал право сепарации национальных республик), с фактической – представлял собой унитарное государство, определявшееся иногда как «империя». Констатировалось, что «у нас было унитарное государство, которое конституционно было федерацией, но по существу, по методам деятельности (не случайно мы говорим об административно-командной системе) это было унитарное государство»⁹². Последнему автоматически противопоставлялось разделенное

⁹⁰Третья сессия ВС СССР. Ч. XIX. С. 19–36.

⁹¹Подробнее об этих спорах см.: *Медушевский А.Н.* Проекты аграрных реформ в России XVIII – начало XXI века. М., 2005. Гл. VII – «Легитимность права частной собственности на землю в постсоветской России». С. 485–539.

⁹²Четвертая сессия ВС СССР. Ч. XIII. С. 170.

государство. Опасность дезинтеграции единого государства включала как внутренние, так и внешние факторы – нарушение геостратегического, политико-правового и гуманитарно-экономического параметров в мире; крушение международного договорного права; распространение национальных и этнических конфликтов; борьба за ядерный потенциал СССР и угроза его передела; демографическая и экологическая катастрофы⁹³. Между тем констатация ситуации де-факто унитарного государства теоретически открывала различные пути его реформирования, вытекающие из международного опыта децентрализации – модели регионализации, основанной на рационально-административном делении территории государства (Франция); модели автономизации – наделения регионов правами широкой автономии в рамках унитарного государства (Испания), деволутивной модели, когда соответствующие полномочия делегируются из центра в регионы с возможностью последующего пересмотра или ограничения этих полномочий центром (Великобритания), и модели федерализации, исключаящей или минимизирующей национальный критерий проведения границ субъектов федерации в ее симметричной или асимметричной формах (ФРГ, США) в том числе в странах с чрезвычайно сложной национальной или этнической структурой (Индия, Бразилия, Мексика)⁹⁴.

Принятие любой из этих моделей, как показали классики русской юриспруденции еще в начале XX в., когда встал вопрос о дезинтеграции Российской империи (Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Котляревский и др.), означало отказ от увязывания децентрализации с решением так называемого «национального вопроса». Этого, однако, не произошло в ходе перестройки, поскольку с самого начала реформ доминировала советская легитимность в решении этих вопросов, заключавшаяся, во-первых, в идее обязательного перехода к федерализму даже в тех регионах, которые к этому были не готовы экономически и социально; во-вторых, в установлении связи образования субъектов федерации с национальными границами титульной нации; в-третьих, в выдвижении демагогического лозунга национального самоопределения (без фиксации какого-либо юридического механизма его осуществления). Эта установка, заложенная в структуру советского конституционализма, гипнотизировала сознание как реформаторов, так и их радикальных противников, и с самого начала исключала постановку вопроса об альтернативных моделях. Критика советской конструкции парадоксальным образом вела не

⁹³«Сохранение обновленной советской федерации – международные аспекты». Тезисы Международного отдела ЦК КПСС к проведению общесоюзного референдума о сохранении СССР 17 марта 1991 г. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 105–108.

⁹⁴Медушевский А.Н. Сравнительное конституционное право и политические институты. М., 2002. Гл. 7.

к радикальному отказу от нее (что было бы вполне логично), но, напротив, к усилению ее деструктивного потенциала. «Почему мы за федерацию? – спрашивал Горбачев. Другого пути мы не можем предложить». Альтернатива неэффективной советской конструкции усматривалась в «отказе от сталинской модели федерации, в которой декларировалась федеративность, а насаждалась унитарность: такова она, сталинская модель федерации»⁹⁵. Исходя из этого, для преодоления угрозы распада считалось необходимым вернуться к аутентичной (так называемой ленинской) модели федерализма, которая, собственно, и подготовила этот распад. Такое ошибочное решение привело к общей неопределенности представлений о целях реформы, выразившихся в амбивалентной формулировке о «сохранении обновленной федерации». Отсюда сомнения многих участников дебатов: «Можно сохранить то, что есть, а то, чего нет, уважаемые коллеги, никак нельзя сохранить. Федерацию сначала надо обновить, и только после того, когда мы это сделаем, ее можно сохранить». Констатировалось, что такая туманная формулировка как «обновленная федерация» «не способствует эффективности проведения референдума». По мере дезинтеграции государства осталась без ответа вопрос, каковы принципы сохранения Союза и его государственное устройство: должна это быть федерация, конфедерация или экономический союз типа СЭВ? Эти вопросы обсуждались в связи с формулировками предмета референдума об отношении к сохранению СССР⁹⁶.

Во-вторых, решение принципиальной проблемы суверенитета как Союза, так и республик шло по той же линии советской легитимности, четко отразив ее основное внутреннее противоречие – между суверенитетом единого союзного государства и квази-суверенитетом его частей – национальных республик. Вопрос о сохранении союзного государства, ставший центральным на Четвертом съезде народных депутатов (17–27 декабря 1990 г.), обсуждался в связи с сохранением самого названия СССР, целесообразности проведения референдума о его сохранении и возможности конструирования «обновленной федерации равноправных суверенных республик». Но еще ранее выявилась диаметрально противоположность трактовки основных понятий. Для одних суверенитет республик интерпретировался скорее как ограниченный, атрибуты которого исключают «автаркию» и «не противоречат принципам их объединения в единое федеративное государство», для других данное решение означало стремление правительства сохранить унитарное государство, «бесправие» республик⁹⁷. Правительству приходилось

⁹⁵Горбачев М.С. Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 1995. С. 68, 88.

⁹⁶Четвертая сессия ВС СССР. Ч. XIII. С. 176, 179, 206–208.

⁹⁷Первая сессия ВС СССР. Ч. I. С. 10; Ч. II. С. 10.

разъяснять существо реального выбора: либо речь идет о Союзе как федеративном государстве, либо «об экономическом союзе государств или (как некоторые уже говорят) стран по принципу Европейского сообщества»⁹⁸. Приняв декларации о суверенитете (РСФСР сделала это 12 июня 1990 г.), союзные республики «решили, что они могут тем самым не выполнять принятых на себя обязательств»⁹⁹. Возникал и вопрос, что первично – эти декларации или Союзный договор и насколько первые предreshают содержание второго, насколько правомерны предложения «об изменении роли и функций высших органов государственной власти с учетом принятых республиками деклараций о суверенитете», как обеспечить «реальный суверенитет республик» и прекратить «бесконечную бумажную войну с ним указов Президента»?¹⁰⁰ Наконец, насколько правомерен тезис о том, что «за союзными республиками должно быть признано право приостанавливать исполнение актов органов государственного управления СССР на их территории в случае их несоответствия конституции и законам республики»¹⁰¹. Если Горбачев предлагал чисто психологическое решение: «формировать общесоюзное сознание, общее согласие, доказывать и доказывать, что разъединение чревато очень серьезными вещами»¹⁰², то его оппоненты – юридическое: «нам нужен полнокровный суверенитет»¹⁰³.

В-третьих, детонатором дезинтеграции стало «право наций на самоопределение вплоть до отделения» – идея, положенная в основу конструирования СССР в рамках идеологии ленинизма и вызывавшая критику уже в момент ее провозглашения (в том числе со стороны леворадикальных оппонентов). Она служила в тот период достижению следующих политических целей: во-первых, решению внешнеполитических задач по созданию глобальной коммунистической федерации (или конфедерации), которая должна была возникнуть в результате всемирной революции, направляемой из России (предполагалось, что новые ее члены будут постепенно входить в состав Союза); во-вторых, легитимации номинального федерализма как решения «национального вопроса» в рамках однопартийной диктатуры; в-третьих, интеграции многочисленных национальных автономий в более крупные подразделения – союзные республики во главе с титульными нациями (для унификации и удобства управления). К началу Перестройки все три цели утратили свое значение – идея всемирной федерации была отброшена вместе с коммунистической утопией; номинальный федерализм прекра-

⁹⁸Четвертая сессия ВС СССР. Ч. I. С. 89.

⁹⁹Там же. Ч. II. С. 245.

¹⁰⁰Там же. Ч. I. С. 32, 52, 56.

¹⁰¹Первый съезд народных депутатов СССР. Т. V. М., 1989. С. 488.

¹⁰²Горбачев М.С. Союз... С. 77.

¹⁰³Четвертая сессия ВС СССР. Ч. VIII. М., 1990. С. 61–62.

тил существование с юридической отменой однопартийной диктатуры и фактической утратой партийными структурами прежних рычагов влияния; интеграционный потенциал идеи был поставлен под сомнение в условиях роста конфликта борющихся за расширение объема прав союзных республик и опасавшихся утраты своих прав входивших в них автономий. Соотношение Центра, республик, автономий с точки зрения права сецессии определило конфликтность законов СССР «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации»¹⁰⁴ и «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР»¹⁰⁵, обсуждение которых напоминало участникам «эфф-фект динозавра» – стремление решить вопросы выхода республик до принятия полноценных законов о федерации¹⁰⁶.

Анализ соотношения интеграционных и дезинтеграционных процессов раскрывает логику цепной реакции распада государства. Интеграционные тенденции выражались в так называемом Ново-Огаревском процессе – переговорах республиканских лидеров под председательством Президента СССР по проекту нового Союзного договора и определения порядка его заключения (май – июль 1991 г.). Они начались с Заявления «9+1» в рамках Подготовительного комитета, созданного в соответствии с решением Четвертого съезда народных депутатов СССР и были призваны, по словам Горбачева, «вести политический процесс в рамки законности функционирования созданных в результате перестройки легальных институтов демократии»¹⁰⁷. В качестве легитимирующей основы этих переговоров выступал референдум 17 марта 1991 г., в ходе которого большинство граждан СССР высказались за сохранение и обновление союзного государства. На встрече руководителей делегаций республик в Ново-Огареве 23 июля констатировалось завершение работы над проектом Союзного договора, который был опубликован 15 августа 1991 г.¹⁰⁸ Его противники, однако, исходили из того, что данный Договор противоречит Конституции, означает юридическое признание конфедерации, фактическую дезинтеграцию страны и образование вакуума центральной власти. Августовский путч 19–21 августа 1991 г. стал выражением данной позиции. Если сторонники ГКЧП интерпретировали путч как защиту Конституции и единства страны¹⁰⁹, то их оппоненты определяли его как государственный переворот¹¹⁰. Пятый

¹⁰⁴Четвертая сессия ВС СССР. Ч. VI. С. 217.

¹⁰⁵Третья сессия ВС СССР. Ч. VI. С. 3–35.

¹⁰⁶Там же. С. 15.

¹⁰⁷Горбачев М.С. Августовский путч. Причины и следствия. М., 1991. С. 86.

¹⁰⁸Горбачев М.С. Союз... С. 159–167, 186–199.

¹⁰⁹Лукьянов А.И. Август 91-го. А был ли заговор? М., 1991; *Он же*. Переворот мнимый и настоящий. Ответы на вопросы из «Матросской тишины». М., 1993.

¹¹⁰Горбачев М.С. Союз... С. 328, 331.

(и последний) съезд народных депутатов, собравшийся уже после путча в сентябре 1991 г., никак не повлиял на ситуацию и фактически объявил о самороспуске. Дезинтеграционные процессы, ускоренные борьбой честолюбий Горбачева и Ельцина¹¹¹, завершились, как известно, распадом СССР и подписанием Беловежских соглашений, практическая неизбежность которых вытекала из логики развития событий, но юридическая правомерность неоднократно ставилась под сомнение¹¹². Теоретические альтернативы распаду в виде интеграции союзных структур под руководством российского президента либо восстановления союзного центра силовым путем расценивались как «призрачные»¹¹³, а основным условием достигнутого компромисса стал отказ союзных республик от ядерного арсенала в пользу России¹¹⁴. 8 декабря 1991 г. руководители России, Украины, Белоруссии как государств – учредителей СССР (подписавших Союзный договор 1922 г.) констатировали, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование», а «высокие договаривающиеся стороны образуют Содружество Независимых Государств»¹¹⁵.

Соперничество доктрины договорной федерации (представленной в проектах Союзного договора, а затем в Федеративном договоре РФ 1992 г.) и конституционной федерации завершилось с принятием Конституции России 1993 г., «носителем суверенитета и единственным источником власти» в которой были признаны уже не республики, а «ее многонациональный народ», что окончательно исключало риторику о «праве наций на самоопределение вплоть до отделения». Конституция 1993 г., впрочем, закладывала возможность всех трех векторов развития – федеративного (модель кооперативного федерализма), централизаторского (вытекавшего из неопределенности регулирования предметов совместного ведения федерального центра и субъектов) и даже конфедеративного (конституционное признание Федеративного договора в ст. 11). Политический процесс, однако, развивался уже не по линии национальной дезинтеграции, но скорее в рамках этнополитического маятника¹¹⁶, давая последователь-

¹¹¹Мэтлок Д. Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза. М., 2003.

¹¹²Лазарев Б.М. Можно ли было сохранить СССР (правовое исследование). М., 2002.

¹¹³Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М., 1997. С. 81, 150.

¹¹⁴Этот факт Е. Гайдар подчеркивал как основополагающий в беседе с автором. Он подтверждается другими свидетельствами. См.: О причинах крушения СССР и становлении новой России. Диалог А. Медушевского и Г. Бурбулиса // Сравнительное конституционное обозрение, 2015. С. 101–116.

¹¹⁵Текст Соглашения о создании Содружества Независимых Государств // Горбачев М.С. Союз... С. 302–306.

¹¹⁶Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., 2004. С. 308–309.

ное усиление централизаторских начал. Но если такое решение стало возможно для России, почему оно не было возможно для СССР?

Демагогические декларации советских конституций, предоставлявшие «права народам» (причем даже тем, которые в них не нуждались и исторически не были подготовлены к самоопределению в форме субъектов федерации), блокировали принятие рациональной концепции «обновленной федерации». Она теоретически могла бы включать введение новых принципов федерализма – пересмотра искусственных границ регионов в соответствии с их экономическим вкладом; наделения их различным статусом и выстраивания их иерархии по степени объема предоставляемых прав; понижения статуса соответствующих регионов до уровня культурных или языковых автономий; наконец, правового решения проблемы выхода автономий из соответствующих республик. Проблематичность практического решения дилеммы определяется психологическим фактором: трудно (если вообще возможно) отобрать назад раз данные национальным регионам права. Повернуть ситуацию дезинтеграции вспять можно было, следовательно, лишь приняв совершенно иную концепцию гражданской (а не национальной ориентированной) федерации и выстроив всю политику по общегражданским приоритетам, что не удалось сделать в масштабах СССР, но отчасти получилось в масштабах России. Ключевым фактором этого тренда стал распад союзной элиты по национальному признаку и ослабление политической роли институтов центральной государственной власти.

5. Демократия и авторитаризм: парламент, правительство и президент переходного периода

Конструирование новой политической системы требовало ответа на вопросы о форме правления и структуре институтов власти: номинальный или реальный конституционализм; советский парламентаризм или «нормальный», парламентская или президентская республика, статус главы государства и его прерогативы, – вопросы, не получившие правового решения в предшествующей истории страны¹¹⁷.

С самого начала реформ, уже на Первом съезде народных депутатов СССР (25 мая – 9 июня 1989 г.), возник вопрос о том, каков должен быть новый парламент – сохранять свою прежнюю советскую природу или стать профессиональным. Одни в советских традициях считали, что в этой роли должен выступать Съезд народных депутатов, поскольку «мы сами парламент», а избираемый им Верховный Совет – рассматриваться в качестве «исполнительной работающей части парламен-

¹¹⁷Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997.

та», способной профессионально «писать законы, отстаивать интересы, противостоять бюрократии». Данная конструкция переносилась на республиканские «парламенты», выстроить отношения с которыми признавалось важным для прекращения «войны законов». При такой постановке проблема сводилась к тому, чтобы решить «вопрос о конкретном распределении функций между Съездом народных депутатов СССР, ВС СССР, Председателем ВС СССР и Правительством СССР»¹¹⁸. Другая позиция заключалась в отказе от старой системы, при которой Съезд «будет собираться два раза в год и штамповать ранее подготовленные аппаратом законы» и введении «работающего, постоянно действующего парламента, который нашим съездом должен быть избран» в форме Верховного Совета¹¹⁹. Однако именно уровень квалификации и профессионализма депутатов представительных институтов советского типа рассматривался оппонентами как неадекватный для решения стоящих перед ними задач, позволяя говорить об «агрессивно-послушном большинстве» и «сталинско-брежневском Верховном Совете»¹²⁰. Из этого раскола позиций теоретически следовал вывод о необходимости отказа от суррогатных советских форм представительства и переходе к полноценному парламенту, действующему на постоянной и профессиональной основе и способному выявить степень поддержки различных платформ. Речь шла, согласно официальному разъяснению, о коренной реорганизации исполнительной власти Союза ССР с подчинением ее Президенту и созданием Кабинета министров, в котором должны быть проведены крупные структурные и кадровые изменения, в частности – введена должность вице-президента. Предполагалось «четко определить полномочия в связи с взаимоотношениями ВС СССР с Кабинетом министров и Президентом, потому что Президент становится главой исполнительной власти»¹²¹.

Постановка этой проблемы делала необходимым изменение формы правления – отказа от однопартийной диктатуры в виде «республики советов» и принятия идеи разделения властей, автор которой – Монтескье, как писал Горбачев, «исходил из задачи ограничить всевластие монарха, сохранив при этом достаточно сильную власть, способную обеспечить целостность государства и нормальную жизнедеятельность общества». Эта цель после упразднения «ядра политической системы», каковым являлась партийная монополия на власть, достигалась введением президентской республики. Данный вывод был сделан не сразу. Горбачев

¹¹⁸Первый съезд народных депутатов СССР. Т. 1. С. 146; Второй съезд народных депутатов СССР. Т. II. М., 1989. С. 423; Четвертая сессия ВС СССР. Ч. XIII. С. 78.

¹¹⁹Первый съезд народных депутатов СССР. Т. 1. М., 1989. С. 153.

¹²⁰Первый съезд народных депутатов СССР. Т. 1. С. 223–224.

¹²¹Четвертая сессия ВС СССР. Ч. VIII. С. 209.

описывает свои колебания по проблеме, так как первоначально он верил в то, что «основой нашей политической системы остается система Советов, с которой президентский пост плохо сочетается, был бы для нее чужероден». Он опасался возможного развития конфликтов между тремя ветвями власти, а также того, что новый пост не будет адекватно воспринят народом. Решающим аргументом в пользу введения поста президента стали «причины чисто психологического свойства» – сходства данного института с властью монарха или «безраздельной властью» Генерального секретаря, к которой народ привык в СССР. Укреплению авторитета высшей власти служило создание Совета Федерации и Президентского совета – этого своеобразного эквивалента Политбюро в новой политической системе. «Такое решение, – писал Горбачев, – созрело еще осенью 1989 года, но оно довольно долго обсуждалось во внутреннем кругу, затем советовались со специалистами, после чего группа юристов (Шахназаров, Кудрявцев, Топорнин и другие) засела по моему поручению за подготовку необходимых документов, прежде всего проекта закона об изменении Конституции СССР»¹²².

Дискуссия по проекту Закона СССР об учреждении поста Президента СССР и внесении в связи с этим необходимых изменений и дополнений в Конституцию СССР¹²³, развернувшаяся на Третьей сессии ВС СССР 27 февраля 1990 г., выявила, прежде всего, профессиональную неготовность участников дебатов, большинство из которых, по-видимому, смутно представляло различия форм правления – парламентской, президентской и смешанной, а тем более – различные варианты президентских систем. Они опирались на аморфный конгломерат идей – высказывания Ленина, идеи XIX партконференции, обсуждение несостоявшейся хрущевской Конституции 1964 г., либо предлагали «очень простую схему нашей политической системы, которая взята из опыта современной цивилизации» (нисколько не раскрывая вариативности этого опыта)¹²⁴. Разъяснение депутата А.А. Собчака о том, что этот принципиальный вопрос не может решаться в спешке – на внеочередном съезде, но требует «очень серьезной подготовки для внесения кардинальных изменений в Конституцию, перераспределения функций исполнительной власти, определения новых функций правительства, президента, законодательных органов», а ошибки в его решении «приведут к усилению исполнительной власти, как это уже бывало в истории нашей страны, и к уменьшению власти законодательной»¹²⁵ – не вызвало никакой реакции у участников обсуждения. В конечном счете,

¹²²Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 483–485.

¹²³Третья сессия ВС СССР. Ч. II. М., 1990. С. 129–135.

¹²⁴Там же. Ч. II. С. 159.

¹²⁵Третья сессия ВС СССР. Ч. I. С. 31.

однако, он (вопреки решению Межрегиональной депутатской группы) принял президентскую систему и поддержал выборы президента на Съезде, учитывая опасность отстранения Горбачева от власти партией в случае его неизбрания¹²⁶.

Были представлены три основные позиции, мотивированные в основном политическими (а не юридическими) аргументами, – за принятие президентской системы, отказ от нее, и компромиссный вариант – введение поста Президента при соблюдении ряда условий. Согласно первой позиции, смысл введения института президентской власти заключался в том, что он представляет «диалектическую антитезу коллективным органам власти», «органические пороки которых» стали очевидны в советский период, «отвечает духу времени – стране нужен порядок, основанный на Конституции», переходу от номинальной советской власти к усилению «правовой стороны государства», преодолению вакуума власти, ее «рыхлости и аморфности» в условиях, когда «партия перестает играть роль аппарата непосредственного государственно-хозяйственного управления»¹²⁷. Отстаивавшие вторую позицию, противники президентской власти, усматривали ее основной недостаток в возрождении авторитаризма, а выход – в парламентской форме правления. Наиболее решительные сторонники такой позиции происходили из стана партийных консерваторов, надеявшихся сохранить советскую модель «коллективного руководства» в измененной форме и справедливо полагавших, что введение института сильного президента положит конец этим планам, но также – из стана их радикальных оппонентов по МДГ, усматривавших в этом институте попытку «узаконивания чрезвычайной власти одного человека». Горбачев сравнивал их подход с позицией «бешеных» Французской революции во главе с Ж. Эбером и Ж. Ру¹²⁸. Третья позиция допускала введение президентской власти в рамках функционирующей системы сдержек и противовесов в виде сильного парламента и независимой судебной власти, исключающих опасность «концентрации и сверхконцентрации властных полномочий». К числу предварительных условий принятия президентской модели относились: создание союзного парламента (наподобие Европарламента), предварительное согласие Верховных советов республик; решение ими вопроса об объеме полномочий, которые они готовы делегировать Президенту СССР; осуществление выборов президента всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием «из нескольких кандидатур и на многопартийной основе»¹²⁹. Оговаривалась необходимость законодательного ограничения

¹²⁶Собчак А. Хождение во власть. Рассказ о рождении парламента. М., 1991. С. 168.

¹²⁷Третья сессия ВС СССР. Ч. II. С. 167–168, 177, 180–182.

¹²⁸Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 485–486.

¹²⁹Третья сессия ВС СССР. Ч. I. С. 44–45; Ч. II. С. 137–138.

прерогатив главы государства в области государственной безопасности и введения чрезвычайного положения или возможность растянуть политическую реформу во времени – переходить к президентской системе «по мере того, как будет у нас развиваться процесс становления всех демократических институтов политической и государственной власти»¹³⁰. Наконец, прибалты, занятые исключительно обеспечением национального суверенитета, вообще заявили об отказе от участия в обсуждении и голосовании по вопросу о введении поста президента¹³¹. Отсутствие консенсуса по важнейшему элементу политической реформы в СССР стало едва ли не основной причиной неэффективности переходной системы власти.

6. Конструирование новой политической системы: борьба за власть и введение поста президента

Классическая проблема неинституциональной теории – соотношение общественных установлений, нормативных рамок и реальных «правил игры», фиксирующих превалирующий способ мысли и действия¹³². В радикально меняющемся информационном пространстве между этими параметрами возникает противоречие, которое может быть снято только на когнитивном уровне – при полноценной интерпретации смысла новых институтов и их функций, конструирования их правовых форм и направленной конституционной инженерии – обеспечения адекватных механизмов новой мотивации поведения. В этом – суть перехода от авторитаризма к демократии и последующей демократической консолидации. Ключевой вопрос переходного периода – прерогатив старых и новых институтов власти – был связан с определением соотношения постов Генерального секретаря, Председателя Верховного Совета и первого Президента. Предложения Горбачеву по этому вопросу сводились к следующему: сложить с себя пост Генерального секретаря, поскольку «совмещение постов, то есть концентрация двойной власти в одних руках, в лице одного человека противоречит принципам правового государства и демократии»¹³³, и наоборот, что он должен оставаться на этом посту для сохранения контроля над партаппаратом, выдвигалось даже прямое требование к нему остаться на двух должностях¹³⁴. Третья позиция в этом споре – совмещение постов как временная мера – до проведения демократических выборов в советы или завершения «пе-

¹³⁰Третья сессия ВС СССР. Ч. 1. С. 38; Ч. II. С. 151, 180.

¹³¹Третья сессия ВС СССР. Ч. II. С. 157.

¹³²Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

¹³³Первый съезд народных депутатов СССР. Т. 1. М., 1989. С. 69–76.

¹³⁴Там же. С. 70, 74

рехода власти» от партии к советам, поскольку в переходный период «нельзя отделить Горбачева от партии, а партию от народа»¹³⁵. Данная позиция получила поддержку иностранных экспертов, усматривавших в сохранении Горбачевым власти гарантию от возврата назад¹³⁶. В этих позициях выражены различные стратегии решения «вопроса о власти», состоящего в соотношении постов главы государства и лидера правящей партии¹³⁷. В данном споре «партийные фундаменталисты» и «межрегиональщики» выступили единым фронтом за конституционную поправку о запрещении Президенту возглавлять политические партии, но она не собрала квалифицированного большинства и была отвергнута. «В какой-то момент, – констатировал Горбачев, – стало очевидно, что подавляющее большинство депутатов поддерживает учреждение президентского поста и избрание первого Президента на съезде»¹³⁸. Итогом дискуссии стало соответствующее постановление ВС СССР¹³⁹ и последующее принятие закона «Об учреждении поста Президента СССР и внесении соответствующих изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) СССР» (14 марта 1990 г.). Данное решение предполагало определение соотношения между союзной властью и республиками, необходимость обеспечения «противовесов законодательной, исполнительной, президентской и правительственной власти и других институтов», переход к всенародным выборам президента и внесение изменений в Конституцию¹⁴⁰.

Проведение политической реформы в обстановке острой борьбы за власть имело три негативных последствия, способствовавших дезинтеграционным процессам. Первым из них стало распространение модели президентской власти на союзные республики: «Не буду скрывать, – отмечал Горбачев, – в мои расчеты, конечно же, не входило создание президентских постов в союзных республиках. Это наполовину обесценивало все приобретения, которые мы связывали с повышением авторитета центральной власти». Однако он подчеркивал вынужденность этого шага: «Попытка оспаривать разумность такого подхода могла лишь возбудить страсти и привести к тому, что изменения в Конституции не получили бы требуемого квалифицируемого большинства. Поистине тогда (в который раз!) я убедился, что политика есть “искусство возмож-

¹³⁵Первый съезд народных депутатов СССР. Т. 1. М., 1989. С. 82–83, 85.

¹³⁶*Секиринский Д.С.* М.С. Горбачев, перестройка и американское общество: 1985–1991 годы // *Российская история*. 2010. № 5. С. 104.

¹³⁷Первый съезд народных депутатов СССР. Т. 1. С. 418.

¹³⁸*Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 488.

¹³⁹Третья сессия Верховного совета СССР. М., 1990. Ч. XIX. С. 18.

¹⁴⁰Там же. Ч. II. С. 143–144. Итоги всех изменений: Конституция (Основной закон) СССР с изменениями и дополнениями, внесенными законами СССР от 1 декабря 1988г.; 20 декабря, 23 декабря 1989 г. 14 марта и 26 декабря 1990 г. М., 1991.

ного”»¹⁴¹. Другим негативным (а по мнению некоторых, решающим для дезинтеграции страны) следствием стало сужение объема легитимности союзного Президента, избранного на Съезде, а не всенародных выборах (в отличие от избрания президентов республик, прежде всего – России)¹⁴². Вопрос о выборах главы государства всеобщим голосованием или на Съезде, на альтернативной или безальтернативной основе постоянно был предметом острых споров. В ходе них крайние группы (партийные консерваторы и радикалы) выступали, хотя и по противоположным причинам, за прямые выборы на альтернативной основе. Окончательное решение в пользу не прямых выборов было принято Горбачевым из-за риска утраты власти при иной схеме: «Ибо это трусость была бы в такое время уходить. Это хотят выбить из колеи нынешнее руководство. Это не пройдет, это расчет на слабонервных»¹⁴³. Третьим негативным следствием стала эрозия власти союзного Президента, поскольку для одних политических сил он пошел на слишком большие уступки в сторону децентрализации, для других – добился сверхконцентрации полномочий. Противоположное отношение к усилению персоналистских черт режима проявилось в дебатах по законопроекту «О защите чести и достоинства Президента СССР»¹⁴⁴, в ходе которых одни подчеркивали необходимость охраны его символического статуса, говорили об ответственности СМИ за «клевету» и «оскорбления», в то время как другие указывали на возможность «очень серьезного ущемления гласности»¹⁴⁵. В этом контексте некоторые полагали, что нужно вести речь о защите не главы государства, а от него, «если ему вдруг начнут сниться сны Сталина» и предлагали введение американской процедуры импичмента. Другие считали требование импичмента преждевременным, «из области мечты», полагали, что в его традиционной российской формуле это «монархия, ограниченная удавкой», причем в лучшем случае импичмент может реализоваться наподобие переворота 14 октября 1964 г.¹⁴⁶

Обращает на себя внимание сходство причин введения поста Президента в СССР и России при различии результатов. «Президент и президентская система, – говорил Б.Н. Ельцин, фактически повторяя аргументы Горбачева, – нужны России для того, чтобы законы и программы воплотились в жизнь»¹⁴⁷. Вопрос был решен постановлением Съезда народных депутатов РСФСР «Об утверждении Закона РСФСР

¹⁴¹Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 485.

¹⁴²Станкевич З.А. История крушения СССР. М., 2001.

¹⁴³Третья сессия ВС СССР. Ч. II. С. 191.

¹⁴⁴Там же. Ч. XIII. С. 135.

¹⁴⁵Там же. Ч. XII. С. 157; Ч. XIII. С. 113. С. 129–131.

¹⁴⁶Первый съезд народных депутатов СССР. Т. 1. С. 232; Т. II. С. 352.

¹⁴⁷Четвертый съезд народных депутатов РСФСР. М., 1991. Т. I. С. 5.

“О Президенте РСФСР”»¹⁴⁸. Последующее укрепление президентской системы в России стало возможно в результате перенесения в Россию модели организации власти, созданной Горбачевым (вместе с теми спорами, которые велись в ходе ее разработки), но с учетом его ошибок. Следуя своему принципу принимать решения в тайне и реализовывать их «быстро»¹⁴⁹, Ельцин добился силового разрешения конституционного кризиса 1993 г., позволившего отстранить оппозицию от власти, конституционно закрепить близкие к монархическим полномочия главы государства, вести длительную и изнурительную, но, как оказалось, эффективную борьбу с региональным сепаратизмом.

7. Механизм развития кризиса и упущенные возможности его преодоления

Общая причина крушения СССР состоит в неадекватности принятой элитой концепции преобразований господствующим когнитивно-информационным установкам общества, с одной стороны, и порожденным реформой завышенным социальным ожиданиям – с другой. Отказ от ценностей старого порядка безусловно определялся новой ситуацией в мире, позднее названной «глобализацией», связанной с доминирующей ролью транснационального информационного феномена, невозможностью продолжающегося сохранения закрытости системы от внешнего мира. Следствием стали крушение старой картины мира – коммунистической идеологии в ее советской версии и осознание невозможности модернизации системы в прежних формах закрытого (автаркического) государства с широким применением манипулирования социальной психологией и принудительных мобилизационных технологий. Мощный рывок к свободе, сделанный М.С. Горбачевым, был одновременно необходимым, разумным и гуманным шагом, позволявшим выйти из тупика однопартийной диктатуры мирным путем¹⁵⁰. Однако необходимое и единовременное открытие страны мировым информационным процессам (в рамках «нового мышления») оказалось деструктивным фактором в силу неподготовленности общественного сознания, руководствовавшегося архаичными установками традиционного общества, усиленными стереотипами коммунистической идеологии. Поэтому одним из результатов информационной открытости, на который не рассчитывали реформаторы, стал культурный шок, напоминавший тот, который приводил к крушению традиционных восточных деспотий после их открытия европейцами, и когнитивный диссонанс –

¹⁴⁸Четвертый съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 223.

¹⁴⁹Ельцин Б.Н. Президентский марафон. М., 2008. С. 10.

¹⁵⁰См.: Горбачев М.С. Понять перестройку. Почему это важно сейчас. М., 2006.

жесткий раскол общества в отношении принятия новых (западных) ценностей, легитимности режима (в связи с разоблачением его преступлений) и выбора стратегии преобразований.

Таким образом, логика развития кризиса СССР определяется информационно-когнитивными процессами и включает некоторые (хотя и не все) элементы «теоремы Токвиля» – отказ от ценностей «Старого порядка»; культурный шок и когнитивный диссонанс по отношению к прошлому и будущему политическому устройству; феномен завышенных ожиданий; их кризис в условиях роста относительной депривации; рост фрустрации и агрессии как его следствие; консолидация полярных центров влияния – радикалов и консерваторов, выступающих за реставрацию; а главное – вакуум центральной власти и кумулятивное соединение всех трудностей в результате утраты рычагов контроля над ситуацией со стороны Центра (потеря времени).

В ситуации неустойчивого равновесия важным проявлением когнитивного сбоя в системе стало отсутствие у реформаторов полноценной концепции преобразований, включающей не только их общую идею (которая в известной мере присутствовала), но понимание масштаба и границ необходимых преобразований (они расширялись по мере выдвижения новых целей). Отсутствовал план проведения реформ, определяющий цели, этапы, сроки их проведения, калькуляцию социальных издержек и ожидаемых результатов, а также продуманных технологий реализации, в том числе с учетом трудностей и соответствующей оппозиции. Приоритет идеологического конструирования над прагматическим; ретроактивная направленность преобразований – их обращенность не в будущее, а в прошлое (наивная вера в возможность реанимировать идеологию путем обращения к ее истокам и ориентация на прошлый опыт вместо современного) породил и компромиссный характер основных установок, стремившихся противоречиво сочетать старые когнитивные стереотипы и новые идеи, а главное – преобладание импровизации над планомерным осуществлением реформ. Это обусловило потерю времени (критически важного в условиях радикальных изменений, ибо длительность переходного периода выступает самостоятельным фактором успешной демократической консолидации); экономическую дезинтеграцию (переход к рынку в условиях отсутствия адекватной инфраструктуры и утраты государственного контроля вел к хозяйственной разобщенности регионов, а не к формированию конкурентной экономики и новой мотивации труда); институциональную дисфункцию (прежние институты утратили контроль, а новые не начали полноценно функционировать и давали сбой по всем значимым направлениям) и утрату первоначального когнитивного доминирования реформаторов в обществе.

Результатом стал запуск спонтанного механизма саморегуляции системы в условиях разворачивающегося кризиса – конфликта позитивного права и справедливости, порождающего циклическую динамику реформ. Первый их этап в ходе перестройки (1985–1988) характеризуется выраженным феноменом «завышенных ожиданий» – представлением о возможности быстрого и радикального преобразования общества с минимальными социальными издержками. Этому этапу были свойственны относительная гомогенность элиты и стабильность установленных правил игры. Основой второго этапа преобразований (1989) стало осознание «относительной депривации» – возникновение ситуации психологического ощущения дискомфорта (социального разочарования) в условиях относительного (а не абсолютного) ухудшения социально-экономического положения населения по сравнению с предшествующим периодом развития государства и другими странами. В этих условиях происходит не отказ от реформ, а требование изменения формата их проведения (принятия «новой концепции» перестройки) в направлении большей радикализации.

Социальная основа протестных настроений – формирование в позднесоветском обществе социальных слоев, недовольных своим положением и стремящихся к его быстрому и радикальному изменению. Согласно официальным партийным аналитикам, коллективный портрет реконструировался как комбинация ряда групп, различающихся по степени неприятия однопартийной системы и потенциальной договороспособности с ее элитой. Это: 1) активные антикоммунисты из числа бывших диссидентов («компромиссы невозможны»); 2) значительная группа научной и творческой интеллигенции, давно недовольной своим материальным и общественным положением, особенно при сравнении с западными коллегами того же уровня («возможен компромисс на индивидуальном уровне»); 3) образованные молодые люди, ищущие точку приложения для своей энергии и честолюбия и трезво вычислившие, что в структурах КПСС путь к масштабным постам для них далек и труден: через оппозицию они скорее добьются целей («работать с ними возможно и нужно»); 4) категория бывших активных коммунистов, в том числе ранее высокопоставленных партийных функционеров, перешедших к оппозиции и добившихся там реальной власти («компромиссы невозможны»); 5) представители так называемого нижнего звена оппозиции – не идейные враги («с ними следует работать»); 6) 75–80% оппозиции – люди, увидевшие в оппозиции истинного защитника российских интересов в условиях неэффективности союзных структур (их настроения возможно повернуть в нужную сторону)¹⁵¹. Организационной формой их мобилизации послужили различные «неформальные» движения, вы-

¹⁵¹Портрет оппозиции // Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 64–65.

ступавшие с критикой системы по различным гражданско-правовым, экологическим и политическим параметрам¹⁵². Неспособность власти дифференцировать различные (иногда противоположные) тенденции социального протеста и предложить дифференцированные технологии взаимодействия с ними обусловили их слияние в единую протестную волну, готовую к радикальным формам разрешения конфликта с властью.

Экспансия социальных ожиданий очень быстро привела к неудовлетворенности общественности достигнутыми уступками власти и расширению ее требований: от корректировок идеологии – к отказу от нее; от идеи многоукладной экономики – к одновременному переходу к рыночной; от совершенствования федеративной модели – к ее отрицанию во имя национального суверенитета; от умеренных конституционных реформ в рамках советской легитимности – к требованиям «парламентской республики» (чрезвычайно спорной в условиях несформировавшегося федерализма и реальной многопартийности). Наконец, со стороны оппозиции усилилась критика самих институтов власти как с точки зрения их формирования, так и направлений деятельности. Этот период характеризовался выраженным расколом элиты на реформаторов, консерваторов и умеренных, ожесточением их столкновения по вопросу о перспективах преобразований. Третий этап преобразований (1990–1991), обычно связанный с победой одного из крайних направлений и отстранением других групп от власти, в условиях перестройки был деформирован децентрализацией и трансформировался в распад страны (с сохранением у власти действующих правящих кланов). Запуск этого механизма означает потерю контроля над ситуацией элитой, инициировавшей преобразования, ведет к радикальному социальному перевороту и воспроизводству новой стабильности ценой значительных социальных издержек.

Возможность остановить эти процессы на начальной стадии или в ходе разворачивания кризиса ограничивалась когнитивным редуционизмом элиты – стремлением свести объяснение изменившейся реальности к привычной аналитической схеме, ответить на новые вызовы в рамках старой системы аргументов. При отсутствии адекватных схем когнитивной и социальной адаптации в условиях глобализации, а также системы обратных связей между обществом и политической властью, способных ввести их в действие, поиск идентичности социальными группами и их крайними идеологами мог идти только по линии ретрадиционализации – отработки тех традиционных информационных моделей мобилизации и стереотипов сознания, которые действовали ранее, причем именно по тем направлениям, которые в предшествующий

¹⁵²Громов А.В., Кузин О.С. Неформалы: кто есть кто? М., 1990.

период давали импульс массовой социальной и когнитивной адаптации. Имитационные когнитивно-информационные конструкции прошлого оказались основой реальной политической социализации настоящего.

Практическим выражением этого противоречия стало, *во-первых*, использование декларативных конструкций советского номинального конституционализма (вроде «передачи власти» от партии к советам) для достижения реальных целей конституционной реформы – формирования институтов представительной власти, многопартийности и модернизации государственного управления. Это отражено в неизбежном использовании эвфемизмов («социалистическая демократия», возвращение к «ленинским нормам», «многоукладная экономика», общественный «плюрализм», «гласность» и т.п.) для объяснения подлинных целей реформы (переход к демократии, деидеологизированному правовому государству, гарантиям частной собственности, многопартийности, отмене цензуры и другим «нормальным» конституционным принципам, которые к тому же сами находились в процессе обсуждения).

Во-вторых, принципиальным деструктивным фактором явилось сохранение и актуализация архаичной установки о связи федерализма с решением национального вопроса. Система советского квазифедерализма начала пересматриваться не в рамках современных концепций гражданской нации и форм государственного устройства (полноценного федерализма, деволюции или автономизации), но как торжество советского фетиша «права наций на самоопределение вплоть до отделения» (пять проектов Союзного договора завершились тупиком «конфедеративного государства»); наконец, распад интеграционных механизмов Союза осуществлялся под флагом национализма и сформировавшейся негативной информационной идентичности элит (в первую очередь российской) по отношению к союзному центру. В результате поиск идентичности (за отсутствием новых когнитивных схем) оказался возможен исключительно в регрессивной форме (раскола элиты по национальному признаку) и изначально был ориентирован на дезинтеграцию по линиям, маркированным границами и представлениями советского квазифедерализма. О том, что эти процессы не были фатальны, свидетельствует опыт не только других многонациональных государств, но и постсоветской России, где удалось (хотя и с большими издержками) остановить сценарий распада. Несомненно, что соотношение интеграционных и дезинтеграционных процессов могло иметь другой результат – если не сохранение федерации, то ее ядра, вокруг которого могли группироваться другие союзные республики в качестве своеобразных протекторатов (что подтверждается опытом Великобритании и отчасти современными тенденциями на постсоветском пространстве).

В-третьих, оказалось невозможным предотвратить кумулятивное соединение всех противоречий воедино, что гипотетически позволяло разделить их решение во времени, отложив наиболее конфликтные вопросы на будущее (как это было продемонстрировано некоторыми реформаторами в других странах от США периода «нового курса» до Китая эпохи Дэн Сяопина). Возник эффект снежной лавины: радикальные изменения сознания требовали пересмотра государственной идеологии, но последнее означало необходимость отказа от основ номинального конституционализма и цементирующей роли партии. Формирование новой политической системы оказалось невозможным в условиях вакуума власти и требовало создания альтернативных демократических институтов, функционирующих в системе реальных выборов и разделения властей. Однако предпринятый для этого созыв Съезда народных депутатов (изначально не предусмотренного действующей Конституцией) и проведение на нем дискуссии по ключевым вопросам реформационной повестки (предусмотренной в ограниченной степени) способствовали выходу внутривластной дискуссии в публичную сферу, что вело к сокращению ресурса легитимности политической системы и новых институтов власти, росту популизма, когнитивному диссонансу и мобилизации крайних элементов политического спектра, причем формирующиеся протопартийные группировки оказались вынуждены искать поддержку в различных его сегментах.

Раскол общества и элиты охватил ключевые вопросы, неразрешимые в рамках традиционной когнитивно-информационной картины мира – идеологии, рыночной экономики и национальных отношений, но выдвинутая концепция их решения не предлагала содержательной модели быстрого решения. Это порождало нетерпение, разочарование, с одной стороны, популизм и радикализацию требований – с другой. Соединение этих направлений раскола привело к выдвижению на первый план идеологии национализма, поскольку она предлагала наиболее простую формулу решения, опиралась на официальную доктрину и советскую Конституцию, легитимировала претензии на власть и собственность со стороны региональных элит, позволяя им в то же время поддерживать контроль над автономными областями в республиках. Противостоя союзному центру, республики вступали в противоречия как с центром, так и друг с другом – прежде всего набиравшей силу Россией. Ключевой политической элемент конструирования новой идентичности – введение института Президента СССР и создание его аналогов в республиках (причем – на более широкой легитимирующей основе всенародных выборов). Окончательный удар по всей системе стал возможен в результате острого конфликта внутри элиты – августовского путча, приведшего к фактической утрате легитимности и власти союзным правительством.

Символическим завершением кризиса стал отказ правительства России от легитимирующей формулы старого режима и развенчание коммунистического мифа. Оно было проведено указами Президента Б. Ельцина от 23 августа 1991 г. – «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР»; от 25 августа 1991 г. «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР» и от 6 ноября 1991 г. «О деятельности КПСС и КП РСФСР», а также проверке конституционности КПСС и КП РСФСР. Объективное противоречие между старым законодательством и новыми условиями политического развития проявилось в решении Конституционного суда по делу КПСС. В дебатах по этому вопросу было представлено три ключевые позиции: 1) последовательный суд над партией (на основании естественного права и международных актов о правах человека); 2) ее полная апология (на основании соответствия ее действий Конституции 1977 г. и другим законодательным актам советской эпохи) и 3) компромиссная позиция, связанная с противопоставлением партии и ее организационных структур. Эта последняя позиция была положена в основу решения Суда, возложившего ответственность за попытку переворота (августовского путча) на руководящие структуры партии, но признавшего неконституционным положения президентских указов о роспуске первичных партийных организаций – решение, вызвавшее острую критику в момент его принятия.

В условиях отсутствия правовых норм, регулирующих деятельность партии, как и их крайней неопределенности вопрос о запрете КПСС и конфискации ее имущества мог решаться лишь на основе более или менее очевидного обращения к тому, что именуется философским или естественным правом, но не к позитивному праву, которое не могло содержать убедительных оснований для принятия решения в силу того, что создавалось под контролем партии и закрепляло ее надправовой статус.

8. Конституционная революция 1993 г.: цели и средства либеральных преобразований

Конституционный кризис включает три составляющие: утрата Основным законом легитимности; ценностный раскол в отношении его норм или утрата их связи с реальностью¹⁵³. Содержание постсоветского конституционного цикла – переход от номинального конституционализма (представленного Конституцией СССР 1977 г. и РСФСР 1978 г.) к реальному. Периодизация развития цикла включает три фазы: первая фаза (1985/9–1991) – попытка частичного реформирования Конститу-

¹⁵³Право и общество в эпоху перемен. М., 2008.

ции СССР (основные поправки – введение поста Президента СССР и отмена 6-й статьи Конституции); вторая фаза (1991–1993) – собственно конституционная революция в России, завершившаяся принятием действующей Конституции РФ; третья фаза (1993–2000-е годы) – легитимация нового конституционного строя и постреволюционная стабилизация¹⁵⁴. Механизм российского кризиса 1993 г. – конфликт между Съездом народных депутатов и Верховным Советом, с одной стороны, и Президентом – с другой. Выражением конфликта стало появление двух центров учредительной власти и параллельная разработка двух конституционных проектов – Конституционной комиссии СНД и Конституционного совещания при Президенте, вокруг которых группировались различные политические силы (коммунистическое и националистическое большинство СНД и демократы). Основным предметом спора – вопрос о власти: форма правления, механизмы разделения властей и, в частности, право президента распускать парламент. Попытка синтеза двух проектов в рамках Конституционного совещания (июльский проект) отражала поиск компромисса с использованием различных иностранных моделей – президентской (США) и президентско-парламентской (Франция). Концентрированным выражением конфликта стал спор о том, каким образом должна быть принята новая Конституция – на Съезде, Учредительном собрании или на референдуме¹⁵⁵.

Поляризация сторон конфликта получила юридическое выражение в переходном законодательстве (законе «Об особом порядке управления до преодоления кризиса власти» и результатах референдума 25 апреля 1993 г.). Указ Президента 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в РФ» распускал СНД и Верховный Совет, приостанавливал действие Конституции, собрания Конституционного суда, назначал референдум по проекту новой Конституции и выборы в новый парламент. Начало открытого противостояния сторон ознаменовано определением этого указа как неконституционного со стороны ВС и Конституционного суда. Следствием стала эскалация конфликта – законы ВС о низложении президента Б.Н. Ельцина и объявление последним заговорщиков вне закона. События 3–4 октября 1993 г. стали кульминацией вооруженного противостояния сторон – «защитников Белого дома» и их противников. Весь конфликт проходил при апатии населения и в конечном счете был разрешен силовыми методами. Констатируется незаинтересованность обеих сторон в достижении компромисса и правового выхода из ситуации, отказ от использования ими шансов на примирение сторон – были отвергнуты предложения такого рода со

¹⁵⁴ Медушевский А.Н. Размышления о современном российском конституционализме. М., 2007.

¹⁵⁵ Батурин Ю. Конституционные этюды. М., 2008.

стороны Конституционного суда, губернаторов (нулевой вариант) и патриарха. Если «заговорщики» апеллировали к советским структурам, то Президент заручился поддержкой армии, полиции и части бюрократии, а также общей симпатией либеральной интеллигенции и Запада. Результатом противостояния, завершившегося подавлением «мятежа 4 октября», стал отказ от договорной модели конституционных преобразований, была исключена правовая преемственность, победила сильнейшая сторона конфликта¹⁵⁶.

Для оценки результатов конституционного кризиса важны юридические аргументы, использовавшиеся сторонами для обоснования легитимности своих действий в условиях разрушения старой правовой системы. *Противники президента Ельцина выдвигали следующие аргументы*: спорная легитимность разработки Конституции в Конституционном совещании; неконституционность указа 1400 и противоречие его Конституции (ст. 121-6 Конституции РСФСР 1978 г., согласно которой полномочия президента не могут быть использованы для приостановления законно избранных органов власти); незаконность окончательной переработки проекта Конституции после 3–4 октября (в комиссии Филатова и лично Ельциным); незаконность вынесения Конституции на референдум по указу президента, а не на основании закона о референдуме 1990 г.; позиция Конституционного суда (осуждение указа 1400 как неконституционного девятью судьями против четырех, а также поддержка импичмента президенту).

Аргументы сторонников президента включали: тезис о том, что в период кризиса Конституция 1978 г. не действовала, а в основе решений президента Ельцина лежал закон о наделении его чрезвычайными полномочиями 1991 г., наделявший президента широким указным правом; в ходе событий 3–4 октября президентская сторона не могла руководствоваться существующими правовыми нормами, но опиралась на Международный пакт о гражданских и политических правах, исходя из необходимости пропорционального применения силы для подавления мятежа; указ 1400 не означал отказ от парламентаризма и установление диктатуры, поскольку содержал точную дату выборов в будущую Государственную думу, а также гарантии сохранения демократических норм избирательной системы; ссылка оппонентов на норму ст. 121-6 – неадекватна, поскольку сама статья была исправлена в момент кризиса власти; законодательство ВС об отрешении Ельцина от должности само было антиконституционно, поскольку принималось в нарушение Конституции 1978 г. (она не наделяла ВС таким правом); в ходе голосований

¹⁵⁶Шейнис В.Л. Взлет и падение парламента. Переломные годы в российской политике (1985–1993). М., 2005. Т. 1–2; *Он же*. Власть и закон: политика и конституции в России в XX–XXI веках. М., 2014.

в ВС были нарушены процедурные нормы (не было кворума); решения Конституционного суда были неправомерны, поскольку представляли собой неоправданную политизацию правосудия. В условиях кризиса власти правомерность действий законно избранного президента по защите демократических институтов определялась непосредственной апелляцией к суверену – народу (три референдума, выигранных президентской стороной).

Если противники президента апеллировали к нормам прежней советской Конституции (переставшей действовать в условиях кризиса), давая пристрастную интерпретацию этих норм (они стремились представить себя как защитников демократии, разделения властей и «парламентаризма»), то его сторонники обращались к политической легитимности и революционной целесообразности, предполагавшей использование жестких средств в критической ситуации. Здесь присутствует, следовательно, противопоставление правовых и политических аргументов. Правовые аргументы оказались значительно слабее – советская Конституция не действовала в условиях кризиса, разделение властей отсутствовало, а Верховный Совет едва ли можно признать аналогом парламента. Политические аргументы возобладали: конфликт законности и легитимности завершился в пользу последней. Президент Ельцин сделал то, что не удалось сделать Временному правительству в 1917 г. – ликвидировал советскую систему и осуществил переход от однопартийной диктатуры к авторитарной демократии.

9. Тенденции постсоветского политического режима

Конституция 1993 г. – несомненное завоевание демократии периода крушения коммунизма конца XX в.¹⁵⁷ Конституция стала выражением идей гражданского общества и правового государства, провозглашенных либеральным конституционным движением в России конца XIX – начала XX в., которые пыталась, но не смогла осуществить Февральская революция 1917 г. Она способствовала восстановлению исторической преемственности российской государственности: идеи, выдвинутые в начале прошлого века, оказались актуальны в начале нынешнего именно потому, что не были реализованы тогда. Процесс демократизации, осуществлявшийся первоначально (в ходе перестройки 1985–1991 гг.) на основе старой легитимности (номинального советского конституционализма), выявил социальные противоречия, непреодолимые без радикальных (революционных) преобразований легитимирующей основы всей политической системы. В отличие от ряда стран Южной и Восточной Европы процесс демократического перехода в России представлял собой реализацию

¹⁵⁷Конституция Российской Федерации. М., 1993.

не договорной модели (консенсус социальных движений и политических партий), но модели разрыва правовой преемственности.

Принятие Конституции Российской Федерации 1993 г. стало результатом не конституционной реформы, но конституционной революции, или государственного переворота (согласно формально-правовой ее оценке), в ходе которого победившая сторона навязала свою волю оппонентам. Этим объясняется ряд принципиальных особенностей российской Конституции: во-первых, радикальный разрыв со всей предшествующей традицией номинального советского конституционализма с его классово-теорией права; во-вторых, последовательное утверждение фундаментальных демократических ценностей – права и свободы человека, верховенство права, справедливость и равенство; плюрализм форм собственности, демократическое, федеративное, правовое и социальное государство; разделение властей; парламентаризм, независимость судебной власти; в-третьих, введение такой конструкции политической системы, которая, формально выступая как смешанная (президентско-парламентская) республика, на практике действует как президентская или даже сверхпрезидентская модель¹⁵⁸.

Принятие Конституции представляло собой своеобразную «шоковую терапию» в политике, результаты которой, как и в экономике, оказались непрочны¹⁵⁹. С одной стороны, очевидно значение Декларации о государственном суверенитете РСФСР 12 июня 1990 г., Конституции 1993 г., последующих конституционных преобразований, ознаменовавших крушение коммунизма в России и в мировом масштабе. С другой стороны, принятая конституционная конструкция власти сохраняет возможность направленного манипулирования смыслом конституционных норм с использованием как формально-юридических инструментов, так и современных информационно-когнитивных технологий (что можно определить как своеобразный «медиабонапартизм»). Конституционная революция не сопровождалась полноценными институциональными преобразованиями, проведение которых тормозилось как мощным сопротивлением оппозиции, так и ошибками реформаторов. За принятием Конституции 1993 г. не последовали необходимые реформы институтов – экономических, политических, административных, местного самоуправления, что стало основой сворачивания в последующий период (например, «судебная контрреформа»)¹⁶⁰.

¹⁵⁸Медушевский А.Н. Конституционные принципы 1993 года: формирование, итоги и перспективы реализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1 (92). С. 30–44.

¹⁵⁹Нуссбергер А. Конституционная шоковая терапия в России // Конституционный вестник. 2008. № 1 (19). С. 64–77.

¹⁶⁰Морщакова Т.Г. Судебное правоприменение в России: о должном и реальном. М., 2010.

Кризис в отношениях ветвей власти нашел концентрированное выражение в конструировании и смене моделей конституционного правосудия. В СССР господствовала доктрина политического (а не судебного) контроля конституционности, формально отдававшая эту функцию высшим органам государственной власти, а фактически – правящей партии (Политбюро ЦК КПСС). Созданный в 1991 г. (на основе Закона «О Конституционном суде РСФСР», утвержденного Съездом народных депутатов РСФСР 12 июля 1991 г.) в форсированном режиме высший орган конституционного правосудия с самого начала тяготел к практике предшествовавшего ему советского Комитета конституционного надзора, остававшегося на всем протяжении своего существования вспомогательным институтом Съезда народных депутатов. Кризис 1993 г. привел к принятию новой Конституции и изменению положения Конституционного суда. Суть этих изменений (введенных новым законом о Конституционном суде от 21 июля 1994 г.) интерпретируется обычно как деполитизация Суда, которая, однако, фактически означала радикальное изменение его концепции: это был отказ от идеи Конституционного суда как гаранта Конституции и, следовательно, высшего арбитра в спорах между властями, результатом чего явилось ограничение его полномочий по двум направлениям – утрата права рассматривать дела по собственной инициативе и изъятие из его концепции права давать оценку конституционности действий высших должностных лиц. Таким образом, если первый Конституционный суд в России обладал полномочиями конституционного надзора (в смысле постоянного наблюдения), что позволяло ему активно вмешиваться в политику, самостоятельно возбуждать проверку конституционности официальных актов, то второй Суд утеряти полномочия надзора и получил исключительно полномочия конституционного контроля (в смысле единовременной проверки, осуществляемой в соответствии с запросом). Столкнувшись с трудностями толкования права постсоветского периода, Суд не выработал последовательной доктрины обоснования и легитимации судебных решений. В трактовке ключевого принципа разделения властей Суд способствовал смещению их баланса в сторону исполнительной власти, дал расширительную трактовку функции Президента по определению основных направлений внутренней и внешней политики, выработал своеобразную презумпцию конституционности президентских указов по вопросам, касающимся системы органов исполнительной власти, не урегулированных законодателем¹⁶¹. Так был заложен механизм эрозии конституционной системы сдержек и противовесов путем последовательного расширения президентских полномочий.

¹⁶¹Основы конституционного строя России: двадцать лет развития. М., 2013. С. 99–101.

Главное – результатом постсоветских преобразований не стала глубокая трансформация общественного сознания и институтов. Современный российский политический режим может быть определен как плебисцитарная демократия или, точнее, демократический цезаризм. Он отнюдь не является изобретением современной российской власти и неоднократно воспроизводился в истории стран, переживших революции, гражданские войны или крупные социальные потрясения – от принципата Августа в Риме к режиму Первого консула после Французской революции и к современной форме «республиканской монархии» де Голля, сопровождавшей становление Пятой республики во Франции, Конституция 1958 г. и дуалистическая форма правления которой стали прообразом действующей российской Конституции 1993 г. Данный режим при всем различии его исторических модификаций имеет существенный общий признак – сочетает новую демократическую легитимность с сохранением старой системы сверхпредставительной власти главы государства, позволяя преодолеть раскол в обществе переходного типа при осуществлении неизбежных, но непопулярных социальных преобразований.

Попытки реализации данной системы власти на разных этапах российской истории до последнего времени не приводили к стабильному результату. Такой результат стал возможен лишь с крушением однопартийной диктатуры и в этом смысле представлял вполне естественный и закономерный выход из нее. Основы и важнейшие структурные компоненты системы были заложены уже в реформах периода Перестройки и связаны с переходом от советского принципа организации государственной власти к принципу разделения властей в форме дуалистической смешанной (или президентско-парламентской) республики, в которой глава государства – Президент получал исключительно большие полномочия (сопоставимые с властью конституционного монарха или генерального секретаря предшествующего времени).

Политический режим современной России остается сверхцентрализованным, характеризуется отсутствием полноценных институтов социального контроля. Несмотря на все изменения формы правления в XX в., власть главы государства остается практически неизменной в монархической системе, однопартийном режиме и современном президентском режиме. Начало и конец революционного цикла XX в. совпадают в одном отношении: в обоих случаях представлена фактически неограниченная власть главы государства. Единственное реальное достижение революции в этой области состоит в том, что по сравнению с поздним монархическим режимом в настоящее время власть – не наследственная, но теоретически избираемая. Данная конструкция и структура власти определяет параметры информационного контроля и централизованный характер всех реформационных инициатив. Это –

общая предпосылка когнитивного редукционизма – замены подлинной модернизации ее имитационными формами.

Элита реформ оказалась недостаточно гомогенной и стабильной. Основная проблема российской элиты реформ в сравнительной перспективе состоит в недостаточной институционализации, отсутствии стабильных процедур рекрутирования и, как следствие, непрочности позиций в системе государственного управления¹⁶². В отличие от ряда других авторитарных режимов XX в. (где элита реформ постепенно готовилась к демократической трансформации), в России ее приход к власти был возможен, как правило, только в результате непредвиденного кризиса власти, а стабильность положения была связана едва ли не исключительно с поддержкой главы государства (как в период абсолютизма, так и реформ Горбачева или Ельцина). Эта элита была плохо подготовлена к решению проблем постсоветского периода, включавших не только демократизацию, но и решение уникальных задач перехода от плановой экономики к рыночной, причем в многонациональной стране. Отсутствие социальной гомогенности элиты и спонтанность реагирования на внешние вызовы в период реформ Ельцина – Гайдара признаются ее представителями¹⁶³. Соответственно, утрата ею когнитивного доминирования (в ситуации контрреформ) и уход от власти определялись не столько достижением программных целей реформ, сколько элементарной сменой лидера.

Лидерство определяется конституционными прерогативами главы государства, его неформальными (метаконституционными) полномочиями и личными качествами. Фигура главы государства – сверхпредставительна: он – гарант конституции, интерпретатор ее норм, законодатель, поставленный над системой разделения властей, руководитель внутренней и внешней политики государства, верховный главнокомандующий. На практике глава государства – главный и единственный идеолог системы, он определяет информационную повестку, от него зависит интерпретация смысла исторического прошлого, настоящего и будущего, а социальная ответственность определяется не столько правовыми рамками, сколько чувством «исторической миссии». Эта система определяется понятием персоналистского стиля правления, позволяя говорить о формировании режима личной власти¹⁶⁴.

Нет ничего удивительного, что новая структура политического режима сильно напоминала ту, которая существовала в предреволюционной России периода Думской монархии и на тех же основаниях может

¹⁶²Властные структуры и группы доминирования. СПб., 2012.

¹⁶³Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. Изд. 2. М., 2011.

¹⁶⁴Краснов М.А., Шаблинский И.Г. Российская система власти: треугольник с одним углом. М., 2008.

быть определена понятием «мнимый конституционализм». В концентрированной форме тенденции к централизации власти и управления выражались в последовательном расширении прерогатив исполнительной власти. При отсутствии работающей системы сдержек и противовесов объем законодательно закрепленных полномочий Президента РФ за последние 20 лет не только резко увеличивался, но и пополнялся новыми полномочиями, весьма спорными с точки зрения их соответствия Конституции РФ. Этот процесс шел за счет издания Президентом указов, предоставления ему новых полномочий законодательством, а также легитимации новых полномочий Конституционным судом РФ. Конституционные поправки новейшего времени укрепили эту тенденцию. Основные конституционные принципы сегодня по-прежнему далеки от последовательной реализации¹⁶⁵. Общим результатом постсоветской трансформации признается «дефектная демократия на грани авторитаризма», формирование которой означает, что «период неустойчивости еще далек от завершения»¹⁶⁶. Но «дефектная демократия» – также разновидность демократии. В отличие от номинального, мнимый конституционализм не исключает возможностей демократической трансформации режима.

Срыв договорной модели перехода к демократии и тяготение сконструированной политической системы к авторитаризму выражает исторически обусловленное противоречие между целями конституционного регулирования (вполне либеральными) и средствами, использовавшимися для этого (вполне авторитарными). Противоречие целей и средств достигает кульминации в настоящее время, когда, по официальному признанию, переходный период закончился, а его цели были достигнуты. Почему в таком случае средства остались прежними: не оказываются ли средства важнее целей, подменяя последние? Нестабильность норм и институтов говорит о непрочности конституционного порядка в России. Циклическая динамика конституционного развития делает возможными ситуации, когда определенные, ранее отвергнутые разработчиками, стратегии конституционных преобразований вновь обретают социальную поддержку и становятся источником конституционных поправок. Данный генезис конституционных принципов открывает путь к завершающей фазе постсоветского конституционного цикла – реставрационным тенденциям, апеллирующим к доконституционному (советскому или даже имперскому) прошлому со всей его системой идей и представлений¹⁶⁷.

¹⁶⁵Конституционные принципы и пути их реализации: российский контекст. Аналитический доклад. М., 2014.

¹⁶⁶Ясин Е.Г. Приживется ли демократия в России. М., 2012. С. 806.

¹⁶⁷Медушевский А.Н. Политический режим постсоветской России: эволюция, структура, тенденции развития // Социально-политические науки. 2015. № 4. С. 7–13

Основным противоречием действующей российской Конституции стал конфликт между широкой трактовкой прав и свобод человека и чрезвычайно авторитарной конструкцией политической системы, способствовавшей концентрации властных полномочий в одном центре – институте президента. Это противоречие, связанное исторически с трудностями переходного периода, ограничивает полноценную реализацию демократии и фундаментальных прав человека, а также соответствующих конституционных принципов – от правового государства, федерализма и рыночной экономики до разделения властей и местного самоуправления.

Современная Россия далека от полноценной реализации основных либеральных принципов Конституции 1993 г., но должна следовать им, если не хочет реставрации авторитаризма. Оставаясь во многом мнимым, современный российский конституционализм, однако, не исключает (в отличие от номинального советского) возможности его последующей демократической трансформации. Рациональное конституционное проектирование, учитывая циклическую динамику конституционализма, должно исходить не из эмоциональных оценок, но перспективного политико-правового конструирования, ясного представления о трудностях и способах их преодоления, предлагая адекватные методы конституционной инженерии.

ПОНЯТЬ РУССКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Основной задачей данного исследования было рассмотрение политической истории русской революции как длительного исторического процесса. В основу положен когнитивный метод, суть которого – в реконструкции мотивации поведения индивидов на основании продуктов их целенаправленной деятельности – памятников конституционализма. Когнитивное освоение реальности в ходе революции предстает как акт творения – движение сознания общества от хаоса к порядку. Конструирование картины мира в общественном сознании происходит из недискретного мира (хаоса) к созданию дискретного – нового политического порядка, закрепляемого во фреймах (образцах) поведения, правилах и нормах, системах кодирования информации (понятиях и символах). Этот процесс создания правил, норм и поведенческих установок определяет параметры социальной и когнитивной адаптации индивидов. Он имеет характер целенаправленной деятельности и выражается в фиксации новых ценностей, норм и институтов в программных идеологических документах, юридических актах, установках социальной практики. Опираясь на результаты этой целенаправленной деятельности – ее интеллектуальные продукты, исследователь способен реконструировать замысел и цели творца – создателя соответствующего документа. В концентрированном виде процесс преодоления революционного хаоса и создания новой картины мира выражается в юридическом конструировании реальности – целенаправленном создании конституций, выступавших как юридические модели реорганизации общества в соответствии с принятой идеологией.

Значение методологии когнитивной юриспруденции для решения поставленной задачи состоит в том, что она позволяет преодолеть противоречия трех основных традиционных подходов в теории права (естественного права, нормативизма и реализма), сводящих это понятие к этическим ценностям, юридической норме, или стандартам судебной практики. В рамках когнитивной методологии все три аспекта взаимосвязаны в юридическом конструировании основных конституционных принципов (и логике образования понятий). Идеологические установки могут

быть стабильны, различны или меняться с течением времени, но определяющее значение имеет процесс их фиксации – закрепления в определенных документах, правовых нормах, правилах, институтах и процедурах. Именно момент фиксации этих установок в праве (их позитивации), определяемый как «конституционный момент» – составляет переломный пункт трансформации сознания общества, позволяя раскодировать содержание понятий на уровне понимания смысла.

Данный подход определил общую идею исследования – раскрыть логику русского революционного процесса в исторической длительности (на всем протяжении действия революционной формулы), сравнительной перспективе (крупных революций прошлого и современности) и функциональном контексте (механизмы принятия стратегических политико-правовых решений) исходя из реконструкции смысла конституционных принципов, их позитивации в праве и функционирования в политическом процессе. Решение этой задачи означает создание основ доказательной политической истории революции как единого исторического процесса.

С позиций данного метода революция определена нами как спонтанный процесс психологического срыва общества, связанный с преодолением когнитивного тупика – конвульсивная агрессивная реакция традиционалистского сознания на быстрые социальные изменения, определяющаяся, согласно формуле Токвиля, феноменом относительной депривации в условиях неконтролируемого роста завышенных ожиданий. Когнитивный диссонанс, в основе которого лежит противопоставление действующего права и идеала справедливости (как правило, утопического), в ходе революции находит разрешение в разрушении функционирующей социальной системы (в отличие от реформы, которая модернизирует систему в процессе ее функционирования). Прекращение функционирования системы означает социальный вакуум, который естественным путем (спонтанной саморегуляции общества в ответ на внешние и внутренние вызовы) приводит к формированию известной новой системы. Крушение системы выражается в разрушении ее правового пространства – отказе от легитимирующей формулы старого порядка, разрыве структуры и иерархии правовых норм и институтов. Правовая система функционирует только при существовании стабильных норм (социальных и правовых), а утрата стабильности запускает процесс спонтанной и неконтролируемой обществом селекции новых норм (в условиях революции это в минимальной степени зависит от воли и намерений людей). В конечном счете этот процесс с неизбежной логикой завершается созданием новой правовой системы. Весь вопрос в том, какой системы: способна ли она преодолеть когнитивный диссонанс в обществе, восстановить утраченную стабильность, разрешить конфликт права и справедливости, создать новую функционирующую систему норм, институтов и практик, обеспе-

чивающую устойчивое поступательное развитие. Или дело сводится к принятию суррогатных, имитационных и гибридных вариантов институциональной стабильности, пролонгирующих конфликт на будущее с неопределенной перспективой его разрешения. Вариативность революционного процесса определяется, следовательно, тем, в какой мере новой политической элите удастся обуздать революционную стихию, преодолеть революционный хаос, поставить деструктивные процессы под свой контроль и добиться последовательной и рациональной институционализации необходимых социальных изменений, иначе говоря – создать функционирующую правовую систему.

Типология революций позволяет разделить их на те, которые завершились демократической консолидацией общества и те, которые оказались неспособны решить эту задачу в ходе революционного цикла. Вопрос о балансе достижений и провалов революции зависит от качественных оценок событий и определяемых ими оценочных критериев. Достижения русской революции обычно усматриваются в радикальной социальной трансформации – реализованном переходе от традиционного общества к индустриальному: переходе от сословного общества к массовому; расширении уровня социальной мобильности; создании новой экономической и социальной инфраструктуры; решении так называемого аграрного вопроса (путем фактического уничтожения традиционного крестьянства в результате сплошной коллективизации); урбанизации (большая часть населения живет в городах); секуляризации сознания (ослабление церковного влияния); медицинском обслуживании (гигиена, борьба с эпидемиями и т.д.); развитии массовой культуры (всеобщая грамотность и создание квалифицированной рабочей силы). Однако все это – задачи, определяемые понятием модернизации, которые (как показывает опыт других стран) теоретически могли быть осуществлены, причем более последовательно, не революционным, а реформационным путем (с неизмеримо меньшими социальными издержками).

Большинство актуальных проблем современного постсоветского общества коренятся в нереализованности объективных целей русской революции: *Во-первых*, революция не решила проблему национальной идентичности и формирования гражданской нации (советский миф интернационализма оказался непрочен и в конечном счете потерпел крушение перед лицом роста национализма, прежде всего российского – причина распада СССР). Специфика русской революции по сравнению с классическими европейскими состояла в попытке одновременного решения трех проблем – перехода к демократии (гражданскому обществу), правовому государству и новому национально-территориальному устройству (федерализм). Эти три направления трансформации, соединенные в узкий период времени и проходившие в экстремальных условиях Первой

мировой войны, вступали в конфликт друг с другом и завершились коллапсом демократической системы. С одной стороны, принцип правового государства исключал идею коллективистской демократии (не формального, но фактического равенства); с другой – эта последняя идея имела мало общего с принципами национализма и национального самоопределения; с третьей – концепция национального самоопределения, будучи механически увязана с концепцией федерализма, таила потенциальную угрозу распада единого государства – вела к территориальному обособлению наций и этносов, появлению так называемых титульных наций, ставивших под вопрос права национальных меньшинств. Выход из этой цепочки противоречий мог быть найден в рамках последовательного проведения принципов гражданского равенства, предложенных либеральной мыслью, однако он оказался неприемлем в силу радикального неприятия массами (и левыми партиями) правовых инструментов разрешения противоречий в пользу уравнилельно-распределительной трактовки социальной справедливости. Советский интеграционный проект завершился созданием унитарного государства имперского типа, камуфлировавшего проблемы советского псевдофедерализма по линии его теоретических основ, правовой структуры и институциональной динамики бикамерализма, конструкции законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти центра и субъектов федерации. Советский федеративный эксперимент заложил основы крушения СССР и конфликтов на постсоветском пространстве, заставляя задуматься о преодолении допущенных ошибок на пути формирования полноценного федерализма в будущем.

Во-вторых, революция, уничтожив формы частного права, насаждавшиеся в имперский период по образцу западных стран, не только не создала гарантий частной собственности как основы рыночной экономики, но и уничтожила те, которые были созданы ранее. В истории известно два типа правовых систем – принимающих институт частной собственности (как незыблемое правило, по крайней мере, для активной части общества) и отторгающих его во имя фактического (материального) равенства индивидов, обеспечиваемого периодическим перераспределением ресурсов государством. Французская революция остановилась именно на этой границе (подавив коммунистический заговор Бабёфа «во имя равенства»). Русская революция (и ряд следовавших за ней «социалистических революций» в разных регионах мира) до конца прошла по этому пути. Данный исторический выбор имел чрезвычайно деструктивные последствия: подрыв легитимности института собственности как таковой; фикция передачи земли крестьянам с полным отчуждением их от собственности на нее (декрет, но не закон); нестабильность экономических институтов (система долго паразитирует на перераспределении ресурсов, не создавая стабильных правил их распределения); подавление коммер-

ческой инициативы и конкуренции как основы экономического роста; деспотический контроль государства над всеми формами хозяйственной деятельности, что дает ему огромную дополнительную власть над жизнями людей. Эта система на всем протяжении своего существования основана на слиянии публичного и частного права, отрицает последнее в теории (как «буржуазное право»), общественном сознании и в экономике (подавление фермерства). Доля населения, способного мыслить в категориях рыночной экономики, неуклонно уменьшается. Неприятие права частной собственности в общественном сознании и отсутствие ее полноценных гарантий в праве постсоветского периода ведет к ее неправоначальному перераспределению – захвату собственности и бегству ее владельцев туда, где она защищена. Проблемы формирования рыночной экономики, связанные с укреплением и легитимацией прав собственности (в том числе собственности на землю и введения ее в коммерческий оборот) последовательно не решены до сих пор.

В-третьих, не было создано гражданское общество современного типа. Напротив, произошла ретрадиционализация общества, возвращение его в аморфное (атомизированное) состояние, деградация начал европейской культуры, подавление личности (это видно на уровне как правовых понятий, так и русского языка, наиболее четко отразившего примитивизацию и огрубление общественного сознания). Секрет быстрого успеха большевистской революции (распространение «со скоростью пожара») – в том, что ее идеология соответствовала массовому сознанию доиндустриальной эпохи, причем распространение революции останавливалось именно там, где сознание было другим (это видно географически). Поскольку главным инструментом поддержания социальной стабильности остается распределение ресурсов государством, возможность создать полноценный средний класс была упущена. Данная система, основанная на экономическом принуждении, не самодостаточна – не создает уровня благосостояния, возможного лишь при частной собственности и конкурентной экономике. Она позволяет обеспечить лишь механическую стабильность, альтернативой которой является разрушение системы. Поддержание этой стабильности предполагает перенесение конфликта во внешний мир (идея «мировой революции»), мобилизационный тип сознания («последний и решительный бой»), его поддержание репрессиями и постоянным воспроизводством образа врага как внешнего, так и внутреннего (скрытые и явные «враги народа»). Разрушительные войны для системы – источник мобилизации, а в случае успеха войн – получения новых готовых ресурсов. Сохраняется угроза подмены гражданской идентичности имперской, а полноценного гражданского участия – навязываемыми стереотипами официального патриотизма.

В-четвертых, не было создано правовое государство и не реализовалась даже авторитарная модель, способная на переходный период стать гарантом возвращения к правовой стабильности (ассоциирующаяся с бонапартизмом). Попытка решить эту проблему договорным путем созыва Учредительного собрания продемонстрировала вариативность моделей возможного политического устройства – от конституционной монархии до республики парламентского или смешанного (парламентско-президентского) типа. Однако ни одна из них не стала основой последующего революционного процесса. Советская однопартийная диктатура, радикально отвергнув все традиционные демократические формы правления, привела к возникновению системы, основанной на соединении власти и собственности в руках правящего слоя. Вместо защиты частной собственности власть делает высшей ценностью восстановление «порядка» – перераспределение ресурсов между различными группами общества в интересах самосохранения. Это открывает путь политической системе, абсолютно бесконтрольной перед обществом, которая сопоставима с деспотическими государствами прошлого, отличаясь от них более мощными информационными и техническими инструментами поддержания своего господства. Данный вектор создал предпосылки реализации сталинской модели социального конструирования – радикальной модернизации общества при опоре на традиционалистские формы социальной и культурной адаптации, информационную монополию и неограниченное применение насилия. Переход от этой системы к правовому государству становился невозможен без радикальных (революционных) изменений ее несущих основ.

В-пятых, до сих пор не решена проблема восстановления правовой и политической преемственности дореволюционной, советской и постсоветской России. Все попытки разрешения конституционного кризиса правовым путем и обеспечения договорного перехода к демократии (Демократическое совещание, Учредительное собрание, Съезд народных депутатов и пр.) заканчивались срывами – крушением государства и его распадом по национальному признаку (два раза за одно столетие – небывалый случай). Термидор, идея которого доминировала в сознании как сторонников, так и противников революции, не состоялся (лжетермидор периода НЭПа был тактическим ходом власти, связанным с учетом большевиками опыта Французской революции и падения якобинцев). Русская революция, в отличие от классических европейских, не знала полноценной правовой стабилизации – Термидора, бонапартизма, возвращения эмиграции и реставрации монархии. Каждый новый режим в России радикально отрицает предшествующий, разрывая преемственность правовых гарантий. Исключения не составляет и новейший постсоветский

режим, возникший в результате революционного коллапса советской диктатуры.

В-шестых, в русской истории Новейшего времени не были созданы прочные правовые основания передачи власти от одного лидера другому – это всегда спонтанный процесс (в лучшем случае дворцовый переворот, в худшем – революционная смена власти), не поддающийся рациональному прогнозированию. Вот основные этапы передачи власти: разрыв исторической и юридической легитимности произошел уже в ходе отречения монарха и формирования Временного правительства; долгожданная российская конституанта (Учредительное собрание), потенциально способная обеспечить конституционно-правовую стабилизацию, была отвергнута в пользу самопровозглашенных советских институтов, быстро ставших прикрытием однопартийной диктатуры большевиков, трансформировавшейся в неограниченное правление партийной элиты во главе с Лениным. Его уход с исторической арены спровоцировал дискуссию о преемнике, завершившуюся установлением власти триумvirатом, а затем единоличной диктатурой Сталина. Смерть последнего, вновь поставившая проблему преемника, завершилась отстранением от власти наиболее предсказуемых кандидатов, приходом к власти Хрущева, свержение которого реализовалось в виде внутрипартийного (фактически – дворцового) переворота 1964 г. Последующий период «стабильности» («коллективного руководства») партийной олигархии во главе с Брежневым ознаменовался сменой лидеров в результате простого факта их физической смерти. Наконец, отстранение Горбачева произошло в результате августовского путча 1991 г. и распада СССР. Эта логика в сущности воспроизводится в постсоветский период: революционный приход к власти президента Ельцина; квазимонархическая передача им власти президенту Путину, квазиконституционный эксперимент с «танемом» и возврат нового-старого президента, общая непредсказуемость передачи власти в будущем. Таким образом, ключевая проблема конституционной передачи власти не решена – остается фактически вне социального контроля, что очень опасно не только для судеб демократии, но и страны в целом.

В-седьмых, не возникло полноценной национальной политической элиты, отстаивающей интересы государства. Этот результат объясняется отсутствием правовой (конституционной) преемственности, затруднявшей обеспечение легитимности власти и институционализацию лидерства. Дореволюционная элита была уничтожена в ходе революции; революционная – в результате сталинских репрессий; последующая номенклатура деградировала вместе с режимом и полностью утратила контроль над ситуацией. Постсоветская элита является ею лишь в потенции – оказалась маргинализирована в результате отсутствия правовой легитимности, исторической преемственности, экономической устойчивости,

символического статуса и культурно-функциональной идентичности. В целом она лишена социальной гомогенности, представляя собой неустойчивую комбинацию олигархов, чиновников, силовиков и обслуживающих их интеллектуалов, пребывающих в неустанном поиске «национальной идеи».

Таким образом, революционный проект столетие спустя после его начала в сущности не получил полноценного завершения: демократическая консолидация общества не завершена; федеративное устройство сохраняет живые следы советского наследия и не может быть признано эффективным; ключевые задачи социальной и политической модернизации остаются нерешенными. Если социальная трансформация традиционного общества состоялась, то политическая трансформация (создание демократической системы) не завершена до сих пор. Современная повестка политической модернизации практически полностью сходна с той, которая предлагалась конституционными демократами столетие назад. Главная причина этого – особая природа советского однопартийного режима и логика его функционирования на протяжении большей части XX столетия. Эта логика определялась соотношением трех факторов: принятием основополагающего коммунистического мифа, особым типом номинального конституционализма и созданной на его основе системой институтов и практик.

Суть коммунистического проекта – радикальная перестройка общества на основе идеи всеобщего равенства, понимавшегося не как формальное, но как материальное (фактическое). Результатом его направленной реализации становилась ретрадиционализация общества – отказ от достижений предшествующего этапа цивилизационного развития (имперская государственность эволюционировала в целом в направлении гражданского общества и правового государства). Коммунистическая идеология проделала существенную эволюцию уже на стадии ее практического применения. *Феномен большевизма* – экстремистская диктатура, закономерное следствие крушения гражданского общества и либеральных конституционных реформ, попытка насильственной реализации коммунистической утопической программы, приведшей к ретрадиционализации и архаизации общества, установлению террористического правления, имевшего вполне выраженные аналоги в прошлом (радикальные религиозные секты Средневековья, якобинцы и бешеные Французской революции, Парижская коммуна) и в экстремистских режимах XX в. (как марксистского, так и фундаменталистского типа – от маоистов и красных кхмеров до апологетов Исламского государства). Подчеркнем принципиальную роль мифа Парижской коммуны в процессе разработки первой советской Конституции 1918 г. Данный миф вызвал к жизни гибридный характер конституции как синтеза трех идеологий – анархического ком-

мунизма, корпоративизма и централизма, определив оригинальную окончательную интерпретацию доктринальных основ, институциональной структуры и применения конституционных норм. Вопреки существующим в литературе социологическим объяснениям, историческая динамика большевизма связана с изменением внутренней мотивации поведения его адептов – в рамках конфликтного соотношения идеологии и исторической традиции по таким параметрам, как ценности, психологические установки, цели и средства их достижения. *Сталинизм* предложил новую конструкцию утопической программы, отодвинув достижение конечной цели на будущее в обмен на гарантии социальной стабильности и иерархии в настоящем. Сталинская модель политической системы, воплощенная в Конституции 1936 г., стала возможна в результате установления тотального контроля государства над обществом, информационной сегрегации общества; механического преодоления конфликта идеологии и знания путем устрашения (массового террора); использования новых рычагов социальной инженерии и управления мотивацией поведения; поддержания перманентного диссонанса как когнитивного закона реального социализма; окончательного выведения механизма принятия решений из сферы социального контроля и трансформации партийного культа в культ личности вождя.

Последующая трансформация коммунистического мифа не покушалась на его основы и не выходила за рамки его частичной корректировки. *Проект реформ «оттепели»* (несостоявшаяся конституция 1964 г.) связан с разочарованием в революционной идеологической формуле и потерей перспективного видения ситуации советской элитой. Решение проблемы усматривалось в принятии коммунистической идеи в качестве правовой фикции и основы для последовательного юридического конструирования всей правовой и общественно-политической системы. Очевидная несостоятельность этой программы определила поиск прагматического разрешения конфликта права и идеологии на следующем этапе – позитивации ключевых идеологических символов и институтов в праве при сохранении его номинального характера (фиксация руководящей роли коммунистической партии в Конституции 1977 г.). В этой перспективе *перестройка* предстает не революцией, но реформацией (подобно религиозной Реформации в Европе на рубеже позднего Средневековья и раннего Нового времени). Это – стратегия реформ, связанная с осознанием бесперспективности коммунистического проекта в советской интерпретации и стремлением к возрождению его мессианского характера в обновленной и очищенной от коррупции форме. Проект перестройки состоял в сущности в преодолении идеологического и институционального паралича, но имел ограниченный масштаб (не покушался на системообразующий революционный миф), ретроактивный характер (идеал

политического устройства усматривался в прошлом, а не в будущем), игнорировал существующие в мире модели политического устройства (в силу стремления сохранить преемственность советских институтов), оказался запоздавшим по времени. Провозглашение новых этических ценностей без радикального изменения отношений собственности, институтов и процедур управления привело к крушению советского режима. Эволюция коммунистического мифа на всех этапах его существования не отменяла, следовательно, его сути – отказа от частной собственности, гражданского общества и правового государства.

Распространение коммунистического мифа, под влиянием которого к концу XX в. оказалась едва ли не половина человечества, связано с такими его особенностями, как утопический (квазирелигиозный) характер, чрезвычайная привлекательность для массового сознания традиционных аграрных обществ, особенности его структуры (соединение идеологии, научного прогноза и мобилизационной социальной практики). Он охватил своим действием не только страны социалистической системы («реального социализма»), но и значительное число развивающихся стран Азии, Африки, Ближнего и Среднего Востока, Латинской Америки, где оказался совместим с популистскими программами аграрных и антиколониальных революций. Данный миф и практика его реализации в СССР оказали мощное влияние на их идеологию (народнические теории социального переустройства); постановку программных целей (построение коммунизма или социализма – марксистского, исламского, африканского, буддийского, кхмерского и т. п.); методы утверждения у власти (революционный переворот с последующим установлением диктатуры – классовой, однопартийной, личной); формы господства (стремление к тотальному контролю государства над обществом, экономикой и информацией); способы достижения этих целей (уничтожение целых классов и слоев населения в условиях «военного коммунизма» и его аналогов), сходство системы мобилизационных институтов (образцом которых выступали российские советы крестьянских, рабочих или солдатских депутатов или их аналоги под контролем революционной элиты, иногда с учетом специфики конфессиональных, этнических и даже племенных различий), полное отрицание либерально-демократических институтов представительства, парламентаризма, федерализма, разделения властей и местного самоуправления во имя чрезвычайных революционных форм власти и управления, юридическая несменяемость власти, установление культа личности правителя как системно цементирующего института. Речь шла не столько о заимствовании советских правовых форм, сколько сути режимных характеристик – создании власти, фактически бесконтрольной в осуществлении насильственной модернизации общества. Результатом стал особый тип деспотического государства, опиравшегося на истори-

ческую традицию, государственную идеологию и массированные репрессии. Общая логика развития политического процесса в этих режимах также сходна: постепенное усыхание идеологического (утопического) ядра, движение от революционного хаоса к механической стабильности и порядку, переходящему в застой, крушение системы – отказ от номинального конституционализма в пользу реального, как правило, с последующим установлением различных модификаций авторитаризма.

Правовым выражением этой системы стал номинальный конституционализм – провозглашение норм, не реализуемых на практике. Номинальный конституционализм исторически противостоял реальному, но отличался и от мнимого конституционализма эпохи дуалистических монархий начала XX в., и от их современных аналогов, поскольку последний, пусть в ограниченной форме, включал элементы разделения властей и парламентского контроля над исполнительной властью. В отличие от реального, советский номинальный конституционализм имел три основные особенности: приоритет идеологии над правом, полное отсутствие реализуемого характера правовых норм, отказ от судебного контроля конституционности законодательства (только политический контроль) и, как следствие, – чрезвычайную гибкость (все правовые нормы могли быть наполнены любым удобным власти содержанием путем их идеологического и политического толкования). Феномен номинального конституционализма, изобретенный большевиками и достигший наивысшего развития при сталинизме, не является, однако, исключительно российской спецификой. Он утвердился во всех странах, строивших политическую систему в соответствии с советской моделью светской теократии – диктатуры коммунистического типа или генетически близких к ней режимов. Под генетической близостью следует понимать не содержательное сходство идеологических постулатов, но идеократический тип легитимирующей формулы, представленной в разнообразных вариациях – от современных теократий до различных режимов направляемой демократии.

СССР со времени его создания (Конституция 1924 г.) представлял собой гибрид взаимоисключающих принципов – конфедеративное объединение, определявшее себя как федерацию, но на деле представлявшее собой унитарное государство. Три основных принципа советского квазифедерализма вступали в неразрешимое противоречие: конфедерализм тяготел к сепаратизму, федерализм – к формальной децентрализации, а унитаризм – к монолитной вертикали власти. Фактически эта конституционная конструкция была обречена балансировать между двумя крайностями – угрозой распада и абсолютной унификации, исключая правовую саморегуляцию системы. Единая вертикаль союзного и республиканских президиумов ЦИК (позднее – Верховных Советов) как «коллективных президентов» – становилась мощным инструментом сворачивания феде-

рализма, централизации и бюрократизации советского режима, обеспечивая реализацию тотального партийного контроля на всех уровнях. В этой перспективе главная «особенность» номинального советского федерализма заключалась в отсутствии конституционного механизма разрешения противоречий по линии бикамерализма (в СССР не было примеров конфликта двух палат), что стало причиной его неспособности предотвратить деструктивные процессы эпохи крушения СССР. Распад СССР в 1991 г. воспроизводит всю логику создания этого государства в обратном порядке: пересмотр роли КПСС как гаранта Конституции поставил вопрос о движении к реальному конституционализму, но отсутствие адекватных механизмов правового разрешения конфликтов между республиками по линии бикамерализма и конституционного правосудия делало естественным прямое обращение к аутентичному смыслу конституционных (договорных) гарантий федерализма. Отказ от унитаристского начала вел к децентрализации власти по линии номинального федерализма, а последняя завершилась распадом страны на основе конфедеративного принципа самоопределения национальных государств. Описав полный круг, советский эксперимент в 1991 г. вернул страну к начальной точке – ситуации распада Российской империи в 1917 г. Конституция РФ 1993 г., отказавшись от советской концепции федерализма как способа решения национального вопроса, провозгласила принцип народного суверенитета и отвергла идею сепарации республик. Но она по-прежнему сохраняет опасный уровень преемственности в отношении советского государственного устройства: воспроизводит противоречивое соотношение конфедеративного (договорного), федеративного и унитаристского принципов; сохраняет асимметричную модель федерализма; неопределенность в разграничении компетенций центра и регионов. Реализация принципа федерализма как элемента разделения властей сталкивается со слабостью верхней палаты, противоречивостью решений Конституционного суда и конституционного правосудия в регионах, доминирующей ролью президентской власти в разрешении противоречий. Общий вектор современного конституционного законодательства вновь определяется как сворачивание федерализма и движение к унитаризму. Очевидно, что полноценная реформа российского федерализма должна преодолеть этот дьявольский круг – ориентироваться на последовательный пересмотр тех противоречий и сбоев, которые были заложены при создании СССР в 1924 г. и продолжают спонтанно действовать до настоящего времени.

Номинальный характер советского конституционализма как формы общественного сознания и социального конструирования ставит в тупик тех исследователей, которые не могут найти объяснения его устойчивости, длительности существования и исторической инерции. Когнитивный анализ номинального конституционализма позволяет ответить на эти во-

просы. Декларативные принципы системы внешне соответствуют тем, которые фиксируются теорией рационального выбора. Данный выбор опирался на всю полноту доступной обществу информации («научная» теория); включал неписанный (но подразумеваемый) «договор» между обществом и властью (партией); фиксировал права и обязанности сторон на определенный период времени (от установления диктатуры до построения коммунизма); определял этапы движения по этому пути (стадии построения социализма и коммунизма); предоставлял гарантии реализации фундаментальных целей проекта и способы возможной тактической корректировки движения к нему; вводил систему обратных связей между обществом и элитой («всенародные обсуждения» и «выборы»); предполагал определенные ограничения прав во имя достижения цели; закреплял образцы приемлемого и неприемлемого (девиантного или преступного) поведения (признаки которого фиксировались кампаниями террора против «колеблющихся», «врагов народа» или «диссидентов»), наконец, делегировал властные полномочия по достижению цели государству, т.е. правящей партии и ее лидеру.

Этот выбор оказался совершенно иррационален, поскольку основывался на утопической картине мира, включал ложные когнитивные ориентиры и вообще не мог быть реализован на практике. Однако ложность когнитивных установок не отменяет реальности вклада номинального конституционализма в трансформацию общества и ценности полученного социального опыта. Всякая конституция есть фиксированный продукт направленной деятельности по поддержанию когнитивного доминирования элиты в обществе. Было бы ошибкой поэтому видеть в нем монолитный и неизменный феномен. Это заставляет искать рациональный смысл в номинальном конституционализме и смене стадий его развития. Проведенное исследование позволило реконструировать систему психологических установок, норм, институтов и реальных социальных функций номинального конституционализма – квазиправового регулирования, представленного деятельностью Конституционных комиссий 1918, 1924, 1936, 1964 и 1977 гг. с целью понять его реальное место в правовой традиции страны и воздействие на постсоветское конституционное развитие.

Внимательное изучение феномена номинального конституционализма и логики его развития в советское время позволяет констатировать его двойственную природу, определяющуюся сочетанием принципов различного происхождения – идеологических и правовых норм. Советский конституционализм, как уже отмечалось, может быть определен как своего рода «магический реализм»: его нормы вполне реальны (с юридической и эмпирической точек зрения), однако их истинный смысл выступает как эманация идеологической магии (т.е. основан не на знании, но на вере в сверхъестественное). Поэтому истинный смысл норм не доступен про-

фанному пониманию (в том числе профессиональных юристов старой школы, опирающихся на доказательные методы познания) и может быть установлен исключительно посвященными – идеологическими жрецами культа и экспертами, владеющими методами «научной» марксистской идеологии, работающими с этими сакральными объектами в глубокой тайне, с соблюдением установленного ритуала, использованием особого языка, символов, знаков. Эта идеологическая магия способна истолковывать нормы таким образом, что их очевидный смысл меняется на противоположный. Меняется и образ репресслируемых противников режима, распознавание которых в рамках коммунистической демонологии требует особой бдительности и проницательности. Динамика советских представлений о праве выражается сменой трех основных идеологических концепций: «революционного правосознания», «революционной законности» и «социалистического правопорядка», предлагавших различные формулы сочетания права и целесообразности, в целом отражавших последовательную консолидацию однопартийной диктатуры. Первая из них означала полное отрицание права во имя революционной целесообразности (1918–1920); вторая – установление их неустойчивого компромисса (1921 – начало 1930-х годов), третья – их полное отождествление (начиная с 1930-х годов). Все три формулы – революционного правосознания, революционной законности и социалистического правопорядка – представляли собой отказ от права во имя политической целесообразности, став обоснованием террора как метода подавления и социализации. После окончательного утверждения третьей концепции в 1936 г. власть предпринимает систематические усилия по созданию особой советской «теории государства и права», превращению юристов и судей в особую закрытую касту, трансформации институтов профессиональной подготовки юристов. Иррациональное происхождение норм, как показывает юридическая антропология, в случае их принятия обществом не только не снимает их реальности, но, напротив, предполагает неуклонное выполнение.

Преодолеть противоречие номинального конституционализма и повседневной жизни можно было тремя психологическими приемами – вытеснением, замещением и переключением сознания. Первый способ реализовался в направленном изменении картины мира путем конструирования пространства, времени и смысла существования – пересмотра ценностных установок, принципов и норм, сопровождавшегося в ходе принятия конституций переписыванием истории (в том числе революционной), заменой нежелательных для системы стереотипов и установок желательными. Второй – в изменении смысла норм на когнитивном (семантическом) уровне с помощью политического толкования их смысла. Так, принципы свободы и равенства, выдвинутые в эпоху Учреди-

тельного собрания, были последовательно редуцированы их коммунистической трактовкой, принципы социальной справедливости и защиты собственности – их классовой (коллективистски-уравнительной) интерпретацией; принципы демократии, федерализма и парламентаризма – «советской демократией», означавшей установление диктатуры. Третий способ представлен в таком кодировании информации, которое предполагало механизм постоянного переключения сознания с номинальных (формальных) норм на неформальные (реальные) для преодоления неизбежно возникавшего в повседневной жизни когнитивного диссонанса декларируемых и реальных установок. Эта способность была доведена до автоматизма и представляла собой важнейший инструмент выживания в советской системе (знаменитое «двоемыслие»). Концентрированным выражением всех трех параметров регулирования являлось присутствие во всех советских конституциях особой нормы о том, что их демократические принципы могут быть реализованы только в интересах социалистического строительства, причем определение этого соответствия являлось исключительно делом партии и ее руководства. Это не позволяет принять дошедший до нашего времени предрассудок о широкой формальной демократичности советских конституций, не реализованной будто бы в результате их неадекватного применения. Сама правоприменительная практика – результат принятия описанной модели.

Когнитивный механизм вытеснения и замещения одних стереотипов другими отражен в способах принятия и трансформации советских конституций. Эффективная форма решения проблемы была найдена в уникальном механизме «всенародного обсуждения» конституций, прямых аналогов которому нет в других странах. Они, как показывает проведенное исследование, не тождественны традиционным типам плебисцитов, референдумов или опросов общественного мнения, поскольку представляют собой не единовременные акции, а продуманную систему индоктринации. Будучи одновременно формой пропаганды и политического пиара (поскольку предполагали обратный контакт между властью и аудиторией), они оказались мощным инструментом трансформации сознания в определенном направлении. Этим объясняются темы, выносимые на обсуждение (определение смысла конституционных норм); порядок его организации (в форме дисциплинированной и контролируемой дискуссии), преследуемые цели – вытеснение негативных представлений и навязывание позитивных для власти стереотипов восприятия реальности. Становится понятным и выбор момента для проведения подобных акций – в канун крупных социальных переворотов, что позволяло дезориентировать оппозицию и укрепить мандат власти на проведение масштабных мобилизационно-репрессивных кампаний.

Номинальный конституционализм выполнял ряд вполне реальных социальных функций – легитимации системы, обоснования ее безальтернативности в настоящем и несменяемости в будущем, камуфлирования реальной власти. Первая из этих функций заключалась в признании окончательности исторического выбора общества в ходе коммунистической революции (хотя достижение утопического идеала постоянно отодвигалось в неопределенное будущее). Вторая – во введении такой трактовки общественного договора, которая не предполагала возможности его пересмотра в изменившихся обстоятельствах как действующими, так и последующими поколениями (формальная легкость пересмотра всех советских конституций определялась именно этим базовым принципом). Третья из этих функций выражалась принятием такой концепции советского государства, которая нивелировала роль подлинного носителя власти – партии и ее руководства, метаконституционный статус которого никогда не получал четкого юридически фиксированного характера. Определяющей социальной функцией номинального конституционализма должна быть признана мобилизационная. Конституции действительно фиксируют этапы социальной трансформации, однако это не стадии социального прогресса («построения социализма»), а этапы массовой социальной мобилизации, требовавшие различной степени контроля общества государством, интенсивности подавления оппозиции, неодинаковых форм социальной коммуникации и инструментов манипулирования сознанием (смена которых определялась поиском ответов системы на внутренние и внешние информационные вызовы).

Понять устойчивость и длительность существования номинального конституционализма невозможно поэтому без учета экстраконституционного воздействия власти на общество – методов его социальной дрессировки, важнейшими из которых становились репрессивные кампании для закрепления новых стандартов социальной и когнитивной адаптации. Как показывает проведенное исследование, все советские конституции принимались в периоды роста репрессий – роспуска Учредительного собрания и Гражданской войны (Конституция РСФСР 1918 г.); подавления регионального сепаратизма и создания по сути унитарной модели государства (Конституция СССР 1924 г.); подготовки и начала Большого террора (Конституция 1936 г.); борьбы с либерализацией периода «оттепели» (Конституция 1977 г.). В тех случаях, когда репрессий не было (как в период «оттепели» или горбачевских реформ), инициативы по принятию конституций не были успешны. Конституции фиксировали новые «правила игры», вводили формальные критерии разделения системного и антисистемного поведения, определяли образ врага и служили идеологическим и юридическим обоснованием направленных репрессий, легитимируя применение различных форм насилия. Эти формы на раз-

ных стадиях консолидации режима включали физическое истребление всех несогласных (в период Гражданской войны), буржуазии (и вообще хозяйственно активной части общества), преследование национальных сепаратистов и уклонистов (иногда целых национальных меньшинств), адресные репрессии против религиозной оппозиции и политических оппонентов, уничтожение самой революционной элиты (в ходе сталинских репрессий), позднее – символическое и вербальное насилие, а также уголовное и психиатрическое преследование инакомыслящих («диссидентов»).

Основное противоречие системы номинального конституционализма – перманентный конфликт между нормой и реальностью – снималось путем направленного правового конструирования самой реальности. Будучи смиренной рубашкой на теле общества, конституции тем не менее не могли полностью игнорировать его институциональную динамику. В целом советские институты развивались в эндогенной форме – их эволюция была связана с внутренними потребностями революционного режима, но развитие имело направляемый характер, отвечало потребностям правящей элиты. Советы как политические институты оказались наиболее востребованной формой по ряду причин: возникнув спонтанно в ходе революции, они дали возможность ликвидировать вакуум власти, возникший в результате крушения старого порядка и его институтов (разрушение традиционного аграрного общества, кризис социальной структуры и институтов привели к ситуации, когда старые институты не работают, новые – не созданы). Советы позволяли преодолеть конфликт справедливости и права, предоставив его разрешение самим массам на уровне их понимания ситуации; эффективно осуществлять практику насильственной социальной мобилизации общества на решение вопросов экономики, обороны и модернизации; легитимировать подавление волн традиционалистски мотивированного социального протеста. Наконец, советы предлагали институциональную альтернативу заимствованию представительных институтов более развитых стран, которые были положены в основу политической системы либеральным Временным правительством, но отторгнуты большевизмом как не соответствующие народным традициям; давали возможность (в силу своей архаичности) манипулировать ими (а в случае необходимости подменять их другими институтами) со стороны революционной правящей партии, фактически выполняя ее директивы. Однако, будучи эффективным мобилизационно-распределительным институтом, советы изначально не могли стать полноценными органами власти и управления.

Определяя политическую систему как советскую, разработчики конституций видели условность этого термина. Главная институциональная проблема – соотношение советов и партии – так и не получила

разрешения: не существовало (вопреки официальным декларациям) никаких правовых преград вмешательству партии в деятельность советов всех уровней. Другая сторона той же проблемы – перенесение на советы ответственности за ошибочные решения партийных инстанций при камуфлировании их реальной власти. Третья сторона – последовательная деградация советского принципа, выражавшаяся в иерархизации и бюрократизации институтов. С этим связана невозможность создать прочные институты власти, действующие на правовой основе, общая незавершенность институционализации, противоречия которой так и не были преодолены в советский период. Переход от «диктатуры» к «общенародному государству» включал определенную институциональную трансформацию. Она выражалась, во-первых, в формальном расширении социальной опоры режима (движение от цензовых непрямых выборов в советы к принятию всеобщих безальтернативных выборов); во-вторых, в модификации структуры высших органов власти (в частности, – переход от аутентичной «советской демократии» к ее бюрократизированной версии с принятием некоторых внешних атрибутов парламентаризма), в-третьих, в постепенной юридической фиксации важнейшего института реальной власти – правящей партии (от полного отсутствия в первых советских конституциях к упоминанию партии в Конституции 1936 г. и принятию формулы о руководящей роли партии в 1977 г.). Завершением этой логики стало закрепление формулы о подзаконности партии и отмена положения о ее руководящей роли (1990), что стало шагом к ее окончательному роспуску (1991). В сущности, советская система – перманентная дисфункция институтов. Систематические попытки «оживления советов» не предотвратили растущей бюрократизации режима. Возник феномен институциональной нестабильности, который уже в начале революции был механически преодолен введением параллельного советскому чрезвычайного революционного (экстраконституционного) управления, действовавшего в разных формах фактически на всем протяжении существования СССР. Представление о советах как интегральных институтах непосредственной демократии, дошедшее до настоящего времени, требует поэтому решительного пересмотра.

Ключевой фактор эволюции советского политического режима – установление оптимального для системы соотношения формальных и неформальных норм и институтов. Противоречие формальных и неформальных норм (при всей условности их разграничения для советского общества) определило институциональную динамику системы, прошедшую пять этапов. *На первом этапе* (создания советского государства) доминирующую роль играют неформальные практики, поскольку революционный режим в принципе отвергал право как способ социального регулирования: в теории господствовало представление о последовательном «от-

мирании» права и замене его новым типом общественного сознания, на практике – административная система принципиально отрицала правовые ограничения, руководствуясь принципом революционной целесообразности. *На втором этапе* (консолидации диктатуры) преобладающее значение приобретает поиск стабильных правовых основ системы, что в правовой теории выражено сменой доктрины «правосознания» доктриной «революционной законности», дававшей возможность при необходимости обращаться то к одной, то к другой части этой внутренне противоречивой формулы. Результатом стала дивергенция формальных и неформальных практик в условиях растущего осознания нереализуемости революционного мифа (немедленного построения коммунизма во всемирном масштабе). Их разграничение достигалось, с одной стороны, путем последовательной юридической фиксации норм и институтов номинального конституционализма, закрепления их иерархии в правовой системе и четкого порядка их пересмотра (законность); с другой – за счет последовательного выведения неформальных норм и практик за скобки правового регулирования (целесообразность). Смысл институциональной трансформации состоял в замене старых правил и форм когнитивной и социальной адаптации новыми – жестком разделении формальных и неформальных институтов, превращении первых в полностью декоративные, вторых – в реально действующие. Проблема согласования двух типов норм номинального и реального права была решена принятием Конституции 1936 г. (система норм формального права), социальной мобилизацией (кампания по ее «обсуждению») и подавлением оппонентов, способных дать ее неконвенциональную (для режима) интерпретацию. Конституция «победившего социализма» 1936 г., принятая в канун Большого террора 1937–1938 гг., и сопровождавшая ее кампания внешнего и внутреннего политического пиара заложили основы советского мифа, представили его когнитивное оформление и четкое юридическое выражение. Пересмотр этого мифа и определявшегося им механизма взаимодействия формальных и неформальных институтов становился невозможен без отказа от несущих основ системы. Именно поэтому сталинская Конституция стала наиболее длительной по времени существования из всех советских конституций. Она действовала более 40 лет, а пришедшая ей на смену Конституция «развитого социализма» 1977 г. являлась скорее модернизацией ее положений, нежели их пересмотром. Очевидно, что устойчивость мифа о «самой демократической» Конституции 1936 г. определялась не содержанием декларативных конституционных положений, но их ролью в когнитивной трансформации общественного сознания, осуществлением масштабной социальной инженерии. Сталинская модель социального конструирования основана на ретрадиционализации политического сознания, насильственной модернизации и использовании

новых информационных технологий массовой мобилизации. О том, что подобное преодоление дуализма формальных и неформальных институтов не может быть долговременным и потенциально ведет к дестабилизации системы, ее создатели, по-видимому, не задумывались, полагаясь на силу репрессивно-идеологической машины в будущем.

Третий этап на этом пути – поиск способов конвергенции формальных и неформальных норм во имя сохранения эффективности режима в условиях остывания революционной лавы, когда теряли действенность доминировавшие ранее экстраправовые формы социальной мобилизации, основанные на революционном энтузиазме и массовом терроре. Формирующееся в послевоенной Европе и СССР общество потребления с его ценностями прав человека, гедонизма и индивидуализма, оказывалось все менее готовым следовать стандартам параноидальной революционной культуры, отказываясь жертвовать благами жизни настоящего поколения во имя процветания грядущих поколений при коммунизме. Формирующийся общественный запрос на реализацию декларативных идеологических норм вел к когнитивному диссонансу в отношении номинального конституционализма и его институтов, требуя от политической элиты новой модификации революционной формулы. Интуитивное ощущение постсталинским руководством институционального паралича и потери управляемости стимулировало дискуссию о деbüroкратизации политической системы, стремление кодифицировать и юридически выразить принципы ее устройства и функционирования. Однако найденное решение не выходило за рамки основополагающей революционной формулы и попытки возрождения ее метафизической мессианской роли (в виде идеи перехода к коммунизму). Основная причина провала проекта несостоявшейся Конституции СССР 1964 г. – невозможность конституировать утопию и создать систему норм и институтов, способных реально функционировать на этой основе.

Четвертый этап – попытка элиты прагматически решить проблему институциональной стагнации путем модификации легитимирующей формулы режима с целью поддержания своего господства в условиях новых вызовов глобализирующегося мира. Революционный потенциал легитимирующей формулы сменяется охранительным, а его воплощением становится позитивация идеологических принципов и институтов. Этим объясняются скрытые мотивы, идеологические аргументы и институциональные практики, выражающиеся понятием «ползучей конституционализации» тех неформальных принципов и норм, которые реально определяли функционирование системы, но ранее сознательно выводились из сферы формального правового контроля. Ключевой проблемой по-прежнему оставалось отношение государственных (советских) и партийных структур, а наиболее острая дискуссия шла по вопросу о необходимости

юридического определения института партии и его руководящей роли. Момент истины для системы – включение в Конституцию положения о партии как «ядре политической системы», позволявшее ставить вопрос о правовых границах и ответственности ее роли. Статья 6 советской Конституции 1977 г. о руководящей роли партии, ставшая результатом этой дискуссии, оказалась едва ли не единственной, полностью соответствующей социальной реальности так называемого «развитого социализма».

Пятый этап – коллапса системы и ее легитимирующей формулы. Движение от утопии к реальности на этой стадии выражалось в осознанном стремлении трансформировать номинальное право в действующее и приблизить его к реальности. Однако, когда система попыталась рассматривать утопические ценности и нормы номинального конституционализма как реально действующие (лозунг о «передаче власти от партии к советам»), это привело к потере управляемости и крушению однопартийной диктатуры, поскольку выявилась практическая неэффективность номинальных институтов. Отказ от коммунистического мифа и конец КПСС означал крушение созданного ею государства и его легитимирующей формулы. В 1991 г. оказалась вновь воспроизведена ситуация 1917 г., когда крушение самодержавия привело к распаду страны. Выход из кризиса был найден в конституционной революции и принятии Россией Конституции 1993 г., заложившей основы новой легитимирующей формулы власти и формирования постсоветской политической системы. Конституция 1993 г. определила Россию как «демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления», однако ввела сверхцентрализованную конструкцию политической власти, наделив президента огромными полномочиями и практически неограниченным правом по изданию указов с силой закона. Тем самым постсоветский конституционный цикл завершился принятием такой формулы власти, которая уже в момент своего появления на свет определялась как «латентная монархия».

Таким образом, конфликт двух типов норм, институтов и практик (формальных и неформальных) был имманентно присущ системе, прошел несколько стадий развития (дивергенции и конвергенции), но не получил разрешения, завершившись параличом и крушением системы. В реальности на каждом этапе развития советского режима представлен определенный баланс формальных и неформальных институтов (иногда их сочетания) – гибрид правового и неправового регулирования социального поведения, дающий политической элите возможность чрезвычайно эффективно изменять смысл конституционных норм, совершать подстановку одних интерпретаций другими и использовать одни нормы для фиксирования принципиально различных практик. Общий вектор советского юридического конструирования определялся социально-психоло-

гическими процессами – выгоранием революционного мифа; ограниченной фиксацией идеологических принципов в нормах позитивного права, подменой содержательных институциональных решений максимизацией контроля и бюрократизацией институтов. В этой конструкции находит полноценное объяснение институт культа личности. Вопреки позиции современников, данный институт – не случайное явление, а имманентная функциональная закономерность. Он был необходим для поддержания системообразующего революционного мифа (особенно в условиях растущего понимания его утопичности), преодоления конфликта формальных и неформальных норм, номинального права и реальности, поддержания единства и иерархической структуры системы, разрешения противоречий и дисфункций, преодоления институциональных диспропорций на всех ее уровнях, в конечном счете – определения смысла социального конструирования. Именно поэтому институт культа личности последовательно воспроизводился в той или иной форме на всех этапах развития советского общества и был неизменным атрибутом всех систем советского типа.

Механизмы институционализации наиболее четко представлены в материалах пяти советских конституционных комиссий. Их анализ позволил реконструировать параметры правового конструирования, мотивы разработчиков, преследуемые цели, корректировку этих целей в меняющейся исторической ситуации. Во-первых, были выявлены стратегические установки конституционных инициатив (фиксируемые в программных документах, принимаемых разработчиками), порядок информационного обмена (закрытые дискуссии по этим вопросам допускали значительную степень свободы обсуждения, недоступной в публичных дебатах), подлинные содержательные мотивы принятия редакций основополагающих норм (реализованного выбора на всех этапах). Во-вторых, реконструированы альтернативные стратегии решения конституционного вопроса, выраженные в работах комиссий и особенно их подкомиссий по ключевым параметрам правового регулирования (основы политической системы, собственность, федерализм, высшие органы власти, судебная власть, общественные организации и партия, структура институтов центрального и местного управления), «отклоняющиеся мнения» отдельных советских ведомств, групп и разработчиков («записки» по острым вопросам, выражающие политическую борьбу внутри элиты). В-третьих, раскрыта динамика изменения позиций соответствующих комиссий (отраженная в селекции проектов и редакций) и факторов, определивших этот выбор (влияние идеологических постулатов, иностранных правовых образцов, апелляция к внешнему и внутреннему общественному мнению, учет прогнозируемых социально-политических последствий).

Основной конфликт в работе комиссий – между «идеологами» и экспертами-юристами по вопросам содержательной интерпретации консти-

туционных принципов: если первые отстаивали чистоту марксистской теории, то вторые стремились обеспечить нормативную цельность юридического конструирования, логику иерархии норм, положений конституционного и отраслевого права, определить механизмы его формальной реализации. Этот конфликт является фундаментальным и имманентным для системы номинального конституционализма – определяет соотношение контрольно-репрессивных установок (направленных на поддержание господства) и реформационных установок (направленных на придание системе большей гибкости в меняющихся условиях), взаимоотношения партийных структур, экспертов и администраторов в определении баланса формальных и неформальных институциональных практик. Его рассмотрение в комиссиях проделало существенную эволюцию, отраженную в трансформации их структуры и состава, механизмах деятельности. Первая комиссия 1918 г. (в отличие от всех последующих) задумывалась как альтернатива Учредительному собранию, включала элементы партийного плюрализма (в ней участвовали представители ряда родственных большевикам левых партий), отражала позиции партийных идеологов в отношении будущего государственного строя, сознательно отвергала участие экспертов-юристов старой формации. Окончательная концепция советской государственности, определявшаяся современниками как разновидность революционной теократии, была навязана большевистским руководством в результате отстранения от власти его основных конкурентов – левых эсеров. Вторая комиссия (1924) строилась уже на другой основе: ее деятельность изначально была подчинена программным установкам правящей партии, целиком определялась советской номенклатурой. В этих рамках идеологические разногласия по вопросам экономического строя, гражданства, проблеме соотношения федерализма и централистских начал, структуры центральных и региональных органов власти, статуса репрессивных институтов отражали постреволюционную перегруппировку элиты, поиск ее места в политической системе и были связаны в основном с распределением власти внутри нее, а вопрос о привлечении юридических «спецов» стал предметом острой дискуссии, завершившейся допущением их рекомендаций под жестким идеологическим контролем и исключительно по вопросам юридической техники.

Третья комиссия (1936) в принципе продолжила эту практику, но внесла в нее существенные изменения. Концептуальные рамки, состав комиссии и порядок ее деятельности исключали неконтролируемую дискуссию по идеологическим вопросам. Споры были связаны с поиском юридической легитимности режима и международного признания однопартийной диктатуры в условиях корректировки первоначального коммунистического мифа (провал обещания «мировой революции» и идея утверждения социализма в одной стране). С одной стороны, в состав комиссии входили

исключительно представители высшей партийной номенклатуры, подбиравшиеся лично Сталиным, с другой – юридическая экспертиза играла важную самостоятельную роль на уровне подкомиссий и привлеченных экспертов. Материалы данной комиссии (в отличие от предшествующих) включают: анализ основных действующих западных конституций (тексты которых переводились и направлялись членам комиссии), аналитические записки по вопросам федерализма и избирательной системы европейских стран; значительное внимание обращено на обеспечение внешнего сходства советских норм с нормами других стран (в частности, в вопросах избирательной системы и конструкции высших органов власти). Решение проблемы номинального конституционализма было найдено в четкой конституционной фиксации формальных норм при выведении за скобки широкого спектра неформальных норм («правил игры»), определявших реальное функционирование единоличной диктатуры Сталина. Это изобретение следует признать высшей точкой в развитии советского номинального конституционализма: юридические нормы утрачивают всякую связь с реальностью политического режима, достигшего максимального контроля над обществом с помощью пропаганды, террора и культа личности вождя.

Последующие конституционные комиссии, как отмечалось ранее, стремились найти выход из тупика номинального конституционализма путем сближения формальных и неформальных институтов, но решение усматривали в ревитализации или прагматической корректировке основополагающей идеологической формулы. Поэтому в деятельности четвертой комиссии (1964) целиком преобладает идеологическое начало (возвращение к «ленинским нормам», будто бы нарушенным Сталиным), а экспертная составляющая подменена бюрократической (что окончилось провалом данной конституционной инициативы). Эта тенденция доминирует в пятой комиссии (формально выступавшей продолжением предшествующей) 1977 г., стоявшей уже целиком на прагматических позициях и завершившей процесс бюрократизации конституционных дебатов. При чрезвычайно высоком уровне имитационной активности и огромном объеме сопровождающих документов (имеющих характер фактических справок о деятельности основных политических институтов), содержательные дебаты оказались полностью элиминированы, экспертный вклад – сведен к минимуму, а рекомендации (в том числе об альтернативных выборах в советы) – практически полностью проигнорированы партийным руководством. Единственной полноценной инновацией стало признание status quo – конституционализация руководящей роли партии, стоявшей над законом.

Когда в период перестройки возникла проблема конституционных реформ, элита оказалась не готовой к ее решению на профессиональном

экспертном уровне: основным источником конституционных инноваций оказался несовершенный проект «оттепели», а попытка его практической реализации выявила неразрешимое противоречие формальных и неформальных институтов, идеологических постулатов и полноценного конституционного регулирования. Это стало причиной провала конституционной реформы периода перестройки, ее запаздывающего характера и утраты когнитивного доминирования элитой реформ. Переход от идеократии к государственности современного типа оказался возможен лишь в результате доведения логики номинального конституционализма до предела – соединения всех видов власти (идеологической, политической и административной) в институте Президента СССР (Конституция СССР 1977 г. в редакции 1990 г.). В условиях острого конституционного кризиса 1993 г., содержание и динамика которого определялись конфликтом сторонников советской и новой демократической легитимности, данная формула власти не только не была пересмотрена, но получила закрепление в действующей российской Конституции, разработанной и принятой победившей стороной – президентской властью.

Проведенный анализ позволил раскрыть структуру информационного обмена (соотношение имитационных и подлинных когнитивных установок), выявить доминирующие мотивы юридического конструирования реальности, соотношение в них реализовавшихся и не реализовавшихся институциональных и социально-политических альтернатив, понять логику смены конституционных моделей. Общая динамика ценностей, норм, институтов в суммарном виде выражается понятием когнитивного редукционизма – установления жестких идеологических рамок для норм позитивного права. Меняющееся соотношение «идеологических» и «профессиональных» аргументов определяло результаты всех конституционных инициатив, селекции норм и их толкования, а определение их точного смысла регулировалось перенесением ответственности на метаправовой уровень. Ограничение юридического субстрата достигалось добавлением ко всем юридическим категориям эпитета «советские» – советское государство, советский федерализм, советский парламентаризм, советское правосудие и т. д., что делало их эвфемизмами (понятиями с непрямым смысловым содержанием), которые нельзя было свести к чисто нормативной трактовке. Механизм «переключения» предполагал существование высшего внеконституционного арбитра: окончательное решение всегда делегировалось на уровень высших партийных инстанций (Политбюро или вождя), выполнявших функции монарха в абсолютистском государстве. Основным мотивом разработки и принятия конституций всегда выступает обеспечение когнитивного доминирования политической элиты в обществе путем направленного юридического конструирования реальности – корректировки легитимирующей формулы.

Вопрос о специфике советской политической системы и институтов революционного периода должен быть решен в сравнительной, исторической и функциональной перспективе. В сравнительной перспективе констатируем определенное сходство легитимирующей формулы советской диктатуры с другими режимами – демократией (классовый, а позднее народный суверенитет), теократией (приоритет идеологии над правом), абсолютизмом (сакрализация власти и ее неограниченный характер) и авторитаризмом (однопартийная диктатура, культ личности), что, однако, не ведет к признанию их тождественности. Советский режим, безусловно, отличается от полноценных демократических режимов, основанных на признании ценностей конституционализма (отказом от практической реализации декларированных конституционных прав и парламентаризма), но он отличался также от традиционных деспотических режимов или абсолютных монархий (вообще не знавших каких-либо конституционных ограничений) и даже от современных ей тоталитарных и авторитарных диктатур (допускавших известную действенность правовых норм в системно ограниченных пределах). Он может быть определен как «светская теократия» – гибридный режим, совмещающий на разных этапах существования ряд признаков традиционных деспотий и авторитарных режимов Новейшего времени. Оригинальность советского номинального права с социологической точки зрения вообще состоит в том, что оно представляло собой легитимацию мобилизационной системы власти. Это был тип права, который не сдерживал власть не только формально (в силу идеологизации норм), но и фактически (поскольку эти нормы легко изменялись и нарушались). В то же время принятие номинальных конституционных норм позволяло легитимировать новые социальные отношения и их произвольную трактовку в ходе проведения всех масштабных социальных экспериментов над обществом. Советское конституционное право – юридическое закрепление перманентного эксцесса власти.

В исторической перспективе выясняется сходство советского режима с предшествующими формами российской государственности. Идеология данной политической системы (революционная коммунистическая идея) постулировала радикальный разрыв с прошлым, торжество социальной справедливости, основывалась не на божественном, а на классовом принципе, однако была ретроспективно ориентирована (идеал справедливого общественного устройства усматривался в прошлом, а не в будущем – коммунизм как возрождение бесклассового общества, существовавшего в докапиталистическую эпоху). Мессианское чувство определяло смену стандартов когнитивной адаптации общества (культурная революция и пропаганда как разрыв с традицией), отношения с внешним миром (полная самоизоляция в течение 70 лет, отказ от европеизации, стремление создать собственную оригинальную социальную систему и государствен-

ность), формы массовой мобилизации (отказ от религиозных и правовых ее форм во имя идеологических), неограниченность революционной власти. Но по всем этим направлениям историческая традиция постепенно брала верх над догмами революционной идеологии. В условиях, когда большевики неожиданно оказались у власти, они вынуждены были опираться на ту модель, которая исторически была наиболее работоспособна. Это была модель отношений общества и государства, реализовавшаяся в России XVI–XIX вв. и достигшая пика формы с утверждением абсолютизма в начале XVIII в. Для нее, как показали представители классической русской юридической школы, характерны следующие признаки: особый тип отношений общества и государства, при котором их трудно разграничить («служилое государство»); полный контроль государства над собственностью (над землей и ее недрами, трудовыми ресурсами и их перераспределением); решающая роль государства в осуществлении социальной трансформации («закрепощение» и «раскрепощение» сословий государством в интересах службы или «тягла»); тотальный контроль над институтами общественной самодеятельности (церковью, представительными учреждениями, независимыми сословными корпорациями, институтами местного самоуправления); соединение власти и собственности в руках правящей элиты; неограниченная власть (монархический суверенитет в форме самодержавия).

Поскольку результаты трансформации этой системы в направлении гражданского общества и правового государства, начиная с эпохи Просвещенного абсолютизма и либеральных реформ второй половины XIX–XX вв., были отвергнуты большевистской революцией, оказался запущен спонтанный процесс неправовой саморегуляции общества. Начало революционного цикла связано с переходом от абсолютизма (мнимого конституционализма) к демократической республике парламентского типа. Она не смогла реализоваться в период Февральской революции и Учредительного собрания, уступив место диктатуре советского типа. Исторический смысл ее существования – проведение радикальной модернизации во внеправовых формах – направленное социальное конструирование общества недемократичной властью с опорой на информационную монополию, террор, новые средства манипуляции массовым сознанием. Результатом разрушения правовой системы стала ретрадиционализация общества, приведшая к восстановлению в XX в. ключевых атрибутов абсолютистской власти: возрождение государственности имперского типа, национализация и огосударствление собственности, установление контроля государства над обществом, неограниченное вмешательство государственной власти (партии) в трансформацию экономики и социальных отношений, соединение власти и собственности в руках номенклатуры, замена институтов представительной демократии архаичными формами

советской демократии при полном подавлении неконтролируемых институтов социальной активности (церкви, партий, профсоюзов и всех прочих общественных организаций), установление неограниченной власти партийной олигархии и вождя. Данная система – не изобретение русской революции, но, скорее, результат срыва исторического процесса, восстановления традиционных институтов в новых формах, воспроизводство их особенностей в более гипертрофированном виде. Аналогичные процессы ретрадиционализации общества и политической системы характерны для большинства стран, переживших аграрные революции в XX в., где они сопровождались массовой мобилизацией, террором, установлением однопартийных диктатур с режимом номинального конституционализма и даже возрождением патримониальных институтов господства. Это не позволяет говорить о существовании особой российской «цивилизационной матрицы» или некоей «русской системы», будто бы фатально предопределяющей возврат системы к ее истокам, но заставляет искать то общее, что присуще всем режимам данного типа. Общая логика их эволюции – переход от прямой революционной диктатуры террористического типа (в период установления) к режимам номинального конституционализма, выводящим политическую власть из сферы правового контроля с их последующей эволюцией в направлении авторитарных режимов (или режимов ограниченного плюрализма), использующих для поддержания своего господства инструментарий мнимого конституционализма. Отказ от этой системы на исходе XX в. актуализировал поэтому именно те компоненты исторического сознания, которые связаны с преодолением абсолютизма, экономическими и политическими преобразованиями второй половины XIX – начала XX в., развитием теории и практики либерально-конституционного движения периода Февральской революции, Учредительного собрания и эмиграции.

Эволюция легитимирующей формулы режима определяется прежде всего реализацией его мобилизационной функции. В основе стадий ее развития – процесс рутинизации революционной харизмы – стремление приспособить ее к меняющимся социальным отношениям. Основным постулатом марксистско-ленинской идеологии явился метафизический тезис о «диктатуре пролетариата», который составлял легитимирующую основу всех конституций советского образца, основанных на захвате власти партией ленинского типа. Фактически все социалистические государства рассматривали себя как диктатуры пролетариата. Модификация этой легитимирующей формулы и в конечном счете отказ от нее имел место только в Советском Союзе, где он прошел ряд этапов. Поворотным пунктом в этом отношении явился отказ от идеи мировой революции и принятие тезиса о возможности построения социализма в одной стране. Отказ от формулы диктатуры пролетариата наметился в Конституции

1936 г., провозглашавшей «власть трудящихся», но сохранившей в то же время упоминание о «диктатуре пролетариата». Следующим этапом является хрущевская попытка реформ, когда на XXI съезде КПСС (1959) был провозглашен переход к построению коммунистического общества. Этот поворот был закреплен в партийной программе 1961 г. (получившей подзаголовок – «Коммунистический манифест современной эпохи»), объявившей Советский Союз «социалистическим общенародным государством» (т. е. инструментом не класса, а всего народа, включая крестьянство). Отказ от утопического тезиса построения коммунизма нашел выражение в принятой в брежневскую эпоху официальной доктрине «развитого социализма», закрепленной на XXIV съезде и включенной в Конституцию 1977 г. С развитием кризиса политической системы в интерпретации этой концепции происходят дальнейшие изменения. В 1983 г. было провозглашено (Ю. Андроповым), что СССР находится еще в начале этой длительной исторической стадии развития социализма, а в 1984 г. заявлено (К. Черненко), что совершенствование развитого социализма само по себе займет целую историческую эпоху. Наконец, с приходом Горбачева произошел окончательный отказ от концепции «развитого социализма» и его поэтапного развития, а предшествующий период определялся уже как «эпоха застоя и стагнации». Вместо нее выдвигается (на XXVII съезде) концепция новой исторической эпохи – «перестройки», дополняемая идеями о возможности альтернативных форм развития и даже тезисом о «социалистическом парламентаризме». Концепции «нового мышления», «общечеловеческих ценностей» и «человеческого фактора» (вызвавшие глубокую негативную реакцию консерваторов) означали на деле отказ от классовой морали и коллективизма, пресловутого принципа «партийности» и принятие в завуалированной форме доктрин естественного права, прав человека и ограниченного политического плюрализма. Таким образом, на всех этапах развития советской политической системы прослеживается приоритет идеологии над правом, проявившийся в конституционном закреплении основных идеологических догм. В таком случае можно говорить об общей преемственности революционной легитимирующей формулы, основная цель которой состояла в обосновании идеологически детерминированного государственного строительства и права партии на власть. Модификация легитимирующей формулы и юридические изменения, отражавшие влияние внутренних и внешних факторов системной консолидации, выражали не только идеологические приоритеты, но и различный тип функционирования режима – партийная диктатура, единоличная тирания, олигархия, президентский авторитаризм.

Формула власти проделала в XX в. эволюцию, включавшую пять этапов: 1) переход от абсолютизма (самодержавия) к дуалистической монархии с выраженным феноменом мнимого конституционализма (Манифест

17 октября 1905 г. и Основные законы империи 1906 г.); 2) от этой последней формы к парламентской республике (которая была провозглашена Временным правительством и Учредительным собранием, но так и не стала реальностью); 3) установление советской системы при режиме однопартийной диктатуры, стадии развития которой выражались эвфемизмами – «трудовая республика», «республика советов», «советский парламентаризм», «общенародное социалистическое государство»; 4) переходный режим периода перестройки, определявшийся как «социалистический парламентаризм» и «советская система с президентской властью»; 5) принятие в современной России дуалистической системы (смешанной формы правления), в реальности означающей установление суперпрезидентской власти. Таким образом, начало и конец революционного цикла практически совпадают: в обоих случаях представлена фактически неограниченная власть главы государства. Единственное реальное достижение революции в этой области состоит в том, что по сравнению с поздним монархическим режимом в настоящее время власть – не наследственная, но теоретически собираемая. Несмотря на все изменения формы правления, объем власти главы государства остается практически неизменным в монархической системе, однопартийном режиме и современном президентском режиме.

Данный анализ позволяет понять общую логику постсоветской политической системы и ответить на вопрос, в какой степени ее формирование связано с революционным наследием, а в какой представляет отказ от него. Институциональный паралич советского строя был преодолен в результате революционной смены режима, принятия новых демократических ценностей и восстановления традиций борьбы за гражданское общество и правовое государство. Политическая система, возникшая в постсоветской России, провозглашала последовательный отказ от коммунистического тоталитаризма в пользу либеральной демократии. Закрепление данного выбора отражено в Конституции РФ 1993 г., конфликтная разработка и принятие которой определили ее исторические особенности и противоречия. С одной стороны, Конституция подвела итоги громадного коммунистического эксперимента, зафиксировав его крушение в мировом масштабе, последовательно закрепила демократические принципы и права человека в их либеральной трактовке (опираясь на международное право, лучшие образцы национальных конституций и русскую либерально-конституционную традицию). С другой стороны, включала такую конструкцию власти и управления, которая наделяла главу государства исключительным статусом, ставила его фактически над системой разделения властей и предоставляла ему огромные властные полномочия. Противоречие этих двух направлений конституционного регулирования объяснялось историческими обстоятельствами: слабостью институтов,

революционным способом разрешения конституционного конфликта, а также представлением о президенте как единственном гаранте демократического переходного процесса. Вопреки критикам этого решения следует подчеркнуть, что в условиях конституционного кризиса оно было оправданным и вряд ли имело альтернативное разрешение. Более того, учитывало уроки крушения демократической республики в 1917 г. При ближайшем рассмотрении оказывается, что принятие этой формы правления следует понимать не только и не столько как ситуативную реакцию на кризис, сколько – как выражение общей исторической логики развития российской политической системы. Однако воспроизводство исторической преемственности российской формулы власти создавало предпосылки ее возможного недемократического прочтения, а неопределенность конституционных норм в этой области – угрозу экспансии авторитаризма.

Современный (постсоветский) этап развития политической системы многое унаследовал от предшествующего советского по линии легитимности, конструкции власти и механизмов ее функционирования. Во-первых, базисные ценности российской культуры остались практически неизменны, отторгая идеи либеральной демократии, правового государства и приоритеты свободы личности; во-вторых, основные конституционные принципы (справедливость, демократия, равенство, социальное государство, собственность, федерализм, разделение властей, местное самоуправление, независимость судебной власти, права и свободы личности) далеки от полноценной практической реализации, а в трактовке таких понятий как свобода и равенство, связанных с ними социальных и политических прав сохраняется устойчивое влияние советских правовых стереотипов; в-третьих, основная причина дисфункции конституционных положений усматривается в сохранении разрыва формальных и неформальных конституционных практик, увеличении значения последних (в том числе антиконституционных) практик в нарастании отклонений реализации принципов по основным областям конституционного регулирования – в законодательстве, судебных и административных решениях. Можно констатировать, что в экономическом регулировании имеет место разрыв между юридической (писаной) конституцией и конституцией фактической (с учетом правоприменительной практики и состояния экономической системы); постсоветская конструкция федерализма в полной мере не преодолела искусственность его советской модели (по национально-территориальному признаку); преобразования советской судебной системы оказались незавершены, поскольку она по-прежнему ориентирована на принцип жесткого централизма, в конечном счете обеспечивающий управление системой, местное самоуправление не смогло преодолеть жесткие бюрократические ограничения. Конституционная

конструкция разделения властей (смешанная форма правления) не предотвратила трансформации российской политической системы в направлении персоналистского режима. Низкое доверие к политическим институтам, слабость политической конкуренции, общая культурная и кадровая преемственность современной российской элиты в отношении советской не исключают подмены демократической гражданской консолидации общества новой имперской идентичностью с выстраиванием соответствующей внутренней и внешней политики. Советская имитационность обладает сильной инерцией, которая до сих пор блокирует становление правовой государственности в России. Этим объясняется различие результатов посткоммунистического переходного периода в России и большинстве стран Восточной Европы, где конституционные революции завершились созданием во многом несовершенной, но функционирующей демократии, а принципы правового государства стали действенной основой современной политической системы. Российская элита ориентируется на те режимы, где трансформация экономики проходила без радикальной отмены институтов советского типа, демонстрируя определяющую роль государства в сборе информации, координации процесса и компенсации внешних факторов, реализуя концепцию авторитарной модернизации. Эти особенности российской политической культуры способствовали ретрадиционализации политической системы и завершению постсоветского конституционного цикла реставрационной фазой.

Этот результат переходного процесса нуждается в систематическом объяснении: идет ли речь о «перерождении» новых демократических институтов или воспроизводстве традиционной российской системы политического устройства? Природа и структура постсоветского политического режима определяются исторической традицией, новой легитимирующей формулой и задачами постреволюционной стабилизации. В русской правовой традиции государство играло определяющую роль в формировании общественных отношений, в советский период стало воплощением революции, а в постсоветский – основным инструментом переходного процесса. Общим результатом этой трансформации стала современная форма правления с выраженной ролью президента, продолжающая историческую традицию российской государственности. Этим объясняется особенность легитимирующей формулы новейшего политического режима, которая представляет собой синтез трех ее исторических форм – конституционно-демократической (всенародные выборы президента), советской (идеологические функции революционного лидера) и монархической (неограниченный характер власти главы государства, имеющей сакральный характер и поставленной над системой разделения властей). Этот синтез республиканской, революционной и имперской традиций нашел выражение в концепции и символике имперского прези-

дентства. Ее принятие в условиях конституционного кризиса 1993 г. рассматривалось как способ преодоления исторической традиции, но стало ее новой модификацией. Разработчики новейшей конституционной конструкции исходили из ее временного, переходного характера, считали избранного президента гарантом демократического вектора. Данная функция президентской власти в России, как и в других странах, вытекала из необходимости концентрации власти для подавления традиционалистской оппозиции (как правой, так и левой), осуществления радикальных социально-экономических преобразований и необходимости сохранения исключительных (чрезвычайных) полномочий главы государства на переходный период.

По мере консолидации постсоветского политического режима очевидно преобладающим стал авторитарный вектор. Проявлением этой тенденции стали: в культурной сфере – консервативная политическая романтика как основа когнитивной картины мира; в правовой сфере – ограниченная трактовка и сворачивание основных конституционных принципов; в политической сфере – режим ограниченного плюрализма («дефектная демократия на грани авторитаризма») и направляемой демократии в обмен на стабильность. В сравнительной перспективе выясняется смысл данной политической системы. Президенты в системах данного типа соединяют огромные конституционные и метаконституционные полномочия, являются центрами власти и управления, почти в патримониальном стиле распоряжаются собственностью и ее распределением, направляют деятельность правящей партии, выступают важнейшими (или единственными) идеологами государства, определяя стратегию его развития, внутреннюю и внешнюю политику. Демократическая ответственность главы государства последовательно трансформируется в ответственность исключительно перед Богом и историей. В концентрированном виде эти тенденции выражаются в создании режима личной власти и отсутствии реальной сменяемости лидера, наделении его власти харизматическими чертами.

Современный режим имеет выраженную реставрационную функцию. Реставрация, если понимать ее как типологическое явление, – логическая фаза всякой радикальной социальной революции. Ее суть – взять у революции ее программу, достижения и цели, отказавшись от ее методов. Стабилизирующая роль реставрационных процессов может быть обеспечена при условии, что они сопровождаются изменениями или, во всяком случае, не закрывают полностью их осуществления. Современная фаза социально-политического развития России есть посткоммунистическая реставрация, но одновременно она представляет ответ на вызовы глобализации и многообразия мира. В настоящее время в российском обществе конкурируют два типа идеи реставрации – по отношению к советскому и

досоветскому прошлому. Первый тип связывает перспективы общества с возвращением к ценностям и институтам советской системы, второй говорит о важности восстановления досоветских (дореволюционных) традиций, включая традиции русского имперского либерализма. Это порождает диссонанс реставрационных концепций, в которых сожительствуют коммунистические, консервативные и либеральные ценности. Обществу важно определить, от какого наследия оно отказывается, какие идеи и институты прошлого могут действительно способствовать современной демократической консолидации. Исторический опыт революций и реформ Нового и Новейшего времени показывает, что реставрация – не абсолютна, имеет свою историческую логику, опирается на определенные идеи и исторические стереотипы, имеет свои границы. Предпосылки реставрационных процессов возникают в обществах переходного типа как реакция на несоответствие новых ценностей, норм и институтов, провозглашенных революцией, традиционным ценностям, формам социальной идентичности и поведения. Реставрация исторически представляет сочетание противоречивых принципов – компромисс общества и государства во имя выхода из революционного кризиса и достижения стабильности, которая в политической системе выражается в монархическом принципе или его современных аналогах (авторитарная президентская система). Важно, чтобы объективное содержание реставрации (стабилизация) не привело к своей противоположности – стагнации (и последующей неизбежной дестабилизации). На этом пути возможен выход из жесткой цикличности к устойчивому и поступательному развитию.

Современный российский дуалистический политический режим многим обязан системе монархического конституционализма начала XX в., определявшейся современниками как мнимый конституционализм. Уже в период становления президентского режима его определяли поэтому как «демократический цезаризм», «латентную монархию», а главу государства – как «президента всея Руси» (что подчеркивало преемственность монархической традиции). На деле данная система, общий дизайн которой моделировался по образцу конституции Пятой французской республики (при фактическом несоответствии ей), заставляла вспомнить о традициях бонапартизма, точнее, его новейшей голлистской интерпретации как «республиканской монархии», и имела сходные исторические функции. Эта система предлагала эффективное решение проблем переходного общества с позиций центризма: идеологическому утопизму она противопоставляла прагматизм; традиционализму – радикальную модернизацию; революции – реформы сверху; коммунизму – национализм; коллективизму – укрепление частной собственности; классовому расколу – единство общества; распаду государства – сохранение незыблемости его исторических границ; социальной анархии – правовую стабиль-

ность, определяемую как «сильное государство». Данный режим сочетал новую демократическую легитимность с сохранением старой системы сверхпредставительной власти главы государства, позволяя преодолевать раскол в обществе переходного типа при осуществлении трудных социальных преобразований. Именно поэтому он получил столь широкое распространение в постреволюционных обществах, став во многих из них формой воспроизводства режима личной власти. Историческая логика подобных режимов такова: они могут быть эффективны на короткой дистанции, но не способны обеспечить длительную демократическую стабильность. Их слабость состоит в тотальном государственном контроле, прикрывающем институциональную анархию, несовершенстве правовых механизмов разрешения конфликтов, отсутствии полноценной политической конкуренции, общей тенденции к бюрократической асфиксии, утрате гибкости в критических ситуациях (как это было в условиях крушения монархии в 1917 г. и однопартийного режима в 1991 г.). Стабилизация системы делает актуальным общественный выбор – переход к полноценному конституционализму и его институтам или сохранение имитации – воспроизводство модели мнимого конституционализма и авторитарной системы правления. Выбор зависит не только от исторической традиции, но и от представлений правящего слоя о целях модернизации – идет речь о построении правового государства или воспроизводстве системы авторитарной модернизации, направляемой демократии и ограниченного плюрализма.

Это делает актуальным решение проблем демократической консолидации общества, трансформации российской политической системы и определения приоритетов современной конституционной реформы. В обществе выдвигаются различные стратегии данных преобразований – от идеи новой конституционной революции к идее радикальной или умеренной конституционной реформы. Исторический опыт показывает, что революции не являются адекватным способом решения проблемы, поскольку ведут к разрушению правовой системы, торжеству популизма и поверхностным институциональным решениям, содержат риск утраты обществом даже тех минимальных конституционных гарантий, которые существовали до их осуществления. Порождая феномен завышенных социальных ожиданий, революции способны (в случае отсутствия социального консенсуса) привести в конечном счете к восстановлению прежней авторитарной системы в новых формах. Выход состоит в последовательном осуществлении радикальной конституционной реформы, включающей расчет степени социального согласия, поэтапное проведение необходимых изменений и их серьезную профессиональную подготовку творческим меньшинством. Понимание обществом смысла преобразований и осознанное отношение к ним политической элиты есть условие

их последовательного осуществления с минимальными социальными издержками – через поиск социального согласия (преодоление идеологических расколов) к конституционному консенсусу и функционирующей конституционной демократии. Приоритеты демократических конституционных реформ вполне очевидны. На этом пути необходимы: отказ от стереотипов номинального и мнимого конституционализма и замена его реальным; отказ от имитационной многопартийности и замена ее функционирующей системой политической конкуренции; отказ от партийных амбиций и замена их национальными приоритетами; отказ от коррупционно-бюрократической системы управления и замена ее ответственным правительством; отказ от режима неограниченной власти главы государства и замена ее подконтрольным обществу национальным лидерством с понятной правовой процедурой сменяемости власти, в целом – переход от режима имперского президентства к режиму аутентично функционирующей смешанной формы правления.

Новейший этап исторического процесса возвращает нас к необходимости восстановления разорванной в XX в. исторической преемственности, полноценного осмысления революций и реформ, выбора адекватной стратегии национального развития в направлении гражданского общества, правового государства и реализации потенциала конституционных принципов. Формирующаяся гражданская нация ищет сферы приложения сил и их исторического обоснования, а не находя их – создает мифические, романтические и суррогатные образы прошлого, компенсирующие революционную травму, трудности переходного периода и неудовлетворенность настоящим положением дел. Изучение политической истории русской революции позволяет понять место текущей стадии развития общества, определить социальную природу существующего политического строя и перспективы его трансформации. Современный российский президентский режим, возникший с крушением однопартийной диктатуры, стал наследием исторических форм государственности, воспроизводя их главную особенность – неподконтрольность государства обществу, неограниченный характер власти, которая может резко и произвольно изменять направление движения, руководствуясь персональными качествами и предпочтениями лидера. Сохраняется неопределенность в вопросе о том, каков может быть масштаб этих изменений – когда, в какую сторону, и насколько. Отношение общества к данной модели политической власти – следствие исторической традиции, реакции на распад государства в прошлом и веры в то, что эта модель способна обеспечить политическую стабильность. Однако механическая стабильность не есть синоним устойчивого развития.

Задача, следовательно, состоит в том, чтобы завершить процесс политических реформ в направлении демократизации – окончательно решить

проблемы, которые были поставлены, но не решены в период Февральской революции 1917 г. Это означает прежде всего отказ от революционного мифа – широко распространенных представлений об «особом пути» российского общества во всемирной истории, будто бы вынужденного постоянно выбирать между анархией и диктатурой, неизбежности большевистской революции, неких преимуществ «советской демократии» по сравнению с ее классическими западными формами; апологии антиправовых революционных методов решения сложных социальных проблем. Необходимо последовательное преодоление устойчивых традиций абсолютизма, советской диктатуры и современных форм авторитаризма, и, напротив, возрождение культуры либерального конституционализма с демонстрацией уважения к тем ее представителям, которые были способны противостоять революционной идеологии и репрессивному режиму в условиях жесточайших репрессий. Нужно добиться уничтожения исторического отчуждения общества и власти, выстраивания стабильной правовой и институциональной системы, преодолевающей разрыв формально-правовых и неформальных антиконституционных практик, ведущих к воспроизводству авторитарной системы власти. Это означает становление новой политической культуры «мыслящей демократии», приоритетом которой должен стать переход от популистских деклараций к реализации этических ценностей и принципов правового государства, основанных на интеллектуальной и политической свободе личности.

Революция заканчивается только тогда, когда в обществе возникает культура демократии, завершается демократическая консолидация, а конституция становится действенной основой функционирования политического порядка. России предстоит еще длительный путь по формированию нового правового сознания, либеральных конституционных институтов и практик. Только после решения этих проблем мы сможем уверенно заявить: конец русской революции есть свершившийся факт.

Указатель имен. Составитель И.И. Ремезова

А

Абалкин Л.И. 570
Авакьян С.А. 513
Аванесов В.А. 205, 228
Август (Октавиан) 598
Авинов Н.Н. 145
Авксентьев Н.Д. 139, 156
Агешин Ю.А. 528
Аджемов М.С. 94, 145
Адоратский В. 199, 202, 311
Азовкин И.А. 513
Айтаков Н. 350
Акулов И.А. 331, 333, 341, 345,
350–355, 425–427, 430, 431
Алданов М.А. 77
Александр II 162
Александр Сербский 118
Александров А.П. 542
Алексеев Н.Н. 18
Алексинский Г. 100
Алиев Г.А. 542, 543
Алымов А. 317, 354
Амальрик А.А. 516, 555, 561, 562
Амбарцумян В.А. 542
Ананов И.Н. 285
Анвайлер О. (Anweiler O.) 100, 217
Ангаров А. 362
Андропов Ю.В. 508, 542, 630
Анисимов И. 398
Антонов-Овсенко В.А. 99
Антонов-Саратовский В.П. 199,
205, 294, 300, 373
Аристотель 365
Арский Р. (собств.: А.Т. Радзишев-
ский) 111
Архипов К.А. 284, 294
Аскенази С. 203
Ататюрк Мустафа Кемаль 118

Афанасьев В.Г. 543

Афанасьев Ю.Н. 557

Б

Бабёф Г. 46, 178
Бабухин И.А. 490
Байбаков Н.К. 542
Байрамов Н. 488, 489
Байчурин Г. 329, 357, 431
Бакунин М.А. 46, 169, 170, 257
Банных М.П. 513
Барабашев Г.В. 513
Барбюс А. 398
Баркова О.Н. 281
Бармин А.Г. 363
Барсуков Н. 445
Бартелеми Ж. (Barthélemy J.) 86, 87
Багицев И. 429
Багурин Н.Н. 101
Багурин Ю.М. 593
Бебель А. 169, 365
Белов В.И. 572
Бердников А.И. 185, 188, 205,
207, 227, 228
Бердяев Н.А. 64
Берзин Н. 395
Берия Л.П. 462
Бёрк Э. (Burke E.) 59
Берман Я.Л. 202, 317, 322, 332,
346, 353, 354, 419
Бернейс Э. 405
Беседовский Г.З. 410
Бехтерев В.М. 45
Билимович А. 237
Биркенбаум Э. 378, 379
Бовин А.Е. 446, 509, 517, 537,
538, 541, 543, 544
Богданов А.А. 64, 191
Боголепов Д.П. 205, 207

- Бодюл И.И. 542
Бонч-Бруевич В.Д. 111
Боржо Ш. 82
Борилин Б. 318
Бош Е. 199
Брандербургский Я. 204
Братусь С.Н. 515–517
Брауде И.Г. 385
Брежнев Л.И. 327, 339, 336, 345, 356, 369, 432, 443, 449, 461, 463, 475, 478, 479, 481, 484, 487, 488, 490, 491, 493–497, 509, 541, 542, 544–547
Бринтон К. (Brinton С.) 16, 107, 125, 239
Бронин Я. 241
Брудный М. 242
Брюс Локкарт Р.Х. (Bruce Lockhart R.H.) 122
Буайе П. 91
Бубнов А.С. 323, 350
Будберг А. 116
Буковский В. 508
Булдаков В. 69
Буонарроти Ф. 46
Бурбулис Г.Э. 578
Бурлацкий Ф.М. 446, 466, 556
Бухарин Н.И. 99, 173, 205, 206, 350–352, 355, 363, 388, 397, 398, 415
Быстрянский В. 116
- В**
Ваганян В. 310
Валентинов Н.В. 200, 241
Вардин И. 60, 112
Васильев В. 519
Васильев-Южин М.И. 294
Ватченко А.Ф. 542
Вашингтон Дж. 59
Вебб С. 421, 422
Вебер М. 147, 346
Вернадский В.И. 55
Верт Н. 15, 314, 364
Верховский А. 200
Вильямс Р. 116, 174
Винавер А. 81, 189, 190
Винокуров А.Н. 198, 294, 295, 302
Витте С.Ю. 78
Виттенберг Е.Я. 526
Виттфогель К. (Wittfogel К.) 178, 179
Вишняк М.В. 77, 81, 84, 100, 128, 136, 146, 156
Владимирский М.Ф. 112, 196, 247
Власов В.А. 464
Водовозов В.В. 140, 145
Вологонов Д.А. 161, 316
Волбуев П.В. 14, 68
Вольтер (собств.: М.Ф. Аруэ) 371
Воронов Г. 518
Ворошилов К.Е. 350, 351, 372, 373
Восленский М.С. 373
Восс А.Э. 542
Врангель П.Н. 122
Вселенный Ф. 387
Высотин В.Г. 490
Вышинский А.Я. 174, 262, 294, 302, 319, 336, 340–345, 350, 355, 357, 362, 386, 395, 418, 419, 519
- Г**
Гайдар Е.Т. 578, 599
Гайдуков Д.А. 316, 491
Гальперин А.Я. 145
Гамильтон А. 132
Ган М. 81
Гапуров А.Г. 542
Гарбузов В.Ф. 542
Гарви П.А. 239
Гарр Т.Р. 36
Геббельс Й. 405
Геллер М. 502
Георгадзе М.П. 449, 453, 485, 489, 491, 495, 496, 542, 543
Герасимов Г.И. 560

- Герасимов О.Г. 257
Герцен А.И. 256
Гессен В.М. 79, 80, 89, 128, 137, 145, 150
Гессен Г.В. 93, 96
Гизо Ф. 15, 57, 59
Гимпельсон Е.Г. 68, 195, 230
Гиталов А.В. 542
Гитлер А. 118, 359, 363
Гоббс Т. 116, 372
Говард Р. 328, 361, 389
Гойхбарг А.Г. 188, 203, 220
Голиков В.А. 484
Голль Ш. де 598
Голодед Н.М. 318, 350
Голунский С.А. 346, 347
Горбачев М.С. (Gorbachov М.) 467, 541, 551, 552, 558–561, 568, 569, 575–578, 581–586, 599, 630
Горев Б. 311
Горкин А.Ф. 529
Городецкий Е.Н. 67, 215
Горшенин К.П. 348, 466
Горький М. 125, 372, 373
Градовский А.Д. 57
Грегори П. 322
Григорьев В.К. 451, 478, 479, 484, 490, 516, 528
Гримм Э.Д. 57
Гринько Е.Д. 128
Гришин В.В. 542
Гришкявичус П.П. 542
Громов А.В. 588
Громыко А.А. 542
Грушин Б.А. 558
Гуль Р. 116
Гумбольдт В. фон 147
Гурвич Г.С. 174, 188, 202, 205, 206, 208, 223, 228, 268, 270, 284, 332, 419
Гуреев П.П. 518, 521, 528, 529, 537
Гучков А.И. 142
- Д
Давидович А. 432
Далин Д. 115, 237
Дан Ф. (собств.: Ф.И. Гурвич) 114, 140
Данилов А.А. 442
Дантон Ж.Ж. 77
Дворкин И. 319
Деборин А.М. (наст. фам.: Иоффе) 242, 310, 325
Демичев П.И. 542, 543
Деникин А.И. 116, 122
Денисов Г.И. 508
Джей Дж. 132
Джефферсон Т. 59
Дзержинский Ф.Э. 320
Диманштейн С. 268, 270, 332
Додонов Б.Ф. 128
Долгих В.И. 542, 543
Доусон К.Г. 59, 199
Дубровский А.М. 326
Дурденевский В.Н. 267, 419
Дыбенко П.Е. 175
Дэн Сяопин 509, 591
Дюги Л. 180, 203, 220, 327
Дябло В.К. 294, 317
- Е
Евгеньев В.В. 490
Евреинов Г.А. 419
Егорин А.З. 257
Егорычев Н.Г. 466
Ежов Н.И. 348, 364
Еллинек Г. 82, 131, 180, 419
Ельцин Б.Н. 557, 559, 578, 585, 586, 599
Елютин В.П. 542
Емельянов А.М. 572
Енукидзе А.С. 279, 280, 305, 328, 350
Епишев А.А. 488, 489, 494–495, 542
Ербанов Н.М. 350
Ермакова Е.Д. 169

Ж

Жаворонков В.И. 389
 Жданов А.А. 350–352, 362, 442
 Жорес Ж. 57
 Жуков Г.К. 61, 462
 Жуковская В.А. 55

З

Зайдель Г. 240
 Залуцкий П.А. 388
 Залыгин С.П. 572
 Захер Я.М. 239–241
 Зензинов В. 162
 Зимянин М.В. 542, 543
 Зиновьев А.А. 545
 Зиновьев Г.Е. 102–105, 245, 264,
 310, 363, 396, 397
 Знаменский О.Н. 128

И

Иванин М. 381
 Иванникова М.С. 542
 Игнатов Е.Н. 253
 Игнатъев В.И. 266, 267, 304, 305
 Изгоев А.С. 54
 Икрамов А.И. 350
 Илизаров Б.С. 326
 Илларионов Н.С. 258
 Ильичев Л.Ф. 443
 Ильяшенко К.Ф. 542
 Иогансон Е. 255
 Ионов И.Н. 10
 Иоффе Г.З. 68
 Итенберг Б.С. 169

К

Кавун В.М. 489, 542, 545
 Каганович Л.М. 327, 350, 351
 Каддафи М. 257
 Казаков Р.Б. 10
 Калинин Г.С. 230
 Калинин М.И. 281, 288, 320, 350–
 352, 378, 384, 425, 426, 430

Калинычев Ф.И. 449–451, 453,
 457, 461, 466, 468, 482, 486, 490,
 491, 503, 515, 522
 Каменев Л.Б. (наст. фам.: Розен-
 фельд) 102, 104, 105, 310, 363, 397
 Каминка А.И. 170
 Каммари М. 325
 Кандыба Е.А. 383
 Кант И. 371
 Канторович Я.А. 300
 Капелюш Ф. 242
 Капитонов И.В. 542, 543
 Кара-Мурза С. 215
 Кардель Э. 435
 Карев Д.С. 346, 347
 Кареев Н.И. 57, 169
 Карелин А.А. 169
 Карр Э.-Х. 15, 66, 209, 226, 316
 Кассирер Э. 7, 8
 Катков Г.М. 56, 80
 Катгушев К.Ф. 542, 543
 Каутский К. (Kautsky K.) 57, 170,
 173, 202, 237
 Каэтано М. 107
 Келдыш М.В. 542
 Кельзен Г. (Kelsen H.) 81, 346
 Кемаль Мустафа см.: Ататюрк
 Мустафа Кемаль
 Керенский А.Ф. (Kerensky A.F.) 77,
 80, 88, 94, 110, 122, 130, 159, 160
 Керимов Д.А. 535
 Кечекьян С.Ф. 89, 90, 152, 455, 484
 Кириленко А.П. 542
 Кириченко М.Г. 513
 Киров С.М. (наст. фам.: Костри-
 ков) 319, 320
 Кирсанова К. 323
 Киселев А. 283
 Кистяковский Б.А. 79
 Клычев А.М. 542
 Ключевский В.О. 217
 Кнорин В. 325, 327

- Ковалевский М.М. 57, 79
Кодица И.С. 488, 89
Козлов А.А. 451, 454, 490
Козлов В.А. 128, 515
Козлов Ф.Р. 443, 444
Козловский М. 230
Кокошкин Ф.Ф. 79, 81, 85, 95, 127, 131, 135, 139, 144, 145, 153, 270, 271, 574
Колоколкин В. 203
Колчак А.В. 61, 162
Кондорсе Ж. 147
Кондратъев Н.Д. 374, 375
Кондратъева Т. 240
Кондрашов П.Д. 454, 490
Коновалов А.И. 130
Конотоп В.И. 542
Коржихина Т.П. 314, 567
Корнилов А.А. 55, 61, 122
Корф С.А. 271
Косиор С.В. 238, 352
Косыгин А.Н. 443, 456, 457, 542
Котляревский С.А. 79, 145, 271, 279, 574
Коток В.Ф. 316, 479, 480, 491
Козн С. 355, 551
Кравцов Б.П. 482
Кравчук С.С. 483, 518
Красиков П.А. 292, 294, 350, 355
Краснов М.А. 599
Крестинский Н.Н. 247
Крестьянский Ив. (собств.: Шабловский В.К.) 384
Крицман Л.Н. 65, 112, 238
Кромвель О. 46, 59, 100, 147, 309
Кропоткин П.А. 114, 169
Крохмаль В.Н. 156
Крупская Н.К. 210
Крыленко Н.В. 198, 238, 249, 294, 297, 301–304, 323, 332, 334, 340–342, 344, 350, 352–355, 357, 419
Крымов А.М. 109
Кудинов О.А. 190
Кудрявцев В.Н. 343, 543
Кузьмин Э.Л. 503, 504, 508, 515–517, 519, 520, 522, 528
Куйбышев В.В. 320
Кузин О.С. 588
Кулаков Ф.Д. 542
Кулатов Т. 542
Кулик Р.И. 490, 491, 503, 515–517, 522, 528
Кунаев Д.А. 542
Кунов Г. 57
Курский Д.И. 279, 280, 283, 286, 287, 294
Куусинен О.В. 443, 444
Кэбин И.Г. 542
- Л
- Лавинская О.В. 128
Лависс Э. 83
Лаврентьев М.А. 542
Лавров П.Л. 169
Лазарев Б.М. 464, 483, 491, 495, 578
Лазаревский Н.И. 79, 81, 94, 145, 151
Ланда Р.Г. 257
Лапирский П.Л. 355
Лаппо-Данилевский А.С. 145
Лаптев П.П. 472
Ларин Ю. 238
Ларина А.М. 398
Лассаль Ф. 365, 419
Лацис М.И. (наст. фам.: Судрабс) 187, 188, 197, 198, 205, 207, 226–228
Лебедев П. 204
Леве Х.Д. 316
Левин М. 215, 398
Левицкий А.М. 490
Лейпхарт А. 94
Ленин В.И. (Lenin W.) 47, 48, 56, 61, 98, 100, 102–104, 111, 113, 114,

- 116, 122, 137, 159, 161, 172, 173, 178, 187, 199, 200, 203, 205, 217, 226, 229, 238, 240, 241, 244, 250, 252, 254, 256, 272, 292, 297, 300, 308–312, 340, 365, 370, 371, 397, 399, 434, 462, 463, 482, 484, 492, 519, 523, 556, 581
- Леон П. 170
- Леонтьев Л.А. 442
- Лепешкин А.И. 234, 467
- Леплевский Г.М. 352, 355
- Либин В.Б. 138
- Лигачев Е.К. 556
- Линц Х. 87, 318
- Липсет С.М. 25
- Литвинов М.М. 350, 351, 355, 356, 416
- Лифшиц М. 390
- Лозовский А. 174
- Локк Дж. 147
- Ломброзо Ч. 210
- Ломов А. (Г.И. Оппоков) 173, 174, 237
- Ломов Г.В. 174
- Лосский Н.О. 138
- Лукин Н. (Н. Антонов) 170, 239
- Лукьянов А.И. 331, 357, 431, 450, 452, 461, 464, 477, 483, 488, 489, 490, 491, 495, 499, 503, 508, 515–517, 520, 522, 528, 543, 544, 577
- Луначарский А.В. 102, 200, 310, 311
- Луппол И.К. 310
- Львов В.Н. 130
- Львов Г.Е. 91, 95
- Любченко П.П. 350, 352, 355
- Людвиг Э. 398
- Людовик XVI 125
- Люкс Л. 365
- Люксембург Р. (Luxemburg R.) 161, 170
- М**
- Магазинер Я.М. 272
- Магеровский Д.А. 205, 207, 277, 283, 285, 294
- Мазон А. 91
- Мазуров К.Т. 489, 542
- Майский И.М. (собств.: Я. Ляховецкий) 421
- Макиавелли Н. 199, 364, 366, 398
- Маклаков В.А. 44, 80, 81, 135, 145
- Малапарте К. (Malaparte C.) 110, 111, 118
- Малиа М. (Malia M.) 162, 316
- Мандельштам Л.О. 283, 328, 336, 340, 433, 480, 482, 488, 490
- Мануильский М.А. 10
- Мао Цзэдун 396
- Марат Ж.П. 364
- Маркс К. 8, 57, 169, 177, 202, 245, 256, 310, 371, 397, 556
- Марр Н.Я. 326
- Мартин Т. (Martin T.) 262
- Мартов Л. (собств.: Ю.О. Цедербаум) 136
- Матчанов Н.М. 542
- Матъез А. (Mathiez A.) 60, 201, 241
- Машеров П.М. 542, 543
- Мдивани Б. 281
- Медведев В.А. 558
- Медушевская О.М. 9–11
- Медушевский А.Н. (Medushevskii A.) 11, 13, 15, 20, 26, 27, 30, 35, 37, 50, 51, 61, 66, 69, 72, 73, 76, 79, 91, 108, 124, 130, 163, 177, 214, 222, 232, 256, 262, 271, 287, 313, 368, 404, 440, 501, 502, 550, 551, 573, 574, 578, 579, 593, 596, 600
- Мельгунов С.П. 81, 95, 98, 140, 197
- Местр Ж. де (Maistre J. de) 62
- Мехлис Л.З. 325, 350–351, 415
- Микоян А.И. 350, 443, 467, 469

- Милль Дж.Ст. 147
Милуков П.Н. (Miliukov P.) 43, 66, 81, 95, 97, 98, 108, 114, 115, 130, 142, 151, 254, 271
Милютин В.П. 84, 105, 139, 174, 238
Минц И.И. 68
Мироненко С.В. 128
Миронов Б.Н. 10
Митин М.Б. 318, 324, 442
Митькин Н.А. 503, 515, 522
Митюков М.А. 298, 460
Михаил Александрович, вел. кн. 80, 96
Михельс Р. 242, 261, 365
Мицкевич С. 101
Мокичев К.А. 458
Молок А.И. 170
Молотов В.М. (наст. фам.: Скрябин) 200, 318, 324, 350–352, 357, 361, 362, 395
Монтефиоре С. 398
Морозов Б.М. 230
Морщакова Т.Г. 596
Москатов П. 362
Мусабеков Г. 350, 352, 353, 355
Муссенак Л. 418
Муссолини Б. 118
Мэдисон Дж. 132
Мэтлок Д. 578
Мюрисепп А.А. 488, 489
- Н**
Набоков В.Д. 80, 81, 95, 146, 156
Наполеон I Бонапарт 46, 59, 147, 395
Невский В.И. 241
Некрасов Н.В. 55, 130
Некрич А. 502
Нестеров Г. 173
Никаноров С. 391–392
Никитский А. 173
Николаева Н.А. 488, 490, 519, 521, 529
Николаева-Терешкова В.В. 542
Николай II 51, 78, 82
Николай Николаевич, вел. кн. 78
Ниязбеков С.Б. 542
Новгородцев П.И. 108
Новодворская В.И. 562
Ногин В.П. 105
Нольде Б.Э. 145, 146
Норт Д. 29, 583
Ноуланс Ж. 127, 158
Нуриев З.Н. 470, 542
Нуссбергер А. 596
- О**
Олар А. 15, 57, 73, 201
Оленев Н. 355
Ольминский М.С. 309
Оников Л.А. 567
Ону А.М. 66
Орджоникидзе С. 320
Орландо В. 82
Орлов А. 397
Орлов И.Б. 406
Осинский Н. (В.В. Оболенский) 174, 237, 245, 250
Острогорский М.Я. 242
- П**
Павлов С.П. 450, 486, 489
Павлова И.В. 364
Паин Э.А. 578
Пайпс Р. 67
Панкратова А. 326
Патуйе Ж. 91, 142
Пашуканис Е.Б. 202, 203, 266, 300, 317, 318, 320, 322, 324, 333, 334, 346, 352–355, 419
Пейн Т. 59
Пельше А.Я. 542
Пертцик В.А. 513
Перун Н.С. 503, 515–517, 522
Петражицкий Л.И. 49, 203

- Петров Н.В. 364
Петровский Г.И. 350, 352, 353, 355
Петрушевский Д.М. 419
Петэн А.Ф. 319, 399
Пешехонов А.В. 156
Пиаже Ж. 241
Пигалев П.Ф. 464, 503, 515, 522
Пилсудский Ю.К. 118
Пионтковский С.А. 111
Писарев И.Ю. 192
Пискотин М.И. 513
Платон 365, 405
Платонов С.Ф. 232
Плескановский Е.Ф. 528
Плискевич Н.М. 10
Плетнев Б.Д. 268
Плеханов Г.В. 105, 237
Плискевич Н. 10
Подбельский В.Н. 249
Подгорный Н.В. 444, 461, 508, 542
Покровский М.Н. 65, 98, 184, 205–207, 309, 310, 325
Покровский С.А. 446
Полтавский И. 112
Поляков И.Е. 542
Полянский Д.С. 489
Пономарев Б.Н. 394, 395, 444, 455, 513, 538, 542, 543, 545
Понтович Э.Э. 267, 268, 287, 288, 294
Попов Г.Х. 567
Преображенский Е.А. 310
Прилежаев И.А. 237
Примо де Ривера-и-Орбанеха М. 118
Прокопенко Н.Р. 519
Прокопович С.Н. 237
Протасов Л.Г. 128
Прудон П.Ж. 169
Путин В.В. 560
Пухова З.П. 542
Пыжиков А.В. 442
Пятаков Г.Л. 363
Р
Рабинович А. 243
Радек К.Б. 325, 351, 352, 355, 363, 394, 396, 398, 415
Разумович Н.Н. 508
Разумовский И.П. 202, 204, 205, 300, 346
Раковский Х.Г. (наст. Фам.: Станчев, псевдоним: Инсаров) 265, 275, 281, 306, 365
Ракушин В.А. 452, 490, 491, 495
Рамбо А. 83
Раскольников Ф.Ф. 112, 365
Распугин Г.Е. (наст. фам.: Новых) 52, 55
Рассел Б. 178
Расулов Д. 450, 488, 489, 542
Рагенау В. 284
Рахимбаев А.Р. 350
Рашидов Ш.Р. 542, 543
Рашин А.Г. 192
Ревуненков В.Г. 60
Рейснер М.А. 84, 134, 177, 180–182, 185, 187, 188, 190–192, 196, 203, 206, 207, 219, 220, 284, 346
Рейхель М.О. 268, 297
Ренгартен Н.Н. 179, 180, 187, 219, 220
Рибер А. 555
Рид Дж. 115, 116
Робеспьер М. 114, 199
Родзянко М.В. 79, 91–93, 95, 96, 109, 130
Родичев Ф.И. 55
Рожков Н.А. 65, 84, 115, 139, 237
Розенгольд А. 417
Романов Г.В. 542
Ромашкин П.С. 446, 491, 495
Ронин С.Л. 316, 432

- Россиянов К.О. 326
Ростовский И. 204
Ру Ж. 240, 582
Рубен В.П. 542
Рубинштейн Н.Л. 128
Руденко Р.А. 542
Рудзук Я.Э. 306
Рузвельт Ф. 405
Румянцева М.Ф. 10
Руссо Ж.-Ж. 371, 398
Руткевич М.Н. 526
Рыков А.И. 105, 288
Рютин М.Н. 365
Рябов Я.П. 542
- С**
Сабенникова И.В. 11
Савин М.А. 473
Савинков Б.В. (В. Ропшин) 114, 116, 304
Садуть Ж. 116, 127
Салищева Н.Г. 491, 495, 504, 519, 521, 528
Самощенко И.С. 484, 508, 543
Сансон Г. 202
Сапронов Т.В. 246, 285
Сафаров Г.И. 388
Сахаров А.Д. 515, 555, 558, 560, 561
Свердлов Я.М. 177, 186, 187, 205, 206, 208, 221, 227–229, 261
Святицкий Н. 162
Севриков К. 454
Секиринский Д.С. 584
Семичастный В.Е. 466
Серафим Александров, митрополит Казанский 378
Сергунин П.И. 518
Сережников В. 144
Сизов И.Ф. 542
Сийес Э.-Ж., аббат 82, 147
Синозорский М.А. 391
Склянский Э.М. 206
Скрышник Н.А. 275, 281, 288, 301, 302
Смидович П.Г. 269, 278, 279
Смирнов А.И. 490
Смирнов А.Н. 543
Смирнов А.П. 186, 206
Смирнов В.А. 489
Смирнов Г.Л. 543
Смирнов Л.Н. 542, 545
Снечук А.Ю. 488, 489
Собакин В.К. 543
Собуль А. 60
Собчак А.А. 556, 582
Согрин В.В. 560
Соколов Б. 157
Солженицын А.И. 64, 69
Соломенцев М.С. 513, 542, 543
Соломон П. 342
Сольц А.А. 198
Сорель Ж. 57
Сорокин П.А. (Sorokin P.A.) 66, 125, 143, 151, 193, 211, 271
Сперанский Н. 242
Сталин И.В. (Stalin I.) 117, 118, 181–187, 206, 207, 226, 244, 262, 265, 266, 269, 275, 276, 288, 316, 318, 319, 321, 324, 327–332, 335–337, 339–341, 344, 345, 350–352, 356–359, 361, 363–366, 369–371, 373, 382, 384, 388, 389, 394, 395, 397–400, 413, 415, 421, 422, 431–433, 442, 482, 531, 544, 608, 610, 625
Сталь Ж. де 147
Стальгевич А.К. 346
Станкевич В.Б. 114
Станкевич З.А. 585
Старовойтов Н.Г. 515–517
Стасова Е.Д. 350, 355
Стеклов Ю.М. 176, 177, 183, 189, 206, 207, 226, 227, 229
Степанов А.Г. 454, 490

- Стецкий А.И. 318, 321, 322, 324, 325, 352, 357, 398
Столбов Б.А. 513
Столыпин П.А. 79
Струве П.Б. 77, 114
Студеникин С. 317
Стучка П.И. (П.Я.) 198, 202, 203, 299, 419
Сукарно 258
Сулимов Д.Е. 333, 350, 352, 353, 355
Сулькевич С.И. 271
Сунг Р. 262
Суслов М.А. 443, 447, 542
Суханов Н.Н. 97, 115
- Т**
Табеев Ф.А. 542
Таганцев Н.С. 96, 200
Талеров П.И. 169
Таль Б.М. 321, 324, 357
Таубе О. 255
Теребилов В.И. 542, 543
Терещенко М.И. 130
Терне А. 61
Тивель А. 358
Тимашев Н.С. (Timashev N.S.) 18, 99, 178, 237, 271, 283
Титов В.Н. 488, 489, 542
Тихонов В.А. 572
Тойнби А. (Toynbee A.) 67
Ток С.К. 470
Токвиль А. (Tocqueville A. de) 15, 36, 37, 46, 57, 59, 62, 73, 147, 361, 587
Толкунов Л.Н. 542
Толстой Д.И. 115
Толстой Л.Н. 371
Том А. 127
Тоцкий Н.М. 205, 300
Трайнин А.Н. 205, 300
Трайнин И.П. 316
Троцкий Л.Д. (наст. фам.: Бронштейн) 61, 65, 88, 98, 100, 102, 105, 109–111, 113, 114, 118, 156, 159, 161, 178, 210, 240, 244, 254, 275, 310, 363, 365, 395, 397, 398, 405, 410
Трубецкой С.Е. 200, 201
Трусов А.И. 343
Трутовский В. 174, 237
Туманов П.В. 336, 388, 452, 478, 479, 481, 484, 487, 490
Турубинер А. 283, 284, 295, 303
Тухачевский М.Н. 61, 395
Тыркова А.В. 55
Тьер А. 57, 85
Тяжельников Е.М. 542
- У**
Уншлихт И.С. 332, 335, 350, 356, 388, 390
Устинов В.М. 138
Устинов Д.Ф. 542, 543
Устрялов Н.В. 61, 118, 240, 254, 405, 410
Усубалиев Т.У. 542
Уэллс Г.Д. 398
- Ф**
Фалькевич И. 332
Фарберов Н.П. 446, 491
Фарукшин М.Х. 508
Федин К.А. 542
Федоров К.Г. 246
Федосеев П.Н. 542, 543, 545
Фейхтвангер Л. 365, 397, 421, 422
Фельдман М.А. 215
Фельштинский Ю.Г. 398
Филатов И.А. 352, 355
Филюнин И.И. 175
Финкель М.А. 393
Фишер Л. 411, 413
Фрай Н. 319
Франклин Б. 59
Франко Баамонде 319, 395, 399, 557
Фрейд З. 405
Фридлянд Ц. 201, 284

- Фромм Э. 193
Фрунзе М.В. 265, 275
Фюре Ф. (Furet F.) 15, 37, 58, 59, 73, 125
- Х**
Хантингтон С. 71
Хлевнюк О.В. 364, 454
Хмельницкая Е. 322
Ходжаев Ф. 350, 353, 354
Холов М. 542
Хомейни Рухолла Мусави 106
Хоскинг Дж. 15, 162, 316
Хрущев Н.С. (Khrushchev N.) 441–445, 454, 456, 462, 466, 479, 491, 495–497, 527, 608
- Ц**
Цветков В.Ж. 190
Цюрупа А.Д. 288
- Ч**
Чаликова В.А. 501
Чаянов А.В. 374
Челяпов Н. 317, 323, 337–339, 360, 362
Червяков А.Г. 350, 352, 353, 355
Черненко К.У. 454, 461, 463, 490, 491, 493, 495, 542, 543, 630
Черниченко Ю.Д. 571
Чернобаев А.А. 10
Чернов В.М. 161
Чернышевский Н.Г. 257
Черняев А. 558
Черский Е. 60
Чиркин В.Е. 258
Чистяков О.И. 230, 267
Чичерин Б.Н. 79
Чубарь В.Я. 350, 351
Чугаев Д. 230
- Ш**
Шаблинский И.Г. 599
Шабловский В.К. 384
Шайо А. 88
Шариф Л. 371
- Шарп Дж. 119
Шаскольский П.Б. 148
Шатобриан Ф.Р. де 59, 62
Шахназаров Г.Х. 522–544, 558
Шаховский Д.И. 55
Шверник Н.М. 320, 323, 443, 459
Шебанов А.Ф. 491
Шеболдаев Б. 240
Шеварднадзе Э.А. 542
Шейнис В.Л. 28, 594
Шелепин А.Н. 466, 508
Шелли Дж.Ф. 66
Шелохаев В.В. 10
Шеремет К.Ф. 513
Шершеневич Г.Ф. 419
Шибасев А.И. 542
Шингарёв А.И. 55, 130
Шитиков А.П. 542
Шлихтер А.Г. 203
Шляпников А.Г. 99, 110, 251, 253
Шмитт К. (Schmitt C.) 59, 60, 284
Шолохов М.А. 542
Шпенглер О. 242
Шрейдер А.А. 177, 185, 186, 188, 193, 206, 207, 222, 223, 226, 227
Штейнберг И.З. 101
Шубин А.В. 560
Шульман М.Я. 254
- Щ**
Щербицкий В.В. 542, 543
- Э**
Эбер Ж. 582
Энгельс Ф. 169, 177, 202, 371, 397, 500
Эннкер Б. 312
Эсмен А. 419
- Ю**
Юдин П.Ф. 322, 324, 327
Юдин Ю.А. 258, 353, 354
Юрганов А.Л. 326
- Я**
Яковлев А.Н. 515–517, 527, 557

Яковлев Я.А. 101, 321, 324, 326,
335, 344, 357–359, 362, 371, 388, 419
Якубовская С.И. 267
Янсен М. 364
Ярослав Мудрый 393
Ярославский Е.М. 309, 394
Ясин Е.Г. 600
Яснов М.А. 542

А

Abramovitsch R.R. 116
Afary J. 100
Ahmann R. 71
Amjad M. 106
Ariomand S.A. 106

В

Badcock C. 232
Barron Th. 412
Bauer O. 237
Bauermeister M. 412
Beloff M. 12
Berg van den G.P. 319
Beyrau D. 455
Bianko L. 23
Blackey R. 16
Borcke A. von 553
Bottomore T. 47
Bourmaud D. 83
Bourvil A. 174
Boym S. 525
Bracher K.D. 318
Brahm H. 553
Browder R.P. 80, 88
Brown D. 67
Bunyan J. 173
Burbank J. 231
Burnett E. 132
Butler A. 167
Butler W. 17

С

Carlton E. 109, 118
Chamberlin W. 238
Charasch A. 309

Chevallier J.J. 23
Collins P. 554
Conquest R. 316, 524
Connor W.D. 525
Crouch M. 560

Д

Daniels R.V. 314, 406, 553
Davidson Ph. 59
Davies J.C. 117
Denicke G. 412
Deutscher I. 238, 448

Е

Eggeling W. 454
Ethier D. 70

Ф

Fainsod M. 314
Fairbank J.K. 23
Farber S. 167, 215
Faundez J. 168
Feiler A. 117
Ferro M. 157, 216
Fic V.M. 190
Fisher H. 173, 524 (G.)?
Fitzpatrick Sh. 18
Freytagh-Loringhoven A. 116, 173
Fuller W.C. 52

Г

Gaddy C.G. 62
Gerard A. 59
Gill G. 553
Goldman M.I. 23, 569
Goldschmitt F. 238
Goldston R. 117
Grimm Th. 168

Н

Hahn G.M. 560
Haimson L. 47, 50
Halfin G. 51
Handenström A. 116
Hanisch E. 117
Harrington M. 524
Hochschild A. 531

Hoffmann W. 448
Höhhmann H.H. 569
Hollander P. 524
Holquist P. 215
Hough J.F. 560

J

Jenny E. 116
Jozsa G. 553

K

Kappeler A. 264
Keep J.H. 241
Kelly A.M. 51
Kenez P. 60
Kennedy M.L. 46, 201
Khosrokhavar F. 24
Kimmel M.S. 24, 58
Knight A. 23
Kochan L. 117
Kolakowski L. 47
Kramaz K. 173
Krauze E. 23
Krejci J. 58

L

Lane D. 524
Langhans M. 173
Le Blanc P. 309
Lesure M. 127
Liebich A. 412
Lindeman A.S. 238
Linz J. 70
Lith L.T. 47
Lohr E. 51
Lorenz H. 448
Löwe H. 173
Lowenthal R. 259
Luboff E. 173
Luttwak E. 109
Luukkanen A. 378
Lynch A.C. 314, 568

M

Madison B. 448
Malia M. 406

Mannheim K. 50
Mathews M. 524
Mauntner W. 173
Mavrias K.G. 107
Maximoff G.P. 200
McAuley M. 167, 448
McFaul M. 560
McNeill T. 167
Mehnert K. 412
Meny Y. 140
Meyer A. 525
Mirkin-Guetzevitch B. 99
Moon D. 51
Moore B. 16, 117, 125
Morabito M. 83
Morrissey S. 51
Moth G. 412
Murarka D. 553

N

Nettlau M. 169
Nötzel K. 116
Noulans J. 91

O

Oakeshott M. 314
Oberländer E. 71
Oliveira Martines G. 107
Osterwald K. 412
Ozouf M. 59

P

Parkin F. 525
Perez J. 319
Pethybridge R. 238
Pirani S. 215, 239
Price M.Ph. 52
Prokopovich S.N. 174

R

Reine G.E. 173
Richardson W. 412
Rosenberg A. 116, 412
Rosenfeldt N.E. 340
Ross E.A. 173
Rubinstein J. 455

S

- Sakwa R. 560
Sartori G. 314
Scopol T. 16, 125
Seibert Th. 412
Service R. 241
Seton-Watson H. 263
Shukman H. 117
Smith K.E. 531
Smith S.A. 12, 99
Spargo Y. 173
Stadtler E. 116
Stepan A. 70
Swain G. 62, 168

T

- Thomas P. 167
Timmermann H. 553
Townshend J. 167

U

- Uhlig Ch. 412
Unger A.L. 553

V

- Vorst H. 173

W

- Wade R.A. 117
Waerland A. 173
Waldron P. 51
Walicki A. 168
Walkin J. 117
Walsh W.B. 117
Wheare K. 269
Wiefenfeld K. 309
Wirth A. 173

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

А.Н. Медушевский – известный российский политолог, правовед и историк, ординарный профессор НИУ – Высшей школы экономики, академик РАЕН, ведущий эксперт Института права и публичной политики, создатель, руководитель и активный деятель ряда фундаментальных научных центров, академических журналов, издательских и экспертных проектов в области права, общественной мысли, политических процессов в России, странах Восточной Европы и на постсоветском пространстве. Является автором 15 монографий и около 500 научных трудов по теории права, истории европейской и русской общественной мысли, политического процесса и практике современных конституционных преобразований, опубликованных в разных странах.

Среди них наибольшую известность приобрели книги «Утверждение абсолютизма в России» (М., 1994); «История русской социологии» (М., 1993); «Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе» (М., 1998); «Теория конституционных циклов» (М., 2005); «Проекты аграрных реформ в России» (М., 2005); «Социология права» (М., 2006); «Russian Constitutionalism: Historical and Contemporary Development (London; New York, 2006); «Диалог со временем: российские конституционалисты конца XIX – начала XX в. (М., 2010); «Ключевые проблемы российской модернизации» (М., 2014); «Российская правовая традиция – опора или преграда?» (М., 2014); «Политические сочинения» (М.; СПб., 2015).

Содержание

Введение	
Феноменология революции: проблемы, методы, источники исследования	7
Глава I	
Старый порядок и революция в России	35
Глава II	
Причины крушения демократической республики в 1917 году.....	76
Глава III	
Учредительное собрание как политический институт революционного периода.....	124
Глава IV	
Миф коммуны и становление Советского государства: Конституция РСФСР 1918 г.	167
Глава V	
Утверждение коммунистического режима: от «советской демократии» к однопартийной диктатуре.....	214
Глава VI	
Создание СССР: Конституция 1924 г.	262
Глава VII	
Основной закон тоталитаризма: Конституция СССР 1936 года как инструмент социального конструирования.....	313
Глава VIII	
Номинальное право и социальная мобилизация: «всенародное обсуждение» сталинской конституции в СССР	368
Глава IX	
Создание советского мифа: принятие сталинской конституции как акция политического пиара	403
Глава X	
Коммунизм как социальная утопия и юридическая фикция: проект конституции периода «оттепели» (1961–1964 гг.).....	440
Глава XI	
Конституция «развитого социализма» 1977 г.: Общество и государство в юридическом конструировании реальности	501

Глава XII

Завершение революционного проекта: крушение СССР
и формирование постсоветской политической системы 550

Понять русскую революцию

Вместо заключения 602

Указатель имен. Составитель И.И. Ремезова..... 639

Сведения об авторе 653

Медушевский А.Н.
Политическая история русской революции:
нормы, институты, формы социальной мобилизации
в XX веке.

Серийное оформление: П.П. Ефремов
Макет и дизайн обложки Л.В. Лобанова
Корректор М.П. Крыжановская

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра Соснов П.В.

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».
«Университетская книга-СПб» предлагает книготорговым организациям,
библиотекам и простым читателям широкий ассортимент книг по всему
спектру гуманитарных наук – философии, филологии, лингвистики,
истории, социологии и политологии. Продукцию ведущих гуманитарных
научных издательств Санкт-Петербурга и России вы можете
приобрести у нас по издательским ценам.

Контакты:
в Санкт-Петербурге
Тел. (812) 640-08-71, e-mail: uknigal@westcall.net
в Москве ООО «Университетская книга-СПб»
Тел. (495) 915-32-84, e-mail: ukniga-m@libfl.ru

Рассылка по России:
Интернет-магазин Лабиринт.ру – <http://www.labyrinth.ru/>

Подписано к печати 12.12.2016. Формат 60x90 1/16. Заказ № ____.
Усл. печ. л. 41.
Тираж 2000 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в Публичном акционерном обществе «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.
Тел.: 8 (495) 221-89-80